Федеральное агентство научных организаций
Российская академия наук
Южный научный центр
Институт социально-экономических и гуманитарных исследований

ЗНАЧЕНИЕ СРАЖЕНИЙ 1941–1943 гг. НА ЮГЕ РОССИИ В ПОБЕДЕ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Материалы Всероссийской научной конференции
Ростов-на-Дону, 3–6 июня 2015 г.

Ростов-на-Дону
Издательство ЮНЦ РАН
2015

УДК 94(47)07/08(470.6)(063)
376

При финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 15-01-14025 «Организация и проведение Всероссийской научной конференции "Значение сражений 1941–1943 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне"»

Редакционная коллегия:
академик ***Г.Г. Матишов*** (отв. редактор),
д.и.н. ***Е.Ф. Кринко*** (зам. отв. редактора), ***В.И. Афанасенко***,
к.филол.н. ***Н.А. Власкина***, ***О.А. Гром***, к.г.н. ***Е.Э. Кириллова***

376 **Значение сражений 1941–1943 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне:** материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 3–6 июня 2015 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. – 548 с. – ISBN 978-5-4358-0108-8.

В материалах сборника рассматриваются важнейшие сражения на юге страны в 1941–1943 гг.: бои на Миус-фронте и в большой излучине Дона, битва за Кавказ, Сталинградская битва – и их значение в истории Великой Отечественной войны. Значительное место уделено новым подходам и источникам в изучении событий военного времени, проблемам фронтовой повседневности и массовому сознанию советского общества, оккупации, сопротивлению и коллаборационизму на захваченной территории, вкладу советского тыла в Победу, а также отражению данных вопросов в исторической памяти населения региона.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также всех заинтересованных читателей.

УДК 94(47)07/08(470.6)(063)

ISBN 978-5-4358-0108-8

© ЮНЦ РАН, 2015
© ИСЭГИ ЮНЦ РАН, 2015

Federal Agency for Scientific Organizations
Russian Academy of Sciences
Southern Scientific Center
Institute of Social-Economic Research and Humanities

THE SIGNIFICANCE OF BATTLES OF 1941–1943 IN THE SOUTH OF RUSSIA IN THE VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

Proceedings of the All-Russian Scientific Conference
Rostov-on-Don, 3–6 June 2015

Rostov-on-Don
SSC RAS Publishers
2015

UDC 94(47)07/08(470.6)(063)
M39

The study was carried with the financial support from the Russian Foundation for Humanities (Project Nr. 15-01-14025 "Organization and conducting of the All-Russian Scientific Conference "The Significance of Battles of 1941–1943 in the South of Russia in the Victory in the Great Patriotic War")

Editorial Board:
Academician RAS ***G.G. Matishov*** (Managing Editor),
Dr (History) ***E.F. Krinko*** (Deputy Managing Editor), ***V.I. Afanasenko***,
PhD ***N.A. Vlaskina***, ***O.A. Grom***, PhD ***E.E. Kirillova***

M39 **Matishov, G.G. (Ed.) (2015). The Significance of Battles of 1941–1943 in the South of Russia in the Victory in the Great Patriotic War.** Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (Rostov-on-Don, 3–6 June 2015). – Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers. – 548 p. – ISBN 978-5-4358-0108-8 (in Russian).

The proceedings consider the most important battles which took place in the South of the country in 1941–1943, such as the struggles at the Mius-Front and in the great bend of the Don, the Battle of the Caucasus, the Battle of Stalingrad and their role in the history of the Great Patriotic War. Significant attention is paid to new sources and approaches to the study of the wartime events, the problems of everyday life at the front, the mass consciousness of the Soviet society, occupation, resistance and collaborationist movement on the occupied territory, contribution of the Soviet home front to the Victory, as well as to the reflection of these issues in the historical memory of the region's population.

The publication is intended for both researchers, university teachers, postgraduate and undergraduate students, and readers interested in the subject.

ISBN 978-5-4358-0108-8

© SSC RAS (2015)
© ISERH SSC RAS (2015)

Содержание

Академик Матишов Г.Г. Долгий путь к Победе: роль сражений 1941–1943 гг. на юге России в Великой Отечественной войне 15

Раздел 1. Новые подходы и источники в изучении сражений на юге России в 1941–1945 гг.

Кринко Е.Ф. Боевые действия на юге России в 1941–1943 гг.: историографический опыт и перспективы дальнейших исследований 22

Гришин В.В. Действия авиации Южного фронта, 4-й и 8-й воздушных армий на юге России в 1941–1943 гг. 28

Ткаченко С.Н. Проблема численности авиатехники советских ВВС армии и флота перед проведением Керченско-Феодосийской морской десантной операции (1941 г.) 36

Безугольный А.Ю. «Резервов фронт не имел…»: планирование и организация обороны советских войск на Нижнем Дону летом 1942 г. 42

Кудряков А.Ю. Битва за Ростов. Неизвестный немецкий источник 49

Медведев М.В. Боевые действия на донских переправах в июле 1942 г. 53

Трут В.П. Донские казачьи части в боях на юге страны в 1942 г. 57

Ибрагимов Мовсур М., Хатуев И.З. Вклад защитников города Грозного в оборону Кавказа (1942–1943 гг.) 64

Семенов В.С. Участие подразделений «Бранденбург-800» в боевых действиях на юге России в 1941–1943 гг. 70

Ачмиз К.Г. «Мы недооценили русских». Бои на майкопско-туапсинском направлении: взгляд «с другой стороны» 77

Черкасов А.А. Численность, вооружение и степень подготовленности сухопутных частей РККА и вермахта, принимавших участие в боевых действиях в горных районах лесного Кавказа 84

Очиров У.Б. Бои на «позиции Калькутта»: три штурма Хулхуты осенью 1942 г. 89

Щербанов В.К. Неизвестный плацдарм на Дону 97

Ушаков В.Б. Операция «Зимняя гроза»: роль 4-го механизированного корпуса в отражении деблокирующего удара вермахта на сталинградском направлении 13–23 декабря 1942 г. 104

Киселев И.В. Незавершенное освобождение: наступательные операции советских войск на Кубани в январе – феврале 1943 г. 110

Заблотский А.Н., Ларинцев Р.И. Минная война на Азовском море. Год 1943-й ... 115

Афанасенко В.И. О соотношении потерь в стратегических операциях на юге России в 1942–1943 гг.: поиски и источники объективных данных 121

Санин Д.Н. Егорлыкские казаки в составе 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса в 1941–1945 гг. 127

Дьякова Е.В. Они воевали за Харьковщину: уроженцы Дона – Герои Советского Союза 132
Санеев С.А. Участие судов с названием «Новороссийск» в Великой Отечественной войне 135

Раздел 2. Повседневность и массовое сознание в условиях военного времени

Сенявская Е.С. «Жили здесь культурно и богато…»: настроения и фронтовая повседневность советских воинов на территории Германии в 1945 г. 142
Редькина О.Ю., Мордвинов С.В. Проблема религиозности военнослужащих – участников Сталинградской битвы: реальность и мифы 147
Панарин А.А. Духовные ценности российской цивилизации как фактор победы советских войск под Сталинградом 154
Гаевская И.И. Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны как источник о повседневной жизни солдат в экстремальных условиях военного времени (на примере практик питания солдат Красной армии) 160
Потемкина М.Н. Беженцы Великой Отечественной войны: повседневные практики выживания 164
Макарова Н.Н. «Мир чувств» в годы Великой Отечественной войны (по материалам Магнитогорска) 171
Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. «Мандалада» 1943 г.: к вопросу об антисоветских движениях в национальных регионах СССР в годы Великой Отечественной войны 178
Терушкин Л.А. Судьбы эвакуированных советских евреев. Южные регионы России. 1941–1943 гг. 185
Архипова Е.В. Сталинградцы в Белой Калитве: практики выживания детей 192
Агеева В.А. «После школы регулярно бегала в госпиталь»: посещение раненых военнослужащих учащейся молодежью в годы Великой Отечественной войны 199
Белоусов С.С. Влияние Великой Отечественной войны на поселенческую сеть Калмыкии 203
Столбовская О.И. После освобождения осталось пепелище… 208
Панарина Е.В. Решение проблем детской беспризорности и безнадзорности на Дону и Северном Кавказе в 1943–1945 гг. 214
Бубличенко В.Н. Детские приемники-распределители НКВД СССР при ликвидации беспризорности и безнадзорности в годы Великой Отечественной войны 220
Булыгина Т.А., Долгов А.В. Нотариальная служба Ставрополья в годы Великой Отечественной войны 224
Шадрина А.В. Священнослужители Ростовской области в годы Великой Отечественной войны 231

Власкина Т.Ю. «Изображать События горячим языком… дается немногим»: лейтенант Ревин – свидетель трагедии 2-й ударной армии 237
Сидоров С.Г. Снабжение военнопленных в СССР в 1941–1943 гг. 244

Раздел 3. Вклад советского тыла и союзников по антигитлеровской коалиции в достижение общей Победы

Петрова Н.К. Совинформбюро и антифашистские комитеты в СССР: пропагандистское обеспечение Победы в 1941–1945 гг. 251
Гапуров Ш.А., Магомаев В.Х. Вклад грозненских нефтяников в победу в Великой Отечественной войне 258
Максимов К.Н. Эвакуация скота Калмыкии летом 1942 г.: причины ее провала 264
Голубев А.В. Ленд-лиз в пропаганде и массовом сознании советского общества 271
Шпагин С.А. «Невоюющая» сфера Второй мировой войны: ленд-лиз как становление логистики 278
Невежин В.А. Дипломатические приемы в Кремле 1941–1945 гг. и вербальная коммуникация союзников 283
Орлов И.Б. Пропаганда на освобожденных территориях РСФСР: проблемы и пути их решения 289
Есип И.М. Вклад советского тыла в Победу и советская модель гендерного равенства: трансформационные процессы и жизненные реалии 297
Лохова Т.В. «Все для фронта! Все для Победы!»: всенародная помощь сельского населения Краснодарского края и Адыгейской автономной области 304
Скворцова И.В. Организация работы комбината «Абрау-Дюрсо» в 1941–1943 гг. 310
Братченко Т.М. Освобождение Красной армией Северного Кавказа и восстановление его экономики (общее и специфика) 314
Линец С.И. Возрождение промышленности Кабардино-Балкарии и Ставрополья в 1943–1945 гг. 321
Власкина Н.А. «Шире использовать местные продовольственные ресурсы»: о сборе дикорастущих трав и грибов в военное время (по материалам донской периодики 1942–1944 гг.) 327
Бадмаева Е.Н. Деятельность органов НКВД Калмыцкой АССР в годы Великой Отечественной войны 332
Ибрагимов Муса М. Ликвидация Чечено-Ингушской АССР и освоение ее территории новыми поселенцами в период Великой Отечественной войны 338
Клычников Ю.Ю. Анализ событий в селении Хайбах в феврале 1944 г. 344
Ермачков И.А. Сочинская госпитальная база в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: основные этапы деятельности 351
Судавцов Н.Д. Вклад медицинских работников Кавказских Минеральных Вод в победу над германским фашизмом 357

Рудик Ю.В. Деятельность ростовских специальных школ в годы Великой Отечественной войны 363

Раздел 4. Оккупация и сопротивление захватчикам на юге России

Табунщикова Л.В. Церковная жизнь на территории Ростовской области в период немецкой оккупации в годы Великой Отечественной войны... 369

Татаринов И.Е. Отражение Львовского погрома (1941 г.) в западной историографии 375

Титаренко Д.Н. Коллаборация и коллаборанты в Донбассе в период нацистской оккупации: по материалам устноисторических источников 381

Ракша В.Н. Гибель евреев Ростова-на-Дону 388

Курбат Т.Г. Экономическая, финансовая и налоговая политика оккупантов в Таганроге 395

Скорик А.П. Карательный сегмент фашистского оккупационного режима на территории Милютинского и Селивановского районов Ростовской области в 1942 г. 401

Броварь А.В. Развитие форм и методов диверсионной работы партизанских отрядов и формирований Донбасса в годы Великой Отечественной войны (ноябрь 1941 – август 1943 гг.) 408

Васильев И.Ю. Украинский национализм на Кубани в период гитлеровской оккупации: реальность и вымысел 413

Койчуев А.Д. Спасение карачаевцами евреев в годы Великой Отечественной войны 417

Януш С.В. О вопросах сопротивления немецко-фашистской оккупации на Северном Кавказе 422

Тюменцев И.О. История Нефтегорского соединения партизанских отрядов Кубани в повести Ф.С. Готьвана и воспоминаниях партизан 428

Самарина Е.М. Мой долг перед семьей Третьякевичей 433

Дружинина А.В., Изварина Л.И., Свистунова Е.А., Стасюк А.П. Жизнь и судьба Надежды Стасюк – участницы «Молодой гвардии» 436

Чумаченко Г.С. Василий Афонов. Долгий путь к признанию 439

Степаньян О.В. Участие армян Дона в партизанской борьбе в Ростове-на-Дону в 1942–1943 гг. (на примере семьи Степаньян) 446

Моисеев Е.В. Судьба участника антифашистского сопротивления и несовершеннолетнего узника фашизма 448

Мерзляков М.П. Право личной собственности в период Великой Отечественной войны и защита домашнего хозяйства от произвола фашистских оккупантов 455

Раздел 5. События Великой Отечественной войны в исторической памяти населения юга России и сопредельных стран

Тетуев А.И. Память о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и объективное отображение ее истории 460

Сенявский А.С. Великая Отечественная война и освободительная миссия Красной армии в исторической памяти: теоретико-методологические проблемы 466
Хлынина Т.П. Современный метанарратив о войне: участники, источники, границы 473
Омельянюк И.О. Проблемы установления сведений о советских военнослужащих, захороненных в братских могилах и находившихся в плену в годы Великой Отечественной войны 480
Мартынова С.В. Образ врага в контексте народных знаний казаков-некрасовцев (на материале фольклора периода Великой Отечественной войны) 483
Панфилова Ю.С. Милютинская средняя школа в годы Великой Отечественной войны: исторические события и их воспроизводство в коллективной памяти современного поколения 488
Левендорская Л.В. История Великой Отечественной войны через историю одной семьи (по документам личного происхождения И.В. Шамарова в Центре документации новейшей истории Ростовской области) 490
Гуров М.И., Степанова Т.С. Однажды небо стало алым… (Великая Отечественная война в воспоминаниях семьи Y) 495
Сивков С.М. Авиация Второй мировой глазами «детей войны» 499
Третьякова А.Ю. Война глазами врача. О жанровой специфике «ППГ-2266, или Записки полевого хирурга» Н.М. Амосова 503
Судоргин Н.Г., Кедрова И.В. Сражения за Ростов периода Великой Отечественной войны в кино- и фотодокументах 506
Белецкая Е.М. Издано в Грозном: память о Великой Отечественной войне в региональной литературе 512
Кондрашихин А.Б. Потенциал исторической науки города в изучении источников Победы в Великой Отечественной войне: пример Севастополя 519
Иванова С.Ю. Юбилей Великой Победы: идеологический потенциал и воспитательное значение 522
Семенова О.В. Школьные музеи и их роль в сохранении исторической памяти о Великой Отечественной войне 525
Новиков И.А. Поисковая и военно-мемориальная деятельность студенческого поискового военно-исторического отряда «Медальон» исторического факультета Челябинского государственного педагогического университета 530
Вершинин Г.Ф. Сбережение памяти (опыт работы совета ветеранов Таганрогского НИИ связи) 536
Чуцков В.И. Сохранение памяти о ратном подвиге народа в годы Великой Отечественной войны и методика работы по военно-патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации 539
Сведения об авторах 543

Table of Contents

Matishov, G.G. A Long Way to the Victory: the Role of Battles of 1941–1943 in the South of Russia in the Great Patriotic War 15

Section 1. New Approaches and Sources in Studies of the Fighting in the South of Russia in 1941–1945

Krinko, E.F. The Combat Operations in the South of Russia in 1941–1943: Historiographic Practices and Subsequent Research Prospects..... 22

Grishin, V.V. The Activities of the Southern Front Air Forces, The 4th and The 8th Air Armies in the South of Russia in 1941–1943..... 28

Tkachenko, S.N. The Issue of Aircraft Strength of the Soviet Air Forces and Navy before the Realization of the Kerch-Feodosiya Marine Landing Operation (1941) 36

Bezugol'ny, A.Yu. "The Front Had Not Reserves…": Planning and Organization of the Soviet Forces' Defence in the Lower Don Region in the Summer of 1942..... 42

Kudryakov, A.Yu. The Battle of Rostov. An Unknown German Source 49

Medvedev, M.V. The Combat Operations at the Don Crossing Places in July 1942..... 53

Trut, V.P. The Don Cossacks' Units in the Fights in the South of the Country in 1942.... 57

Ibragimov, Movsur M., Khatuev, I.Z. The Contribution of the Defenders of Grozny into the Defence of the Caucasus (1942–1943) 64

Semenov, V.S. Participation of The Brandenburg-800 Units in the Combat Operations in the South of Russia in 1941–1943 70

Achmiz, K.G. "We Underestimated the Russians". The Fights in Maikop – Tuapse Direction: The View from "the Other Side" 77

Cherkasov, A.A. The Total Strength, Armament, and the State of Preparedness of the Red Army and Wehrmacht Land Forces Taking Part in the Combat Operations in the Mountain Areas of the Forest Caucasus 84

Ochirov, U.B. Fights at the Position of Calcutta: Three Assaults on Khulkhuta in the Autumn of 1942..... 89

Shcherbanov, V.K. The Unknown Bridgehead in the Don..... 97

Ushakov, V.B. Operation The Winter Thunderstorm: the Role of The 4th Mechanized Corps in the Repulsing of the Wehrmacht Unblocking Attack in Stalingrad Direction. The 13th–23rd of December of 1942..... 104

Kiselev, I.V. Unfinished Liberation: Offensive Operations of the Soviet Forces in the Kuban Region in January – February 1943 110

Zablotsky, A.N., Larintsev, R.I. Mine Warfare on the Sea of Azov. The Year of 1943 115

Afanasenko, V.I. On the Issue of Correlation of the Losses in the Strategic Operations in the South of Russia in 1942–1943 (Searches for and Sources of Impartial Data) 121

Sanin, D.N. The Yegorlyk Cossacks in The 5th Guards Don Cossacks Cavalry Corps, 1941–1945 127

D'yakova, E.V. They Fought for Kharkovshchyna (Kharkov Region): The Natives of the Don – The Heroes of the Soviet Union 132
Saneev, S.A. The Involvement of Vessels named The Novorossiysk in the Great Patriotic War 135

Section 2. Every Day Life and Mass Consciousness during the Wartime

Senyavskaya, E.S. "They Were Living There in a Civilized Manner and Wealthy…": The Attitudes and Every Day Front Life of the Soviet Soldiers on the Territory of Germany in 1945 142
Red'kina, O.Yu., Mordvinov, S.V. The Issue of Religiosity of Servicemen Taking Part in the Battle of Stalingrad: Reality and Myths 147
Panarin, A.A. The Spiritual Values of the Russian Civilization as a Factor of the Soviet Forces' Victory at Stalingrad 154
Gayevkaya, I.I. The Memories of the Veterans of the Great Patriotic War as a Source of the Soldiers' Every Day Life under the Extreme Wartime Conditions (the Red Army Soldiers' Nutrition Practices Being Exemplified) 160
Potemkina, M.N. The Refugees of the Great Patriotic War: Every Day Practices of Survival 164
Makarova, N.N. "The World of Feelings" during the Great Patriotic War (by the Materials of and Data on Magnitogorsk) 171
Zherebtsov, I.L., Taskayev, M.V. The Mandalada of 1943: On the Issue of the Anti-Soviet Movements in the National Regions of the USSR during the Great Patriotic War 178
Teruskin, L.A. The Destiny of Evacuated Soviet Jews. The Southern Regions of Russia. 1941–1943 185
Arkhipova, E.V. Stalingrad Inhabitants in Belaya Kalitva: The Practices of Survival of Children 192
Ageeva, V.A. "I Regularly Hurried to Hospital after School Classes": the Practices of Free Time Spending by Pupils and Students during the Great Patriotic War 199
Belousov, S.S. The Influence of the Great Patriotic War on the Settlement Network in Kalmykia 203
Stolbovskaya, O.I A Site of Fire Remained after the Liberation… 208
Panarina, E.V. Solving the Problems of Child's Neglect and Homelessness in the Don Region and the Northern Caucasus in 1943–1945 214
Bublichenko, V.N. Children Placement Centers of the NKVD of the USSR during the Liquidation of Neglect and Homelessness in the Years of the Great Patriotic War 220
Bulygina, T.A., Dolgov, V.A. Notary's Service in Stavropol Region during the Great Patriotic War 224
Shadrina, A.V. The Clergy of Rostov Region during the Great Patriotic War 231
Vlaskina, T.Yu. "It Is Given to Few… to Depict the Events in the Ardent Language": Lieutenant Revin, a Witness of the Tragedy of The 2nd Strike Army 237
Sidorov, S.G. Provision of the Prisoners of War in the USSR in 1941–1943 244

Section 3. Contribution of the Soviet Home Front and the Allies to the Achievement of the Common Victory

Petrova, N.K. Sovinformburo and Anti-Fascist Committees in the USSR: the Propagandistic Support of the Victory in 1941–1945 251
Gapurov, Sh.A., Magomaev, V.Kh. The Contribution of Grozny Oil Industry Workers to the Victory in the Great Patriotic War 258
Maksimov, K.N. The Evacuation of Cattle from Kalmykia in the Summer of 1942: The Causes of Its Failure 264
Golubev, A.V. Lend-Lease in the Propaganda and Mass Consciousness of the Soviet Society 271
Shpagin, S.A. The "Non-Belligerent" Sphere of the Second World War: Lend-Lease as the Formation of Logistics 278
Nevezhin, V.A. Diplomatic Receptions in the Kremlin in 1941–1945 and the Verbal Communication of the Allies 283
Orlov, I.B. Propaganda on the Liberated Territories of RSFSR: The Problems and the Ways of Their Solution 289
Esip, I.M. The Contribution of the Soviet Home Front into the Victory and the Soviet Model of Gender Equality: Transformational Processes and Life Realities 297
Lokhova, T.V. "Everything for the Front! Everything for the Victory!": the Nationwide Assistance of the Rural Population of Krasnodar Krai and Adyghe Autonomous Region 304
Skvortsova, I.V. The Organization of Functioning of The Abrau-Dyurso Winery in 1941–1943 310
Bratchenko, T.M. The Liberation of the Northern Caucasus by the Red Army and the Reconstruction of Its Economy (the General and Specific Features) 314
Linets, S.I. The Industrial Reconstruction of Kabardino-Balkaria and Stavropol Region in 1943–1945 321
Vlaskina, N.A. "To Use the Local Food Resources Wider": On the Issue of Herbs and Mushrooms Collecting in the Wartime (based on the Materials of the Don Periodicals of 1942–1944) 327
Badmaeva, E.N. The Activities of the NKVD of Kalmyk ASSR during the Great Patriotic War 332
Ibragimov, Musa M. The Liquidation of Chechen-Ingush ASSR and the Development of its Territory by New Settlers during the Great Patriotic War 338
Klychnikov, Yu.Yu. An Analysis of the Events in the Village of Khaibakh in February 1944 344
Ermachkov, I.A. Sochi Hospital Base during the Great Patriotic War, 1941–1945: The Main Stages of Activity 351
Sudavtsov, N.D. The Contribution of the Medical Personnel of the Caucasian Mineral Waters in the Victory over the German Fascism 357
Rudik, Yu.V. The Functioning of Rostov Special Schools during the Great Patriotic War 363

Section 4. Occupation and Resistance in the South of Russia

Tabunshchikova, L.V. Church Life in Rostov Region under the German Occupation during the Great Patriotic War 369
Tatarinov, I.E. The Reflection of the Lvov Pogrom of 1941 in the Western Historiography 375
Titarenko, D.N. Collaboration and Collaborationists in the Donbas during the Nazi Occupation: Based on the Oral Sources 381
Raksha, V.N. The Extermination of Jews of Rostov-on-Don 388
Kurbat, T.G. Economical, Financial, and Taxation Policies of the Occupants in Taganrog 395
Skorik, A.P. Punitive Segment of the Fascist Occupation Regime in Milyutinsky and Selivanovsky Districts of Rostov Region in 1942 401
Brovar', A.V. The Development of Subversive Activity Forms and Methods of the Donbas Partisan Units during the Great Patriotic War (November 1941 – August 1943) 408
Vasilyev, I.Yu. The Ukrainian Nationalism in the Kuban Region during Hitlerite Occupation: The Facts and the Fiction 413
Koychuev, A.D. The Life-Saving of Jews by the Karachays during the Great Patriotic War 417
Yanush, S.V. On the Issues of Resistance during the German-Fascist Occupation of the Northern Caucasus 422
Tyumentsev, I.O. The History of Neftegorsk Formation of the Kuban Partisan Units in the Story of F.S. Got'van and Partisans' Memoirs 428
Samarina, E.M. My Obligation of Conscience and Debt of Gratitude to the Tretyakevich Family 433
Druzhinina, A.V., Izvarina, L.I., Svistunova, E.A., Stasyuk, A.P. On the Destiny of Nadezhda Ivanovna Stasyuk, The Krasnodon Young Guard Member during the Great Patriotic War 436
Chumachenko, G.S. Vasiliy Afonov: A Long Way to Recognition 439
Stepanyan, O.V. Participation of the Don Armenians in the Partisan Warfare in Rostov in 1942–1943 (the Stepanyans Being Exemplified) 446
Moiseev, E.V. The Destiny of an Antifascist Resistance Member and Under Age Prisoner of the Fascism 448
Merzlyakov, M.P. The Personal Property Right during the Great Patriotic War and the Protection of Housekeeping from the Nazi Occupants' Lawlessness 455

Section 5. The Events of the Great Patriotic War in the Historical Memory of the Population of the South of Russia and Neighboring Countries

Tetuev, A.I. The Memory about the Great Patriotic War (1941–1945) and Its Impartial Reflection in the History 460
Senyavsky, A.S. The Great Patriotic War and the Liberating Mission of the Red Army in the Historical Memory: Theoretical and Methodological Issues 466

Khlynina, T.P. Contemporary Meta-Narrative about the War: Participants, Sources, Bounds 473
Omel'yanyuk, I.O. The Problems of Identifications of the Soviet Servicemen –Buried in Common Graves and the Prisoners of War during the Great Patriotic War 480
Martynova, S.V. The Image of Enemy in the Context of the Nekrasov Cossacks Folk Knowledge (Based on Folklore Sources of the Great Patriotic War Period) 483
Panfilova, Yu.S. Milyutinskaya Secondary School during the Great Patriotic War: Historical Events and their Reproduction in the Collective Memory of the Present Generation 488
Levendorskaya, L.V. The History of the Great Patriotic War through the History of One Family (by Personal Documents of I.V. Shamarov Stored at the Centre of Contemporary History Documentation of Rostov Region) 490
Gurov, M.I., Stepanova, T.S. One Day the Sky Became Scarlet… (The Great Patriotic War in the Memories of the Y Family) 495
Sivkov, S.M. World War II Air Forces as Seen by the Children of War 499
Tretyakova, A.Yu. The War as Perceived by a Doctor. On the Issue of Genre Specifics of "PPG-2266 or the Notes of the Field Surgeon" by N.M. Amosov..... 503
Sudorgin, N.G., Kedrova, I.V. The Struggle for Rostov in the Period of the Great Patriotic War in Documentary Photographs and Films..... 506
Beletskaya, E.M. Published in Grozny: The Memory about the Great Patriotic War in the Regional Literature 512
Kondrashikhin, A.B. The Potential of the City Historical Science when Studying the Sources of the Victory in the Great Patriotic War: The Example of Stavropol 519
Ivanova, S.Yu. The Jubilee of the Great Victory: Ideological Potential and Educational Significance 522
Semenova, O.V. School Museums and Their Role in the Preservation of Historical Memory about the Great Patriotic War 525
Novikov, I.A. Reconnaissance and Military-Memorial Activity of the Student Reconnaissance War History Unit The Medallion at the Faculty of History of Chelyabinsk State Pedagogical University 530
Vershinin, G.F. Preserving the Memory (Experience and Practices of the Council of Veterans of Taganrog Scientific Research Institute for Communications) 536
Chutskov, V.I. Preservation of the Memory about the National Feat of Arms during the Great Patriotic War and the Methods of Practical Activity in the Sphere of Military and Patriotic Education of the Citizens of the Russian Federation..... 539

Information about the Authors 543

Академик Г.Г. Матишов

Долгий путь к Победе: роль сражений 1941–1943 гг. на юге России в Великой Отечественной войне[1]

Семьдесят лет отделяют нас от победного мая 1945 г. – времени завершения Великой Отечественной войны. Война занимает особое место в судьбе нашей страны и миллионов ее граждан, но ее изучение нередко зависело от политической и идеологической конъюнктуры. В результате остались недооценены в полной мере масштабы и значение боевых действий на юге страны в 1941–1943 гг. Только на рубеже XX–XXI вв. начался новый этап в изучении истории Великой Отечественной войны, появился ряд работ, авторы которых анализируют данные события, опираясь на новые источники и отказываясь от прежних догм.

Следует отметить, что южному флангу советско-германского противостояния всегда отводилась значительная роль в ходе боевых операций в годы Великой Отечественной и Второй мировой войн. Во многом это предопределялось стремлением нацистской Германии овладеть южными территориями СССР как главными центрами добычи нефти, а также газа, марганца, молибдена, вольфрама, наконец, крупнейшими продовольственными и курортными базами. К тому же южные регионы, особенно Кавказ и Крым, обладали важнейшим стратегическим значением.

Осенью 1941 г. войска вермахта стремительно наступали по равнинам Северного Причерноморья и Приазовья. 11-я армия под командованием генерала Э. фон Манштейна 26 сентября прорвалась в Крым, а к 16 ноября сумела захватить почти весь полуостров, за исключением Севастополя. 1-я танковая армия генерал-полковника Э. фон Клейста 17 октября захватила Таганрог, а 21 ноября – Ростов-на-Дону. Всего через неделю вермахту пришлось оставить донскую столицу. Освобождение Ростова силами Южного фронта под командованием генерал-полковника Я.Т. Черевиченко стала первой стратегической победой Красной армии с начала Великой Отечественной войны и первым крупным поражением вермахта, сопровождавшимся отступлением его частей и оставлением прежде занятой территории, в годы Второй мировой войны. Но дальнейшее продвижение советских войск остановил немецкий оборонительный рубеж, проходивший по западному берегу реки Миус и получивший название Миус-фронта. Безуспешные попытки прорыва Миус-фронта продолжались на протяжении всей зимы и весны 1942 г. Десятки тысяч убитых и раненых в этих боях бойцов и командиров РККА скрывались за скупыми сводками Совинформбюро о боях «местного значения».

Успех первоначально сопутствовал крупной советской группировке, высадившейся 26 декабря 1941 г. на Керченский полуостров. Но противнику удалось

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований № 14-01-00300 «Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.)».

остановить ее натиск, а 8 мая 1942 г. перейти в наступление, в ходе которого подверглись разгрому соединения Крымского фронта под командованием генерала Д.Т. Козлова, потери которого составили 278 тыс. чел., в том числе более 160 тыс. пленными [1]. Это существенно ухудшило положение Севастополя: после 250 дней и ночей героической обороны, 3 июля 1942 г. его пришлось оставить. По официальным данным, советские потери за весь период обороны превысили 200 тыс. чел. [2]. Катастрофой завершилось контрнаступление Юго-Западного фронта, которым командовал маршал Советского Союза С.К. Тимошенко, под Харьковом, в результате которого потери РККА составили 270 тыс. чел., в том числе более 170 тыс. безвозвратно [3].

В результате стратегическая инициатива вновь перешла к противнику. План летней кампании вермахта в 1942 г. заключался в сосредоточении главных сил именно на южном участке советско-германского фронта для проведения операции по уничтожению советских войск западнее Дона. После этого предполагалось захватить нефтеносные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет [4]. Для реализации этих задач от Курска до Таганрога расположилась группа армий «Юг» под командованием генерал-фельдмаршала Ф. фон Бока, включавшая 900 тыс. солдат и офицеров. В дальнейшем она разделилась на две группы: наступавшую на Кавказ группу армий «А» под командованием генерал-фельдмаршала В. Листа и наступавшую на Сталинград группу армий «Б» под командованием генерал-полковника М. фон Вейхса. Главные задачи ставились немецким частям, а для прикрытия флангов использовались войска союзников Германии – Румынии, Венгрии и Италии. Румынские и словацкие части также наступали на Кавказ. Противнику противостояли войска Юго-Западного направления под командованием маршала С.К. Тимошенко в составе Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов, насчитывавшие 1,7 млн чел.

28 июня началось новое немецкое наступление на юге, в ходе которого танковые и моторизованные соединения вермахта, прорвав советскую оборону, устремились в донские степи. Под натиском врага соединения Юго-Западного и Южного фронта отступали к Волге и Дону, неся огромные потери. В результате противник получил значительное преимущество. 24 июля был захвачен Ростов-на-Дону – «ворота Кавказа». Через четыре дня, 28 июля, появился знаменитый приказ наркома обороны № 227 – суровый, но необходимый («Ни шагу назад!»), запрещавший отступление без приказа вышестоящего командования и предусматривавший создание в РККА заградительных отрядов, штрафных рот и батальонов.

Многие события и обстоятельства горького лета 1942 г. долгое время оставались в «тени» трагедии отступления, включая и массовый героизм советских бойцов и командиров в кровопролитных арьергардных боях в большой излучине Дона и в предгорьях Кавказа. Так, 27 июля 1942 г. ценой своей жизни неизвестный герой взорвал плотину Веселовского водохранилища, что задержало переправу немецкой бронетехники через Маныч на три дня, дав возможность отходившим на юг советским войскам на время оторваться от противника. Сегодня я могу назвать этого коллективного героя. Приказ коменданта переправы, начальника отдела боевой подготовки 37-й армии майора

Хейфица о взрыве моста, шлюзов и дамб Манычского гидроузла в районе хутора Веселого выполнили в 10 ч 15 мин утра 27 июля 1942 г. бойцы 2-й роты под командованием лейтенанта Цилюрика из 9-го отдельного моторизованного инженерного батальона [6].

Тем не менее советское отступление продолжалось до берегов Волги и Кавказского хребта. В начале августа группа армий «А», продвигавшаяся на кавказском направлении, превосходила войска Северо-Кавказского фронта маршала Советского Союза С.М. Буденного в личном составе в 1,5 раза, в орудиях и минометах – в 2,1 раза, в танках – в 4,3 раза, в самолетах – в 2,7 раза. В тылу группы армий «А» продвигался особый корпус «Ф» генерала Г. Фельми, задачей которого являлось дальнейшее наступление на Иран и Ирак, выход к Персидскому заливу и в Индию.

В середине августа 1942 г. немецкие войска были остановлены на астраханском направлении. Важнейшие события, определявшие исход битвы за Кавказ, произошли на грозненско-бакинском направлении, куда рвалась 1-я танковая армия вермахта. 25 августа она захватила Моздок. Осознавая всю опасность ситуации, Ставка Верховного главнокомандования направила в Закавказье резервы и вооружение. Небольшой город нефтяников Малгобек в течение октября пять раз переходил из рук в руки. Административный центр Чечено-Ингушской АССР город Грозный был подвергнут мощным ударам люфтваффе с воздуха, фактически сравнявшим его с землей. Горевшая нефть из разрушенных хранилищ текла в город, расплавляя все на своем пути.

Но советская оборона выстояла, и противнику пришлось изменить направление удара. 28 октября вермахт занял Нальчик, прорываясь в Закавказье через Военно-Грузинскую и Военно-Осетинскую дороги. 5 ноября 1942 г. в стратегических боях под Орджоникидзе (в настоящее время – Владикавказ) наступил перелом: вражеские танки были окончательно остановлены. В тяжелых сражениях под Моздоком, Малгобеком, Орджоникидзе, Туапсе, Новороссийском советские войска измотали противника, сбили его наступательный порыв и создали предпосылки для перехода в контрнаступление.

Стратегической ошибкой Гитлера стало наступление вермахта по двум расходившимся направлениям – одновременно на Кавказ и Сталинград. При этом именно сталинградское направление со временем превратилось в основное. Нехватка собственных резервов заставила руководство Третьего рейха прикрыть фланги сталинградской группировки вермахта венгерской, итальянской и двумя румынскими армиям, уступавшими по боеспособности немецким войскам. Учитывая это, Ставка ВГК северо-западнее и южнее Сталинграда сосредоточила ударные группировки советских войск. 19 ноября перешли в наступление войска Юго-Западного и Донского фронтов под командованием генерала армии Н.Ф. Ватутина и генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского, а 20 ноября навстречу им нанесли удар войска Сталинградского фронта генерал-полковника А.И. Еременко. В окружении впервые за время войны оказалась крупная немецкая группировка – 6-я армия Ф. Паулюса общей численностью в 330 тыс. чел. Разгром итальянских, румынских и немецких войск на Среднем Дону в декабре 1942 г. заставил немецкое командование

прекратить попытки деблокировать сталинградский «котел», что обрекло врага на полное уничтожение.

В декабре 1942 г. и группа армий «А» на Кавказе окончательно утратила свои атакующие возможности. 1 января 1943 г. началось общее наступление Северной и Черноморской групп войск Закавказского фронта, которым командовал генерал армии И.В. Тюленев. Навстречу им в направлении на Ростов и Сальск наступали войска Южного фронта под командованием генерал-полковника Р.Я. Малиновского.

Фельдмаршал Э. фон Манштейн в конце января сумел остановить советское наступление на рубежах рек Маныч и Северский Донец. Противник отступил с Северного Кавказа, разделившись на две группы. Главные силы 1-й танковой армии отошли через Ростов в Донбасс, оставшиеся соединения – на Таманский полуостров, где объединились с 17-й армией. Эта группировка численностью в более чем 20 дивизий восемь месяцев удерживала мощный оборонительный рубеж на таманском полуострове, известный как «Голубая линия» или «Готенкопф» (голова гота). Лишь 10 сентября советские войска прорвали глубоко эшелонированную оборону врага и к 9 октября 1943 г. полностью освободили полуостров.

Наступление освободивших Ростов-на-Дону войск Южного фронта вновь, как и в 1941 г., задержал немецкий Миус-фронт. Кровопролитные бои по его прорыву продолжались с февраля по август 1943 г. В ходе советского наступления в июле 1943 г. противнику пришлось перебрасывать сюда резервы бронетехники в самый разгар Курской битвы – 2-й танковый корпус СС, усиленный двумя танковыми дивизиями. В районе высоты Саур-Могилы 30–31 июля враг потерял 239 танков и самоходных артиллерийских орудий, что вдвое превысило его потери в бронетехнике в битве под Прохоровкой 12–13 июля 1943 г. Но прорвать Миус-фронт войскам Южного фронта под командованием генерал-полковника Ф.И. Толбухина удалось только в августе 1943 г. Общие потери РККА при попытках прорыва Миус-фронта в 1941–1942 гг. и в 1943 г. превысили 830 тыс. чел., из них свыше 280 тыс. погибшими. Враг потерял на рубежах Миус-фронта более 110 тыс. чел.

В результате жестоких боев враг был отброшен от кавказских гор и дельты Волги до Крыма и Донбасса на расстояние более чем в тысячу километров. В ходе последующего советского наступления осенью 1943 г. был освобожден Донбасс, а весной 1944 г. – Крым. Но именно в сражениях 1942–1943 гг. на юге страны произошел коренной перелом в войне, советские войска перешли от стратегической обороны к стратегическому наступлению. Кровопролитные бои, сопровождавшиеся перемалыванием целых армий, шли в рассматриваемый период на всех направлениях советско-германского фронта. Однако поворот в ходе войны произошел именно на юге, где у советских войск появился опыт крупных победоносных сражений. В этих сражениях развивалось и совершенствовалось советское оперативно-тактическое и стратегическое искусство. Советские офицеры и генералы стали принимать ответственные решения, прогнозировать их последствия, разумно рисковать. Именно в боях на юге России сформировалась плеяда выдающихся полководцев, таких как

А.М. Василевский, К.К. Рокоссовский, Н.Ф. Ватутин, Р.Я. Малиновский, Ф.И. Толбухин, А.Х. Бабаджанян, Д.Д. Лелюшенко и многие другие. Существенное значение имело успешное освоение и применение советскими войсками полученной по ленд-лизу военной техники. Она вернула Красной армии мобильность и уверенность в своих силах, обеспечив необходимые военно-технические условия для побед на юге страны.

Анализ сражений 1941–1943 гг. на юге страны – прорыва немецких войск на юг и их последующего отступления, кровопролитных битв в большой излучине Дона и на Миус-фронте, на Волге, в Приазовье и Северном Кавказе – доказывает, что они сыграли определяющее значение в истории Великой Отечественной войны, предопределив коренной перелом в ходе боевых действий. Уже в 1945 г. Сталинград и Севастополь, а в 1973 г. – Керчь и Новороссийск были удостоены звания городов-героев. Тем не менее на протяжении длительного времени сохранялись определенный дисбаланс в политике памяти и недооценка роли событий на южном фланге в истории войны. В 2007 г. звание «город воинской славы» было присвоенное Владикавказу и Малгобеку, в 2008 г. – Ростов-на-Дону и Туапсе, в 2010 г. – Нальчику и Калачу-на-Дону, в 2011 г. – Анапе и Таганрогу, в 2015 г. – Грозному и Феодосии. Эти почетные звания – официальное признание их высоких воинских заслуг. Действительно, места кровопролитных сражений от Красного Луча в Донбассе до Самбека в Приазовье, от Гудермеса до Моздока, от Нальчика до Орджоникидзе, от Новороссийска до Темрюка являются полями ратной славы всех народов бывшего СССР. Историческая справедливость должна восторжествовать, а память о более чем 5 млн погибших солдат и мирных жителей нашего региона должна быть увековечена.

К сожалению, через семьдесят лет после Великой Отечественной войны вновь на границе с Россией идут настоящие боевые действия. Символично, что зоной боевых действий вновь, как и в 1942–1943 гг., стала широкая полоса на Украине от Донбасса до Приазовья. Все это показывает, что нам необходимо учитывать уроки нашей общей истории.

* * *

Проблемы Великой Отечественной войны и в целом военной истории России принадлежат к ведущим исследовательским направлениям Южного научного центра РАН и входящего в него Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН. Они нашли свое отражение в фундаментальных трудах, раскрывающих малоизвестные и неизученные вопросы боевых действий на юге страны [6], в других работах, посвященных проблемам истории и современного развития Дона, Северного Кавказа и соседних регионов [7]. Многие из указанных трудов подготовлены в рамках программ фундаментальных исследований Президиума РАН, выполнявшихся на базе ЮНЦ РАН в течение десяти с лишним лет, а также грантов, поддержанных Российским научным фондом и Российским гуманитарным научным фондом (далее – РГНФ). В частности, в настоящее время выполняется исследовательский проект «Большая излучина Дона – место решающих

сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.)», поддержанный РГНФ.

Рассматриваемым вопросам были посвящены несколько международных и всероссийских конференций [8]. За пять лет их участниками стали сотни исследователей из различных научных учреждений, располагающихся в разных регионах нашей страны, и проживающих в других государствах ближнего и дальнего зарубежья. Научные дискуссии на данных форумах способствовали формированию нового знания о сложных и драматических событиях военной истории нашей страны. Все это свидетельствует о превращении ЮНЦ РАН не только в современный центр военно-исторических исследований, но и в ведущую на юге России интеллектуальную площадку для обсуждения указанных проблем.

Значению сражений 1941–1943 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне посвящена и наша конференция. В ней принимают участие свыше 100 исследователей из Москвы, Ростова-на-Дону, Волгограда, Ставрополя, Краснодара, Грозного, Нальчика, Элисты, Майкопа, Сыктывкара, Твери, Магнитогорска, Таганрога, Сочи, Феодосии, Армавира, Новочеркасска, Новороссийска, а также Донецка, Луганска, Харькова и других научных центров. В их докладах и выступлениях обоснованы новые подходы к изучению событий Великой Отечественной войны на юге России, представлены новые источники по данной теме. Раскрыты особенности боевых действий и значение сражений 1941–1943 гг. на южном фланге советско-германского противостояния в Победе в войне. Немало места уделено вопросам фронтовой повседневности и массовому сознанию в экстремальных условиях военного времени, вкладу советского тыла и союзников по антигитлеровской коалиции в достижение общей Победы, нацистской оккупации и сопротивлению захватчикам, а также отражению событий Великой Отечественной войны в исторической памяти населения юга России и сопредельных стран.

Хочется надеяться, что материалы конференции не только позволят открыть многие неизвестные страницы истории юга России в годы Великой Отечественной войны, но и будут способствовать сохранению о ней исторической памяти как важнейшего фактора духовного и социального развития нашего общества.

Примечания:

1. Великая Отечественная без грифа секретно. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2010. С. 214.
2. Там же. С. 178.
3. Там же. С. 179.
4. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: исторические очерки. Документы и материалы. Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «третьей империи» (1941–1945 гг.). М., 1973. С. 321.
5. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 9омиб. Оп. 29 790. Д. 3. Л. 31.
6. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г. Ростов н/Д, 2010. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д, 2011;

Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов н/Д, 2012.

7. Атлас социально-экономических проблем, угроз и рисков Юга России. Ростов н/Д, 2006; Матишов Г.Г., Батиев Л.В., Котеленко Д.Г. Атлас социально-экономических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. II. Ростов н/Д, 2007; Матишов Г.Г., Авксентьев В.А., Батиев Л.В. Атлас социально-экономических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. III. Ростов н/Д, 2009; Матишов Г.Г., Батиев Л.В., Пащенко И.В. Атлас социально-экономических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. IV. Причины и обстоятельства роста напряженности, поиск путей стабилизации на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2009; Матишов Г.Г., Батиев Л.В., Пащенко И.В., Романов И.В. Атлас социально-экономических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. V. Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития. Специальный выпуск. Ростов н/Д, 2011; Матишов Г.Г. Донские казаки: от опоры самодержавия до жертв большевизма (XVIII–XX вв.). Заметки на полях истории. Ростов н/Д, 2013; Матишов Г.Г., Пащенко И.В. Атлас социально-экономических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. VI. Южнороссийский макрорегион и Олимпиада в Сочи. Специальный выпуск. Ростов н/Д, 2013; Матишов Г.Г. Украина и Россия: книга иллюстраций взаимоотношений и истории (обстоятельства, риски, тенденции). Ростов н/Д, 2014; Его же. Украина: геостратегический разворот (уроки истории – от Эльбы 1945 г. до Миусфронта 2014 г.). Ростов н/Д, 2014 и др.
8. Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: материалы Международ. науч. конф. (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог). Ростов н/Д, 2010; Война в истории и судьбах народов юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны): материалы Международ. науч. конф., 1–2 июня 2011 г., Ростов-на-Дону. Ростов н/Д, 2011; Народы юга России в отечественных войнах: материалы Международ. науч. конф. (6–7 сентября 2012 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2012; Коренной перелом в Великой Отечественной войне. К 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа: материалы Международ. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.). Ростов н/Д, 2013; Казаки и горцы в годы Первой мировой войны: материалы Всерос. науч. конф. с международ. участием (Ростов-на-Дону, 18–19 сентября 2014 г.). Ростов н/Д, 2014 и др.

РАЗДЕЛ 1. НОВЫЕ ПОДХОДЫ И ИСТОЧНИКИ В ИЗУЧЕНИИ СРАЖЕНИЙ НА ЮГЕ РОССИИ В 1941–1945 гг.

Е.Ф. Кринко

Боевые действия на юге России в 1941–1943 гг.: историографический опыт и перспективы дальнейших исследований[1]

Тяжелые и кровопролитные бои на юге России в 1941–1943 гг. нашли широкое отражение в отечественной и зарубежной историографии. Обобщение опыта боевых действий началось непосредственно в годы Великой Отечественной войны и носило преимущественно прикладной характер, предполагая его применение в разработке и проведении последующих операций. Вскоре после завершения сражений на юге страны военно-исторический отдел Генерального штаба Красной армии издал ряд кратких очерков, в которых рассказывалось о разгроме противника на Волге, Кавказе и Дону [1]. В основе их лежали аналитические материалы военных специалистов, в том числе подготовленные штабами воинских объединений отчеты и обзоры боевых операций. В годы войны вышло также значительное количество популярных работ, прославлявших боевые успехи и героизм военнослужащих Красной армии и Военно-морского флота, патриотические традиции народов юга страны. Они также имели прикладное, пропагандистское назначение [2].

По окончании Великой Отечественной войны она продолжала оставаться в центре внимания исследователей, являясь важнейшим местом памяти советского общества. История боевых действий на юге страны в 1941–1943 гг. рассматривалась как в фундаментальных обобщающих трудах [3], выступавших своеобразными вехами развития советской военной историографии и отражавших ее характерные особенности на разных этапах, так и в тысячах специальных исследований – монографий, диссертаций, статей, очерков. В то же время развитие историографии происходило неравномерно в хронологическом и содержательном отношении. Публикационная активность возрастала в юбилейные годы и затем снижалась. Юбилейный характер накладывал свой отпечаток на содержание многих публикаций, снижая уровень критического анализа, особенно в оценках действий РККА.

Наибольшее количество публикаций было посвящено Сталинградской битве [4], что отражало представление о ее важнейшем значении в истории Великой Отечественной войны: уже к 1967 г. оно исчислялось 200 наименова-

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований № 14-01-00300 «Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.)».

ний без учета художественных произведений [5]. Значительно меньше публикаций рассказывало о битве за Кавказ: первая специальная работа на данную тему вышла только в 1954 г. под грифом «Для служебного пользования» и лишь через три года была переиздана в сокращенном варианте для широких кругов читателей. Затем количество публикаций о боях на Кавказе возросло [6], чему способствовали различные обстоятельства. Так, подъем интереса к малоизвестным страницам боев на горных перевалах вызвали обнаруженные там останки советских солдат [7]. Только в 1955 г. появилась первая статья, а еще через четыре года – первая монография об обороне Севастополя [8]. Большинство стратегических, отдельные фронтовые и армейские операции рассматривались в лучшем случае в одной или нескольких публикациях. А затяжные бои на Миус-фронте, «растворенные» в нескольких боевых операциях, оставались практически не изученными [9]. Сказывалось на освещении хода и результатов тех или иных сражений и личное участие в них первых лиц страны – Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева, министра обороны А.А. Гречко, других советских руководителей.

Значительное влияние на развитие историографии оказали воспоминания Г.К. Жукова, А.М. Василевского, К.К. Рокоссовского, И.В. Тюленева, В.И. Чуйкова и других советских военачальников. При создании этих текстов нередко использовались и другие источники военного времени, включая штабные документы, что придавало публикациям не столько мемуратный, сколько исследовательский характер. Широко издавались, в основном по инициативе ветеранов, описания боевого пути воинских объединений, соединений и частей, действовавших на юге страны в 1941–1943 гг. [10]. Как правило, это были части и соединения, дошедшие до Победы, в то время как судьба менее удачливых формирований РККА, прекративших существование после понесенных потерь, почти не привлекала внимания исследователей. Многочисленные работы раскрывали героизм советских солдат и командиров [11], военно-организаторскую и партийно-политическую работу в регионах юга страны по оказанию помощи фронту [12].

В целом в советской историографии накоплен огромный опыт изучения боевых действий на южном крыле советско-германского фронта, содержащий анализ разных аспектов боевых операций и обобщающую оценку многих из них. В то же время большинство советских исследований характеризовала определенная заданность выводов, в том числе проявлявшаяся в нередком преуменьшении масштаба потерь РККА и преувеличении нанесенного противнику ущерба. Отчасти это объясняется некритическим отношением к документам, содержащим соответствующие сведения, отчасти тем, что внимание больше акцентировалось на победах, причины и источники которых получали идеологизированную трактовку, и значительно меньше места уделялось поражениям. В частности, так и не было дано удовлетворительного объяснения быстрому продвижению противника в южном направлении в 1941–1942 гг. Причины тяжелых поражений на юге и отступления советских войск вплоть до Волги и Кавказа нередко связывались с превосходством противника в живой силе и технике, а также с отсутствием второго фронта в Западной Европе.

При этом недооценивались просчеты советского руководства в планировании и проведении операций, а также роль поставок по ленд-лизу в обеспечении соединений РККА на юге страны военной техникой, боеприпасами, продовольствием и снаряжением. Практически не уделялось внимания социальным аспектам боевых действий и их влиянию на судьбу населения, оказавшегося на прифронтовых территориях.

В 1990-х гг. наступил новый этап в развитии отечественной историографии, во многом обусловленный расширением доступа исследователей к источникам и изменением общей ситуации в стране. При этом появление новых оценок носило нередко болезненный характер и сопровождалось острыми дискуссиями, порой приобретавшими политизированный характер. Тем не менее постепенно новые подходы к изучению боевых действий на юге страны в 1941–1943 гг. стали утверждаться как в обобщающих [13], так и в значительно большей степени в специальных исследованиях. По-прежнему приоритетный характер сохраняет изучение Сталинградской битвы [14]: к 2012 г. общее количество всех публикаций, включая различные исторические источники, превысило 4000 наименований [15]. В новых трудах переосмысливаются ход и итоги сражения, его геополитическое и общественно-политическое значение, а также ранее замалчивавшаяся трагедия мирных жителей Сталинграда [16].

Значительно расширились и направления других военно-исторических исследований на материалах юга страны [17]. В частности, впервые дан комплексный анализ 15-месячным боям на Миус-фронте, раскрыты особенности противостояния РККА и вермахта на астраханском и туапсинском направлениях, роль «персидского коридора» в снабжении СССР по ленд-лизу [18]. Российские историки анализируют и другие неизвестные прежде аспекты боев на Дону, Северном Кавказе и в Крыму. Показательно название одной из книжных серий, в рамках которой публикуются работы по данной теме, – «Забытые армии, забытые командармы» [19].

Боям на южном крыле советско-германского фронта уделено немало внимания и в зарубежной историографии, где они стали предметом ряда обобщающих и специальных исследований [20]. Особый интерес боевые действия на юге России вызывали в германской историографии, многие представители которой являлись непосредственными участниками рассматриваемых событий [21]. Западные историки нередко подчеркивают ответственность за поражения вермахта Гитлера, не слушавшего предостережений военного командования при выработке планов летней кампании 1942 г. и ее последующей реализации.

Взаимоотношения между отечественной и зарубежной историографиями долгое время носили конфронтационный характер, отражая идеологическое противостояние между странами в эпоху холодной войны. Например, в США в условиях обострения отношений бывших союзников по антигитлеровской коалиции изучение опыта Второй мировой войны прямо рассматривалось в качестве необходимого условия для эффективной подготовки собственных войск [22]. Следует отметить и различия в источниковой базе: западные исследователи опирались преимущественно на немецкие военные документы, значительная часть которых после 1945 г. оказалась в США, и опубликованные

советские источники, подвергавшиеся строгой цензуре, а советские архивы для них оставались закрытыми. Только в 1990-е гг. улучшились возможности для сотрудничества. Это проявилось и в широкой публикации зарубежных работ в России, что делает их более доступными для русскоязычных читателей, и в проведении ряда научных форумов, и в реализации других совместных исследовательских и издательских проектов [23].

Свой вклад в изучение проблемы внесла историография Италии, Венгрии, Румынии и других стран – бывших союзников Третьего рейха, войска которых воевали на юге СССР в 1941–1943 гг. [24]. Для нее характерна концентрация усилий на судьбе своих воинских формирований, подчеркивание значимости сыгранной ими роли в боевых операциях или, напротив, ее преуменьшение, а также описание тяжести испытаний, перенесенных их военнослужащими во время боев на юге России и затем в советском плену. В последние годы в историографии бывших социалистических стран проявляется тенденция к переоценке данной проблемы. Если ранее господствовали представления о том, что венгерские, румынские, словацкие, хорватские солдаты воевали и гибли вдали от родины за чуждые им цели, что превращало их из соучастников чуть ли не в жертв фашистской агрессии, то теперь происходит их реабилитация и даже героизация.

В целом исследования боев на Дону и Волге, в Приазовье и на Северном Кавказе стали немаловажной составной частью историографии Второй мировой и Великой Отечественной войн, отразив важнейшие тенденции в ее развитии. Среди них и неравномерность в изучении отдельных сюжетов, часть которых постоянно находилась в центре исследовательского внимания, другие долгое время оставались маргинальными, а третьи только становятся предметами специального анализа. Этот историографический дисбаланс является следствием ряда объективных и субъективных обстоятельств, прежде всего господства определенных методологических принципов и подходов к изучению советской истории и Великой Отечественной войны, задающих те или иные исследовательские приоритеты, а также самого диапазона возможностей историков, в том числе связанного с имеющейся в их распоряжении источниковой базой.

В данной связи представляется достаточно перспективным исследовательским направлением разработка проблем военной повседневности на материалах сражений 1941–1943 гг. на юге России. «Антропологический поворот» и возвращение «человеческого измерения» в исторической науке в 1990–2000-х гг. актуализировали изучение социально-психологических особенностей «человека воюющего», однако специфика поведения и сознания комбатантов боевых операций на южном фланге советско-германского фронта представляется недостаточно разработанной. Очевидно, что она в значительной степени определялась самими условиями боевых действий. Это позволяет считать еще одной перспективной исследовательской проблемой анализ соотношения природного и социального фактора в боевых действиях, в том числе влияние рельефа, климата и погоды на ход и результаты сражений на юге России, ощущения их участников, особенно в рамках широко развивающейся в последние годы междисциплинарности [25].

Сохраняет свою актуальность и анализ различных событий на южном крыле советско-германского фронта в их взаимозависимости и взаимообусловленности. В первую очередь это касается взаимосвязи Сталинградского сражения с битвой за Кавказ, а также с боями на центральном направлении, особенно операций «Уран» и «Марс». Активно переосмысливаются в историографии и такие традиционные вопросы, как соотношение сил и средств противоборствующих сторон, степень эффективности действий советского и немецкого командования на различных уровнях (Ставки ВГК, фронтов и армий), роль высшего политического и военного руководства и отдельных полководцев. В частности, обсуждался вопрос о том, кто был автором плана контрнаступления под Сталинградом. Современные исследователи подчеркивают, что подготовка контрнаступления была многоплановой и многоэтапной, включала накопление и формирование необходимых стратегических резервов, проведение разведывательных и дезинформационных мероприятий. Весома значимость и вопроса о потерях, понесенных РККА, вермахтом, а также гражданским населением юга России в результате боевых действий в 1941–1943 гг. Уточнение статистических данных и ввод новых источников позволили предложить новые оценки понесенных потерь, но в изучении данного вопроса сказывается политизация. Очевидно, что он нуждается в дополнительной проработке, которую осложняют «битвы за цифры».

Еще одним актуальным направлением современной историографии постепенно становится анализ отражения боевых действий на юге страны в исторической памяти населения во взаимосвязи с формированием и эволюцией государственной мемориальной политики. Все это свидетельствует о необходимости создания новых специальных и комплексных трудов, объединяющих усилия различных исследователей в изучении данной проблемы.

Примечания:

1. Хвостов В.М. Разгром немцев под Ростовом в ноябре 1941 года. Краткий очерк. [Б.м.], 1943; Замятин Н.М., Савин М.В., Воробьев Ф.Л. Битва под Сталинградом. Краткий очерк. М., 1944; Сидоров В., Фокин Н. Разгром итало-немецких войск на Дону. М., 1944; Шишкин С. Ликвидация Кубанского плацдарма. М., 1944 и др.
2. Аликберов Г.А. Германские захватчики и советские народы Востока. Махачкала, 1942; Зенитчики в боях за Сталинград. М., 1942; Генкина Э. Героический Сталинград. М., 1943; Кардаш Г. За родной Кавказ. Орджоникидзе, 1943; Юдин И. Кубань борется. Краснодар, 1943 и др.
3. Очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1953; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945: в 6 т. М., 1960–1965; История второй мировой войны 1939–1945 гг.: в 12 т. М., 1973–1982 и др.
4. Ступов А.Д., Кокунов В.Л. 62-я армия в боях за Сталинград. М., 1949; Водолагин М.А. Сталинград в Великой Отечественной войне (1941–1945). Сталинград, 1949; Самсонов А.М. Сталинградская битва. М., 1960 и др.
5. Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943: энциклопедия. 4-е изд. Волгоград, 2010. С. 256.
6. Битва за Кавказ. 1942–1943 гг. М., 1954; Завьялов А., Каледин Т. Битва за Кавказ. 1942–1943 гг. М., 1957; Гречко А.А. Битва за Кавказ. М., 1973; Бекишвили В.И. Оборона кавказских перевалов 1942–1943 гг. Тбилиси, 1977; Ибрагимбейли Х.-М. Крах

«Эдельвейса» и Ближний Восток. М., 1977; Цкитишвили К. 442 огненных дня (Битва за Кавказ. Краткая хроника и материалы). Батуми, 1986 и др.
7. Гнеушев В., Попутько А. Тайна Марухского ледника. Черкесск, 1963.
8. Петров И.Е. Севастополь в Великой Отечественной войне // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. М., 1955. Т. 5; Максимов С.Н. Оборона Севастополя 1941–1942. М., 1959.
9. Коновалов Ф.П. Острогожско-Россошанская и Воронежско-Касторненская наступательные операции (январь – февраль 1943 г.). М., 1951; Орешкин А.К. Оборонительная операция 9-й армии (октябрь – ноябрь 1941 г.). М., 1960; Бирюлин И.Ф. Верхний и Средний Дон в Великой Отечественной войне. Воронеж, 1970; Корольченко А. Миусские рубежи. Очерки о местах боевой славы. Ростов н/Д, 1971; В боях за Дон 1941–1945 гг. Ростов н/Д, 1983 и др.
10. Смакотин М.Н. От Дона до Берлина (57-я гвардейская стрелковая дивизия в Великой Отечественной войне). М., 1962; Овчаренко И.В. Пятый Донской (5-й гвардейский казачий кавалерийский Краснознаменный Донской Будапештский корпус). Ростов н/Д, 1968; Хатукаев А.Т. Славой овеянные. Боевой путь 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Нальчик, 1971; У ворот Кавказа. Ополченцы Ростова-на-Дону в боях за Родину. Ростов н/Д, 1972; Испытание верности. Очерки о героизме воинов, боевом пути 339-й стрелковой дивизии. Ростов н/Д, 1973; 17-я воздушная армия в боях от Сталинграда до Вены. М., 1977; Восемнадцатая в боях за Родину. Боевой путь 18-й армии. М., 1982 и др.
11. В боях за Кавказ: сб. Баку, 1968; Опрышко О.Л. На Эльбрусском направлении. Нальчик, 1970; Черноусов С. В небе Донском. Ростов н/Д, 1974; Бессмертные героев имена. Очерки о воинах, удостоенных звания Героя Советского Союза за подвиги в сражениях на Дону. Ростов н/Д, 1978; В суровые годы войны. Воины-ставропольцы, трудящиеся края на защите Родины в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ставрополь, 1978; Грязнов М.Н. Моряки в битве за Сталинград. Волгоград, 1982 и др.
12. Мамукелашвили Э. Военно-организаторская и идеологическая деятельность КПСС в битве за Кавказ (1942–1943 гг.). Тбилиси, 1982; Тепун П.Д. КПСС в борьбе за единство и сплоченность народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ростов н/Д, 1984 и др.
13. Великая Отечественная война. 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки: в 4 кн. Кн. 1. Суровые испытания. Кн. 2. Перелом. М., 1998; Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война: исторический очерк. М., 2005.
14. Битва за Сталинград. М.; СПб., 2002; Куманев Г.А. Сталинградская битва. Краткий военно-исторический очерк, документы, материалы. М., 2007; Барятинский М.Б. Сталинградское побоище. «За Волгой для нас земли нет!». М., 2012; Исаев А.В. Перелом 1942. Когда внезапности уже не было. М., 2012 и др.
15. Белов Д.А. Количественный анализ тенденций развития отечественной историографии Сталинградской битвы // Сталинградская битва в судьбах народов: Международ. науч.-практ. конф. Секция «Сталинградская битва: источники и историография»: материалы. Волгоград, 2013. С. 7.
16. Павлова Т.А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград, 2005; Сталинград: забытое сражение. М., 2005; Белов Д.А. Сталинград в оценке общественности Великобритании и США. 1942–1945 гг. Волгоград; Самара, 2012; Сталинградская битва и ее геополитическое значение. М., 2013 и др.
17. Алексеенков А.Е., Лаптев Ю.В., Сидоренко В.П., Тарасов М.М. Войска НКВД в битве за Кавказ. СПб., 1998; Филоненко С.И. От Прута и Днестра до Дона и Волги: Разгром армий сателлитов фашистской Германии под Сталинградом и Воронежем (ноябрь 1942 года – февраль 1943 года). Воронеж, 1999; Битва за Кавказ (1942–1943).

М., 2002; Януш С.В. Войсковые операции Советской армии в битве за Кавказ (1942–1943 гг.). Ставрополь, 2002; Филоненко С.И., Филоненко А.С. Острогожско-Россошанская операция – «Сталинград на Верхнем Дону». Воронеж, 2005; Абрамов В.В. Керченская катастрофа 1942. М., 2006; Черкасов А.А. Война в горах: страницы истории обороны города Сочи (1942–1943 гг.). Сочи, 2008; Юрина Т.И. Новороссийское противостояние: 1942–1943 гг. Краснодар, 2008 и др.

18. Пятигорский Э.И. История – это то, что было… 1942. Туапсинская оборонительная операция. Хроника. Факты. Размышления, комментарии и версии краеведа. Туапсе, 1992; Шеин О.В. Неизвестный фронт Великой Отечественной. Кровавая баня в калмыцких степях. М., 2009; Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г. Ростов н/Д, 2010. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д, 2011; Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов н/Д, 2012 и др.
19. Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. 56-я армия в боях за Ростов. Первая победа Красной армии. Октябрь – декабрь 1941. М., 2013.
20. Лидделл-Гарт Б.Х. Вторая мировая война. М., 1976; Hoffmann J. Der Kaukasus im 1942/1943. Freiburg, 1985; Glantz D. From the Don to the Dnepr: Soviet Offensive Operations, December 1942 – August 1943. London, 1991; Бивор Э. Сталинград. Смоленск, 1999; Робертс Дж. Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила историю. М., 2003 и др.
21. Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. Гитлер идет на Восток. 1941–1943. М., 2003; Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть 1942–1943 гг. М., 2005; Хаупт В. Сражения группы армий «Юг». М., 2006; Грамс Р. 14-я танковая дивизия: 1940–1945. М., 2014 и др.
22. World War II: German military studies. New York, 1979. Vol. 1–30 и др.
23. Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. М., 1994 и др.
24. Zanussi G. Guerra e catastrofe d'Italia. Roma, 1946; Valori F. Gli italiani in Russia. La campagna dello C.S.I.R. dell' A.R.M.I.R. Milano, 1967; Nemeskürty I. Requiem egy hadseregért. Budapest, 1972; Szabó P. Don-kanyar. Budapest, 1994 и др.
25. Матишов Г.Г., Кринко Е.Ф., Артюхин Ю.В. Влияние природных факторов на ход и характер боевых действий в большой излучине Дона во время Великой Отечественной войны // Вестник Южного научного центра. 2014. Т. 10. № 2. С. 83–92 и др.

В.В. Гришин

Действия авиации Южного фронта, 4-й и 8-й воздушных армий на юге России в 1941–1943 гг.

Авиация Южного фронта при обороне и первом освобождении Ростова-на-Дону в 1941 г. Первым командующим Военно-воздушных сил Южного фронта, созданных на базе авиации Одесского военного округа, стал генерал-майор авиации П.С. Шелухин. Ему были подчинены ВВС 9-й и 18-й армий, несколько авиационных дивизий и полков, всего 827 боевых самолетов, до 80 % которых были устаревших типов. Противостоявшая ему фашистская авиация обладала значительным превосходством и включала полностью отмобилизованный 4-й воздушный флот в составе до 1600 боевых самолетов. Тем не менее авиационные соединения и части ВВС Южного фронта в первый день войны оказали упорное сопротивление фашистским захватчикам на земле

и в воздухе. Поставленная противником задача уничтожить авиацию Южного фронта на аэродромах не была выполнена.

В связи с неблагоприятно складывавшейся обстановкой войска Южного фронта вынуждены были отступать. Авиация фронта прикрывала и поддерживала сухопутные войска на рубеже реки Прут, на подступах к Кишиневу, на реке Днепр, в ходе оборонительных боев за Каховку, Запорожье, Днепропетровск, Донбасс и Ростов-на-Дону.

Чтобы противостоять врагу в воздухе, по инициативе командующего ВВС Северо-Кавказского военного округа генерала С.А. Красовского была сформирована сводная армейская авиационная группа, в состав которой вошли 248-й и 762-й истребительные авиационные полки, укомплектованные в значительной степени за счет летчиков-инструкторов Сталинградского и Краснодарского авиационных училищ. Командиром группы был назначен полковник Я.И. Гиль. Нехватка самолетов, недостаточно высокие тактико-технические данные восполнялись замечательными морально-боевыми качествами советских летчиков. Это помогало им выходить победителями в боях с численно превосходившими силами противника.

6 ноября 1941 г. 12 вражеских самолетов пытались штурмовать кулешовский аэродром. Пять истребителей под командой лейтенанта А.И. Новокщенова вступили в бой. 48 минут длилась яростная схватка. Умелыми воздушными бойцами показали себя летчики Кульков, Бардин, Кулагин, Новокщенов и Гнидо, хотя опыт боевых действий у них был еще невелик. В результате боя были подожжены два самолета противника. 27–29 ноября летчики 2-й эскадрильи 248-го истребительного авиаполка, которой командовал лейтенант Новокщенов, совершали ежедневно по пять и более вылетов на штурмовку танков и пехоты противника. Снижаясь, с бреющего полета били врага из пулеметов и пушек.

Эскадрилья лейтенанта В.Т. Кулагина из этого же полка за 3 дня упорных боев сбила 8 фашистских бомбардировщиков. 28 ноября 3 летчика эскадрильи во главе с Кулагиным вступили в бой с 12 «юнкерсами» и 6 «мессершмиттами». Они сбили 3 вражеских самолета, но в воздушном бою был серьезно поврежден самолет Кулагина. Летчик сумел посадить почти неуправляемый самолет около советской траншеи. Через два дня на отремонтированном самолете Кулагин вновь поднялся в воздух.

Прославилась в боях под Ростовом 6-я отдельная эскадрилья капитана Куманцева. Однажды Куманцев вел бой с 6 «мессершмиттами» и вышел победителем. Он сбил 2 вражеских самолета, а остальные, не достигнув цели, повернули на свой аэродром. 27 октября капитан Куманцев вместе с ведомым лейтенантом Левитаном атаковали большую группу бомбардировщиков врага. При первой же атаке капитан сбил Ю-88. Но на 2 советских летчиков напали 12 истребителей. Смельчаки приняли неравный бой и сражались до последнего вздоха.

Мощные бомбовые удары по врагу наносили летчики 366-го бомбардировочного полка. Особую отвагу проявил командир эскадрильи капитан Воронин и его экипаж. В один из вылетов были ранены все члены экипажа, но воины

выполнили боевую задачу и сбросили бомбы на колонну вражеских машин на дороге около Матвеева Кургана.

В ноябре 1941 г. авиация Южного фронта принимала участие в первой крупной наступательной операции в районе Ростова по разгрому 1-й танковой армии Клейста. В ходе этой операции был освобожден Ростов, а противник с большими потерями отброшен к Таганрогу. Значительную помощь сухопутным войскам оказала авиация. В неблагоприятных метеоусловиях (десятибалльная облачность, туман) она произвела 3800 вылетов, уничтожила и повредила 140 танков, 2500 автомашин, 76 самолетов и большое количество живой силы. Авиация Южного фронта хорошо помогала наземным войскам и в период преследования врага от Ростова к Таганрогу. С 27 ноября по 5 декабря она произвела 2230 самолетовылетов, уничтожив 65 танков, 49 самолетов, 1600 автомашин, 30 орудий, около 6 тыс. солдат и офицеров противника.

Особенно отличился в боях лейтенант П.С. Середа. В районе Кирпичево возглавляемая им шестерка И-16 нанесла штурмовой удар по вражеской колонне и уничтожила пять автомашин с боеприпасами, а также до взвода пехоты. Девятка «мессершмиттов», пытавшаяся сковать действия нашей группы, не добилась успеха. Несмотря на серьезное повреждение машины, Середа дрался до победного конца, его примеру следовал и лейтенант Сливка. Штурман 298-го истребительного авиаполка майор В.Г. Семенишин, возглавляя семерку самолетов, нанес точный удар по немецкому аэродрому, расположенному вблизи Таганрога, при этом было уничтожено семь бомбардировщиков противника. Храбро дрались с врагом командир эскадрильи 55-го истребительного авиаполка В.А. Фигичев и летчик-штурмовик лейтенант И.П. Мосьпанов. Впоследствии все они стали Героями Советского Союза. Ростовская наступательная авиация сыграла большую роль в поднятии боевого духа всего личного состава ВВС Южного фронта.

Действия 4-й воздушной армии при обороне Ростова-на-Дону, в битве за Кавказ и в воздушном сражении на Кубани в 1942–1943 гг. Опыт боевых действий показал, что распыление авиации по общевойсковым армиям затрудняло управление, концентрацию сил на главном направлении и быстрый маневр по фронту. Это снижало боевые возможности авиации. Поэтому в мае 1942 г. авиация фронта была объединена. 22 мая 1942 г. по решению Ставки Верховного главнокомандования была сформирована 4-я воздушная армия. В нее вошли 216-я, 217-я, 229-я истребительные, 230-я штурмовая, 219-я бомбардировочная и 218-я ночная бомбардировочная авиационные дивизии, а также 7 отдельных смешанных авиационных полков. К концу мая воздушная армия имела 208 самолетов и 437 летных экипажей. В начале июня 1942 г. она пополнилась еще одним полком – 588-м ночным легкобомбардировочным, ставшим в советских ВВС первой женской авиационной частью (командир – Е.Д. Бершанская). В феврале 1943 г. полк был преобразован в 46-й гвардейский, а в октябре этого же года удостоен собственного наименования – Таманский. 23 девушкам-гвардейцам было присвоено звание Героя Советского Союза.

Первым командующим 4-й воздушной армии стал генерал-майор авиации К.А. Вершинин. Штаб армии был сформирован из личного состава управления

ВВС Южного фронта и пополнен офицерами и генералами из соединений и частей ВВС фронта. Формирование воздушной армии осуществлялось в ходе ожесточенных боевых действий. Фашистское командование свой основной удар летом 1942 г. решило нанести на южном крыле советско-германского фронта, стремясь окружить и уничтожить советские войска между Доном и Кубанью и выйти к нефтяным месторождениям Кавказа. Для поддержки летнего наступления гитлеровцы сосредоточили на юге более половины своей авиации, более 1870 самолетов. Боевые действия авиации в оборонительных операциях на кавказском направлении начались 21 июля с ударов по войскам противника, выдвигавшимся к Дону, и затем по переправам через Дон на участке от станицы Цимлянской до Азовского моря. Войска противника поддерживал 4-й воздушный флот (более 400 истребителей и бомбардировщиков, в то время как в 4-й воздушной армии насчитывалось 130 самолетов).

Подавляющее превосходство противника привело к отступлению советских войск. За период с 26 июля по 17 августа войска фронта отошли на 500–600 км. Части воздушной армии вели тяжелые неравные бои с противником, не имея в достаточном количестве горючего и боеприпасов. Летный состав участвовал в боевых действиях на пределе возможностей. Совершая ежедневно по несколько вылетов, летчики часто после выполнения очередного задания совершали посадки на новые аэродромы, т.к. за это время прежние оказывались в зоне боевых действий.

Несмотря на сложную обстановку, соединения армии вели воздушную разведку войск противника, а также принимали активные действия по их уничтожению. Только в период с 21 июля по 17 августа 1942 г. было произведено до 10 тыс. самолетовылетов. Непрерывные действия авиации сыграли значительную роль в замедлении наступления противника и в срыве замысла по окружению советских войск в предгорьях Кавказа. В ноябре 1942 г. наступление врага было остановлено, прорваться в Закавказье противнику не удалось. К этому времени советские войска стали получать подкрепление и соотношение сил начало меняться в их пользу. Перед Северной группой войск Закавказского фронта стояла задача разгромить 1-ю танковую армию противника и выходом на побережье Азовского моря отрезать пути к отступлению немецкой группе армий «А». В период подготовки наступления 4-я воздушная армия своими активными действиями против вражеской авиации заставила ее снизить активность (с 570 самолетовылетов в день в начале ноября до 140 к концу месяца).

Советское наступление началось 3 января 1943 г. Противник поспешно отступал на Ставрополь и Армавир. Погода была неблагоприятная, преобладала сплошная облачность, по утрам стояли туманы, шли снегопады и дожди. Несмотря на все трудности, летчики наносили чувствительные удары по врагу. Боевые задачи выполнялись небольшими группами, парами и одиночными самолетами. Дороги, по которым отходили войска вермахта, вследствие действий 4-й воздушной армии, были усеяны сожженными танками, автомашинами и трупами немецких солдат и офицеров.

В конце января 1943 г., когда войска Южного фронта вышли в район Батайска и отрезали пути отступления противнику на Ростов, немецкое

командование начало отводить остатки своей группировки на Кубань. Соединения 4-й воздушной армии были нацелены на поддержку войск Северо-Кавказского фронта, созданного в середине января на базе северной группы войск Закавказского фронта. Помимо уничтожения боевой техники и войск противника на поле боя и нанесения ударов по колоннам на дорогах, перед летчиками была поставлена задача вести борьбу с плавсредствами в Керченском проливе и транспортной авиацией противника, с целью срыва переброски фашистских войск с Тамани в район Крыма и Донбасса.

Совершив в феврале 300 самолетовылетов, штурмовики и бомбардировщики армии потопили 10 барж с войсками, разрушили 6 причалов. Не менее удачно действовали летчики против транспортной авиации противника. В ходе ударов по аэродромам было выведено из строя 60 самолетов и 17 грузовых планеров, сбито в воздухе 87 транспортных самолетов. В марте германское командование приняло решение любой ценой удержать низовья Кубани и Тамань. Эвакуация войск прекратилась, части начали получать пополнение живой силой и техникой. На аэродромы в южной части Украины, Крыма и Таманского полуострова враг перебросил до 1 тыс. самолетов 4-го воздушного флота, что составляло до 38 % всей его авиации на советско-германском фронте. Были привлечены лучшие истребительные соединения люфтваффе – эскадры «Удет», «Мельдерс», «Зеленое сердце» и др., а также специальная группа асов для борьбы с истребителями.

20 апреля 1943 г. был утвержден план авиационного наступления ВВС Северо-Кавказского фронта, в состав которого вошли 4-я и 5-я воздушные армии, усиленные тремя авиакорпусами и двумя авиадивизиями, оснащенными новыми самолетами. В общей сложности советская авиация насчитывала около 950 самолетов.

Первое воздушное сражение произошло 17–24 апреля в ходе боев на Малой Земле в районе Мысхако. Участвовало около 600 самолетов противника и 500 советских самолетов. Последующие сражения происходили в районе станиц Крымской (29 апреля – 10 мая), Киевской и Молдаванской (26 мая и 7 июня) и длились непрерывно многие часы с широким наращиванием сил сторон. В отдельные дни на сравнительно узком участке (23–39 км) происходило до 40 групповых боев с участием 50–80 самолетов с обеих сторон. Одновременно советская авиация наносила удары по аэродромам противника. В ходе воздушного сражения на Кубани были продемонстрированы высокая боевая готовность авиационных соединений и частей, мастерство летного состава и командных кадров, хорошо налаженное управление и взаимодействие. Зародились новые способы ведения воздушного боя и управления им: вертикальный маневр, эшелонирование по высоте боевых порядков, ввод в сражение резервов, управление групповым воздушным боем с наземных пунктов управления и др. Советские летчики продемонстрировали мужество, смелость, изобретательность. 52 летчикам было присвоено звание Героя Советского Союза.

8-я воздушная армия в Сталинградской битве, освобождении Ростова-на-Дону и в операции на Миус-фронте в 1942–1943 гг. 8-я воздушная армия под командованием генерал-майора авиации Т.Т. Хрюкина была создана

в мае 1942 г. из авиации Юго-Западного фронта в составе 10 дивизий (5 истребительных, 3 бомбардировочных, 2 штурмовых) и включала 454 самолета (в том числе 80 % старых и неисправных По-2, Ут-1, Ут-2, Р-5, И-16, И-153). Против 1200 самолетов противника это было в 2,6 раза меньше по количеству и в 13,3 раза – при сопоставлении соответствующих типов (90 самолетов). С 20 июля по 17 августа армия получила 23 полка (450 самолетов). 22 июля прибыл 32-й истребительный авиационный полк на Як-1 – лучшие летчики из Москвы, 25 июля – 434-й истребительный авиационный полк, сформированный В.И. Сталиным наполовину из лучших летчиков-инструкторов Качинского военного авиационного училища.

6 августа 1942 г. летчик 183-го истребительного авиационного полка старший лейтенант М.Д. Баранов, действуя в составе четверки против 25 самолетов противника, сбил 4 из них. Через два дня, 8 августа, был представлен к званию Героя Советского Союза. В тот же день во все 5 эскадрилий Качинского училища (каждая включала по 240 курсантов и располагалась на отдельном аэродроме) сели представители 8-й воздушной армии. Они потребовали по 30 летчиков от каждой эскадрильи. Всего Кача до конца года выдала в Сталинград 578 чел. Через 150 дней 8-я воздушная армия получила задачу сопровождать войска Южного фронта на освобождение Ростова. За эти дни она совершила 55 227 боевых вылетов (из них 30 тыс. на поддержку наземных войск), провела 1187 воздушных боев, уничтожила 1850 из 3567 самолетов противника (в том числе 470 на земле), сама потеряла 1400 самолетов и 1116 летчиков. Прошло через армию 120 авиационных полков. 33 чел. были удостоены звания Героя Советского Союза, 2 чел. – Героя России посмертно за Сталинградскую битву.

8-я воздушная армия в составе 2-го смешанного авиационного корпуса и 8 авиационных дивизий, в которых насчитывалось 640 боевых самолетов, из них 220 исправных, вела активные боевые действия, поддерживая наступление войск Южного фронта. Бомбардировщики и штурмовики уничтожали танки и живую силу противника в боевых порядках и в местах сосредоточения, препятствовали выдвижению вражеских войск к линии фронта. Истребители прикрывали наземные войска от ударов с воздуха, сопровождали группы бомбардировщиков и штурмовиков. Бомбардировщики и штурмовики, действуя преимущественно мелкими группами, внезапно появлялись над вражескими войсками и наносили им ощутимый урон. Результативно действовала в этот период истребительная авиация, уничтожая самолеты противника в воздухе, в первую очередь бомбардировщики. 2 января три летчика во главе с командиром 236-го истребительного полка капитаном С.М. Петуховым над полем боя встретили семь Ю-87. В воздушном бою были сбиты три бомбардировщика, остальные поспешно сбросили бомбы на свои войска.

Стремясь ослабить авиацию противника, командование 8-й воздушной армии уделяло большое внимание нанесению ударов по ее аэродромам. 9 января был совершен успешный налет на аэродром в Сальске, где скопилось до 150 вражеских самолетов. Группа Ил-2 622-го штурмового полка, ведомая командиром эскадрильи капитаном И.П. Бахтиным, под прикрытием семерки Як-1 236-го истребительного полка, которую возглавлял командир эскадрильи

старший лейтенант С.Л. Белоусов, внезапно появилась над целью. Штурмовики и истребители за 6 заходов уничтожили и повредили 72 транспортных самолета на земле, а 2 вражеских самолета сбили в воздухе.

Семерка Ил-2, ведомая командиром эскадрильи 806-го штурмового полка капитаном С.И. Лобановым, совершила успешный налет на вражеский аэродром в районе Таганрога. Было уничтожено 11 самолетов Хе-111. Два Хе-111 и один Ю-52 успели взлететь, но были сбиты в воздушном бою. Ударам подверглись и другие аэродромы. Активную помощь наступавшим частям оказала авиация юго-западнее Зимовников, где была разгромлена сосредоточенная для контрудара крупная вражеская танковая группировка.

Получив большой опыт в боях под Сталинградом, авиаторы смело вступали в воздушные схватки с численно превосходившим противником и выходили из них победителями. 27 января четверка Як-1 31-го гвардейского истребительного полка, прикрывая свои войска, встретила семерку Ю-88 и две пары Ме-109. Первую атаку наше звено произвело внезапно со стороны солнца, затем парами атаковало бросившиеся врассыпную «юнкерсы». В этом бою гвардии капитан Л.М. Решетов и гвардии лейтенант Н.Е. Глазов сбили по одному бомбардировщику, которые упали и сгорели в районе станицы Мечетинская.

В боях на подступах к Ростову совершил подвиг летчик-штурмовик лейтенант Г.А. Жовтоножко. 21 января 1943 г. летчики Жовтоножко и Думенко из 622-го штурмового авиаполка вылетели на штурмовку танковых и механизированных колонн противника в районе хутора Усьман, на западном берегу Маныча. При выходе на цель их атаковала четверка «мессершмиттов». Лейтенант Жовтоножко приказал своему ведомому Думенко, прикрываясь облачностью, уходить на свой аэродром, а сам вступил в бой с истребителями противника. Скоро Ил-2 был подбит, но летчик сумел посадить свой самолет на заснеженное поле у хутора Тузлуки. К самолету направились два немецких бронетранспортера с автоматчиками. Огнем из авиапушки Жовтоножко сумел подбить оба бронетранспортера, а когда боекомплект закончился, поджег самолет и, отстреливаясь из пистолета от вражеских солдат, попытался скрыться в лесополосе. Но прорваться сквозь вражеский заслон не удалось. Последнюю пулю Г.А. Жовтоножко пустил себе в висок.

2 февраля восьмерка Як-1 во главе с командиром эскадрильи 9-го гвардейского истребительного полка гвардии старшим лейтенантом Л.В. Алелюхиным встретила более 10 истребителей врага. Смелыми лобовыми атаками летчики сбили два Ме-109 и один Ме-110. Четверка истребителей этого же полка под командованием заместителя командира эскадрильи гвардии старшего лейтенанта Е.П. Дранищева провела бой с 25 бомбардировщиками и 7 истребителями противника. Гвардии младшие лейтенанты И.Г. Борисов и И.Я. Сержантов сбили в нем по одному бомбардировщику.

7 февраля части и соединения Южного фронта развернули наступление на участке от Новочеркасска до Батайска. В ходе ожесточенных боев авиация 8-й воздушной армии осуществляла непосредственную поддержку наземных войск и прикрывала их от ударов с воздуха. Были освобождены советские города Батайск, Азов, Шахты, Новочеркасск. Вскоре враг вынужден был оста-

вить Ростов-на-Дону и отойти на заблаговременно подготовленные рубежи. Попытки наступающих войск Южного фронта прорвать Миус-фронт с ходу успеха не имели, и 18 февраля они перешли к обороне. За период Ростовской наступательной операции части и соединения 8-й воздушной армии совершили свыше 5900 самолетовылетов, провели 125 воздушных боев, уничтожив 78 самолетов, большое количество техники и живой силы противника.

Бомбардировочная авиация противника, действуя с аэродромов Донбасса и Крыма, пыталась нарушить железнодорожные коммуникации фронта. Она неоднократно совершала налеты на Батайск и Ростов-на-Дону, где сходились пути из Сталинграда, Баку и Краснодара. За десять последних дней марта гитлеровцами произведено шесть массированных налетов, в которых участвовало свыше 250 бомбардировщиков и 90 истребителей. Нелегко пришлось советским истребителям. 25 марта произошло 15 воздушных боев, в которых было сбито 18 самолетов противника. В этот день летчик 9-го гвардейского истребительного полка гвардии старший лейтенант П.П. Коровкин таранил в лобовой атаке вражеский бомбардировщик. Коровкин был посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени. В воздушных боях над Ростовом и Батайском только 9-й гвардейский истребительный полк уничтожил 16 самолетов врага.

27 апреля успешный налет был совершен на станцию Успенскую, где скопилось несколько эшелонов с войсками и техникой врага. В ходе боя летчик 85-го гвардейского истребительного полка гвардии младший лейтенант А.Е. Голюк, видя, что ведущего атакует ФВ-190, пошел на воздушный таран, жертвуя своей жизнью ради спасения командира. Всего за март и апрель армия совершила 15 900 боевых вылетов, уничтожив значительное количество войск и техники врага, провела 105 воздушных боев, сбив 98 самолетов. В мае части 8-й воздушной армии нанесли несколько ударов по аэродромам гитлеровцев. На одном из них, вблизи Иловайска, было уничтожено 14 самолетов, а в районе Сталино летчики 270-й бомбардировочной дивизии разрушили летное поле и уничтожили 19 самолетов.

Успешные боевые действия в тылу противника вели истребители, организовавшие «свободную охоту». Вся фронтовая полоса была разделена на пять зон. Для увеличения радиуса полетов экипажи взлетали с передовых аэродромов в Ейске, Марьевке, Ровеньках. За 7 дней «охотники» выполнили 256 самолетовылетов, сбили 7 самолетов, уничтожили 29 автомашин, повредили 7 паровозов, потопили 3 катера. Высоких результатов добились гвардии старший лейтенант А.В. Алелюхин, гвардии лейтенанты П.Я. Головачев и И.В. Тимофеенко. Если в апреле на Ростов-на-Дону и Батайск гитлеровцами было сделано 1840, то в мае – уже более 3 тыс. самолетовылетов. В отдельные дни в небе над этими городами одновременно находились до 150 вражеских самолетов. Всего в мае части и соединения 8-й воздушной армии произвели 2510 боевых вылетов, в том числе 1366 днем и 1144 ночью.

Отважно сражались и девушки, ведя порой неравные воздушные бои. Шесть вражеских самолетов сбила гвардии лейтенант Е.В. Буданова из 73-го гвардейского истребительного полка. Она сражалась над Сталинградом,

Ростовом-на-Дону и в Донбассе. Правительство наградило ее орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени. В этом же полку воевала комсомолка Л.В. Литвяк, на боевом счету которой 12 сбитых самолетов.

Крайне ожесточенный характер носила борьба над Миус-фронтом. В июле летчики армии провели 273 воздушных боя и сбили 243 самолета противника, совершили 9395 боевых вылетов, повредив и уничтожив 290 танков, 122 орудия, 830 автомашин, выведя из строя свыше 2400 вражеских солдат. Активными действиями Южный фронт сковал крупную группировку в Донбассе, не позволив ему снять отсюда войска и перебросить их под Курск, где решалась судьба летне-осенней кампании 1943 г. Более того, для действий против Южного фронта противник перебросил значительные силы из-под Харькова. Гитлеровцы понесли существенные потери в живой силе и технике, в том числе в результате активных действий 8-й воздушной армии, которая на протяжении всего периода с февраля по август 1943 г. вела непрерывные бои, произведя 29 770 самолетовылетов.

С.Н. Ткаченко

Проблема численности авиатехники советских ВВС армии и флота перед проведением Керченско-Феодосийской морской десантной операции (1941 г.)

В многочисленных исследованиях утверждается, что непосредственно перед десантной операцией всей авиатехники насчитывалась 661 единица; из них 500 самолетов ВВС частей Закавказского фронта и 161 в ВВС Черноморского флота [1]. Хотя в отдельных работах численность морской авиации Черноморского флота указана в декабре 1941 г. в 345 самолетов, из которых 91 был неисправным (на 5 декабря) или в 379 самолетов (210 на аэродромах Кавказа и Кубани, 69 – в Севастополе) [2].

Изучение же непосредственных источников – планов ВВС фронта, расчетов штабов фронтовой и армейской авиации на операцию – показывают, что всего на конец второй декады декабря в сухопутной авиации всех родов было не более 420 самолетов всего, считая и неисправные – 41 (см. таблицу). В общей сумме с флотскими, всего, если принять указанные цифры советских изданий ранее закрытого характера, получается 765 самолетов, из которых 132 – неисправные. Т.е. боеготовых – не более 633 (естественно, надо учитывать как убыль летательных аппаратов в боях, так и восстановление после ремонта – процесс был постоянным, число менялось, но, видимо, незначительно).

Однако даже при изучении архивных документов остается множество вопросов. Неясно, почему в документах не учитывались самолеты связи, имевшиеся практически во всех авиационных полках. Например, по штату 015/174 от 10 сентября 1941 г. в истребительном авиаполку было два самолета типа У-2 или УТ-2 [3]. Но это только часть проблемы. Возможно, это противоречие можно

объяснить тем, что многие самолеты не учтены в исследованиях послевоенного периода вместе со своими авиационными формированиями. Например, почему-то забыты ВВС Азовской флотилии, имевшие свою историю [4].

Силы и средства ВВС накануне десанта (на 15–19 декабря 1941 г.) [5]

Авиационная дивизия, отдельная часть	Авиационный полк	Место дислокации на 15.12.1941	Место перебазирования на 19.12.1941	Основные типы самолетов	Количество самолетов*	Обслуживающая часть	Горючего, заправок // бомб, тонн // патронов, боекомплектов, на 19.12.1941
ВВС Закавказского фронта							
132-я АДДД (штаб – Кореновская)	6-й ДБП	Кореновская	Кореновская	ДБ-3; Як-1	18/3; 4/–	474-й БАО	1,5//80//4
	453-й ДБП	Новотиторовская	Новотиторовская	ДБ-3; Як-1	12/7; 6/–	453-й БАО	4//216//4
134-я АДДД (штаб – Краснодар)	12-й ДБП	Краснодар	Краснодар	ДБ-3; МиГ-3	22/3; 6/–	492-й БАО	10//446//6
	454-й ДБП	Пашковская	Краснодар	ТБ-3; МиГ-3; ДБ-3	8/2; 7/1 17/2	457-й БАО	1,5//203//12
367-й ББП		Крымская	Крымская	Пе-2	14/1	436-й БАО	н/д
482-й ИАП		Краснодар	Краснодар	И-153	25/–	126-я комендатура	н/д
150-я РАЭ		Крымская	Крымская	СБ	9/–	Свой тыл	4//24//4
ВВС 51-й армии							
71-я САД (штаб – Старонижнестеблиевская)	269-й ИАП	Варениковская	Варениковская	И-153	27/3	475-й БАО	20//16//4
	36-й ИАП	Красноармейская	Красноармейская	И-16	6/3	510-й БАО	3//30//12
	41-й СБП	Красноармейская	Красноармейская	СБ	15/-	475-й БАО	н/д//16// 3
12-й ИАП		Киевское	Краснодар	ЛаГГ-3	20/–	476-й БАО	5//16//4
247-й ИАП		Киевское	Киевское	ЛаГГ-3; Як-1	2/4; 4/2	476-й БАО	5//н/д//4
653-й ИАП		Запорожская	Краснодар	И-15	18/3	457-й БАО; 529-й БАО	н/д
507-я РАЭ		Крымская	Крымская	Пе-2	2/1	436-й БАО	н/д//4//4
151-я РАЭ		Киевское	Киевское	СБ	7/1	Свой тыл	2//24//4
23-я КАЭ		Абинская	Абинская	СБ	4/–	Свой тыл	2//12//4
ВВС 44-й армии							
135-я САД (штаб – Абинская)	265-й ИАП	Крымская	Абинская	СБ	16/1	458-й БАО	4//93//4
	367-й СБП	Абинская	Абинская	И-16	28/2	529-й БАО; 436-й БАО	36+6// 48+6//24+8

Окончание таблицы

Авиационная дивизия, отдельная часть	Авиационный полк	Место дислокации на 15.12.1941	Место перебазирования на 19.12.1941	Основные типы самолетов	Количество самолетов*	Обслуживающая часть	Горючего, заправок // бомб, тонн // патронов, боекомплектов, на 19.12.1941
27-я ИАД (штаб – Тимашевская)	347-й ИАП	Тамань	Тимашевская	И-153	28/3	514-й БАО; 473-й БАО	28//354//3
	268-й ИАП	Вышестеблиевская	Пашковская	И-16	19/–	457-й БАО; 498-й БАО	н/д//28//18
25-я ИАД (штаб – Варениковская)	270-й ИАП	Гостагаевская	Варениковская	И-153	27/–	510-й БАО; 517-й БАО	2//н/д//13
	25-й ИАП	Анапа	Крымская	МиГ-3	19/–	436-й БАО; 524-й БАО	В пути
152-я РАЭ		Абинская	Абинская	СБ	10/–	Свой тыл	н/д//24//4
40-я КАЭ		Дербент	Дербент	Р-5	9/–	Нет данных	
ВВС Черноморского флота и Азовской военной флотилии							
2-й ДБП (Преобразован Приказом НК ВМФ №73 от 03.04.1942 в 5-й ГМТАП ВМФ)		Константиновская, Курганная	Не перебазировалась, указан пункт постоянной дислокации	ДБ-3ф; ДБ-3	32	н/д	н/д
40-й СБП		Абинская, Крымская	– « –	СБ; Пе-2	41	н/д	н/д
7-й ИАП		Анапа	– « –	И-16; МиГ-3; Як-1,	н/д	н/д	н/д
3-й ИАП		Новороссийск	– « –	И-153; И-16; ЛаГГ-3	н/д	н/д	н/д
32-й ИАП		Лазаревская	– « –	И-153; И-16; МиГ-1, 3	н/д	н/д	н/д
9-й ИАП		Ейск	– « –	И-153; И-15бис	21	н/д	н/д
87-я ИАЭ		Ольшанское	– « –	И-153; И-15бис	9	н/д	н/д
Авиагруппа		Геленджик	– « –	Гидросамолеты	н/д	н/д	н/д

Используемые в таблице сокращения:
АДДД – авиационная дивизия дальнего действия
БАО – батальон аэродромного обеспечения
ББП – ближнебомбардировочный (авиационный) полк
ГМТАП – гвардейский минно-торпедный авиационный полк
ДБП – дальний бомбардировочный (авиационный) полк
ИАД – истребительная авиационная дивизия
ИАП – истребительный авиационный полк
ИАЭ – истребительная авиационная эскадрилья
КАЭ – корректировочная авиационная эскадрилья
н/д – нет данных
НК ВМФ – Нарком Военно-морского флота
РАЭ – разведывательная авиационная эскадрилья
САД – смешанная авиационная дивизия
СБП – среднебомбардировочный (авиационный) полк
* – исправных / неисправных самолетов на 19.12.1941

В июле 1941 г. советско-германский фронт придвинулся к берегам Азовского моря, и это вынудило руководство Наркомата Военно-морского флота СССР (вновь после 1921 г.) сформировать Азовскую военную флотилию. Кроме корабельных частей и соединений, выделенных из состава Черноморского флота, в нее были включены только что сформированная 9-я отдельная истребительная авиационная эскадрилья Военно-морского авиационного училища (далее – ВМАУ) им. Сталина (10 самолетов И-16) на аэродроме Ейск и с середины сентября 87-я отдельная истребительная авиационная эскадрилья, вооруженная самолетами И-15бис и И-153, на аэродроме Джанкой. Главными задачами этих авиационных частей было осуществление противовоздушной обороны Ейска и Мариуполя, а также прикрытие своих войск и ведение разведки в интересах командования флотилии.

В начале января 1942 г., когда сложилось тяжелое положение в Крыму, 87-я отдельная истребительная авиационная эскадрилья (далее – ОИАЭ) частью сил (7 И-16) была перебазирована на севастопольский аэродром Херсонес, где вошла в подчинение командиру 8-го истребительного авиаполка (далее – ИАП) ВВС Черноморского флота. Остальная часть эскадрильи продолжала вести боевые действия в интересах командования Азовской военной флотилии. Приказом Наркома Военно-морского флота 10 апреля 1942 г. 9-я ОИАЭ была выведена из состава Азовской военной флотилии и возвращена в подчинение начальнику Ейского ВМАУ с перебазированием в Моздок.

Всего же, по данным очевидцев событий на конец 1941 г., авиация Азовской военной флотилии, кроме 9 И-15 из 87-й ОИАЭ, насчитывала еще 21 самолет И-16 и Як-1 в 9-й ИАЭ, сюда же передавались 12 Ил-2 и 20 Р-10 в составе 23-го штурмового авиаполка (далее – ШАП), 7 штурмовиков Ил-2 в составе одной эскадрильи 37-го ШАП и 5 МБР-2 из 18-й эскадрильи 119-го морского разведывательного авиаполка; имелось и звено самолетов связи (2 У-2 и 1 УТИ-2) [6]. Всего 77 летательных аппаратов. И, хотя в таблице отмечены основные боевые единицы авиации Азовской флотилии, ее численность все же остается предметом дальнейших исследований.

Совершенно непонятно, учтены ли в общих данных летательные аппараты таких организаций, как учебные полки и военно-авиационные школы (в расчет таблицы, составленной по архивным документам Закавказского фронта, они не входят). Тем не менее известно, что на начало 1942 г. в 11-м, 25-м и 36-м запасных авиаполках и 8 авиационных школах Северо-Кавказского округа имелось около 800 самолетов, из них 125 истребителей, 107 бомбардировщиков и 568 учебных самолетов [7] .

Не учитываются (или отдельно не выделяются) и самолеты, находившиеся в частях Гражданского воздушного флота (далее – ГВФ) и авиаподразделениях связи, о которых стоит рассказать подробнее. В соответствии с мобилизационным планом Главного управления ГВФ к 7 июля 1941 г. было сформировано пять особых авиагрупп, переданных фронтам, и три авиационных отряда, предназначенных для флотов (в том числе Черноморский авиаотряд) [8]. Кроме того, в центре дополнительно было сформировано два авиационных соединения – так называемая Московская авиационная группа особого назначения (МАГОН) и особая авиационная группа связи. Первая представляла собой воздушно-транспортное средство обеспечения Ставки Верховного главнокомандования. В ней было сосредоточено до 80 % имевшихся в ГВФ самолетов типа Ли-2. Работа МАГОН сначала планировалась Управлением военных сообщений, а с ноября 1941 г. – непосредственно штабом тыла Красной армии [9].

Основной задачей авиагрупп ГВФ являлось обеспечение воздушно-транспортных перевозок частей Красной армии и Военно-морского флота. Они осуществляли перевозки начсостава, раненых, медикаментов, вооружения, боеприпасов, литературы; обеспечивали связь между армиями, дивизиями и выполняли другие задания, направленные на выполнение боевых задач частей Красной армии [10] .

До конца 1941 г. было создано еще три фронтовые авиационные группы. Особые авиационные группы (ОАГ) и отряды, комплектовавшиеся из ресурсов территориальных управлений ГВФ, не имели единого штата. Включенные в их состав самолеты отличались разнотипностью, не были вооружены и несли большие потери. На протяжении первого периода войны особые авиационные группы ГВФ являлись главным средством срочной доставки войскам действующей армии материальных средств (и в первую очередь десантам и частям, действовавшим в тылу врага, партизанам), а также эвакуации раненых. Кроме авиационных групп в ряде случаев для высадки воздушных десантов, доставки войскам фронтов материальных средств и эвакуации раненых использовались самолеты бомбардировочной авиации и особенно частей авиации дальнего действия, имевших в своем оснащении самолеты ТБ-3 и Ли-2. На май 1942 г. во всех ОАГ ГВФ насчитывалось около 870 самолетов [11].

С началом войны приказом начальника Главного управления ГВФ из авиационных подразделений, базировавшихся в Ростове-на-Дону, Краснодаре, Минеральных Водах, Ставрополе, Грозном и других пунктах, была сформирована Особая группа ГВФ под командованием начальника Азово-Черноморского Кавказского управления И.Х. Хальнова (начальник политотдела М.С. Кардинский, начальник штаба Г.С. Цатуров, главный инженер А.И. Погольский) [12].

Она состояла из пяти эскадрилий (самолеты К-5, П-6, Аир-6, У-2) и с 5 декабря 1941 г. вошла в оперативное подчинение командующего авиацией 56-й Отдельной армии, а затем использовалась в интересах командования Закавказского (после 30 декабря 1941 г. – Кавказского) фронта. Эскадрильями командовали К.И. Захаров, М.А. Курепин, С.Т. Донец, И.Ф. Исаев, В.С. Коротков. Экипажи этой группы вели воздушную разведку войск противника и захваченной территории, плавсредств в Азовском и Черном морях, сбрасывали листовки, летали к партизанам, перевозили различные грузы и личный состав, эвакуировали раненых, мирных жителей и ценное имущество, наносили бомбовые удары по переднему краю и военным объектам в тылу противника.

Увы, пока проблематичным остается точная численность указанной группы ГВФ. Это также касается и отдельных звеньев связи, которые хотя и были по штату немногочисленными (4 легкомоторных самолета), но, как указывалось выше, находились во всех звеньях: от штаба фронта до корпусного штаба [13]. Для Кавказского фронта это ориентировочно от 20 до 36 самолетов, более точный подсчет пока не осуществлен ввиду отсутствия документов.

Каждая фронтовая часть ГВФ имела подразделение санитарной авиации. Кроме того, звено санитарных самолетов придавалось штабу армии. Летчики этих авиаподразделений выполняли свою работу с большим напряжением, производя до 25 вылетов в сутки и эвакуируя сотни раненых. Так, например, только Киевская авиагруппа ГВФ за май 1942 г. эвакуировала 1391 раненого, а за время оборонительных боев на Украине летчики этой авиачасти эвакуировали с линии фронта в тыл около 4500 раненых бойцов и командиров [14].

Таким образом, численность самолетов в группировке советских войск из частей, соединений и объединений Закавказского фронта и Черноморского флота остается дискуссионной. Данные, приводимые еще в литературе советского периода, являются неполными и не учитывают ряд обнаруженных в настоящее время количественных и качественных показателей.

Примечания:

1. Практически все обобщающие издания советского периода, как правило, ссылаются на: История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 4. М., 1975. С. 296.
2. Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в цифрах. М., 1962. С. 81; Керченско-Феодосийская десантная операция Черноморского флота 26–31 декабря 1941 года: сборник материалов по опыту боевой деятельности военно-морского флота СССР № 10. М.; Л., 1944. С. 9.
3. Анохин В.А., Быков М.Ю. Указ. соч. С. 928.
4. Левшов П.В., Болтенков Д.Е. Указ. соч. С. 85.
5. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 209. Оп. 1089. Д. 12, 31, 33; Левшов П.В., Болтенков Д.Е. Век в строю ВМФ. Авиация военно-морского флота России. 1910–2010 гг.: справочник. СПб., 2012; Анохин В.А., Быков М.Ю. Все истребительные полки Сталина. Первая полная энциклопедия. М., 2014.
6. Свердлов А.В. На море Азовском. М., 1966. С. 22–23, 221.
7. Гречко А.А. Годы войны. М., 1974. С. 169.
8. Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2–2). Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. – 1942 г. М., 1997. С. 21–22.

9. Тыл советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1977. С. 252–253.
10. Ткаченко С.Н. Организация деятельности Гражданского Воздушного Флота СССР в 1942–1944 годах и его взаимодействие с партизанами Крыма // Культура народов Причерноморья. 2010. № 187. С. 82–85.
11. История гражданской авиации СССР. М., 1983. С. 112.
12. В небе остаются следы: Очерки о зарождении и развитии гражданской авиации на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1982. С. 37–38.
13. Пересыпкин И.Т. Связь сердец боевых. Автобиографический очерк. Донецк, 1974. С. 149.
14. Горяшко А.М. Гражданская авиация Украины. Киев, 1982. С. 83.

А.Ю. Безугольный

«Резервов фронт не имел...»: планирование и организация обороны советских войск на Нижнем Дону летом 1942 г.[1]

Главной целью летней стратегической кампании вермахта 1942 г. было овладение Кавказом с его продовольственной базой и источниками минерального сырья, в первую очередь, нефтью. Захват Кавказа также давал противнику возможность выхода на Ближний Восток и создания угрозы коммуникациям западных союзников, а также втягивания в войну потенциального союзника Германии – Турции. Советское военно-политическое руководство не сумело правильно оценить силы и намерения противника и на волне зимних побед 1941/1942 гг. рассчитывало развить стратегический успех. Однако попытки провести крупные наступательные операции на харьковском направлении и в Крыму обернулись катастрофой.

Захватив стратегическую инициативу, немецкие войска стремительно наступали в междуречье Северского Донца и Дона, стремясь выйти в его низовья, а затем на Северный Кавказ и в район Сталинграда. Эта задача возлагалась на группу армий «Юг», которая в дальнейшем была разделена на две группы армий: «А» (1-я танковая и 17-я немецкие армии, командующий – генерал-фельдмаршал В. Лист) и «Б» (2-я, 4-я, 6-я танковые немецкие и 2-я венгерская армии, командующий – генерал-фельдмаршал Ф. Бок).

28 июня 1942 г. из района северо-восточнее Курска немецкие войска повели наступление на воронежском направлении и прорвали оборону войск Брянского фронта. В ходе Воронежско-Ворошиловградской оборонительной операции (28 июня – 24 июля 1942 г.) части Красной армии были вынуждены под ударами превосходивших сил противника отойти на 150–400 км на юг и юго-восток. Преследовавшему их врагу удалось развернуть наступление в большой излучине Дона, откуда он намеревался действовать в двух направлениях – на Кавказ (группа армий «А») и на Сталинград (группа армий «Б»).

[1] Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ 14-01-00300 «Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.)».

Уже в начале июня 1942 г. обозначилась явная угроза Северному Кавказу. Между тем нижнее течение р. Дон как возможный рубеж обороны был слабо подготовлен к боевым действиям. В период между двумя военными кампаниями зимой и весной 1941/1942 гг. донской рубеж в низовьях реки от устья до станицы Верхнекурмоярской входил в зону ответственности Северо-Кавказского военного округа (далее – СКВО) с весьма скудными ресурсами. Достаточно сказать, что огромный участок с центром в Сальске, прикрывавший стратегическое железнодорожное направление Ростов – Сталинград, обеспечивали курсы младших лейтенантов, дивизион бронепоездов и пулеметно-минометное училище [1]. Впрочем, в тот период возможными считались лишь действия воздушных десантов противника. К началу лета 1942 г. обстановка резко осложнилась и донской рубеж был поручен войскам Северо-Кавказского фронта, составленного из остатков войск Крымского фронта [2]. 2 июня фронту была поставлена задача: в случае попытки прорыва противника на ростовско-кавказском направлении, держать оборону на обширном рубеже Семикаракорская – Манычская – Кагальник – побережье Азовского моря. В качестве подвижного резерва фронт имел лишь одну кавалерийскую дивизию и одну танковую бригаду.

В инженерном отношении оборонительный рубеж по Дону также оказался слабо развит. Еще в октябре 1941 г., во время тяжелых оборонительных боев на ростовском направлении, Государственный комитет обороны принял решение о масштабной подготовке к обороне южного берега (от села Кагальник до станицы Верхнекурмоярской), включавшей в себя сооружение противопехотных и противотанковых заграждений, долговременных земляных и бетонных огневых точек, в первую очередь – в местах наиболее вероятной переправы частей противника. На работы планировалось мобилизовать до 300 тыс. местных жителей [3]. Работы не были завершены, но и этот труд в значительной мере пропал даром. В результате сильного разлива Дона весной 1942 г. оборонительный рубеж существенно пострадал. В апреле 1942 г. командующему войсками СКВО была поставлена задача к 1 июня 1942 г. завершить строительство и восстановление оборонительных сооружений на Дону [4]. Но к началу июля донская долина так и не успела просохнуть, а ряд районов оставался залитым водой (от станицы Николаевской до устья). Поэтому восстановительные работы здесь так и не были завершены [5]. Командование было ограничено в возможностях использования местного населения, т.к. часть людей и гужевого транспорта необходимо было оставлять для ведения сельскохозяйственных полевых работ [6]. 21 июля 1942 г., когда линия фронта подошла уже вплотную к правому берегу Дона, штаб Северо-Кавказского фронта констатировал, что, несмотря на неоднократные указания по строительству оборонительных рубежей и сооружений, «до сих пор имеет место преступно-халатное отношение ряда командиров к организации прочной обороны р. Дон». Выведенные на новые участки стрелковые дивизии не уделяли должного внимания строительству оборонительных сооружений и восстановлению старых, а также приспособлению к обороне населенных пунктов [7]. Всем воинским начальникам было категорически приказано устранить недочеты и докладывать о ходе

работ в Военный совет фронта каждые 10 дней [8]. Однако такой возможности больше не представилось: вскоре развернулось стремительное наступление противника на левый берег Дона.

На левом, открытом и пологом берегу реки советским войскам не только не нашлось, за что «зацепиться», но фактически было и нечем. Части Северо-Кавказского фронта были немногочисленны, войска же отступавших в южном и юго-восточном направлениях Южного и Юго-Западного фронтов и вовсе были деморализованы, беспорядочно отступали и в большинстве своем организованной силы собой не представляли. Пытаясь распутать клубок проблем и наладить руководство войсками, советское военно-политическое руководство проводило перманентные реорганизации, переподчиняя оборонявшиеся войска то одному, то другому фронту. 11 июля 1942 г. «в связи с наступлением противника на миллеровском направлении и возможным стремлением его, действуя между р. Северный Донец и р. Дон, обойти Ростов с востока» [9], директивой Ставки оборона р. Дон «во всех отношениях» от устья до Верхнекурмоярской была возложена на Северо-Кавказский фронт. Командующему фронтом маршалу С.М. Буденному поручалось учесть и взять под охрану все переправы и переправочные средства на данном участке обороны [10]. 12 июля в места возможных переправ были выведены полки гвардейских реактивных минометов, которых, впрочем, удалось найти только три [11].

Между тем утром 12 июля танки противника заняли узел дорог Чертково и изготовились наступать далее на юг, в направлении Миллерово. В этот день в переговорах с командующим Южным фронтом генерал-лейтенантом Р.Я. Малиновским И.В. Сталин так оценил ситуацию: «В нынешней обстановке немцы имеют главную задачу выйти на Сталинград, перерезать единственную оставшуюся железнодорожную линию Сталинград – Тихорецкая, связывающую север с югом, разрезать таким образом весь советский фронт надвое и прервать связь между севером и тремя южными фронтами, а именно: Юго-Западным, Южным и Северо-Кавказским. Это теперь самая большая опасность» [12]. Командующий Южным фронтом признался, что не сможет противостоять противнику, и просил Ставку организовать фланговый контрудар силами Юго-Западного фронта, с которым, однако, у него не было связи, как и с 7-й резервной (с 12 июля – 62-й) армией, готовившей оборону Сталинграда [13]. Ставка решила большую часть сил Юго-Западного фронта (9-ю, 28-ю, 38-ю, 57-ю армии) переподчинить Южному фронту, а управление Юго-Западного фронта перебросить в Сталинград для организации обороны города с переименованием в Сталинградский фронт. В задачу Южного фронта входило «организовать решительный отпор противнику», продвигавшемуся на восток между Миллерово и Мигулинской.

Впрочем, наращивание сил Южного фронта оказалось формальным: о судьбе дивизий 28-й, 38-й и 57-й армий и 22-го танкового корпуса, также ранее входившего в состав Юго-Западного фронта, ничего не было известно. Ставке с трудом удалось выяснить, что армейские штабы уже отошли за Дон. Оставалось неясным, «куда девались войска этих армий и какова их судьба, продолжают ли они борьбу или взяты в плен». В распоряжение Южного фронта

эти войска (по словам Сталина, «кажется, там было 14 дивизий») так и не поступили, и Ставка требовала разыскать их у прежнего «хозяина» – Сталинградского фронта [14]. В конце концов 17 июля штабы 28-й, 57-й и 38-й армий с их средствами связи и отошедшими к ним войсками было решено вернуть в распоряжение командующего Сталинградским фронтом [15]. На него была возложена оборона большой излучины Дона с задачей не допустить форсирования противником реки [16].

16 июля Южному фронту директивой Ставки было приказано немедленно начать отход на рубеж р. Дон от Верхнекурмоярской до Ростова, уничтожая за собой все объекты инфраструктуры и уводя все мужское население, способное носить оружие [17]. Северо-Кавказский и Сталинградский фронты пока оставались в тылу Южного фронта. Разграничительная линия между ними была установлена по населенным пунктам: Верхнекурмоярская, Кетченеры, Астрахань; все пункты кроме Верхнекурмоярской – включительно для Сталинградского фронта. 17 июля командующему Сталинградским фронтом было поручено выслать усиленные передовые отряды, сформированные из курсантов военных училищ, на рубеж р. Цимла и в районе станицы Цимлянской войти в соприкосновение с войсками Северо-Кавказского фронта [18].

Войска Северо-Кавказского фронта к концу июля включали в себя части 51-й (5 стрелковых и 2 кавалерийские дивизии с частями усиления), 47-й (1 стрелковая дивизия и 3 стрелковые бригады с частями усиления) армий, Отдельного стрелкового корпуса (3 стрелковые бригады) и 17-го казачьего кавалерийского корпуса (4 кавалерийские дивизии). Во фронтовом резерве имелись 1 стрелковая дивизия и 1 стрелковая бригада. К началу боев большую часть соединений удалось укомплектовать до штатной численности (или близко к этому значению) людьми, техникой, тяжелыми и стрелковыми вооружениями, поэтому они представляли собой вполне боеспособные войска. Однако участок фронта, который им предстояло защищать, оказался непомерно протяженным, не защищенным в инженерном отношении по фронту и в глубину. Открытая степная местность была крайне неблагоприятна для маневров; впрочем, подвижных резервов фронт не имел [19]. В составе фронта не было ни одного танка, а авиация из-за нехватки горючего и перебоев связи в самые напряженные дни боев в конце июля практически не действовала [20].

Главная тяжесть оборонительных боев на Дону легла на плечи наиболее укомплектованной 51-й армии (в июне командующий – полковник А.М. Кузнецов, со 2 июля – генерал-майор А.М. Труфанов). 15–17 июля на участки обороны 138-й и 91-й стрелковых дивизий от Верхнекурмоярской до Семикаракорской были переброшены дополнительно 115-я кавалерийская дивизия и 18-й полк гвардейских минометов, а также 157-я и 320-я стрелковые дивизии [21]. Чтобы оперативно реагировать на изменения обстановки, в середине июля в составе 51-й армии был сформирован Отдельный кавалерийский корпус (115-я кавалерийская дивизия, 255-й кавалерийский полк, 19-й полк гвардейских минометов и 1246-й истребительно-противотанковый полк). Дислоцируясь в районе населенных пунктов Рубашкин, Мартыновка, Батлаевский, Московский, корпус готовился в зависимости от обстановки действовать

в направлениях на Константиновскую, Цимлянскую, Нижне-Яблочный [22]. Через несколько дней в состав этой ударной группы были включены две танковые бригады – 135-я и 155-я.

По мере отступления войск Южного фронта в южном направлении его части стали перемешиваться с войсками Северо-Кавказского фронта, поэтому 21 июля Ставка определила линию разграничения двух фронтов по реке Дон: Южному фронту был определен рубеж обороны от Батайска до устья реки Сал (22 июля он был продлен на восток до Константиновской). Районом действий Северо-Кавказского фронта по южному берегу Дона следовало считать участок от устья Сала (с 22 июля – от Константиновской) до Верхнекурмоярской [23]. Отступавшие на его участке войска Южного фронта подчинялись Северо-Кавказскому фронту, приводились в порядок и возвращались на усиление обороны Дона [24].

К этому времени войска Южного фронта уже фактически были разгромлены противником. Относительную боеспособность сохраняли только 12-я и 18-я армии. Входившие в их состав 9 стрелковых соединений насчитывали по 800–1200 штыков. 37-я армия имела 4 стрелковые дивизии по 500–800 штыков каждая. В 9-й, 24-й и 56-й армиях имелись только войсковые штабы, специальные и тыловые части. Например, в 9-й армии насчитывалось лишь 2128 активных штыков, а в 24-й – всего 1113 чел. со 170 активными штыками [25]. Всего в боевых частях Южного фронта числилось не более 12 тыс. штыков, 15 танков, преимущественно легких, 126 исправных самолетов, которые летали нерегулярно из-за нехватки горючего [26]. Командующий фронтом видел выход в том, чтобы «быстро усиливать 51-ю армию причем, главным образом, танковыми и моторизованными силами за счет закавказцев и действовать группой 64-й армии и танковыми бригадами со стороны Сталинграда в общем направлении на Ремонтную и вдоль южного берега Дона» [27]. Эти пожелания были нереализуемыми.

22 июля Ставка в очередной раз попыталась наладить управление войсками, оборонявшими низовья Дона, на этот раз намереваясь возложить всю оборону от Батайска до Цимлянской на командование Южного фронта. Однако в этот день обстановка резко осложнилась. Поступила предварительная информация о том, что немецкие войска сразу в нескольких местах переправились на левый берег Дона [28]. Завязались уличные бои в Ростове-на-Дону. 25 июля многократные форсирования Дона противником стали уже свершившимся фактом. К 26 июля советские войска вынуждены были оставить Ростов. После этого, как сообщал в Ставку маршал С.М. Буденный, только отдельные части Южного фронта продолжали отходить организованно, «а большинство войск, будучи в деморализованном состоянии, бежали, куда глаза глядят» [29]. В свою очередь, сообщая о положении дел на участке 18-й армии, командир 17-го казачьего кавкорпуса Н.Я. Кириченко отмечал: «Фактически никто не знает о том, занимают ли эти дивизии указанные им полосы обороны по южному берегу р. Дон или нет; и штабы соединений не знают истинного положения своих полков» [30]. По тем же данным штаб 56-й армии контролировал действия только двух своих дивизий, а «остальные дивизии – неизвестно где» [31].

В очередной раз последовали организационные изменения, нацеленные на улучшение управления войсками. В состав Южного фронта все-таки была передана 51-я армия и ее полоса обороны до Верхнекурмоярской. На Северо-Кавказский фронт возлагалась второстепенная задача обороны северо-западного и западного побережья Азовского и Черного морей от Азова до Лазаревского [32]. Северо-Кавказский фронт передавал в распоряжение Южного всю свою авиацию. В составе Северо-Кавказского фронта оставалось немного войск – 1 кавалерийский корпус в составе 4 дивизий, 2 стрелковые дивизии, 4 стрелковые и 1 танковая бригады и несколько артиллерийских полков. При этом фронту поручался участок протяженностью свыше 900 км [33].

Организационная чехарда, связанная с многократным переподчинением армий и соединений разным фронтам, отрицательно сказалась на управляемости войсками в обстановке неразберихи и паники. Многие командиры отступающих частей Южного фронта не признавали приказов начальников Северо-Кавказского фронта: до них приказы о переподчинении просто не доходили [34]. Тем не менее 28 июля произошла последняя реорганизация с целью удержания рубежа Дона. На этот раз директивой Ставки № 170 534 Южный фронт вливался в состав Северо-Кавказского фронта под командованием маршала С.М. Буденного. Командующий Южным фронтом генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский становился его заместителем. Объединенному фронту давалась наступательная задача: «Упорной борьбой не только остановить на занимаемых рубежах дальнейшее продвижение противника на юг, но во что бы то ни стало активными действиями вернуть Батайск и восстановить положение по южному берегу р. Дон» [35]. В развитие директивы Ставки 28 июля в 14.00 маршал Буденный объявил приказ № 00596/оп, согласно которому войска фронта «с утра 30.7.1942 переходят к решительным действиям по уничтожению противника на южном берегу р. Дон и к прочной обороне рубежа р. Дон» [36]. От войск требовалось прекратить дальнейший отход, «быть готовыми перейти в наступление». Наиболее боеспособному объединению фронта – 51-й армии и ее ударной группе – ставилась задача ударом между реками Дон и Сал уничтожить противника, прорвавшегося в район Николаевка, Константиновка. Малочисленные 37-я, 12-я и 18-я армии должны были перейти в наступление 30 июля и овладеть рубежом р. Дон. Также 30 июля в наступление должен был перейти свежий 17-й казачий кавалерийский корпус и приданная ему танковая бригада, им ставилась задача совместно с частями 12-й и 18-й армий уничтожить батайскую группировку противника [37].

Распоряжения о переходе в контрнаступление отдавались в обстановке непрерывно ухудшавшейся ситуации на фронте. К утру 28 июля немецкие войска форсировали Дон уже во многих местах, глубоко вклинившись в оборону советских войск, и развивали наступление в двух направлениях – Сусатский – Веселый и Батайск – Кагальницкая [38]. Очевидно, отдавая распоряжения о переходе в контрнаступление, высшее командование РККА уже осознавало бесполезность и гибельность таких действий и готово было смириться с потерей донского рубежа и дальнейшим глубоким отходом на территорию Северного Кавказа. Не случайно в директиве Ставки требование навязать противнику

борьбу сочеталось с распоряжением «одновременно с этим выделить часть сил и занять рубеж по южному берегу р. Кубань, по Краснодарскому обводу до Темижбекской».

За несколько часов до издания директивы Ставки о контрнаступлении командующий Северо-Кавказским фронтом С.М. Буденный направил на имя И.В. Сталина большой доклад. Вразрез со своим цитированным выше категорическим приказанием войскам перейти в наступление 30 июля в донесении Верховному главнокомандующему он фактически признавал, что противника не удастся остановить не только на рубеже р. Дон, но и далее, и настойчиво предлагал организовать новый рубеж обороны по р. Терек, Главному Кавказскому хребту и Черноморскому побережью. По сути, уступить врагу всю территорию Северного Кавказа, выиграв время для тщательной подготовки обороны на новых естественных рубежах, прежде всего, за счет войск Закавказского фронта, прикрывавших границу с Турцией. Не дожидаясь решения Ставки, уже ночью 28 июля штаб Северо-Кавказского фронта направил в штаб Закавказского фронта телеграмму с конкретными предложениями о закрытии перевалов, предупредив, что из-за недостатка сил обеспечивать стык с левым флангом 46-й армии Закавказского фронта, занятой на перевалах, Северо-Кавказский фронт не мог [39].

Как ни фантастично звучали в тот момент предложения маршала Буденного, однако ближайшее будущее показало, что именно этот замысел был реализован. Уже на следующий день командующему Закавказским фронтом генералу армии И.В. Тюленеву Ставкой были отданы распоряжения о переброске войск фронта из Закавказья на север для организации обороны по р. Терек. В дальнейшем именно на войска Закавказского фронта, в состав которого влились остатки Северо-Кавказского и Южного фронтов, легла основная тяжесть боев по обороне Северного Кавказа, продлившихся до конца декабря 1942 г. Малочисленный Северо-Кавказский фронт, как и ожидалось, не смог организовать контрудара и, продолжая отступать, был прижат к Черноморскому побережью и далее вел боевые действия фронтом на запад. Сам маршал Буденный через месяц был отозван с Северного Кавказа, а дело обороны региона было возложено на командующего Закавказским фронтом генерала армии И.В. Тюленева.

Примечания:

1. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 224. Оп. 760. Д. 25. Л. 5.
2. Там же. Ф. 224. Оп. 760. Д. 25. Л. 35.
3. Кринко Е.Ф. Весеннее половодье и его последствия для советской обороны против вермахта на Нижнем Дону в 1942 г. // Военный сборник. 2014. № 1. С. 42.
4. ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 25. Л. 476.
5. Кринко Е.Ф. Указ. соч. С. 47–48.
6. ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 760. Д. 25. Л. 127.
7. Там же. Д. 26. Л. 68.
8. Там же. Л. 69.
9. Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942. Т. 16 (5–2). М., 1996. С. 299.

10. Там же. С. 300.
11. Там же. С. 303–304.
12. Там же. С. 301.
13. Русский архив. Т. 16 (5–2). С. 301.
14. Там же. С. 308–309.
15. Там же. С. 312.
16. Там же. С. 302.
17. ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 760. Д. 7. Л. 83–85.
18. Русский архив. Т. 16 (5–2). С. 315.
19. ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 760. Д. 38. Л. 167–170.
20. Там же. Л. 5.
21. Русский архив. Т. 16 (5–2). С. 310, 312.
22. ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 760. Д. 38. Л. 177–178.
23. Русский архив. Т. 16 (5–2). С. 316.
24. Там же. С. 310.
25. ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 760. Д. 35. Л. 4.
26. Там же. Д. 36. Л. 2–3.
27. Русский архив. Т. 16 (5–2). С. 318.
28. Там же. С. 317.
29. ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 760. Д. 36. Л. 2.
30. Там же. Д. 17. Л. 133.
31. Там же. Л. 134.
32. Русский архив. Т. 16 (5–2). С. 327.
33. Там же. С. 530.
34. ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 760. Д. 17. Л. 135.
35. Русский архив. Т. 16 (5–2). С. 330.
36. ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 760. Д. 26. Л. 121.
37. Там же. Л. 122.
38. Там же. Д. 35. Л. 1.
39. Там же. Д. 25. Л. 408–408об.

А.Ю. Кудряков

Битва за Ростов. Неизвестный немецкий источник

События, связанные с боями за Ростов-на-Дону в июле 1942 г., до сих пор мало изучены. Факты героизма, самопожертвования солдат и офицеров Красной армии, давших в те июльские дни отпор превосходившим их силам немцев, укрыты густым туманом заблуждений, домыслов и откровенной лжи. Вследствие этого источники, повествующие о сражении за донскую столицу летом 1942 г., имеют огромное значение для исследователей этого периода. Особенно если это источники мемуарного характера, написанные непосредственным очевидцем и участником боев за Ростов.

Именно к таким ярким и интересным источникам относится небольшая книга воспоминаний офицера вермахта В. Зандера (W. Sander) «Битва за Ростов» (“Der Kampf um Rostow”) [1]. Автор начал записывать свои воспоминания о боях на улицах Ростова, еще находясь после ранения в ростовском госпитале

в августе 1942 г. В конце 1960-х гг. в приложении к журналу "Der Landser" (в переводе с нем. «Солдат», основан в 1957 г. бывшим офицером люфтваффе Бертольдом Йохимом) вышли в виде брошюры его воспоминания, которые имели название «Битва за Ростов. Ожесточенная борьба за город на Азовском море». Офицер Зандер в своих мемуарах явно не блещет литературными талантами, язык автора скупой, простой, лишенный образов, это язык солдата. Зато весь его рассказ – это настоящая «окопная правда» войны. Повествование, где каждая строчка полна свиста пуль, взрывов мин и снарядов, криков раненых и гула разрушающихся зданий, не вызывает сомнений в том, что написано оно действительно непосредственным участником тех кровавых событий.

С первых страниц мемуаров автор отдает должное Красной армии и ее командованию, как сильному, смелому, опытному противнику. «Тимошенко отступает грамотно и воюет там, где имеет хорошие преимущества» [2], – читаем мы в начале мемуаров. Ростов-на-Дону был именно таким местом, немецкая армия увидела его «приведенным в замечательную боевую готовность… он выглядел как армейский лагерь. Все дороги были забаррикадированы, каждый дом стал очагом сопротивления. Основную часть русской обороны составляли фанатично борющиеся элитные подразделения НКВД» [3].

Главный герой мемуаров – 26-летний командир немецкого батальона капитан Ханк – руководит боевой группой «Сколик», сражавшейся вместе со 125-й пехотной дивизией и 5-й моторизованной дивизией СС «Викинг» в самом центре Ростова: «…как центральная фигура этой истории, во главе своего батальона, капитан Ханк испытывал до последнего всю глубину и ужас страданий солдата» [4]. Без сомнения, автор книги и капитан Ханк из рассказа – одно и тоже лицо. Но писать героические мемуары от первого лица в те времена, когда война была в разгаре, не позволяли честь и воспитание немецкого офицера-фронтовика. Поэтому в тексте мы видим бои в городе глазами командира Ханка. Рядом с ним сражаются такие известные участники боев за Ростов, как командир дивизии «Викинг» обергруппенфюрер СС Ф. Штайнер, командир батальона этой же дивизии штурмбаннфюрер СС Зиберт, командир 421-го пехотного полка вермахта полковник Рейнхард, командир боевой группы (кампфгруппен) майор Сколик. В мемуарах приводится много интересных фактов из боевых будней этих немецких офицеров. Они позволяют понять, как и какие ими принимались решения, какие отдавались приказы и команды, и, главное, ощутить, что до последней минуты сражения эти командиры совершенно не были уверены во взятии донской столицы. Наоборот, возможность поражения и даже разгрома немецких войск на улицах Ростова была для них совершенно очевидна и предсказуема.

И в первую очередь разгром фашистских частей в битве за столицу Дона был возможен благодаря мужеству и героизму советских солдат. В мемуарах фронтовика, а их автор воевал в вермахте с 1939 г., видно огромное уважение к отваге и самопожертвованию бойцов Красной армии. В тексте множество примеров подвигов наших солдат, которыми восхищался немецкий офицер: «Он [командир РККА. – *А.К.*] упал ничком, накрыв собой гранату, которая секундой позже убила его. Это произвело на Ханка сильное впечатление.

Пробегая мимо, он забыл об осторожности и остановился у страшно изуродованного трупа советского офицера» [5]. Автор описывает мужество русских солдат, шедших в атаку на пулеметы, дравшихся за каждое здание, за каждый этаж, за каждое метр земли родного города. Немцы то и дело оказывались в окружении и уничтожались гранатами, огнем минометов и снайперов, танками. По мнению немецкого офицера, командование Красной армии заманило атакующих немцев в паутину улиц, переулков и тупиков, как в ростовскую смертельную ловушку, чтобы разгромить и уничтожить. Так, автор цитирует майора Сколика, который вечером 22 июля на совещании в штабе боевой группы говорил: «Я схожу с ума. Что все это значит? Если мы хотим пережить завтрашний день, нам необходимо прорываться из окружения. Если мы не сделаем этого, Ханк, всем нам конец. Боеприпасов уже мало. Боевые группы исчезают. В большинстве рот не более 30 мужчин!» [6]. В штабе 2-го батальона полка «Дойчланд» дивизии СС «Викинг» раненый командир батальона штурмбанфюрер Зиберт говорил главному герою повествования: «Окружены, отрезаны и мы. А там, где стояла его и 421-го пехотного полка вермахта команда, теперь уже давно русские» [7]. Штабы боевых групп майора Сколика и штурмбаннфюрера СС Зиберта находились в подвалах разрушенных зданий в центре города. Именно исторический центр Ростова стал местом окружения и могилой для многих немецких солдат. В каждом абзаце своих мемуаров автор со скорбью описывает гибель своих боевых товарищей, с кем он сражался еще с начала Восточного похода. «Лейтенант Лойфген умер несколько минут назад на руках у санитаров роты. Несколько попыток перетащить наших раненых были встречены русским огнем» [8]. Или: «Шлусеман истекал кровью… Судорожно сглотнул и, задыхаясь, выдавил: “Не беспокойтесь обо мне, я не смогу пережить это, уже все, конец”» [9]. И далее по тексту: «Лейтенант Брайтнер не шевелился. Ханк прикоснулся к нему. В двух местах – в районе шеи и на левой стороне груди – его форма была мокрой от крови. Второй лейтенант был уже мертв» [10].

Немцы погибали в Ростове целыми подразделениями. На страницах мемуаров мы находим рассказ об уничтожении отряда мотопехоты дивизии СС «Викинг»: «По руинам здания ехал Т-4. За танком следовала пехота “Викингов”. В то время как гренадеры СС занимали позиции, поддерживающий их танк открыл огонь. В это время подъехали три советских Т-34, чтобы уничтожать эсесовцев, расположившихся в окопах. Ханк услышал предсмертные крики гренадеров СС. Вскоре там, где была немецкая мотопехота, появились красноармейцы… Ханк понял, что солдаты СС все были уничтожены» [11]. Подобных свидетельств уничтожения целых рот немецкой армии в мемуарах достаточно.

Кроме того, в тексте много говорится об отличной подготовке отрядов Красной армии к уличным боям. «Русские были вооружены до зубов автоматами и ручными гранатами. Кроме того, Ханк видел у них 2 огнемета» [12]. В мемуарах показана тактика действий защитников Ростова. Используя хорошее знание городских кварталов, улиц и домов, Красная армия действует силами хорошо вооруженных тактических групп численностью до роты. Эти отряды ведут бои при поддержке танков и даже авиации. «Около 9 часов утра

появился русский Ил-2. На этот раз штурмовик не атаковал бомбами. Его целью были немецкие позиции. Это нападение проводилось в общей сложности семью самолетами» [13]. Кроме того, пехотные группы Красной армии активно использовали в уличных схватках минометы, огнеметы, гранаты, умело пользовались преимуществом скорострельного автоматического оружия. Причем в центре города, по свидетельству Зандера, держали оборону «хорошо подготовленные, фанатичные части НКВД» и отряды ополчения Ростова.

Сами бои, в которых принимал участие автор мемуаров, разворачивались на территории судоремонтного завода «Красный Дон» («Красный моряк») в самом центре города. Боевой группе «Скорик» была поставлена задача захватить территорию этого завода. Части Красной армии запустили отряд капитана Ханка вглубь завода, затем окружили и начали уничтожать. Такая же ситуация сложилась и у соседей батальона Ханка – боевой группы 421-го пехотного полка полковника Рейнгарта и батальона штурмбанфюрера СС Зиберта из дивизии СС «Викинг», которых окружили на центральных улицах Ростова. Такой мясорубки, в которую попали немецкие войска в донской столице, Ханк, имевший, по его признанию, большой опыт уличных боев, не видел никогда за три года войны. Германская пехота действовала по шаблонам. Так, на совещании командир дивизии СС «Викинг» обергруппенфюрер СС Феликс Штайнер говорил немецким офицерам: «Не забывайте, саперы, разведка вперед, затем автоматчики тоже вперед, лучшие стрелки, которые у вас есть, должны быть впереди, конечно, вместе с офицерами» [14]. Из мемуаров даже неподготовленному читателю видно, какие ошибки допускало немецкое командование при штурме Ростова. Плохо проведенная разведка сил и укреплений Красной армии, отсутствие связи и тесного боевого контакта между штурмовыми группами, недостаток боекомплекта в первой линии атакующих и артиллерийских средств ведения городского боя – вот далеко не полный перечень фактов, ставших причиной значительных потерь немецкой армии в Ростове.

Мы не будем касаться здесь вопроса о том, что заставило Красную армию оставить донскую столицу в июле 1942 г. Об этом и сейчас идут жаркие дискуссии среди военных историков. Отметим лишь: сегодня очевидно, что панического бегства советских войск, столь безжалостно расписанного в приказе № 227, не было! Наши войска не оставляли Ростов, «покрыв свои боевые знамена позором». В этих словах проявились эмоции, недопустимые для главнокомандующего – автора знаменитого приказа. Даже противник признавал, что донская столица в июле 1942 г. едва не стала могилой для немецкой армии. И мемуары В. Зандера – блестящее тому подтверждение.

Примечания:

1. Sander W. Der Kampf um Rostow. Berlin, 1943.
2. Там же. С. 5.
3. Там же. С. 6.
4. Там же. С. 5.
5. Там же. С. 34.
6. Там же. С. 57.

7. Там же. С. 59.
8. Там же. С. 17.
9. Там же. С. 24.
10. Там же. С. 41.
11. Там же. С. 21.
12. Там же. С. 39.
13. Там же. С. 33.
14. Там же. С. 10.

М.В. Медведев

Боевые действия на донских переправах в июле 1942 г.[1]

В годы Великой Отечественной войны для обороны мостовых переправ широко применялись предмостные укрепления, или тет-де-поны. Они создавались на таком удалении от постоянной или временной переправы, которое обеспечивало их недосягаемость от огня крупнокалиберного оружия противника. Немаловажное значение имели и полевые оборонительные сооружения: противотанковые рвы, эскарпы, траншеи, окопы, минные заграждения и т.д. Эффективность применения данных сооружений напрямую зависела от качества проделанных работ. В итоге комплекс этих оборонительных мер в реальности не всегда мог стать серьезным препятствием для наступающего противника.

На Среднем и Нижнем Дону к лету 1942 г завершалась постройка Донского оборонительного рубежа. Однако сальское, ставропольское и краснодарское направления оставались неготовыми к обороне [1]. В начале мая 1942 г. по распоряжению автодорожного отдела Южного фронта было начато строительство мостовых переправ через реки Дон и Северский Донец. Ростовский обком ВКП(б) и исполком Ростовского областного совета депутатов трудящихся 3 июня 1942 г. установили сроки сооружений мостов большой грузоподъемности через реку Дон у станиц Цимлянской и Константиновской, а также через реку Северский Донец у хуторов Усть-Быстрого, Усть-Быстрянского и Авиловского [2]. На 20 июня для переправы тяжелой техники планировалось возведение моста в створе Буденновского проспекта в Ростове-на-Дону. Приказ, требовавший завершения работ, в быстрый срок не мог быть полностью исполнен из-за недостатка строительных материалов. На отдельных участках при сооружении наплавных низководных переправ использовались деревянные бочки, которыми успешно восполняли дефицит недостающего лесоматериала [3].

Осложнившаяся в начале июля обстановка на фронте была связана с вторжением 4-й танковой армии генерал-полковника Г. Гота в Воронеж и с ее дальнейшим прорывом на юг. Войска Юго-Западного и правого фланга Юж-

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований № 14-01-00300 «Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.)».

ного фронтов под натиском противника начали отход на восток и юго-восток. Оборону на левом берегу Дона, от станицы Цимлянской до станицы Константиновской, занимали войска 51-й армии. Ударную группировку армии составлял Отдельный кавалерийский корпус генерал-майора Б.А. Погребова. Силами 115-й кавалерийской дивизии корпус должен был контратаковать противника на случай форсирования им Дона от рубежа Мартыновка – Батлаевская – Несмеяновка в направлении Цимлянской, Константиновской и Николаевской.

С утра 18 июля войска Южного фронта отступали через станицу Николаевскую на правом берегу Дона, по двум понтонным мостам произвели переправу на противоположный берег [4]. Южнее, поспешно отступая под натиском 23-й танковой дивизии 40-го танкового корпуса противника, разрозненные советские подразделения на всевозможных плавсредствах форсировали Дон у Константиновской. К концу дня 302-я стрелковая дивизия оставила позиции возле Батайска, чтобы ночью перейти на новый рубеж обороны южнее станицы Николаевской. С рубежа реки Миус 19 июля наступала 17-я полевая армия генерала Р. Руофа, которая потеснила арьергарды 56-й армии, отходившей к Ростову-на-Дону, в полосу Ростовского оборонительного района.

Немецкие танкисты, заняв Константиновскую, устремились к Николаевской. В течение 20–21 июля войска Южного фронта восточнее Ростова под интенсивным огнем немецких бомбардировщиков продолжали отступать к Дону. Противник, подойдя 20 июля к Николаевской, занялся восстановлением моста через Дон грузоподъемностью в 24 т. В эти дни подразделения 4-го армейского корпуса и 371-й пехотной дивизии выдвинулись восточнее населенного пункта Свердловска, а 94-я пехотная дивизия подошла к хутору Платово. Согласно сводкам штаба 156-й стрелковой дивизии, 21–22 июля противник числом более сотни единиц различных видов бронетехники вместе с пехотой подошел к рубежу ее обороны у хуторов Пирожок и Титов. 361-й стрелковый полк, обороняясь у Титова, огнем противотанковых орудий вывел из строя до трех вражеских танков. Чуть позже на помощь пехоте хутора Титов подошел 260-й отдельный противотанковый дивизион 156-й стрелковой дивизии. В ночь на 22 июля 156-я стрелковая дивизия артиллерийским огнем сдерживала переправу противника у станицы Старо-Золотовской, уничтожив при этом до роты солдат противника. К исходу дня 22 июля немцы продолжали продвигаться на юго-восток, в сторону Большой Орловки.

Согласно распоряжению исполнявшего обязанности командующего 51-й армией полковника А.М. Кузнецова от 22 июля 1942 г., 302-й стрелковой дивизии было поручено направить 823-й стрелковый полк на участок Дубенцовская – Пирожок. Однако к моменту получения приказа 823-й стрелковый полк находился еще в Верхне-Серебряновке, в 80 км от места назначения. Нуждавшиеся в отдыхе бойцы ночью отправились к обозначенному рубежу. С утра 23 июля приказ коснулся всей 302-й стрелковой дивизии, которой следовало направить остальные силы восточнее предполагаемой полосы обороны 823-го стрелкового полка, чтобы вместе выйти на линию Дубенцовская – Пирожок. Полки 302-й стрелковой дивизии, не имевшие в достаточном количестве автотранспорта, при дефиците топлива, имея лишь стрелковое вооружение, маршем направи-

лись на указанный рубеж. Собравшись к сумеркам на линии Пады – Большовское – Морозов, стрелковые полки 302-й дивизии не решились атаковать станицу Дубенцовскую, занятую мотомеханизированными частями противника.

В районе станицы Семикаракорской противника сдерживала малочисленная 224-я стрелковая дивизия. Имея до 600 чел. личного состава, 226-я дивизия приготовилась к контратаке в хуторе Большом Таловом. В первой половине дня 23 июля противник от хутора Пирожка продвинулся на несколько десятков километров вдоль реки Сал. У хутора Калиновского вражеские войска пробились через советскую оборону на Дону, установили контроль над мостом через реку, пленив при этом до 70 красноармейцев. Главные силы 3-й таковой дивизии противника находились в Константиновской, а 23-й танковой дивизии – в районе Тацинской.

Встретив стойкое сопротивление 91-й стрелковой дивизии у Цимлянской, немецкое командование изменило свои планы по переброске 23-й танковой дивизии к Сталинграду. Задача гитлеровцев – установить контроль над железной дорогой Сальск – Сталинград – имела первостепенное значение. Севернее реки Сал в сторону Большой Орловки двигались войска 4-й танковой армии вермахта с целью занять переправы на реке Маныч. Тем временем до 80 военнослужащих противника вышли на главную дорогую между Большой Орловки и Большой Мартыновки и прервали связь полевого управления 51-й армии со 110-й кавалерийской и 156-й стрелковой дивизиями, что способствовало прорыву вражеских сил на этом участке. В ночь на 24 июля 394-й мостостроительный полк противника под прикрытием 29-й моторизованной дивизии занялся восстановлением моста в районе Николаевской. Однако к полудню советская авиация разрушила мост [5]. Противник в такой ситуации соорудил три паромные переправы. Через них переместили свою технику 75-й артиллерийский и батальон 394-го мостостроительного полков. Нуждавшиеся в поддержке передовые части 3-й танковой дивизии противника из-за нарушения сообщений помощь вовремя не получили. Южнее этих рубежей к исходу дня 24 июля войска 56-й армии, оставив полностью Ростов-на-Дону, отошли на левый берег Дона и взорвали за собой переправы.

На следующий день усилились контратаки советских войск на 3-ю танковую дивизию. Подразделения 23-й танковой дивизии вышли на помощь 3-й танковой, чтобы расширить оборону предмостного укрепления у Цимлянской, тем самым помогли 29-й моторизованной дивизии беспрепятственно форсировать Дон. К исходу дня 25 июля, несмотря на проливной дождь, который серьезно затруднил процесс продвижения, 3-я и 23-я танковые дивизии все же расширили предмостное укрепление у Николаевской. Действия 302-й стрелковой дивизии на рубеже Пирожок – Дубенцовская – Морозов не имели успеха из-за недостатка патронов и боеприпасов для борьбы с танками. 26 июля 823-й и 827-й стрелковые полки были практически уничтожены в ходе шквального огня атакующих танков и мотопехоты противника.

Новой директивой Ставки ВГК № 170 524 было решено возложить участок обороны от Верхне-Курмоярской до Азова на войска Южного фронта. Таким образом, войска 51-й армии перешли в подчинение из Северо-Кавказского

в Южный фронт. Противник 26 июля продолжал наступать и потеснил советские войска от населенных пунктов Задоно-Кагальницкой, Большой Орловки и Несмеяновки. 3-я танковая дивизия вермахта получила приказ продвигаться к Пролетарской. Однако командующий 4-й танковой армией Г. Гот заявил, что дальнейшее продвижение войск стало все чаще сталкиваться с сильным сопротивлением на подступах к предмостным укреплениям. Возле Малой Орловки и Несмеяновки упорно оборонялись полки 275-й, 302-й стрелковых дивизий, а также 276-й полк НКВД. К исходу 26 июля 276-й полк НКВД, понеся большие потери, отступил из Несмеяновки [6]. С утра 27 июля немецкие войска вышли на рубеж Долгий – Комаров – Малая Орловка и начали выдвижение к Сальско-Кагальницкому и Большой Орловке, тем самым окружая 417-й стрелковый полк 156-й стрелковой дивизии. 222-й отдельный гвардейский минометный дивизион 25-го гвардейского минометного полка своим огнем попытался предотвратить прорыв противника к Сальско-Кагальницкому. Не выдержав вражеских атак, дивизион совершил отход до города Сальска. К 28 июля советские силы сконцентрировались в районе Большой Мартыновки и в населенных пунктах к востоку от нее. К этому времени многие подразделения потеряли до половины личного состава. В течение 29 и 30 июля противник силами 3-й и 23-й танковых дивизий преследовал арьергарды советских войск и предпринял действия по захвату станицы Пролетарской. В итоге танковые силы вермахта при поддержке авиации подошли к Пролетарской и захватили железнодорожный мост неповрежденным. Немецкие саперы после занятия станицы начали возводить переправу через реку Чепрак. Советские войска, отступая, взорвали дамбу с проходящей по ней дорогой. К исходу 30 июля 115-я кавалерийская дивизия и 155-я танковая бригада оставили позиции в Малой Мартыновке и отошли в хутор Пробуждение.

В ночь на 31 июля 115-я кавалерийская дивизия и остатки 135-й и 155-й танковых бригад контратаковали противника в районе Ново-Николаевской и Кривого Лимана, но немцы, получив подкрепление, оказали упорное сопротивление. Вражеская мотопехота в течение 31 июля и 1 августа с юга от реки Сал наносила удары по западной части Малой Мартыновки, затем, получив стойкий отпор от 302-й стрелковой дивизии и кавалеристов Отдельного кавалерийского корпуса, отступила. Изменив направление удара, немцы решили с северо-востока атаковать предмостное укрепление у Малой Мартыновки. Используя данный прием, гитлеровцы все же смогли потеснить советские войска к южному берегу реки Сал [7]. Оставив Ново-Николаевскую, 278-й и 316-й кавалерийские полки 115-й кавалерийской дивизии, а также 135-я и 155-я танковые бригады попали в окружение. Лишь отдельные группы кавалеристов и танкистов сумели прорваться из вражеского кольца. В последующие дни, 2, 3 и 4 августа, ослабленные потерями дивизии 51-й армии отступили на несколько десятков километров восточнее реки Сал. В течение 5 августа противник, отбрасывая слабые заслоны советских войск за реку Аксай, переправился через Дон у Верхне-Курмоярской и устремился на северо-восток [8]. В дальнейшем немецкие войска направили основные свои силы в район Сталинграда [9].

Из этого следует вывод: в июле 1942 г. в результате стремительного наступления немецких войск с нескольких направлений советские войска вынуждены были оставить рубеж обороны по среднему и нижнему течению реки Дон. Оборудованные предмостные укрепления для обороны переправ на реке Дон и его притоках не смогли надолго задержать превосходящие моторизованные силы противника. Многие дивизии 51-й армии действовали разрозненно вследствие потери связи между собой и штабом армии. Нехватка автотранспорта и недостаток топлива привели к потере мобильности и не позволили советским войскам оперативно переправить основные силы и приступить к слаженной обороне предмостных укреплений. Упорное сопротивление пехотинцев, кавалеристов и бойцов НКВД на некоторых участках ненадолго задержали вражескую мотопехоту и танки. Так же ненадолго задержали немецкую мотопехоту подрывы переправ и мостов. Под ударами превосходивших сил противника оставили свои участки обороны обескровленные советские полки и дивизии. В начале августа 1942 г. войска Северо-Кавказского фронта покинули территорию Ростовской области и отступили далее на Кавказ.

Примечания:

1. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов н/Д, 2012. С. 191–204.
2. Medvedev M.V. «Organization for the construction of the Rostov defense area…»: Rostov Regional Committee Documents of the CPSU(b). October 1941 – June 1942 // Русский архив. 2014. Т. 3. № 1. С. 64–72.
3. Медведев М.В. Строительство Донского и Сталинградского оборонительных рубежей в 1941–1942 гг. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 6–1. С. 156–159.
4. Оборона советских войск в нижнем течении Дона летом 1942 г. URL: http://don1942.ru/oborona-sovetskikh-vojsk-v-nizhnem-techenii-dona-letom-1942-goda/item/na-rubezhakh-stalingradskogo-fronta-ot-pavlovska-do-chira-2 (дата обращения: 02.04.2015).
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Чуйков В.И. Сражение века. М., 1975. С. 60–61.
9. Стратегическая оборона. 1941–1942 гг. Между Доном и Волгой. URL: http://pobeda.krskstate.ru/oborona/part2_14 (дата обращения: 04.04.2015).

В.П. Трут

Донские казачьи части в боях на юге страны в 1942 г.

Весной 1942 г. в состав 17-го казачьего кавалерийского корпуса вошли 15-я и 116-я Донские казачьи кавалерийские дивизии. Командиром корпуса в то время являлся генерал-майор Михаил Федорович Малеев, начальником штаба – полковник Алексей Михайлович Кузнецов [1]. Примечательно,

что в одном из донесений политотдела 116-й Донской кавалерийской дивизии в политуправление Северо-Кавказского военного округа о состоянии части отмечалось: «Абсолютное большинство казаков – добровольцы. Более 80 % рядового состава – казаки в возрасте свыше 40 лет [т.е. старших призывных возрастов, а многие значительно старше призывного возраста – *В.Т.*], участники гражданской войны… Нередко были эскадроны, укомплектованные казаками одного района» [2].

На Дону продолжалось массовое добровольческое движение казачества. Причем добровольцами на фронт стремились попасть даже казаки преклонного возраста, которые уже не могли призываться в армию на законных основаниях ввиду своих лет. В такой ситуации, учитывая большой патриотический подъем казачества и то обстоятельство, что армии требовались смелые и мужественные воины, советское командование пошло на экстраординарный шаг. Принимая во внимание большое число пожилых казаков непризывного возраста, желавших идти на фронт добровольцами, командующий войсками Северо-Кавказского военного округа издал специальный приказ, разрешавший комплектовать 17-й казачий корпус военнослужащими, младшим начальствующим и рядовым составом в возрасте старше 45 лет, по состоянию здоровья годным для службы в коннице [3]. Средний возраст казаков корпуса составлял 35–45 лет, что свидетельствует о значительной доле добровольцев старших возрастов, пожелавших воевать за Родину.

Летом 1942 г. на 17-й кавалерийский корпус была возложена задача обороны побережья Азовского моря. С июня этого года кавалерийским корпусом командовал генерал-майор Н.Я. Кириченко. В конце июля по приказу командующего Северо-Кавказским фронтом С.М. Буденного 17-й кавалерийский корпус был срочно снят с позиций обороны побережья Азовского моря и направлен навстречу прорвавшимся через Дон вражеским войскам. Полки 15-й Донской казачьей кавалерийской дивизии с подразделениями 12-й Кубанской казачьей дивизии первыми встретили врага на рубеже реки Кагальник в районе Задонский – Победа – Бирючий – Цукерова Балка. В течение 28 и 29 июля они вели бои с превосходящими силами противника. Двум полкам 101-й егерской дивизии противника [4] 28 июля удалось форсировать реку Кагальник и захватить хутора Задонский, Победа, Александровка. 42-й кавалерийский полк 15-й Донской кавалерийской дивизии, перейдя в решительную контратаку, разгромил противника и освободил эти населенные пункты.

В тот же день принял бой и 39-й кавалерийский полк 15-й Донской казачьей кавалерийской дивизии. Ему пришлось отражать натиск нескольких рот немецкой пехоты, поддержанных двумя артиллерийскими и тремя минометными батареями. В тяжелых неравных схватках он выстоял, задержал на обороняемом рубеже фашистов. Днем позже вступил в бой и 25-й кавалерийский полк этой дивизии. В боях 28 и 29 июля 1942 г. частями 15-й Донской казачьей кавалерийской дивизии, согласно донесению ее штаба, было уничтожено свыше 2 тыс. солдат и офицеров противника, 5 танков, 4 бронемашины, 2 тягача, 6 пушек, 4 миномета и другое вооружение [5]. Эти цифры представляются несколько завышенными (подобное завышение было характерным явлением для

штабов противоборствующих сторон, особенно в периоды напряженных боев) и нуждаются в дальнейшем уточнении. Потери кавалерийской дивизии составили 348 казаков убитыми и ранеными, т.е. около 10 % ее боевого состава [6].

Для того чтобы восстановить положение на северном рубеже края, командующий фронтом приказал 17-му казачьему кавалерийскому корпусу 30 июля занять оборону по южному берегу реки Ея на рубеже Кущевская, Шкуринская, Канеловская, Старощербиновская. На следующий день на фронте 12-й, 15-й и 116-й дивизий корпуса завязались ожесточенные бои против отборных соединений неприятеля. К утру 30 июля 1942 г. противник занял населенные пункты Ейский, Платонов, Совдар и готовился форсировать реку Ея в направлении станицы Канеловской. 116-я кавалерийская дивизия, совершив 110-километровый марш с южного побережья Таганрогского залива, к 5 ч утра 30 июля сосредоточилась в районе Канеловской. Дивизии была поставлена задача обороны южного берега реки Еи с целью не допустить ее форсирования противником, задержать его наступление, прикрыть отход частей 15-й кавалерийской дивизии и 68-й стрелковой бригады, а после выполнения этих задач отойти в направлении станицы Шкуринской. Казаки выполнили все поставленные задачи. Утром 31 июля 1942 г., совершив 45-километровый марш, части 15-й кавалерийской дивизии вышли в район станицы Кущевской. В этот же день в 11 ч противник овладел станицей (до батальона пехоты с 10 бронемашинами), оттеснив части 216-й стрелковой дивизии в направлении станицы Кисляковской, и занял оборону вдоль южной и западной окраины станицы.

2 августа казаки предприняли внезапную ошеломляющую атаку противника в конном строю. Казачья лавина шириной по фронту до двух километров, в которой участвовали все командиры, политработники и даже работники особого отдела, сверкая клинками, яростно обрушилась на 101-ю егерскую дивизию немцев, рубя и сокрушая все живое на своем пути. В этой беспримерной схватке, по данным донесения штаба дивизии, было изрублено и раздавлено около 2 тыс. солдат и офицеров противника. Много казаков погибло в том бою, в том числе командир 29-го кавалерийского полка И.В. Соколов, зарубивший лично 19 гитлеровцев, а также начальник штаба этого полка Г.И. Яворовский [7]. Только подтянув крупные силы мотопехоты и танки, при поддержке авиации противник смог перейти в наступление. Не имея поддержки соседних частей 18-й армии, продолжавших отступать, по приказу командующего фронтом казаки вынуждены были отойти на исходные рубежи.

В ходе атак на Кущевскую они уничтожили более 1 тыс. гитлеровцев, около 300 взяли в плен. Всего же только за четыре дня напряженных боев с 30 июля по 2 августа, по нуждающимся в уточнении данным донесений штаба дивизии, казаки-добровольцы уничтожили более 4 тыс. гитлеровцев, свыше 100 автомашин, 15 танков и много другой военной техники [8].

В этих боях многие казаки совершали чудеса героизма и отваги. Так, особо отличился командир 4-го эскадрона 15-й Донской казачьей дивизии, герой Первой мировой войны, полный Георгиевский кавалер 55-летний лейтенант Константин Иосифович Недорубов. В неравных и ожесточенных боях в районе станицы Кущевской он проявил мужество и героизм, совершил несколько

боевых подвигов. В одном из боев гранатами и автоматным огнем уничтожил около 70 гитлеровцев, пытавшихся под прикрытием железнодорожной насыпи скрытно подойти к позициям донских казаков и ударить им во фланг. В другом бою личным примером он увлек казаков в контратаку, во время которой в рукопашной схватке казаками было уничтожено около 200 немецких солдат и офицеров [9].

Позднее бывший командир 5-го гвардейского Донского кавкорпуса С.И. Горшков, тогда еще полковник и командир 15-й Донской казачьей кавалерийской дивизии, вспоминал эпизод, когда в одном из первых боев казаки пошли в атаку в полный рост. Ему пришлось приблизиться к воинам и потребовать, чтобы они двигались перебежками, укрываясь от вражеского огня. Казак Бирюков, которому в ту пору минул 64-й год, ответил командиру за всех атакующих казаков, что они стары, чтобы каждой поганой фашистской пуле кланяться [10].

Мужественная оборона казаков на этом важном участке фронта задержала продвижение немецко-фашистских войск в направлении Краснодара, позволила ряду соединений Северо-Кавказского фронта избежать окружения, отойти и закрепиться на новых оборонительных рубежах, сыграла существенную роль в срыве планов германского командования разгромить советские войска в междуречье Дона и Кубани.

К 15 ч 3 августа противник, обойдя правый фланг дивизии, отбросив 216-ю стрелковую дивизию, овладел северо-восточной окраиной станицы Кисляковской. Только в связи с этим командир 15-й кавдивизии полковник С.И. Горшков отдал приказ отойти на следующий рубеж обороны. В течение 3 августа 1942 г. части 15-й кавдивизии уничтожили не менее 800 солдат и офицеров противника, потеряв при этом 126 чел. убитыми и ранеными.

Благодаря стойкости казачьих соединений немецкое командование вынуждено было направить свои войска в обход 17-го кавалерийского корпуса. По приказу командующего Северо-Кавказским фронтом казаки снялись с обороняемых позиций и ускоренным маршем двинулись в район станицы Белореченской и Майкопа, преодолев за 4 дня более 300 км. 17-й кавалерийский корпус вовремя прибыл на места новой дислокации. Ожесточенная схватка с противником произошла у станицы Васюринской во время переправы казаков через реку Кубань.

Имея превосходство в силах, вражеские войска к исходу дня 9 августа ворвались в Майкоп. Захватив район Майкопа, противник предпринял активные попытки прорваться на туапсинском направлении к побережью Черного моря. Основной удар пришелся по казачьему корпусу. Вновь завязались тяжелые оборонительные бои. Враг напрягал усилия для прорыва обороны 17-го кавалерийского корпуса. С выходом противника в район Туапсе все войска фронта, находившиеся в районе Краснодара, оказались бы в окружении. Поэтому Ставка Верховного главнокомандования в приказе от 10 августа 1942 г. самым основным и опасным для Северо-Кавказского фронта назвала направление от Майкопа на Туапсе и категорически приказала принять меры для недопущения противника в Туапсе. Только 12 августа после неоднократных атак

на позиции казаков врагу удалось захватить станицу Белореченскую, но время было выиграно и «донская» часть кавалерийского корпуса успела закрепиться в предгорьях и на горных перевалах на туапсинском направлении. Все попытки противника прорвать оборону 17-го кавалерийского корпуса в предгорьях западной части Главного Кавказского хребта на туапсинском направлении успеха не имели [11].

Мужество и стойкость казаков высоко оценивались командованием, неоднократно подчеркивались в его приказах и директивах. В середине августа 1942 г. Ставка Верховного главнокомандования в своей директиве прямо указывала командующему Северо-Кавказским фронтом: «Добейтесь того, чтобы все наши войска действовали как 17-й кавкорпус» [12]. В прессе появились статьи, призывавшие брать пример с казачьих частей 17-го кавалерийского корпуса. Так, в передовой статье газеты «Красная звезда» от 22 августа 1942 г. говорилось, что казаки 17-го кавалерийского корпуса «служат примером для всех защитников Юга… в трудные дни покрыли себя славой смелых, бесстрашных бойцов за Родину и стали грозой для немецких захватчиков» [13]. А в газете «Правда» 22 августа 1942 г. была напечатана передовая статья под названием «Воевать, как воюют казаки под командованием генерала Кириченко». В ней говорилось, что казаки под командованием генерала Кириченко своими умелыми и внезапными атаками сами наводят ужас на гитлеровцев. Приводя в пример безудержную смелость, презрение к смерти, готовность до последней капли крови отстаивать любимую Родину, автор статьи сделал вывод: «Остановить немцев на юге можно! Их можно бить и разбить! Это доказали казаки, которые в трудные дни покрыли себя славой смелых, бесстрашных бойцов за Родину и стали грозой для немецких захватчиков» [14].

За проявленные мужество и героизм 25 августа 1942 г. 555 казаков были награждены орденами и медалями [15]. Ранее, 7 августа, за боевые заслуги 17-й казачий кавалерийский корпус был преобразован в 4-й гвардейский казачий кавалерийский корпус, 15-я Донская казачья кавалерийская дивизия стала 11-й гвардейской Донской казачьей кавалерийской дивизией, а 116-я Донская казачья кавалерийская дивизия – 12-й гвардейской Донской казачьей кавалерийской дивизией [16].

В сентябре новый боевой подвиг совершил К.И. Недорубов. 5 сентября 1942 г. его эскадрону приказали выбить гитлеровцев с высоты 374,2 под селом Куринским Краснодарского края. Вместе с подчиненными лейтенант Недорубов, раненный вторично, обрушивал удары на фашистов. Более 100 немецких егерей уничтожили конники. Боевая задача была выполнена. Как было указано в наградном листе, сам Недорубов уничтожил в том бою до 30 врагов [17]. 26 октября 1943 г. Константин Иосифович Недорубов был удостоен почетного звания Героя Советского Союза [18]. Так полный Георгиевский кавалер стал и Героем Советского Союза.

Гитлеровскому командованию не удалось окружить армии Северо-Кавказского фронта между Доном и Кубанью. Пытаясь это сделать южнее Кубани, немцы поменяли направление главного удара и послали свою 1-ю танковую армию через Армавир на Майкоп, ставя ей задачу прорваться к Туапсе.

И на этом направлении путь захватчикам преградили казачьи соединения 4-го гвардейского казачьего кавалерийского корпуса. Ускоренным маршем организованно за четверо суток казаки совершили переход более чем в 300 км в район станицы Белореченской под Туапсе. Во второй половине сентября 1942 г. были доставлены по железной дороге из района Туапсе через Грузию и Азербайджан в район Гудермес – Шелковская с целью повышения возможностей маневренной составляющей Северной группы войск Закавказского фронта. 8 сентября 1942 г. в период боев под Туапсе произошло разделение корпуса на две части. 11-я и 12-я гвардейские Донские казачьи кавалерийские дивизии были оставлены в оборонительных порядках и приняли участие в Туапсинской оборонительной операции, а 9-я и 10-я Кубанские дивизии 4-го гвардейского корпуса по приказу командования были железнодорожными эшелонами через Грузию и Азербайджан направлены в район Кизляра с целью усиления подвижных войск Северной группы Закавказского фронта и недопущения прорыва немцев к нефтеносным районам в Закавказье. В начале ноября после тяжелейших оборонительных боев в районе Туапсе в состав корпуса вернулись 11-я и 12-я гвардейские Донские кавалерийские дивизии. Командование занялось восстановлением боеспособности соединений кавалерийского корпуса.

На основании директивы Ставки Верховного главнокомандования № 0 170 692 от 20 ноября 1942 г. с 20 по 24 ноября 1942 г. из состава 4-го гвардейского был выделен 5-й гвардейский Донской казачий кавалерийский корпус [19]. В него вошли 11-я и 12-я гвардейские Донские казачьи кавалерийские дивизии, 63-я кавалерийская дивизия и отдельные корпусные части. Командиром корпуса был назначен генерал-майор А.Г. Селиванов.

Острая нехватка времени оказала отрицательное влияние как на качество подготовки контрнаступательной операции, так и на формирование гвардейских кавалерийских корпусов. Особенно сложным оказалось формирование 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса, который создавался практически заново. Прибывшие на его комплектование 11-я и 12-я гвардейские кавалерийские дивизии были измотаны предыдущими боями в горах, находились в плачевном состоянии. 11-я гвардейская кавалерийская дивизия, по оценке командира корпуса, «в результате постоянного интенсивного использования в боях была приведена в небоеспособное состояние. Конский состав доведен до изнеможения и на тот день являлся небоеспособным. Люди измотаны, ободраны… Матчасть и оружие истрепаны и требовали немедленного восстановления» [20]. Пополнение дивизий и управления 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса шло медленно, и к началу боевых действий комплектование завершено не было. Позже начальник штаба фронта А.И. Антонов признавал, что Донской корпус к моменту выступления в район сосредоточения в конце ноября не имел ни штаба корпуса, ни тылов, ни частей усиления [21]. В полках оставалось около 60 % личного состава [22]. Заместитель начальника штаба Закавказского фронта полковой комиссар Трубинов предлагал при первой возможности вывести 5-й гвардейский кавалерийский корпус на доукомплектование [23]. Однако такой возможности не представилось.

Уже 24 ноября, не получив времени на проведение внутренних организационных мероприятий и необходимых подготовительных действий, корпус получил боевой приказ о спешном выдвижении на один из самых трудных участков Северной группы войск Закавказского фронта. В первых числах декабря части корпуса вели ожесточенные бои с наступавшим противником, а затем перешли в контрнаступление и создали угрозу выхода в тыл важной моздокской группировки противника. Стремясь остановить казаков, немцы бросили против них значительные силы и большое количество танков. В период с 23 по 26 декабря бойцы корпуса отбивали яростные атаки гитлеровцев. Но казаки выдержали все удары, уничтожили большое количество танков и пехоты врага и не отошли с занимаемых рубежей. На следующий день немцы восемь раз атаковали полки 11-й кавалерийской дивизии, но казаки не отступили ни на шаг [24].

Таким образом, в тяжелейший период кровопролитных оборонительных боев Красной армии в 1942 г. донские казачьи части стойко и отважно сражались с превосходящими силами противника. Казаки многократно демонстрировали мужество и героизм. Тем самым они внесли свой посильный вклад в срыв планов врага по прорыву на южном участке советско-германского фронта в этом году, что самым непосредственным образом сказалось на всем ходе военных действий в последующие периоды войны.

Примечания:

1. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 324. Л. 73, 86, 93.
2. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 12. Оп. 1. Д. 23. Л. 263; Воскобойников Г.Л. Казачество и кавалерия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ростов н/Д, 2007. С. 84.
3. ЦАМО РФ. Ф. 3470. Оп. 1. Д. 573. Л. 43.
4. 101-ю егерскую дивизию в литературе зачастую называют горнострелковой, что не совсем верно, а также 101-й пехотной дивизией «Зеленая роза». По всей видимости, так ее впервые прозвали воевавшие с ней казаки, а позднее данное наименование было использовано в исторических работах и в мемуарах ветеранов-казаков. Это же можно сказать и относительно встречающегося в литературе, посвященной боям донских и кубанских казаков на Кубани в июле – августе 1942 г., некоего эсесовского полка «Белая лилия». Все эти весьма своеобразные «цветочные» названия немецких частей появились, по всей видимости, потому что различные изображения цветов присутствовали в качестве тактических знаков у многих немецких соединений, частей и подразделений и, соответственно, использовались на их технике, а иногда и касках военнослужащих. Тактическим знаком 101-й егерской дивизии немцев являлся натянутый лук со стрелой, а белый цветок на зеленом поле был тактическим знаком 1-й горнострелковой немецкой дивизии. На противоречия в описаниях противостоявших казакам неприятельских соединений обратил внимание Е.Ф. Кринко в статье «Кубанские казачьи части и соединения в составе РККА накануне и в годы Великой Отечественной войны: проблемы изучения» (см.: Вопросы казачьей истории и культуры. Майкоп, 2004. Вып. 3. С. 120–131).
5. ЦАМО РФ. Ф. 3472. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.
6. Там же. Д. 38. Л. 28.
7. Трут В.П., Курков Г.М. Военная энциклопедия казачества. М., 2009. С. 312.

8. Воскобойников Г.Л. Указ. соч. С. 95.
9. Константин Иосифович Недорубов. Волгоград, 2009. С. 120–121.
10. Горшков С.И., Овчаренко И.В. Донской гвардейский. Очерк о героическом пути 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского Краснознаменного Будапештского корпуса. Ростов н/Д, 1985. С. 23.
11. Трут В.П., Курков Г.М. Указ. соч. С. 316.
12. Воскобойников Г.Л. Указ. соч. С. 96.
13. Красная звезда. 1942. 22 августа.
14. Правда. 1942. 22 августа.
15. Трут В.П. Своеобразие формирования и комплектования казачьих регулярных и добровольческих соединений в годы Великой Отечественной войны // Проблемы национальной стратегии. 2011. №1. С. 164.
16. Там же.
17. Константин Иосифович Недорубов… С. 124.
18. Там же. С. 135.
19. Сведения на гвардейские кавалерийские корпуса с № 1 по № 7. М., 1954. С. 95.
20. ЦАМО РФ. Ф. 3470. Оп. 1. Д. 73. Л. 45.
21. ЦАМО РФ. Ф. 209. Оп. 1063. Д. 436. Л. 199.
22. ЦАМО РФ. Ф. 3472. Оп. 1. Д. 242. Л. 4.
23. ЦАМО РФ. Ф. 209. Д. 90. Л. 121а-об.
24. Горшков С.И. За любимую Родину // Пятый Донской. Воспоминания ветеранов 5-го Гвардейского Донского казачьего кавалерийского Краснознаменного Будапештского корпуса. Ростов н/Д, 1979. С. 10.

Мовсур М. Ибрагимов, И.З. Хатуев

Вклад защитников города Грозного в оборону Кавказа (1942–1943 гг.)

В этом году вся наша страна, все прогрессивное человечество празднуют семидесятилетие Победы над фашистской Германией. Каждый из 1418 дней войны является для нас не только днем славы и доблести, но и днем трагедий и печали, потому что в каждый из них, даже в день Великой Победы, погибали наши солдаты.

Кавказ в 1942–1943 гг. являлся ареной кровопролитных сражений, оказавших значительное влияние на весь ход войны. Битве за Кавказ отведено большое место в работах советских и современных историков. В книгах маршала Советского Союза А.А. Гречко, генерала И.В. Тюленева, полковников А.С. Завьялова и Т.Е. Каледина и других авторов обстоятельно освещен ход боевых действий Красной армии, в результате которых был сорван гитлеровский план захвата Кавказа («Эдельвейс»). В последние годы опубликованы солидные исследования ученых Южного научного центра РАН, посвященные участию народов Северного Кавказа в Великой Отечественной войне. В их числе книга «Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.) (Ростов-на-Дону, 2012), подготовленная коллективом под руководством академика Г.Г. Матишова. Серьезный

вклад в исследование данной темы внесли А.Ю. Безугольный, Н.Ф. Бугай, Е.Ф. Кринко. В монографии «Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», основываясь на широком документальном материале, они анализируют наиболее острые проблемы участия горских народов в войне: особенности организационно-мобилизационной работы в национальных регионах и прохождения горцами военной службы, историю национальных воинских формирований, причины и масштаб коллаборационизма, а также насильственного переселения ряда народов с исторической родины.

Широкое освещение битва за Кавказ получила и в исследованиях чеченоингушских ученых, таких как М. Абазатов, В. Филькин, Х. Гакаев, М. Ибрагимов, Б. Чербижев, И. Хатуев, И. Сардалов и др. Прежде всего, были изучены архивные документы и периодические издания военного времени. Проведена огромная работа по выявлению и исследованию документов, касающихся истории Чечни и чеченского народа, в различных архивах России, в частности, в Государственном архиве Российской Федерации, Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ), Центральном военно-морском архиве. Начата аналогичная работа в военных архивах Германии, Франции, Румынии, Белоруссии, Украины, Молдовы. И есть определенные результаты: это установление судеб погибших и пропавших на полях сражений в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. сотен наших земляков, а также мест захоронений более 300 узников фашистских концлагерей, погибших в различных странах Европы.

В октябре 2013 г. впервые за послевоенный период удалось организовать поисковую работу на территории Наурского и Шелковского районов Чеченской Республики. Для оказания теоретической и практической помощи местным поисковикам были приглашены специалисты, имеющие огромный опыт работы в данном направлении – из союза «Народная память» (г. Киев, Украина). За десять дней работы поисковиками были обнаружены и эксгумированы останки 82 красноармейцев, а также огромное количество предметов вооружения и быта не только солдат Красной армии, но и военнослужащих гитлеровской армии. По данным исследователей из военно-исторического общества, только в боях за несколько селений Наурского района погибло и пропало без вести несколько тысяч красноармейцев и фашистских солдат [1]. Эти цифры свидетельствуют об ожесточенных боях в указанном районе.

Грозный в годы войны был столицей Чечено-Ингушской АССР – одним из промышленно развитых городов Северного Кавказа и, что особенно важно, одним из нефтепромышленных центров страны. К тому времени Грозный имел уже давно сложившиеся боевые и трудовые традиции. В захватнических планах главаря фашистского рейха и его военных стратегов Кавказ вообще занимал особое место. Их манили сюда богатые природные ресурсы, особенно нефть, а также выгодное стратегическое положение этого края. Кавказ в то время был крупнейшим в СССР нефтедобывающим районом. В 1940 г. добыча нефти здесь составила 86,4 % общей добычи в стране [2]. Захват богатых нефтяных районов Кавказа – Грозного, Баку и Майкопа – четко был определен в плане «Барбаросса», утвержденном Гитлером 18 декабря 1940 г.

В соответствии с общим планом летней военной кампании 1942 г. верховное командование вермахта к середине того же года разработало план захвата Кавказа (директива ОКВ № 45 от 23 июля 1942 г.), который получил кодовое наименование «Эдельвейс». Для захвата Кавказа фашистское командование выделило отборные танковые, моторизованные и горнострелковые войска. Они были сведены в группу армии «А», которая «в первом эшелоне главной группировки насчитывала в то время 167 тысяч солдат и офицеров, 1130 танков, 4540 орудий и минометов и до 1 тысячи боевых самолетов» [3].

К началу августа 1942 г. общая численность германских войск группы армии «А» была доведена до 467 434 солдат и офицеров [4]. Планируя наступление на Кавказ, гитлеровское командование своим войскам поставило задачу к 17 сентября захватить Грозный, к 25 сентября – Баку и развить дальнейшее наступление на Закавказье. В соответствии с общим планом военной кампании на лето и осень 1942 г., гитлеровское командование 25 июля начало наступление на Кавказ. Гитлер и его генералы, начиная летнюю военную кампанию, были уверены в успехе одновременного наступления своих войск сразу на двух важнейших стратегических направлениях – Кавказском и Сталинградском.

Используя многократное превосходство в личном составе и боевой технике, войска противника, несмотря на большие потери, пытались продвинуться вглубь Кавказа. В этой сложной военной обстановке Коммунистическая партия, Государственный комитет обороны СССР, опираясь на местные партийные, советские и военные органы, осуществляли ряд экстренных мер, направленных на обеспечение обороны Кавказа. Еще 15 мая 1942 г. Ставка Верховного главнокомандования создала Закавказский фронт (командующий – генерал армии И.В. Тюленев). Перед ним была поставлена задача: занять оборонные рубежи по рекам Терек, Урух и перевалам Главного Кавказского хребта, а также создать многополосную оборону на направлениях Грозный – Махачкала – Баку. 8 августа 1942 г. Ставка ВГК образовала Северную группу войск Закавказского фронта (командующий – генерал-лейтенант И.И. Масленников). В состав ее вошли 44-я, 9-я армии, 89-я и 417-я стрелковые дивизии, 52-я танковая бригада, 36-й и 42-й дивизионы бронепоездов, 50-й гвардейский и 132-й минометный полки [5]. В полосе обороны Северной группы войск были выделены особые оборонительные районы: Орджоникидзевский, Грозненский, Махачкалинский [6]. Для их укрепления были привлечены 8-я саперная армия, а также другие части.

В августе и сентябре 1942 г. обстановка на грозненском направлении становилась все более напряженной: противник прилагал все усилия к успешному завершению операции по захвату Грозного и Баку. К концу августа 1-я танковая армия фашистов вышла к рекам Тереку и Баксану, на участок от станицы Ищерской до Баксанского ущелья. Противник захватил Моздок, станицы Ищерскую, Наурскую и Николаевскую, находящиеся на грозненском направлении. В связи с этим возникла угроза северо-западным районам Чечено-Ингушетии, в том числе и Малгобеку.

Однако развить успех на грозненском направлении противнику не удалось. Советские войска, ведя ожесточенные бои, укрепились на оборонительных рубежах по Тереку, на Терском и Сунженском хребтах, в Алханчуртской

долине, в районе Баксана и на других участках фронта. Попытки противника выбить их с этих позиций провалились.

На грозненское направление немецкое командование бросило 40-й танковый корпус, входивший в 1-ю танковую армию. В его составе было 8 дивизий, из них 3 танковые, 1 моторизованная, 3 пехотные и 1 горнопехотная дивизия румын. В помощь им был выделен также 800-й отдельный полк особого назначения «Бранденбург». Перед корпусом стояла задача форсировать Терек на линии Червленная – Моздок – Прохладная – Майское, сломить сопротивление советских войск, оборонявших подступы к Закавказью, и обеспечить захват Орджоникидзе, Грозного и Баку [7]. В конце августа 1942 г. Гитлер приказал командующему группы армии «А» генерал-фельдмаршалу Листу: «Главная задача 1-й танковой армии – уничтожение противника в излучине Терека… Всеми имеющимися силами, и прежде всего подвижными, продолжать наступление на Грозный…» [8].

Силами четырех дивизий гитлеровцы в районе Ищерской упорно пытались форсировать Терек. Но советские войска отражали их попытки и удерживали свои позиции. Ставка Гитлера сообщала 9 сентября 1942 г., что «у Терека советские войска пытаются остановить продвижение немецкой армии в направлении Грозного». Была большая вероятность, что гитлеровцы усилят моздокскую группировку. Так и получилось, противник подбросил свежие танковые и пехотные части в составе двух механизированных полков, танкового полка 23-й танковой дивизии, отдельного танкового подразделения 3-й танковой дивизии и других подразделений, которые удерживали занятые позиции вокруг Моздока. Южный берег Терека от станицы Ищерской до Гудермеса и Кизляра прикрывался частями 44-й армии [9]. В это время в Грозный прибыл генеральный комиссар госбезопасности, член ГКО Л.П. Берия для руководства на месте подготовительными работами по обороне города и нефтехимической промышленности Грозного. Это говорит о значимости указанных мероприятий для советского руководства.

По численности и оснащению солдаты вермахта превосходили бойцов Красной армии. Но дух красноармейцев ошеломлял фашистов. Они не рассчитывали здесь встретить такое ожесточенное сопротивление. Враг нес большие потери. В течение нескольких последних лет стали известны новые данные о вкладе Чечено-Ингушской АССР и ее столицы – города Грозного – в разгром врага в период битвы за Кавказ. Обратимся к некоторым документам. «08 ч. 00 мин. 17.11.1942 г., противник после предварительной артподготовки перешел в наступление в районе с. Алпатово [где оборону держали красноармейцы 44-й армии. – *М.И., И.Х.*], и после завязавшегося боя вынуждены были отступить, потеряв при этом убитыми и ранеными 230 солдат и офицеров, попали в плен 4, подбито 32 танка и сожжено 3. Из подбитых танков 15 захвачено» [10]. Противник не прекращал попытки небольшими группами перейти на южный берег Терека, чтобы обеспечить переправу основных сил для крупномасштабного наступления в целях захвата Грозного и грозненских нефтепромыслов. 21 ноября 1942 г. в ходе боестолкновения, отражая атаку противника, красноармейцы 414-й стрелковой дивизии потеряли убитыми и ранеными

400 чел. [11]. В тот же день в районе села Бено-Юрт, которое расположено на южном берегу Терека, фашистами была предпринята очередная попытка переправы на противоположный берег. Из 20 пытавшихся переплыть Терек солдат противника 10 были убиты, а остальные рассеяны [12].

Это говорит о том, что командование вермахта, наступая на одном участке линии фронта крупными силами, производило отвлекающий маневр, чтобы дать возможность переправиться на южный берег Терека хотя бы небольшой группе своих солдат. Несла при этом значительные потери и Красная армия. Хотя части и подразделения нашей армии отступали с тяжелыми боями, неся огромные потери, в штабах Северной группы войск и Закавказского фронта разрабатывали планы перехода в контрнаступление.

Над Грозным в эти дни нависла очень серьезная опасность. Осознавая это, на защиту родного города поднялись десятки тысяч грозненцев и других жителей Чечено-Ингушской АССР. По свидетельству командующего Закавказским фронтом генерала армии И.В. Тюленева, на строительство оборонительных сооружений вышли «рабочие, свободные от вахты, студенты, учащиеся, домохозяйки, дворники, сторожа, актеры, инженеры, учителя, садоводы, пастухи… Работа, как говорится, кипела и не прекращалась ни на одну минуту ни днем, ни ночью. Под вражеской бомбежкой нефтяники промыслов возводили вокруг Грозного укрепления, каменные барьеры на дорогах и переправах через Терек. В тяжелых условиях боролись с пожарами, спасая резервуары с бензином» [13].

После захвата вермахтом Малгобека берлинское радио вещало: «Остались считанные часы, и даже не часы, а минуты, до захвата Грозного. Мы у ворот в Алханчуртскую долину, которую называют “нефтяным дном”». Но советские войска не пропустили гитлеровцев к Грозному ни от Малгобека по Алханчуртской долине, ни через Эльхотовские ворота и Орджоникидзе и далее по долине Сунжи, ни через Алагир – Орджоникидзе.

Убедившись в безнадежности своих попыток прорваться к Грозному, чтобы захватить его в целости и сохранности, гитлеровцы начали в октябре массированные бомбардировки города. Они вознамерились ударами с воздуха по нефтехранилищам, нефтезаводам, резервуарам с керосином, бензином, мазутом и другими нефтепродуктами не только уничтожить их, но и горящей нефтью и нефтепродуктами залить городские кварталы и заодно с этим прицельным бомбометанием разгромить в Грозном важные административные, промышленные и военные объекты. Первый массированный налет люфтваффе на Грозный был произведен ранним утром 10 октября 1942 г. Армада «Юнкерсов-88», состоящая более чем из 200 самолетов, налетела на город с юга. Направляясь к Сталинскому району, попутно «юнкерсы» сбрасывали на город фугасные и зажигательные бомбы. Пролетая над центральным рынком, расстреляли из пулеметов находившихся там людей. Достигнув же территории Сталинского района, начали все крушить бомбовыми ударами. Взрывались и горели нефтеперегонные установки, насосные станции, резервуары с нефтью и нефтепродуктами, полыхала огнем единственная в городе ТЭЦ. Из 188 вместительных нефтяных резервуаров полностью были уничтожены 87. Всего в этот вражеский налет с воздуха было сожжено более 200 объектов.

Оборонявшие Грозный 744-й зенитно-артиллерийский полк и грозненская дивизия ПВО при помощи истребителей ВВС Закавказского фронта уничтожили 35 фашистских стервятников. К следующим налетам гитлеровских самолетов защитники города подготовились более основательно. Навстречу «юнкерсам» и «мессершмиттам» поднимались советские машины новейших конструкций Лавочкина. Они сбивали в воздушных боях вражеские бомбардировщики и прикрывавшие их истребители. Так, с 10 по 15 октября небо над Грозным превратилось в арену ожесточенных воздушных сражений.

Несмотря на весь героизм защитников Грозного, город серьезно пострадал. Столбы дыма над ним были видны издалека – даже в столице Дагестана Махачкале. Над самим Грозным плотные клубы дыма полностью заслоняли солнце. Пожары безостановочно полыхали во множестве мест. Наиболее страшным из них оказался пожар в нефтяном амбаре, хранившем 1 млн т нефти. Через разрушенные бомбами ограждения и земляные валы пылающая нефть потекла в город. Все, что попадалось ей па пути, расплавлялось, превращалось в бесформенные груды. Трамвайные рельсы и металлические опорные столбы гнулись и скручивались, как стебли травы. Возникла опасность затопления горящей нефтью жилых кварталов. Но на ее пути встали пожарные, к которым на помощь пришли жители города. В дыму и огне они рыли на пути пылающего потока траншеи, тушили возникавшие в разных местах очаги пожаров. Многие из пожарных и их добровольных помощников получили серьезные ожоги и увечья. Некоторые погибли. Жители Грозного высоко оценивали их подвиги по спасению города от огня. Журналист Анатолий Каменин отмечал в «Комсомольской правде»: «Если сейчас в Сталинграде самым прославленным воином считается артиллерист и бронебойщик, то в Грозном такими людьми считают пожарных и зенитчиков».

Уже в своих первых налетах враг потерял порядка 70 самолетов. После этого его бомбардировщики стали реже летать над Грозным. Несмотря на бомбежки, грозненские заводы продолжали бесперебойно работать, снабжать фронт горючим, боеприпасами, минометами и другой необходимой продукцией. Жители же города научились спать под грохот зениток, свист и взрывы бомб.

Одновременно с доблестными защитниками Сталинграда, перейдя в широкое контрнаступление в конце 1942 г., войска Северной группы Закавказского фронта, в составе которых было множество грозненцев, сломили оборону противника на подступах к Грозному, на границах Чечено-Ингушской АССР и, нанеся ему крупное поражение, отбросили далеко назад. И вот наконец-то был дан приказ о переходе в контрнаступление всех частей и подразделений Красной армии, державших оборону на подступах к городу Грозный на территории Наурского и Шелковского районов. 30 ноября 1942 г. согласно боевому приказу № 055 44-я армия во взаимодействии с 5-м гвардейским Донским кавалерийским казачьим корпусом, с 6 ч 00 мин переходя в контрнаступление, начала быстро оттеснять противника на запад [14]. Так закончился оборонительный этап битвы за Кавказ, и начался ее наступательный этап.

За участие в обороне Грозного в 1942 г. и ратные подвиги на подступах к нему более 80 тыс. грозненцев были награждены медалями «За оборону

Кавказа». Некоторым защитникам были присвоены высокие звания Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда. А самому Грозному 6 апреля 2015 г. присвоено почетное звание «Город воинской славы».

Примечания:

1. См.: Сардалов И. Битва за Кавказ // Вести республики. 2013. 28 декабря.
2. Ибрагимов М., Хатуев И. Подвиг во имя Родины. Грозный, 2015. С. 206.
3. Ибрагимбейли Х.-М. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. М., 1977. С. 80.
4. Ибрагимов М., Хатуев И. Указ. соч. С. 206.
5. Государственный архив Чеченской Республики (далее – ГА ЧР). Ф. 3219. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.
6. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 12.
7. Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. М., 1976. С. 333.
8. ГА ЧР. Ф. 17. Оп. 43. Д. 2450. Л. 4.
9. ЦАМО РФ. Ф. 3470. Оп. 1. Д. 34. Л. 1.
10. ЦАМО РФ. Ф. 399. Оп. 9385. Д. 27. Л. 1об.
11. Там же. Л. 2.
12. ЦАМО РФ. Ф. 399. Оп. 9385. Д. 27. Л. 2.
13. Тюленев И.В. Битва за Кавказ // Крепость на Тереке. Они защищали Малгобек. Грозный, 1964. С. 7.
14. ЦАМО РФ. Ф. 399. Оп. 9385. Д. 27. Л. 4.

В.С. Семенов

Участие подразделений «Бранденбург-800» в боевых действиях на юге России в 1941–1943 гг.

В последние годы все более очевидной становится активизация попыток пересмотра причин, хода и итогов Великой Отечественной войны. В частности, происходит оправдание и даже героизация действий гитлеровских захватчиков. Свой вклад в этот процесс вносят недостоверные либо ангажированные исследования боевых действий спецподразделений, к которым всегда привлечено внимание довольно широкой аудитории, особенно молодежной. Значительное количество подобных публикаций касается операций «Бранденбурга-800». Деятельность подобных формирований осуществляется, как правило, в обстановке повышенной секретности, она крайне скупо документируется, а соответствующие архивы уничтожаются в первую очередь. Это объясняет нехватку достоверных источников по данной теме и позволяет недобросовестным исследователям произвольно «конструировать» ход и результаты боевых операций, выдвигать необоснованные положения и оценки.

Следует отметить, что искажению представлений о действиях подразделений «Бранденбурга-800» способствовали не только реваншистские попытки их оправдания и героизации, но также произведения ряда отечественных авторов, стремившихся представить в литературе и кинематографе крайне «демонизированный» образ нацистского спецназа. Многочисленные примеры

избыточной беллетризации исторических событий в литературе и кинематографе, относящейся именно к «Бранденбургу-800», представлены М. Токаревым в работе «Диверсанты Второй мировой» [1]. В результате возрастает потребность в достоверных сведениях о боевых действиях периода Великой Отечественной войны на юге России, связанных с использованием подразделений войск специального назначения.

Создание спецназа нацистской Германии имеет предысторию, связанную с опытом немецкого офицера Теодора фон Хиппеля, приобретенным им в годы Первой мировой войны в период службы в корпусе генерала Пауля Эмиля фон Леттов-Форбека, воевавшего с британскими войсками на территории германской Восточной Африки. В борьбе с превосходящими силами противника генерал успешно применял формирования из местных добровольцев, созданные и действовавшие по образцу партизанских отрядов. Особое внимание Т. фон Хиппеля привлекли операции с использованием разведчиков, экипированных в амуницию противника либо действовавших под видом мирных аборигенов, которым удавалось наносить значительный урон тыловым частям противника, захватывать важные объекты при малых потерях.

Этот опыт был изложен им в докладе, с которым ознакомился Вильгельм Франц Канарис, возглавивший в 1935 г. службу военной разведки и контрразведки вермахта. Начальник абвера предложил Т. фон Хиппелю создать специализированные подразделения для разведки и диверсий в тылу врага. Был сформирован батальон «Эббингаус» из польских немцев, эффективно осуществлявший диверсионно-разведывательные задачи на территории Польши. Это дало основания для создания в конце 1939 г. «800-й учебно-строительной роты особого назначения». Рота, названная в целях конспирации «учебно-строительной», управлялась 2-м отделом абвера, ведавшим диверсионными операциями. Также в ее наименование было добавлено название города Бранденбурга-на-Хафеле, недалеко от которого в местечке Квентцуг первоначально дислоцировалось спецподразделение. Позже роту увеличили до батальона, затем полка, а в 1943 г. «Бранденбург-800» стал дивизией.

В справке Бундесархива о Теодоре фон Хиппеле указано, что в октябре 1940 г. он понял, что не сможет полностью реализовать свои идеи и, сославшись на состояние здоровья, попросил о переводе в другую часть [2]. Этот момент упомянут в его краткой биографии, что может свидетельствовать о проблемах в процессе формирования и подготовки нацистского спецназа.

Следующим руководителем «бранденбуржцев» стал Пауль Хелинг фон Ланценауер, продолживший традиции подбора и обучения кадров спецподразделения, заложенные Т. фон Хиппелем. В данном процессе не придавалось особого значения уставно-дисциплинарным моментам, но предъявлялись высокие требования к уровню интеллекта новобранцев, их физической форме, боевой подготовке, склонности к риску и психологической устойчивости, умению импровизировать и т.п.

При выборе кандидатов преимущество отдавалось фольксдойче из регионов, где планировалось вести боевые действия. Набирали представителей и других этносов, руководствуясь прагматическими критериями, прежде

всего – знанием кандидатом языка (или языков) и обычаев населения в регионах, где предполагались или уже велись спецоперации. В частности, с момента создания батальона «Бранденбург-800» первая из четырех рот комплектовалась русскими и прибалтийскими фольксдойче. «Бранденбуржцы» обучались в соответствии с функциями армейской разведки, готовились к решению диверсионных и штурмовых задач, таких как захват и удержание либо уничтожение инфраструктурных объектов, изучали основы оперативной деятельности, работы с агентурой, подделки документов. Также они приобретали навыки психологического воздействия на войска и население противника, в том числе приемы распространения массовой паники, дезинформации и т.п. Реализация этих навыков нередко имела больший успех, чем боевые операции.

С апреля 1940 г. подразделения «Бранденбурга-800» выполняли боевые задачи в Дании, Франции, Бельгии, Люксембурге, Голландии, Афганистане, Гибралтаре, Румынии, Сирии, Ливане, Ираке. И тогда же была развернута подготовка спецназа к операциям в СССР. С этой целью 1-я рота 1-го батальона «бранденбуржцев» передислоцировалась в начале февраля 1941 г. в учебно-тренировочный лагерь, расположенный в округе Алленштайн в Восточной Пруссии [3].

Весной 1941 г. в тренировочных лагерях «Бранденбурга», готовившегося к нападению на СССР, были сформированы два подразделения украинских националистов – «Роланд» и «Нахтигаль», а также «Бергманн» из представителей кавказских народов. В первые дни войны «бранденбуржцы» захватывали мосты, уничтожали пограничные группы, распространяли панику, которой немало способствовали неожиданное вторжение гитлеровских войск, обстановка сумятицы и неразберихи в прифронтовой полосе. Однако уже в тот период были видны признаки того, что вермахт столкнулся с противником иного порядка, чем в Европе, и повторить подобное триумфальное шествие ему не удастся.

В первые годы войны подразделения «бранденбуржцев» интенсивно использовались в боевых действиях на юге России. Наиболее известны эпизоды участия данного спецподразделения в боях за Ростов-на-Дону, взятии Майкопа, подготовке и проведении операции «Шамиль».

Битва за Ростов-на-Дону. К середине июля 1942 г. 1-й, 2-й и 3-й батальоны полка «Бранденбург-800» глубоко проникли на советскую территорию. Их целью было осуществление разведывательно-диверсионных и иных акций для подготовки операции «Эдельвейс» и плана «Блау» (замененного 30 июня 1942 г. на план «Брауншвейг»), обеспечение продвижения гитлеровских войск на Кавказ и в направлении Сталинграда. Именно тогда немецкой стороной были допущены стратегические ошибки, о которых с горечью писал в своем дневнике Ф. Гальдер.

Одной из ключевых операций лета 1942 г. стала битва за Ростов-на-Дону. В директиве № 41, подписанной Гитлером 5 апреля 1942 г., намечены главные операции летней кампании 1942 г. и подчеркнуто, что для овладения Кавказом необходимо уничтожить русские силы, расположенные западнее и севернее Дона: «Особенно желательно, если бы удалось или захватить неповрежденные

мосты, к примеру в самом Ростове, или надежно овладеть какими-либо предмостными укреплениями южнее р. Дон для продолжения операций, намеченных на более поздний срок». Решение этой стратегически важной задачи было возложено на подразделения 2-го батальона полка спецназа «Бранденбург-800», который с апреля по июнь 1942 г. в районе Тирасполя готовился к боевым действиям на Кавказе. 12 июля 8-й роте 2-го батальона было приказано захватить 6-километровую насыпь через дельту Дона между Батайском и Ростовом [4].

13 июля 1942 г. силами 3-й роты 1-го батальона была проведена разведка в излучине Дона, куда нацелился удар головной части 3-го танкового дивизиона. А 23 июля 3-й танковый дивизион достиг плацдарма восточнее Константиновки, откуда «бранденбуржцы» начали проникновение вглубь позиций советских войск. Когда от Ростова-на-Дону части Красной армии были переброшены на другие позиции, немецкое командование приняло решение использовать 8-ю роту капитана Зигфрида Граберта из 2-го батальона для захвата авто- и железнодорожного мостов через Дон южнее Ростова (к северу от Батайска), имевших большое значение в планах продвижения на Кавказ [5].

Пока северную часть Ростова-на-Дону атаковали авангард 49-го горно-стрелкового корпуса и части 5-й танковой дивизии СС «Викинг», вечером 24 июля южнее моста группа З. Граберта десантировалась на надувных лодках и сразу попала под обстрел советской артиллерии и зенитных орудий. Железнодорожный мост был подожжен бойцами РККА, и «бранденбуржцы» во взаимодействии с мотоциклистами 43-го батальона 13-й танковой дивизии подполковника Штольца сконцентрировали силы на втором мосту, захватив на нем плацдарм, с которого отвечали на плотный огонь из минометов и пулеметов. Несмотря на потери, быстрый маневр позволил им предотвратить подрыв моста.

В половине третьего ночи 25 июля оборонявшиеся красноармейцы подожгли трассирующими пулями грузовик на мосту, что могло решить задачу его уничтожения. Тогда группа капитана З. Граберта под огнем двинулась в атаку. Потери наступавших росли, З. Граберт получил первое ранение в голову, но мост был взят. На нем установили тяжелые пулеметы, организовали доставку боеприпасов и, сохраняя скорость, атаковали второй и третий мосты. Немецкие источники сообщают об упорном сопротивлении советских подразделений за причалами моста на обоих берегах реки, бой продолжался 24 ч [6]. Тогда же З. Граберт получил смертельное ранение в живот. Тем не менее его подразделению удалось захватить и удержать мосты. Утром того же дня атака была завершена при поддержке немецких танков и пикирующих бомбардировщиков Ю-87. Дельта Дона была захвачена германскими войсками.

Сравнение бельгийской кампании 1940 г., в которой капитан З. Граберт успешно осуществлял операции по захвату мостов и шлюзов [7], с боевыми действиями 1942 г. на юге России демонстрирует их очевидные различия. Все немецкие источники свидетельствуют о крайней ожесточенности боев. В битве за ростовские мосты погибли и пропали без вести 33 диверсанта 8-й роты полка «Бранденбург», еще 54 чел. были ранены [8]. Это служит

дополнительным подтверждением вывода историка В.И. Афанасенко относительно ошибочности низкой оценки битвы за Ростов в известном приказе И.В. Сталина № 227 [9].

2-й батальон полка «Бранденбург» продолжал активно участвовать в боевых действиях на юге России. В частности, 5-я рота лейтенанта Цюльха, 7-я лейтенанта Остервитца и 8-я рота, перешедшая под командование лейтенанта Эрнста Прохаски, участвовали в августе 1942 г. в бою на мосту через реку Белую в Майкопе [10]. Вильгельм Тике также сообщает об участии «бранденбуржцев» в боях у станицы Пролетарской и попытке захватить плотину между рукавами Маныча, сорвавшейся из-за бдительности советских бойцов, успевших взорвать южную часть плотины в двух местах [11].

Захват Майкопа. Стратегическое решение Гитлера перенести летом 1942 г. основной удар на юг России и захватить месторождения нефти, в которой все более остро нуждался вермахт, требовало профессиональной работы диверсантов. Их главной задачей было не допустить уничтожения отступающими войсками нефтепромыслов и перерабатывающего оборудования. Исполнение задачи было поручено выходцу из остзейского дворянства лейтенанту Адриану фон Фелькерзаму, командиру «Балтийской роты» полка «Бранденбург-800». Его группе из 62 диверсантов, владевших русским языком и переодетых в форму НКВД, удалось 2 августа 1942 г. проникнуть в Майкоп, внедриться в систему обороны, дезорганизовать ее и к 8 августа обеспечить быстрое взятие города. Данная операция является одним из широко известных примеров эффективного применения спецназа. Ее часто обсуждают не только исследователи истории спецподразделений, но и неспециалисты. На сегодняшний день имеются детальные научные исследования операции по захвату Майкопа, позволяющие иногда по часам проследить развитие событий [12].

Однако при анализе источников остаются неясными и спорными некоторые вопросы. Так, неясно, имелось ли у группы А. фон Фелькерзама дополнительное «прикрытие» на случай элементарной проверки, например, звонка в вышестоящую структуру НКВД, либо это был авантюрный рейд, рассчитанный на панику и неразбериху в готовящемся к обороне городе, а также на известный страх граждан перед «карающими органами». Оценивая другие схожие операции «бранденбуржцев» в первые годы Великой Отечественной войны, можно допустить, что более вероятен второй вариант.

Остается спорным принципиально важный вопрос – удалось ли не допустить уничтожения объектов нефтедобычи, т.к. это было ключевой задачей масштабного броска войск и диверсионной операции в Майкопе. Если верить мемуарам Отто Скорцени, статьям в Метапедии и подобным источникам, «бранденбуржцам» удалось обеспечить безопасность нефтебаз, что указано среди оснований награждения Фелькерзама 14 сентября 1942 г. Рыцарским крестом Железного креста [13].

Однако в вечерней сводке Совинформбюро от 16 августа 1942 г. сообщалось, что «оборудование майкопских нефтепромыслов и все наличные запасы нефти своевременно вывезены, а сами нефтепромыслы приведены в полную негодность. Немецкие фашисты, рассчитывавшие со взятием Майкопа

поживиться за счет советской нефти, просчитались: советской нефти они не получили и не получат» [14]. В данной ситуации можно допустить, что информация противостоящих сторон подверглась «корректировке» в пропагандистских целях. Возможно, была уничтожена какая-то часть оборудования, а часть сохранилась. В любом случае, захват самого малого кавказского месторождения означал реализацию лишь начального этапа плана по захвату нефтяных источников. Постоянная нехватка горюче-смазочных материалов сыграла заметную роль в последовавшем поражении вермахта в предгорьях западной части Главного Кавказского хребта, и этот фактор сохранялся до разгрома Третьего рейха.

Операция «Шамиль». Немецкое командование планировало в рамках операции «Эдельвейс» захватить нефтедобывающие предприятия в районах Грозного и Баку. Особая сложность намеченных боевых действий заключалась в необходимости сохранить данные предприятия в целости и сразу наладить получение остро необходимых горюче-смазочных материалов. На решение этой и ряда других задач была нацелена операция «Шамиль», предусматривавшая использование батальона «Бергманн», сформированного 2-м отделом абвера в октябре 1941 г. из представителей народов Северного Кавказа и Закавказья [15]. Особые надежды возлагались на вовлечение в кавказскую кампанию на сторону Третьего рейха местных жителей, недовольных советской властью.

В августе 1942 г. роты батальона были переброшены на Кавказ под Майкоп, в район Эльбруса и другие пункты. Перед ними ставились задачи по захвату и разрушению важных коммуникаций, созданию паники, пропаганде среди местного населения и организации повстанческого движения. Тогда же был предпринят парашютный десант из 25 чел. под командой обер-лейтенанта Ланге в нефтяной бассейн возле города Грозного. Эта группа была обстреляна еще в воздухе и затем рассеяна бойцами РККА, однако Ланге уцелел, укрылся у местных коллаборационистов и через несколько месяцев вернулся к своим. В сентябре 1942 г. на территорию Чечено-Ингушской АССР была выброшена группа из 12 диверсантов под руководством унтер-офицера Реккерта. Всего известно о пяти попытках внедрения разведывательно-диверсионных групп «бранденбуржцев». Даже после отступления гитлеровских войск с Кавказа в 1943 г. были предприняты еще три попытки [16].

Особые надежды, и не без оснований, немецкое командование возлагало на местных «повстанцев». Только на территории Чечено-Ингушской АССР в августе 1942 г. действовало около 37 подобных формирований [17]. Так, упомянутая группа «бранденбуржцев» под командованием Реккерта, заброшенная на территорию Чечни, опиралась на 400 «повстанцев» банды Р. Сахабова (хотя это не спасло ее от уничтожения). Очевидно, что одними чекистско-войсковыми операциями подавить такое движение было бы сложно. Значительную помощь войскам НКВД на Кавказе оказывали 4 отряда народного ополчения, около 80 бригад содействия и более 65 партизанских отрядов, успешно применявших приемы и методы действий разведывательно-диверсионных групп в борьбе против нацистского спецназа и их пособников [18]. Эти данные расходятся с оценкой отдельных немецких источников, называющих основной

причиной неудач по созданию нацистского «второго фронта» на Кавказе и провала операции «Шамиль» нехватку вооружений [19].

На примере нескольких эпизодов использования «Бранденбурга-800» в боевых действиях на юге России виден процесс, в результате которого профессиональное разведывательно-диверсионное спецподразделение постепенно трансформировалось в общевойсковую часть. Особому отряду не хватало требуемых кадров, все меньше оставалось времени и средств на их профессиональную подготовку. Этот процесс отражал общий кризис Третьего рейха. В апреле 1943 г. «Бранденбург» был выведен из подчинения абверу и переподчинен Верховному командованию сухопутными войсками, в сентябре 1944 г. переформирован в танково-гренадерскую дивизию, которая в конце войны включена в состав корпуса «Великая Германия».

Анализ сведений об использовании «Бранденбурга» в боевых действиях на юге России позволяет утверждать, что мнение о широком применении спецподразделений в советском тылу, массовых диверсиях против комсостава, хозяйственных и партийных работников, организации паники в прифронтовых районах и т.п. преувеличено. Наиболее успешные операции «бранденбуржцы» осуществляли там, где удавалось использовать эффект неожиданности, где была ослаблена дисциплина, управление, противодиверсионные меры. После преодоления первоначального шока и налаживания командирами РККА указанных моментов эффективность боевых мероприятий «бранденбуржцев» заметно снизилась, им эффективно противостояли строевые части.

Завершая краткое исследование, представляется необходимым упомянуть о современных тенденциях реабилитации и даже героизации «бранденбуржцев». Речь идет о неонацистских оценках личностей и событий соответствующей эпохи, предлагаемых ресурсами, подобными сетевой энциклопедии «Метапедия». Еще более опасными представляются попытки внедрить в современную подготовку спецподразделений ФРГ представлений о «Бранденбурге-800» как источнике традиций и образце для подражания. Речь идет об издании в 2005 г. правоэкстремистским издательством “Pour le Merite” книги «Секретные воины – три немецкие группы коммандо». Авторы – два бывших командира спецназа в германской армии и полиции, а также один ветеран «Бранденбурга-800» и войск СС В. Вальтер – первый кавалер Рыцарского креста среди «бранденбуржцев», носивший эту награду и в послевоенные годы. На это последовал запрос группы депутатов и фракции «Левых» в Бундестаге [20]. Оценивая итоги дискуссий, прошедших по поводу книги и депутатского запроса, можно констатировать, что, как и в послевоенный период, денацификация немецкого общества остается делом прежде всего самого немецкого общества.

Примечания:

1. Токарев М. СССР. 1941-й. «Бранденбург-800»: «черные кошки в темной комнате» // Диверсанты Второй мировой. Военно-исторический сборник. М., 2008. С. 5–16.
2. Hauptmann von Hippel. Bundesarchiv, Pers 6/8912. URL: http:// www.bundesarchiv.de/imperia/md/content/bundesarchiv_de/oeffentlichkeitsarbeit/historische_bilder_und_dokumente/diebrandenburger/hauptmann_von_hippel.pdf (дата обращения: 20.04.2015).

3. Мадер Ю. Абвер: щит и меч Третьего рейха. Ростов н/Д, 1999.
4. Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть. 1942/1943. М., 2005. С. 28.
5. Grabert Siegfried. URL: http://de.metapedia.org/wiki/Grabert,_Siegfried (дата обращения: 20.04.2015).
6. Тике В. Указ. соч. С. 31.
7. Hauptmann Grabert. Bundesarchiv, Bild 101 I-210-0219-02A. URL: https://www.bundesarchiv.de/oeffentlichkeitsarbeit/bilder_dokumente/00863/index-1.html.de (дата обращения: 20.04.2015).
8. Тике В. Указ. соч. С. 32.
9. Афанасенко В.И. От «Блау» до «Урана» – операции РККА и вермахта в большой излучине Дона в июле – октябре 1942 г. // Военный сборник. 2014. Т. 5. № 3. С. 153.
10. Grabert Siegfried.
11. Тике В. Указ. соч. С. 46.
12. Кринко Е.Ф. Захват вермахтом Майкопа (9–10 августа 1942 г.) // Военный сборник. 2013. Т. 2. № 2. С. 134–145.
13. Fölkersam Adrian Baron von. URL: http://de.metapedia.org/wiki/Fölkersam,_Adrian_Baron_von. (дата обращения: 20.04.2015).
14. Сводки Совинформбюро на 16 августа 1942 г. URL: http://roman.lebedev.com/sov_inform_buro__vov/?mode=one&god=1942&mes=8&den=16 (дата обращения: 20.04.2015).
15. Чуев С. Проклятые солдаты. М., 2004. С. 538–540.
16. Борьба органов государственной безопасности и войск НКВД с вооруженным подпольем на территории СССР. URL: http://stat.encyclopedia.mil.ru/files/VOV/tom6/VOV_Vol6_681-722_Chap12.pdf (дата обращения: 20.04.2015).
17. Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию…». М., 1995. С. 91.
18. Сидоренко В.П. Войска НКВД на Кавказе в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1999. С. 103.
19. Erfahrungsbericht zum Unternehmen «Schamil». URL: http://www.bundesarchiv.de/oeffentlichkeitsarbeit/bilder_dokumente/00863/index-18.html.de (дата обращения: 20.04.2015).
20. Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage der Abgeordneten Ulla Jelpke, Sevim Dagdelen, Heike Haensel, Inge Hoeger und der Fraktion DIE LINKE “Verbrecherische Wehrmachtsdivision als moegliche Traditionsgeberin fuer das Kommando Spezialkraefte und die GSG 9”. Drucksache 16/5082 – 21.05.2007. URL: http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/16/053/1605380.pdf (дата обращения: 20.04.2015).

К.Г. Ачмиз

«Мы недооценили русских». Бои на майкопско-туапсинском направлении: взгляд «с другой стороны»

В истории Великой Отечественной войны существенное место занимают проблемы развития военных событий на некоторых участках советско-германского фронта, где решались важные оперативно-тактические задачи, приобретавшие в отдельных случаях стратегический характер. К их числу относятся бои на майкопско-туапсинском направлении за овладение нефтяными промыслами Кавказа и выход к Черному морю.

Историография о Второй мировой войне пополнились новым изданием. Это мемуары Адольфа фон Эрнстхаузена «Война на Кавказе. Перелом. Мемуары командира артиллерийского дивизиона горных егерей. 1942–1943». Так же, как и до него Вильгельм Тике в книге «Марш на Кавказ. Битва за нефть 1942–1943 гг.», автор не рассматривает вопросы стратегии [1].

Майор А. фон Эрнстхаузен, являвшийся командиром одного из дивизионов 81-го артиллерийского полка 97-й легкопехотной (егерской) дивизии, описывает наступление группы армий «А» с Северского Донца до Кавказа и ее поспешный отход на Кубанский плацдарм в декабре 1942 г. – январе 1943 г. Группа армии «А» состояла из 17-й полевой и 1-й танковой армий. В 17-ю армию входили 44-й армейский корпус (97-я и 101-я легкопехотные (егерские) дивизии) и 49-й горнострелковый корпус (1-я и 4-я немецкие горнострелковые, 2-я румынская горнострелковая дивизии). Все они должны были принять участие в сражениях на Кавказе в направлении Армавир – Майкоп – Туапсе. С 15 августа 1942 г. 1-я танковая армия была переброшена на восток на моздокское направление. Основное внимание в мемуарах уделено совместным действиям дивизиона егерской дивизии с другими войсковыми подразделениями немецкой группы армий «А» (пехота, артиллерия, саперы, санитары, «хиви» – «добровольными помощниками» вермахта), двигавшейся на Кавказ на майкопско-туапсинском направлении. Продвижение немцев на южном участке фронта, которое началось в конце июля 1942 г., было стремительным.

Главной причиной, позволившей противнику вынудить советские войска к столь быстрому отходу, являлся его большой перевес в силах и средствах, особенно в танках, авиации и артиллерии. Наличие у противника крупных танковых и моторизованных соединений и отсутствие их в войсках Северо-Кавказского фронта давало возможность немцам выходить своими подвижными частями одновременно с нашими войсками, а иногда и раньше, на рубежи, намечавшиеся для организации обороны [2].

Эта краткая военная глава новейшей германской истории предстает перед нами сначала «бодро-веселой» наступательной войной, вскоре утратившей весь свой запал, затем застывшей в судорожном оцепенении и потом, после обескровливания войск, трагедией неслыханных масштабов. В общественном сознании эта кампания не нашла соответствующего внимания лишь потому, что была заслонена более крупной трагедией Сталинграда.

Работа над рукописью была закончена в 1946 г., когда еще были свежи воспоминания автора и участников событий. В качестве источника для описания излагаемых событий автору послужила «История Второй мировой войны» Курта фон Типпельскирха – одно из первых солидных исследований, посвященных минувшей войне.

В самом начале войны майор фон Эрнстхаузен был прикомандирован к артиллерийскому полку, которому выпал жребий следовать за боевыми действиями, не принимая в них участия, служить в гарнизонной команде. Настоящая война для майора началась в мае 1942 г., когда он добился перевода на Восточный театр военных действий. Учитывая его боевой опыт участия в горной

артиллерии в Первой мировой войне, он был направлен в 97-ю егерскую дивизию, стоявшую на реке Северский Донец.

Поезд с отпускниками, возвращавшимися на фронт, и личным составом, который должен был восполнять потери на фронте после кровопролитной зимней кампании, медленно двигался по оккупированной территории Украины. Уже с первых своих бесед с местными жителями майор фон Эрнстхаузен стал понимать, что советские граждане, даже обиженные в свое время советской властью («раскулаченные»), ничего хорошего не ждали от гитлеровцев и смотрели на них как на захватчиков. Интересный диалог состоялся у майора в Кировограде с представительницей немецкой крестьянской семьи переселенцев на Украину, «где они некогда благодаря своему трудолюбию приобрели значительное поместье и состояние, сохранив при этом свой немецкий и крестьянский образ жизни». Поначалу «люди здесь радовались было тому, что немцы говорили, будто они хотят нас освободить… Но потом стали понимать, что Гитлер хочет сделать нашу землю германской колонией, и тогда хорошее мнение о немцах изменилось». Что же касается отношения к большевизму, то оно «все же не так враждебно, как раньше». Если колхозы вызывали неоднозначную оценку, то затем некоторые, особенно из молодых, говорили: «Это хорошая вещь, и когда система будет выстроена как следует, все будет куда лучше, чем раньше». Жизнь становилась лучше, стали осуществляться социальные программы, для работавших строились дома отдыха, делалось все для организации их досуга. И завершая разговор, эта женщина сказала: «У здешних людей совсем другие запросы, чем в Германии. У них другая культура, своя собственная. То, чего они все хотят, – это свобода. А ее-то вы сюда и не принесли» [3]. Майор Эрнстхаузен с сарказмом замечает, что точка зрения украинской крестьянки до нужных ушей никогда не дойдет.

«Установлением большевизма была довольна только молодая интеллигенция, которая с детского возраста вырастала в окружении коммунистического образа мыслей. Для такого воспитания господствующий режим делал чрезвычайно много, – замечает фон Эрнстхаузен. – Здания школ в деревнях представляли собой современные строения, с первоклассными учебными пособиями» [4].

В своих мемуарах фон Эрнстхаузен, характеризуя боевые действия в районе городов Изюм и Славянск на юго-западном берегу реки Северский Донец, отмечает, что «русские занимали значительно менее выгодные позиции на низменном и равнинном пространстве по другую сторону реки». Тем не менее орудия дивизиона, несмотря на хорошее укрытие в виде высокого земляного бруствера, были обнаружены русскими, и по ним велся интенсивный артиллерийский огонь.

«Наши батареи, – продолжает фон Эрнстхаузен, – благодаря своим расположенным выше русских позициям и наблюдательным пунктам имели значительное преимущество перед противником. Батареи неприятельских орудий, находившиеся на плоской равнине, едва начинали вести огонь, сразу же обнаруживались нами, подавлялись сосредоточенным огнем и были вынуждены менять свои позиции». Все местечковые боевые столкновения, которые пришлось вести егерскому дивизиону Эрнстхаузена, преподносятся как высший

образец военного искусства. Противник (русские) практически не оказывает сопротивления и в беспорядке отступает, неся большие потери, их позиции «выглядели так, словно их сдали без боя».

Настрой офицеров и солдат характеризуется нетерпением, желанием быстрее двинуться на Кавказ, готовностью преодолеть неслыханные трудности. «Только подумайте, что нам предстоит увидеть, господин майор! И большевизм будет окончательно повержен. Это же современный крестовый поход!» – говорили в восторге его подчиненные. Для большинства гитлеровских солдат и офицеров захват Кавказа представлялся заманчивым приключением.

«Спустя полгода, – с горечью замечает фон Эрнстхаузен, – от нас осталась лишь жалкая доля того состава частей Восточного фронта, который начинал летнее наступление, причем каждый третий уцелевший солдат нес в себе ту или другую болезнь (сыпной тиф, паратиф, дизентерия, волынская лихорадка, малярия), распространяя ее между своими товарищами, пока окончательно не выходил из строя. Мы просто были потерянным отрядом ландскнехтов [наемников. – *К.А.*], брошенным в бушующие волны человеческого океана Азии, которые при каждом ударе оставляли после себя гекатомбы трупов» [5].

Автор пытается понять истоки сопротивления и стойкости солдат и офицеров Красной армии. Он считает, что здесь свою роль сыграли комиссары. «Без них – в этом я твердо убежден – большевизм не пережил бы нашего удара, благодаря им мы были в конце концов побеждены». И в этом, конечно же, виноват Гитлер. «Если бы мы догадались освободить от цепей все свободолюбивые силы, если бы мы принимали как друга всякого, кто шел нам навстречу, то на нашей стороне были бы и комиссары. Но первый же приказ Гитлера об их непременном уничтожении сделал этих людей душой сопротивления». Следует отметить, что 9 октября 1942 г. указом Президиума Верховного Совета СССР «Об установлении полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров в Красной армии» институт комиссаров был заменен институтом заместителей командиров по политический части (замполитов).

Автор не скрывает своей неприязни к комиссарам. Характеризуя погибшего комиссара, у которого в ходе смертельной борьбы из правой руки выскользнул пистолет – «символ последнего приказа комиссара, его последняя угроза», как он считает, фон Эрнстхаузен пишет, что «его желтоватое лицо с иссиня-черными волосами надо лбом и молодецкими усиками: молодое, с высоким лбом, оно еще хранило черты благородного образа мужской красоты». И в то же время предсмертная гримаса, застывшая на лице комиссара, по мнению автора, могла принадлежать лишь представителю той разрушительной власти, «которая поработила людей, чтобы низвергнуть весь мир во власть дьявола».

Значительное место в мемуарах уделено деятельности «хиви» – «добровольных помощников» в основном из числа военнопленных, которые несли вспомогательную службу при германских войсках. «Хотя мы несли значительные потери, – отмечает фон Эрнстхаузен, – благодаря “хиви” истинная численность наших подразделений оставалась всегда не меньше штатной численности вплоть до подхода к Кавказу». Применялись «хиви» в основном в качестве

обозных рабочих, водителей тягачей и конюхов, санитаров, поваров и т.д. Позднее «хиви» стали привлекать к непосредственному участию в боевых действиях, операциях против партизан и к карательным акциям. Появление «добровольных помощников» автор мемуаров связывает с психологией большевизма «как специфической формы выражения великорусского менталитета», что является явным заблуждением. И тем не менее он вынужден заметить, что «хиви» и некоторые жители, оказавшиеся в зоне оккупации, видели в немцах «освободителей, по крайней мере, до тех пор, пока не осознавали истинных намерений Гитлера».

Характеризуя марш своего дивизиона по Украине, он подчеркивает: «у нас никогда не появлялось чувства, что мы находимся во вражеской стране, когда мы входили в какой-нибудь крестьянский дом» [6]. Инциденты возникали, когда солдаты уводили у крестьян домашний скот. «Даже русские войска не осмелятся отобрать у крестьянина его личную корову – замечает фон Эрнстхаузен. – Что же касается колхозного стада, то на такие факты реквизиции крестьяне смотрели равнодушно». И далее он делает «глубокомысленный» вывод о том, что угнетение крестьян их прежними владельцами земли (помещиками и кулаками) «было совершенно безобидной мерой по сравнению с террором большевиков».

По мере продвижения германских войск к Кавказу возрастала степень ожесточенного сопротивления Красной армии. Когда дивизион выступил на туапсинское направление, то солдаты уже двигались по «мнимодружественной стране». «Немцев становится все меньше, а русских все больше. Постоянно спрашиваешь себя: сколько это будет еще так продолжаться? И еще я спрашиваю себя, доведется ли мне увидеть родину, или я однажды сгину где-нибудь здесь в пыли, как уже сгинуло так много моих товарищей», – писал ефрейтор штаба фон Эрнстхаузена в Мюнхен своей бабушке. И он был не одинок в своем пессимизме, хотя и считался одним из храбрых бойцов. Это письмо было перехвачено военной цензурой и переслано мюнхенским гестапо в штаб дивизиона [7].

Конкретной целью кавказской кампании Гитлера было овладение нефтяными местонахождениями Кавказа. Это являлось задачей группы армий «А». Группе армий «Б» предстояло фланговое прикрытие ударов Красной армии со стороны Курска, Воронежа и Сталинграда и далее вплоть до Каспийского моря. Наступление гитлеровских войск было остановлено только у Сталинграда. Группе армий «А» уже в начале августа удалось занять небольшую область нефтяных месторождений у Майкопа, однако их дальнейшее наступление в направлении Баку было осуществлено до района несколько далее Моздока, где оно под контрударами советских войск и авиации совершенно заглохло. Поставленные обеим группам армий неслыханно громадные задачи оказались им не под силу. «Благодаря своевременно предпринятому отступлению, русские войска смогли избежать запланированного для них германскими войсками окружения», – отмечает фон Эрнстхаузен. Он также вынужден признать, что оборона на майкопско-туапсинском направлении была организована на высоком уровне.

Его возмущает, что при распылении и без того слабых сил была выделена особая команда, которой предстояло водрузить флаг со свастикой на вершине Эльбруса. Флаги были установлены 21 августа на обеих вершинах Эльбруса – 5642 и 5621 м. «По иронии судьбы лишь этот чисто спортивный, но в военном отношении совершенно бессмысленный жест имел успех. Все остальные предпринятые действия своих целей не достигли, хотя задействованные в них горные части сражались с неслыханной отвагой», – пишет фон Эрнстхаузен. Добавим, что восхождение имело не столько спортивный, сколько ритуальный характер, т.к. Эльбрус считается священной горой ариев.

С августа и до середины декабря 1942 г. дивизион вел ожесточенные сражения за позиции и перевалы в районе Тубы, Хадыженской, Шаумяна и горы Индюк. В ходе этих боестолкновений, по свидетельству фон Эрнстхаузена, «русские проявили себя мастерами эластической обороны». Он описывает полную трудностей и лишений солдатскую жизнь, эпидемии. Шли упорные, с большими потерями, но без видимого успеха со стороны немцев ожесточенные бои. Только в одном бою на Звездной горе в Апшеронском районе из 220 чел. было потеряно 105 чел. Говоря о потерях русских, он не скрывает, что они также были велики – между скальными глыбами и в различных углублениях лежали мертвые морские пехотинцы в таких количествах, что нельзя было сделать и шагу, чтобы не наступить на них. Автор делал вывод о том, что Звездную гору вполне можно было переименовывать в Гору мертвых. Уже никто из немецких офицеров не верил, что сможет добраться до Туапсе.

Майор отказывает русским в инициативе на поле боя, при наступлении они «имеют привычку в подобных обстоятельствах ожидать дальнейших приказов, что всегда облегчало нам отвод войск». В районе Шаумяна егеря впервые столкнулись с действием гвардейских реактивных минометов – «сталинских орга́нов», как их окрестили немцы. Моральное воздействие, произведенное «катюшами» на противника, было неслыханным. В обычных условиях равнинной местности немцы несли от залпов «катюш» большие потери. Многие из оставшихся в живых (о чем свидетельствуют фронтовики) сходили с ума [8]. Наставляя некоторых своих подчиненных, стремившихся с особым рвением выполнить то или иное распоряжение, чтобы не быть обвиненными в трусости, фон Эрнстхаузен замечает, что «осторожность является наилучшей составляющей отваги». Описывая бои в районе горы Индюк и селения с таким же названием, где на склоне горы развернулось наиболее ожесточенное сражение, продолжавшееся шесть недель, он отмечает, что «русские минометы так интенсивно обрабатывали наши передовые позиции, что продвижение едва ли было возможно».

«Мы недооценивали русских, ошибочно предполагали их сопротивление сломленным. Теперь они стояли здесь, вполне готовые отразить наступление нашей дивизии, которая до этого могла достать самого дьявола из ада» [9]. Мы давно уже запутались в происходящем и не имели никаких перспектив с нашими недостаточными силами повернуть ситуацию в свою сторону. Это понимал каждый, кто давал себе труд подумать над происходящим, от генерала до последнего солдата. Если мы не сможем преодолеть водораздел у Туапсе, то вся кавказская кампания, безусловно, потерпит неудачу. В случае если нам

удалось бы это осуществить, то для нас это стало бы еще одним незначительным этапом на пути к достижению утопической цели этой кампании – утопической, потому что сил для ее осуществления явно было недостаточно, – замечает автор. Согласно «Журналу боевых действий» 3-го батальона 204-го егерского полка боевая численность этого батальона на 13 декабря 1942 г. составляла в 5 ротах и штабе: 2 офицера, 5 унтер-офицеров и 21 рядовых [10]. Несмотря на огромные жертвы, немецким войскам поставленной цели так и не удалось достигнуть. С 16 декабря 1942 г. начался их планомерный отход на Кубанский плацдарм, чтобы избежать второго «котла», в который германские войска попали под Сталинградом. Бои за Кубань продолжались до 9 октября 1943 г. и завершились прорывом «Голубой линии», в результате которого 16 сентября был освобожден Новороссийск [11].

Потери врага только в наступательных операциях советских войск составили 281 тыс. солдат и офицеров, 1358 танков, 2 тыс. самолетов, свыше 7 тыс. орудий и минометов, 22 тыс. автомашин. В небе Кубани уже с мая 1943 г. советская авиация взяла превосходство над врагом в воздушных боях и не упускала его до самого конца войны.

1 мая 1944 г. была учреждена медаль «За оборону Кавказа», которой было награждено около 870 тыс. чел. В то же время медалью «За оборону Сталинграда» (учреждена 22 декабря 1942 г.) награждено свыше 760 тыс. чел. Германией 21 сентября 1943 г. был учрежден специальный знак отличия «Кубанский щит». Им награждались офицеры и солдаты вермахта за участие в кампании на территории Кубани. 31 декабря 1943 г. был представлен первый список к награждению. Всего этот знак отличия получили около 100 тыс. германских солдат и офицеров [12].

За мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города в борьбе за свободу и независимость Отечества, указом Президента Российской Федерации от 5 мая 2008 г. № 557 городу Туапсе присвоено почетное звание Российской Федерации «Город воинской славы». Ранее, в мае 1981 г., указом Президиума Верховного Совета СССР город Туапсе «за мужество и стойкость, проявленные трудящимися города в годы Великой Отечественной войны, и за успехи, достигнутые в хозяйственном и культурном строительстве» был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени [13].

Примечания:

1. Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть. 1942–1943 гг. М., 2005; Эрнстхаузен А. фон. Война на Кавказе. Перелом. Мемуары командира артиллерийского дивизиона горных егерей. 1942–1943. М., 2012.
2. Битва за Кавказ. М., 2002. С. 58–59.
3. Эрнстхаузен А. фон. Указ. соч. С. 14.
4. Там же. С. 61–62.
5. Там же. С. 36.
6. Там же. С. 57.
7. Там же. С. 69.
8. Там же. С. 154–155.
9. Там же. С. 98–99.
10. Там же. С. 201.
11. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. М., 1985. С. 492–493.

12. Мерников А.Г., Спектор А.А. Вторая мировая война. Минск, 2007. С. 113.
13. Туапсе – город воинской славы. Туапсе, 2010. С. 2, 4.

А.А. Черкасов

Численность, вооружение и степень подготовленности сухопутных частей РККА и вермахта, принимавших участие в боевых действиях в горных районах лесного Кавказа

Детальное представление сложного процесса ведения боевых действий невозможно без определения основных тактико-технических характеристик противоборствующих сторон. Немалый интерес представляют показатели численности, вооружения и степень подготовленности частей РККА и вермахта, принимавших участие в боевых действиях в горных районах лесного Кавказа. В боях на Умпырском направлении (в горных районах Лесного Кавказа) принимали участие горнострелковые подразделения немецких и советских войск. Рассмотрим их по порядку.

Вермахт. Первые операции немецких войск в районе Умпырского и Белореченского перевалов осуществлялись двумя егерскими дивизиями – 97-й и 101-й. В состав 97-й входили 204-й и 207-й егерские, 81-й артиллерийский полки. В состав 101-й – 22-й и 229-й егерские, 85-й артиллерийский полки. Общая численность егерской дивизии составляла 10 772 чел., из них 332 офицера, 105 чиновников, 1616 унтер-офицеров и 8179 рядовых [1]. Каждая из егерских дивизий имела на вооружении 404 ручных пулемета, 62 станковых пулемета, 42 ротных 50-мм миномета, 24 батальонных 81-мм миномета, 54 тяжелых 37-мм противотанковых ружья, 24 легкие 105-мм гаубицы, 12 75-мм противотанковых орудий, 12 20-мм зенитных пушек, от 31 до 70 бронеавтомобилей и 86 танков [2].

Принимала активное участие в боевых действиях и 4-я горнострелковая дивизия, организация которой в целом была сходна с егерскими дивизиями. Однако в ней было значительно меньше ручных пулеметов (275). Станковых пулеметов было больше (72), так же как и легких ротных 50-мм минометов (66). Танки и бронеавтомобили и вовсе были не свойственны горным стрелкам, поэтому они отсутствовали. Во всем остальном сохранялся паритет. При этом численность горнострелковой дивизии была значительно выше – 17 188 чел., из них 459 офицеров, 85 чиновников, 2128 унтер-офицеров и 14 516 солдат [3].

Существенным плюсом в формировании и егерских, и горнострелковых дивизий было то, что они создавались по территориальному принципу в предгорных и горных зонах. Этим достигалось столь важное на фронте землячество, которое было характерно для всех дивизий вермахта и СС. Помимо этого подразделения укомплектовывались людьми, имевшими достаточное представление о жизни в горах.

Горнострелковая дивизия обеспечивалась горным снаряжением. В экипировку личного состава входили удобная крепкая горная обувь и верхняя одежда,

палатки, спальные мешки, походные спиртовые индивидуальные кухни и примусы, темные очки. Снаряжение состояло из ледорубов, «кошек», веревок, скальных и ледовых крючьев и карабинов, горных спасательных средств. Высокогорные части обеспечивались также специальным высококалорийным питанием [4].

Из стрелкового оружия в егерских и горнострелковых подразделениях вермахта состояли на вооружении карабины системы маузер калибра 7,92 мм. В большинстве случаев они были снабжены оптическими прицелами (прицельная дальность более 2000 м) и являлись грозным оружием в руках горных стрелков. Карабинов других систем в дивизиях было сравнительно немного. Для ближнего боя немцы использовали автоматы МР-40 – «ЭРМА» с прицельной дальностью стрельбы 200 м и практической скорострельностью 80–90 выстрелов в минуту.

Основным видом стрелкового вооружения у горных стрелков и егерей был 7,92-мм пулемет MG-34 (в самом начале 1943 г. поступил на вооружение усовершенствованный MG-42). Он считается лучшим пулеметом Второй мировой войны. Его отличали сравнительно небольшой вес (с сошками 13 кг, со станком 33 кг), большая прицельная (2000 м) и максимальная (3500 м) дальность стрельбы, ее значительный темп (700–800 выстрелов в минуту).

Минометам в горах придавалось особое значение. Они были весьма эффективны для поражения противника, находящегося в укрытиях. Для более результативной минометной стрельбы специально для 81-мм минометов была дополнительно разработана прыгающая осколочная мина, которая после выстрела при встрече с поверхностью земли подпрыгивала и взрывалась над окопами и укрытиями. При этом наносился не только физический, но и психологический ущерб.

Связь в большинстве случаев осуществлялась радиопередатчиками. Немцы почти не использовали в горах проводную связь. В ясную погоду на коротких дистанциях работали сигнальными флажками.

В труднопроходимых зонах высокогорья немцы применяли переносные канатные средства эвакуации раненых и доставки грузов. Они знали по опыту, что самый долгий и трудный способ доставки или эвакуации на высокогорье – использование людей. Поэтому горные стрелки и егеря для этого пускали в ход мулов, а изредка лошадей. В качестве носильщиков выступали и пленные, захваченные здесь в боях. Как правило, немцы оставляли в своем расположении наиболее крепких пленных. Слабых и раненых либо расстреливали, либо отправляли в ближайшие населенные пункты. Известны случаи, когда раненые советские военнопленные направлялись горными стрелками в близлежащие населенные пункты для лечения в госпиталях, равно как и просто отдавались на содержание населению. Как отмечает К.-М.И. Алиев, «подобное проявление рыцарства было скорее явлением частным и характеризовало далеко не всех немецких офицеров» [5].

Части Рабоче-крестьянской Красной армии. Активную роль в противодействии немецким войскам в горной зоне лесного Кавказа играла 20-я горнострелковая дивизия с приданными ей 23-м и 33-м пограничными полками войск НКВД. Во время боев на Главном Кавказском хребте в районе Сочи

командовал ею сперва полковник, а затем генерал-майор А.П. Турчинский. В это время она прикрывала территорию будущего Большого Сочи, имея ближнюю и дальнюю линии обороны. В ближнюю входили прибрежные территории вплоть до горных перевалов Главного Кавказского хребта, к дальним можно условно отнести предгорную территорию Кубани.

20-я горнострелковая дивизия состояла из 4 стрелковых полков (67-го, 174-го, 265-го и 379-го) и 1 артиллерийского полка (61-го), не считая других подразделений. На вооружении стрелковых полков находились винтовки Мосина, самозарядные винтовки Токарева, ручные пулеметы Дегтярева и станковые Максимы. Из оружия ближнего боя были пистолеты-пулеметы Шпагина и Дегтярева. Имелось небольшое количество противотанковых ружей, вероятнее всего, для борьбы с дзотами и дотами. В составе минометных рот имелись ротные и батальонные минометы. Артиллерийский полк имел на вооружении 76-мм орудия, плохо подходившие к горным условиям. Гаубиц, имевших возможность стрелять по навесной траектории, не было вообще. Использовался на перевалах в качестве разведки и отдельный кавалерийский эскадрон. Эта часть не отвечала своему предназначению и была крайне неэффективна в условиях горной местности. Кавалеристам приходилось в большей части воевать пешими, оставляя лошадей в укрытии. Мало того, что у самих кавалеристов были проблемы с питанием, так еще приходилось обеспечивать фуражом лошадей. В условиях начинающейся зимы это привело к их массовому падежу.

О подготовке 20-й горнострелковой дивизии А.А. Вагин вспоминал: «Если говорить об экипировке и подготовке горнострелковой дивизии, то 20-я горнострелковая дивизия не была экипирована горным снаряжением и подготовлена не была. Во время тотальной мобилизации призвали просто всех подряд. И уже потом каждый приобретал собственный опыт уже на месте, в горах» [6]. Среди бойцов встречались и несовершеннолетние, которым не исполнилось даже 17 лет, например, рядовой 174-го горнострелкового полка А.Г. Нагабедян [7]. Возрастной состав дивизии наглядно демонстрируют сведения о ней спустя месяц после окончания боевых действий дивизии на Главном Кавказском хребте. Согласно данным ЦАМО РФ, 1 января 1943 г. в составе 20-й горнострелковой дивизии числилось 9120 солдат и офицеров. Среди них 1922 г.р. и ранее – 1056 чел., 1917–1921 гг.р. – 1276 чел., 1912–1916 гг.р. – 1077 чел., 1907–1911 гг.р. – 2299 чел., 1902–1906 гг.р. – 1331 чел., 1897–1901 гг.р. – 1160 чел., 1896 г.р. и старше – 921 чел. [8]. Столь разновозрастной личный состав дивизии подтверждает, что она формировалась и пополнялась путем тотальной мобилизации населения.

Если говорить в целом о подразделениях всего Северо-Кавказского военного округа, то на 1 мая 1942 г. его части имели менее 40 % вооружения, положенного по штатному расписанию. Округ не располагал истребительной авиацией. Практически полностью отсутствовала зенитная артиллерия. Иными словами, как отмечал генерал-лейтенант в отставке И.М. Ковалев: «Этот военный округ [Северо-Кавказский. – *А.Ч.*] был второго разряда». Феномен военного округа второго разряда заключался в том, что накануне войны Генштаб РККА не предполагал вести в северной части Главного Кавказского хребта активные боевые действия. Генерал-лейтенант И.М. Ковалев в своих

воспоминаниях «Битва за Кавказ и ее герои» задавался вопросом: «Кто мог подумать до войны, что противник нападет на Кавказ с севера?» И сам отвечал: «Никто! Такого человека посчитали бы сумасшедшим или, чего доброго, объявили бы врагом народа. При наркоме обороны К. Ворошилове мыслить об этом было недопустимо. Поэтому как в Генштабе, так и в штабе Северо-Кавказского военного округа в Ростове отражение противника планировалось только со стороны Турции и воздушно-морского десанта с Черного моря» [9].

Основным видом связи в советских частях, в отличие от немцев, была проводная, совершенно неэффективная в условиях горной местности. Слабопроходимые склоны, отвесные скалы, бесконечные спуски и подъемы немыслимо усложняли работу связистов. Беда заключалась еще и в том, что проводная связь постоянно рвалась, и связистам приходилось по нескольку раз в день ходить по одному и тому же маршруту. Радиосвязь имелась только в штабе дивизии и некоторых полках. Это серьезно сказывалось на подвижности советских войск.

Серьезной проблемой советских войск было почти полное отсутствие топографических карт района. Быстрый выход немецких войск к Главному Кавказскому хребту привел Главное управление автотранспортной и дорожной службы (далее – ГУАДС) РККА в замешательство и растерянность. Только в августе 1942 г. ГУАДС приступило к сбору информации о тропах и дорогах в горных и предгорных зонах Главного Кавказского хребта. Столкнувшись с полным отсутствием подробной информации о тропах, Главное управление не нашло ничего лучше, чем обратиться к председателю сочинского исполкома Белоусу за помощью. Практически ничем Белоус помочь не мог, в результате этого 3 сентября отдел шоссейных дорог (далее – ОШОСДОР) ГУАДС направил председателю Сочинского исполкома гневное письмо, в котором, в частности, отмечалось: «Начиная с 15 августа 1942 г. ОШОСДОР ГУАДС Красной армии не может получить материал по обследованию горных дорог и троп в Сочинском и Адлерском районах». Далее в документе подчеркивалось: «Неоднократные обращения к Вам и указанным вашим заместителем адресам не привели к положительным результатам, т.к. указанный материал до сих пор не разыскан». Такое отношение «к очень серьезному и ответственному делу в настоящий момент крайне не терпимо». Поэтому Управление автотранспортной и дорожной службы Северо-Кавказского фронта своим письмом еще раз напоминало о необходимости представления указанного материала в ОШОСДОР ГУАДС Красной армии [10]. Письмо подписал заместитель начальника ОШОСДОР ГУАДС Трубин.

По всей вероятности, какие-то рукописные материалы были найдены, и по ним составлены примитивные карты. Проводник 20-й горнострелковой дивизии А.А. Вагин вспоминал: «Карты в дивизии были 1:10 000, однако их было очень мало. Поэтому офицеры, как правило, через копирку перерисовывали карту и с ними ходили» [11]. Это подтверждают архивные материалы, например, карта помощника начальника связи дивизии старшего лейтенанта Передника была выполнена через копирку. На карте была обозначена схема организации связи в районе перевалов (Аишха и Псеашхо) [12].

Осенью 1942 г. в Грузии, в Бакуриани, была сформирована школа НКВД по подготовке альпинистов – горных стрелков. Руководили ею заслуженные мастера спорта СССР по альпинизму браться Евгений и Виталий Абалаковы. В этой школе было обучено и подготовлено в сжатые сроки 12 отдельных горнострелковых отрядов (далее – ОГСО) численностью по 1000 чел. в каждом. По мастерству горной войны они не уступали военнослужащим немецких отдельных высокогорных батальонов 1-й горнострелковой дивизии «Эдельвейс». В октябре 1942 г. ушли на перевалы, отрядами командовали офицеры НКВД [13].

Необходимо отметить, что данные К.-М.И. Алиева о количестве и численности отдельных горнострелковых отрядов разнятся с данными другого военного исследователя – В.В. Бешанова. Согласно сведениям В.В. Бешанова, всего было создано 16 отрядов ОГСО, численность каждого составляла 300–320 чел. Организационно отряд состоял из двух рот автоматчиков по 100 чел. и одной пулеметно-минометной роты с приданными ей взводами саперов и противотанковых ружей [14]. Численность ОГСО в пределах 300–400 чел. представляется более реальной. Сами бои показали, что использование на перевалах войск численностью более роты малоэффективно, это приводило к ненужной концентрации и соответственно увеличивало потери. В зоне действия 20-й горнострелковой дивизии имелись 7-й и 8-й отряды ОГСО. Позднее все эти отряды были объединены в отдельную горнострелковую бригаду особого назначения, подчинявшуюся непосредственно штабу Закавказского фронта.

Об экипировке одного из ОГСО вспоминает А. Гусев: «Знакомясь с отрядом, я был поражен его блестящей экипировкой. Каждый боец имел все необходимое для боевых действий в горах: ледорубы, десятизубые "кошки", штормовые костюмы, спальные мешки, меховые жилеты, меховые носки, шерстяные и кожаные перчатки, подшитые валенки, лыжи с жесткими креплениями, снегоступы, рюкзаки, горнолыжные ботинки, лавинные шнуры, защитные очки. На каждое отделение в отряде имелись в соответствующем количестве альпийские веревки, горные палатки, спиртовые кухни, скальные и ледовые крючья, скальные молотки и другое необходимое оборудование.

Личный состав носил особую форму: командиры – двубортный китель, лыжные брюки, горные ботинки; солдаты – лыжную куртку, лыжные брюки, горные ботинки. Форма эта была удобна, универсальна и отвечала всем требованиям техники движения в горах» [15].

Необходимо сказать и о продовольственном обеспечении подразделений на Главном Кавказском хребте. Бывший воспитанник и проводник дивизии А.А. Вагин вспоминает: «Продовольственное обеспечение на перевалах сначала было хорошим. До немецкого наступления были подвезены галеты, изготовленные в 1938–1939 гг., помимо этого было сгущенное молоко и мясные консервы». Когда продовольствие закончилось и питание стало носить нерегулярный характер, бойцы стали ходить на охоту: «В то время оленей и туров было очень много и на Псеашхо, и на Аишхо, добудешь 3–4 зверя, и 300 кг мяса есть. В снежнике выбивали яму, и мясо как в холодильник клали в нее. За этим мясом потом из разных полков народ приходил. А уж особенно рады свежему мясу были азербайджанцы, которые от свинины, да еще и в консервах,

категорически отказывались. Лучше всего части снабжались спиртом, его доставляли в резиновых мешках. Спирт и водка всегда были качественными». В продовольственное обеспечение входила и махорка «Лубанская», произведенная еще до войны на Украине. Но курительной бумаги к ней на перевалах не давали, поэтому приходилось пользоваться газетными, книжными или тетрадными листами. Все обеспечение для передовых частей в основном осуществлялось вьючными караванами (менее надежной была доставка по воздуху – то погода плохая, то выбросят не туда) [16].

Проведенный анализ наглядно демонстрирует принципиальные различия в подготовке к боям на Главном Кавказском хребте противоборствовавших сторон. С одной стороны, это стало следствием невыгодных позиций, которые занимали советские части на пике немецкого наступления, с другой стороны, здесь проявилась неподготовленность как личного состава частей, направленных с целью обороны, так и руководящих штабов, не успевших подготовить даже топографические карты. Все эти ошибки и промахи пришлось исправлять в ходе боевых действий.

Примечания:

1. Мюллер-Гиллебрандт Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М., 2002. С. 84.
2. Там же. С. 85.
3. Там же. С. 84–85.
4. Бешанов В.В. Год 1942 – «учебный». Минск, 2002. С. 417.
5. Алиев К.-М.И. В зоне «Эдельвейса». М.; Ставрополь, 2005. С. 101.
6. Респондент А.А. Вагин записан в городе Сочи 9 декабря 2006 г. Интервьюер А.А. Черкасов.
7. Респондент А.Г. Нагабедян записан в городе Сочи 15 декабря 2006 г. Интервьюер А.А. Черкасов.
8. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 20 гсд. Оп. 1. Д. 2. К. 10867. Л. 1.
9. Архивный отдел Администрации города Сочи (далее – АОАГС). Ф. Р-278. Оп. 1. Д. 101. Л. 5.
10. АОАГС. Р-137. Оп. 1. Д. 251. Л. 175.
11. Респондент А.А. Вагин.
12. ЦАМО РФ. Ф. 20 гсд. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
13. Алиев К.-М.И. Указ. соч. С. 124.
14. Бешанов В.В. Указ. соч. С. 433.
15. Там же. С. 434.
16. Информатор А.А. Вагин.

У.Б. Очиров

Бои на «позиции Калькутта»: три штурма Хулхуты осенью 1942 г.

Летом 1942 г. на юге страны сложилась критическая ситуация. Немецкие войска нанесли ряд поражений фронтам южного крыла РККА и устремились к основным целям своей стратегической летней кампании, определенным

директивами верховного главнокомандования вермахта № 41 и № 45. Группа армий «А» стремилась ударом через перевалы овладеть Черноморским побережьем Кавказа, а ее танковые и моторизованные дивизии должны были выйти к побережью Каспийского моря, овладев нефтяными районами Майкопа, Грозного и Баку (операция «Эдельвейс»). Группа армий «Б», обороняясь по Дону, своим правым флангом планировала взять Сталинград, после чего ее подвижные соединения (14-я и 24-я танковые, 29-я моторизованная дивизии) должны были захватить Астрахань и парализовать транспортные коммуникации (операция «Фишрайер») [1].

В этот период Астрахань имела ключевое значение для экономики страны как стратегический узел коммуникаций, через который шел основной грузопоток продукции, производимой на Кавказе: углеводородное сырье, металлы (до войны Кавказ давал 86 % нефти, 65 % газа, 56 % марганца), ферросплавы, боеприпасы, самолеты, минометы, пистолеты-пулеметы, запчасти, БМ-13 «Катюша», стратегические грузы из-за рубежа по программе ленд-лиза через Персидский залив. В результате разгрома конвоя PQ-17 в Арктике и активизации боевых действий в северной части Тихого океана (после захвата японцами алеутских островов Атту и Кыска в июне 1942 г.) «иранская» ветка приобрела ключевое значение для этой программы. В случае перехвата астраханских транспортных коммуникаций (речного пути по Волге и железной дороги) военная экономика СССР могла оказаться на грани коллапса. Единственной альтернативой была железная дорога Красноводск – Ташкент (далее через Оренбургско-Ташкентскую магистраль или Турксиб), но ее возможности были ограничены, и этот путь требовал большего времени для доставки грузов. Если использовать известное выражение «Нефть – кровь войны», то об Астрахани можно сказать, что это была своего рода аорта [2]. Кратчайшим путем для выхода к дельте Волги являлись калмыцкие степи.

В июле немцы, прорвав оборону советских войск на Дону, вырвались на широкий оперативный простор. Протяженность линии фронта значительно увеличилась, в ней возникли крупные разрывы, не прикрытые нашими частями. Один из таких разрывов возник на астраханском направлении. 1–2 августа части 52-го армейского корпуса, усиленные боевой группой 3-й танковой дивизии, захватили два западных улуса Калмыкии. 11–12 августа они атаковали Приютное и Элисту, занятые накануне Восточным отрядом 51-й армии. Силы были неравными, и Восточный отряд отступил на север, к основным силам 51-й армии [3]. На восток, по дороге к Астрахани, отошла лишь небольшая горстка «истребителей» со стрелковым вооружением. Управление Сталинградским военным округом (командующий – генерал-лейтенант В.Ф. Герасименко) для обороны располагало лишь двумя пехотными училищами, которые спешно преобразовывались в полки, а артиллерийскую поддержку им должны были оказывать бронекатера Астраханской военно-морской базы [4]. В те дни 52-й корпус, имевший несколько десятков танков и САУ, мог совершить стремительный бросок к Астрахани и самостоятельно выполнить завершающий этап операции «Фишрайер», из-за которого под Сталинградом в бесплодных атаках скоро погибнут две армии вермахта. Но здесь свою роль сыграл шаблон

«разграничительной линии»: Астрахань относилась к зоне операций группы армий «Б», а 52-й корпус относился к группе армий «А».

Немцы начали двухнедельную рокировку: 52-й корпус перешел на Терек, а на замену из Майкопа перебрасывалась 16-я моторизованная дивизия (командир – генерал З. Хенрици). Это соединение, сформированное в октябре 1940 г., имело большой опыт ведения боевых действий, а его части и подразделения хорошо знали друг с другом и умело взаимодействовали. В период боев в Калмыкии в состав 16-й моторизованной дивизии входили: 60-й и 156-й мотопехотные, 146-й моторизованный артиллерийский полки, 116-й танковый, 165-й мотоциклетный (разведывательный), 228-й противотанковый (САУ), 675-й саперный, 66-й полевой запасной батальоны и 228-й моторизованный батальон связи. Кроме того, дивизии были приданы 567-й самокатный батальон и 12-е отделение артиллерийской разведки, а также 450, 782-й и 811-й коллаборационистские туркестанские батальоны.

За время этой рокировки советское командование, сформировав на базе Сталинградского округа управление 28-й армии (3-го формирования), собрало на астраханском направлении сильный заслон. Туда прибыли 34-я гвардейская стрелковая дивизия (сформированная из 7-го воздушно-десантного корпуса), 152-я стрелковая бригада из Московской зоны обороны, ряд других частей. Из местных ресурсов Герасименко начал формировать 248-ю стрелковую дивизию (в том числе и из курсантских полков), 52-ю и 159-ю стрелковые бригады и другие части. 20 августа передовой отряд 107-го гвардейского стрелкового полка гвардии капитана А.И. Овчинникова (стрелковый батальон, артиллерийская батарея и взвод Т-26) даже совершил набег на Улан-Эрге [5].

Однако немцы, завершив перегруппировку, начали наступление на Астрахань: 27 августа после ожесточенного боя овладели совхозом «Рев. Дольган», 28 августа – Яшкулем, 29 августа – Уттой, 30 августа – Хулхутой. Гвардейцы-десантники яростно отражали атаки немцев, но превосходство противника было слишком велико. Лишь в Красном Худуке, куда были подтянуты 152-я стрелковая бригада и 6 танков с десантом из бойцов 103-го гвардейского стрелкового полка, немцев удалось остановить. Положение осложняли и географические условия: широкие пространства (допускавшие проникновение в тыл отрядов противника), недостаток колодцев и засоленность многих водоемов, отсутствие лесоматериалов, плохо оборудованные коммуникации, наличие песчаных пустынь и т.п. «Машиненгеверы» и «машиненпистоле» в пустыне забивались песком, и их приходилось заменять винтовками [6]. Катастрофически не хватало боеприпасов и топлива, большая часть необходимых припасов доставлялась из-за Дона. Машины, возившие топливо, по пути расходовали большую часть груза. Для снабжения передовой группы 16-й моторизованной дивизии приходилось использовать авиацию, в том числе несколько десятков планеров. Оценив обстановку, Хенрици решил прекратить наступление и приступить к активной обороне, создав укрепленные оборонительные позиции вокруг Хулхуты и Яшкуля. Пустынные и безводные пейзажи навевали ассоциации с пустынями Африки, поэтому немцы назвали укрепленную позицию в Яшкуле «Тобрук», а в Хулхуте (по созвучию) – «Калькутта» [7].

Основные силы 16-й моторизованной дивизии были развернуты вдоль основной коммуникации на этом направлении – дороги Элиста – Астрахань. Вплоть до 7 сентября 60-й мотопехотный полк, усиленный несколькими батареями 146-го артиллерийского полка и танками, оборонял Хулхуту, подразделения 156-го мотопехотного полка базировались в различных населенных пунктах от Элисты до Сянцика. Мотоциклетный батальон при поддержке танков совершал налеты на широком фронте от Юсты до Улан-Хола. Прикрытие с воздуха осуществляли 4 «мессершмитта» Ме-109, базировавшиеся на замаскированном аэродроме под Хулхутой (сначала из 52-й истребительной эскадры, но с октября их сменило звено 8-й эскадрильи 3-й истребительной эскадры «Удет»). Также люфтваффе использовало аэродром под Яшкулем (Цаган-Усн), где базировалась 5-я эскадрилья ближней разведки 12-й разведывательной авиагруппы 8-го авиакорпуса (до 10 «фокке-вульфов» ФВ-189) [8]. В 3 км северо-восточнее Элисты функционировал аэродром, на котором базировались Ю-52 и планеры ДФС-230 1-й эскадрильи 4-й планерной группы, осуществлявшие снабжение Хулхутинского гарнизона. Кроме того, эти площадки использовались как аэродром подскока для Хе-111 и Ю-88 27, 76-й и 100-й бомбардировочных эскадр, которые охотились за танкерами и пытались парализовать транспортное сообщение на шоссе и железной дороге в районе Астрахани.

Воспользовавшись паузой в действиях противника, вызванных подтягиванием резервов и боеприпасов, 28-я армия 4–7 сентября (силами 152-й стрелковой бригады, 107-го гвардейского стрелкового полка при поддержке 565-го отдельного танкового батальона и разведывательного отряда 248-й стрелковой дивизии) произвела первый штурм Хулхуты. В ходе ожесточенных боев враг был сбит с позиций в районе песков Давсна и отброшен к Хулхуте. К вечеру 5 сентября 3-й батальон 152-й стрелковой бригады прорвался к селу, но был вынужден отойти из-за открытых флангов, т.к. 2-й и 4-й батальоны не получили вовремя приказа об атаке. 6 сентября к Хулхуте с северо-запада почти на 3 км подошел 107-й гвардейский стрелковый полк, но из-за танковой атаки во фланг и тыл был вынужден отойти. Последующие атаки на Хулхуту успеха не имели. 7 сентября ударная группа предприняла попытку ночной атаки, но в темноте управление войсками на незнакомой местности нарушилось. В ходе первого штурма Хулхуты только 152-я стрелковая бригада потеряла более 2,2 тыс. бойцов и командиров [9] (более половины личного состава), а ее 4-й батальон – 447 чел. [10]. Потери гвардейцев были минимальными (за два месяца тяжелейших боев, включая августовские марш-броски и два штурма Хулхуты, 107-й гвардейский стрелковый полк потерял 455 чел.) [11].

Основные причины неудачи были характерными для этого периода войны: слабое взаимодействие между родами войск, отвратительная связь (в некоторых случаях отсутствие таковой вообще), плохая координация и неумелое управление частями на поле боя. Артиллерия не смогла заранее подавить все огневые точки противника и организовать огневой вал для поддержки наступающей пехоты. 4-й батальон (командир – капитан Слижевский) 152-й стрелковой бригады атаковал неразведанные позиции противника в лоб, попал

под шквальный огонь и понес огромные потери – более 50 % личного состава, в том числе командиры 1-й и 2-й рот и два политрука. На поле боя были оставлены 335 винтовок, 80 автоматов, 22 пулемета и 4 противотанковых ружья [12]. Пехота отказалась следовать за танками, из-за чего 565-му отдельному танковому полку пришлось прекратить начавшуюся атаку. Взаимодействие между авиацией и наземными частями осуществлялось при помощи системы пусков ракет, покачиваний крыльями и мигания бортовых огней, менявшейся каждую неделю. Также недостаточно было выделено сил, в резерве оставалась большая часть 34-й дивизии, не считая вновь формируемых бригад и полков. Тем не менее 16-я моторизованная дивизия понесла большие потери, особенно в технике. О наступлении на Астрахань теперь не могло быть и речи. Обескровленный и уставший 60-й мотопехотный полк все же пришлось заменить на 156-й мотопехотный полк.

20–24 сентября ударная группировка 28-й армии провела второй штурм Хулхуты. 152-я стрелковая бригада и 107-й гвардейский стрелковый полк атаковали позиции немцев с востока и севера, стремясь охватить 156-й мотопехотный полк с фланга. Особенно успешно действовали гвардейцы, вклинившиеся в оборону противника и занявшие важные высоты к северу от села. Однако уроки первой операции не пошли впрок. Снова отсутствовало взаимодействие, не работала связь, было нарушено управление войсками в условиях боя, сил для блокирования и окружения хулхутинского гарнизона выделили недостаточно. 21–22 сентября немцы предпринимали по 10–12 атак ежедневно, в том числе с использованием сирен, неоднократно переходивших в рукопашные схватки, но 152-я стрелковая бригада так и не оказала 107-му гвардейскому полку существенной помощи. Гвардейцам пришлось вернуться на исходные позиции. Невелики были успехи 152-й стрелковой бригады и на ее участке. Вновь крайне неудачно действовал 4-й батальон капитана Слижевского. 20 сентября 3-я рота заняла высоту 3,3, оторвавшись от других подразделений, и была почти полностью уничтожена вместе с командиром. Комбат в это время находился в тылу на НП и пытался управлять своими подразделениями, не видя поля боя. После захвата высоты 3,3 противник начал вести огонь по другим подразделениям, но артиллерия и минометы батальона так и не открыли огонь по немецким огневым точкам. 23 сентября немцы обнаружили КП Слижевского и накрыли его минометным огнем, после чего комбат отвел батальон на исходные позиции без разрешения вышестоящего начальства [13].

В ночь на 24 сентября части ударной группы вновь пытались решить исход боя ночной атакой. 107-му полку и 3-му батальону 152-й бригады удалось вклиниться в позиции противника. Гвардейцы разгромили две роты и захватили штаб 3-го батальона 156-го мотопехотного полка с ценными документами. Однако накануне З. Хенрици заменил обескровленный и измотанный 156-й полк на отдохнувший 60-й мотопехотный полк, атаковавший советские отряды по частям: сначала шквальным пулеметным огнем отбросили десантников 107-го гвардейского стрелкового полка, а затем обрушились на 3-й батальон, который вновь оказался без поддержки. В период второй Хулхутинской наступательной операции ударная группа потеряла 589 чел., в том числе

412 – ранеными. Абсолютное большинство безвозвратных потерь пришлось на многострадальный 4-й батальон 152-й бригады.

В ходе двух штурмов Хулхуты противник понес большие потери, особенно в технике. Согласно показаниям пленных, к середине сентября 156-й мотопехотный полк потерял до 40 % личного состава, мотоциклетный батальон пришлось свести в одну роту (12 бронемашин, 10–12 мотоциклов, 200 штыков), в танковом батальоне осталось полтора десятка танков. Особенно большие потери дивизия понесла в автомобильной технике: счет разбитых и поврежденных грузовиков шел уже на сотни. К 25 сентября в относительно «свежем» 60-м мотопехотном полку осталось всего 40 грузовиков [14]. Было ясно, что 16-я моторизованная дивизия теперь не способна проводить крупные наступательные операции на широком фронте.

К началу ноября войска противника располагались следующим образом: управление 16-й моторизованной дивизии (которую с 13 ноября возглавил генерал-майор граф Г. фон Шверин) находилось в Элисте, 60-й мотопехотный полк – в Хулхуте, батальон 156-го мотопехотного полка – в Сянцике, основные силы 156-го мотопехотного полка – в Утте, 116-й танковый батальон – в Яшкуле, один из туркестанских батальонов – в Омн-Керюльчи [15]. Немцы за период передышки успели отремонтировать технику, наладить снабжение войск, пополнить потрепанные части. На 1 ноября 1942 г. в 16-й моторизованной дивизии числилось 43 танка: 8 T-II, 16 T-III (с 50-мм 60-калиберными пушками), 7 T-III (с 75-мм 24-калиберными пушками), 11 T-IV (с 75-мм 43-калиберными пушками) и 1 командирский [16]. Среди 13 мобильных соединений групп армий «А» и «Б» 16-я дивизия по количеству танков была пятой, немного уступая 3, 24, 27-й танковым и 29-й моторизованной дивизии.

Для проведения третьего штурма Хулхуты, сопряженного с началом «Урана», Герасименко привлек большую часть своих сил: 34-ю гвардейскую стрелковую дивизию, часть 248-й стрелковой дивизии, 6-ю гвардейскую танковую бригаду и 152-ю стрелковую бригаду. Передвижение войск проходило скрытно, с соблюдением правил маскировки. Силы усиления, в том числе мобильные части и подразделения, подошли буквально накануне операции. 15 ноября управление 34-й гвардейской стрелковой дивизии и 107-й гвардейский стрелковый полк прибыли в пески Армазрыки, 6-я гвардейская танковая бригада – в пески Шар-Хар-Ха и Херен-Улан. 16–17 ноября в пески у колодцев Сяхн-Худук и Харциглю-Худук прибыла 152-я стрелковая бригада, в пески Давсна – управление 248-й стрелковой дивизии и 902-й стрелковый полк, в Красный Худук – 905-й стрелковый полк. Два батальона 899-го стрелкового полка начали концентрироваться в Юсте, с тем чтобы предпринять глубокий охват противника и перерезать коммуникации в районе Яшкуля и Чилгира. Усиленный 1-й батальон 899-го стрелкового полка накануне произвел набег на Омн-Керюльчи. Несмотря на пустынный характер местности и высокую эффективность воздушной и конной разведки противника, перемещения советских войск не были зафиксированы и удар 28-й армии оказался неожиданным.

Вкратце план третьего штурма Хулхуты выглядел так: в ночь на 20 ноября 103-й и 107-й гвардейские стрелковые полки скрытно должны были обойти

Хулхуту с севера, 2-й и 3-й батальоны 105-го гвардейского стрелкового полка – с юга. На рассвете 20 ноября позиции 60-го мотопехотного полка должны были атаковать: 1-й батальон 105-го гвардейского и 1-й батальон 905-го стрелковых полков – с востока (отвлекающий удар), 2-й и 3-й батальоны 105-го гвардейского стрелкового полка – с юга, 107-й гвардейский стрелковый полк – с севера, 103-й гвардейский стрелковый полк – с запада. Другая группировка советских войск (6-я гвардейская танковая бригада и 152-я стрелковая бригада) должна была скрытно выдвинуться по целине мимо Хулхуты в тыл противника и занять село Сянцик. Из состава этой группировки выделялся «мотомехотряд» (десантная рота мотострелково-пулеметного батальона и взвод Т-60 6-й гвардейской танковой бригады, взвод автоматчиков 152-й стрелковой бригады), который должен был продвинуться еще дальше на запад и произвести рейд на Утту [17].

Основной задачей операции являлось окружение, изоляция и уничтожение хулхутинского гарнизона (фактически половины 16-й моторизованной дивизии) до подхода подкреплений противника, что должно было обеспечить полный разгром соединения Шверина и освобождение центральной части Калмыкии от фашистов. В отличие от предыдущих операций план был тщательно проработан, ставил реалистичные задачи, возможные неудачи какой-либо из групп 28-й армии дублировались действиями других групп. В основу оперативного замысла были заложены глубокие фланговые охваты, а не лобовые атаки; выделенные для наступления части имели превосходство над хулхутинским гарнизоном противника в личном составе и технике.

В 2 ч ночи 20 ноября 103 и 107-й полки вышли на второй рубеж атаки и стали окружать противника с севера и запада. Однако их атаки успеха не имели, две другие группы действовали пассивно, к тому же из-за плохой связи они не смогли координировать свои действия. Два батальона 105-го полка, атаковавшие с юга, заплутали в темноте и на второй рубеж атаки вышли лишь в 08.20. Крайне вяло действовала отвлекающая группа. Слабо работала артиллерия 28-й армии. До исходной позиции добрались лишь 5 «катюш» 76-го гвардейского минометного полка, давшие по Хулхуте один залп. На 8.00 следующего дня было назначено новое наступление частей 34-й гвардейской стрелковой дивизии. Однако за полчаса до атаки основные силы хулхутинского гарнизона с 8 танками и 40 автомашинами нанесли удар в стык между 103-м и 107-м гвардейскими стрелковыми полками и прорвались на северо-запад, в район зимовника колхоза им. XVII партконференции. Командование ударной группировки не знало об этом еще в течение 12 ч и, естественно, не смогло обеспечить преследование противника. В ходе боя за Хулхуту было захвачено 247 винтовок, 67 пулеметов, 7 исправных орудий (8 – уничтожено), 30 исправных автомашин (62 – подбиты или уничтожены), 1 танк (12 – подбиты или уничтожены), 5 мотоциклов (7 – уничтожено). 34-я гвардейская стрелковая дивизия в этом бою потеряла 2403 чел., в том числе 1185 чел. составили безвозвратные потери [18].

Тем временем части 6-й гвардейской танковой бригады и 152-й стрелковой бригады скрытно обошли Хулхуту с юга и 20 ноября в 7.50 вышли

на рубеж атаки. 3-й батальон 152-й бригады атаковал Сянцик с юга, 4-й батальон – с юго-запада. 1-й и 2-й танковые батальоны и мотострелки перерезали дорогу на Утту и нанесли удар в тыл противнику. Немцы были явно ошеломлены, но быстро отреагировали, и уже в 14.20 танки противника, подошедшие с запада, нанесли контрудар по рейдовой группировке. Однако к 17.50 Сянцик, зимовники колхозов им. Куйбышева и Заготскота оказались полностью заняты советскими подразделениями. В Сянцике были захвачены два танка, зенитная САУ, 4 зенитных орудия (2 – 88-мм и 2 – 20-мм), автомашина и склад ГСМ. Однако мотомеханизированный отряд, направленный на Утту, прибыл к цели лишь к вечеру, в 18.40 вступил в бой с превосходившими силами противника и был почти полностью уничтожен. Из 103 бойцов и командиров, участвовавших в рейде на Утту, вернулось лишь 9 чел. (в том числе 6 раненых) на двух автомашинах [19].

Развивая достигнутый успех, части 28-й армии устремились на Яшкуль. Но противник был еще слишком силен и не собирался сдавать позицию «Тобрук». Воспользовавшись тем, что ударная группировка 28-й армии подтягивала резервы для проведения штурма Яшкуля, 24 ноября Шверин атаковал 899-й стрелковый полк (без 1-го батальона) и 3-й дивизион 771-го артиллерийского полка во время дневки у Большой Шалды. 899-й полк понес большие потери (448 бойцов, 10 орудий, миномет и 3 пулемета) и 2 дня «приводил себя в порядок» [20].

Штурм Яшкуля, начавшийся в ночь на 26 ноября обходным ударом, завершился неудачей: 2 полка 34-й гвардейской стрелковой дивизии попали в окружение, из которого вырвались с большими потерями. Только эта дивизия потеряла 774 бойца убитыми, 478 – ранеными, 1713 – пропавшими без вести [21]. Внезапный сильный снегопад, незнакомая местность, плохая разведка, слабое взаимодействие между частями, «отсутствие в дивизии технических средств усиления» в комплексе послужили основными причинами неудачи. Впрочем, думается, что если бы 28-я армия смогла полностью блокировать хулхутинский гарнизон, то все вышеуказанные причины не помешали бы десантникам овладеть позицией «Тобрук». Наши войска перешли к обороне и стали готовиться к новому штурму, однако новая пауза затянулась на месяц.

Примечания:

1. Дашичев В.И. Стратегия Гитлера – путь к катастрофе 1933–1945. Т. 3. М., 2005. С. 431–434.
2. Очиров У.Б. 28-я армия в боях за освобождение Калмыкии // Калмыкия в годы Великой Отечественной войны. Элиста, 2005. С. 146.
3. Максимов К.Н. Калмыкия в советскую эпоху: политика и реалии. Элиста, 2013. С. 122–126.
4. Скоробогатов В.П. 28-я в боях за Калмыкию. Элиста, 1968. С. 9.
5. Скоробогатов В.П. На Астраханском направлении. Элиста, 1975. С. 78.
6. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 152сбр. Оп. 1. Д. 11. Л. 9.
7. Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть. М., 2005. С. 158.
8. Раткин В. М. Авиация в Сталинградской битве. М., 2013. С. 138.
9. ЦАМО РФ. Ф. 28А (3-го формирования). Оп. 8465. Д. 14. Л. 4.
10. ЦАМО РФ. Ф. 152сбр. Оп. 1. Д. 5. Л. 31.

11. ЦАМО РФ. Ф. 34гв.сд. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
12. ЦАМО РФ. Ф. 152сбр. Оп. 1. Д. 5. Л. 29, 31.
13. Очиров У.Б. Указ. соч. С. 163.
14. ЦАМО РФ. Ф. 152сбр. Оп. 1. Д. 11. Л. 9–9об.
15. ЦАМО РФ. Ф. 28А (3-го форм.). Оп. 8465. Д. 8. Л. 1.
16. Шишкин К. Вооруженные силы Германии. 1939–1945 годы: справочник. СПб., 2003. С. 20.
17. ЦАМО РФ. Ф. 28А (3-го форм.). Оп. 8465. Д. 8. Л. 2.
18. Там же. Д. 14. Л. 92.
19. ЦАМО РФ. Ф. 152сбр. Оп. 1. Д. 9. Л. 85об.–88.
20. ЦАМО РФ. Ф. 248сд. Оп. 1. Д. 1. Л. 2об.
21. ЦАМО РФ. Ф. 34гв.сд. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

В.К. Щербанов

Неизвестный плацдарм на Дону

Один из малоизвестных эпизодов войны на границе Ростовской и бывшей Сталинградской области выяснился весной 2010 г., когда группа поисковиков отправилась в Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ), чтобы подготовить и провести первую комплексную вахту памяти в Шолоховском районе. В нескольких документах за июль – октябрь 1942 г. встретились упоминания о ранее неизвестных и не освещенных в исторических исследованиях плацдармах на правом берегу Дона. Среди архивных документов, рассказывающих о боях отступления в августе 1942 г., попалась наградная реляция на капитана Ф.К. Тютюнникова. В ней встретились строки, явно выбивавшиеся из привычной информации и порождавшие сомнения по поводу правдивости написанного: «21 августа 1942 года 592 стр[елковый] полк получил приказ о наступлении… между Усть-Хоперской и Вешенской…» [1].

Наступление в Ростовской области в августе 1942 г.? 28 июня 4-я немецкая танковая армия прорвала фронт между Курском и Харьковом и устремилась к Дону. Меньше чем за месяц вермахт занял почти всю Ростовскую область, дошел до Сталинграда и предгорий Кавказа. 24 июля был сдан Ростов-на-Дону, а к 20 августа бои уже шли в Сталинграде. 28 июля был принят приказ наркома обороны СССР № 227, известный в войсках под названием «Ни шагу назад». Государственный комитет обороны пытался остановить панику в войсках и отступление, а тут какое-то наступление!

Пришлось обложиться книгами по истории Сталинградской битвы. Но в них все то, что мы знали и раньше. 19 августа ударные группировки 6-й и 4-й танковых армий при участии 8-й итальянской армии одновременно начали наступление на Сталинград. Наступление немецкой 4-й танковой армии было отражено силами 64-й и 57-й армий 19–20 августа. И все же 6-я немецкая армия при поддержке крупных сил авиации форсировала Дон силами 14-го танкового корпуса, прорвав внешний обвод обороны города. Противник до 22 августа расширил плацдарм в районе Вертячего и Песковатки.

А 23 августа 14-й танковый корпус перешел в наступление при мощной поддержке авиации и артиллерии, прорвал оборону 87-й дивизии и 23 августа вышел к Волге близ северной окраины Сталинграда. Сталинградский фронт был рассечен на две части [2].

И все же наградной лист на Федора Кирилловича Тютюнникова 1904 г.р. – документ, от которого отмахнуться нельзя. Украинец, член ВКП(б), призван Егорлыкским райвоенкоматом в 1941 г., представлялся к ордену Красного Знамени. В документе говорилось, что 21 августа 1942 г. 592-й стрелковый полк получил приказ о наступлении в районе между Усть-Хоперской и Вешенской. По приказу командира полка майора Ходулина и батальонного комиссара Караваева в 17 ч 21 августа было назначено форсирование Дона у селения Ельня (правильно – Елань) на левом берегу. Увлечь за собой 3-й стрелковый батальон и весь 592-й стрелковый полк было поручено инструктору пропаганды и агитации полка старшему политруку Тютюнникову, ответственному секретарю партбюро полка старшему политруку Мешкову, комиссару батальона политруку Беломыльцеву и командиру батальона.

В назначенное время четверка под руководством Тютюнникова на разбитой лодке под ураганным огнем артиллерии, пулеметов и минометов врага форсировала Дон и увлекла за собой по укрепленному через реку проволочному тросу 3-й стрелковый батальон, а за ним и весь 592-й стрелковый полк. Враг не выдержал натиска, стал отступать. Это дало возможность в ночь с 21 по 22 августа 203-й стрелковой дивизии и другим частям переправиться через Дон и развернуться в решительное наступление. 22 августа 592-й стрелковый полк по пятам отступавшего противника достиг хутора Верхне-Кривского и завязал бой за него. «Тов. Тютюнников своим личным примером храбрости и большевистского слова воодушевлял и увлекал бойцов на боевые подвиги. Хутор Верхне-Кривской был взят, и в это время т. Тютюнников был тяжело ранен второй раз и вышел из строя» [3].

Наградной лист был составлен и подписан егорлыкским районным военным комиссаром старшим лейтенантом административной службы Дарменко только 28 июля 1944 г., через два года после тех событий. А значит, нельзя исключать, что в него могла попасть ошибка. Вот только капитан Ф.К. Тютюнников был легко ранен 4 августа, а тяжелое ранение получил 22 августа 1942 г. в грудь, в результате чего лишился части легких с правой стороны и стал инвалидом. А с такой «болевой» памятью о тех боях забыть что-то или напутать сложно.

Опять перелистываем энциклопедии, исследования: «Командование войсками Сталинградского фронта пыталось изменить развитие событий контрударами по флангам рвущейся к Сталинграду 6-й немецкой армии. 20 августа войска 63-й и 21-й армий частью сил перешли в наступление… Наступавшие дивизии, встретив упорное противодействие, не имели сил для развития успеха. К тому же не хватало боеприпасов, доставлявшихся через Дон» [4]. Но где было это наступление, у какого населенного пункта?

Нашли еще один наградной лист на другого земляка, связанный с событиями 21 августа 1942 г. Призванному Новочеркасским райвоенкоматом рядовому Ивану Парамоновичу Васильченко, 1899 г.р., награду повысили с ордена

Красного Знамени на орден Ленина: «21.8.42 на пути наступления роты противник вел сильный пулеметный огонь. Тов. Васильченков добровольно вместе с красноармейцем Польским незамеченными подобрались к противнику и, забросав, ручными гранатами две огневые точки, заставили их замолчать, и взяли в плен итальянского офицера. В этот же день во время боя на командира роты напали 5 фашистов. Он успел убить двух, и у него отказал автомат. Тов. Васильченко бросился к нему. Заградил его своей грудью и пристрелил остальных фашистов, чем спас от неминуемой гибели своего командира» [5]. Но в наградном листе нет упоминаний о месте событий.

В документах ЦАМО РФ и Книгах Памяти Ростовской области находим информацию о Васильченко [6]. Но он записан как Васильченков: красноармеец 197-й стрелковой дивизии, убит 25 октября 1942 г., похоронен в хуторе Дубровском Казанского района Ростовской области. В паспорте захоронения хутора Дубровского Верхнедонского района записан как сержант Васильченко. Красноармеец И.П. Васильченко(в) воевал в другой дивизии, нежели капитан Ф.К. Тютюнников, и, хотя похоронен сравнительно недалеко от станицы Вешенской, относить его к участникам тех же неизвестных наступательных боев в Ростовской области решили не спешить.

И еще в нескольких документах за июль – октябрь 1942 г. встретили упоминания о ранее неизвестных плацдармах на правом берегу Дона недалеко от станицы Вешенской. В основном это наградные листы.

Грязин Василий Кузьмич, 1917 г.р., служил в РККА с 1939 г., был призван Зимовниковским райвоенкоматом Ростовской области. Старший лейтенант, помощник начальника штаба 36-го гвардейского стрелкового полка 14-й гвардейской стрелковой дивизии. К лету 1942 г. имел ранение и был награжден орденом Красной Звезды: «В боях 19 августа 1942 года на переправу через р. Дон составил и подготовил все оперативные документы, сам лично руководил переправой батальона, тем самым батальон успешно овладел х. Зимовский, Крутовский, Бобровский. Было взято большое количество трофеев и пленных. Несмотря на трудности, тов. Грязин выполняя приказ командира полка, под обстрелом противника за 30 км по Дону доставил баржу, на которой была переброшена артиллерия на правый берег р. Дон. В этих боях тов. Грязин лично взял в плен итальянского офицера командира 3 стр[елкового] б[атальо]на 54 пех[отного] полка…» [7].

Хилько Павел Прохорович, 1914 г.р., красноармеец, автоматчик 36-го гвардейского стрелкового полка 14-й гвардейской стрелковой дивизии: «Героический подвиг красноармейца Хилько явился сейчас достоянием всего личного состава полка… В наступательном бою 20 августа 1942 года он, первым переправившись через реку Дон, избрав скрытое место, искусно расстреливал фашистов… Гвардеец Хилько стал преследовать группу итальянцев в количестве 50–60 человек. Идя по стопам ее скрыто и подкравшись на расстоянии 50 м… меткой очередью из автомата уничтожил до 15 солдат, остальным навел ужас и панику, здесь же сам захватил 18 солдат в плен, которых обезоружил и привел на КП» [8].

Наградные листы подтверждали, что 20 августа 1942 г. советское командование предприняло локальное наступление и захватило плацдарм на правом

берегу Дона. Но где был этот участок, как форсировали Дон? Вопросов было больше, чем ответов. В старых подшивках газеты «Литературная Россия» нашлась статья Николая Грибачева «Между Вешенской и Еланской»: «Это не записки в собственном смысле слова, это, так сказать, "выжимки" из записок… того, что происходило летом 1942 года на родине Михаила Шолохова, между станицами Вешенская и Еланская. Я был тогда командиром саперного батальона при 59-й гвардейской дивизии». 16 августа 1942 г. вместе с дивизионным инженером получил задачу: «…к ночи роты перебросить в Еланскую и Красноярский, готовить переправочные средства». В два часа ночи выехал на место: «В мокром, еще темном шумном лесу никто не спал – все готовились к выступлению… и постепенно вырисовывалась общая картина: должны наступать переправляться через Дон – два наших полка и слева от нас стрелковая дивизия». Задача заключалась в том, чтобы быстро построить более 20 плотов из расчета на 10 чел. и 3 – грузоподъемностью 12 т.

20 августа 1942 г. на рассвете форсировали Дон. Полковые саперы не разминировали подходы к реке, и командир 862-го полка «христом-богом закликает помочь». Вызывает интерес описание переправы: «Пятую роту стрелков послали на брод – мы его три ночи искали под Еланской. Брод есть, но по фарватеру его в недавнем прошлом прочистили землечерпалками, и там только и остается, что пускать пузыри. Выход нашли в том, что затянули два стальных каната на немецкий берег – тихо управились, крадучись, никого не потревожили…». «Пятая рота с ходу форсирует Дон по канатам – только два раненых, и то не очень!.. За первой сразу же следуют четвертая и шестая роты, но противник уже спохватился и поливает их пулеметами…».

К 21 августа 1942 г. два полка с легким вооружением были переправлены по канатам: «Плацдарм занят. Внезапно смолк пулеметный и пушечный огонь итальянцев, выяснилось, что, не считая небольших немецких подразделений, основную оборону против нас держала итальянская дивизия "Челере", скомплектованная в Ферране и проходившая обучение в Милане… Из-за Дона ведут и ведут пленных…» Командир 203-й стрелковой дивизии, сосед слева, «упрашивает меня "перекинуть через Дон" по нашей переправе некоторые его части, в том числе артиллерию…» [9].

О подобных вариантах переправ крупных подразделений в период Великой Отечественной войны раньше слышать не приходилось. Нет ли здесь литературного вымысла автора? Да и с бродом в районе Вешек что-то не вяжется – старожилы говорят о судоходстве в этих местах – какой брод может быть? И вообще, насколько вся эта информация соответствовала действительности? Стали просматривать все районные и областные газеты, мемуарную литературу, воспоминания – может, что-то мелькнет о тех днях и том вешенском участке фронта? Действительно, уточнения и дополнения нашлись – все у того же Н.М. Грибачева в его более поздней повести «Белый ангел в поле». Он пишет: «Долго смотрел, как мои саперы барахтаются в ерике, пробуя плот – самодельную комбинацию из жердей и сухих казацких плетней, выдранных на базах в Еланской». В пятом часу утра ему доложили: «…брода под Еланской вроде нет, пешим никто не ходил. Но при том, вроде и есть, глубина в общем не большая, среднему солдату по шею,

только на фарватере снимает с головой, а фарватер – метров 60–70. Не мерили. Одно плохо: течение быстрое, валит с ног». Вывод: «Не пройти». Тут же последовало предложение: «Канат бы затянуть. – Канат? – Дед говорил, что он рыбу ловил таким макаром – перетащит канатик и шмыгает вдоль него на лодке» [10].

Обнаружилась интересная послевоенная переписка фронтовика из Кисловодска Евгения Сергеевича Виноградова, воевавшего на Дону в 1942 г., с краеведами из Елани. В своем рассказе «Заколдованный мост» он пишет: «В ночь на 22 августа началось форсирование вброд, в широком месте реки – напротив станицы Еланской. Были натянуты два стальных троса от одного берега до другого. Изобрел этот вид переправы комбат саперного батальона капитан Николай Матвеевич Грибачев из соседней 197 дивизии». Всю ночь шло форсирование: «Кому было по шею, а кому и с головой. Кто шел по дну и держался за трос стальной крученой проволоки, а кто, повиснув на тросе, передвигался, не чувствуя дна. У многих бойцов руки были окровавлены: лопнувшие местами на тросе стальные нити проволоки впивались в ладони». На рассвете фашисты обнаружили движение на реке и начали обстрел переправы минами, снарядами и пулеметным огнем [11].

Удалось отыскать и воспоминания командира 862-го стрелкового полка, упоминаемого в записях Н.М. Грибачева, Семена Михайловича Вильховского, 1904 г.р., Героя Советского Союза. Он рассказал о тех событиях в воспоминаниях «На Вешенском плацдарме». Стали проверять, сопоставлять, анализировать и выяснили, что большинство упоминавшихся в архивных документах, мемуарах и воспоминаниях плацдармов, хотя и назывались по-разному (плацдарм на Дону, Еланский или Вешенский плацдарм), но относятся к одному периоду и к одному и тому же месту. В самых первых армейских документах он назывался Еланский плацдарм. И только одно название (Гадюкинский плацдарм), хотя и связано с этим же самым периодом, но проходит по документам 1-й стрелковой дивизии и находится ближе к Богучару.

В ночь на 20 августа советское командование предприняло сразу в нескольких местах от станицы Еланской и почти до Воронежа попытки форсировать Дон и захватить плацдармы. В ряде мест захватили плацдармы, но они просуществовали два-три дня. И только в одном месте удалось закрепиться и удержать плацдарм – на правом берегу Дона в районе станицы Еланской Вешенского района Ростовской области на границе с Серафимовичским районом Сталинградской области. Плацдарм в разное время занимал территорию от 13 до 25 км по фронту, от 10 до 12 км в глубину.

В двадцатых числах августа 1942 г. немецкие войска, преодолевая упорное сопротивление частей РККА, упорно продвигались к берегам Волги и Сталинграду. Командование РККА приняло решение начать наступление с целью отвлечь часть сил противника от главного направления и захватить плацдарм на правом берегу Дона. Начать операцию поручалось воинам 197-й стрелковой дивизии, которая в ходе ожесточенных оборонительных боев в районе станиц Вешенской и Еланской отразила наступление противника.

20 августа 1942 г. в районе станицы Еланской бойцы 261-го отдельного саперного батальона 197-й стрелковой дивизии в ходе ночных разведок

обнаружили брод (наибольшая глубина – 1,4 м, ширина – 1,75 м), пригодный для форсирования реки. Благодаря этому в ночь на 20 августа подразделения 197-й стрелковой дивизии смогли переправиться на правый берег Дона при минимальных потерях. После переправы саперы разминировали 4 минных поля, обезвредив более 1 тыс. мин. К 9 ч утра подразделениям 197-й стрелковой дивизии удалось вклиниться во вражеские позиции и занять оборону на окраинах хуторов Плешаковского и Нижне-Матвеевского [12].

Несколько иначе развивались события на участке наступления 14-й гвардейской стрелковой дивизии, о чем свидетельствует журнал ее боевых действий: «Передовые отряды начали переправу в 2.00 часа 20 августа 1942 г. в темноте, преимущественно на лодках. Высадка на противоположный берег была совершенно бесшумной, а передовой отряд 36-го гв[ардейского] с[трелкового] п[олка], сняв часовых, внезапно напал на спящий гарнизон противника, взяв 38 пленных, к 5 часам овладел х. Зимовский» [13]. 20 августа противник продолжал непрерывные контратаки советских позиций, подтянув к исходу дня подкрепление – батальон «чернорубашечников» и полк итальянской кавалерии. К вечеру ему удалось частично отбить свои позиции. На помощь 197-й стрелковой дивизии переправились несколько батальонов 14-й гвардейской стрелковой дивизии.

21 августа ожесточенные бои развернулись на высотах у хуторов Плешаковского, Матвеевского и Рубеженского. К концу дня противник, не выдержав яростных атак, отступил. Были освобождены хутора Верхне- и Нижне-Матвеевский, Плешаковский, Нижне-Кривской. В ночь на 22 августа на правый берег переправилась 203-я стрелковая дивизия. И уже силами трех дивизий советские войска продолжали вести наступательные бои по расширению плацдармов на правом берегу Дона. Развивая наступление, 197-я стрелковая дивизия 22 августа освободила хутор Рубеженский. Это были первые освобожденные и уже не отданные врагу в ходе Сталинградской битвы населенные пункты Ростовской области.

К концу августа советским войскам удалось отбить высоту 102,5, которая господствовала над захваченным плацдармом. В ходе этих, казалось бы, локальных боев, дивизии несли огромные потери. Общие потери только 203-й стрелковой дивизии за 9 дней конца августа составили свыше 4 тыс. чел. К 26 сентября 1942 г. она была фактически уничтожена и вынуждена отступить. В октябре несколько сот человек были выведены в резерв.

Командование 63-й армии первые награждения делало очень скромно и в рамках только своих полномочий. Приказом по войскам 63-й армии № 13 от 12 сентября 1942 г. были награждены только 60 чел. медалью «За отвагу» и 104 чел. медалью «За боевые заслуги». Причем большинство наградных листов было понижено с орденов Красной Звезды и даже ордена Красного Знамени до медалей, а часть с медали «За отвагу» до медали «За боевые заслуги». Награждение более высокими наградами, которые надо было согласовывать с Военным советом фронта, командующий армией генерал-лейтенант В.И. Кузнецов решил не выносить на суд вышестоящего руководства, поскольку был не уверен в результате. Даже приказом № 20 от 4 сентября 1942 г.

по войскам Сталинградского фронта за взятие плацдарма на правом берегу реки Дон орденами были награждены всего 22 чел. И в этом ничего удивительного нет. В начале сентября 1942 г. даже командование Сталинградским фронтом еще не было уверено, что удастся удержать Сталинград, поэтому вся тяжелая артиллерия была расположена на противоположном берегу Волги.

Немецкое командование прекрасно понимало, какой проблемой может стать этот небольшой плацдарм, если советское командование остановит наступление фашистских армий у стен Сталинграда, соберется с силами и предпримет контрнаступление. Поэтому противник продолжал бросать на Еланский плацдарм в конце августа и в сентябре все новые и новые силы. Защитники плацдарма самоотверженно удерживали клочок советской земли на правобережье Дона.

С августа по ноябрь 1942 г. плацдарм удерживали в основном части 197-й, 203-й и 14-й гвардейской стрелковых дивизий 21-й и 63-й армий, а также отдельные артиллерийские и кавалерийские подразделения. За это время он приобрел стратегический характер. С Еланского плацдарма главный удар в сталинградском контрнаступлении должны были наносить танкисты. К 12 ноября здесь была сосредоточена 5-я танковая армия, 8-й кавалерийский корпус и 8-й мотоциклетный полк. 18 ноября ночью 14-я гвардейская дивизия сдала часть участков обороны 47-й и 119-й стрелковым дивизиям [14]. 19 ноября 1942 г. Еланский плацдарм стал одним из главных участков контрнаступления РККА, завершившегося окружением армии Паулюса и началом изгнания немецко-фашистских войск с территории СССР.

Благодаря усилиям поисковиков-исследователей отряда «Патриот» Шолоховского района и Ростовского областного клуба «Память-Поиск» в 2012 г. понятие «Еланский плацдарм» было включено в словник энциклопедии «Сталинградская битва». Продолжается сбор архивных материалов и документов, появляется все больше наградных листов, в том числе на уроженцев Ростовской области, совершивших подвиги в боях при захвате и четырехмесячном удержании Еланского плацдарма. Наш земляк красноармеец Б.И. Терентьев стал первым Героем Советского Союза в 203-й стрелковой дивизии [15]. Еще десятки человек были награждены орденами и медалями [16]. Уточнение событий на Еланском плацдарме в августе –ноябре 1942 г., откуда началось сталинградское контрнаступление советских войск, продолжается.

Примечания:

1. Тютюнников Федор Кириллович, 1904 г.р. URL: http://www.podvignaroda.mil.ru/?#id=46880230&tab=navDetailManAward (дата обращения: 11.04.2015).
2. Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943: энциклопедия. 5-е изд., испр. и доп. Волгоград, 2012. С. 89–94.
3. Тютюнников Федор Кириллович, 1904 г.р.
4. Самсонов А.М. Сталинградская битва. М., 1989. С. 143–146.
5. Васильченко Иван Парамонович, 1899 г.р. URL: http://podvignaroda.mil.ru/?#id=10597862&tab=navDetailManAward (дата обращения: 11.04.2015).
6. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 33. Оп. 682 524. Д. 936. Ф. 58. Оп. 81 883. Д. 1447. Л. 3.

7. Грязин Василий Кузьмич, 1917 г.р. URL: http://podvignaroda.mil.ru/?#id=11644308&tab=navDetailManAward (дата обращения: 11.04.2015).
8. Хилько Павел Прохорович, 1914 г.р. http://podvignaroda.mil.ru/?#id=10597872&tab=navDetailManAward (дата обращения: 11.04.2015).
9. Грибачев Н. Между Вешенской и Еланской // Литературная Россия. 1965. № 18.
10. Грибачев Н.М. Белый ангел в поле. М., 1975.
11. Личный архив Г.Д. Жбанниковой. Станица Вешенская Ростовской области.
12. Ростовская область в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Ростов н/Д, 2014. С. 122.
13. ЦАМО РФ. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 5. Л. 40.
14. ЦАМО РФ. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 5. Л. 44.
15. Гвардейский подвиг пулеметчика Терентьева // Боевой товарищ. 1942. 3 декабря. № 285.
16. Зданович Г.С. Идем в наступление. М., 1980.

В.Б. Ушаков

Операция «Зимняя гроза»: роль 4-го механизированного корпуса в отражении деблокирующего удара вермахта на сталинградском направлении 13–23 декабря 1942 г.

Исследование истории Великой Отечественной войны началось еще в годы войны, когда появились первые аналитические и оперативно-тактические работы. Большая их часть была посвящена боевым действиям на сталинградском направлении [1] и предназначена не для широкого читателя, а для «офицеров и генералов Красной армии» [2]. Это были исследования с высоким уровнем секретности, разрабатывавшиеся и издававшиеся в системе Наркомата обороны СССР. В результате изучение истории Великой Отечественной войны в первую очередь началось с исследования военных событий кампании 1942 г. В целом это оправдано, т.к. летне-осенняя кампания 1942 г. должна была стать решающей как для Германии, так и для СССР. В настоящем исследовании основной акцент сделан на решающих событиях на сталинградском направлении в ноябре – декабре 1942 г., в частности на действиях 4-го механизированного корпуса под командованием генерал-майора В.Т. Вольского, которые оказались незаслуженно преданы забвению.

В конце ноября 1942 г. южный фланг советско-германского фронта словно застыл в преддверии ключевых событий. Наступательные операции германских войск за исключением городских боев в Сталинграде были прекращены, зимнее контрнаступление Красной армии еще не началось. Задачи, ставившиеся перед вермахтом, были изложены в оперативном приказе № 1 от 14 октября 1942 г. Приказ был наполнен оптимизмом и имел идеологический компонент, что характерно для всех документов, выходивших из-под пера Верховного главнокомандующего германскими вооруженными силами. Однако в приказе фигурировали и тревожные для германских войск пункты:

«Каждый войсковой командир должен сам себе помогать всевозможными импровизациями и изыскивать дополнительные средства и оборудование для облегчения условий размещения своих войск… во что бы то ни стало удерживать зимние позиции, отрезанные или окруженные части должны обороняться до тех пор, пока не подоспеет помощь». Таким образом, несмотря на значительные потери, понесенные вермахтом в ходе наступательной фазы летне-осенней кампании 1942 г., военно-политическое руководство Германии решило любыми средствами удерживать занимаемые позиции.

В то же время еще с сентября 1942 г. в Генеральном штабе РККА шло активное обсуждение перспектив разгрома вражеской группировки на сталинградском направлении, а 7 октября появился первый проект плана контрнаступления под Сталинградом. Этот план по замыслу и масштабам существенно уступал плану операции «Уран», осуществленному позднее. Директива Ставки Верховного главного командования № 170 644 предусматривала нанесение удара левофланговыми 51-й и 57-й армиями Сталинградского фронта и центральной группировкой Донского фронта. Однако выполнение задач, изложенных в директиве, было практически невозможно, о чем в Ставку сообщил командующий Донским фронтом генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский: «Стрелковые дивизии 1 гв. А, 24 и 66 А в результате месячных боев сильно ослаблены и имеют в своем составе не более батальона штыков в каждой дивизии. Основной силой для прорыва и его развития являются семь стрелковых дивизий, прибывающих в состав фронта. Этих сил совершенно недостаточно для прорыва и развития удара в рекомендованном Вами направлении… Ввиду недостаточного количества стрелковых дивизий организовать операцию с нанесением главного удара на Котлубань, Алексеевка не представляется возможным» [3]. Первоначальный план контрнаступления был отклонен, а завершающий вид принял уже в конце октября – начале ноября 1942 г. с образованием полевого управления Юго-Западного фронта. Именно Юго-Западный фронт должен был нанести основной удар с плацдармов на левом берегу Дона у Серафимовича и в районе Клетской, прорвать оборону 3-й румынской армии и развивать подвижными войсками наступление на юго-восток с целью выхода на Дон на участке Нижне-Чирская – Большенабатовский. Главной целью Донского фронта было окружение группировки противника в составе четырех пехотных и одной кавалерийской дивизий, занимавших оборону западнее реки Дон, чтобы отрезать ее от Сталинграда. Сталинградский фронт наносил главный удар силами 57-й и 51-й армий с задачей разгромить части 6-го румынского армейского корпуса и во взаимодействии с войсками Юго-Западного фронта окружить сталинградскую группировку противника [4].

Подготовка к решающему контрнаступлению под Сталинградом была завершена при осуществлении безусловной скрытности развертывания войск. В разведывательной сводке генерального штаба сухопутных войск Германии об обстановке в полосе группы армий «Б» № 521 от 18 ноября 1942 г. сообщалось: «В районе города Сталинград и севернее противнику не удалось помешать местному продвижению наших частей вперед. На участке 3-й румынской армии противник безуспешно атаковал многие пункты предмостных укреплений

юго-западнее Серафимовича. На других участках фронта группы армий больших боевых операций не происходило» [5]. В свою очередь советская разведка неверно оценила численность вражеской группировки, определив ее размер в 80–90 тыс. чел.

На следующий день, 19 ноября 1942 г., в 8.50 артиллерия Юго-Западного фронта начала мощную артиллерийскую подготовку. Огневой удар длился в течение 80 мин, после чего в наступление перешли основные силы Юго-Западного фронта. В первый же день наступления тактическая полоса обороны противника была прорвана. 20 ноября после 75-минутной артиллерийской подготовки в наступление перешли ударные группировки войск Сталинградского фронта, также в первый день прорвавшие тактическую полосу обороны противника. Таким образом, фланговая оборона группы армий «Б» была прорвана на всех участках наступления. Попытки принять контрмеры германскому командованию не удались. К середине дня 22 ноября передовые соединения 4-го механизированного корпуса Сталинградского фронта установили связь с 4-м и 26-м танковыми корпусами Юго-Западного фронта. К концу ноября 1942 г. в районе Сталинграда была окружена группировка войск из состава 6-й немецкой полевой и 4-й танковой армий общей численностью более 300 тыс. чел.

Стремительное контрнаступление войск Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов вызвали немедленную реакцию германского командования и организационные изменения в составе соединений вермахта на южном фланге советско-германского противостояния. Началось формирование группы армий «Дон» под командованием фельдмаршала Э. фон Манштейна, которому группа армий «А» передавала штаб 57-го танкового корпуса. Противник собирал силы для деблокирующего удара в направлении Сталинграда. 24 ноября был официально определен состав новой группы армий, в которую передавались армейская группа «Гот», 6-я армия, 3-я румынская армия и группа «Холлидт». Штаб-квартирой группы армий «Дон» определялся Новочеркасск, а первоочередными задачами – создание стабильного и устойчивого фронта и пробивание коридора к окруженным под Сталинградом войскам. Деблокирующий удар был запланирован к 1 декабря 1942 г. и получил наименование «Зимняя гроза» (Wintergewitter).

Первоначальный план операции предусматривал нанесение двух деблокирующих ударов с рубежей реки Чир в направлении Калача и из района Котельниково на Верхне-Царицынский. Главной ударной силой должны были стать 48-й и 57-й танковые корпуса. При успешном развитии событий 6-я армия по сигналу «Удар грома» (Donnerschlag) должна была нанести удар из «котла». Однако сразу же возникли проблемы, штаб 3-й румынской армии докладывал, что сил 48-го танкового корпуса недостаточно для одновременной борьбы с прорывами и контрнаступлением, назначенным на 12 декабря, а рисковать устойчивостью фронта на Чире Манштейн не мог. В итоге было решено нанести один деблокирующий удар. Основной ударной силой стала 6-я танковая дивизия, прибывшая из Франции. К вечеру 11 декабря 1942 г. основные силы 57-го танкового корпуса в составе 6-й и 23-й танковых дивизий заняли исходные позиции для наступления.

В свою очередь советское командование ожидало деблокирующего удара противника, но не сумело верно определить направление главного удара. Ставка ВГК приказом № 170 699 8 декабря 1942 г. предписывала: «Образовать с 9 декабря 1942 г. в составе Сталинградского фронта 5-ю ударную армию, включив в нее 4 гв. сд, 258, 300, 315, 87-ю стр. див., 4-й механизированный корпус, 7-й и 23-й танковые корпуса и 3-й гвардейский кк… Ближайшей задачей 5-й ударной армии иметь: а) Во взаимодействии с 5-й танковой армией уничтожить нижнечирскую и тормосинскую группы противника. б) Ни в коем случае не допустить прорыва противника из района Тормосин – Нижне-Чирская на соединение с окруженной группой противника в районе Сталинград» [6]. Концентрация сил на тормосинско-нижнечирском направлении ослабляла другие участки фронта. Очевидный стратегический просчет советского командования обеспечил первый успех «Зимней грозы».

К вечеру 11 декабря 1942 г. главные ударные силы 57-го танкового корпуса в составе 6-й и 23-й танковых дивизий заняли исходные позиции. В то же время 51-я армия занимала позиции на участке Кенкря – Пимен-Черни – Веселый, ведя бои местного значения. На следующий день 57-й танковый корпус своими подвижными соединениями перешел в наступление. Основной удар пришелся по позициям 302-й стрелковой дивизии, оборонявшейся в районе Пимен – Черни. Первые успехи были достигнуты уже к 9.00, а к полудню оборона 51-й армии на участке 302-й стрелковой дивизии была прорвана [7].

В боевом построении 51-й армии Сталинградского фронта образовалась широкая брешь. Развивая наступление вдоль железной дороги Котельниково – Сталинград, противник вышел в район реки Аксай. Итоги первого дня «Зимней грозы» были подведены в оперативной сводке главного командования сухопутных войск: «57-й корпус вышел к населенным пунктам Чилеково и Верхне-Яблочный в 20 км южнее р. Аксай» [8]. На следующий день ударная группировка вермахта продолжила развивать успех. 23-я танковая дивизия пересекла дорогу Самохин – Шестаков, а 6-я танковая дивизия форсировала реку Аксай и левым флангом вышла к Верхне-Кумскому каналу. К исходу дня 13 декабря положение войск 51-й армии серьезно осложнилось, для противодействия немецкому наступлению срочно были необходимы резервы. Одним из резервов была 2-я гвардейская армия, которая должна была занять оборону позади боевого построения 51-й армии. Однако в тот момент, когда 6-й танковая дивизия форсировала Аксай, корпуса 2-й гвардейской армии находились на марше севернее железной дороги Калач – Сталинград. Кроме того, развертывание осложнялось перебоями с топливом и отсутствием боевой слаженности соединений. В журнале боевых действий 2-й гвардейской армии сделана запись: «Обозы отстали. Автотранспорт не работает за отсутствием горючего. Связь с выгрузившими частями отсутствует» [9].

Необходимы были резервы, которые могли сдержать противника до окончательного развертывания сил 2-й гвардейской армии и усилить боеспособность 51-й армии. Единственным таким соединением был 4-й механизированный корпус генерал-майора В.Т. Вольского. В его подчинение были переданы 235-я огнеметная танковая бригада и 234-й танковый полк.

14 декабря 1942 г. началось сражение в районе Верхне-Кумского, которому было суждено сыграть главную роль в отражении деблокирующего удара. Сначала по ударному клину 6-й танковой дивизии был нанесен удар соединениями, подчиненными штабу 4-го механизированного корпуса. Согласно оперативной сводке № 349 Генерального штаба РККА: «235 тбр и 234 отп, частью сил окружив два батальона мотопехоты и 50 танков противника в районе Верхне-Кумский, вели бой по их уничтожению» [10].

Однако основные силы корпуса В.Т. Вольский ввел в бой лишь на следующий день, выдвинув в район Водянского 36-ю механизированную бригаду, чем была создана угроза тылам ударной группировки 57-го танкового корпуса. Оставив 55-й танковый полк в резерве, В.Т. Вольский принял решение атаковать Верхне-Кумский со всех сторон силами 59-й и 60-й механизированных бригад. К вечеру сражение было завершено, противник, имея угрозу тылам и флангам со стороны 36-й механизированной бригады в районе Водяновского, был вынужден отойти в направлении Новоаксайского.

Таким образом, контрудар 4-го механизированного корпуса достиг своей цели: продвижение противника на Сталинград было остановлено. Более того, удалось выбить соединения 6-й танковой дивизии из Верхне-Кумского, вынудив ее отойти за реку Аксай. На следующий день стороны получили подкрепления, в состав 57-го танкового корпуса прибыла 17-я танковая дивизия, а 4-й механизированный корпус получил 85-ю танковую и 20-ю истребительно-противотанковую бригады.

Боевые возможности подкреплений в составе группы армий «Дон» были ограничены, но тем не менее противник сумел ликвидировать плацдарм 36-й механизированной бригады в районе Водянского и приготовился к решающему штурму Верхне-Кумского. В течение 17 декабря 1942 г. ударные группировки 57-го танкового корпуса сумели потеснить соединения 51-й армии и прорваться в район населенного пункта Громославки на реке Мышкова, но сбить 4-й механизированный корпус с высот вокруг Верхне-Кумского не удалось. Это был несомненный успех В.Т. Вольского по сковыванию сил противника. В телеграмме Ставку ВГК сообщалось: «На реке Аксай в районе Новоаксайский – Шестаков – Верхне-Кумский пятые сутки корпус Вольского, усиленный танковой бригадой и двумя отдельными танковыми полками… ведут упорный и успешный бой с 6-й и 23-й танковыми дивизиями… пытающимися прорваться на север к окруженной сталинградской группировке». Это подтверждает в своих мемуарах и командир 6-й танковой дивизии генерал-полковник Э. Раус: «Хорошо замаскированная русская пехота укрывалась в глубоких щелях группами от 2 до 4 человек и просто позволила двум танковым полкам прокатиться у себя над головой. Затем, используя многочисленные противотанковые ружья, каждое из которых мог обслуживать один человек, русские открыли огонь с близкого расстояния по слабо бронированным машинам батальона капитана Купера, нанеся ему тяжелые потери» [11]. В итоге в течение боевого дня 17 декабря 1942 г. противник потерял в районе высот вокруг Верхне-Кумского несколько десятков танков.

Действия 4-го механизированного корпуса позволили выиграть три жизненно необходимых дня для развертывания 2-й гвардейской армии. К исходу

17 декабря за боевыми порядками корпуса генерал-майора В.Т. Вольского были развернуты стрелковые дивизии: «В затылок Вольскому по р. Мышкова и далее на Абганерово развернуты 300-я, 98-я, 3-я гвард., частично 87-я и 38-я стр. дивизии» [12]. С 24 часов 17 декабря 4-й механизированный корпус был выведен из подчинения 51-й армии и передан в состав 2-й гвардейской армии.

Успех многодневных боев с ударной группировкой противника и заслуги корпуса генерал-майора В.Т. Вольского были высоко оценены командованием Красной армии. 18 декабря 1942 г. приказом наркома обороны № 394 4-му механизированному корпусу было присвоено звание гвардейского, и с того же дня в оперативных сводках он стал именоваться 3-м гвардейским механизированным корпусом. Тем не менее, несмотря на очевидность того, что своими силами 57-й танковый корпус пробиться к окруженной группировке уже не мог, в течение 18 декабря предпринимались атаки в районе совхоза имени 8 марта, высоты 146,9 и Громославки. К исходу дня все атаки были отбиты и успеха противник не достиг. Потребовались еще сутки для того, чтобы прорвать оборону 3-го гвардейского механизированного корпуса. К тому времени соединения корпуса понесли существенные потери в живой силе и технике. К утру 19 декабря потери составили 52 танка, 994 убитых, 3497 раненых, 1075 пропавших без вести и попавших в плен. Боеспособность корпуса снизилась на 50 %.

В итоге войска 2-й гвардейской армии, оборонявшиеся в районе Верхне-Кумского, не выдержали усиливавшийся натиск дивизий 57-го танкового корпуса и к середине дня 19 декабря 1942 г. начали отход на рубеж реки Мышкова. В оперативной сводке Генерального штаба сообщалось: «Части 3 гв. мк и 1378 сп 87 сд, выдержав пять атак мотопехоты и танков противника в районе Верх. Кумский, понесли большие потери и отошли на рубеж р. Мышкова. Противник, прорвав фронт частей 3 гв. мк на участке Верх. Кумский – спец. поселок к 14.30 19.12 подошел к районам Черноморов и Ниж. Кумский, где был остановлен огнем нашей артиллерии» [13].

Однако успех противника, достигнутый ценой больших потерь в живой силе и технике, а главное – с потерей драгоценного времени, теперь уже не мог иметь того решающего значения, который бы имел еще 3–5 дней назад. Севернее реки Мышкова уже было завершено сосредоточение 2-й гвардейской армии, успешно развивалось и наступление войск Юго-Западного фронта. В последующие дни в полосе наступления ударной группировки 57-го танкового корпуса шли исключительно бои местного значения. Таким образом, план деблокирующего удара из района Котельниково в направлении Сталинграда был сорван войсками 51-й и 2-й гвардейских армий, и в этом успехе основополагающая заслуга принадлежит действиям генерал-майора В.Т. Вольского и личного состава 4-го механизированного корпуса.

Примечания:

1. Уличные бои в Сталинграде. Л., 1943; Битва под Сталинградом. М., 1944 и др.
2. Разгром итало-немецких войск на Дону. М., 1944. С. 2.
3. Исаев А.В. Сталинград. За Волгой для нас земли нет. М., 2008. С. 270.
4. Там же. С. 281.

5. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 500. Оп. 12 462. Д. 89. Л. 430–432.
6. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12 451. Д. 77. Л. 18.
7. ЦАМО РФ. Ф. 303. Оп. 4005. Д. 75. Л. 17.
8. Исаев А.В. Указ. соч. С. 365.
9. ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1072сс. Д. 12. Л. 112–118.
10. ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 2294. Д. 1. Л. 47–51.
11. Раус Э. Танковые сражения на Восточном фронте. М., 2005. С. 262–263.
12. ЦАМО РФ. Ф 48. Оп. 468. Д. 24. Л. 221.
13. ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1072сс. Д. 12. Л. 146–153.

И.В. Киселев

Незавершенное освобождение: наступательные операции советских войск на Кубани в январе – феврале 1943 г.

19 ноября 1942 г. советские войска под Сталинградом перешли в наступление, в результате которого вскоре была окружена 6-я немецкая армия. Сталинградское сражение и битва за Кавказ на протяжении всего своего хода были взаимосвязаны. Германское командование постоянно наращивало усилия на сталинградском направлении в ущерб своим планам на Кавказе. И наоборот, непрекращавшиеся бои под Туапсе, Орджоникидзе (в настоящее время – Владикавказом) и Грозным не позволили немцам бросить все силы на захват Сталинграда. Когда же фронт противника на Дону оказался прорван, возникла угроза окружения и разгрома всей кавказской группировки немецко-румынских войск. Поэтому уже в конце декабря 1942 г. войска противника получили приказ А. Гитлера о поэтапном отступлении в направлении Ростова-на-Дону и Краснодара.

Изменение ситуации не осталось незамеченным советским командованием. В канун нового 1943 г. Ставка Верховного главнокомандования потребовала развернуть преследование отступавших соединений 1-й танковой армии генерал-полковника Э. Макензена силами Северной группы войск Закавказского фронта генерал-лейтенанта И.И. Масленникова. Командующий фронтом генерал армии И.В. Тюленев получил указания усилить Черноморскую группу войск генерал-лейтенанта И.Е. Петрова. В случае ее успешного наступления на Кубани 17-я армия генерал-полковника Р. Руоффа могла оказаться в кольце окружения, по масштабам своим сравнимом со сталинградским [1].

К началу 1943 г. общее соотношение сил на Кавказе также изменилось в пользу Красной армии. В составе Закавказского фронта насчитывалось свыше 1 млн чел., около 1,3 тыс. танков, более 11,3 тыс. орудий и минометов. 4-я и 5-я воздушные армии вместе с ВВС Черноморского флота располагали примерно 900 самолетами. Противостоявшая им группа армий «А» имела в своем составе 764 тыс. чел., до 700 танков, около 5,3 тыс. орудий и минометов. 4-й воздушный флот мог задействовать для их поддержки 530 самолетов.

Однако Черноморская группа войск столкнулась с многочисленными трудностями. Во-первых, соотношение советских и немецких сил на Кубани было не столь благоприятным, как на Кавказе в целом. Наращиванию, а главное, снабжению войск мешала оторванность черноморского побережья от остальной страны. Еще хуже обстояло дело с дорогами в горах Краснодарского края, через которые предстояло обеспечивать наступление. По ним с трудом могли пройти пехота и танки, но перевезти артиллерию, боеприпасы и продовольствие зачастую было просто невозможно. А для развития успеха и преследования противника в равнинной части Кубани требовались подвижные войсковые соединения. В распоряжении И.Е. Петрова не оказалось ничего крупнее танковой бригады, а этого было совершенно недостаточно.

Между тем из Москвы торопили И.В. Тюленева и И.Е. Петрова с началом наступления, к тому же заставив их изменить направление главного удара. Вместо развития успеха 18-й и 46-й армий из района Туапсе на Майкоп, Ставка Верховного главнокомандования указала на необходимость ударить войсками 56-й армии на Краснодар и далее на Тихорецк, а силами 47-й армии взять Новороссийск и выйти на Таманский полуостров. Так родился замысел операций «Горы» и «Море». Для ее реализации пришлось сместить ось советского наступления к западу, провести значительную перегруппировку сил и средств. Лишь 16 января, так и не достигнув полной готовности, 56-я армия перешла в наступление.

С самого начала оно развивалось тяжело. Советские стрелковые части сумели смять 9-ю румынскую кавалерийскую дивизию и за трое суток преодолели половину расстояния до Краснодара. Но немцы спешно стянули к месту прорыва все имевшиеся под рукой резервы, сформировали из них ударные группы и стали контратаковать на флангах наступавших советских дивизий. В результате до начала февраля 1943 г. продвижение 56-й армии генерал-лейтенанта А.А. Гречко шло крайне медленно. В полосе 47-й армии генерал-лейтенанта Ф.В. Камкова не удалось добиться и этого, немцы удержали хорошо укрепленные позиции под Новороссийском, Неберджаевской и Абинской [2].

По-иному складывалась обстановка на майкопском направлении. Здесь противник сам начал отступление, которым не замедлили воспользоваться советские войска. С 11 января начала преследование врага 46-я армия генерал-лейтенанта К.Н. Леселидзе, с 14 января – 18-я армия генерал-майора А.И. Рыжова. Они освободили предгорные районы края и вступили в Адыгейскую автономную область. 29 января 9-я горнострелковая дивизия вместе с партизанами вступила в Майкоп. К концу января 44-й армейский и 49-й горнострелковый корпусы немцев перешли на правый берег р. Кубань.

Этот исход был вызван развитием обстановки на востоке Краснодарского края. Туда отходили части 1-й танковой армии врага, которые пытались оторваться от наседавшей на них Северной группы войск. 21 января наступавшие на ее левом фланге 9-я армия генерал-майора В.В. Глаголева и 37-я армия генерал-майора П.М. Козлова освободили Отрадненский и Успенский районы, а 24 января совместными усилиями овладели Армавиром и продолжили двигаться на запад по обоим берегам р. Кубань. 28 января 9-я армия достигла

Кропоткина. Действовавшая правее 58-я армия генерал-лейтенанта К.С. Мельника 30 января выбила немцев из Тихорецка и, развивая наступление в северо-западных районах Кубани, 3 февраля вышла к Азовскому морю. В те же дни северо-восточную часть Краснодарского края освободила 44-я армия под командованием генерал-майора В.А. Хоменко.

Несмотря на успешное наступление, положение советских войск на Кубани оказалось непростым. Армии Северной группы войск за месяц прошли около 500–600 км по заснеженным ставропольским и кубанским степям, т.е. ежедневно преодолевали 15–20 км! На долю Черноморской группы войск выпало тяжелое наступление в горах и предгорьях Краснодарского края. Основная масса подразделений двигалась в пешем порядке, у бойцов и командиров накапливалась хроническая усталость от длительных маршей, чередовавшихся с ожесточенными боями. Наземные войска лишились надежной авиационной поддержки: перебазирование 4-й воздушной армии не поспевало за линией фронта, а самолетам 5-й воздушной армии и морской авиации во время каждого полета приходилось преодолевать Главный Кавказский хребет. От ударов с воздуха спасала неустойчивая погода. Между тем наши тылы и артиллерия отстали от передовых частей на 80–100 км, в войсках стала ощущаться нехватка боеприпасов и продовольствия. Особенно тяжело приходилось раненым и больным, они не могли своевременно оказаться в госпиталях и зачастую полагались лишь на помощь местного населения.

Противник же использовал для отступления железную дорогу и автотранспорт, избегал окружений и наносил чувствительные контрудары советским войскам. Так, 1 февраля 1943 г. немцы отбросили части 46-й армии за р. Кубань в районе станиц Васюринской и Старокорсунской. В другом случае серьезные потери понесли авангарды 58-й армии. Чем дальше фронт отодвигался на запад, тем сильнее были укреплены позиции немецко-румынских войск и плотнее становились их боевые порядки. Вместе с тем в войсках оккупантов накопилась усталость, а от уверенности в скорой победе Германии не осталось и следа. Немецкие части еще сохраняли традиционную дисциплинированность и высокую боеспособность, но среди их румынских союзников резко возросло число дезертиров и перебежчиков. А ведь румынские войска составляли треть соединений 17-й армии. Самые поразительные метаморфозы произошли со словацкой моторизованной дивизией. В течение января 1943 г. это достаточно боеспособное соединение просто распалось, часть словацких солдат и офицеры перешли на сторону СССР, остальные не скрывали свое желание прекратить участие в войне на стороне Третьего рейха. Поэтому в начале февраля командование 17-й армии поспешило отправить своих славянских союзников в Крым. Аналогичным образом складывалась ситуация в «добровольческих» формированиях вермахта, укомплектованных советскими гражданами. Их старались держать подальше от фронта, разоружать или попросту отправлять в лагеря для военнопленных.

Пока вал советского наступления катился через Кубань, Ставка Верховного главнокомандования проводила организационные изменения и ставила новые задачи. 24 января 1943 г. Северная группа войск Закавказского фронта

была преобразована в самостоятельный Северо-Кавказский фронт во главе с получившим звание генерал-полковника И.И. Масленниковым. 5 февраля фронту была подчинена Черноморская группа войск.

По замыслу Верховного главнокомандующего И.В. Сталина и Генерального штаба возрожденный Северо-Кавказский фронт должен был продолжить наступление, рассечь кубанскую группировку врага и разгромить ее к 10–12 февраля. Такие планы строились на уверенности в том, что происходит отход главных сил противника с Таманского полуострова и их переброска в Крым морем и по воздуху [3]. В действительности, по личному решению Гитлера, 17-я армия должна была удержать Тамань в качестве плацдарма для повторного наступления на Кавказе.

Под давлением Москвы армии Северо-Кавказского фронта ускорили перегруппировку сил, но приступить к осуществлению Краснодарской наступательной операции смогли только 9 февраля. Фактически никакой продолжительной оперативной паузы между нею и предыдущим наступлением не было. Советские войска так и не дождались восполнения потерь, сосредоточения артиллерии, развертывания тылов и перебазирования авиации. К началу операции Северо-Кавказский фронт насчитывал около 400 тыс. чел., им противостояло до полумиллиона солдат и офицеров противника.

В такой обстановке 58-я и 9-я армии, наносившие главный удар на правом фланге фронта, не могли двое суток прорвать оборону 52-го армейского корпуса в районе станиц Бриньковской и Брюховецкой. Развитие наступления обеспечили удачные действия 37-й, 46-й и 18-й армий. 10 февраля 1943 г. они вышли на подступы к Краснодару, через который в спешке отступали немецкие боевые части и тыловые подразделения. К 11 февраля через р. Кубань в районе Пашковской сумели переправиться 236-я стрелковая дивизия и 10-я гвардейская стрелковая бригада 18-й армии. Одновременно с востока подошли соединения 46-й армии генерал-майора И.П. Рослого – 31-я стрелковая и 9-я горнострелковая дивизии, 40-я мотострелковая бригада. В ночь на 12 февраля они ворвались в краевой центр и полудню очистили его от противника [4].

Потеряв Краснодар, противник был вынужден отойти на новые оборонительные рубежи почти по всему фронту 17-й армии. Ее ключевыми опорными пунктами стали станицы Славянская и Абинская. Опираясь на окопы полного профиля, сеть укрепленных огневых точек и минных заграждений, немцы к 18 февраля смогли остановить советское наступление. От стремительного движения на запад Северо-Кавказский фронт переходил к изнурительному преодолению вражеской обороны.

Одновременно с освобождением равнинных районов Кубани активизировались бои за Новороссийск, который оставался самой южной точкой советско-германского фронта. Так как январское наступление 47-й армии не принесло результатов, возглавлявший ее Ф.В. Камков был заменен генерал-лейтенантом К.Н. Леселидзе. А командование Закавказского фронта и Черноморской группы войск решилось высадить в районе Новороссийска десант, хотя по первоначальному замыслу он должен был вступить в бой после достижения успеха в полосе 47-й армии.

Основные силы десанта численностью в 16 тыс. чел. возглавлял полковник Д.В. Гордеев. Их планировалось высадить в Южной Озерейке и использовать для охвата Новороссийска с юго-запада. Вспомогательный десант под командованием майора Ц.Л. Куникова готовился к высадке в Станичке, на южной окраине Новороссийска. Операции предшествовала длительная подготовка и усиленная разведка, несколько раз ее сроки откладывались. По-видимому, это и позволило противнику подготовить противодесантную оборону. Когда в ночь на 4 февраля 1943 г. началась высадка, десантники были встречены ураганным огнем и понесли тяжелые потери. И все же 1,5 тыс. морских пехотинцев при поддержке десятка легких танков сумели овладеть Южной Озерейкой. Но во время проведения операции возникла неразбериха, связь с десантом так и не удалось наладить. Поэтому командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф.С. Октябрьский не решился на продолжение операции. В итоге немцы стянули к Южной Озерейке резервы и через несколько дней ликвидировали десант [5].

Иначе сложилась судьба вспомогательного десанта майора Ц.Л. Куникова. Его отряд численностью в 270 чел. не только захватил плацдарм, но и вопреки всем трудностям удержал его. По решению И.В. Петрова сюда 6–9 февраля были переброшены войска, не высаженные у Южной Озерейки. Вскоре освобожденный район получил название Малой Земли, отсюда развернулось новое наступление на Новороссийск. Немцы же бросили против малоземельцев свои резервы, надеясь ликвидировать плацдарм. Весь февраль шли ожесточенные бои, советские войска расширили плацдарм на глубину в 5–6 км, но освободить Новороссийск не сумели, потеряв немало убитых и раненых [6]. Среди них оказался и получивший смертельное ранение Ц.Л. Куников. Но и противнику не удалось сбросить десантников в море. Малая Земля продемонстрировала свою жизнеспособность. В короткие сроки было налажено ее снабжение, обеспечена надежная связь с «большой землей», поддержка береговой артиллерии и авиации. И вряд ли все это стало бы возможным без героических усилий малоземельцев.

С началом освобождения Кубани на Черноморский флот была возложена еще одна важная задача. В директиве от 5 февраля 1943 г. народный комиссар Военно-морского флота адмирал Н.Г. Кузнецов приказал «действиями флота и авиации прекратить коммуникации противника через Черное море между Таманским полуостровом и Крымом». С 8 февраля черноморцы приступили к блокаде побережья от Анапы до Феодосии силами авиации, надводных и подводных кораблей. Но их действиям мешали многочисленные минные поля, ледовая обстановка и география Керченского пролива, там не могли действовать крупные надводные корабли и подводные лодки. К тому же для выполнения директивы наркома Ф.С. Октябрьским были выделены незначительные силы. В дозоре одновременно находились эсминец, тральщик и 5–6 торпедных катеров. Число подводных лодок на позициях составляло 1–2 единицы, и только в начале марта их количество достигло 4. К операции по блокаде таманской группировки противника была привлечена бомбардировочная и штурмовая авиация флота. Для атак на вражеские коммуникации и порты Феодосия, Керчь, Тамань и Темрюк

в феврале – марте 1943 г. она совершила 885 самолетовылетов [7]. В начале марта блокада была прекращена в силу своей малой результативности. Такое решение было обусловлено еще и тем, что 17-я немецкая армия осталась на Кубани. Ожидаемых советским командованием многочисленных конвоев с эвакуируемыми войсками в море просто не оказалось.

Итак, за два зимних месяца 1943 г. обстановка на Кубани полностью изменилась. В результате усилий бойцов и командиров Красной армии, моряков Черноморского флота большинство районов Краснодарского края были освобождены от захватчиков. Динамика событий во время этих боев напоминала сражения августа – сентября 1942 г., только теперь уже немцам и их союзникам приходилось отступать, избегая угрозы окружения и полного разгрома. И, надо признать, что командованию группы армий «А» и 17-й полевой армии это удалось, основные силы противника отошли на Таманский полуостров. Советский замысел окружения и разгрома группировки немецко-румынских войск, воплотившийся в нескольких вариантах наступательных операций, так и не был реализован. Однако немецкое поражение стало фактом. Утратив завоевания 1942 г. на Кавказе и всем юге России, противник уже не мог выиграть войну.

Примечания:

1. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 16 (5–2). Ставка ВГК: документы и материалы: 1942 г. М., 1996. С. 476–477.
2. Битва за Кавказ. М., 2002. С. 240–242.
3. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 16 (5–3). Ставка ВГК: Документы и материалы: 1943 г. М., 1999. С. 62.
4. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Хроника событий. Кн. 2. Ч 2. Краснодар, 2005. С. 100–102.
5. Боевая летопись Военно-морского флота. 1943. М., 1993. С. 391–393.
6. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 217. Л. 37.
7. Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 2. Черноморский флот. СПб., 2005. С. 284.

А.Н. Заблотский, Р.И. Ларинцев

Минная война на Азовском море. Год 1943-й

Наступление Красной армии на Северном Кавказе, отход части соединений группы армий «А» вермахта на оборонительные позиции Миус-фронта и на так называемую линию «Готенкопф» на Таманском полуострове создали довольно непростую ситуацию. С одной стороны, советские войска вышли на южное побережье Азовского моря, нависая над морскими коммуникациями противника вдоль северного берега. С другой – Азовская военная флотилия (АВФ), воссозданная 3 февраля 1943 г., оказалась отрезанной от кавказских баз Черноморского флота и, как следствие, не имела возможности пополнения относительно крупными кораблями морским путем.

По оптимистичным первым планам корабельный состав флотилии должен был включать монитор «Железняков», три канонерские лодки и нескольких дивизионов катеров различного назначения [1]. Однако пришлось довольствоваться тем, что можно было перебросить по железной дороге в Ейск, и тем, что немцы не успели увести или уничтожить при отступлении. Надо сказать, что трофеев, которые можно было переоборудовать для решения боевых задач, нашлось немного. Так, в станице Приморско-Ахтарской были обнаружены пять самоходных рыболовных судов, в том числе два отремонтированных. В Азове – до 15 рыболовных судов, требовавших ремонта. Планировалось также поднять и отремонтировать часть судов, затопленных немцами при отступлении [2]. Некоторые из найденных «рыбаков» были переоборудованы в катера-тральщики.

С 4 апреля началось поступление от промышленности и с других флотилий боевых кораблей специальной постройки – малых охотников и бронекатеров. Известно, что планировалось усилить АВФ немецкими трофейными паромами «Зибель», захваченными на Ладожском озере в бою у острова Сухо, но по каким-то причинам это довольно разумное и вполне реализуемое мероприятие не было выполнено. Всего в базы Азовской флотилии к началу июня 1943 г. было переброшено пять сторожевых катеров типа МО и 12 бронекатеров проектов 1124, 1125 и С-40. К сожалению, два малых охотника погибли от ударов самолетов люфтваффе почти сразу после прибытия. Все лето АВФ провоевала с тремя оставшимися катерами МО. В конце июля прибыли еще четыре малых бронекатера.

Даже с учетом пополнения, силы АВФ существенно уступали противнику, не считая того что немцы могли свободно осуществлять межбазовый маневр между портами Крыма, Таманского полуострова и северного побережья Азовского моря. Ко всему прочему, имевшие мощное вооружение (88-мм орудия) быстроходные десантные баржи и артиллерийские лихтеры кригсмарине были грозным противником для любых типов отечественных боевых катеров, входивших в состав Азовской военной флотилии.

Правда, оставалась надежда на авиацию. К сожалению, и с ней были проблемы. На 1 июня на аэродромах флотилии находились 13 устаревших разведчиков Р-10 (6 боеготовых), 7 Ил-2 и 6 МБР-2 (5 боеготовых) [3]. Полностью отсутствовала своя истребительная авиация, что не позволяло организовывать прикрытие тех же штурмовиков днем. Иногда с АВФ взаимодействовала авиация Северо-Кавказского или Южного фронтов, даже Ростовского корпуса ПВО, но это было скорее исключением, чем правилом. Таким образом, сложилась нередкая для войны ситуация, когда в целом сил на театре военных действий вроде бы и хватало, но в нужном месте и в нужное время их не было.

В этой ситуации обращение командования АВФ к использованию минного оружия следует признать вполне логичным. Вот выдержки из «Плана активной минной войны на Азовской военной флотилии Черноморского флота на 1943 год», направленного в штаб Черноморского флота 16 июня 1943 г. [4]. «Вследствие малого состава сил, способного вести борьбу с плавсредствами противника (тем более что для Ил-2 и МО отсутствует истребительное прикрытие)

основное оружие, могущее нарушить коммуникацию – мины. Наиболее эффективным для минирования следует считать мину МИРАБ [мина индукционная речная авиационная для постановки на бреющем полете. – *А.З., Р.Л.*]. Кроме того, могут быть успешно применены мины образца 1908 года с МО и БКА, а с воздуха АМГ-1 [авиационная мина Гейро. – *А.З., Р.Л.*] и А-1-4 [английские донные неконтактные (магнитные) мины А.Мк.I/IV. – *А.З., Р.Л.*]». Далее следовал расчет необходимого для постановок минного боезапаса. Всего предполагалось выставить 156 мин МИРАБ, 64 – образца 1908 г., 51 – АМГ, 26 – английских. При подаче мин на флотилию следовало добавить 10 % оперативного запаса.

Штаб Черноморского флота оперативно отреагировал на предложение командующего АВФ. Уже 18 июня на флотилию ушли замечания по плану минной войны [5]. Вот их краткое изложение:

1) В первую очередь следовало ставить мины на коммуникациях Мариуполь – Таганрог и северное побережье Азовского моря – Керченский пролив и Темрюк.

2) Отсутствовавшие на флоте мины МИРАБ предлагалось заменить минами образца 1908 г. в количестве 200 штук.

3) Установка мин АМГ признавалась нецелесообразной, т.к. они для автоматической постановки требовали глубины не менее 13 м. Их предлагалось заменить минами 1908 г. и Р-1.

4) Отмечалось, что английских мин на флоте мало, и их поставка в АВФ предполагалась по мере поступления.

5) Дополнительно к минам образца 1908 г. планировалась поставка 20 Р-1.

6) Мины Р-1 должны были поставляться по мере получения их флотом.

На документе стоит резолюция командующего АВФ контр-адмирала С.Г. Горшкова: «НО-1 [начальнику оперативного отдела штаба флотилии. – *А.З., Р.Л.*]. Внести изменения в план. 21.06.43». Однако при чтении замечаний, сделанных начальником штаба и заместителем командующего Черноморским флотом контр-адмиралом И.Д. Елисеевым, возникают два вопроса. Во-первых, куда подевались мины МИРАБ? До 22 июня 1943 г. Черноморский флот получил их, по разным данным, от 45 до 52 штук. На начало войны МИРАБов имелось 20 штук. В 1941–1942 гг. Дунайской и Азовской флотилиями было израсходовано 34 мины данного типа. Налицо разница минимум 30 штук. Интересно, что мины МИРАБ в конце концов на Черноморском флоте нашлись. В новом плане минной войны Азовской флотилии от 17 августа уже планировалось их использование для постановок с катеров в Таганрогском канале (12 мин), у портов Осипенко, Азовсталь и Мариуполь (везде по 6 мин), а также у Петрушино (6 мин) [6]. Несомненно, МИРАБы в дополнение к контактным минам могли если уж и не нанести противнику существенные потери, то серьезно затруднить как использование им морских коммуникаций, так и действия его боевых кораблей. Тем более что имелись определенные трудности с тралением их противником наиболее эффективным средством – самолетами-тральщиками Ю-52МС «Мауси» [7].

Во-вторых, не ясно, почему отказались от использования АМГ. Ведь в 1942 г. их ставили ВВС Черноморского флота у портов северного побережья Азовского

моря. Кроме того, черноморские морские летчики уже имели опыт постановки мин АМГ в Керченском проливе на глубинах в 6–8 м. При этом применялся способ постановки по измеренной глубине [8].

Минные постановки предполагалось осуществлять с катеров типа МО и бронекатеров. Первые могли принять на борт шесть, а вторые – четыре мины образца 1908 г. При использовании мин МИРАБ боезапас бронекатеров возрастал до шести мин. Всего для постановки мин были оборудованы все три малых охотника (МО №№ 0112, 0412, 0712) и шесть бронекатеров (БКА-121, БКА-122, БКА-124, БКА-134, БКА-311 и БКА-313).

Как могли повлиять активные минные постановки АВФ на перевозки противника? Вот отчетные данные «адмирала Черного моря» – командующего силами кригсмарине на Черноморском театре военных действий – по объемам перевозок на Кубанский плацдарм за июль 1943 г. Всего было перевезено 120 859 т грузов, в том числе по маршруту Керчь – Темрюк – 11 767 т, а Геническ – Темрюк – еще 11 184 т [9]. Плюсом к этому нужно учесть интенсивные снабженческие перевозки между Мариуполем и Таганрогом. Таким образом, при благоприятном развитии событий можно было нанести чувствительный удар по системе снабжения блокированной на Таманском полуострове 17-й полевой армии вермахта.

Следует заметить, что сами немцы это хорошо понимали и рассматривали возможность советских минных постановок как весьма вероятную. Проверка фарватеров осуществлялась не только в Керченском проливе, где вели активные действия советские катера и авиация, но и по маршруту Мариуполь – Таганрог. Так, 20 июня 1943 г. неконтактным тралом проверялся участок Бердянск – Мариуполь [10].

Сами же активные минные постановки с катеров АВФ начались 18 июля и проводились до конца августа. Результативными оказались пять из них. 24 июля на заграждении, выставленном в Темрюкском заливе малыми охотниками № 0412 и № 0712, погиб буксир “Hoefflein”. Он совершал переход Темрюк – Керчь и был несколько снесен ветром за кромку протраленного фарватера. Буксир затонул в течение одной минуты. На судне пропали без вести 11 чел., еще 6 чел. были спасены быстроходной десантной баржей F445 [11]. Противник предполагал, что подрыв произошел на английской магнитной мине. Эта потеря, неприятная для немцев сама по себе, привела еще и к закрытию фарватера на пять суток. Для траления были привлечены катера-тральщики и самолеты «Мауси». Кроме того, были выставлены плавучие посты противоминной обороны из катеров охранных флотилий.

29 июля на мине подорвалась парусно-моторная шхуна “Immanuel”, которая затонула в течение 3 мин, при этом погиб 1 матрос торгового флота. Немцы провели водолазное обследование, чтобы убедиться в причине гибели судна [12]. Скорее всего, это жертва первого заграждения, выставленного 18 июля МО-0712 и БКА-121. По данным нашей разведки, шхуна перевозила марганцевую руду.

В ночь с 5 на 6 августа Отдельный отряд кораблей (далее – ООК) АВФ произвел постановку мин на подходах к порту Таганрог. Постановка была

выполнена двумя отрядами по два бронекатера. Один отряд (БКА-311 и БКА-124) возглавлял командир дивизиона капитан-лейтенант П.В. Красников, второй (БКА-313, БКА-134) – старший лейтенант Луговой. Были выставлены две минные банки, в каждой – 8 мин образца 1908 г., углубление которых составляло 4 фута (т.е. на 1,2 м). В отчете о выполнении минной постановки, подписанном командиром ООК АВФ капитаном 3 ранга Ф.В. Тетюркиным, указано на крайне примитивное навигационное вооружение бронекатеров и высказано требование лидировать такие выходы мореходным катером, желательно типа МО. Тем не менее данная постановка была выполнена очень удачно и оказалась весьма результативной [13]. Возможно даже, что именно не очень точное определение места постановки позволило нанести противнику урон.

Первым на мину наскочил рыболовный бот Т265. Донесение 111-й пехотной дивизии сообщает, что это произошло 6 августа 1943 г. в 3 км от входа в Таганрогский порт. Три рыбака погибли. Немцы сразу же закрыли вход в порт и выслали из Мариуполя катера-тральщики RM01, RM02, RM03 и RM04. Немцы добросовестно протралили фарватер, несмотря на обстрел тральщиков 130-мм береговой батарей БС-723 с противоположного берега залива, и открыли район для плавания. Но, как оказалось, минная банка стояла в стороне от корабельного хода.

Второй жертвой стал упомянутый выше немецкий катер-тральщик RM01 из флотилии охраны порта Мариуполь. Вот донесение 111-й пехотной дивизии об этом случае: «Дополнение к суточному донесению от 8 августа 1943 года. В 06.10 в четырех километрах южнее входа в порт Таганрог наш тральщик затонул, столкнувшись с миной. Экипаж в составе восьми человек погиб. Создается впечатление, что противник минирует ночами фарватер, ведущий в Таганрог» [14]. Надо сказать, впечатление создалось правильное. Добавим, что среди погибших на тральщике оказался и командир тральной группы. Причем немцы решили отказаться от траления этого заграждения из-за поставленных на малое углубление мин, воспользовавшись тем, что минная банка находилась несколько в стороне от подходного канала. В дальнейшем проводка судов в таганрогский порт осуществлялась строго по фарватеру и в сопровождении тральщиков [15].

К сожалению, дальнейшего развития заградительные действия на подходах непосредственно к Таганрогу развития не получили, хотя противник использовал таганрогский порт вплоть до 30 августа. С еще большим сожалением можно констатировать, что интенсивные минные постановки в прилегающих к Таганрогу водах могли бы полностью исключить обстрелы приморского фланга 44-й армии РККА немецкими кораблями.

В 03.32 23 августа в 20 милях юго-западнее Таганрога у косы Беглицкой подорвался лихтер L2109, шедший на буксире в Мариуполь под охранением двух артиллерийских лихтеров типа MAL. Два человека погибли [16]. С большой долей уверенности можно утверждать, что это судно на счету заграждения, выставленного 20 августа БКА-124 и МО-0412.

Из 13 минных постановок только одна была признана неудачной. В ночь на 28 июля в море вышли катера МО-0412 и МО-0712 для минной постановки в район Осипенко (в настоящее время – Бердянск). В момент выхода отряда

из Ейска погода была еще сносной, но затем стала резко ухудшаться: ветер достиг 7 баллов, волнение – 6, проливной дождь, видимость до 0,25 кабельтовых. Мины стало срывать с креплений, дальнейший переход стал невозможным. Поэтому было принято решение операцию прекратить и освободиться от мин, что и было сделано [17].

Завершая рассказ о минной войне АВФ в кампании 1943 г., отметим, что, как и во многих других случаях, именно минная война была наиболее эффективным способом ведения боевых действий для советских моряков. Заметим, что при этом никаких потерь моряки АВФ не понесли. Израсходовав всего 144 мины, созданные еще до Первой мировой войны, азовцы не только нанесли противнику прямой урон. Они еще и заставили немцев тратить имевшиеся ресурсы кригсмарине на траление фарватеров и срывали противнику планы перевозок. Так, во второй декаде августа 1943 г. при переброске 13-й танковой дивизии из Крыма на Миус-фронт рассматривался вопрос о перевозке части техники дивизии из Керчи в порты северного побережья Азовского моря. Этим планировалось разгрузить железную дорогу. Соответствующий запрос через верховное командование кригсмарине пришел на имя «адмирала Черного моря» вице-адмирала Г. Кизерицки. Ответ адмирала Кизерицки стоит того, чтобы его процитировать:

«1. Портом выгрузки может быть только Геническ, так как перевозки через Азовское море в Мариуполь исключены из-за минной и воздушной опасности. Морские перевозки до Геническа не смогут существенно облегчить положение на железной дороге.

2. Перевозки в Геническ также связаны с большим риском, принять ответственность за который можно только при отсутствии других транспортных возможностей» [18].

С сожалением следует отметить, что минно-заградительные операции 1943 г. значительно уступали по масштабам постановкам предыдущей кампании. В 1942 г. АВФ первого формирования было выставлено 779 мин, в том числе 19 отечественных неконтактных МИРАБ и 253 английских неконтактных A.Mk.I/IV. Еще 28 мин АМГ-1 выставили с воздуха в разных районах Азовского моря черноморские летчики [19].

Примечания:

1. Центральный военно-морской архив (далее – ЦВМА). Ф. 957. Оп. 35. Д. 40. Л. 37.
2. Там же. Д. 38. Л. 37 и далее.
3. Там же. Л. 93.
4. Там же. Д. 79. Л. 1.
5. ЦВМА. Ф. 957. Оп. 35. Д. 79. Л. 9.
6. ЦВМА. Ф. 957. Оп. 35. Д .79. Л. 89.
7. Скробач А. «Гадкий утенок» минной войны // Антология войны. 2013. № 5. С. 27.
8. Денисов Б.А. Использование мин Военно-морским флотом СССР в Великой Отечественной войне. Ч. I–III. Л., 1955. С. 240
9. National Archives and Records Administration [Национальное управление архивов и документации США, далее – NARA]. T-1022. Roll 2595. KTB Admiral Schwarzes Meer. Запись от 31 июля 1943 г.
10. Там же. Запись от 20 июня 1943 г.
11. NARA. T-1022. Roll 2535. KTB Seekommandant Kaukasus. Запись от 24 июля 1943 г.

12. Там же. Roll 2595. KTB Admiral Schwarzes Meer. Запись от 29 июля 1943 г.
13. ЦВМА. Ф. 957. Оп. 35. Д. 79. Л. 70.
14. NARA. T-314. Roll 816. Frame 0511.
15. Там же. T-1022. Roll 2530. KTB Admiral Schwarzes Meer. Запись от 8 августа 1943 г.
16. Запись от 23 августа 1943 г.
17. ЦВМА. Ф. 957. Оп. 35. Д. 36. Л. 199.
18. NARA. T-1022. Roll 2530. KTB Admiral Schwarzes Meer. Запись от 19 августа 1943 г.
19. Денисов Б.А. Указ. соч. С. 185.

В.И. Афанасенко

О соотношении потерь в стратегических операциях на юге России в 1942–1943 гг.: поиски и источники объективных данных[1]

9 мая 2015 г. человечество отметило 70-летие победы советского народа над нацистской Германией и ее союзниками. Победа навсегда останется величайшим событием XX в. Важнейшей нравственной и научной проблемой является цена, которую народы СССР заплатили за разгром врага, достижение Победы. На разных этапах послевоенной истории вопрос о потерях в войне становился предметом острых научных дискуссий, политических игр, идеологических противоборств.

В 1990 г. в «Военно-историческом журнале» было опубликовано интервью с начальником Генерального штаба Вооруженных сил СССР генералом армии М.А. Моисеевым. Он подвел в нем итоги двухлетней работы комиссий в Министерстве обороны СССР по вопросам людских и материальных потерь: «Советские Вооруженные Силы потеряли в годы Великой Отечественной войны (в том числе и в кампании на Дальнем Востоке против империалистической Японии в 1945 г.) убитыми, пропавшими без вести, попавшими в плен и не вернувшимися из него, умершими от ран, по болезни, от несчастных случаев 8 млн 668 тыс. 400 человек». Далее он утверждал, что «безвозвратные потери фашистской Германии составили около 5,5 млн человек» [1]. Эта цифра стала базовой, хотя имелись и другие данные. В 1988 г. начальник Центрального архива Министерства обороны СССР генерал-майор Н.И. Луцев доложил в Генеральный штаб о том, что в алфавитной картотеке персонального учета безвозвратных потерь рядового и сержантского состава Красной армии учтено 14 507 296 чел. Бывший начальник Генерального штаба, затем президент российского фонда «Реквием» генерал армии В.Н. Лобов сообщил, что в начале 1994 г. электронный банк фонда «содержит 17 млн имен погибших, а вскоре пополнится еще 5 млн». В мае 1994 г. газета «Известия» писала о 17 млн чел., занесенных в электронный банк данных при Музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе в Москве о погибших и пропавших без вести

[1] Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ 14-01-00300 «Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.)».

военнослужащих во время Великой Отечественной войны. Как видно, амплитуда оценок очень широка – от 8,6 млн до 17 млн и более человек. И это только цифры, приводимые в официальных изданиях. В популярных изданиях встречается утверждение о том, что до сих пор около 2 млн погибших советских воинов Великой Отечественной войны не предано земле. А по А.В. Суворову, «война не закончена, пока не похоронен последний, погибший на ней, солдат». Для нашего общества Великая Отечественная война не завершена в том отношении, что, несмотря на все усилия, издания во всех субъектах Федерации «Книг Памяти», мы не можем назвать точно количество погибших военнослужащих и гражданских лиц.

Задача точного, до одного человека, подсчета потерь Великой Отечественной в принципе не решаема. Это связано с целым комплексом разнообразных факторов. С одной стороны, утрата документов в ходе сражений, плохая организация учета некоторых категорий солдат и прочие субъективные и случайные факторы создают проблемы исследователю. Учет потерь крайне сложен, прежде всего, из-за наличия трех различных методов подсчета потерь, которые обладают разной точностью.

Поименный метод – метод подсчета потерь, основанный на наличии именной картотеки. К достоинствам метода относится его подробность и полнота. К недостаткам – трудоемкость в составлении картотеки и завышение цифры потерь за счет учета дубликатов карточек.

Балансовый метод – метод подсчета потерь, при котором сравниваются списочные численности воинских формирований за годы войны (плюс маршевые пополнения за этот период, минус разные виды убыли за этот период). К преимуществам метода относится более высокая точность, чем у учетно-статистического метода. Недостатки – балансовый метод не дает возможности дифференцировать одни потери от других.

Учетно-статистический метод – метод подсчета потерь, при котором потери воинских формирований систематически подсчитываются их штабами. Донесения нижестоящих штабов обобщаются в вышестоящих. Включает в себя погибших и умерших, пропавших без вести и попавших в плен, раненых и заболевших, эвакуированных в лечебные учреждения, осужденных, дезертировавших и т. п. К преимуществам метода относится его оперативность и подробность (т.е. возможность оценить потери для любого периода, сражения, формирования). К недостаткам – данный метод склонен сильно занижать потери. Учетно-статистический метод недоучитывал примерно 10 % потерь. Кроме различных методов учета потерь, существуют и различные категории потерь. Например, потери военнослужащих подразделяются на безвозвратные и возвратные (санитарные) потери. Безвозвратные потери – это погибшие, умершие от ран, пропавшие без вести и попавшие в плен. Санитарные потери – это раненые, контуженные, больные и обмороженные военнослужащие, утратившие боеспособность и эвакуированные из района боевых действий в лечебные учреждения не менее чем на одни сутки. Безвозвратные потери, в свою очередь, подразделяются на боевые и небоевые. Боевые потери – это убитые на поле боя, умершие от ран на этапах санитарной эвакуации

и в госпиталях, пропавшие без вести в условиях боя и попавшие в плен. Небоевые – это потери, не связанные с непосредственным выполнением боевого задания: погибшие при неосторожном обращении с оружием, в авариях, катастрофах и в результате других происшествий, умершие от болезни в лечебных учреждениях, покончившие жизнь самоубийством, расстрелянные по приговору военных трибуналов за различные воинские и уголовные преступления. Помимо этого выделяют еще и демографические потери Вооруженных сил. Это погибшие и умершие военнослужащие и гражданские лица, находившиеся в армии и на флоте, независимо от причин гибели (смерти), а также не вернувшиеся из плена, т.е. люди, безвозвратно потерянные как для армии, так и для страны.

Методология учета потерь допускает комбинирование методик исчисления потерь для достижения минимальной погрешности в расчетах. Автор использовал эти методики при работе с источниками. Базовыми источниками для данной статьи послужили документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ), данные электронных ресурсов, а также справочные издания [2] и современные исследования [3].

В статье рассмотрены известные на текущий момент цифры потерь противоборствующих сторон в важнейших стратегических операциях на юге России. Это Воронежско-Ворошиловградская оборонительная (28 июня – 24 июля 1942 г.), Сталинградская оборонительная (17 июля – 18 ноября 1942 г.), Северо-Кавказская оборонительная (25 июля – 31 декабря 1942 г.), Сталинградская наступательная (19 ноября 1942 г. – 2 февраля 1943 г.), Северо-Кавказская наступательная (1 января – 4 февраля 1943 г.), Донбасская наступательная (13 августа – 22 сентября 1943 г.), Новороссийско-Таманская наступательная (10 сентября – 9 октября 1943 г.) операции. В совокупности эти операции явились решающими сражениями, в результате которых произошел коренной перелом в ходе войны. В рамках вышеуказанных стратегических операций и вне их советским командованием на юге СССР были проведены 24 фронтовые операции, в том числе 10 оборонительных и 14 наступательных. Это Донбасско-Ростовская (7–24 июля 1942 г.), Тихорецко-Ставропольская (25 июля – 5 августа 1942 г.), Армавиро-Майкопская (6–17 августа 1942 г.), Новороссийская (19 августа – 26 сентября 1942 г.), Туапсинская (25 сентября – 20 декабря 1942 г.), Моздок-Малгобекская (1–28 сентября 1942 г.), Нальчикско-Орджоникидзевская (25 октября – 12 ноября 1942 г.), Астраханская (12 августа – 20 ноября 1942 г.), Котельниковская (12–30 декабря 1942 г.) оборонительные операции, оборонительные бои на перевалах Главного Кавказского хребта (12 августа – 20 октября 1942 г.), операции «Уран» – окружение немецких войск под Сталинградом (19–30 ноября 1942 г.) и «Кольцо» – ликвидация группировки Паулюса в Сталинграде (10 января – 2 февраля 1943 г.), Среднедонская «Малый Сатурн» (16–30 декабря 1942 г.), Сальская (1 января – 4 февраля 1943 г.), Ростовская (1 января – 18 февраля 1943 г.), Моздок-Ставропольская (1–24 января 1943 г.), Новороссийско-Майкопская (11 января – 4 февраля 1943 г.), Тихорецко-Ейская (24 января – 4 февраля 1943 г.), Миллерово-Ворошиловградская (29 января – 18 февраля 1943 г.), Краснодарская (9 февраля – 16 марта 1943 г.), Миусская

(17 июля – 2 августа 1943 г.), Таманская (10 сентября – 9 октября 1943 г.) наступательные операции, наступление на «Голубой линии» (16 июня – 12 августа 1943 г.) и Новороссийская десантная операция (10–16 сентября 1943 г.) [4]. Немецкое командование в указанные хронологические рамки провело 9 стратегических операций. Это «Блау» (с 30 июня 1942 г. – «Брауншвейг»), «Клаузевиц», «Эдельвейс», «Аттика», «Фишрейер» (Серая цапля), «Винтергевиттер» (Зимняя буря), Кавказская, Таманская, Миусская оборонительные операции. О значимости наступления на Кавказ и битвы за нефтепромыслы свидетельствует то, что с 10 сентября по 19 ноября 1942 г. А. Гитлер лично руководил наступлением группы армий «А», выступая в роли командующего Кавказским фронтом.

Итоговые цифры потерь в ряде операций 1942 г. имеют большой разброс в разных источниках. В первую очередь, это относится к Воронежско-Ворошиловградской и Сталинградской оборонительным, Северо-Кавказской наступательной («Дон») и другим стратегическим операциям. Из суммы потерь советских войск в ходе Воронежско-Ворошиловградской стратегической оборонительной операции, равной 568 347 чел., вычтены потери Брянского и Воронежского фронтов (142 341 чел.), чья зона действий выходит за пределы юга СССР. Потери армий Юго-Западного и Южного фронтов и Азовской военной флотилии в период с 7 по 24 июля составили 426 006 чел. [5]. Потери вермахта и его союзников в этой операции составили 70 600 чел. убитыми, ранеными и пропавшими без вести, в том числе собственно немецкие – 54 003 чел. [6]. Соотношение потерь составило 6:1.

Также много неясностей и разночтений при исчислении потерь в ходе Сталинградской битвы, особенно в ее оборонительном периоде. Так, потери Донского фронта с 30 сентября по 18 ноября 1942 г. определены в 59 969 чел. [7]. Но А.В. Исаев называет иную цифру – 120 тыс. чел., ссылаясь на данные ЦАМО РФ [8]. Противостоявшие 3 армиям Донского фронта 4 немецкие дивизии потеряли в сентябре чуть больше 10 тыс. чел. Такое соотношение потерь (12:1) производит гнетущее впечатление. Общие потери РККА за весь период Сталинградской битвы, по данным Генерального штаба, составили 1 129 050 чел. По другим данным, РККА потеряла в Сталинградской битве 1 347 214 чел., из них 674 990 чел. составили безвозвратные потери. Это без учета боевых войск НКВД и народного ополчения Сталинграда и области [9].

Огромными были потери союзников Германии в большой излучине Дона и под Сталинградом. 3-я и 4-я румынские армии потеряли 161 850 чел. 8-я итальянская армия – 130 тыс. военнослужащих (87 795 убитыми и пропавшими без вести, 34 474 ранеными, 7731 пленными). Хорваты потеряли 3,9 тыс. солдат и офицеров, словаки – до 10 тыс. чел., большей частью пленными. Значительными были потери 8 румынских дивизий на Кавказе – около 50 тыс. чел. Если учесть потери 2-й венгерской армии в 148 257 чел., то общие потери союзников Германии на юге СССР составят в общей сложности 504 007 военнослужащих.

Определенные сложности возникают при исчислении потерь военных формирований из коллаборационистов, достаточно многочисленных в составе группы армий «А» на Северном Кавказе. Здесь их количество в боевых

и вспомогательных частях и подразделениях составляло 236 тыс. чел. [10]. В ходе боевых действий на Северном Кавказе в августе–декабре 1942 г. и при отступлении к Ростову-на-Дону и на Таманский полуостров в январе – феврале 1943 г. они понесли огромные потери, как и 52 тыс. «хиви» в составе 6-й полевой армии вермахта в Сталинграде. С учетом эвакуировавшихся в Крым и за Миусфронт коллаборанты потеряли около 50 % своего состава (118–120 тыс. чел.).

Потери вермахта и союзников Германии в Сталинградской оборонительной стратегической операции (17 июля – 18 ноября 1942 г.) составили всего 364 300 чел. [11], но никак не 700 тыс. чел., как указывается во многих официальных источниках. Также не удалось найти обоснование потерь 800 тыс. немцев и их союзников в ходе Сталинградской стратегической наступательной операции, подсчеты дали только 526 222 убитых, раненых, пленных, заболевших и т.п. Таким образом, суммарные потери Германии и ее сателлитов в Сталинградской битве (17 июля 1942 г. – 2 февраля 1943 г.) составили 890 522 чел. вместо 1,5 млн чел. Потери РККА за указанный период ближе к цифре 1 347 214 чел., чем к официальной в 1 129 050 чел.

Официальные потери советских войск Южного фронта в боях на Миусфронте за период с 18 февраля по 1 сентября 1943 г. составляют 371 556 чел. Итоговые данные по отдельным операциям приведены в таблице.

Потери противоборствующих сторон в боях на юге страны [12].
Стратегические и фронтовые операции РККА на юге СССР
(*7 июля 1942 г. – 9 октября 1943 г.*)

Название операции	**Период операции**	**Потери сторон**		**Соотношение**
		Вермахт, чел.	**РККА, чел.**	
Донбасско-Ростовская оборонительная	07–24.07.1942	54 003	426 006	1:8
Армавиро-Майкопская оборонительная	06–17.08.1942	около 10 000	43 993	1:4,4
Новороссийская оборонительная	19.08–26.09.1942	свыше 14 000	48 944	1:3,5
Моздок-Малгобекская оборонительная	01.09–8.09.1942	свыше 15 000	свыше 40 000	1:2,7
Туапсинская оборонительная	25.09–20.12.1942	около 25 000	65 776	1:2,6
Нальчикско-Орджоникидзевская оборонительная	25.10–12.11.1942	свыше 15 000	132 020	1:8,8
Астраханская оборонительная	12.08–20.11.1942	свыше 5000	16 178	1:3,2
Оборона перевалов Главного Кавказского хребта	12.08–20.10.1942	свыше 8000	свыше 27 000	1:3,4
Сталинградская оборонительная	17.07–18.11.1942	364 300	643 842	1:1,8
«Уран»	19–30.11.1942	145 000	79 400	1:1,8

Окончание таблицы

Название операции	Период операции	Потери сторон		Соотношение
		Вермахт, чел.	РККА, чел.	
Среднедонская наступательная «Малый Сатурн»	16–30.12.1942	120 000	95 700	1:1,25
Сальская наступательная	01.01–04.02.1943	16 393	30 178	1:1,8
«Кольцо»	10.01–02.02.1943	238 745	103 967	2,3:1
Ростовская наступательная	01.01–18.02.1943	40 778	57 194	1:1,4
Моздок-Ставропольская наступательная	01–24.01.1943	3432	15 236	1:4,4
Новороссийско-Майкопская наступательная	11.01–04.02.1943	12 429	17 774	1:1,3
Тихорецко-Ейская наступательная	24.01–04.02.1943	1721	9956	1:5,8
Миллерово-Ворошиловградская наступательная	29.01–18.02.1943	свыше 30 000	101 733	1:3,4
Краснодарская наступательная	09.02–16.03.1943	свыше 50 000	240 716	1:4,8
Миусская наступательная	17.07–02.08.1943	23 723	106 185	1:4,5
Наступление на «Голубой линии»	16.06–02.08.1943	около 6000	свыше 30 000	1:5
Донбасская наступательная	13.08–22.09.1943	свыше 40 000	116 173	1:2,9
Новороссийская десантная	10–16.09.1943	6300	12 790	1:2
Таманская наступательная	10.09–09.10.1943	свыше 60 000	65 510	1:1,1

Суммарные потери вермахта и армий союзников Германии в сражениях на юге СССР с 7 июля 1942 г. по 9 октября 1943 г. составили 1 544 023 чел. Суммарные потери РККА за этот период составили – 3 160 079 бойцов и командиров. Соотношение потерь составляет 1:2. Такова трагическая статистика войны на юге СССР.

Примечания:

1. Моисеев М.А. Цена победы // Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 14.
2. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2010.
3. Мюллер-Гиллебрандт Б. Сухопутная армия Германии, 1933–1945 гг. М., 2003; Михалев С.Н., Толмачева А.В. К вопросу об исчислении потерь противника на советско-германском фронте 1941–1945 гг. // Военно-исторический архив. 2004. Вып. 3 (51). С. 91–101; Толмачева А.В. Боевой и численный состав и потери вооруженных сил противоборствующих сторон на советско-германском фронте в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг. Красноярск, 2006; Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне 1941/1942, 1943 г. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д, 2011; Кропачев С.А., Кринко Е.Ф. Потери населения в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. М., 2012; Матишов Г.Г.,

Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов н/Д, 2012 и др.
4. Важнейшие операции Великой Отечественной войны. М., 1956.
5. Великая Отечественная война без грифа секретности. С. 106.
6. Мюллер-Гиллебрандт Б. Указ. соч. С. 350, 354.
7. Великая Отечественная война без грифа секретности… С. 109.
8. Исаев А. Сталинград. Трудное начало // Родина. 2013. № 1. С. 5–10.
9. Сталинград: цена победы. М., 2005. С. 118.
10. Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К. Иностранные формирования Третьего рейха. М., 2009. С. 396–408, 706.
11. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г. Указ. соч. С. 221.
12. Подсчитано по: Великая Отечественная война без грифа секретности… С. 106, 111, 114, 117, 131, 180, 181, 227; Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г. Указ. соч. С. 123, 221, 222, 231; ЦАМО РФ. Ф. 64. Оп. 505. Д. 82. Л. 3–4.

Д.Н. Санин

Егорлыкские казаки в составе 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса в 1941–1945 гг.

Великая Отечественная война занимает одно из важнейших мест в массовом сознании российских граждан. Они осознают, что именно советский народ сыграл решающую роль в достижении победы над фашизмом. В настоящее время внимание к изучению Великой Отечественной войны усиливается. На эту тему проведены различные научные исследования, ведутся общественные дискуссии. Безусловно, главное внимание уделяется действиям регулярных частей Красной армии. Но нельзя забывать и о народном ополчении, выполнившем свой долг перед Родиной.

С началом Великой Отечественной войны как в стране в целом, так и на Дону развернулось массовое добровольческое движение. Значительное число добровольцев-казаков позволило уже в июле 1941 г. начать формирование донских казачьих добровольческих кавалерийских полков в Ростовской области [1]. Поддерживая патриотическое движение донских казаков, руководство области приняло решение о формировании добровольческой Донской казачьей кавалерийской дивизии. В станицах многие казаки собирались на сходы и с огромным вниманием слушали вести с фронтов, обсуждали свои задачи и возможности участия в борьбе с врагом. Всюду создавались казачьи сотни. Не стала исключением и станица Егорлыкская, а вместе с ней и Егорлыкский район. В Егорлыке давно ждали этого решения люди, не подлежавшие призыву по возрасту. В основном это были участники Гражданской войны в составе легендарных корпусов Думенко, Буденного, Жлобы. Они молча подавали военкому рапорт и терпеливо, не уходя домой, ждали ответа [2].

К вечеру 15 июля 1941 г. стало известно, что в станице будет формироваться кавалерийская сотня во главе с опытным командиром Иосифом Сидельниковым. Собирались недолго. После торжественного митинга сотня отправилась

в Сальск, где вошла в состав формировавшегося там 259-го казачьего полка 116-й казачьей дивизии. Станичник И.И. Ермоленко был назначен секретарем партбюро 258-го казачьего полка [3]. К 23 июля 1161 житель Егорлыкского района подал заявление с просьбой о зачислении в народное ополчение и 200 казаков потребовали зачислить их в кавалерийские дивизии [4]. Колхозы и совхозы обязали обеспечивать формировавшиеся сотни конским составом и обозно-вещевым имуществом. По районам проводился учет наличия оружия. В марте 1942 г. из донских и кубанских дивизий был сформирован 17-й казачий кавалерийский корпус под командованием генерал-майора Михаила Федоровича Малеева, а в июне командиром корпуса назначили генерал-майора Николая Яковлевича Кириченко [5].

Боевое крещение егорлыкские казаки вместе со своими боевыми товарищами приняли в районе станиц Канеловской и Совдара 28 июля 1942 г. Одним из первых среди егорлычан отличился далеко не молодой казак 1899 г.р., сержант, командир отделения учебного эскадрона 116-й Донской казачьей дивизии Кузьма Яковлевич Сердюков. Он совершил свой подвиг в ночном бою и был представлен к ордену Красной Звезды. В наградном листе говорилось: «При выполнении боевого задания в ночном налете, первым с отделением ворвался в станицу Совдар Краснодарского края, лично зарубил 6 гитлеровцев и одного офицера. Забрал портфель с ценными документами. Личным примером увлекал отделение на разгром фашистских орд. Будучи тяжело раненным в голову, вывел свое отделение по приказу с боя без потерь людского и конского состава и вооружения» [6].

Несмотря на то что после тяжелых боев 17-й кавалерийский корпус понес большие потери (2163 чел.) и ему пришлось отступать, его подвиг высоко оценили в Ставке Верховного главнокомандования. Он стал гвардейским казачьим корпусом [7]. Станичные казаки продолжили вести боевые действия с немцами в составе созданного 20 ноября 1942 г. 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса. В него вошли 11-я и 12-я гвардейские донские казачьи кавалерийские дивизии. После 500 км отступления к предгорьям Кавказа бои вновь приобрели тяжелый характер. Враг рвался к кавказской нефти. Несмотря на то что казаки не имели опыта войны в горно-лесистой местности, они проявили большое мужество, мастерство и отвагу в битве за Кавказ. Отличились в этих боях и казаки Егорлыкского района. Они приняли участие в разгроме моздокской группировки противника.

Особенно сильные бои разгорелись под Ага-Бытыром [8]. Гвардии казак, ездовой 47-го гвардейского казачьего полка 12-й гвардейской казачьей дивизии Г.П. Кравченко под Ага-Бытыром обеспечивал во время боя артиллеристов снарядами, за что был награжден медалью «За отвагу» [9]. Такой же награды был удостоен и гвардии казак Афанасий Дудко. Позже он был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги» за свои подвиги.

Важно отметить, что казаки-добровольцы не только рубили шашками врага, но и выполняли обязанности пулеметчиков, артиллеристов, саперов, разведчиков, связистов и других военных специалистов. Двумя медалями «За отвагу» и медалью «За боевые заслуги» был награжден гвардии казак

повозочный Митрофан Болдурец за своевременную доставку боеприпасов на передовую. Медаль «За боевые заслуги» получил кузнец Василий Орлов – он своевременно подковывал и перековывал конский состав. Орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу» наградили гвардии казака разведчика Павла Бондаренко. Орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги» – гвардии казака телефониста 12-го отдельного гвардейского эскадрона связи Акима Саврасова. Гвардии казак Александр Касьянов получил медаль «За отвагу» за то, что в стычке с врагами из автомата застрелил трех немцев, в том числе пулеметчика, за подвиги в других боях был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги» [10]. Гвардии казак Андрей Пустоветов – повозочный 2-го эскадрона 50-го гвардейского дивизиона ПВО 12-й гвардейской казачьей дивизии – заслужил за свои подвиги две медали «За боевые заслуги». Медалями «За боевые заслуги» наградили Афанасия Васильченко, Андрея Душина и других казаков [11].

Особого внимания заслуживает командир разведки эскадрона 12-й гвардейской кавалерийской дивизии старший лейтенант Иосиф Сидельников. Орден Красной Звезды он получил за подвиг, совершенный 8 декабря 1942 г. под Ага-Батыром [12]. Через 16 дней получил новую награду – медаль «За боевые заслуги». В наградном листе сообщалось: «Сидельников – опытный и умелый разведчик – в районе Торосово в тылу у противника сумел достать важные ценные сведения для штаба дивизии, за что был награжден орденом Красной Звезды. 21.12.1942 г. при танковой атаке (13 штук) Сидельников умело руководил казаками, и на поле боя остались три танка, остальные ушли, не добившись цели» [13]. В последующем был награжден орденом Красного Знамени за участие в разгроме Корсунь-Шевченковской группировки и орденом Отечественной войны II степени – за овладение населенным пунктом Плоешти [14].

В конце января 1945 г. гвардии капитан Сидельников – заместитель по строевой части командира 43-го гвардейского кавалерийского Донского Дебреценского ордена Богдана Хмельницкого полка 12-й гвардейской кавалерийской Донской Корсунской краснознаменной казачьей ордена Кутузова дивизии – был представлен к высшей награде – званию Героя Советского Союза. В описании подвига говорилось, что 20 января 1945 г. Сидельников в бою за хутор Агг-Сентпетер юго-западнее Будапешта, будучи на командном пункте полка, «в исключительно трудных условиях боя умело и храбро управлял боем полка». Превосходящие силы противника при поддержке 12 танков и 10 бронетранспортеров с фронта и с флангов атаковали боевые порядки. Но гвардии капитан Сидельников своевременно разгадал замыслы противника, под ураганным артиллерийским, минометным и пулеметным огнем вышел в боевые порядки, организовал круговую оборону подразделения, вызвал артиллерийский огонь по танкам и пехоте противника, а затем нанес решительный контрудар, отбросив противника на исходные рубежи. На рассвете 21 января, не считаясь с потерями в живой силе и технике, после сильной артиллерийской подготовки противник снова перешел в наступление. Гвардии капитан Сидельников умело организовал правильное взаимодействие с артиллерией, лично сам корректировал огонь батареи, указывал цели. Его стойкая храбрость

являлась примером для других офицеров, воодушевляла казаков на подвиги. Противник в ночь с 21 на 22 января подтянул технику и живую силу. Трижды он переходил в яростную контратаку, но «благодаря непосредственному присутствию в боевых порядках гвардии капитана Сидельникова и его умелого управления боем, все три ожесточенные атаки были отбиты». В результате на поле боя осталось до 200 трупов немецких солдат и офицеров, 3 сожженных танка и 4 бронемашины.

В течение 22 и 23 января 1945 г. противник при поддержке большого количества артиллерии и массированных действий авиации вновь перешел в наступление. Он «обошел с флангов и, зайдя в тыл нашей обороны, хотел окружить и уничтожить наш полк, а затем прорваться к окруженной группировке в г. Будапеште». Гвардии капитан Сидельников, «преодолевая утомленность, трехсуточную бессонность при отражении беспрерывных, ожесточенных атак, сумел организовать сокрушительный удар с флангов и фронта и стремительной контратакой отбросил противника на исходный рубеж и отрезал просачивающуюся вглубь обороны пехоту, два бронетранспортера и полностью их уничтожил, 15 солдат взял в плен».

В документе отмечалось, что в этих ожесточенных боях «весь личный состав полка, следуя героическому примеру» гвардии капитана Сидельникова, проявил исключительную стойкость и упорство в бою. В результате трехдневных боев было отбито 17 яростных атак. За 4 дня боев противник оставил на поле боя до 350 трупов солдат и офицеров, 8 танков, 6 бронетранспортеров, 12 орудий, 10 минометов и 15 пулеметов. Сам гвардии капитан Сидельников при отражении контратак лично уничтожил ручными гранатами и автоматным огнем 26 солдат и офицеров противника. За проявленное мужество, отвагу и личный героизм в боях при отражении яростных контратак противника на подступах к Будапешту и нанесенные при этом большие потери противнику в живой силе и технике, командир 43-го гвардейского кавалерийского полка ходатайствовал о присвоении звания Героя Советского Союза гвардии капитану Сидельникову. Однако по непонятным причинам награда была заменена на орден Кутузова III степени [15].

За освобождение Венгрии и взятие Будапешта получили орден Красной Звезды пулеметчик 3-го эскадрона 45-го гвардейского кавалерийского полка Илья Рыженко, медаль «За отвагу» – гвардии казак Семен Беседин, «За боевые заслуги» – казак Устин Глубшев. Орденами Славы III степени были награждены казак-гвардеец Петр Кудиевский, наводчик 45-мм орудия Сергей Кучеренко, наводчик станкового пулемета Константин Сафронов.

Новых правительственных наград удостоились казаки в боях у озера Балатон. Орден Славы III степени получил Петр Кийко, подбивший в бою тяжелый танк «Пантера», медаль «За отвагу» – Василий Гетманский, захвативший в плен 17 фашистов. Геройски сражаясь, погиб Дмитрий Пятаков, уничтожив 11 немецких солдат. Посмертно он был награжден орденом Отечественной войны II степени [16]. В Карпатах погиб Вениамин Карпов.

Необходимо отметить, что некоторые станичники служили в рядах вермахта. Домой они писали письма о том, что гордятся этой службой. Так,

егорлыкский казак Семен Ларин в письме матери сообщал: «…мы, трое – я, Головатенко Илья, Шапошников Михаил – гордимся, что ни одного дня не служили в частях Красной армии» [17]. Но таких в Егорлыкской были единицы.

Освободив столицу Австрии Вену, 5-й гвардейский Донской казачий корпус с боями продвигался на запад. В далеких австрийских Альпах егорлыкские станичники вместе с другими донскими казаками своей неустрашимостью и лихой казачьей отвагой продолжали громить врага, совершая героические подвиги. Многие егорлыкские казаки-добровольцы в возрасте 45–50 лет были призваны, исходя из принципа, что «возраст товарищей безразличен, они должны быть физически здоровыми, могущими управлять конем и владеть оружием и быть преданными и достойными защищать свою Родину» [18].

Призванные позже казаки также направлялись в кавалерийские части, многие из них были награждены орденами и медалями. Большинство станичников погибло, не дожив до светлого дня Победы. Многие остались лежать на полях сражений Кавказа, Дона, Венгрии, Австрии. Вернувшиеся с фронта Е. Гулай, М. Сорокалет, В. Захаров, А. Реуцкий, Г. Власов, Д. Симоненко и другие казаки-станичники продолжили свой путь в трудовых буднях [19]. Память о славных донских казаках, совершивших свой бессмертный подвиг и уничтоживших фашизм, будет вечно жить в сердцах жителей Дона и всего народа.

Примечания:

1. Трут В.П. Донские казачьи добровольческие соединения в период Великой Отечественной войны: специфика формирования и комплектования // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: материалы Международ. науч. конф. (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог). Ростов н/Д, 2010. С. 218.
2. К 50-летию Победы над фашистской Германией. Историко-документальная хроника Егорлыкского района Ростовской области. Ч. III. Ростов н/Д, 1989–1990. С. 3.
3. Там же.
4. К празднованию дня Победы в учреждениях образования. Вып. 1. Ростов н/Д, 1994. С. 38–39.
5. Горшков С.И., Гончаренко И.В. Донской гвардейский. Очерк о героическом пути 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского Краснознаменного Будапештского корпуса. Ростов н/Д, 1985. С. 18–19.
6. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 33. Оп. 682 524. Д. 612. Л. 555.
7. Легендарная Кущевская атака. Ростов н/Д, 2012. С. 37.
8. Егорлыкский историко-краеведческий музей. Воспоминания о боях ополченцев и добровольцев-казаков за Кавказ и Ростов.
9. Общедоступный электронный банк документов «Подвиг народа». URL: podvignaroda.mil.ru/podvig-flash (дата обращения: 30.03.2015).
10. Там же.
11. Егорлыкский историко-краеведческий музей. Воспоминания о боях ополченцев и добровольцев-казаков за Кавказ и Ростов.
12. Ударная конница. Красноармейская газета. 1943. 25 января. № 11.
13. Общедоступный электронный банк документов «Подвиг народа». URL: podvignaroda.mil.ru/podvig-flash (дата обращения: 30.03.2015).
14. Там же.

15. Там же.
16. Там же.
17. Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 293–294.
18. Государственный архив Ростовской области. Ф. 4451. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.
19. Егорлыкский историко-краеведческий музей. Список казаков-добровольцев 5-го гвардейского Донского казачьего Краснознаменного Будапештского кавалерийского корпуса.

Е.В. Дьякова

Они воевали за Харьковщину: уроженцы Дона – Герои Советского Союза

Десятки тысяч уроженцев Ростовской области воевали на фронтах Великой Отечественной войны от Балтийского до Черного моря. Много ростовчан сражалось и на харьковской земле. Цель данной работы – вспомнить Героев Советского Союза – уроженцев Ростовской области, участвовавших в оборонительных и освободительных боях в Харьковской области в 1941–1943 гг. В украинской исторической науке эта проблема в таком аспекте не рассматривалась. Для написания статьи был использован интернет-сайт «Герои страны» [1].

Из уроженцев Ростовской области пока выявлено семь Героев Советского Союза, воевавших на Харьковщине. Среди них особое место занимает Иван Иванович Бакулин. Он родился 29 июля 1900 г. в селе Хотунок (сейчас – в черте города Новочеркасска). В 1920-е гг. переехал в Харьков, тогда столицу Украины. Здесь окончил институт народного хозяйства, работал в сельскохозяйственном институте. Незадолго до Великой Отечественной войны был избран секретарем партийной организации института.

Когда гитлеровцы подходили к Харькову, началось формирование подпольных партийных организаций. Обком партии решил оставить И.И. Бакулина на оккупированной территории для ведения борьбы с захватчиками и их пособниками. Так случилось, что из членов сформированного перед оккупацией подпольного обкома партии в Харькове никого не осталось. Это стало одной из причин того, что оставленные подпольщики в первые недели оккупации в октябре – ноябре 1941 г. не знали, что делать. В декабре в Харькове побывали связные ЦК КП(б)У А.П. Коротун и З.В. Сыромятникова. Они встретились с И.И. Бакулиным, который рассказал им о проблемах городского подполья, связанных с нехваткой продуктов питания, оружия, оборудования для печатания листовок и т.п. Именно после этих встреч Бакулин начал устанавливать контакты с секретарями, членами и связными подпольных райкомов партии и, по сути, по-новому организовывать работу подпольного обкома партии [2]. Кроме специально оставленных для борьбы коммунистов, к работе подпольного обкома партии были привлечены харьковчане, желавшие участвовать в борьбе против оккупантов. Среди них были не только коммунисты,

но и беспартийные. Подпольщики писали и распространяли листовки, убивали оккупантов.

Узнав о сложной ситуации харьковского подполья, связанной с нехваткой продовольствия и средств для борьбы с врагом, ЦК КП(б)У решил оказать им помощь. Для этого в марте 1942 г. был отправлен самолет, который сбросил необходимый груз. К сожалению, посланные за грузом женщины были арестованы. Две из них – Вера и Нелли Дубенко – не вынесли пыток и выдали известных им подпольщиков [3]. Среди них и оказался И.И. Бакулин, арестованный немцами в мае 1942 г. На допросах Бакулина настолько жестоко избивали, что его даже пришлось отправить в тюремную больницу. Оставшиеся на свободе подпольщики планировали побег И.И. Бакулина. Но он отказался, чувствуя приближение смерти. В сентябре 1942 г. Бакулин умер в тюремной больнице. Но до последних дней он оставался бойцом. В своем последнем письме соратникам по борьбе писал, что «беспредельно» верит в победу [4]. А еще просил подкормить его, чтобы «пойти на расстрел не полутрупом, а бодрым бойцом» [5].

Память об И.И. Бакулине хранится в харьковской урбонимике. Уже в 1954 г. одна из улиц на Журавлёвке, а в 1973 г. еще одна улица на Павловом Поле были переименованы в честь секретаря подпольного обкома КП(б)У [6]. 8 мая 1965 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Ивану Ивановичу Бакулину присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно) [7].

В когорте выдающихся военачальников Второй мировой войны важное место занимает маршал Советского Союза Андрей Антонович Гречко. Он родился в слободе Голодаевке 17 октября 1903 г. Его военная карьера началась еще в период Гражданской войны, в 1919 г. В Великой Отечественной войне участвовал с первых ее дней. С июля 1941 г. до января 1942 г. командовал 34-й кавалерийской дивизией, сражавшейся с немецко-фашистскими захватчиками в составе 26-й, 38-й и 6-й армий на Левобережной Украине. С января 1942 г. – командир 5-го кавалерийского корпуса, принимавшего участие в Барвенково-Лозовской наступательной операции на харьковском направлении. Позже командовал 12-й, 47-й, 18-й, 56-й и 1-й гвардейской армиями. Войну закончил в Праге. Звание Героя Советского Союза Андрею Антоновичу Гречко было присвоено дважды, но уже после войны – в 1958 и 1973 гг. В 1967–1976 гг. маршал Советского Союза А.А. Гречко был Министром обороны СССР [8].

На Харьковщине также воевали и другие уроженцы Ростовской области, имевшие звание Героя Советского Союза. Трое из них погибли здесь. Первым сложил голову Никита Павлович Блинов. Он родился 3 апреля 1914 г. на хуторе Старая Станица (в настоящее время – Каменского района). Его боевой путь начался в первые дни войны. Весной 1942 г. он, будучи старшим лейтенантом, командовал ротой 6-й гвардейской танковой бригады 38-й армии Юго-Западного фронта [9]. В это время его подразделение дислоцировалось в Волчанском районе. 31 марта – 1 апреля 1942 г. произошло сражение за село Байрак. Н.П. Блинов был ранен, но поля боя не оставил. Он заменил погибшего командира и управлял сражением. Экипаж танка, в котором находился Н.П. Блинов, уничтожил 8 орудий, 6 танков, несколько минометных батарей противника. 2 апреля гитлеровцы окружили и подожгли танк Н.П. Блинова.

Весь экипаж погиб. 5 ноября 1942 г. указом Президиума Верховного Совета СССР старшему лейтенанту Никите Павловичу Блинову присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Его останки покоятся в поселке городского типа Белый Колодец Волчанского района.

В мае 1942 г. погиб Алексей Андреевич Васильченко. Он родился 6 апреля 1913 г. в станице (в настоящее время – город) Белая Калитва. В 1936 г. окончил Ворошиловградскую венную школу пилотов. На фронте А.А. Васильченко оказался в первые дни Великой Отечественной войны. Уже к ноябрю 1941 г. совершил 121 боевой вылет, за что 27 марта 1942 г. указом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено звание Героя Советского Союза [10]. 13 мая 1942 г. он погиб. Его похоронили в селе Сподобовка Шевченковского района.

На харьковской земле сложил свою голову Иван Алексеевич Левченко. В действующую армию он попал за несколько дней до гибели – в марте 1943 г. 20 марта во время боя возле села Стрелецкая Слобода Золочевского района минометный взвод 249-го кавалерийского полка под командованием И.А. Левченко обошел позиции врага и ударил по немцам с тыла. В сражении погибли все бойцы, принимавшие участие в рейде. Тяжелораненого командира гитлеровцы попытались взять в плен живым. Но И.А. Левченко предпочел смерть: когда немцы подошли поближе, он гранатой взорвал себя и окруживших его врагов. 18 мая 1943 г. указом Президиума Верховного Совета СССР лейтенант Иван Алексеевич Левченко удостоен звания Героя Советского Союза (посмертно) [11].

Где-то на Харьковщине или в соседних областях пропал без вести Евгений Петрович Дранищев. Он родился 14 января 1908 г. в селе Гусынка Обливского района. Его военная служба началась в 1930 г. В 1940 г. окончил Чугуевское военное авиационное училище пилотов в Харьковской области. На фронт попал в 1942 г. С этого времени и до мая 1943 г. заместитель командира эскадрильи 9-го гвардейского истребительного авиационного полка 6-й гвардейской истребительной авиационной дивизии 8-й воздушной армии Южного фронта гвардии старший лейтенант Е.П. Дранищев совершил 80 боевых вылетов и сбил 11 вражеских самолетов [12]. 24 августа 1943 г. указом Президиума Верховного Совета СССР лейтенанту Е.П. Дранищеву было присвоено звание Героя Советского Союза. Но за несколько дней до этого – 20 августа – он не вернулся из боя.

Борис Васильевич Шопин родился 7 декабря 1923 г. в г. Шахты. В Красную армию был мобилизован в июне 1941 г., на фронт попал в октябре 1942 г. Весной – летом 1943 г. сражался на юге Харьковской области – в Изюмском районе. 30 мая 1944 г. погиб и был похоронен в молдавском городе Яссы. Звания Героя Советского Союза был удостоен уже посмертно – 13 августа 1944 г. за освобождение Молдовы [13].

До Великой Победы дожил Иван Иванович Фесин. Он родился 24 июня 1904 г. на хуторе Муравлёв (в настоящее время – Каменского района). Службу в Красной армии начал в 1926 г. В 1941 г. окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе. Его боевой путь начался в первые дни Великой Отечественной войны. В феврале 1943 г. полковник И.И. Фесин принимал участие в первом освобождении Харькова от немецких захватчиков. За героизм, проявленный в ходе Воронежско-Харьковской операции, ему указом Президиума Верховного

Совета СССР присвоено звание Героя Советского Союза. Вторую Звезду Героя полковник И.И. Фесин получил в этом же году за форсирование Днепра. В 1944 г. генерал-майор И.И. Фесин был назначен начальником Московского военного пехотного училища имени Верховного Совета РСФСР, а в 1949 г. переведен на преподавательскую работу в Военную академию Генштаба [14].

Таким образом, среди семерых выявленных уроженцев Ростовской области – Героев Советского Союза, воевавших на Харьковщине, четверо погибли здесь, один – в 1944 г., двое дошли до конца войны. И все они внесли достойный вклад в Победу над гитлеровскими захватчиками, защищая харьковскую землю от оккупантов.

Примечания:

1. Герои страны. URL: http://www.warheroes.ru/main.asp (дата обращения: 05.04.2015).
2. Дьякова О.В. Рух Опору на Харківщині у період нацистської окупації: дис… канд. іст. наук. Харків, 2012. С. 107.
3. Там же. С. 112.
4. Государственный архив Харьковской области. Ф. П-2. Оп. 31. Д. 99. Л. 1.
5. Там же.
6. Харьков: справочник по названиям: 7000 улиц, площадей, скверов, районов… Харьков, 2011.
7. Бакулин Иван Иванович. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=2395 (дата обращения: 05.04.2015).
8. Гречко Андрей Антонович. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=1225 (дата обращения: 05.04.2015).
9. Блинов Никита Павлович. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=7688 (дата обращения: 05.04.2015).
10. Васильченко Алексей Андреевич. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=7679 (дата обращения: 05.04.2015).
11. Левченко Иван Алексеевич. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=1573 (дата обращения: 05.04.2015).
12. Дранищев Евгений Петрович. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=2460 (дата обращения: 05.04.2015).
13. Шопин Борис Васильевич. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=12409 (дата обращения: 05.04.2015).
14. Фесин Иван Иванович. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=1187 (дата обращения: 05.04.2015).

С.А. Санеев

Участие судов с названием «Новороссийск» в Великой Отечественной войне

В Великой Отечественной войне участвовало пять гражданских судов, носивших имя «Новороссийск». Самым старшим из них был буксир «Новороссійскъ», заказанный Владикавказской железной дорогой (далее – ВКЖД) для порта Новороссийск. Построенный в Великобритании на верфи "Newall & Co,

St. Phillp's Ironworks" города Бристоль буксирный спасательный пароход в 1890 г. прибыл в порт Новороссийск. Судно было оборудовано противопожарными и водоотливными средствами, водолазным оборудованием и предназначалось для швартовки судов, оказания помощи судам, терпящим бедствие, тушения пожаров в порту. Но больше его использовали для выполнения различных буксирных работ в порту и буксировки барж в Геленджик и Анапу. Буксир имел электрическое освещение и паровое отопление, что было большим достижением для того времени [1].

В годы Первой мировой войны буксир «Новороссійскъ» формально был мобилизован, но, по просьбе правления общества ВКЖД, продолжал оставаться в Новороссийске в распоряжении дороги и выполнять свои обычные работы [2]. Только в декабре 1916 г. его направили для удаления мин между Анапой и Керчью [3]. После Февральской революции буксир вернули Владикавказской железной дороге, и он работал в порту Новороссийск как буксир. После установления советской власти в Новороссийске буксир «Новороссийск» был мобилизован и числился посыльным судном Новороссийской военно-морской базы [4]. 26 августа 1921 г. его передали Управлению судоподъемных работ Новороссийского района для подъема кораблей, затопленных 18 июня 1918 г. [5]. В 1922 г. буксир предали в собственность Новороссийского морского торгового флота. Приказом управления Черноморско-Азовского морского округа Наркомата путей сообщения РСФСР за № 264 от 12 мая его переименовали в «Чуговкопас», по имени одного из мысов на Черном море [6].

После образования пароходства «Нефтетанкер», предназначенного для доставки нефтепродуктов с Туапсинского и Батумских нефтеперерабатывающих заводов, буксир «Чуговкопас» передали ему и переименовали в «Госстрах». Постановлением ЦИК и СНК СССР от 15 марта 1934 г. буксир был передан Центральному управлению Морского флота и до начала Великой Отечественной войны работал в Новороссийском портоуправлении [7].

С началом Великой Отечественной войны его мобилизовали и передали Черноморскому флоту как невооруженный буксир СП-19 главной базы флота Севастополь. В ноябре 1941 г. он ушел в Новороссийск, а в июле 1942 г. – в Туапсе, где продолжал работать портовым буксиром. Во время подготовки десанта в Южную Озерейку к 13 ч 2 февраля1943 г. прибыл в Геленджик и вошел во второй отряд высадки. Около 20 ч 3 февраля вышел с баркасом на буксире. Около 3 ч ночи принял у тральщика «Защитник» болиндер № 6 с танками, взял его на буксир и повел к берегу для высадки десанта. Около 5 ч 30 мин буксир СП-19 был поврежден артиллерией, буксирный конец перебит, загоревшийся болиндер стало разворачивать. Вскоре болиндер уперся в грунт и начал высадку танков, успев сгрузить 6 машин.

По приказу начальника отряда буксир СП-19 вместе с отрядом пошел в Геленджик, где встал на ремонт. В отчетах по этой операции упоминается, что буксир СП-19 «имел много пулевых и осколочных пробоин в надстройках и бортах», но сведений об убитых и раненых в команде не приводится [9]. После ремонта буксир работал в портах Туапсе, Геленджик, данных о его участии в перевозках на Малую Землю нет.

17 июня 1944 г. буксир СП-19 вышел в море и пропал с экипажем. Причина и подробности гибели неизвестны. 16 сентября 1944 г. исключен из состава Черноморского флота [10]. Предположительно найден в районе Соленого озера, 17 января 1946 г. поднят Аварийно-спасательной службой Черноморского флота и сдан на разборку.

Грузопассажирский пароход «Новороссийск» был построен в Великобритании в 1896 г. под названием «Россія» по заказу Российского общества морского, речного и сухопутного страхования и транспортировки кладей (с 1904 г. – Российское транспортное и страховое общество) [11]. Работала «Россія» на Крымско-Кавказской и Анатолийской линиях.

В ноябре 1914 г. пароход был призван по военно-судовой повинности и вошел в состав Черноморского флота в качестве тральщика. 16 декабря 1917 г. перешел на сторону советской власти. 1 мая 1918 г. захвачен в Севастополе германскими войсками, затем передан Российскому обществу пароходства и торговли, а в конце ноября 1918 г. захвачен англо-французскими интервентами. В апреле 1919 г. передан белым и участвовал в различных транспортных перевозках по Черному морю. Участвовал в эвакуации войск Врангеля из Крыма в ноябре 1920 г., взяв от мыса Чауда 1738 чел. [12].

В начале 1921 г. пароход «Россія» был продан британской частной компании и получил название “Hedwige” [13]. Под этим именем он летом 1922 г. пришел в Батум, был опознан и конфискован с грузом. В Батумском народном суде прошел процесс о незаконном угоне судна и незаконном поднятии на нем английского флага. Суд решил дело в пользу советского правительства, в августе на «Hedwige» подняли советский флаг и присвоили имя «Новороссийск». Пароход вошел в состав Государственного Черноморо-Азовского пароходства (далее – Госчапа) с припиской к порту Одесса. Работал на Крымско-Кавказской линии [14]. После расформирования Госчапа, с 15 марта 1934 г. входил в состав Черноморского государственного морского пароходства.

С началом Великой Отечественной войны «Новороссийск» был мобилизован и вошел в состав Черноморского флота как военный транспорт (капитан А.Ф. Ботто). Пароход совершал рейсы по доставке военных грузов, вывозу эвакуируемых жителей, оборудования предприятий Одессы. В июле 1941 г. на маршруте Одесса – Херсон – Николаев с эвакогрузами был атакован самолетами противника, один из которых подбили из ручного пулемета солдаты-пассажиры. 12 августа 1941 г. на пути из Херсона в Одессу у Сычавки пароход был атакован румынской авиацией и поврежден. Капитан выбросил «Новороссийск» на отмель в точке 46°35'N 31°00'E [15]. 13 августа стоявший на мели транспорт был подожжен артиллерией противника. Судно было разбито немецкой авиацией и штормами. В конце 1942 г. немцы сняли корпус «Новороссийска» с мели и в 1943 г. разобрали на металл [16].

На Черном море воевал тральщик КТЩ-605, бывший рыболовный сейнер «Новороссийск» Азово-Черноморского государственного рыболовецкого треста. Это было новейшее судно, построенное в 1939 г. Сейнер ловил скумбрию и ставриду кошельковым неводом, передавая выловленную рыбу на переработку на прибрежные рыбзаводы.

Начало войны застало сейнер на промысле. «Новороссийск» продолжал выходить в море и ловить рыбу в составе военизированной флотилии рыбной промышленности. 7 марта 1942 г. сейнер мобилизовали. На него установили одну 45-мм пушку, оборудовали тралом и переформировали в катерный тральщик. Команда прошла ускоренное обучение, ее пополнили военными специалистами. 23 марта 1942 г. под именем КТЩ-605 сейнер «Новороссийск» был включен в состав Черноморского флота в 6-й дивизион катерных тральщиков соединения ОВР (охрана водного района) Новороссийской военно-морской базы.

Тральщик КТЩ-605 участвовал в охране рейда Новороссийска, проводил траление Цемесской бухты, охранял суда, доставлявшие грузы в Керчь, нес дозорную службу. При налетах авиации противника на порт наравне с боевыми судами вел огонь по самолетам из своей одинокой 45-мм пушки. Ему довелось принимать участие в обороне Новороссийска, эвакуации грузов базы в Геленджик и охране рейдов Новороссийской военно-морской базы. И здесь шла та же незаметная работа: дозорная служба, охрана судов на переходе и перевозка вооружения, боеприпасов и пополнения для войск 47-й армии, державшей оборону под Новороссийском [17].

Курортная морская линия Туапсе – Геленджик превратилась в прифронтовую. Она привлекала к себе особое внимание неприятельской авиации, по ночам здесь рыскали немецкие торпедные катера, появлялись подводные лодки. В ночь с 3 на 4 февраля 1943 г. на окраине Новороссийска был высажен десант под командованием Ц.Л. Куникова, положивший начало легендарной Малой Земле. Тральщик КТЩ-605 не принимал непосредственного участия в высадке, но доставлял десантникам подкрепление, боеприпасы, различные грузы. А обратными рейсами вывозил раненых и жителей с освобожденных улиц города. Малая осадка позволяла ему подойти близко к берегу. От Геленджика до Новороссийска недалеко, но весь этот путь корабль проходил под огнем артиллерии, уклоняясь от атак самолетов и торпедных катеров противника. Команда «Новороссийска», бывшие рыбаки, с величайшей готовностью выполняли эти военно-транспортные, а по существу – боевые задачи. И сумели уберечь корабль от вражеских бомб и снарядов. Но смерть подстерегала под водой. 1 апреля 1943 г. тральщик КТЩ-605, бывший сейнер «Новороссийск», подорвался на донной мине и затонул в Геленджикской бухте [18].

На Дальнем Востоке работал речной колесный буксир «Новороссийск». Он был построен на Киевском судостроительном заводе «Ленинская кузня» в 1935 г., перевезен через всю страну и вошел в состав Нижне-Амурского управления речного пароходства. Ему пришлось водить баржи по Амуру и его притокам от пристани Ленинское в Еврейской автономной области до Николаевской на Амуре, спускаясь по Уссури до Уссурийска [19].

28 июля 1941 г. буксир «Новороссийск» был мобилизован и 11 августа 1941 г. вошел в состав отряда судов тыла Амурской краснознаменной военной флотилии как транспорт. 25 ноября его поставили на ремонт, вооружили двумя 76-мм пушками, открыто установленными на палубе, и пулеметами на палубе надстройки. После чего переклассифицировали в канонерскую лодку

и присвоили бортовой номер 36. В 1945 г. пулеметы заменили тремя 37-мм зенитными орудиями [20].

Канонерская лодка № 36 «Новороссийск» вошла в состав 3-го дивизиона 3-й бригады канонерских лодок флотилии, включавшей колесные канонерские лодки № 30 (буксир «Кузнецк»), № 31 (буксир «Якутск») и № 37 (буксир «Баку»). Канонерские лодки не столько несли дозор на реке Амур, сколько выполняли свои основные функции – буксировали баржи, перевозили военные грузы [21].

9 августа 1945 г. Советский Союз объявил войну Японии. В ночь на 10 августа началось форсирование Амура. Перед 3-й бригадой речных кораблей стояла задача перевести через реку 5-й отдельный стрелковый корпус 2-го Дальневосточного фронта. За первые четыре дня боевых действий 3-я бригада перевезла через Уссури из села Васильевское в поселок Жаохэ около 6 тыс. чел., 50 орудий и минометов, 150 автомобилей, большое количество боеприпасов и военного имущества. Моряки круглосуточно, без отдыха грузили на борт боевую технику и доставляли ее на противоположный берег. Стоя по пояс в воде, члены экипажа обеспечивали погрузку и выгрузку по сходням тяжеловесных грузов. Закончив переброску 5-го стрелкового корпуса, 3-я бригада речных кораблей 16 августа прибыла в Ленинское на помощь кораблям 1-й и 2-й бригад. Они обеспечивали переправу войск через Амур на участке Ленинское – Лунцзян. Непосредственно участвовать в боевых действиях канонерской лодке № 36 «Новороссийск» не пришлось [22].

После завершения боевых действий в сентябре 1945 г. канонерскую лодку № 36 одной из первых исключили из состава Военно-морского флота, разоружили и вернули Нижне-Амурскому пароходству. Канонерская лодка вновь стала буксиром «Новороссийск» и продолжила работу в нижнем течении Амура. В 1948 г. произошло объединение Верхне-Амурского и Нижне-Амурского пароходств в единое Амурское речное пароходство с управлением в Хабаровске. На судьбе буксира «Новороссийск» это никак не отразилось, и он продолжал работать на нижнем участке реки Амур. В 1960 г. буксир вывели из состава флота и пустили на металл [23].

На Дальнем Востоке также работал сухогруз «Новороссийск» типа «Либерти». Это был американский пароход “Edward Eggleston”, переданный по ленд-лизу СССР летом 1943 г., когда шли ожесточенные бои на Малой Земле. Судно было принято комиссией Наркомата флота, ему присвоили имя «Новороссийск». Загрузившись военной техникой, оружием, боеприпасами, военным снаряжением, продовольствием, оно вышло в свой первый рейс во Владивосток. Судно имело довольно сильное вооружение: шесть 20-мм зенитных скорострельных пушек «Эрликон» и кормовое 75-мм орудие, глубинные бомбы [24].

Но пароход «Новороссийск», как и все суда типа «Либерти», не был приспособлен для плавания зимой, а тем более во льдах. На нем пришлось устанавливать ледовые подкрепления корпуса, утепление жилых помещений, палубных и трюмных трубопроводов, монтировать змеевики парового обогрева балласта в форпике и ахтерпике. Судно работало на перевозках грузов ленд-лиза из портов США во Владивосток. Судовой экипаж и портовики выполняли погрузочно-разгрузочные работы в рекордно короткие сроки. В конце мая

1945 г. грузчики порта Владивосток затратили на разгрузку парохода «Новороссийск» два с половиной дня вместо нормативных десяти [25].

В августе 1945 г. пароход «Новороссийск» привлекли к боевым действиям. Он вошел в состав конвоя ВКМА-1, перевозившего 355-ю стрелковую дивизию 87-го стрелкового корпуса. 22 августа 1945 г. в 8 ч 30 мин конвой вышел из Владивостока, а 25 августа в 16 ч вошел в порт Маока (в настоящее время – порт Холмск) на Южном Сахалине, освобожденный десантом 20 августа. После высадки войск пароход «Новороссийск», приняв раненых, вернулся во Владивосток [26].

После войны пароход «Новороссийск» продолжил трудиться в составе Дальневосточного пароходства, выполняя перевозки между Владивостоком и северными портами, обеспечивая грузами порты побережья Японского и Охотского морей, Камчатки, Чукотки, островов Курильской гряды и острова Сахалин. С середины 1950-х гг. судно работало на страны Юго-Восточной Азии. За три десятка лет пароход «Новороссийск» побывал во многих странах мира, совершал кругосветные путешествия. В 1974 г., через тридцать лет эксплуатации, пароход «Новороссийск» списали [27].

Во Второй мировой войне участвовал ветеран итальянского флота “Giulio Cesare” («Джулио Чезаре»), построенный в 1913 г. По окончании войны линкор по репарациям передали Советскому Союзу. 6 февраля 1949 г. на корабле был поднят военно-морской флаг СССР, 26 февраля он прибыл в Севастополь. Приказом по Черноморскому флоту от 5 марта 1949 г. линкору присвоили название «Новороссийск». Трагическая гибель линкора «Новороссийск» в октябре 1955 г. надолго спрятала историю корабля под грифом «Секретно» [28].

Примечания:

1. Центральный государственный исторический архив. Ф. 350. Оп. 9. Д. 287. Л. 5 (материал предоставлен краеведом А.Б. Герасименко (г. Новороссийск)); Архивная служба муниципального образования г. Новороссийск (далее – АСМОН). Ф. 19. Оп. 1. Д. 6. Л. 77.
2. Корабли и вспомогательные суда Советского военно-морского флота (1917–1927 гг.). М., 1981. С. 235.
3. АСМОН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 127. Л. 12.
4. Корабли и вспомогательные суда Советского военно-морского флота (1917–1927 гг.)… С. 529.
5. АСМОН. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 8. Л. 74.
6. АСМОН. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 13. Л. 131.
7. Материал из Регистровой книги судов за 1938 г. предоставлен автору исследователем темы пароходства в России Р.В. Лапшиным (город Запорожье).
8. Морозов М.Э. Судьба танков десанта // Танкомастер. 1999. № 1.
9. Юрина Т.И. Новороссийское противостояние: 1942–1943 гг. Краснодар, 2008. С. 346.
10. Органы управления, соединений, кораблей, частей и учреждений Черноморского флота и Азовской военной флотилии. VI. Боевые корабли, вспомогательные суда и базовые плавучие средства. URL: http://www.teatrskazka.com/Raznoe/Perechni_voisk/Perechen_18_02.html (дата обращения: 27.07.2013).
11. Корабли ВМФ СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. Транспорты. URL: http://sovnavy-ww2.ho.ua/transports/typ_civil.htm (дата обращения: 12.12.2012).
12. Флот в Белой борьбе. М., 2002. С. 91, 133, 194, 217, 219, 310.

13. Корабли ВМФ СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны.
14. Шар-Баронов Л. Начало пути. Из воспоминаний капитана дальнего плавания // Морской флот. 1975. № 10. С. 74–75.
15. Суда Министерства морского флота, погибшие в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: справочник. М., 1989. С. 54.
16. Корабли ВМФ СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны…
17. Бережной С.С. Корабли и суда ВМФ СССР. 1928–1945: справочник. М., 1988. С. 541–542.
18. Корабли ВМФ СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. Катера-тральщики Черноморского флота. URL: http://sovnavy-ww2.narod.ru/smallminesweepers/typ_seiner.htm (дата обращения: 18.10.2013).
19. История судоходства на Амуре. URL: http://www.amurship.ru/?q=node/182 (дата обращения: 07.01.2014).
20. Бережной С.С. Корабли и суда ВМФ СССР. 1928–1945… С. 402.
21. История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 11. Поражение милитаристской Японии. Окончание Второй мировой войны. М., 1980. С. 233–235.
22. Широкорад А.Б. Япония. Незавершенное соперничество. Глава 38. Боевые действия Амурской флотилии. URL: http://www.xliby.ru/istorija/japonija_nezavershennoe_sopernichestvo/p38.php (дата обращения: 07.02.2014).
23. Попова Н. Музей пароходства. Женщины и знамена. URL: http://natpopova.livejournal.com/209163.html (дата обращения: 08.12.2013).
24. Новак А.С. День Либерти. URL: http://www.randewy.ru/pam/liberti.html (дата обращения: 15.04.2014).
25. Вайнер Б.А. Советский морской транспорт в Великой Отечественной войне. М., 1989. С. 287.
26. Цусимские форумы. История войны на море с древнейших времен до наших дней. Форум «Цусима». Фотоархив: Россия и СССР. Суда типа Либерти под советским флагом. URL: http://tsushima.su/forums/viewtopic.php?id=7106&p=4 (дата обращения: 23.01.2015).
27. Бережной С.С. Флот СССР. Корабли и суда ленд-лиза: справочник. СПб., 1994. С. 125.
28. Сулига С.В. Линкор «Джулио Чезаре» («Новороссийск») // Морская коллекция. Приложение к журналу «Моделист-конструктор». 1996. № 4 (10). С. 9, 28, 29.

РАЗДЕЛ 2. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Е.С. Сенявская

«Жили здесь культурно и богато...»: настроения и фронтовая повседневность советских воинов на территории Германии в 1945 г.[1]

На завершающем этапе Великой Отечественной войны, освободив оккупированную немцами и их сателлитами советскую территорию и преследуя отступающего противника, Красная армия перешла государственную границу СССР. Свыше года около 7 млн советских воинов сражались за пределами Родины. Больше миллиона из них погибли за освобождение народов Европы от фашизма [1].

Сам факт перехода государственной границы и процесс освобождения зарубежных стран весьма существенно повлиял на психологию, поведение и фронтовую повседневность личного состава действующей армии. И воздействие это было весьма разносторонним. Наш солдат вступал на чужие земли, где люди говорили на других языках, где были иные обычаи, традиции, культура, нормы поведения и т.д. Почти никто из советских людей не бывал ранее за границей, и прямое соприкосновение с иной социокультурной средой для многих стало «культурным шоком», к которому примешивались разного рода «политические тонкости». Недаром так тревожили политотделы «новые настроения», когда в письмах домой солдаты описывали жизнь и быт населения других стран, в особенности Германии, «в розовых красках», сравнивая увиденное с тем, как жили сами до войны, и делая из этого «политически неверные выводы», что отмечалось, например, 6 февраля 1945 г. на совещании работников отдела агитации и пропаганды фронта и Главного политического управления РККА о морально-политическом состоянии советских войск на территории противника [2]. Так, начальник политуправления 2-го Белорусского фронта генерал-лейтенант А.Д. Окороков говорил в своем докладе: «У нас сейчас появились новые политические настроения. Сельское хозяйство Восточной Пруссии высоко развитое и организованное. Это хозяйство кулацкое, основанное на эксплуатации труда. Прусская вотчина – юнкерско-помещичье хозяйство. Поэтому все хорошо, богато выглядит. И когда наш красноармеец-крестьянин попадает сюда, особенно красноармеец в политическом отношении незрелый, с сильными мелкобуржуазными, частнособственническими взглядами, то он невольно сопоставляет колхоз с немецким хозяйством. Отсюда факты восхваления немецкого хозяйства. У нас даже отдельные офицеры восхищаются немецкими вещами… Агитатор и пропагандист мимо этих новых

[1] Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 14-31-12081а(ц).

явлений в политических настроениях проходить не должен, ибо эти настроения основаны на неправильных выводах об увиденном… Может быть, помещичье имение в Восточной Пруссии и богаче какого-то колхоза. И отсюда отсталый человек делает вывод в пользу помещичьего хозяйства против социалистической формы хозяйства… Поэтому надо беспощадно вести борьбу с этими настроениями, надо правильно разъяснить вопрос о системе хозяйства в Восточной Пруссии. Неплохо будет затронуть вопрос и в нашей печати, показать Восточную Пруссию как реакционное гнездо» [3].

Опасения политработников были не напрасны. «В Германии мы увидели, что такое цивилизация, – вспоминал минометчик Н.А. Орлов. – Даже к самому маленькому немецкому поселку вела асфальтированная дорога. Все деревья вдоль дорог были пронумерованы. Кругом чистота. Сельские сортиры были выложены кафелем. Поразили имперские дороги. На обочинах не было телеграфных или электрических столбов. Лента дороги использовалась немецкой авиацией как взлетная полоса, и мы от немецких самолетов в конце войны лиха натерпелись немало» [4].

Писатель-фронтовик В.О. Богомолов, воевавший на 2-м Белорусском фронте и закончивший войну в Восточной Пруссии, вспоминал: «Оказавшись на территории Германии после четырех лет кровопролитной жестокой войны, разрухи, голода, бойцы и офицеры Красной армии, к своему удивлению, увидели богатые и сытые хозяйства немецких фермеров, отлично организованное сельское хозяйство, невиданную сельскохозяйственную и бытовую технику, бетонированные скотные дворы, шоссейные дороги, проложенные от деревни к деревне, автострады для восьми или десяти идущих в ряд машин; увидели в берлинских предместьях и дачных районах шикарные двух- и трехэтажные собственные дома с электричеством, газом, ванными и великолепно возделанными садами… Увидев эту сытую, устроенную, благополучную жизнь обычного немца, умопомрачительную роскошь вилл, замков, особняков, поместий, увидев крестьянские дворы: чистоту, опрятность, благосостояние… стада на пастбищах… в деревенских домах шкафы и комоды, а в них – одежда, хорошая обувь, шерстяные и пуховые одеяла, фарфор… увидев все это, советский военнослужащий ощущал непривычную новизну всех предметов и окружающих явлений и невольно задавался вопросом, чего же им, немцам, еще не хватало при такой-то райской жизни… Всеобщая ненависть к немцам, несмотря на приказы, наставления, указания на изменение отношения к мирному немецкому населению, невольно разгоралась еще больше при сопоставлении их уровня жизни – и тех зверств, которые они совершили» [5].

Даже бедные по европейским стандартам дома казались зажиточными, вызывая, с одной стороны, зависть и восхищение, а с другой, озлобляя своей, по советским понятиям, роскошью. В документах того периода часто упоминаются разбитые часы, рояли, зеркала. «Наступаем, можно сказать, совершаем триумфальное шествие по Восточной Пруссии, – рассказывала в письме своему фронтовому другу Ю.П. Шарапову от 9 февраля 1945 г. из-под Кенигсберга военврач Н.Н. Решетникова. – Двигаемся по прекрасным шоссе. Всюду и везде валяется разбитая техника, разбитые фургоны с различным ярким тряпьем.

Бродят коровы, свиньи, лошади, птицы. Трупы убитых перемешались с толпами беженцев – латышей, поляков, французов, русских, немцев, которые двигаются от фронта на восток на лошадях, пешком, на велосипедах, детских колясках, и на чем только они не едут. Вид этой пестрой, грязной и помятой толпы ужасен, особенно вечером, когда они ищут ночлега, а все дома и постройки заняты войсками. А войск здесь столько, что даже мы не всегда находим себе дома. Вот, например, сейчас расположились в лесу в палатках… Жили здесь культурно и богато, но поражает стандарт везде и всюду. И после этого окружающая роскошь кажется ничтожной, и, когда замерзаешь, то без сожаления ломаешь и бьешь прекрасную мебель красного или орехового дерева на дрова. Если бы ты только знал, сколько уничтожается ценностей Иванами, сколько сожжено прекраснейших, комфортабельных домов. А в то же время солдаты и правы. С собой на тот свет или на этот всего взять не может, а, разбив зеркало во всю стену, ему делается как-то легче, – своеобразное отвлечение, разрядка общего напряжения организма и сознания» [6].

Это распространенное явление – бессмысленное уничтожение предметов роскоши и быта на вражеской земле, отмеченное военным медиком, служило не только для психологической разрядки. И своим «разрушительством», и отдельными актами насилия, направленными на гражданское население Германии, люди выплескивали чувство мести за гибель семьи и друзей, за разрушенный дом, за свою сломанную жизнь. Нетрудно понять чувства солдата, крушившего предметы быта, дававшего выход своей горечи.

Особая ситуация сложилась с продовольственным обеспечением советских войск после перехода ими государственной границы. Вместо разоренной территории своей страны наши бойцы оказались в сытой и благополучной, несмотря на войну, Европе. 22 февраля 1945 г. Л. Шахпаронова писала подруге из Польши: «Питание у нас здесь улучшилось, так как немцы оставили много коров, свиней, картошки и т.д. Питаемся мы сейчас без всяких норм. Еще один небольшой перегон и мы будем совсем около линии фронта, на пороге в Германию» [7]. 23 февраля 1945 г. В. Герасимова сообщала в письме родным: «Фриц бежит, все свое бросает. Невольно вспоминается 41-й год… Я уже писала, что мы были в барских домах, где жили немецкие бароны. Они бежали, оставляя все свое хозяйство. А мы питаемся и поправляемся за их счет. У нас нет недостатка ни в свинине, ни в пище, ни в сахаре. Мы уже заелись и нам не все хочется кушать» [8].

Минометчик Н.А. Орлов вспоминал: «В Германии мы своим гастрономическим фантазиям дали волю… Дома с роскошной, по нашим понятиям и представлениям, обстановкой. Огромные погреба, заставленные банками с провизией, солониной, компотами, вареньями… Еды в их запасниках было столько, что немцы еще могли спокойно лет пять в блокаде просидеть, продолжая войну. Там мы себе отъели “ряшки”: в грузовиках, рядом с минометами и боезапасом, размещались “взводные продуктовые склады”. Бесхозной скотины и живности было столько, что дошло до того, что некоторые подходили к свинье, стреляли в ухо из автомата, отрезали у убитой свинки ногу, поджаривали ее, а тушу бросали на месте. Но вскоре эта “лафа” закончилась, и мы опять перешли на русскую кашу с американской тушенкой» [9].

Нельзя отрицать и факты «трофейно-посылочной лихорадки» в советских войсках на заключительном этапе войны и сразу после ее окончания. Письма с фронта четко фиксируют подобные настроения. Так, 19 февраля 1945 г., находясь на границе с Германией, военнослужащая М. Анненкова писала подруге: «Верочка, останусь жива, то, как поеду к тебе, постараюсь привезти подарок с какой-нибудь Гретхен. Рассказывают, которые уже воевали, немцы все оставляют» [10]. В. Герасимова писала родным 20 февраля из действующей армии: «Фриц бежит, все свое бросает… В квартирах все оставлено – шикарная обстановка, посуда и вещи. Наши солдаты теперь имеют право посылать посылки, и они не теряются» [11]. 11 февраля Е. Охрименко хвалилась в письме к брату: «…живем хорошо, трофеи ребята приносят, достают», а 22 февраля бесхитростно признавалась: «Мамочка, есть у меня на примете хорошенький паренек, и любит он меня, и я его люблю… У него, мамочка, своя легковая машина и уже чемоданы набиты трофеями, одеждой и обувью, и все для меня. Так что… с мужем замечательным приеду домой…» [12].

Военное командование и политорганы именовали это явление «барахольством», отмечали его опасность для армейской дисциплины и морального духа армии, призывали к принятию «самых решительных мер» [13], в частности, направляя настроения личного состава в «организованное русло». Согласно приказу НКО СССР № 0409 от 26 декабря 1944 г. «Об организации приема и доставки посылок от красноармейцев, сержантов, офицеров и генералов действующих фронтов в тыл страны» [14] и последующим разъяснительным инструкциям и положениям, разрешалась только одна посылка в месяц: солдату – весом 5 кг, офицеру – 10 кг, генералу – 16 кг [15]. При этом право отправить посылку семье предоставлялось не всем подряд, а лишь военнослужащим передовых частей, «хорошо исполняющим службу», в качестве поощрения [16], с письменного разрешения командования воинской части [17]. Также командование от своего имени высылало посылки семьям раненых и погибших солдат и офицеров [18].

И вся процедура отправки, и содержание посылки были четко регламентированы. Те вещи, которыми она укомплектовывалась, солдат не выискивал среди брошенного на дорогах барахла, не подбирал в оставленных домах и, тем более, не отнимал у мирного населения, как утверждают некоторые авторы. Командование предоставляло к его услугам специальный склад, куда свозилось бесхозное имущество, признанное трофейным и выделенное в специальный «посылочный фонд» [19], откуда и выдавались по строго установленной квоте «товары широкого потребления», а если быть точнее, первой необходимости.

Старшина В.В. Сырлицин в письмах к жене в июне 1945 г. объяснял происхождение вещей, отправленных ей в посылках: «Все это приобретено совершенно честным путем и не воображай, что в Германии разбой и грабеж идет. Полный порядок. При наступлении конфисковывали брошенное “тузами” берлинскими и распределяли по-товарищески кому что нравится». В другом письме он подчеркивал: «Мы здесь не похожи на фрицев, бывших в Краснодаре – никто не грабит и не берет ничего у населения, но это наши законные трофеи, взятые или в столичном Берлинском магазине и складе или найденные распотрошенные чемоданы тех, кто давал “стрекоча” из Берлина» [20].

«Нажиться» и «обогатиться» стремились немногие, в основном «тыловики и обозники». Пренебрежительные высказывания о вещах – мелочь, тряпки, дрянь, барахло – встречались в письмах и дневниках очень часто. Н.А. Орлов рассказывал: «По поводу трофеев… У каждого в роте появилась "коллекция" часов и зажигалок, которую держали, как правило, в котелках. Знаменитая фронтовая игра "махнем не глядя" уже выглядела так – стоят двое, у каждого за спиной котелок, которыми и "махались". Но чтобы кто-то кольца золотые в кисете таскал – я не видел» [21]. «Мелочность быта непроизвольно отторгалась теми, кто ежедневно переживал смертельную опасность» [22].

Большинство советских военнослужащих старалось просто поддержать в тылу свои семьи, высылая в разоренные города и села необходимые в быту мелочи, чтобы хоть как-то возместить понесенные в связи с войной потери или дать возможность близким обменять присланное на продукты питания. 24 февраля 1945 г. Г. Ярцева писала с фронта: «Если б была возможность, можно б было выслать чудесные посылки из трофейных вещей. Есть кое-что. Это бы нашим разутым и раздетым» [23]. Можно понять чувства тех, кто отправлял домой, в разрушенную родную деревню, разрешенную командованием посылку из собранных трофеев. Отрез ткани, кусок мыла или швейные иглы, высланные в посылке на родину, были реальной помощью семьям, оставшимся без кормильца в голодной, раздетой, разоренной немецкими оккупантами стране. Из ткани можно было сшить одежду или обменять ее на продукты, мыло и иголки ценились на вес золота, килограмм гвоздей использовался на восстановление разрушенного дома, а бумага и карандаши были необходимы детям в школе. А вот предметы роскоши в сожженной дотла деревне никого не интересовали.

Цель приказа была вполне разумной и справедливой: поддержать семьи фронтовиков за счет награбленного Германией богатства, в том числе вывезенного из СССР. Кстати, некоторые солдаты «из принципа» отправляли домой только вещи с советскими фабричными клеймами, символическим жестом возвращая их на Родину «из немецкого рабства». Политдонесения свидетельствуют: приказ был воспринят как забота государства о фронтовиках и их близких и встречен с большим одобрением [24].

Разумеется, не обходилось без злоупотреблений, особенно на первых порах, когда организационного опыта еще не хватало. Бойкие тыловики и интенданты ухитрялись отправлять по несколько посылок вместо одной положенной, в то время как солдатам и офицерам передовых частей было не до визитов на почту – они воевали [25]. Были и случаи расхищения воинских посылок как на этапе первичной транспортировки, так и в недрах самой почтовой службы, о чем свидетельствуют многие документы [26]. Но все это – «эффект исполнителя», который способен извратить любое полезное начинание. С нарушениями боролись, виновных наказывали, система работала, преодолевая естественные трудности.

В дошедших до нас документах конца Великой Отечественной войны видны и новые политические настроения, и отношение к ним советского руководства, и проблемы дисциплинарного характера, которые возникают перед любой армией на чужой территории, и целый ряд нравственных и психологических проблем, с которыми пришлось столкнуться Красной армии в победном

1945 г. Но, обобщая полученные результаты, с особой ясностью осознаешь, что несмотря на отдельные эксцессы, абсолютное большинство наших воинов справились со всеми соблазнами, вели себя за пределами Родины очень достойно и по праву носят заслуженное имя Освободителей.

Примечания:

1. См.: Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 325–326; Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. М., 1984. С. 419.
2. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 372. Оп. 6570. Д. 68. Л. 4–5, 12; Д. 78. Л. 30–32.
3. Там же.
4. Орлов Наум Аронович. URL: http://www.iremember.ru/minometchiki/orlov-naum-aronovich/stranitsa-6.html (дата обращения: 15.08.2013).
5. Богомолов В.О. Жизнь моя, иль ты приснилась мне?.. // Наш современник. 2006. № 1.
6. Личный архив автора. Переписка Ю.П. Шарапова с Н.Н. Решетниковой. 1942–1945 гг.
7. ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 92.
8. Там же. Л. 94.
9. Орлов Наум Аронович.
10. ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 85.
11. Там же. Л. 92, 94.
12. Там же. Л. 90–91.
13. Там же. Д. 68. Л. 17–20; Д. 76. Л. 225, 226; Д. 78. Л. 30–32 и др.
14. Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2-3). Приказы народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). М., 1997. С. 344–345.
15. Там же. С. 344.
16. Там же. С. 344; ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 33. Л. 279; Ф. 1641. Оп. 1. Д. 167. Л. 14.
17. ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 33. Л. 281, 283.
18. Там же. Л. 281; Ф. 1641. Оп. 1. Д. 167. Л. 14–15.
19. ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 29. Л. 63.
20. Цит. по: Тажидинова И.Г. Ценность вещей: измерение военного времени // Проблемы российской истории. Вып. X. М.; Магнитогорск, 2010. С. 497.
21. Орлов Наум Аронович…
22. Тажидинова И.Г. Указ. соч. С. 496.
23. ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 86.
24. ЦАМО РФ. Ф. 1641. Оп. 1. Д. 166. Л. 80; Ф. 236. Оп. 2727. Д. 33. Л. 280.
25. Там же. Л. 281–283.
26. ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 34. Л. 394–398; Российский государственный военный архив. Ф. 32 925. Оп. 1. Д. 529. Л. 20.

О.Ю. Редькина, С.В. Мордвинов

Проблема религиозности военнослужащих – участников Сталинградской битвы: реальность и мифы

Проблема религиозности военнослужащих в годы Великой Отечественной войны до настоящего времени является одной из малоисследованных в трудах

современных историков. Такая ситуация позволяет сохраняться мифам, широко распространенным в научной и популярной литературе, на православных сайтах. Особенно много мифов и благочестивых легенд связано со Сталинградской битвой. В частности, можно встретить утверждения о том, что Казанская икона Божией Матери всегда стояла на правом берегу Волги среди советских войск, перед ней служились молебны и панихиды. В горящем Сталинграде одним из немногих уцелевших зданий была церковь в честь Казанской иконы Божией Матери с приделом Преподобного Сергия Радонежского, которую якобы (по рассказам фронтовиков) не раз во время боев посещал командующий 62-й армией В.И. Чуйков (по другой версии – стал посещать православные храмы после Сталинградской битвы) [1]. Широко распространены рассказы о небесном явлении Божией Матери в огненном столбе 11 ноября 1942 г. советским войскам [2]; о том, что перед наступлением советских войск в Сталинградской битве был проведен молебен перед иконой Казанской Божией Матери. Икону якобы привозили на самые трудные участки фронта, где были критические положения, в места, где готовились наступления. Священство служило молебны, солдат кропили святой водой. Однако, по свидетельству участников Сталинградской битвы, никакого молебна перед Казанской иконой Божией Матери перед началом битвы, да и самой иконы не было. Фронтовики лишь отмечали, что во всех сохранившихся православных храмах духовенство возносило молитвы о победе Красной армии [3]. Тем не менее данный миф закрепился не только в современной популярной православной литературе, но и в живописи [4].

В исторических трудах советского периода, посвященных Великой Отечественной войне, проблема религиозности военнослужащих не рассматривалась. Только в монографиях 1990–2000-х гг., посвященных истории Русской православной церкви в годы войны, этому вопросу стали уделять некоторое внимание. В частности, В.Н. Якунин отмечал, что либерализация государственно-конфессиональных отношений выразилась и в прекращении антирелигиозной борьбы в армии и на флоте. В политических донесениях в Главное политуправление РККА нет упоминания о таком направлении идеологической работы как «атеистическое воспитание» [5].

В исследованиях современных историков достаточно часто упоминается о религиозности советских полководцев В.И. Чуйкова, А.М. Василевского (сын священника, восстановил отношения с отцом по прямому указанию И.В. Сталина в 1940 г. [6]), Ф.И. Толбухина (брат – протоиерей, служил все годы в блокадном Ленинграде), Г.К. Жукова (якобы всю войну возил с собой чудотворную икону Казанской Божией Матери) [7]. В связи с тем что эта икона не была обнаружена среди личных вещей маршала, И.Я. Шимон считал этот рассказ одной из народных легенд. С другой стороны, он же отмечал следующие факты проявления Г.К. Жуковым религиозных чувств: в 1943 г. в боях под Курском Г.К. Жуков не разрешил разрушить кафедральный собор на центральной площади города, в котором засели фашисты; в начале 1945 г. – воспрепятствовал разрушению костелов. В 1945 г. под Дрезденом Г.К. Жуков посетил православный храм и зажег там лампадку у образа [8].

Говоря о религиозности высшего командного состава РККА, важно подчеркнуть, что в мемуарах военачальников свидетельств этому обнаружить не удалось, т.к. они публиковались в условиях советской цензуры. С другой стороны, в воспоминаниях близких людей встречают подтверждения этому. В частности, в мемуарах дочери маршала М.Г. Жуковой говорилось о том, что он был по рождению и воспитанию, по мировосприятию православным человеком. Она также приводит в пример народный рассказ-легенду о своем отце: «Перед боем в степях под Сталинградом Жуков на бруствере траншеи на позиции пулеметного расчета увидел икону Пресвятой Богородицы, которая принадлежала сержанту из деревни Тимонинской Воронежской области. Г.К. Жуков говорил с этим сержантом, пожал его крестьянскую руку, не дал замполиту убрать икону» [9].

Рассматривая благочестивые легенды и мифы, на наш взгляд, нужно отметить, что они стали проявлением традиционной народной веры в защиту высших сил Святой Руси, в покровительство Казанской иконы Божией Матери русскому воинству. Кроме того, в народе всегда ценили набожность военачальников. Крупнейшие полководцы прошлого считались у русских выразителями воли Божией – А.В. Суворов, М.И. Кутузов, М.Д. Скобелев. Традиционные православные воззрения определяли понимание воинского долга. Солдаты и офицеры шли на войну и совершали подвиги не ради личных интересов, не ради почестей, но памятуя о христианском служении, которое понималось как долг перед национальным целым. В основании православной веры лежало самоотречение. Усвоение христианских заповедей – возлюбить ближнего своего как самого себя и положить душу свою за други своя – было способно поднять воина на недосягаемую нравственную высоту. Подсознательная готовность к принесению жертвы была неотъемлемой частью подвига солдата [10].

Весьма похожими были и патриотические призывы советской пропаганды. Знаковым событием в разгар обороны Сталинграда стало учреждение указом Президиума Верховного Совета СССР боевого ордена Александра Невского, что свидетельствовало об определенном преодолении идеологического барьера, обращении советского государства к истокам русского православно-исторического патриотизма [11].

Важный вклад в изучение проблемы религиозности фронтовиков внесла Е.С. Сенявская. Она, рассматривая социально-психологическую проблему веры и атеизма на войне, подчеркивала, что в СССР, где была разрушена или деформирована религиозная традиция, официальной идеологией был государственный атеизм, бытовая религиозность, не исчезая, приобретала внетрадиционные формы (неоязыческие и индивидуализированные); распространялась бытовая мистика (суеверия, приметы и т.д.). Войну в психологическом плане Е.С. Сенявская определила как категорию «пограничной ситуации» – крайне опасной, непредсказуемой, угрожающей жизни человека. Неопределенность являлась базой для веры в сверхъестественные силы. Эта вера преследовала цель получить мистическую защиту путем выполнения ритуальных действий (чтения молитв, ношения амулетов, соблюдения ситуационных запретов-табу), чтобы спастись от опасностей. Стремление «повлиять на судьбу» харак-

терно для военной обстановки. В условиях традиционной религиозности оно проявляется в привычных молитвах и ритуалах, в обращении к Богу даже среди не очень верующих в обычной, мирной жизни людей.

Е.С. Сенявская выделила основные формы солдатских примет и суеверий: система запретов на определенные действия накануне боевых операций (не есть, не бриться, надевать чистое белье, не дарить никому своих вещей, прощаться со своими товарищами, не разговаривать на определенные темы, не материться перед боем); выполнение после возвращения с боевых операций определенных ритуалов («вернулся в часть – посмотрись в зеркало»); традиции в отношении погибших (не занимать койку, не убирать вещи и фотографию в течение 40 дней, традиционный третий тост; не носить вещи погибшего, ничего не брать у мертвых, не показывать на себе место, куда другого ранили, и т.п.); хранение талисманов и амулетов (собственных или традиционных – ладанки, нательные крестики); молитвы (не обязательно традиционные, часто – самодеятельные); коллективные привычки, выработанные по принципу целесообразности и в дальнейшем закрепленные традициями боевого подразделения; придание каким-либо действиям (не входящим в уставы и инструкции) дополнительной мистической нагрузки-обоснования; традиции, выработанные членами определенного воинского коллектива, связанные с военной специализацией. Интервью фронтовиков, проведенные Е.С. Сенявской, свидетельствовали о том, что на фронте бойцы часто обращались к вере [12].

В воспоминаниях фронтовиков, цитируемых в работах светских историков, говорится о том, что высокая религиозность носила скрытый характер: многие фронтовики имели крестики, образки, записки с молитвами носили их иногда вместе с партийными и комсомольскими билетами. При этом командиры и политработники, как правило, делали вид, что не замечают этого. Считалось, что если вера помогает бить врага, то пусть себе веруют [13].

Фактически в годы Великой Отечественной войны в советском обществе продолжала соблюдаться древняя народная традиция читать и носить с собой 90-й псалом «Живый в помощи Вышняго», который является исповеданием веры в то, что Господь защитит «от злой напасти» верующих в него. Иногда псалом носили тайно в кожаных ремнях или тканевых поясах, на которых был нанесен текст псалма. Ситуация, когда верующая мать, провожая сына на фронт, зашивала ему в одежду тетрадный листок с текстом 90-го псалма или просто давала в благословение с просьбой всегда носить с собой, была широко распространена в годы войны. Кроме того, иногда на листках писалась молитва «Да воскреснет Бог» или Символ веры [14].

На наш взгляд, важно подчеркнуть, что обретению веры в экстремальных условиях войны способствовал религиозный опыт, знания, полученные в детстве, но не востребованные до определенного жизненного момента. Например, в советский период сохранялась в народе традиция чтения Псалтыри и Священного Писания, несмотря на гонения, что было связано с системой традиционного народного образования. По Псалтыри учились читать крестьянские дети вплоть до революции. Необходимо отметить, что и из тех, кто не владел грамотой, многие хорошо знали Священное Писание, т.к. с детства

регулярно посещали церковное богослужение. В православной традиции считается, что когда человек молится, то разговаривает с Богом, а когда читает Евангелие, то Господь разговаривает с ним [15]. Ярким примером этого стало обращение к вере архимандрита Кирилла (Ивана Дмитриевича Павлова), которое произошло в Сталинграде. И.Д. Павлов с 1941 г. участвовал в военных действиях солдатом, сержантом пехоты. В феврале 1943 г. произошло событие, изменившее его жизнь, – среди руин Сталинграда он поднял из мусора книгу – Евангелие. Со своей частью сержант И.Д. Павлов дошел до Австрии, был награжден орденом Славы и медалями. Заканчивая Московскую духовную семинарию в 1953 г., И.Д. Павлов принял монашеский постриг в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. В 1970 г. он был назначен братским духовником, стал духовником патриархов Алексия I, Пимена и Алексия II [16].

Иногда толчком к возникновению или усилению религиозных чувств в боевой обстановке служил острый психологический стресс, например, «чудесное» спасение. Известны случаи, когда солдат, оказавшись перед лицом неизбежной, с его точки зрения, смерти, давал себе клятву, что, если ему удастся выжить, он начнет верить в Бога или посвятит себя служению ему (уйдет в монастырь, станет священником и т.п.), и после войны выполнял данный им обет. В данном случае обет – это нерушимое слово, обещание перед Богом – был весьма распространен в народной жизни дореволюционной России. Обет воспринимался как важный духовный «инструмент», которым пользовались в крайнем случае. Практика обещаний у русских являлась действительным средством религиозного самоконтроля и самовоспитания [17].

Участие в боях, в том числе под Сталинградом, оказало огромное влияние на многие судьбы. Фронтовики не редко обретали веру, некоторые в дальнейшем становились священнослужителями. Такой жизненный путь был уготован Н.В. Кутепову (1924–2001), служившему в Сталинграде рядовым бойцом, где он получил два ранения, был контужен. Из-за обморожения ему ампутировали треть ступней обеих ног. Н.В. Кутепов был награжден медалью «За боевые заслуги» и орденом Отечественной войны II степени. После демобилизации в 1943 г. он вернулся в Тулу, в 1950–1952 гг. окончил полный курс Московской духовной семинарии. В 1991–2001 гг. он стал митрополитом Нижегородским и Арзамасским [18].

В условиях страшных по своей ожесточенности боев с противником в Сталинграде, массовой гибели людей религиозность мирного населения и военнослужащих была высокой. О том, что среди жителей этого города в дни Сталинградской битвы сохранялась православная вера, упование на помощь высших сил, свидетельствуют икона Божией Матери, молитвослов, Псалтырь, молитвы на бумажных листах, которые представлены в экспозиции Государственного историко-мемориального музея-заповедника «Сталинградская битва». Кроме того, в Сталинграде было распространено традиционное почитание блаженных, юродивых. В.М. Моисеенко рассказывала, что впервые услышала о блаженной Марфе Царицынской, похороненной на кладбище у Алексеевской церкви г. Сталинграда, в 1942 г.: «В 1942 году люди говорили, что надо взять из могилы гроб святой Марфы Царицынской, обнести его вокруг города, и город будет спасен» [19].

На наш взгляд, контакты с верующим населением, с духовенством, призванным на службу в армию, также могли повлиять на религиозность фронтовиков. В частности, епископ Леонид (в миру Лобачев Илья Христофорович, 1896–1967 гг.) с 1941 г. участвовал в боях в звании старшины (по другим сведениям – рядовым артиллеристом). В 1943 г. был ранен, награжден орденом Красной Звезды (за форсирование Днепра), медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За победу над Германией». Демобилизовавшись, он вернулся к служению в церкви; стал епископом Астраханским и Сталинградским (4 июня 1953 г. – 9 февраля 1954 г.) [20]. Настоятель Свято-Троицкой церкви села Китово Касимовского района Рязанской области протоиерей Михаил Грацинский воевал на Сталинградском фронте вплоть до ранения 9 сентября 1942 г. [21]. Протоиерей Борис Васильев (до войны служил диаконом Костромского кафедрального собора) в Сталинграде командовал взводом разведки, а затем сражался в должности заместителя начальника полковой разведки [22]. Протоиерей Глеб (в миру Глеб Александрович Каледа, принял тайное священство в 1972 г.), участник молодежного христианского движения, с декабря 1941 г. по май 1945 г. служил радистом в дивизионе гвардейских минометов «катюш», участвовал в Сталинградской битве; был награжден многими медалями, орденами Красного Знамени и Отечественной войны. В мемуарах протоиерея Глеба (Каледы) содержится немало свидетельств укрепления морального духа военнослужащих верующими людьми [23].

Возникновение большинства благочестивых легенд о чудесных спасениях, исцелениях (особенно при помощи обретенных икон Божьей Матери), знамениях нужно отнести ко второй половине 1943–1944 гг. В частности, именно в этот период (в июне 1944 г.) была впервые зафиксирована в источниках ситуация, когда сельское население Кировоградской области верило в чудо знамения под Сталинградом осенью 1942 г. Об этом знамении местным жителям якобы рассказали бойцы воинской части, воевавшей под Сталинградом [24]. При этом номер воинской части не был указан, в рассказе о чудесном явлении абсолютно отсутствуют детали. Интересно и то, что эта легенда была зафиксирована на территории Украинской ССР, а не в Сталинградской области. Как правило, религиозные легенды, слухи описывались в отчетах уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР, созданного в сентябре 1943 г. Информационные отчеты свидетельствуют о религиозном подъеме в советском обществе, выразившемся в стремлении повсеместно открывать православные церкви, посещать богослужения, отмечать религиозные праздники и т.д. Как правило, в этих документах содержались и сведения о распространении религиозных «суеверий». Отчеты уполномоченного по Сталинградской области С.Б. Косицына были объемными, очень подробными. Однако в них ни разу не упоминалось о том, что жители Сталинградской области верили в знамение под Сталинградом 1942 г. С.Б. Косицын бессменно занимал свой пост с 1944 по 1966 гг.

Проблема религиозности фронтовиков (как командного, так и рядового состава) требует дальнейшего специального изучения. Очевидно, что в годы

войны вера в покровительство высших сил России и ее воинам, в силу молитвы укрепляла боевой дух и бойцов, и полководцев, помогала выстоять против врага, выжить в тяжелейших условиях. Многие фронтовики обрели веру на фронте, что в дальнейшем изменило их судьбу. Обретению веры в экстремальных условиях часто способствовал религиозный опыт, знания, полученные в детстве, но не востребованные до определенного жизненного момента; общение с верующими людьми (однополчанами, гражданским населением); личный жизненный опыт выживания на войне. С другой стороны, важно подчеркнуть, что в силу сохранявшихся идеологических установок религиозная вера в среде фронтовиков не могла быть явно выражена, носила скрытый характер. Появление в обществе благочестивых легенд происходит, как правило, позже описываемых в них событий, в других регионах, является одним из проявлений религиозного подъема в советском обществе в годы Великой Отечественной войны.

Примечания:

1. Куличкин С. Сталинград. К 60-летию Сталинградской битвы // Портал «Русское воскресение». URL: http://www.voskres.ru/army/spirit/stalingrad.htm (дата обращения: 12.03.2012).
2. Пивоварчук Д. О явлении Пресвятой Богородицы в Сталинграде 11 ноября 1942 года // Ростов Великий. Возрождение. URL: http://www.rostov-great.ru/page/rostov-velikij (дата обращения: 01.08.2012).
3. Каверин Н. «Православные» мифы о Великой Отечественной войне. К 68-летию Великой Победы // Благодатный огонь. Православный журнал. URL: http://www.blagogon.ru (дата обращения: 23.06.2012).
4. Картина о Сталинградской Битве. Художник Андрей Лысенко. URL: http://art-prov.ya.ru/replies (дата обращения: 22.03.2012).
5. Якунин В.Н. Положение и деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара, 2001. С. 269.
6. Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 2002. С. 98–99.
7. Шкаровский М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1953–1964 годах). М., 1999. С. 124; Якунин В.Н. Указ. соч. С. 238–239; Куличкин С. Указ. соч.
8. Шимон И.Я. Сталин сказал «Да»: Новая политика Советского государства в отношении церкви в период Великой Отечественной войны. Дубна, 2002. С. 16.
9. Жукова М.Г. Маршал Жуков – мой отец. М., 2005. С. 34, 104, 106.
10. Буганов А.В. Божья помощь в военном деле // Святыни и святость в жизни русского народа: этнографическое исследование. М., 2010. С. 174, 180, 186.
11. Шимон И.Я. Указ. соч. С. 51.
12. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке – исторический опыт России. М., 2007. С. 635, 640, 656, 660–661.
13. Шимон И.Я. Указ. соч. С. 14–15.
14. Юренко А.И. Священное Писание в повседневной жизни русского народа // Святыни и святость в жизни русского народа… С. 44–45.
15. Там же. С. 18, 30–31.
16. Бехтерева Е. Кирилл (в миру Павлов Иван Дмитриевич), архимандрит (род. 8.09.1919), церковный и общественный деятель, братский духовник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры // Институт Русской цивилизации. Официальный сайт. URL: http://www.rusinst.ru. (дата обращения 16.07.2012).

17. Кремлева И.А. Место обета в мировоззрении и повседневной жизни русского народа // Святыни и святость в жизни русского народа… С. 241.
18. Николай (Кутепов), митрополит Нижегородский и Арзамасский (1924–2001 гг.) // Древо. Открытая православная энциклопедия. URL: http://drevo-info.ru/articles/1323.html (дата обращения: 15.07.2012); Сызранова Э.В. Патриотизм, Православие, Победа. О вкладе Русской Православной Церкви в дело Великой Победы // Апологет. Информационно-аналитический журнал для публикации статей в защиту христианства. URL: http://apologetik.ru/patriotizm-pravoslavie-pobeda (дата обращения: 15.07.2012).
19. Наумов Р.А. Юродство Христа ради // Верность. URL: http://www.vernost.ru/jurodivyj.htm (дата обращения: 25.04.2009).
20. Государственный архив Волгоградской области. Ф. Р-6284. Оп. 2. Д. 17. Л. 89; Д. 21. Л. 72–72об., 76–77.
21. Трубин С., прот. Рязанская епархия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Рязанская епархия Рязанской митрополии. Официальный сайт. URL: http://www.ryazeparh.ru (дата обращения: 16.05.2012).
22. Якунин В.Н. Указ. соч. С. 216.
23. Каледа Глеб Александрович // Древо. Открытая православная энциклопедия. URL: http://drevo-info.ru/articles (дата обращения: 19.08.2012); Каледа Г., прот. Записки рядового // Православие и мир. Ежедневное интернет-СМИ. URL: http://www.pravmir.ru/zapiski-ryadovogo. (дата обращения: 14.08.2012).
24. Информационный доклад о работе уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при СНК УССР по состоянию на 1 июня 1944 года П. Ходченко в Совет по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР. 8 июня 1944 г. // Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: сборник документов. М., 2009. С. 307.

А.А. Панарин

Духовные ценности российской цивилизации как фактор победы советских войск под Сталинградом

Празднование 70-летнего юбилея Великой Победы проходит в сложной международной обстановке. Агрессивные вызовы, на которые приходится сегодня отвечать России, свидетельствуют о продолжающихся попытках враждебных сил сломить устои российской цивилизации. В этом отношении можно вести речь о современном проявлении исторически сложившегося противоборства между западноевропейской и российской цивилизациями, оказавшего большее влияние на развитие всего человечества. В многовековой истории этого противоборства особое значение имеет период Второй мировой войны, во время которой решался вопрос о возможности дальнейшего существования российской цивилизации.

В своих оценках этой проблемы мы поддерживаем точку зрения известного писателя и философа В.В. Кожинова, который в качестве главной причины глобального политического конфликта определял стремление объединенной Гитлером Европы покончить с соседней чуждой ей цивилизацией. Вскрывая

корни враждебного отношения к России, В.В. Кожинов сопоставлял события различных исторических эпох. При этом автор, рассматривая процесс образования в X–XI вв. Священной Римской империи, обращал внимание на то, что «именно империя германской нации в прямом смысле слова создала тысячелетие назад то, что называется *“Европой”, “Западом”* [курсив В.В. Кожинова. – *А.П.*]; и начала “Drang nach Osten»” – геополитический “натиск на Восток”» [1].

К этому заключению следует добавить, что примерно в тот же исторический период объединение восточных славян в рамках древнерусского государства, а также их активное взаимодействие с другими неевропейскими народами дало начало формированию российской цивилизации. Происходящие в эпоху средневековья процессы политической, экономической и культурной интеграции проживающих на территории Европы и России народов способствовали складыванию цивилизаций, различных по своей природе, особенностям государственного устройства, социально-экономических отношений и менталитета.

Данное обстоятельство, наряду с перенаселенностью Европы и влиянием динамичного развития экономики, вызвало первые попытки уничтожения чужеродной цивилизации со стороны отдельных европейских государств. Об этом красноречиво свидетельствуют события середины XIII в., Смутного времени, Северной войны и др. Безуспешность этих попыток являлась одной из главных причин объединения Европы. Решая на первом этапе вопрос о праве первенства одного из европейских государств, сообщество европейских наций затем использовало свой объединенный потенциал для организации нового похода на Восток.

Так, объединение континентальной Европы под началом Франции, как известно, способствовало организации похода «двунадесяти наций» на Россию. Вместе с тем дальнейшие события европейской истории все в большей степени отражали усиление лидирующей роли Германии на европейском континенте. Признание этой роли большинством европейских наций хорошо показано В.В. Кожиновым на примере так называемой «странной войны», когда «германские войска встречали тогда способное изумить своей нерешительностью и слабостью сопротивление» [2].

Было бы, конечно, преувеличением утверждать, что причины этого поведения заключались во всеобщем и осознанном стремлении народов Европы поддержать фашистскую Германию в ее намерениях «окончательно решить восточный вопрос». Хорошо известно, что наряду со значительной частью европейцев, осуждающих агрессивную политику Германии, в ряде стран Европы действовали активные сторонники СССР в лице представителей коммунистических и рабочих партий.

Вместе с тем следует признать, что в сложных и противоречивых процессах объединения Европы под властью фашистской Германии существовало некое единство внешнеполитических целей входивших в состав Третьего рейха государств. В частности, весьма характерна позиция будущего министра «по делам восточных территорий» Альфреда Розенберга. За день до начала войны с СССР Розенберг в своем выступлении перед доверенными лицами заявил: «Мы хотим

решить не только временную большевистскую проблему, но также те проблемы, которые выходят за рамки этого временного явления как первоначальная сущность европейских исторических сил». Война имеет цель «оградить и одновременно продвинуть далеко на восток сущность Европы» [3]. Позднее, в сентябре 1941 г., Гитлер недвусмысленно заявил: «Азиаты и большевики будут изгнаны из Европы, эпизод 250-летней азиатчины закончен… Восток будет для Западной Европы рынком сбыта и источником сырья» [4].

Восприятие войны против СССР – России как именно геополитической войны было присуще не только высшему руководству фашистской Германии. Такие взгляды были свойственны большинству офицеров и солдат, разделявших представления о «вечной борьбе» германцев, о защите европейской культуры от «азиатских орд», о культурном призвании и праве господства немцев на Востоке. Кроме немцев таких взглядов придерживались многие представители их союзников и других европейских наций.

Переходя непосредственно к изложению поставленной в статье проблемы, хотелось бы обратить внимание на то, что накопленный к началу Великой Отечественной войны потенциал двух противоборствующих цивилизаций был в полной мере задействован в схватке глобального масштаба. Наряду с колоссальным напряжением военных сил, экономики и политических структур, огромное значение в достижении превосходства над противником играли факторы духовного порядка. В особенности это проявлялось в крупных сражениях, от исхода которых зависел дальнейший ход войны.

В ряду этих сражений особое место занимает Сталинградская битва, имевшая поистине судьбоносное значение для российской цивилизации. Сравнительный анализ степени воздействия духовного фактора на достижение победы советских войск в наиболее значимых сражениях Великой Отечественной войны показал, что в битве под Сталинградом решающую роль сыграла именно духовная стойкость советских воинов. Приоритетность данного фактора связана с относительно равными возможностями ведения войны летом 1942 г.

В приказе от 23 февраля 1942 г. И.В. Сталин отметил, что «теперь уже нет у немцев того военного преимущества, которое они имели в первые месяцы войны в результате вероломного и внезапного нападения. Момент внезапности и неожиданности… израсходован полностью. Тем самым ликвидировано то неравенство в условиях войны, которое было создано внезапностью…». Помимо относительно равных возможностей в осуществлении стратегии военных действий, был достигнут определенный паритет в основных показателях боеспособности вооруженных сил.

К моменту контрнаступления Красной армии по численности личного состава силы были примерно равны, в технических средствах советские войска имели некоторое превосходство: в артиллерии – 1,3:1, по танкам и самоходным орудиям – 1,4:1, по самолетам – 1,1:1. Таким образом, фактор военно-технического превосходства не мог быть определяющим в победе над врагом, как это проявилось позже в битве на Курской дуге и в последующих сражениях. В связи с этим в значительной степени исход Сталинградской битвы решался именно в противоборстве боевого духа противников.

Примечательно, что в известном приказе № 227, наряду с ужесточением дисциплины в воинских частях, присутствовало обращение к патриотическим чувствам бойцов как источнику твердости и самоотверженности в боях с противником. Сталин указывал на то, «что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть лишь одна грабительская цель покорить чужую страну, а наши войска, имеющие возвышенную цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражение» [5].

Концентрированным выражением духовного противостояния советских и немецко-фашистских войск стали бои за ключевую высоту города – Мамаев курган. В результате непрерывных боев здесь все было изрыто окопами и ходами сообщений, воронками от мин и снарядов, почва была так перемешана с металлом, что на 1 кв. м поверхности приходилось от 500 до 1250 осколков [6]. В этой запредельной для человеческой психики обстановке победу мог одержать тот, у кого самоотверженность являлась естественным отражением духовной сущности.

Вследствие этого ожесточенные атаки фашистов разбивались о гранитную стену мужества советских воинов. Необъяснимость данного явления для врага хорошо передают впечатления немецкого офицера Гельмута Вельца: «Что за наваждение, уж не приснился ли мне весь этот бой? Пять свежих батальонов пошли в наступление, пять батальонов вели бой, как дома на учебном плацу. А результаты? Большинство убито, часть ранены, остальные разбиты наголову. Заколдованное место! Как ни пытайся взять его, натыкаешься на гранит» [7]. Подобные свидетельства приводят многие солдаты и офицеры вермахта, которых трудно упрекнуть в необъективности.

Определяя духовное превосходство советских воинов над противником, в качестве важнейшего его источника следует признать фундаментальные ценности российской цивилизации, сформировавшиеся за ее многовековую историю. Свободолюбивый дух славянского этноса и других населяющих Россию народов во все времена восставал против любых попыток иноземного порабощения. В сражении под Сталинградом решалась сама судьба российской цивилизации, в очередной раз подвергшейся угрозе со стороны враждебных соседей. Не зря немецкие генералы вспоминали затем Сталинградское сражение как «не поддающуюся никакому описанию битву, ставшую символом борьбы двух враждебных миров».

Одной из главных целей предпринятого летом 1942 г. наступления немецко-фашистских войск стал захват территорий, богатых сырьевыми ресурсами. Тем самым реализовывалась основная геополитическая цель войны – переход данных ресурсов под контроль цивилизованной Европы и ликвидация несправедливого их обладания варварской Россией. Многие из участвующих в этом походе немцев, румын, итальянцев и представителей других европейских народов искренне полагали, что выполняют таким образом великую историческую миссию. В этом состояла духовная составляющая ожесточенности врага в Сталинградском и других сражениях Великой Отечественной войны.

Вместе с тем для русских и представителей других народов страны после исторической победы под Москвой Сталинград стал вторым городом, защита

которого ассоциировалась с защитой всей России. Определялось это как важной стратегической значимостью города, так и его принадлежностью к великой русской реке – Волге. Не случайны поэтому слова прославленного снайпера В.Г. Зайцева «За Волгой для нас земли нет!». Примечательно, что под Сталинградом у советских солдат наиболее сильные чувства проявлялись к вечному образу Родины-матери, лишенному классовой или партийной принадлежности. Над запечатленными на стенах зала воинской славы мемориального комплекса на Мамаевом кургане фамилиями погибших воинов сделана характерная надпись: «Да, мы были простыми смертными, и мало кто уцелел из нас, но все мы выполнили свой патриотический долг перед священной Матерью-Родиной» [8].

В боях под Сталинградом ярко проявились черты, характерные для русского национального характера: свободолюбие, жертвенность на благо Родины, проявление самоотверженности и отчаянной храбрости в моменты наивысшего напряжения сил. По удивительно точному определению Василия Гроссмана, «русский человек, воюющий в пламени горящего, сотрясаемого взрывами Сталинграда, такой же неизменный, ясный, простой, бесконечно скромный, каким знаем мы его в великом мирном труде. Так же бережно хранит он письма, пришедшие из дальних деревень, так же любовно говорит о ребятишках своих и стариках, покуривает, вздохнет, задумается, когда ему не в меру тяжело, кипятит чаек среди развалин дома, окруженного немецкими автоматчиками, и верит в то, что добро есть добро, что нет сильней и выше в жизни, чем правда» [9]. Эти простые и вместе с тем высокие по своим ценностным характеристикам истины передавались от поколения к поколению на протяжении многовековой истории российской цивилизации.

Отдать свою жизнь за Родину и спасти ее от порабощения было равнозначно для русских солдат с защитой своей семьи и дома. О неразрывности личной судьбы с общей судьбой страны свидетельствует, например, высказывание снайпера В.Г. Зайцева. Допуская свою физическую гибель, он считал возможным продление своей духовной связи с однополчанами в борьбе за победу. «Я верил, – писал В.Г. Зайцев, – что каждый подготовленный мною снайпер сумеет отомстить за меня, оградить других от преждевременной смерти и тем самым морально продлить мою жизнь, приблизить общее дело к победной развязке» [10].

Вместе с тем признание ценностей российской цивилизации в качестве важнейших духовных источников победы под Сталинградом не умаляет значения коммунистического мировоззрения, утвердившегося в сознании большой части населения страны. Идеалы социальной справедливости отождествлялись у миллионов людей с советской политической системой, уничтожение которой провозглашалось фашистскими идеологами одной из главных задач войны. Несмотря на тяжелейшие испытания 1930-х гг., многие советские граждане перед войной ощутили улучшение материального положения, повысили свой социальный и образовательный статус. Кроме того, наиболее преданные из них идеям пролетарского интернационализма искренне полагали, что СССР представляет собой единственный оплот трудящихся всего мира. Следовательно,

идеи защиты социалистического Отечества играли важную роль в формировании духовных источников Победы.

Применительно к Сталинграду усиление идейной основы стойкости советских воинов было вызвано символической связью города с именем вождя советского народа И.В. Сталина. В этом смысле защита Сталинграда ассоциировалась с защитой советского политического строя, олицетворением которого являлся Сталин. Не отрицая организующей роли административно-командной системы в годы войны, можно согласиться с определением С.Л. Франка о том, что «самая суровая военная и государственная дисциплина могут только регулировать и направлять общественное сознание, а не творить его: его творят свободная воля к подвигу воина и гражданина» [11].

Примечательно, что именно после победы под Сталинградом в умах высшего партийного руководства страны произошло существенное переосмысление отношения к дореволюционному культурному наследию России. Все это способствовало осознанному стремлению к возрождению многих традиций и духовных ценностей российской цивилизации. Как справедливо отмечает А.С. Сенявский, «введение формы, напоминавшей дореволюционную, возвращение золотых погон вместе со словом "офицер" являлось символичным изменением отношения к русским воинским традициям и к русскому офицерству, что нашло в целом позитивный отклик в массовом сознании. Эти символические новации имели целью позиционировать советское государство, в отличие от первых послереволюционных лет, не как антипода всей предшествующей истории России, а как естественного преемника и наследника, защищающего вековые ценности цивилизации и населяющих страну народов» [12].

Данный подход, безусловно, актуален в современных условиях развития российского государства. Бережное сохранение исторической памяти, уважительное отношение к культурному наследию предшествующих поколений россиян будет способствовать укреплению духовного единства российского общества как важнейшего фактора и гаранта сохранения и дальнейшего развития российской цивилизации.

Таким образом, духовные источники победы советских войск под Сталинградом представляли собой сочетание традиционного российского менталитета, отражающего черты свободомыслия и неприятия иноземного порабощения с идеалами социальной справедливости, утвердившимися в СССР в предвоенные годы. Символическая связь этих двух духовных начал проявилась в призыве «За Родину, за Сталина!», который поднимал в атаку советских воинов под Сталинградом и в других сражениях Великой Отечественной войны. Сформировавшаяся на основе этих фундаментальных ценностей духовная стойкость советских воинов явилась решающим фактором Великой Победы.

Примечания:

1. Великая война России. Почему непобедим русский народ? М., 2006. С. 16.
2. Там же. С.17.
3. Преступные цели – преступные средства. М., 1968. С. 45–46.
4. Проэктор Д.М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1985. С. 303–304.

5. Сталинград. 1942–1943. Сталинградская битва в документах. М., 1995. С. 76.
6. Память Сталинграда. Волгоград, 2008. С. 267.
7. Там же. С. 261.
8. Там же. С. 319.
9. Там же. С. 185.
10. Там же. С. 136.
11. Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 2002. С. 115.
12. Сенявский А.С. Феномен массового героизма в период Великой Отечественной войны и роль идеологии и пропаганды в его формировании // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа: материалы Международ. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.). Ростов н/Д, 2013. С. 234.

И.И. Гаевская

Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны как источник о повседневной жизни солдат в экстремальных условиях военного времени (на примере практик питания солдат Красной армии)

Тема Великой Отечественной войны продолжает привлекать внимание все новых исследователей, как профессиональных, так и просто любителей, всех тех, кто интересуется историей этой великой войны. Современные коммуникационные технологии дают возможность работать с различными видами источников. Важное место занимают материалы, размещенные в сети интернет. Среди них можно выделить воспоминания участников Великой Отечественной войны. Существуют специальные сайты, где представлены собранные в рамках отдельных проектов тематические или не объединенные общей тематикой мемуары ветеранов. Интернет дает возможность значительному количеству исследователей познакомиться с их содержанием быстро, не дожидаясь, пока они будут опубликованы в отдельной книге или сборнике. Кроме того, доступ к этим источникам получают не только историки, но и все остальные, интересующиеся историей своей страны.

Если попытаться выделить направления исследований по теме Великой Отечественной войны, то нетрудно заметить, что в постсоветский период появились работы, раскрывающие взаимоотношения церкви и советской власти в предвоенные и военные годы; посвященные стратегиям выживания советского человека в условиях военного времени; отражающие события войны в исторической памяти народа. Налицо интерес не к эпохальному, масштабному, произошедшему в годы войны, а к теме отдельного человека, его внутреннего мира, суеверий, условий повседневной жизни, быта. И здесь именно мемуарная литература дает возможность ответить на эти вопросы.

Ряд исследователей в последние годы обратились к теме практик питания солдат Красной армии как составляющей фронтового быта [1]. При изучении

вопроса о солдатском меню следует иметь в виду, что питание солдат отличалось в зависимости от рода войск и от того, где они находились – на передовой или достаточно далеко от мест ведения боевых действий, как долго занимали тот или иной рубеж. К тому же немаловажное обстоятельство – это год войны. Наиболее трудная ситуация с питанием была в 1941–1943 гг., когда солдаты попадали в критические условия окружения, отступления, недостаточно подготовленных наступлений. Мы не ставили своей целью изучить организацию централизованного питания в армии, мемуарная литература не дает достаточного ответа на данный вопрос. Цель работы – анализ воспоминаний ветеранов войны, отражающих отдельные вопросы питания солдат Красной армии в экстремальных условиях военного времени.

В памяти ветеранов наибольшее отражение получили случаи, связанные со снабжением продовольствием в боевых условиях. Обычно все зависело от того, как умело питание было организовано. В каждой роте была своя кухня, свои повара, сами все готовили. Но не это главное, главное – это возможность доставки питания на огневые позиции. Зачастую такой возможности не было из-за хода военных действий или плохой погоды. Так, пехотинец А.П. Куземка вспоминал, что «трудностей у нас было множество, особенно со снабжением по погодным условиям: иногда невозможно было подвезти продовольствие, и были отдельные дни, когда полевая кухня не работала» [2]. Артиллерист А.С. Седой обращает внимание на то, что завтрак приносили как можно раньше, пока еще темно, чтобы противник не засек. А обед, он же ужин, приносили, когда уже темнело [3].

Во время отступления на Кавказе, которое проходило не всегда организованно, меню солдата сильно зависело от благосклонности местного населения. Угощали и белым хлебом, и сметаной, и молоком, медом, пирожками. Очень часто угощали женщины, у которых мужья и сыновья уже были на фронте. Там, где местное население не встречалось, приходилось питаться зернами пшеницы или ячменя, оставшимися на поле, – их растирали и ели. Солдаты вспоминают, что на западе Ростовской области, в Калмыкии население не очень благоприятно относилось к отступавшим. Никто ничего не давал. «Зато ближе к Ростову, в Краснодарском крае и на Ставрополье, словно другой народ. Зайдешь в станицу, а люди со всех сторон зовут, стараются чем-то угостить. Все нам были готовы отдать. И на Северном Кавказе было тоже самое. Куда ни придешь, и в Чечне, и в Дагестане, где бы ни зашли в дом, везде по-доброму встречали, очень гостеприимно. И накормят, и в дорогу с собой дадут», – вспоминал пулеметчик Л.П. Зинов [4]. При отступлении и отсутствии еды случалось и воровство солдатами продуктов питания у местного населения.

В повседневном рационе солдат чаще всего упоминаются хлеб и каши: пшенная, перловая (многие ветераны отмечают, что и спустя 10 лет на них не могли смотреть), гречневая, рисовая, овсяная, мясо и супы. Реже встречаются макароны. Некурящим вместо махорки или папирос выдавался шоколад или конфеты. Добрым словом спустя более 60 лет вспоминают ветераны ленд-лизовские продукты и продукты, поставлявшиеся союзниками СССР в годы войны: американскую тушенку, английское сало шпик, яичный порошок, сосиски в металлических банках, австралийские говядину и баранину.

В случаях недостатка питания или невозможности его доставки приходилось выкручиваться, у кого как получалось. И здесь нередким блюдом в меню солдата была конина. Лошади выполняли не только роль тягловой силы. Отношение к конине было различным: кто-то брезговал такой едой, а некоторые – нет. Так, артиллерист В.Г. Кульневич пишет: «С питанием было плохо. Где-то нашли подстреленную лошадь. Так вот, ее тушу разделили на три батареи второго дивизиона. Именно в эти дни понял, что такое махонина – мясо рабочей лошади. Варили его в кипящем котле с утра до обеда, но и после оно не меняло своей железно-проволочной структуры. Ели так: резали мясо на мелкие кусочки, их делили на волоконца, долго жевали и так не разжеванными глотали. Но в других дивизионах и этого не было. Хлеба же давали очень мало» [5].

Одним из способов разнообразить солдатское меню стала трофейная еда. Многие ветераны вспоминают немецкий хлеб в брикетах и белые немецкие галеты: «Большие такие, примерно 10×15 сантиметров, тоже вкусные и на редкость энергетические. Всего двух галет хватало на сутки. В первый раз я целую галету съел, так мне даже плохо стало. А потом за раз всего по полгалеты, и достаточно» [6]. Среди других трофеев упоминаются конфеты, печенье, колбасы, шнапс, консервы, плавленый сыр в жестяных баночках. Случались и курьезы. Вспоминает В.Г. Кульневич: «Ворвались в деревню, покинутую немцами… Село большое, в нем было много немецких складов. Мои спутники быстро сориентировались в обстановке: понанесли больших банок с медом, маслом, хлеб консервированный в пленочной упаковке. Подержишь такую булку над паром, она быстро разбухает и можно кушать. Вкус какой-то “деревянный”, но все же это хлеб. Идет навстречу мне разведчик и улыбается. Видно, что явно доволен. Вот Вам, товарищ лейтенант. Подает две небольшие баночки, на которых что-то написано по-немецки.

– Я тут две “штуки” съел. Вкусно. Попробуйте.

Понюхал, пахнет приятно, но все же есть не стал, положил баночки в карман, а ему сказал, чтобы пока больше не ел. Подошли наши и среди них врач, который хорошо знал немецкий язык. Спрашиваю его:

– Что это такое? Солдаты едят и хвалят.

Прочел он и улыбается:

– Это паста для… чистки пуговиц на мундире (Вот как!)

– Что же теперь делать с моими разведчиками?

– Скажите, чтобы не ели больше, если почувствуют себя неважно, пусть приходят.

Но все обошлось. Солдатский желудок и не такое переваривал!» [7].

Конечно, на фронте отмечали и праздники. Праздничное меню, например, на Новый год могло быть таким: «…принесли целый термос супа и полный термос каши с мясом, правда, на два дня» [8].

Очень трудно пришлось на войне верующим: мусульманам, баптистам. Для них никакого особенного рациона предусмотрено не было, поэтому многие жили на одной воде с хлебом. «В конце 44-го, где-то в ноябре, мы получили их целый эшелон, а это около пятисот человек (баптистов с Западной Украины).

Стали выгружать и обнаружили в вагонах несколько трупов. Оказывается, когда у них в дороге закончились продукты из дома, то к той еде, что им выдавали, они даже не притрагивались. По вере нельзя. Но на какой-то станции увидели складированную свежую капусту, похватали ее, и, естественно, многие сразу заболели дизентерией» [9].

Многие солдаты во время войны побывали в регионах, очень сильно отличавшихся от их родных мест. И война дала им возможность попробовать, например, фрукты, которые были для них в диковинку. Так, В.Р. Занин вспоминал сады прямо с падавшими абрикосами, В.Г. Кульневич – сливовый сад в Молдавии: «Каких только слив там не было! Оба мы (с Героем Советского Союза Н.И. Сыромятниковым) с Урала, и вся эта садовая роскошь была нам в диковинку. Многое мы видели впервые. Подошел я к громадному дереву, оно все усыпано темно-зелеными плодами. Сорвал один, покрутил, понюхал и на зуб. Горечь неимоверная! Выбросил я этот плод (это был орех, грецкий орех)» [10].

Отмечают ветераны и национальные блюда, которые им доводилось пробовать во время освобождения Европы от фашистов. Так, П.Ф. Овчаренко указывает, что в Польше их встречали с национальным блюдом – это были пизы: «Это блюдо схоже со вкусом, с тем вкусом, который забываешь, о котором стараешься не думать, для того, чтобы вставать и идти дальше, но о котором мечтаешь и вспоминаешь каждый день – вкус хлеба» [11].

Таким образом, мемуарная литература позволяет более полно изучить такой вопрос, как продовольственная стратегия выживания солдата Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Нынешнее поколение, как правило, знает только о гречневой каше и фронтовых 100 г. Воспоминания ветеранов же дают гораздо более разнообразную картину повседневной практики питания солдат в боевых условиях. Во время войны солдат старался выжить любой ценой, не обращая внимания на брезгливость, боязнь заболеть. Солдат оставался любопытным, верующим, находчивым, с хорошим чувством юмора – все эти черты прослеживаются в воспоминаниях ветеранов, характеризующих вопросы питания солдат Красной армии в экстремальных условиях военного времени.

Примечания:

1. Тажидинова И.Г. Практики питания как составляющая фронтового быта: из личных свидетельств комбатантов Великой Отечественной войны // Война в истории и судьбах народов юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны): материалы Международной научной конференции (1–2 июня 2011 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2011. С. 251–256; Сенявская Е.С. Психология фронтового быта: на грани жизни и смерти // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: материалы Международной научной конференции (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог). Ростов н/Д, 2010. С. 343–346.
2. От солдата до генерала. Воспоминания о войне. Т. 9. М., 2008. С. 182.
3. Седой Александр Степанович. URL: http://iremember.ru/memoirs/artilleristi/sedoy-aleksandr-stepanovich (дата обращения: 09.03.2015).
4. Зинов Лукьян Петрович. URL: http://iremember.ru/memoirs/pulemetchiki/zinov-lukyan-petrovich/ (дата обращения: 09.03.2015).
5. От солдата до генерала. Воспоминания о войне… С. 224.

6. Зинов Лукьян Петрович.
7. От солдата до генерала. Воспоминания о войне… С. 216–217.
8. Там же. С. 214.
9. Зинов Лукьян Петрович.
10. От солдата до генерала. Воспоминания о войне… С. 226.
11. Там же. С. 316–317.

М.Н. Потемкина

Беженцы Великой Отечественной войны: повседневные практики выживания

Вторая мировая война носила длительный тотальный и кровопролитный характер. Стремительное наступление фашистских войск в 1941 г. и оккупация западных территорий СССР привела к многотысячным миграционным потокам. Характеризуя этот процесс, исследователи применяют как термин «эвакуированные», так и термин «беженцы». На наш взгляд, правомерно использование обоих понятий к разным потокам мигрантов, с различением их по степени организованности. Миграции, вызванные экстремальными обстоятельствами, – частое явление в мировой практике, но эвакуация, произошедшая на территории СССР в 1941–1945 гг., беспрецедентна по своим масштабам и последствиям.

Источниковую основу нашего исследования составили опубликованные и архивные документы, личные мемуары, собранные и опубликованные тексты интервью с бывшими жителями СССР, ныне живущими в Германии и Израиле, документальный фильм «Эвакуация», основанный на воспоминаниях людей, переживших эвакуацию, со всех краев постсоветского пространства. Целью статьи является анализ повседневных практик выживания беженцев в процессе эвакуации и в период пребывания в советском тылу.

Ряд аспектов заявленной проблемы является дискуссионным в освещении российских и зарубежных ученых. Советские историки, изучая эвакуацию периода Второй мировой войны, основное внимание сосредоточили на анализе эвакуационного механизма, количественных и качественных результатах перевода в тыл промышленного оборудования и населения. Методологически заявленная тематика вписывается в историю повседневности. Но, изучая повседневные практики выживания советских людей в условиях социальных трансформаций советского периода, исследователи, как правило, не выделяют беженцев в отдельную группу (Н.Б. Лебина, Н.Н. Козлова, Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажидинова, Т.П. Хлынина) [1]. В Израиле, Европе и США написан ряд работ, освещающих различные аспекты эвакуации в СССР в годы Великой Отечественной войны (Н. Верт, С. Куртуа, А. Люстигер) [2], а также истории повседневности сталинизма (Ш. Фитцпатрик, С. Коткин, Г. Алексопулос [3]).

Стремительное продвижение фашистских войск и жестокая политика тотального уничтожения населения на оккупированной территории вынуждали

людей к массовому бегству на восток, в тыл. В первую очередь приход оккупантов означал риск для жизни для коммунистов, советских и партийных работников, членов семей офицерского состава Красной армии, евреев. Принятие решения об эвакуации имело решающее значение для их выживания. Не являясь гарантией жизни, оно в то же время многократно повышало шансы на нее. Враг оккупировал часть территории СССР, на которой до войны проживало около 85 млн чел., сумело эвакуироваться в советский тыл около 12 млн чел. Значительное влияние на принятие решения «за» или «против» эвакуации оказали: стремительное наступление немецких войск в начале войны, отсутствие заранее продуманных планов эвакуации, острая нехватка транспортных средств, надежда, что скоро враг будет остановлен, а оккупация продлится совсем недолго; сомнения в том, что гитлеровский режим представляет смертельную угрозу для жизни советских людей. Вот как воспринял приказ эвакуировать завод его директор В.П. Курганов: «Это сообщение ошеломило нас. Ведь в предвоенные годы мы твердо усвоили: советские вооруженные силы не допустят вторжения врага на нашу землю. Кто бы на нас не напал, мы будем громить противника на его территории» [4]. Часть населения не хотела уезжать из-за различных материальных и моральных соображений. Вспоминает Н. Семпер: «Для нашей семьи бездомность страшнее всяких налетов – решили остаться в родной Москве» [5]. Пожилые люди считали, что не смогут вынести тягот эвакуации [6].

Иногда люди недооценивали опасность возможного оккупационного режима. В западных областях СССР в представлении некоторых пожилых людей немцы были такими, какими они их знали по Первой мировой войне. М.М. Литичевский вспоминает долгие споры между отцом и дедом: «День и ночь через город шли беженцы. Дед каждый день приводил людей, кормил их и расспрашивал. Дед пережил оккупацию немцев в Первую мировую войну и говорил о них как о цивилизованной нации. Но беженцы рассказывали страшные вещи. Отец настаивал на эвакуации. Мы уехали с оборудованием завода предпоследним эшелоном» [7].

Нередко эвакуация не разрешалась семьям рабочих и служащих, вывозившихся вместе с предприятиями и учреждениями. Помощь в эвакуации своей семье считалась нарушением трудовой дисциплины. В этой ситуации людям предстояло сделать выбор между возможным наказанием и жизнью своих близких. Так, в октябре 1941 г. из рядов партии был исключен Г.Э. Зухер за то, что, эвакуируясь с заводом, вывез в тыл свою семью [8]. Арестом на 10 суток с исполнением служебных обязанностей и удержанием 50 % от зарплаты за каждый день ареста был наказан военный юрист 3-го ранга П.Б. Фих за самовольное сопровождение в эвакуацию своей семьи [9]. Наказание с учетом военной обстановки было не очень серьезным, скорее показательным. Чтобы избежать наказания, люди иногда прибегали к различным хитростям. Например, при эвакуации из Москвы в Челябинск Промбанка СССР его руководители, чтобы вывезти свои семьи, перед эвакуацией уволили ряд работников и на их места приняли своих жен. Те получили подъемные, бесплатный проезд, жилплощадь, а потом по приезде в эвакуацию в Челябинск были сокращены [10].

Дорога в эвакуацию стала тяжелым испытанием, потребовавшим дополнительных усилий по обеспечению выживания. Вот как описывает эвакуацию из Ленинграда в Челябинск рабочий Кировского завода В. Гусев: «Наш эшелон двигался до Челябинска 29 суток. Мы больше стояли, чем ехали. Морозы все усиливались. Скоро продовольствие кончилось, и, когда поезд стоял, мы разбредались в поисках еды порой за 5–7 километров от железной дороги» [11].

Чтобы преодолеть многодневную тяжелую дорогу почти в неизвестность, необходимо было продемонстрировать чудеса изобретательности. Транспорт был перегружен, поэтому приходилось давать взятки: «Потом в вагон начали взбираться новые люди (польские евреи), а проводница не хотела их впускать, а они, бедные, с отмерзшими руками и отмерзшими ногами. Но они дали проводнице денег, и она их впустила» [12].

Проезжая незнакомые города и поселки, важно было приложить усилия для выбора места жительства в условиях эвакуации (высадка в населенных пунктах центральных районов России часто приводила к необходимости вторичной эвакуации летом 1942 г.). Все это касалось неорганизованного потока беженцев, т.к. сотрудники, ехавшие в эвакуацию с промышленным предприятием или учреждением, следовали в определенный пункт назначения. Самовольные высадки расценивались как дезертирство и карались по законам военного времени. У многих беженцев существовала иллюзия, что тепло, сытно, гостеприимно в советской Средней Азии. Урал, а тем более Сибирь страшили суровым климатом и угрюмыми жителями. В итоге прибывших в Среднюю Азию в огромном количестве беженцев невозможно было обеспечить ни продовольствием, ни работой. Неустроенность быта и жаркий климат способствовали распространению дизентерии и других болезней. Это привело к массовому голоду, унесшему жизни многих из тех, кому удалось убежать от нацистского уничтожения [13].

Активной поведенческой стратегией, обеспечившей лучшие условия выживания людей, были помощь родственников или знакомых, проживавших в восточных регионах страны, а также общение эвакуированных между собой и взаимопомощь. В условиях военного лихолетья усилилось ощущение национальной и профессиональной идентичности. Эвакуированные писатели и художники вспоминали, что часто от голода и холода их в эвакуации спасали «собратья по перу и кисти». Эвакуированные евреи получали помощь от представителей местной еврейской этнической диаспоры [14].

Хотя в условиях войны все жители тыла испытывали трудности материально-бытового характера, анализ документов позволяет выделить эвакуированных в особую социальную группу. Ее объединяли отсутствие жилья и имущества по прибытии в эвакуацию, общие источники снабжения, особый социальный статус, определявший отношения с властными структурами, а также с местными жителями. Следует помнить, что и сама социальная группа эваконаселения не была однородной. Появлению материально-бытовых различий способствовали многие факторы. Вне всякого сомнения, уровень жизни рабочих и служащих, прибывших в эвакуацию с предприятиями и учреждениями, был выше, чем у остальной массы эвакуированных. Среди так

называемого «неорганизованного» потока прибывавшего в тыл населения в худшем положении находились эвакуированные из блокадного Ленинграда; люди, пережившие двойную, а то и тройную эвакуацию; беженцы из районов боевых действий.

В гораздо лучшем положении находились эвакуированные семьи командно-начальствующего состава Красной армии, сотрудников центральных учреждений, организаций и творческих союзов, а также жители Москвы и некоторых других городов, вывозившиеся в тыл в менее тревожной обстановке. Например, 11 июля 1941 г. в г. Лысьва Пермской области прибыли 124 чел. – семьи работников искусства из Москвы, для обустройства которых Музфонд перевел 250 тыс. руб. 15 июля 1941 г. [15].

Определенное значение для благополучия людей имели время года, в которое проходила эвакуация, и география их расселения. Легче приходилось семьям, прибывшим весной и летом, успевшим к зиме собрать урожай с индивидуальных огородов, заработать трудодни в колхозах и т.д. Часто эвакуированным в сельскую местность, особенно в глухие, отдаленные от районных центров и дорог деревни, жилось сложнее, чем горожанам. Многое зависело от места трудоустройства, поскольку нормы снабжения дифференцировались по 4 группам населения: рабочие, служащие, иждивенцы, дети в возрасте до 12 лет.

Переход к мирной жизни (конверсия производства и переход предприятий на выпуск товаров народного потребления, отмена карточной системы, расширение торговой сети и т.д.) оказал положительное влияние на уровень жизни эвакуированных. Кроме того, по мере сокращения состоящего на учете эваконаселения, увеличивался объем помощи ему.

Многочисленные практики выживания условно укладываются в три основные стратегии поведения. Под стратегиями выживания обычно понимают устойчивые способы и формы жизнедеятельности, поведенческие модели, направленные на достижение основных целей существования человека: удовлетворение базовых физиологических и социальных потребностей. Содержанием стратегий выступает ряд социально ориентированных действий, правил принятия решений и практик их реализации [16]. Существуют различные классификации стратегий выживания, так, например, их можно разделить на активные и пассивные. Данное исследование направлено на изучение активных форм самосохранения в условиях войны. Все многообразие стратегий выживания Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажидинова и Т.П. Хлынина условно разделили на 2 типа: патерналистские и девиантные [17]. Соглашаясь в целом с этой типологией, предлагаем дополнить ее третьим типом: стратегии активного самосохранения.

Типичными для большинства жителей советского тыла в целом и для эваконаселения в частности были патерналистские практики жизнеобеспечения. В силу особенностей геополитического положения России государство исторически играло особую роль опекуна народа. В советский период оформилась государственная система социального обеспечения, порождавшая социальное иждивенчество. Люди считали, что государство должно решать насущные проблемы их жизнедеятельности и стремились получить помощь в виде разного

рода государственных выплат или льгот. Номенклатурные работники, попав в эвакуацию, зачастую сохраняли свой привилегированный статус. Это давало доступ к дефицитным товарам. Существовала целая система раздела дефицита по административным, силовым и сословным линиям. Блага, сочетавшие в себе особо высокую потребительную стоимость с особой ограниченностью или редкостью, образовывали несколько социально замкнутых кругов. В них обменивались ограниченные блага разного качества, престижности и степени дефицитности [18].

Интересна патерналистская схема получения товаров и услуг, придуманная и осуществленная группой эвакуированных в Алма-Ату столичных писателей. «В Союз писателей привозили иногда… национальную реликвию – почти столетнего акына Джамбула, певца дружбы народов и советской власти. Его усаживали дремать в каком-нибудь укромном уголке во дворе, а в это время многочисленные секретари звонили по инстанциям, требуя от имени Джамбула разных насущных благ, к примеру: "Джамбулу требуются двадцать пар лакированных сапог". Хотя Джамбул даже не говорил по-русски, его именем кормились как местные, так и эвакуированные "секретари" и "переводчики"» [19].

В обстановке всеобщего огосударствления и тотального контроля большая часть населения стремилась попасть в категорию «льготников», чтобы получить послабления по налогам или какие-либо пособия. Численность людей, имевших право на государственные пособия, в годы войны возросла прежде всего за счет семей фронтовиков, инвалидов, матерей-одиночек, эвакуированных. Получение официального статуса «эвакуированного» давало возможность получения продуктовых карточек (что было актуально в сельской местности) и материальной помощи.

Для получения различных социальных льгот и выплат, как правило, необходимо было пройти длительную и утомительную бюрократическую процедуру: собрать многочисленные справки, отнести их в соответствующую инстанцию и т.д. Это было связано со стоянием в очередях, ожиданием ответов. Если не давали результатов сбор многочисленных справок и хождения по инстанциям, человек прибегал к самому распространенному способу защиты своих прав: писал жалобы «во власть». Наибольший эффект давали жалобы мужьям в действующую армию или в Москву – руководителям партии и правительства. Жительница Курганской области Р.С. Чистякова, приняв эвакуированный из Курской области детский дом и отчаявшись достать фонды на питание и одежду, написала письмо председателю Государственного комитета обороны СССР И.В. Сталину: «Ровно через две недели детдому дали все и даже больше, вплоть до американского шоколада» [20].

Девиантные (иногда переходящие в криминальные) стратегии выживания были связаны с уклонением от выполнения или прямым нарушением существовавших правовых норм. Обстановка тотального дефицита и общего снижения уровня жизни населения, вызванная военными обстоятельствами, ставила человека в пограничную ситуацию между должным и приемлемым поведением. Главным мотивом девиантного поведения было «выжить любой ценой», диапазон моделей такого выживания был достаточно широк

и разнообразен. В условиях войны границы девиантности расширились и некоторые деяния граждан, наказуемые с точки зрения закона, не считались преступными в общественном мнении. В воспоминаниях эвакуированных содержатся примеры таких поведенческих практик, как сбор колосков или картофеля на колхозных полях, воровство торфа или угля с добывающих предприятий для отопления своего жилища, приобретение товаров для перепродажи по более высокой цене, самовольная реэвакуация и т.д. [21].

Вспоминая о действиях девиантного характера в эвакуации, большинство людей объясняет их безысходностью: «Из-за холодов "буржуйку" надо было топить круглосуточно, и часто угля не хватало. Нам приходилось идти на территорию ближайшего завода и оттуда таскать уголь в мешках и ведрах. Для нас, детей (мне было в первый год войны 5 лет, братику – 3), это было тяжелым испытанием: мороз доходил до 35 градусов Цельсия, дули сильные степные ветры. А снег был выше нашего роста. Но делали мы это потому, что было необходимо. Я понимал, что охрана завода видит наше "воровство", но делала вид, что не видит» [22]. Но было и воровство другого рода: кражи профессиональных воров, кражи хозяев в домах и квартирах, куда селили прибывших эвакуированных [23].

Стратегии активного самосохранения не были чем-то новым в повседневной практике жизнеобеспечения людей. В условиях мобилизационной экономики заработная плата на государственном предприятии или в учреждении была основным источником выживания. К тому же отсутствие официального трудоустройства без достаточно веских оснований грозило карательными санкциями со стороны советского государства. Устройство на работу на предприятие оборонного значения повышало шансы выживания, поскольку работник получал продуктовую карточку 1-й категории, талоны на горячее питание в заводской столовой, возможность дополнительного снабжения в случае перевыполнения норм выработки. Прибывшие по организованной эвакуации с предприятиями или учреждениями сохраняли свой трудовой стаж и зарплату. Беженцы стремились как можно быстрее устроиться на работу.

Зачастую место работы и занимаемая должность были ценны не только и не столько размером оклада, а возможностью доступа к дефицитным товарам и услугам. Это объяснялось сложившейся в условиях всеобщего дефицита системой теневого перераспределения ресурсов. Одной из обеспеченных категорий населения в советском обществе были работники снабженческих или распределительных организаций системы торговли и общественного питания.

Первое место среди них по масштабам и значимости в структуре питания населения советского тыла применительно к военному периоду занимало огородничество и использование в пищу «подножного корма». Не только сельчане, но и население промышленных городов вскапывало и засеивало коллективные и индивидуальные огороды, выращивая различные овощи (преимущественно картофель). Восприняв огородничество как панацею от массового голода, государство уже с 1942 г. стало активно поддерживать и пропагандировать этот вид деятельности. Городские власти и руководство промышленных предприятий нарезало земельные участки, организовывало вспашку земли,

помогало людям семенами, инвентарем [24]. Вот, например, что вспоминает эвакуированный на Урал известный ученый академик Е.О. Патон: «В холодное дождливое лето 1942 г. немногие свободные вечера я проводил на огороде… Огороды были у всех сотрудников института, и осенью я вышел победителем в соревновании за лучший урожай» [25].

В условиях всеобщего дефицита эвакуированные вспоминали старинные ремесла и придумывали оригинальные поделки на продажу. Виктор Ваксман рассказывал: «Я плел корзины и лапти, которые мы носили в соседнее татарское село Тавель и обменивали на салму (что-то вроде клецок из жмыха)» [26]. Различные типы стратегий могли сочетаться между собой: одна носила основной, другая вспомогательный характер. Многое зависело от склада ума, темперамента, характера, психологической устойчивости, адаптационных возможностей, а иногда и просто от везения человека.

Примечания:

1. Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П., Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д, 2011. С. 282–283.
2. Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж.-Л. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. М., 1999. С. 237, 301–303; Швейбиш С. Эвакуация и советские евреи в годы катастрофы // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 2 (9). С. 49–59.
3. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е гг.: город. М., 2008. С. 75.
4. Курганов В.П. Так рождался Уралхиммаш. Свердловск, 1973. С. 8.
5. Семпер (Соколова) Н. Портреты и пейзажи. Частные воспоминания о 20-м веке // Дружба народов. 1997. № 2. С. 107.
6. Караваева А. Борец и организатор // Фадеев: воспоминания современников. М., 1965. С. 268.
7. Респондент М.М. Литичевский, 1932 г.р., записан в г. Магнитогорске 25 июня 2008 г. Интервьюер М.Н. Потемкина.
8. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 37. Д. 135. Л. 41.
9. Государственный архив Пермского края. Ф. Р-1198. Оп. 2. Д. 12. Л. 5.
10. Объединенный государственный архив Челябинской области. ПФ. 288. Оп. 4. Д. 138. Л. 101.
11. Гусев В. Как кировцы делали танки в Челябинске // Знамя. 1974. № 8. С. 141–142.
12. Аксельрод Е. Казахстанская пурга // Эвакуация. Воспоминания о детстве, опаленном огнем Катастрофы. СССР, 1941–1945. Иерусалим, 2009. С. 116.
13. Швейбиш С. Эвакуация, реэвакуация, антисемитизм в СССР во время Шоа // Заметки по еврейской истории. 2012. № 10 (157).
14. Кижнер Х. Мы назывались «гонщиками» // Эвакуация. Воспоминания о детстве, опаленном огнем Катастрофы… С. 80.
15. Пермский государственный архив новейшей истории. Ф. 105. Оп. 7. Д. 98. Л. 16.
16. Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Указ. соч. С. 282–283.
17. Там же.
18. Казыханова Л.Р. Изменение социальной роли денег и их влияние на социально-экономическое поведение населения в условиях трансформации российского общества: дис… канд. соц. наук. Уфа, 2003. С. 55.

19. Аксельрод Е. Указ. соч. С. 117.
20. Священная война. Великая Отечественная в памяти фронтовиков и тружеников тыла. Курган, 2000. С. 300–303.
21. Канович Г. Отрывок из повести «Лики во тьме» // Эвакуация. Воспоминания о детстве, опаленном огнем Катастрофы… С. 107–110.
22. Zeitgeschichte regional. Sonderheft 5. Rostock, 2012. С. 63–67.
23. Аксельрод Е. Указ. соч. С. 116.
24. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 327. Оп. 2. Д. 399. Л. 10; Государственный архив Свердловской области. Ф. 2508р. Оп. 1. Д. 92. Л. 12–14.
25. Патон Е.О. Воспоминания. Киев, 1955. С. 250.
26. Ваксман В. Воспоминания братьев Ваксманов // Эвакуация. Воспоминания о детстве, опаленном огнем Катастрофы… С. 129.

Н.Н. Макарова

«Мир чувств» в годы Великой Отечественной войны (по материалам Магнитогорска)

В данной статье предпринимается попытка изучить духовный мир магнитогорцев, живших и работавших в тыловом городе в годы Великой Отечественной войны, выяснить, какие чувства и эмоции переживали горожане. Впервые проблему изучения эмоций поставил Л. Февр [1], а вслед за ним изучением данного вопроса занялись Й. Хейзинга, Н. Элиас, Т. Зелдин. По меткому выражению А.Ю. Рожкова, «до них в исторической науке наблюдалась парадоксальная ситуация: эмоции и чувства, имевшие на протяжении веков заметное место в культурной истории, сами оставались без истории» [2]. В условиях «антропологического поворота», начавшегося в конце 1980-х гг., все чаще внимание историков привлекают сюжеты, связанные с внутренним миром конкретных людей. Все активнее историки вовлекают в научный оборот источники личного происхождения, ведущую роль среди которых играют дневники, воспоминания, письма, материалы устной истории. Результатом стало формирование истории эмоций как самостоятельного исследовательского поля.

В России данное направление исторической науки делает только первые шаги. В этой связи очень важным научным мероприятием стала международная научная конференция «Эмоции в российской истории и культуре» и издание сборника материалов «Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций» [3]. Исследования истории эмоций военного времени специально не проводилось, а отдельные публикации подобного рода акцентировали внимание на традиционных сюжетах: фронтовая повседневность, быт, чувства участников боевых действий и эвакуированного населения, столкнувшегося с многочисленными трудностями военного времени. В этом ключе серию интересных научных работ создали историки Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина, И.Г. Тажидинова [4], которым удалось проанализировать широкий спектр проблем, прямо или косвенно затрагивающих эмоциональную сторону жизни

населения СССР в годы войны: практики удовлетворения основных жизненных потребностей, особенности труда, военной службы, отдыха и досуга советских граждан, восприятия ими времени и пространства, основные стратегии выживания населения, семейные отношения, любовь и дружбу, жилищный и религиозный вопросы в жизни советского человека, а также практики использования свободного времени в 1941–1945 гг.

Воспоминания играют особую роль в конструировании поля истории повседневности, однако важно учитывать контекст написания и опубликования данного вида источников. Так, воспоминания о Магнитогорске представлены в данной статье как неопубликованными материалами из коллекции автора и фондов архивов и музеев, так и опубликованными мемуарами. Кроме того, особое значение в исследовании принадлежит письмам, исходящим от людей разных социальных и профессиональных групп. Именно в этом виде эго-источников наиболее ярко отражен спектр чувств и переживаний, с которыми сталкивались авторы текстов, а точнее комплекс эмотивов (речевых актов как способов выражения эмоций, но не самих переживаний), упомянутых в текстах.

Эмоциональный репертуар Веры Федоровны Берсеневой был разнообразен в целом, но вполне типичен для человека военной поры. Письма В.Ф. Берсеневой демонстрируют особенную яркость и эмоциональность. Написанные прекрасным литературным языком, письма читаются очень свежо и интересно. Естественно, что уровень образования автора писем, среда, в которой воспитывалась и жила В.Ф. Берсенева, круг знакомств – все это влияло на содержание текстов, созданных ею, определяло круг ее забот, страхов, тревог и радостей, т.е. всю совокупность стандартов поведения, идентифицируемых субъектом, – эмоциональное кодирование.

Воспоминания, опубликованные в советский период, вполне традиционно описывают начало войны и ее последующий ход: «Началась война 1941 года. Мы, учителя, отказались от летнего отпуска и уехали с учениками 6–7 классов в совхоз “Наровчатка”, где работали на прополке овощей. Трудно начался новый 1941–1942 учебный год. Многие семьи остались без отцов. Учителя, комсомольская и пионерская организации окружали заботой и вниманием семьи фронтовиков» [5].

Чувства людей, оказавшихся вдали от линии фронта, могут оказаться интересным и перспективным проблемным полем в рамках изучения военной истории повседневности. Интересно понять, как население, находившееся за сотни километров от непосредственных боевых действий, ощущало эту войну; как письменные практики (дневники и письма) отражали мир переживаний людей. Анализ источников личного происхождения, созданных магнитогорцами, показал, что весь спектр чувственных переживаний и эмоциональных реакций условно можно разделить на две большие группы. Первая включает в себя чувства, которые магнитогорцы адресовали врагу. Это, как правило, были гнев, ненависть, злоба, отчаяние. Вторая группа представляет огромный диапазон эмоций, возникавших по отношению к родным и близким людям, втянутым в круговорот военных событий, к изменившейся бытовой стороне

жизни. Это сторона эмоциональной жизни магнитогорцев была гораздо богаче и разнообразнее – от любви до ненависти, от радости до печали, от счастья до горя. Граница в мире чувств военной поры стала крайне подвижной и едва уловимой.

Несомненно, в годы Великой Отечественной войны преобладающим среди многообразия эмоций и чувств, декларируемых официальной пропагандой и имевших широкую поддержку среди горожан, стало чувство ненависти к врагу. Материалы периодической печати периода Великой Отечественной войны пестрят заголовками о фашистских захватчиках, вероломно напавших на СССР. В разнообразных рубриках газеты «Магнитогорский рабочий» регулярно публиковались статьи и заметки, призывавшие вести борьбу с захватчиками. Официальный дискурс военной поры в Магнитогорске, как и по всему СССР, формировал особый эмоциональный режим. Складывание повседневных эмоциональных практик также осуществлялось под воздействием власти. Ярким примером в этой области может служить процедура проводов на фронт – важное событие в жизни человека, семьи, города, страны. У городского вокзала собирались родственники и друзья призывников, «играл оркестр, а партийные агитаторы устраивали чтение местных и центральных газет, разъясняя политическую обстановку» [6].

Влияние эмоционального режима ощущается в текстах, написанных много позже: «С первых дней войны Жабин В.В. находится в боевом строю. Участвует в оборонительных сражениях под Старой Руссой… Летом 1942 года обстановка была накалена до предела. Гитлеровцы рвались к Волге, стремясь стереть с лица земли город. Но героические защитники Сталинграда стойко отражали натиск врага» [7]. На одном из участков фронта сражалась и воинская часть, в которой был В.В. Жабин: «Подразделение политрука Жабина В.В. дисциплинированное, боевое. Оно всегда готово выполнить любой приказ. В боях за Сталинград Жабин В.В. и его бойцы дерутся отлично». Любопытно, что письмо родным, написанное В.В. Жабиным на случай гибели, цитировалось в советских изданиях частично: «Бойцы моего подразделения дрались, как львы. Противник несколько раз пытался прорваться с танками, но наши воины, чудо-богатыри, отбивали их и не пропускали вперед. Уверен, потомки нас не упрекнут в трусости и малодушии» [8]. Возникает вопрос: неужели, прощаясь с матерью и сестрой, политрук В.В. Жабин ни строчки не написал о том, что он их любит, целует на прощание, просит прощение за что-то или просит не переживать о нем? Скорее всего, эти строки были изъяты из публикаций советской поры как лишние или незначительные.

Однако если обращение к чувству ненависти к врагу возникало в материалах периодической печати и источниках личного происхождения, публиковавшихся в советский период регулярно, то о страхах и ужасах войны говорить было не принято, хотя никто присутствия этих эмоциональных проявлений в жизни населения тыла не отрицал [9]. В условиях войны «личная жизнь как выражение индивидуальных чувственных переживаний не прекращалась, неизбежно “встраиваясь” в новый формат существования» [10]. Жизнь в тыловом городе, где бытовые условия были далеки от идеальных в предвоенный

период, стала еще сложнее: «На Магнитке жизнь сейчас не больно легкая и становится все труднее». Дефицит, голод, тяжелый физический труд и всеобщее горе обостряли чувства людей. Большинство магнитогорцев оказались лишены привычного образа жизни, быта и окружения. Но даже в этих условиях люди переживали «обычные» чувства.

Анализ комплекса писем семье Краузе – Берсеневых за период с 5 июня 1941 г. по 4 декабря 1942 г. показал, что наиболее часто в текстах повторялись универсалии «страх», «тревога», «боязнь». Использование набора данных эмотивов в письменной речи вполне обосновано, т.к. у большинства магнитогорцев в первые дни войны на фронт ушли добровольцами или по призыву родственники и друзья. В.Ф. Берсенева и ее семья не стали исключением. Многие соседи, друзья и родные оказались на фронте, но страшнее всего для матери была возможная мобилизация на фронт ее 17-летнего сына – студента московского университета. В.Ф. Берсенева в письме от 26 июня 1941 г. сыну в Москву отметила: «Вот и пришло то грозное, чего мы все с такой тревогой все эти годы ждали» [11]. Действительно в предвоенные годы в источниках личного происхождения встречаются мысли или указания на слухи о близкой войне.

Война привнесла в жизнь магнитогорцев непрочность, неясность происходящего, обострив ощущения горечи и невосполнимости утрат. «Раньше все было проще – работа, дом, заботы, субботники… И так каждый день! А теперь – мы были здесь [в тылу. – *Н.М.*], а что там [на фронте. – *Н.М.*] – неясно» [12]. Справедливо отметила историк Т.П. Хлынина, что на фоне войны «предвоенные репрессии и ужасы колхозного строительства уходили куда-то вглубь, на периферию сознания, перед которым во весь рост вырисовывалась куда большая и грозная беда – война. Война, поравнявшая всех перед лицом смерти и стершая из памяти все предыдущие обиды» [13]. Уже в письме от 26 июня 1941 г. В.Ф. Берсенева писала: «С этим [войной. – *Н.М.*] придется примириться, как и совсем другим тяжелым и горьким, что еще ждет впереди всех нас» [14]. Понимание опасности предстоявшего, важности события, боязни за себя и своих родных людей очень часто встречаются в рассказах ветеранов фронта и тыла. Можно предположить, что подобные мысли и мироощущения были у большинства советских людей, но вряд ли кто-то рисовал ту картину будущего, которая возникла в реальности.

Вскоре война вошла в повседневную жизнь Магнитогорска как данность, в которой надо было жить, работать, с которой нужно было мириться. «Трагическая гибель Леки потрясла всех нас до глубины души. На бедных его родителей нельзя смотреть без скорби, хотя они оба стараются переносить свою утрату мужественно», – так сообщала В.Ф. Берсенева сыну Руфу о гибели его одноклассника в Москве во время обстрела. Далее женщина отметила, что несмотря на горе людей она рада тому, что живы все члены ее семьи и здоровы. Подобный дискурс противоречил официальному облику войны, когда все в едином порыве трудились и воевали ради победы. А вот поведение родителей погибшего студента, «которые стойко держались», было проявлением эмоционального кодирования, характерного для военной поры. Эмоциональный режим военного времени, продиктованный официальной пропагандой СССР,

не предполагал открытой демонстрации чувственных переживаний, жизни напоказ. Советская идеология считала, что человек должным быть сильным, стойким, непримиримым к врагам. Часто только дневники и письма оставались единственными «слушателем», готовым принять эмоциональную боль, тревогу, раздражение. Именно письменные практики стали одним из немногочисленных способов осмысления происходивших вокруг событий. В письмах, даже в условиях военной цензуры, сообщалось о тесноте, вызванной эвакуацией, давались рекомендации, как себя вести и жить среди незнакомых людей: «…у меня одно желание, чтоб все хорошее, что ты получил в детстве, дало тебе силу и крепость перенести все испытания, не утратить спокойствия и ясности духа, чтоб ты не боялся тяжелого, чтоб не страшился страшного… Ты старайся получше присматриваться к людям, которые будут вокруг тебя, и искать в них хорошее… И старайся никогда и ничем не показывать товарищам… что ты знаешь большее или имеешь большее» [15].

Еще одним универсальным понятием времен войны стало ожидание. Люди тревожились и ждали вестей с фронта: «От Гриши нет вестей с 25 мая. Его отец очень тревожится… Только очень тревожат мысли о бомбардировках Москвы, о той опасности, которой ты ежедневно подвергаешься…» [16]. Телеграммы в военное время радовали, даже если их содержание было не самым радужным. Важно было лишь то, что человек жив. В.Ф. Берсенева, видимо, поэтому неоднократно просила сына сообщать ей любыми способами сведения о себе, это по ее словам «утешало, поддерживало, делало душу спокойнее» [17]. Терпение и самообладание стали спутниками повседневной жизни магнитогорцев. В.Ф. Берсенева писала о том, что «всем нам понадобиться много выдержки, терпения и самообладания» [18]. Интересно, что категория «терпение» трактовалась, во-первых, в смысле ожидания новостей от родных: «Каждый день проходит в ожидании весточки» [19]. Во-вторых, «терпение» понималось как ожидание прекращения войны и всех бытовых неудобств, связанных с ней.

Несмотря ни на что жизнь шла своим чередом, нужно было заботиться о детях, учиться, работать, решать бытовые проблемы и конфликтные ситуации. В военное время продолжали работать высшие учебные заведения, студенты сдавали экзамены, зачеты, школьники писали контрольные работы. Успехи детей вызывали радость как у них самих, так и у родителей. В письмах сыну В.Ф. Берсенева неоднократно отмечала, что крайне радовалась успехам детей в учебе в основной и музыкальной школах. Радость встречи всегда вызывала бурю приятных эмоций, а в годы войны встречи ценились еще сильнее: «В июле 1943 года мне была нужна юридическая помощь. Пошла к прокурору Кировского района. Вошла в кабинет… вдруг прокурор вскакивает… налетает на меня… я падаю в объятия. Это мой комик. Новиков! Забыто настоящее. Мы оба наперебой вспоминаем прошлое», – вспоминала О.П. Эбулдина [20].

Насколько приемлемыми в годы войны в тыловом социуме были чувства, подобные зависти, мести, неприязни, судить сложно. Некоторые ответы на эти вопросы дают эго-источники. Так, наибольшие конфликты в быту вызывало совместное проживание разных людей со своими привычками

и предпочтениями в одной квартире: «Они [семья Кальмееров и Струженских, подселенные в квартиру к Берсеневым. – *Н.М.*] очень не ладили между собой и к нам предъявляли разные претензии… С нашими вещами обращались очень бесцеремонно. Рылись в наших шкафах в наше отсутствие… И мне, и отцу это не могло быть приятно, но мы старались молчать, чтобы не портить отношений» [21]. Судя по письмам, молчать решили только хозяева квартиры, а все остальные постоянно ссорились, кричали, предъявляли претензии друг другу и обвинения. Утрата покоя как проявления приватного пространства беспокоила В.Ф. Берсеневу, о чем она неоднократно писала сыну: «У нас дома все здоровы, только нет прежней тишины… Теперь у нас поселились чужие люди… Мы совсем закрыли дверь из детской в прихожую и ходим все только через дверь в столовой, которую запираем, когда уходим из квартиры. Наши жильцы – три женщины и двое маленьких детей – пока не делают нам ничего плохого… Только у них громкие голоса, и дети плачут часто» [22].

Военное время подталкивало к размышлениям о смысле жизни и счастье. Счастье как жизненная категория вызвала, по оценкам В.Ф. Берсеневой, серьезные споры. Но ее общий вывод был таков, что во время войны «счастье – это отсутствие несчастья… Мы живем в большой и светлой квартире, и над нами не падают бомбы. И это – большое счастье» [23].

Чем дольше шла война, тем чаще в письмах возникали описания страха, боязни, ужаса, тоски, страдания, эмоциональной усталости, вызванной бытовыми проблемами: «Ощущаю только страшную усталость и отвращение ко всему на свете» [24]. Семья как эмоциональное сообщество стремилась не показывать ни внешним видом, ни репликами, ни во взаимодействиях с окружавшими людьми свои реакции на тяжелые жилищные обстоятельства, однако в письмах родным В.Ф. Берсенева указывала, что быт стал невыносим, что привычки посторонних людей в их квартире раздражают: «У меня лично ни с кем не было конфликтов, потому что я твердо решила, что у меня их не будет» [25]. Ф.О. Краузе, вторя оценкам супруги, писал: «В доме у нас полно народу, – как тараканы в спичечной коробке. Очень удачны оказались наши принудительные жильцы [семья инженера Таранова. – *Н.М.*], живущие в твоей комнате… Они нас ничем не стесняют… Хуже всех себя держит Струженская Наталья Алексеевна… целыми днями ничего делать не хочет, валяется у себя, под шубой, в вязаном чепчике (с помпончиком!) на голове и читает романы» [26]. Бинарная оппозиция: индивидуальное – коллективное, разработанная С. Китаямой и Д. Мацумото, успешно применима к военному времени. Семья как малая социальная группа противопоставляла себя индивидам извне. В семье царила поддержка, взаимопомощь, уважение, любовь, привязанность. Переносить эти чувства во внешнюю среду (по отношению к эвакуированным, подселенным к Берсеневым) семейство не торопилось, хотя и открытого протеста, проявления конфликта не демонстрировало.

Подводя итоги, необходимо отметить, что культурная история эмоций помогает нам лучше понять жизненный мир человека ушедшей эпохи как повседневный мир чувств и эмоциональных проявлений, а источники личного происхождения разрушают привычные представления и мифы о повседневной

жизни индустриального центра, давая возможность понять, как думали и чувствовали горожане. Магнитогорцев волновал исход войны, для них была важна победа, но не меньшее значение в годы войны приобретали собственные мысли, переживания, заботы. Эти эмоции и чувства во многом зависели от условий, создаваемых для горожан в быту и в труде. В Магнитогорске в годы войны одной из наиболее сложных бытовых проблем оказался жилищный кризис, который порождал массу конфликтов внешних и внутренних. Эго-источники, отражающие духовный мир людей, свидетельствуют о том, что человек, несмотря на неустроенность вокруг, страхи, тревоги, заботы, а иногда и благодаря этому, испытывал потребность в многообразии чувств. Мир чувств человека огромен: радость, страх, безысходность, забота, любовь, ненависть и т. д. Все чувства и переживания были вполне «обычными», характерными для любого человека и любой эпохи, но в условиях войны и связанных с ней сложных социально-бытовых условий чувства обострялись. Горожане, лишенные привычных социальных связей и обстановки, переживали «обычные» чувства особенно остро, более эмоционально, когда тревога оказывалась чрезмерной, страх паническим, безысходность преследующей, радость и любовь безграничными.

Примечания:

1. Февр Л. Чувствительность и история // Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 109–125.
2. Рожков А.Ю. «Эмоциональный поворот» в исторической науке: основные понятия и подходы // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2014. № 3–4. С. 101–106.
3. Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций. М., 2010.
4. Кринко Е.Ф. Пространство и время в воспоминаниях и письмах участников Великой Отечественной войны // Проблемы российской истории. 2010. Вып. X. С. 456–470; Тажидинова И.Г. Ценность вещей: измерение военного времени // Проблемы российской истории. 2010. Вып. X. С. 487–504; Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П., Тажидинова И.Г. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д, 2011; Хлынина Т.П. «Писали и про войну, и тоску по дому»: дневники и письма военного времени как практики реализации приватного // Проблемы российской истории. М.–Магнитогорск, 2013. Вып. XII. С. 295–307.
5. Акулина Е.А. Мои воспоминания о Магнитке // Сборник воспоминаний ветеранов народного образования Магнитки. Магнитогорск, 1982. С. 17.
6. Магнитка и победа. Магнитогорск, 2010. С. 69.
7. Симакова А.А. Всю жизнь в строю // Сборник воспоминаний ветеранов народного образования Магнитки. Магнитогорск, 1982. С. 43.
8. Боевое знамя. 1942. Сентябрь.
9. Симакова А.А. Всю жизнь в строю. С. 43.
10. Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г. «Сердце выслать не могу», или о повседневности чувств военного времени // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. Ростов н/Д, 2009. С. 168–187.
11. Пришла война в Березки. Письма матери. Череповец, 2011. С. 55.
12. Респондент А.И. Чеснокова, 1924 г.р., записана в г. Магнитогорске 12 июля 2008 г. Интервьюер Н.Н. Макарова.
13. Хлынина Т.П. «Писали и про войну, и тоску по дому»… С. 295–307.
14. Пришла война в Березки. Письма матери. С. 61.

15. Там же. С. 63.
16. Там же. С. 59.
17. Там же. С. 671.
18. Там же. С. 68.
19. Там же. С. 68.
20. Эбулдина О.П. Хочется оглянуться на пройденный путь // Сборник воспоминаний ветеранов народного образования Магнитки. Магнитогорск, 1982. С. 49.
21. Пришла война в Березки. Письма матери. С. 82.
22. Там же. С. 55.
23. Там же. С. 77.
24. Там же. С. 81.
25. Там же. С. 82.
26. Там же. С. 69.

И.Л. Жеребцов, М.В. Таскаев

«Мандалада» 1943 г.: к вопросу об антисоветских движениях в национальных регионах СССР в годы Великой Отечественной войны

Одна из «болевых точек» историографии Великой Отечественной войны – вопрос об участии части населения отдельных национальных регионов СССР в антисоветской деятельности, включая и вооруженную борьбу против существовавшего в СССР политического строя. Обычно речь идет о населении оккупированных, фронтовых и прифронтовых регионов на западе и юге европейской части, где под влиянием вражеской пропаганды и в силу личных убеждений какое-то количество местных жителей той или иной национальности вступало в вооруженные формирования, воевавшие (либо исполнявшие карательные или охранно-полицейские функции) на стороне оккупантов. Однако имели место и вооруженные выступления иного порядка – в тыловых районах, практически не затронутых (или вовсе не затронутых) непосредственными военными действиями. К их числу относился и Ненецкий национальный округ, коренное население которого – ненцы, кочевавшие в полярных тундрах, – имели исторически сложившиеся непростые отношения как с органами государственной власти и управления (особенно региональными и местными) Российской империи и СССР, так и со своими оседлыми инонациональными соседями (русскими и коми) [1].

В первой трети XX в. эти сложности проявились, в частности, при создании ненецкой административно-территориальной единицы. Вопрос о создании в тундре Ненецкого национального района обсуждался с середины 1920-х гг. Власти Коми автономной области и Архангельской губернии (позднее – области), конкурируя между собой, стремились сохранить территорию такого района в своем составе. Ненцы же призывали к тому, чтобы их «не рвали на куски» и не подчиняли коми или провинциальным русским властям, а создали бы единый ненецкий район, который включил бы в себя все ненецкое кочевое

население, с подчинением непосредственно Москве. Когда ВЦИК в июне – июле 1929 г. принял решение о создании Ненецкого округа, власти Коми и Архангельской областей энергично протестовали, но 14 августа 1929 г. вопрос был окончательно решен. На карте СССР появился Ненецкий национальный округ Архангельской области, куда вскоре, кроме тундровых ненецких сельсоветов, были включены и селения в низовьях Печоры в основном с русским и частично коми населением [2].

Создание национального округа, впрочем, представляло интерес лишь для относительно небольшой политизированной полуоседлой группы ненецкого населения. В абсолютном большинстве ненцы по-прежнему вели кочевой образ жизни, жили в чумах, занимались оленеводством, рыболовством (на море и в реках) и охотой. «Великий перелом» их, разумеется, тоже затронул, хотя и далеко не в такой степени, как земледельческие районы. В 1929–1932 гг. в округе были организованы товарищества по совместному выпасу оленей (к концу 1934 г. их было 15). Первый ненецкий оленеводческий колхоз возник в марте 1929 г. В этом колхозе в следующем году организовали и первую в тундре ячейку ВКП(б). За Уралом, на Казыме и в ямальской тундре коллективизация привела к вспышке недовольства ненцев в 1931–1934 гг. [3]. У «европейских» ненцев в Ненецком округе до этого пока не дошло. В 1930-х гг. в округе стали интенсивнее развиваться промысел рыбы (семги, нельмы, сига и др.) и рыбная промышленность, а также молочное животноводство и земледелие (в основном в долинах рек).

Несомненно, что жизнь ненецкого населения затронуло и развитие добывающей (угольной) промышленности, когда на территории пастбищ и традиционных путей перекочевок стали появляться лагерные пункты Воркутлага, ставшие, помимо прочего, и наиболее действенными рычагами укрепления социально-политического влияния государства в регионе. И коллективизация, и вторжение чуждого ненцам «индустриального мира», и социально-политические изменения осложняли функционирование традиционного хозяйства и всего привычного образа жизни местных жителей, среди которых постепенно копилось недовольство складывавшейся ситуацией. Вспоминались к месту и не к месту старые обиды (в известной степени надуманные либо раздутые) на коми и русских соседей, в прошлом политически и социально-экономически «притеснявших» ненцев. Неизвестно, как бы развивался этот процесс и во что бы он вылился, если бы не начавшаяся Великая Отечественная война с естественными трудностями военного времени, ставшими катализатором протестных настроений среди немалой части ненцев.

Вся страна жила в соответствии с одним-единственным лозунгом «Все для фронта, все для победы!». Для малочисленного народа тундры исключений тоже не делалось. Военный, мясной, сельскохозяйственный налоги ненцам надо было платить оленями (всего за годы войны для нужд фронта население округа передало 73 тыс. оленей). Платить также надо было рыбой и дичью. С 1939 г. ненцы стали служить в Красной армии, теперь их призывали на фронт. На Великую Отечественную войну из Ненецкого национального округа Архангельской области были призваны представители многих ненецких

фамилий, однако на территории Приполярного Урала призыв в РККА осуществлялся только среди тех ненцев, кто был зарегистрирован на приграничных с Коми АССР и Ненецким округом территориях и был записан как коми, хотя большинство мобилизованных носили ненецкие фамилии Вэнукан, Пурунгуй и Хэтанзи. Именно Хэтанзи (Хатанзейские) дали первого и единственного Героя Советского Союза среди ненцев – Андрея Гурьевича Хатанзейского [4].

В рамках реализации академической плановой темы «Межнациональные отношения на Европейском Северо-Востоке: история и современное состояние» (научный руководитель д.и.н. А.Н. Турубанов) сектором отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН впервые в региональной историографии были выявлены данные об антисоветском национальном движении ненцев Пай-Хойской тундры в годы Великой Отечественной войны. Сама тема была посвящена истокам и историческим предпосылкам формирования межнациональных отношений на Европейском Северо-Востоке России, выявлению их особенностей. Сектор отечественной истории ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН работал над сбором новых архивных документов несколько лет, выявляя новый и порой уникальный архивный материал. Большой коллектив исследователей (А.Ф. Сметанин, А.Д. Напалков, И.Л. Жеребцов, А.Н. Турубанов, М.В. Таскаев, М.А. Мацук, В.И. Чупров, Д.В. Вишнякова, Н.М. Игнатова, В.В. Якоб, М.В. Хайдуров, Н.П. Безносова, Д.Т. Козлова, Т.А. Малкова и др.) собрал данные, хранящиеся в настоящее время в виде фундаментального 8-томного научного отчета объемом более 100 а.л. в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН [5].

Данные о ненецком движении «Мандалада» в рамках темы были обнаружены авторами настоящей статьи в фондах Ненецкого краеведческого музея в Нарьян-Маре и до сих пор в сколь-либо подробном изложении не публиковались в научных изданиях. На научных форумах эти данные впервые были частично представлены в докладе М.В. Таскаева в апреле 2015 г. на проведенном в рамках I съезда историков Республики Коми симпозиуме «Коми край в военной истории России», посвященном 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Само понятие «Мандалада» означает «вооруженное сопротивление коренных народов ямальской и Большеземельской тундр – ненцев – политике советского правительства по ликвидации традиционной социально-экономической структуры этих народов, аккультурации их в пространстве складывающегося советского общества и экономической эксплуатации в годы коллективизации и Второй мировой войны» [6].

По мере развития военных действий, расширения их масштабов, в том числе и территориальных, влияние войны все более заметно сказывалось даже на таких отдаленных от фронта регионах, как Ненецкий округ. Впрочем, сказать, что обстановка там была мирной, нельзя. Значение воркутинского угля для нужд обороны оценили не только руководители советского государства, ускоренными темпами организовавшие строительство железной дороги до Воркуты и новых шахт, но и правители фашистской Германии, попытавшиеся воспрепятствовать развитию добычи и поставке этого стратегического сырья в центральную часть страны по железнодорожным и водным путям.

В устье Печоры (где начинался морской путь на запад, в Архангельск) появлялись немецкие подводные лодки, в небе над тундрой – вражеские самолеты (немецкие бомбардировщики Ю-88 и Хе-111 могли долетать до Уральских гор, но истребители не могли сопровождать и прикрывать их в столь долгом перелете). Пожалуй, впервые со времен Крымской войны середины XIX в., когда ожидалось нападение англо-французской эскадры на печорские селения, и усть-цилемские и ижемские крестьяне построили в устье Печоры укрепления, война столь явно вмешивалась в глубокий северо-восточный тыл европейской России. Германское командование возлагало надежды на организацию бунта в Воркутлаге и иных лагерях, расположенных в регионе. Возможно, германская разведка (и, в частности, созданный в 1942 г. разведывательно-диверсионный орган «Цеппелин») имела данные о крупном восстании заключенных в лагере «Лесорейд» близ селения Усть-Уса (на реке Колва – притоке Печоры) в том же 1942 г., которое было подавлено с большим трудом [7].

Во всяком случае, в задачи организованной «Цепеллином» год спустя диверсионной группы парашютистов (из числа советских военнопленных, среди которых был один местный житель и один бывший заключенный, отбывавший срок в Коми) входили, помимо взрыва железнодорожного моста через Печору, также подготовка восстания в лагерях и прием большого десанта с оружием и техникой. 6 июня 1943 г. вылетевшие из Норвегии два самолета «Кондор» сбросили в районе поселка Кедровый Шор (Кожвинский район Коми АССР) десант в количестве 12 чел. и несколько контейнеров с оружием. Но попытка диверсии провалилась. Двое участников десанта сдались в плен в тот же день, двое были убиты (в том числе руководитель группы – самими десантниками), остальные добровольно сдались частям НКВД два дня спустя. После проведенного следствия все были отправлены на фронт, в штрафбат [8]. По некоторым сведениям, еще одна вражеская разведывательно-диверсионная группа численностью около 40 чел. была заброшена примерно туда же, в северо-восточную часть Коми АССР, в конце 1943 г. После заброски группа не вышла на связь с немецким разведцентром – видимо, была ликвидирована или сдалась.

Сброшенный в бассейн Печоры десант был не единичным явлением. В 1942–1944 гг. «Цеппелин» направил диверсионные группы в Архангельскую область, под город Каргополь, на Вологодчину, в Молотовскую (в настоящее время – в Пермскую) область, в район Пятигорска и другие места.

Именно в июне 1943 г., когда происходили события с печорским десантом, случилась «Мандалада». Бежавшие от налогов и непонятных порядков ненцы объявили по пай-хойской тундре сбор для решения важных вопросов: что делать с русскими в Воркуте и Усть-Каре (населенный пункт на берегу Карского моря, на самой границе с Тюменской областью), платить или не платить советские налоги. 1943 г. оказался на редкость засушливым: мало было грибов и ягод, олени потеряли в живом весе, ушел пушной зверь. Было приказано «брать налоги в виде живого веса оленей в размере 94 голов (независимо от их веса)». То есть для ненецких оленеводов и жителей тундр был установлен определенный план, связанный с законами военного времени. И с этим решением многие оленеводы не согласились. Весной 1943 г. пункты кооперации перестали

отпускать ненцам хлеб – это вызвало возмущение в ненецкой среде, поскольку налоги выплачивались ими исправно. В знак протеста начался массовый выход из оленеводческих колхозов – беглецы уводили оленьи стада подальше в тундру.

Инициаторами «Мандалады» стали трое ненцев: Е. Сэротетта (Сарадетта) по прозвищу Небтко, С. Неле и Х. Топка, бежавшие из колхоза имени Ворошилова поселка Каратайка Ненецкого округа. Они инициировали «Мандаладу» по всем пай-хойским стойбищам. Вскоре на территории Щучьереченского тундрсовета, в 100 км от фактории Яра в предгорьях Приполярного Урала, возникло стойбище недовольных советской властью ненцев (больше всего недовольных бежало из колхоза «Няръяна нгэрм»). На сопках поставили сторожевые чумы. Все были вооружены в основном американскими винтовками ремингтон. На общем собрании (соборке) были избраны вожди «Мандалады»: Сергей Ного (Лаптиге) и Василий Лаптандер (Нядма). Они продолжили сбор по тундре недовольных.

С. Ного ездил в чумы оленеводческого колхоза «Няръяна Кара», выступал там: «Вы сами знаете: сколько ни работай, сколько ни выполняй планов, русские все равно ничего не дадут. Поэтому мы и решили объявить Мандаладу: собраться и объединиться! И жить самостоятельно. Не платить налоги, не выполнять планы вылова рыбы и добычи песца. И не служить в армии. В Салехарде уже русских мужчин не осталось – все на войне погибли… Оленей, сданных в счет военного налога, обратно вернуть. Продукты на фактории возьмем… Я давно по чумам езжу, в Мандаладу людей собираю. Даже олени устали… Пойдете? Не желающего идти не пошлешь ведь никуда. Мы в Мандаладу людей открыто собираем! И об этом можете русским рассказывать! Идите к своим хорошим русским, ешьте хлеб и масло, а нам Советов и колхозов не надо! Мы и без них хорошо проживем!»

Ненцы-колхозники колебались, но когда отряды НКВД уже подбирались к стойбищу мятежников, С. Ного вновь побывал в чумах «Няръян Кары»: «Идите в Мандаладу! К нам русские пришли – наверное, убить надо! А если не пойдете, то мы русских убьем, а их кровавую одежду наденем и к вам придем. Ваших оленей заберем, а вас без оленей у озера оставим!..» На сей раз вождь Лаптиге своего добился – колхозники «Няръян Кары» присоединились к «Мандаладе».

Вооруженные группы ненцев из «Мандалады» останавливали оленьи обозы с мукой в тундре, заворачивали их в свое мятежное стойбище, угоняли колхозные оленьи стада, собранные для выплаты налогов. Председателю колхоза «Няръяна нгэрм» под дулами ремингтонов было предложено перейти в «Мандаладу» всем колхозом: «Срок на раздумье недолгий даем. Нас много. Как только в реках воды меньше станет, мы все придем. Если кто из ненцев не перейдет к нам, их в озере топить будем, а русских – убивать…». К концу июня 1943 г. в стойбище «Мандалады» находилось уже больше 200 чел.

Директор Усть-Карской организации «Посзаготживсырье» отправил тогда в адрес НКВД докладную записку: «Настоящим довожу до сведения о нижеследующем. В мае сего года среди колхозников все чаще стали появляться разговоры о банде, которая существует где-то вблизи… Все было построено на догадках и предположениях, но, тем не менее, я сообщил об этом в Амдерминский райотдел НКВД – о существовании в тундре бандитской группы

под руководством Ного Сергея… Чумы их стоят километрах в двух-пяти друг от друга, от двух до трех чумов в одном месте. На высоких местах вблизи от чумов есть караульная охрана, которая имеет для оповещения запряженную упряжку. В случае приближения к их местожительству кого-либо из посторонних об этом немедленно оповещают всю банду… Судя по такой предусмотрительности, лично я предполагаю, что их руководитель не только Ного Сергей, но есть кто-то посерьезней, возможно, даже из русских» [9].

В двадцатых числах июня 1943 г. два оперотряда НКВД СССР из Архангельска и Воркуты, каждый самостоятельно, выехали в пай-хойскую тундру для подавления ненецкого бунта. 21 июня архангельский отряд прибыл в Усть-Кару, забрал там медработника и переводчика и на оленьих упряжках двинулся к Приполярному Уралу. Весть о появлении русских отрядов быстро разнеслась по тундре. С. Ного и В. Лаптандер собрали ненцев, оружие и боеприпасы, решили отбиваться от русских в Уральских горах. Воркутинская опергруппа в составе 14 чел. заплутала в тундре и в конечном итоге никакого участия в дальнейших событиях не принимала, хотя и подверглась преследованию ненецкого отряда (32 чел. во главе с С. Худя «Ваде»).

23 июня 1943 г. архангельский отряд НКВД СССР под командованием старшего лейтенанта госбезопасности Земзюлина, вооруженный автоматами ППШ, окружил стойбище «Мандалады» у подножия горы Недь-Ю. В стойбище были только женщины и дети, сами мятежники скрывались в скалах на склонах Недь-Ю. При попытке чекистов подняться наверх ненцы открыли огонь, Земзюлин был ранен. Началась ожесточенная автоматно-ружейная перестрелка. В течение нескольких часов обе стороны вели непрерывный огонь: ненцы убили одного красноармейца-автоматчика и ранили четверых чекистов. У самих мятежников погибли шесть человек и двое были ранены. Спустя восемь часов боя Земзюлин вызвал из чумов «Мандалады» женщин и отправил их к смутьянам с предложением о прекращении огня и последующей сдаче в плен. В противном случае чекисты угрожали «принять меры для уничтожения». Полтора часа ненцы раздумывали, а затем стали бросать оружие. Вниз со скал полетели винтовки и берданки. Чекисты собрали 37 единиц огнестрельного оружия, 222 патрона, свыше 1,5 кг пороха, 500 капсюлей. 36 мятежников спустились с горы и были арестованы. Их вывезли в Архангельск, где и состоялся процесс по делу «Мандалады». Позднее из Воркуты доставили еще троих, очевидно, пойманных в тундре воркутинским оперотрядом.

Судебный процесс выявил «крайне низкий уровень культурного и политического развития обвиняемых, за исключением Лаптандера Василия Ивановича (Нядма), который является одним из руководителей и организаторов Мандалады…». Незадолго до начала процесса вожак «Мандалады» С. Ного умер в архангельской тюрьме. Из 38 чел., проходивших по делу, 21 чел. получил 10-летний лагерный срок с конфискацией имущества и последующим 5-летним поражением в правах. Остальных осудили на 8 и 5 лет лагерей. Два человека были освобождены во время следствия «за недостаточностью улик», а одного и вовсе оправдали, поскольку он к «Мандаладе» никакого отношения не имел, находился от мест событий далеко в тундре и, как очутился в Архангельске среди

подсудимых мятежников, суду было непонятно. Василий Лаптандер был приговорен к расстрелу, подал ходатайство о помиловании и в январе 1944 г. получил вместо расстрела 20 лет каторжных работ. Однако уже в феврале того же года он скончался в архангельской тюрьме «от туберкулеза и сердечной слабости». Сосланные в лагеря участники «Мандалады» пропали без вести.

Спустя годы старики-оленеводы вспоминали «Мандаладу»: «Дельный были! Настоящий мужики были – ненэй хасава! Говорили: "Хов! Воркуту возьмем – Москва сама сдастся! Вот!"». По данным газеты «Няръяна вындер», участники «Мандалы-43» – ненцы ямальской, байдарацкой и карской тундр – не реабилитированы. Потомки оленных родов Окатэтта, Худи, Харючи, Ябтунэ, Валей и Лапта, Лаптандеров, Ного, Ламдо, Ябтик, Вылка, Тусяда, Сэратэтта, Ламдо, Сядэй, Ледковых и Тайбари до сих пор ничего не знают о судьбе своих предков, которые были объявлены «врагами народа» [10].

Вопрос о том, кто участники «Мандалады-43» – враги или жертвы обстоятельств – в значительной степени остается открытым. Трудно спорить с тем, что вооруженное выступление против действовавшей власти в военное время не могло не вызвать иной реакции, кроме его решительного подавления и судебного осуждения участников. Также не вызывает сомнения, что первопричиной «Мандалады» были социально-экономические трудности, вызванные сложнейшими условиями военного времени. Однако вряд ли можно сводить все лишь к тому, что простые тундровики, жившие обособленно и толком не знавшие русского языка, «не разобрались» в ситуации. Конечно, участники «Мандалады» (во всяком случае, в абсолютном большинстве) не «агенты фашистской Германии», как их представляли в годы войны. Но случайно ли совпадение во времени «Мандалады» с тем же печорским десантом и активной деятельностью «Цеппелина», задачами которого являлись не только диверсии в советском тылу, но и подрывная деятельность, особенно в национальных регионах, националистическая пропаганда, организация повстанческого движения? Был разработан специальный «план действий для политического разложения Советского Союза». В 1942–1944 гг. группы специально обученных агентов были заброшены в Закавказье (Азербайджанскую ССР, Армянскую ССР и Грузинскую ССР), на территорию Адыгейской автономной области и ряда других северокавказских национальных регионов. Активно тыловыми регионами немцы занимались как раз во время «Мандалады», в 1943 г., когда агентурные группы появились, в частности, в Туркменской ССР, Казахской ССР, Грузинской ССР. На разжигание национальной розни, сепаратистских настроений в национальных регионах было нацелено и создание германским правительством так называемых «национальных комитетов» (азербайджанского, армянского, грузинского, северо-кавказского, туркестанского, волго-татарского и калмыцкого).

Не исключено, что германские «специалисты по национальной розни» и разжиганию сепаратизма могли проникнуть и на ненецкие земли, провести там работу с наиболее критически настроенными и политически развитыми местными «неформальными лидерами» – незаметно для советских «компетентных органов», которые, следует признать, к сожалению, не всегда были стопроцентно компетентны в своей сфере деятельности. Тот же печорский десант

был ликвидирован быстро и «малой кровью» не в силу умелых действий НКВД, а в основном вследствие того, что сами десантники приняли решение устранить своего командира и сдаться. А могли быть и другие последствия, крайне неприятные для региона. Например, архангельские диверсанты (тоже заброшенные самолетом), о которых упоминалось выше, смогли организовать серию подрывов железнодорожных путей и крушений поездов и были ликвидированы только через три месяца. Да и восстание заключенных «Лесорейда» под руководством Ретюнина тоже соответствующим образом характеризует готовность местных «силовых структур» к предотвращению и пресечению подобных выступлений (не следует ли включать этот бунт в одну цепь событий с «Мандаладой» – ведь германская агентура была нацелена и на организацию восстаний в лагерях?). Естественно, что мы знаем, главным образом, об успешных операциях наших чекистов, сумевших раскрыть вражескую агентуру. А о тех агентах, которые смогли избегнуть разоблачения, как правило, ничего и не известно.

Примечания:

1. Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. «Воркуту возьмем – Москва сама сдастся!» // Родники пармы: научно-популярный сборник. Сыктывкар, 2001. Вып. VI. С. 44–52.
2. Жеребцов И.Л., Таскаев М.В., Рогачев М.Б., Колегов Б.Р. Историческая хроника. Республика Коми с древнейших времен. Сыктывкар, 2002; Жеребцов И.Л., Безносова Н.П. Формирование внешних административных границ Коми автономии в XX веке. Сыктывкар, 2014.
3. Головнев А.В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.
4. Няръяна вындер. 2014. 31 марта.
5. Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 768–775.
6. Мандалада. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мандалада (дата обращения: 15.04.2015).
7. Рогачев М.Б. Усинское восстание: документы и материалы // Покаяние. Мартиролог. Сыктывкар, 2005. С. 165–209.
8. Пашинина В.С. Печорский десант. Сыктывкар, 2004.
9. Молодежь Севера. 2001. 1 марта; Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Мандалада // Уральская языковая семья: народы, регионы и страны: этнополитический справочник. М., 2014. С. 297–299.
10. Няръяна вындер. 2014. 31 марта.

Л.А. Терушкин

Судьбы эвакуированных советских евреев. Южные регионы России. 1941–1943 гг.

Перемещение огромных масс населения – одна из самых драматичных страниц Второй мировой и Великой Отечественной войн. Численность еврейского населения Польши, Прибалтики и западных регионов СССР, как самостоятельно бежавшего от уничтожения нацистами, так и эвакуированного

в 1939–1942 гг., составляет более 1,5 млн чел. Европейская, израильская и американская историография еще недавно представляли Холокост в ограниченной географии. Вынужденное переселение эвакуированных и беженцев, трагические судьбы людей, потерявших близких и связь с родиной, терпевших голод, болезни, остаются малоисследованной частью Холокоста, еврейской истории, да и Второй мировой войны тоже. События, связанные с судьбой еврейских беженцев на территории СССР, почти неизвестны широкой общественности. Сведения о том, что в 1941–1942 гг. сотни тысяч евреев (как, впрочем, и членов смешанных семей) спаслись от уничтожения нацистами благодаря тому, что, во-первых, бежали под огнем из родных мест на восток, во-вторых, благодаря жертвам воинов Красной армии, задержавших продвижение противника, начали публиковаться впервые через десятки лет после самих событий.

Лишь недавно стали проводиться специальные научные форумы, посвященные этой проблематике. На постсоветском пространстве с 2002 г. только Ассоциация еврейских национальных организаций Казахстана «Мицва» проводит международную научно-практическую конференцию по изучению эвакуации и беженцев во время Великой Отечественной войны и истории евреев Центральной Азии и Западной Сибири. На последней конференции в 2014 г. были представлены более 50 докладов и статей из Беларуси, Израиля, Казахстана, Канады, Латвии, Молдовы, Германии, России, США, Узбекистана и Украины [1]. В июне 2014 г. в Еврейском университете в Иерусалиме состоялась первая международная научная конференция «Истории, воспоминания и наследие: еврейские беженцы и эвакуированные в СССР», инициированная организацией бывших беженцев, эвакуированных и блокадников «Опаленное детство» (Израиль).

Можно сказать, что сама тема еврейской (и не только) эвакуации, поиск и изучение источников по ней представляют растущий интерес у исследователей. Это связано и с конкретными запросами тех, кто пережил эвакуацию. Материальные претензии к Германии по выплате компенсаций бывшим эвакуированным и беженцам, потерявшим имущество и здоровье, постепенно начали удовлетворяться. Это вызвало волну запросов в архивы России (прежде всего в Архив российского Красного Креста, где находится Центральная картотека по учету эвакуированных) от лиц, живущих сегодня по всему миру. Почти все они тогда были детьми, хотя встречаются те, кто был призван на фронт из эвакуации в 1942–1945 гг. Сотрудники Архива НПЦ «Холокост» по мере сил помогают в поиске и оформлении документов, подтверждающих пребывание в эвакуации. При этом мы стараемся собрать воспоминания об этом периоде, переписку 1941–1945 гг., изучить семейные архивы.

До конца 1941 г. вглубь СССР было эвакуировано 10 млн чел. Евреи занимали второе место после русских среди всех эвакуированных. Процент евреев в тех категориях, которые официально подлежали организованной эвакуации, был высок – это были преимущественно жители больших городов, профессиональные рабочие и служащие, члены семей военнослужащих, работников оборонной промышленности. Наиболее эффективно эвакуация осуществлялась из Москвы, Ленинграда и отчасти Киева, где процент еврейского населения был весьма значительным. Городским жителям в эвакуации сложнее было приспособиться

к условиям жизни в сельской местности. Периодически появляющиеся в литературе заявления о предпочтении, которое Кремль якобы оказывал евреям, совершенно безосновательны. Воспоминания эвакуировавшихся также позволяют сделать вывод, что целенаправленной эвакуации еврейского населения не производилось, а упор делался на вывоз не столько людей, сколько материальных ценностей и колхозного имущества [2]. Ход и реальные результаты эвакуации во многих местах зависели от личной позиции местного руководства и его понимания ситуации. Руководители одних еврейских колхозов в Украине, Белоруссии и Крыму лишь выполняли директивы о вывозе имущества, другие настаивали на обязательном выезде всего еврейского населения. В некоторых регионах стремились эвакуировать допризывную молодежь, которая в свою очередь стремилась пополнить ряды Красной армии.

Официальная информация, несмотря на встречавшееся скептическое к ней отношение, и слухи о зверствах нацистов по отношению к евреям успели дойти до городских жителей, что повышало их готовность к эвакуации и бегству. Решение должны были принимать женщины, мужчины ушли на фронт. Многие пожилые евреи не верили советской пропаганде – они помнили «хороших» немцев в годы Первой мировой и Гражданской войн. И все же евреи составляли осенью 1941 г. примерно 40 % всех эвакуированных. Это свидетельствует о том, что уже в конце лета – начала осени 1941 г. советские евреи имели представление об угрозе со стороны нацистов и масштабах Холокоста [3].

История бегства и эвакуации еврейского населения в южные регионы России, на Северный Кавказ и в Закавказье отличается несколькими особенностями, которые усугубили трагедию Холокоста в этих регионах. Эвакуация сюда проводилась из Молдавии, Крыма, центральных, южных и восточных областей Украины, а также частично из Белоруссии. Эвакуацию можно разделить на два этапа, которые были обусловлены развитием ситуации на фронтах. Первый этап – июль – ноябрь 1941 г. – характеризовался в основном организованной эвакуацией еврейского населения из вышеуказанных областей. Только небольшая часть евреев Ростова-на-Дону покинула город накануне его первого захвата германскими войсками в ноябре 1941 г. Многие из них вернулись обратно после освобождения города в том же 1941 г.

Второй этап эвакуации отличался тем, что зимой 1941–1942 гг. и весной 1942 г. эвакуированные из западных областей СССР через юг России и Кавказ частично проследовали дальше – в Казахстан и Среднюю Азию. Однако не у всех были такие возможности, а многие сами предпочитали остаться в Краснодарском и Орджоникидзевском (в настоящее время – Ставропольском) краях, в республиках Северного Кавказа. Тем более что обстановка на фронте казалась вполне стабильной, германские войска были остановлены и отброшены на восток. Советская пропаганда поддерживала идею продолжения освобождения оккупированных территорий СССР, чему были яркие и близкие примеры – освобождение Ростова-на-Дону, Керчи и другие городов.

Довольно противоречивые, даже взаимоисключающие свидетельства об отношении местного населения к эвакуированным вообще и к евреям особенно дают нам воспоминания. Тут были и категорическое неприятие, презрение,

антисемитские действия, которые явно или скрыто проявлялись в зависимости от ситуации на фронте и влияния нацисткой пропаганды. Ю. Бураковский, в 9-летнем возрасте с матерью и сестрой эвакуировавшийся из Киева, вспоминал: «Проезжая населенные пункты Северного Кавказа, мы чувствовали враждебное отношение к себе местных жителей. “Все равно вас, жидов, Гитлер перестреляет”, – говорили они. Нередко отказывали в просьбе напиться воды. В дороге нас нагнал верховой, командир с двумя шпалами в петлицах. Он сказал: “Немец уже близко, гоните быков, никому не говорите, что вы евреи. Местные ждут немцев”. И среди эвакуированных начались нездоровые разговоры относительно евреев. Нам угрожали, что выдадут немцам. Тогда мама приняла решение уйти от толпы и повернула быков в сторону ближайшего села. Так мы оказались в селе Правокумка (Ставропольский край). Постучали в ближайший дом. Вышла старушка, приветливо улыбнулась. “На постой хотите? Надеюсь, не жиды”, – и пригласила в дом» [4].

И тут же рядом примеры самого теплого отношения к эвакуированным. Из воспоминаний А. Ханиной, в 16 лет эвакуированной из Киева: «В станице Ленинградской совхоз… Председатель колхоза или директор совхоза, я не помню, казак, красивый, молодой такой. Он выделил нам с подружкой, ну с семьей подруги, отдельный домик, привез туда продуктов полно… я потом писала в Киев тем, кто остался, подругам, что мы просто в рай попали, действительно, он относился к нам великолепно. И, значит, там же, я не помню, где работали родители, в совхозе, но где-то работали, и ее родители, и моя мама, а мы с братом, и вот с подружкой были дома, читали, библиотека там была великолепная». Далее, по ее словам, «немцы стали наступать на Кавказ. И они уже приближались к этой деревне, и директор совхоза – это просто праведник мира, он взял машину-грузовик, и там было три семьи эвакуированных. Посадил всех на машину, сам сел за руль, повез нас на станцию, ближайшая станция, которая железнодорожная была, – Минеральные Воды. Вот. И вот всех он знал там, договорился, и первый эшелон, который шел вглубь страны. Значит, он нас туда посадил, причем удивительная была неразбериха, эшелон открытый был, открытые платформы, на которых были вооружения: пулеметы, бомбы, снаряды и все это. И вот мы, нас поместили в эти вагоны, не в вагоны, а на платформу, на открытой платформе, в общем, мы так ехали. Причем по дороге тоже бомбили, очень аккуратно немцы бомбили, каждый день в 11 часов, я помню» [5].

Именно весной 1942 г. в район Кавказских Минеральных Вод и на Кубань было вывезено значительное количество жителей Ленинграда, переживших зиму 1941–1942 гг., а также ленинградские детские дома – воспитатели и воспитанники. Среди этих ленинградцев также был высок процент евреев. А большинство детей уже стали круглыми сиротам, их отцы погибли на фронте, матери умерли в блокаду. Разумеется, детей и взрослых стремились отправить в плодородные, не пострадавшие от боевых действий районы, где они могли бы в условиях благоприятного климата восстановить здоровье. Предположить угрозу прорыва и стремительного наступления германских войск летом 1942 г. на Кавказ сложно было даже военным, а эвакуированные и беженцы оказались совершенно застигнуты врасплох. Впрочем, в такой же ситуации оказались

и местные евреи – преимущественно старики, женщины, маленькие дети, подростки. Зимой – весной 1942 г. ряды Красной армии пополнили практически все мужчины из числа эвакуированных. И если в 1941 г. их из Кишинева, Одессы, Киева везли на поездах и пароходах, то летом 1942 г. они могли рассчитывать практически только на гужевой транспорт для бегства.

Мой коллега-историк К. Феферман считает, что общий настрой германской политики по отношению практически ко всем другим группам населения на Северном Кавказе оказался более терпимым, чем на прочих оккупированных советских территориях. Только в одном вопросе немецкая политика осталась бескомпромиссной. Холокост евреев происходил на Северном Кавказе точно так же, как и везде. Уничтожение евреев любой ценой с активным привлечением к этому местных коллаборационистов стало фундаментальным фактором немецкой политики. Поэтому, даже несмотря на общее смягчение немецкой политики к местному населению на Кавказе, вопрос о каком-либо ином подходе к евреям, кроме практически мгновенного и полного физического уничтожения, не ставился [6].

В данной статье нет возможности подробно рассказать о Холокосте на юге России. Отмечу только, что на оккупированной территории России действовали различные группы армий и айнзатцгруппы, что сказывалось на методах обращения с еврейским населением и последовательности его уничтожения. Крым, Северный Кавказ, включая Ростовскую область, Орджоникидзевский и Краснодарский края, находились под контролем соответствующих служб группы армий «Юг» и 11-й армии фельдмаршала Э. фон Манштейна. В 1941–1942 гг. на юге России действовала айнзатцгруппа «D» [7].

Евреев на территории РСФСР в наибольшей степени рассматривали как опору коммунистического режима. Евреи перед расстрелом концентрировались в определенных местах лишь на несколько часов или дней. Уничтожение еврейского населения проводилось карателями вскоре после захвата населенных пунктов. На юге России было создано только одно гетто – в Ессентуках, просуществовавшее с августа по октябрь 1942 г. Август – декабрь 1942 г. – период массового уничтожения евреев в городах и сельских населенных пунктах южных регионов России – от Ростова-на-Дону до Элисты и от Сталинграда до Нальчика. Только в 150 населенных пунктах Краснодарского и Орджоникидзевского краев в границах 1942 г. погибли около 54 тыс. евреев, при том, что довоенное еврейское население здесь не превышало 15,5 тыс. чел. [8] Понятно, что основными жертвами стали эвакуированные и беженцы. Многие были захвачены германскими войсками и расстреляны на дорогах. С учетом сказанного выше о возрастном составе и особенностях эвакуации, погибло очень много детей.

На территории современной Карачаево-Черкесской Республики проживало около 600 евреев. И сюда эвакуировали детские учреждения из Ленинграда, а также жителей Украины и Молдавии, среди которых было несколько сотен евреев. Число погибших – около 1,6 тыс. чел. [9]. Воспоминания тех, кому удалось спастись, весьма немногочисленны, но позволяют проследить способы спасения и выживания. Ч. Кровецкая, 1934 г.р., вспоминала, что в 1935 г. родители переехали в Моздок: «Городок этот был совсем небольшой, здесь в основном жили русские, армяне и евреи. Как только немцы заняли город, сразу же

начались карательные акции против евреев. Когда евреи потянулись к комендатуре с детьми, скарбом и не вернулись назад, мама решила никуда не ходить, отсидеться дома. Наши соседи по квартире Городецкие, у которых не было детей, просили маму отдать младшенькую Таню. Дескать, вы все равно погибнете. Мама им отказала». А вскоре прибежала знакомая: «Уходите скорее! Городецкие ходят по соседям и предлагают донести немцам, что в доме скрывается еврейка!» Так начались их скитания в поисках хоть какого-то убежища: «Нас прятала в своем доме мамина подруга. А потом маме помогли найти паспорт на имя армянской женщины» [10].

Семья Неймарк (отец Рувим Абрамович, мать Тамара Наумовна Шклярь-Неймарк, дочь Алла, 1921 г.р., и сын Александр, 1927 г.р.) эвакуировались из Днепропетровска и оказались летом 1942 г. на Кубани. Вся семья добровольно поступила на службу в полевой хирургический передвижной госпиталь № 2338. Тамара Наумовна (старший сержант) – на должность заместителя начальника штаба госпиталя, Алла – медсестрой (закончила войну под Кенигсбергом), Рувим Абрамович – санитаром, а сын Александр был зачислен как воспитанник воинской части. Рувим погиб под бомбежкой в конце лета 1941 г. Красноармеец-разведчик Александр Неймарк погиб в августе 1944 г. у местечка Вильце при освобождении Литвы [11].

Все выжившие спаслись благодаря помощи местных жителей, среди которых были представители многих народов Северного Кавказа, разных социальных слоев. Так, 67-летний карачаевец Шамаил Халамлиев, его жена Фердаус, проживавшие с 11 детьми в поселке Теберда, спасли трех еврейских девушек – киевлянок Броню, Фаину и Лину Гейдман [12]. Некоторые из спасшихся обязаны жизнью даже местным полицаям и другим лицам, добровольно или не очень, но сотрудничавшим с оккупантами. Из воспоминаний Л. Яновой (Феликс), 1931 г.р.: «В августе 1941 г. я, сестра Феликс Фаина Матвеевна с родителями эвакуировались в г. Георгиевск, Ставропольского края, который был оккупирован немцами летом 1942 г., где по доносу соседей родителей – отца и маму расстреляли в августе – сентябре 1942 г., а сестра Феликс Фаина Матвеевна, которая была мобилизована на рытье окопов в селе… в ночь до дня доноса приехала в Георгиевск и забрала меня в село, где рыла окопы, она там проживала в семье Шевченко Александра, меня также приютили у них. Когда немцы оккупировали это село, Шевченко Александр поступил служить в полицию, их дом не обыскивали, и семья Шевченко нас скрывала, это были очень добрые люди, мы прожили у них до января – февраля 1943 г., до момента освобождения Красной армией. По приходу Красной армии Шевченко Александра арестовали, судили за службу в полиции и сослали. Сестра моя Феликс Ф.М. и я уехали в г. Георгиевск весной 1943 г., нам сказали, что родителей расстреляли» [13]. Из рассказа Раисы Неминской, 1928 г.р.: «В июле месяце 1941 г. я, моя мать – Роза Израйлевна, брат Михаил 14 лет, сестра Ася 10 лет, брат Вова 10 лет и брат Борис 3 лет были эвакуированы из г. Рыбница в Краснодарский край. Отец по национальности русский, а мать была еврейка. 16 сентября 1942 г. по указанию немецкого командования местная полиция в числе других еврейских семей арестовала всю нашу семью; мы были доставлены в помещение

полиции, где нас держали в течение 3 дней. А затем мою мать, братьев и сестру посадили в автомашину, повезли в колхоз им. Сталина, там их расстреляли и трупы бросили в колодец. Меня оставил полицейский Тарасенко А.С.; причем очень много просила гр-ка Фатеева местную полицию, чтобы меня оставили (в живых), т.к. отец у меня русский, и я больше принадлежу к русской национальности. Тарасенко "на свою ответственность" меня оставил, но после этого зверски надо мной издевался… После этого он меня отпустил. Меня на воспитание взял житель станицы Петропавловской Чикалов» [14].

Филипп Тененбаум родился в 1928 г. во Львове, а в 1939 г. проживал в еврейском местечке Хоростков. Он стал свидетелем разгрома Польши Германией и прихода Красной армии. С началом нацистского вторжения в СССР эвакуировался в Орджоникидзевский край, где находился вплоть до наступления немецких войск летом 1942 г. Дата выдачи эвакуационного свидетельства (чудом сохраненного матерью Филиппа Ципорой – Зинаидой Клементьевной Тененбаум) в селе Киевка Апанасенковского района Орджоникидзевского района указана 4 августа 1942 г. Направление – «вглубь страны». Эвакуироваться не удалось. В селе Левокумка Буденновского района мать и сын попали в зону немецкой оккупации. Благодаря Елизавете Генриховне Кононовой, записавшей мать и сына Тененбаумов своими детьми, им удалось выживать на территории, занятой нацистами. Оба находились под фамилией Маевские. Филипп Тененбаум – свидетель массового уничтожения примерно 300–400 евреев, которое осуществлялось в основном местными казаками: «Измученным людям, которые еле держались на ногах, приказали встать вдоль стены огромного коровника и заявили: "Кто посмеет сесть или встать на колени, будет убит". За время, что мы находились там, на наших глазах было убито несколько десятков человек, причем детей убивали в основном прикладами».

В октябре 1942 г. после длительных скитаний Тененбаумы и спасавшая их семья Кононовых были задержаны в станице Незлобной, и Елизавета Кононова была вынуждена стать переводчицей в германском военном госпитале. А Филиппа она выдавала за своего племянника. Филипп был вынужден прятаться в коровнике до освобождения Красной армией в начале февраля 1943 г. Он был спасен Е. Кононовой и немецким военным врачом по фамилии Рихтер, не сообщившем никому о своих подозрениях в еврейском происхождении мальчика [15].

Известен ряд случаев, когда чудом спавшихся от расстрела детей прятали и даже усыновляли местные жители. Из семьи Бортниковых, проживавшей до войны в Кишиневе и захваченной нацистами уже в Калмыкии, уцелел после расстрела только восьмилетний Ваня. После долгих скитаний в поселке Арзгир на Ставрополье он снова попал в руки полицейских. Перед отправкой на расстрел к коменданту подошел полицейский И.Т. Палагута и сказал: «Разрешите мне взять этого мальчика, я с ним еще поговорю. Он мне скажет, кто он». Комендант разрешил, мальчика сняли с машины, а обреченных людей увезли на расстрел в Арзгирскую балку. Иван Палагута привез мальчика к себе домой и показал, где прятаться в случае опасности. Это был погреб, набитый всякой рухлядью и овчинами. Кроме того, в ограде были вырыты две норы. Потом Палагута ушел к партизанам. Несколько раз в дом приходили полицейские,

разыскивали Ваню и его спасателя. Ваня остался на попечении Прасковьи Михайловны, супруги И. Палагуты, вплоть до 11 января 1943 г., когда Азгир был освобожден. Супруги Палагута усыновили и воспитали Ваню [16].

Нельзя не признать, что все выжившие спаслись не только потому, что им помогали те, кого принято считать праведниками народов мира и увековечивание имен которых продолжается сегодня. Поражение Германии на южном участке советско-германского фронта, наступление советских войск и довольно быстрое освобождение районов Северного Кавказа спасло жизни скрывавшихся евреев. Как отдельных лиц, так и целой общины горских евреев Нальчика.

Примечания:

1. История. Память. Люди: материалы VII Международ. науч.-практ. конф. 19 сентября 2014, г. Алматы. Алматы, 2015.
2. Холокост на территории СССР: энциклопедия. М., 2009. С. 1107.
3. Там же. С. 1108.
4. Эвакуация. Воспоминания о детстве, опаленном огнем Катастрофы. СССР, 1941–1945. Иерусалим, 2009. С. 91.
5. Личный архив И.В. Ребровой. Респондент А.Б. Ханина, записана в Москве 18 марта 2013 г. Интервьюеры И.В. Реброва, Л.А. Терушкин.
6. Feferman K. Jewish Refugees under the Soviet Rule and the German Occupation in the North Caucasus // Revolution, Repression and Revival: The Jews of the Former Soviet Union. Lanham, Md., 2007. P. 211–244.
7. Холокост на территории СССР: энциклопедия… С. 873–875.
8. Там же. С. 475, 695.
9. Там же. С. 388.
10. Выжить и помнить. Воспоминания бывших узников гетто и концлагерей – жителей Кармиэля (Израиль). Кармиэль, 2014. С. 98.
11. Архив НПЦ «Холокост». Коллекция «Евреи – участники Великой Отечественной войны». Ед. хр. 98. Л. 1–7.
12. Праведники народов мира. Россия. 1941–1945: учеб. пособие. 9–11 классы. М., 2011. С. 20.
13. Архив НПЦ «Холокост». Коллекция «Холокост на территории России». Ед. хр. 118. Л. 1.
14. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 897. Оп.1. Д. 2. Л. 191.
15. Архив НПЦ «Холокост». Коллекция аудиовизуальных документов. Ед. хр. 37.
16. Карнаух А. Невероятное спасение мальчика Вани // Писатель года – 2014. Книга шестнадцатая. М., 2014. С. 24–29.

Е.В. Архипова

Сталинградцы в Белой Калитве: практики выживания детей[1]

Большинству жителей центральных и северных районов Сталинграда пришлось испытать на себе тяготы скитаний во время войны. Самая главная

[1] Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 14-31-12036 «Дети и война: культура повседневности, механизмы адаптации, стратегии и практики выживания в условиях Великой Отечественной войны».

проблема заключалась в том, что эвакуация сталинградцев не была подготовлена заранее. Населению внушалась мысль, что город немцам не сдадут, а при попытках заблаговременно его покинуть граждане сталкивались с проблемой оформления выездных документов. Эвакуация заводов началась за считанные дни до начала бомбежки города. Кроме сталинградцев в городе уже появились беженцы из Украины, Молдавии, западных городов РСФСР. Таким образом, к началу Сталинградской битвы практически все население оставалось на территории города. Как отмечает М.В. Скворцов, «к 23 августа из всего населения 400-тысячного города было эвакуировано около 100 тысяч человек» [1]. Проблема организации эвакуации из города раскрыта в работах А.В. Исаева, А.М. Самсонова, М.А. Водолагина [2].

Эвакуация организовывалась в направлении на восток, через Волгу. Однако гражданскому населению пришлось столкнуться с несколькими проблемами при выборе этого маршрута. Во-первых, переправа осуществлялась спешно в условиях бомбардировки судов. Многочисленные жертвы связаны были именно с тем, что противник топил суда с людьми: «Чуть лодка какая-то шла – прямое попадание, и все это рыб кормить. Мама, видя такое дело, где-то там пошла наверх… Там еще люди, и все ринулись мимо фронта, так, перпендикулярно Волге» [3]. Это часто заставляло людей выбирать прямо противоположное направление для ухода из города. Во-вторых, многие жители не могли попасть на суда, т.к. они переправляли военных, военную технику и даже заводы: «Нас остановили и сказали: “Время военное. Перевозить будем ночью или днем только раненых солдат. Вы разворачивайтесь”. Мы, как ни просили, лодку купим, мы там то, мы там сё, к барже цепляли и вот туда, нам отказали. По законам военного времени перевозили только раненых солдат, и всех людей бросили в Сталинграде» [4]. Тем не менее часть гражданского населения все-таки смогла добраться до другого берега Волги и уйти далее в безопасные места.

Вторым направлением был юг, а именно Бекетовка – район, который немцы не бомбили для сохранения возможных «зимних квартир». Однако это направление могли себе позволить жители окрестностей. Часть населения уходила также в северные районы области (Ольховку), которые не были оккупированы [5]. Однако при движении в этом направлении приходилось проходить через разрушенный и горевший город, постоянно сталкиваясь с вражескими солдатами. Существовало и четвертое направление, сначала возникшее стихийно, но впоследствии монополизированное оккупантами – на запад. И судьбы большинства изгнанных из города сталинградцев столкнулись в Белой Калитве – городе в Ростовской области, уже оккупированном германскими войсками и их союзниками. Город был превращен в лагерь-распределитель, откуда молодых и здоровых людей отправляли на работы на запад, в Германию. Очевидно, что старики и дети, тем более больные, не были нужны Германии. Лагерь даже не был оборудован. В качестве бараков использовали птичники, находившиеся за городом. Питание было стихийным. В этой ситуации было сложно выжить. Поэтому возникает интерес, каковы же были практики выживания в этом лагере и какие модели поведения детей из Сталинграда позволяли им сохранить жизнь.

Лагерь выделялся на фоне тех, через которые прошли дети в западных районах страны: здесь условия были проще, детей фактически не успели отделить от родственников. Это, вероятно, связано с тем, что вражеская армия просто не успела создать аналогичные условия. Белая Калитва находилась под оккупацией немецких войск всего полгода – с 20 июля 1942 г. по 19 января 1943 г.

Для ответа на поставленные вопросы использовались материалы глубинных интервью, проведенных участниками выполняемого при поддержке РГНФ исследовательского проекта «Дети и война: культура повседневности, механизмы адаптации, стратегии и практики выживания в условиях Великой Отечественной войны» в 2014–2015 гг. среди жителей Волгограда, родившихся в период с 1928 по 1938 гг. в Сталинграде. Часть интервью вошла в сборник «Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города» [6]. Очевидно, что среди наших информантов оказались люди, которые с меньшими потерями прошли через это испытание.

Основную массу людей из города немцы стали выгонять в октябре: «Это было как раз на 27 октября… На день рожденья началась бомбежка… Целый час они бомбили. Потом все затихло, и немец стал нас выгонять оттуда… В ночь нас погнали, через переправу, на ту сторону Дона, и мы оказались в Белокалитвинском районе в хуторе Кривовский» [7]. Жители окрестных сел также попадали в Белую Калитву: «И наутро нас всех, россошенских, и из Городища, грачевских, этапом гнали всех в Германию. Мы этапом все шли с Россошки до Морозова» [8]; «Я ничего не помню, но по рассказам брата и мамы только. В этом блиндаже были все. Потом с этого блиндажа всех эвакуировали на Рыков хутор, это где Гумрак. И всех на поезде, и в Белую Калитву немцы забрали, и отправили нас» [9]. Среди наших информантов было много людей с района Дар-горы, и они практически все рассказывали о Белой Калитве: «Жили мы на Дар-горе, Второй Волгоград. Потом, когда эти немцы зашли, они нас стали эвакуировать из города. Ну да, они эвакуировать начали» [10]. Даже если информанты уходили из города добровольно и выбирали путь на запад, по пути они сталкивались с немцами и так или иначе вливались в общую толпу, которая шла на Белую Калитву: «Пошли дальше, тоже перпендикулярно, подальше от этого ада. Дошли до грейдера, идет машина, немец за рулем. Остановился. Бортовая машина, крытая. Всех посадил… Потом немец вышел и говорит: “Я вас повезу в Белую Калитву”. Ну хоть куда-нибудь подальше от этого ада» [11]; «Когда началось наступление наше, немцы нас всех уже выгнали, гнали из города на Калач. Мы два раза уходили из города, в конце сентября… Мы дошли только до Карповки, дальше не пошли… Второй раз, когда нас вели, детей уже отделили. Мы доехали до Котельниково. И мать нас уже в Ростовской области повезла на хутора» [12]; «Потом, когда стали выгонять, зашли в хату двое и сказали: “Берите ложку и котелок и идите на запад, вам там все дадут!” Помню, у нас в огороде росла свекла сахарная, и мамка из нее напекла пирогов из ржаной муки. Я только помню, что по дороге, пока ехали на тележке, которую отец соорудил до войны, ели их. А когда мы пришли в Гумрак, там уже немцы давным-давно, и штаб там был. И вот там нас посадили на платформы

голые, вечер был, и повезли на запад. Запомнил, мать укрывала нас одеялом из лоскутков, а ночью пошел дождь, а к утру мороз, и мы на станции Белая Калитва» [13].

Спустя столько лет информанты пытались объяснить, зачем немцы угоняли людей: «Во время бомбежек, в ноябре месяце немцы сделали. Мы им здесь очень мешали – мирные жители. И они всех, сколько было оккупированных людей, всех через понтонный мост, через Калач-на-Дону, Суровикино, отправили в Белую Калитву, в концлагерь, где нас чистили, то есть выбирали, покрепче которые люди, и отправляли на работу в Германию, а других отправляли, держали… Ну времени было мало в Сталинграде, так что они не успели всех обработать» [14]; «Мы Сталинградской битвы как таковой не видели. Моя тетка мне говорила, что у них была какая-то конференция [конвенция. – *Е.А.*], чтобы мирные жители не страдали, необходимо было всех нас выгонять куда-то. Отсюда они нас повезли на Украину, до Суровикино на машинах, а потом погрузили на платформы, и там, как мама говорила, под детьми пеленки замерзали – так холодно было» [15].

Интересно, что зафиксировала детская память о пути: «Согнали немцы всех в балку, а балка эта глубокая, глубокая была! Я ее помню, как сейчас. Переночевали мы все в балке» [16]. Детское сознание для преодоления страха могло отключаться, но при этом фиксируя впечатления об изменении собственного физического состояния: «Потом мы были в этой Белой Калитве, потом уже – тут я не помню, провал какой-то – мы очутились на какой-то станции, и вот дождь! Да такой дождь! Прям вот холодно!» [17]. И, конечно же, самое яркое впечатление для ребенка – вид смерти – остается в памяти даже маленьких детей: «Мы из Сталинграда шли дорогой. Бабушка меня на руках, помню, несла. А что мне начинало запоминаться за это время – то, что лежало много людей на земле. Неподвижных. Сознания-то не было, а зрительность такая вот осталась» [18]; «И помнится мне, что как гляну я вдаль, полукругом люди шли… Вот когда кто упадет из стариков, сбоку немец выходил и добивал» [19].

От страха в пути дети старались подражать взрослым в выносливости: «И мы пошли. До Садовой мы пешком шли. Я еще долго потом вспоминала, говорю: “Мама, ну как же это я в 4 года и шла до Садовой пешком?!” А сестра двоюродная, она старше меня на 10 лет была, она говорит: “Нин, да как?! Мы идем, а если бомбежка начнется, то ложимся – вот и отдыхали!”» [20]; «У меня двоюродная сестра двух лет, ей сразу отказали ноги после вот этих трех дней переходов, и никакой еды, ни воды, ничего. От нее отказались ноги, и у нужно было постоянно нести… Мы просто шли и всё. И мы столько шли, что у меня распухли ноги, мне было так больно всё натерто! Но я была сильная девочка, крепкая и воспитанная. И я шла, как могла… Эти ботиночки малы на размер или на два, всё растерто. Я села на землю, я это очень хорошо помню, а потом и мама рассказывала, все пошли, а я стала отставать и говорю: “Вы идите-идите, и пусть меня волки съедят”. (Смеется). Мама посмотрела, а у меня нет ботиночек. Я взяла, настолько было больно, сняла эти ботинки и в грязь запулила. И все это время шла в носочках по этой земле сентябрьской» [21]. А также, осознавая чрезвычайность ситуации, сохраняли молчание: «Дети не капризничали, не требовали

к себе особого внимания. Достаточно было прижаться к маме. Становилось спокойно, если она брала за руку или гладила по голове» [22].

Была и другая реакция, позволявшая даже находить забавное в самом пути: «Вещи посложили, раненая женщина там сидела. И я вверху сидела, так как я маленькая была. А брат, он старше на 4, на 3,5 года – он бежал за подводой. А там ось обвалилась, эта подвода упала, та бедная женщина тоже, и так раненая, разбилась, а меня корытом накрыло! Ха-ха! Самое главное – они бегают, меня ищут, а меня нет! Ну, потом нашли, поехали дальше и привезли нас в Белую Калитву» [23]. Вероятно, ситуация напоминала процесс игры, и это помогало преодолеть ощущение страха, выйти временно из него.

Спасение могло заключаться в том, что по пути люди отбивались от толпы и находили приют в домах. Если в составе перевозимой поездом группы людей находились больные тифом, их высаживали на станциях. Но для ребенка было необходимо остаться с членами семьи, которая теперь состояла из мамы, иногда бабушки и еще реже деда. Страх потери членов семьи усиливался от знания о том, что в самой Белой Калитве людей делили по возрасту и молодых отправляли в Германию. Для того чтобы остаться с родителями, дети шли на отчаянные шаги и защищали родителей от немцев: «А сестренка и я, мы к матери прижались, а дедушка вытащил наган и что-то там по-немецки лопочет, но стрелять не стал. Опять наган спрятал. Консервы забрали, дом подожгли, а что там: саманные стены, камышовая крыша» [24]. Ради спасения близких дети демонстрировали находчивость: «Папа спрятался в погреб, чтобы опять не забрали. И у нас немцы. Утром, я же знаю, что папа у нас в погребе, надо их отвлечь… Я им начала песни петь, танцевать, что я только ни вытворяла, чтобы не заметили, заглушить. Не дай Бог папу услышат. Потом все немцы дальше ушли» [25].

Для девочек символом семьи становилось наличие куклы: в дорогу уходили с куклой, могли потерять все, что имели, но куклу нельзя было оставить, даже когда была возможность обменять ее на еду, это было равнозначно потере семьи [26]. И для такого страха были причины: очень часты были случаи потери членов семьи в дороге из-за того, что старшие родственники уходили на поиски пропитания. Среди наших информантов все отмечали, что их потом находили. А связано это было с тем, что дети продолжали идти с той же группой, не отбивались от нее.

Население было изгнано из города осенью, одежда нередко сгорала еще во время летних бомбардировок, поэтому было очень важно не допустить, чтобы дети заболели. Как отмечает один из информантов: «Нас закаляли холодной водой, чтоб не болели. Потому что, если заболеешь, смерть может наступить» [27]. Однако болезни все равно случались. И виной тому был не только холод, но и голод. Еду просили у местных жителей в хуторах и в городе: «Я не помню, какую еду нам давали, только знаю, нам разрешали выходить из лагеря, в туалет, например. Вот ходим мы вокруг домов, а нам кто-нибудь что-то из еды подбросит, жителям, видно, тоже было запрещено выходить из своих домов, когда нас выпускали» [28]. И здесь дети иногда становились более удачливыми добытчиками: с помощью немецкого языка, а иногда просто из-за того,

что напоминали собственных детей, они получали еду у немцев: «Милостыню я собирала у немцев. Они шли на Сталинград и на ночлег становились вдоль дорог, и мама посылала меня к немцам, и они мне давали суп гороховый. Научили, я спрашивала: “Битте, брод”. (Пожалуйста, хлеба). И хлеб они давали, засушенный такой хлеб» [29]. Но, конечно же, чаще еду взрослые выменивали на одежду у местных жителей или просто получали от них же в качестве милостыни.

Часть информантов, пройдя через Белую Калитву, была выслана семьями на запад и смогла отстать от поезда на Украине. Но практики выживания для детей сохранялись. Главным были присутствие взрослых членов семьи. Среди наших информантов были те, кто рассказывал об уходе из Белой Калитвы. Конечно же, побег организовывался взрослыми: «Отец мой и вот, например, одна семья, вторая семья, отбил пять семей. И вот по балке, по балке вверх и нас повел в Мариновку. Ночь темной была. Бежали мы оттуда. Расселились в Морозовске по родственникам» [30]. Побег мог иногда сопровождаться подкупом самих солдат [31]. Но детская непосредственность также могла играть спасительную роль: «И мы всем мешали… А каким средним шагом идти, когда два года ребенку? Но нам там повезло. Приехала эмка. Вышел офицер в новой черной форме. Эсэсовец. Очень такой красивый человек. И с ними женщина. Видимо, наша, русская. Переводчица. Очень красиво одета… Я как увидела! Я вообще не представляла, что такой неописуемой красоты бывают люди! Я как увидела ее, закричала: “Мама! Мама! Иди скорей к нам! Ты только посмотри, к нам принцесса приехала! Она такая красивая!” И, видимо, ее немножко это тронуло, что ли, что я вот так сказала. Они стали уезжать, она повернулась к нам, очень хорошо говорила по-русски, и сказала: “Вы уже должны понять, что творится, что уже возврата не будет. Но вам я хочу сказать: вот вы пойдете сейчас, цепляйтесь за каждый хутор. Если кто-то вас оставит, может, вы останетесь живы. Если никуда не приткнетесь, то вас обязательно посадят и повезут”. Ну а куда повезут? Мы прекрасно знали, куда. В Белую Калитву. Там концлагерь. Туда детей особенно любили отправлять» [32].

Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть, что в Белой Калитве наши информанты не отмечали постоянного строгого контроля со стороны немцев, что позволяло взрослым на свой страх и риск уходить на поиски еды. Но их держали дети. Также в интервью не было рассказов об отдельном проживании взрослых и детей, хотя в лагере разделяли семьи, юношей и девушек отправляли в Германию. Поэтому в их рассказах нет сюжетов о детях, отделенных от родителей и создающих новые социальные отношения в своей группе в условиях постоянного психологического и физического давления со стороны охранников концлагерей, как об этом нам сообщали жители Волгограда, приехавшие из Белоруссии. Тем не менее здесь постоянно присутствовал страх перед насилием: быть разделенными, сожженными. Сюжет о горящих птичниках с загнанными внутрь людьми присутствует почти в каждом рассказе – этого боялись и взрослые, и дети. Об этом знали уже по пути в Белую Калитву. И оттого с еще большей благодарностью информанты вспоминали о тех посторонних людях, которые помогли им выжить. Это могли быть хозяйки домов,

попавшихся по пути, и даже немцы. И, вероятно, эта благодарность подпитывает постоянное желание информантов попасть в «тот дом» вновь: «Я помню один случай, среди ночи нас немцы разбудили (все, конечно, спали на полу), посадили нас на лавки, и один немец стоял в дверях и сфотографировал. А я в этот момент прижалась к бабушке, потому что тогда для снимков зажигали какую-то ленту, и мне стало страшно. Я бы хотела это фотографию увидеть, потому что все живые, все сидят, я к бабушкиным коленям прижалась… Мне сейчас бы хотелось в Мелитополь вернуться и посмотреть, может, там что-то осталось, монастырь раньше стоял, а за ним поля начинались» [33].

Очевидно, что главным принципом выживания для наших информантов было сохранение связи с взрослыми членами семьи. При этом могли возникать ситуации, когда все зависело от самих детей и инициатива переходила в их руки. Но как только критический момент заканчивался, дети возвращали эти функции родителям.

Примечания:

1. Скворцов М.В. Проблемы истории эвакуации населения из Сталинграда в августе – сентябре 1942 года: роль местных органов власти // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 38 (176). История. Вып. 37. С. 41–46.
2. Водолагин М.А. Сталинград в Великой Отечественной войне. М., 1958; Его же. Народное Сталинградское ополчение. Волгоград, 1970; Самсонов А.М. Сталинградская битва. М., 1989; Исаев А.В. Сталинград. За Волгой для нас земли нет. М., 2008 и др.
3. Архив музея казачьего быта Волгоградского государственного университета (далее – ВолГУ). Респондент Л.И. Васильева, 1937 г.р., записана 11 мая 2014 г. Интервьюер Т.В. Нелин.
4. Там же. Респондент Т.В. Цивилева, 1937 г.р., записана 7 апреля 2014 г. Интервьюер К.К. Шутова.
5. Там же. Респонент Г.В. Чекунов, 1937 г.р., записан 31 марта 2014 г. Интервьюер А.Ю. Косова.
6. Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города. Волгоград, 2014.
7. Архив музея казачьего быта ВолГУ. Респондент А.И. Ивахненко, 1932 г.р., записан 12 апреля 2014 г. Интервьюер Ю.В. Смирнова.
8. Там же. Респондент О.И. Сафьянова, 1931 г.р., записана 23 февраля 2014 г. Интервьюер А.Ю. Косова.
9. Там же. Респондент В.И. Чекунов, 1940 г.р., записана 31 марта 2014 г. Интервьюер А.Ю. Косова.
10. Там же. Респондент С.Н. Самохина, 1938 г.р., записана 5 марта 2014 г. Интервьюер К.К. Шутова.
11. Там же. Респондент Л.И. Васильева.
12. Там же. Респондент Л.А. Бочкова, 1933 г.р., записана 1 апреля 2014 г. Интервьюер Л.М. Решетникова.
13. Там же. Респондент В.П. Павлоцкий, 1938 г.р., записан 9 апреля 2014 г. Интервьюер А.А. Колесникова.
14. Там же. Респондент Ю.Н. Чернышов, 1929 г.р., записан 29 марта 2014 г. Интервьюер О.А. Терентьева.
15. Там же. Респондент Н.И. Трубачева, 1936 г.р., записана 1 июля 2014 г. Интервьюер Л.А. Ильина.
16. Там же. Респондент Т.В. Цивилева.

17. Там же. Респондент Е.Я. Топольскова, 1933 г.р., записана 30 марта 2014 г. Интервьюер О.А. Терентьева.
18. Там же. Респондент Р.И. Каплунова, 1938 г.р., записана 21 апреля 2014 г. Интервьюер К.К. Шутова.
19. Там же. Респондент В.В. Гурина, 1939 г.р., записана 21 июля 2014 г. Интервьюер А.Д. Шестакова.
20. Там же. Респондент Н.И. Еременкова, 1937 г.р., записана 25 мая 2014 г. Интервьюер О.А. Терентьева.
21. Там же. Респондент Т.А. Санкина, 1930 г.р., записана 13 июня 2014 г. Интервьюер Л.А. Фалалеева.
22. Там же. Респондент Т.В. Цивилева.
23. Там же. Респондент Н.И. Еременкова.
24. Там же. Респондент С.П. Гордеев, 1933 г.р., записан 28 июля 2014 г. Интервьюер Д.Я. Верховых.
25. Там же. Респондент Л.И. Васильева.
26. Там же. Респондент Л.А. Бочкова.
27. Там же. Респондент В.И. Чекунов.
28. Там же. Респондент З.Н. Овчинникова, 1931 г.р., записана 28 апреля 2014 г. Интервьюер Ю.В. Смирнова.
29. Там же. Респондент Л.А. Бочкова.
30. Там же. Респондент О.И. Сафьянова.
31. Там же. Респондент Ю.Н. Гриднев, 1936 г.р., записан 23 марта 2014 г. Интервьюер А.А. Колесникова.
32. Там же. Респондент Т.В. Цивилева.
33. Там же. Респондент Н.И. Трубачева.

В.А. Агеева

«После школы регулярно бегала в госпиталь»: посещение раненых военнослужащих учащейся молодежью в годы Великой Отечественной войны

Изучение повседневных практик учащейся молодежи в советском тылу в годы Великой Отечественной войны, включавших в себя учебную и трудовую деятельность, материальные и социально-бытовые аспекты, досуг, содержание информационного поля и другие элементы, позволяет глубже понять и осмыслить те личностные ценности, установки, обстоятельства обыденной жизни советских людей, что удержали общество от самораспада и способствовали его максимальной концентрации на обеспечение победы в жесточайшем противостоянии с агрессором.

С началом Великой Отечественной войны ресурсы свободного времени учащейся молодежи претерпели изменения в количественном и содержательном формате. На первый взгляд, со свободным времяпровождением ничего общего не имело распространенное в годы войны посещение школьниками раненых в госпиталях. Тамара Петровна Горевая (в годы войны – ученица средней школы поселка Хоста) вспоминала: «После школы регулярно бегала

в госпиталь. Незрячим читала письма из дома и писала ответы… из ложечки кормила раненых, у которых не было рук, и тяжелобольных. <…> Из тряпочек выдергивала нити и делала тампоны вместо ваты» [1].

В своем отчете за 1943/1944 учебный год заведующая отделом народного образования Сталинского района города Таганрога констатировала: «…когда открывались госпитали, учащиеся собирали (по дворам) посуду, постельное белье, подушки, кровати и прочие. <…> Дети готовили к приезду раненых палаты… они старались придать им уютный вид – несли туда портреты, лозунги, цветы. Постоянно бывая у раненых, охотно выполняли их просьбы: почитать, сходить на базар. <…> Весной торопились вырастить лук, редиску, чтобы отнести бойцам» [2]. Учащиеся школы № 6 города Таганрога за 3 месяца передали подшефному госпиталю 14 кроватей, 52 тарелки, 30 столовых ложек, 46 чайных ложек, 23 блюдца, 42 стакана, 15 комнатных цветов, 44 карандаша, 80 перьев, 4 чернильницы, 18 чашек, 50 листов бумаги, 8 подушек, 1 матрас [3].

В городе Сочи только в 1942/1943 учебном году в госпиталях «систематически работала большая армия комсомольцев и учащихся старших классов. <…> Они читали книги, проводили беседы, перестилали постели, разносили обеды, ужины, мыли обувь для сдачи в починку, чинили белье, убирали двор, шили чувяки и прочее. Учащиеся младших классов приходили… в палаты с художественными выступлениями, приносили курительную бумагу, конверты… фрукты и прочее. <…> Школьники собирали сухой лист для набивки матрасов, делали коптилки для палат» [4].

И.В. Широков, обучавшийся в годы войны в старших классах средней школы поселка Хоста, вспоминал: «В школе мы ставили спектакли… выступали в госпиталях. <…> Однажды мне пришлось играть роль Гитлера, поскольку никто не хотел ее исполнять, меня обязали как старосту класса. Я надел английский френч, оставшийся после Гражданской войны, нарисовал фашистские атрибуты, усы сделал сажей, соответственно причесался и за пояс заткнул самый большой поварской нож. Моя одноклассница изображала Россию. Мы с ней разыграли сцену борьбы, конечно же, Россия побеждает. Спектакль сочинили сами. Ставили также спектакли по произведениям А.П. Чехова “Злоумышленник”, “Хирургия”. <…> Раненым очень нравились наши постановки» [5].

Наиболее активно проводили шефскую работу с местными госпиталями учащиеся школы № 8 г. Сочи. Они стали инициаторами празднования в них Нового года. Школьники заранее подготовились к этому празднику. Они закупили подарки воинам (орехи, чернослив, мандарины, яблоки, бумагу, конверты, карандаши). Сшили кисеты, платочки. Подготовили приветствия. Ребята купили небольшие елочки и собрали елочные украшения. А 31 декабря разделились на две группы: младшую (1–7 классы) и старшую (8–10 классы) – и под руководством классных руководителей и пионервожатых украсили елочки в палатах у раненых. Самая большая елка была установлена старшеклассниками в столовой. 1 января 1943 г. школьники выступили перед ранеными с новогодними приветствиями, концертом художественной самодеятельности, раздали подарки. «Со слезами радости встретили бойцы и командиры такую заботу детей о них» [6].

Раненые этого госпиталя написали в редакцию городской газеты Сочи письмо с благодарственными словами своим юным шефам, в котором, в частности, говорилось: «У каждого из нас теплее становилось на сердце при мысли, что дети после учебы готовили для нас веселые песни, стихи, рассказы о боевых делах фронтовиков. Очень трогательны маленькие, но дорогие для каждого из нас детские подарки. Юные патриоты умеют проявить любовь к защитникам Родины даже в мелочах» [7].

Школьники были желанными гостями в любой палате, раненые с теплотой отзывались о шефах, которые вносили оживление в строгую больничную жизнь, их ждали с нетерпением, о них вспоминали, даже выписываясь из госпиталя.

Таким образом, встречи с детьми стали определенной формой психологической реабилитации для искалеченных войной людей. У раненых визуализировались положительные образы, связанные с домом, семьей, детьми, связь с которыми могла быть и утраченной. Полученные в результате саморефлексии эмоции сглаживали остроту болевых ощущений от ран, притупляли остроту личностных переживаний, оказывали стимулирующее воздействие на борьбу за выживание, желание вернуться в строй, в том числе ради мирной жизни детей, как своих, так и тех, с кем свели солдатские тропы.

Вместе с тем в общении раненых и школьников существовала и обратная связь, в которой просматривается множество пластов. Несомненно, то, что дети видели в госпиталях, противоречило их детскому естеству: искалеченные тела, страдания людей, смерть от тяжелых ранений. Несоразмерные возрасту физические и психологические нагрузки явились нелегким испытанием для юных патриотов.

Жительница поселка Хоста М.В. Иванова в своих воспоминаниях подчеркивала, что «подростки дежурили ночами у кроватей тяжелобольных. <…> На носилках из госпиталя помогали медперсоналу носить раненых к берегам Черного моря, там развязывали им бинты, купали в целебной морской воде, стирали бинты и вновь по крутым склонам поднимали их в палаты. Пальцы немели, уставали плечи и руки у полуголодных подростков от непосильной ноши, но они мужественно оказывали помощь защитникам Родины» [8].

Что же руководило детьми, что заставляло и мотивировало их отдавать последние силы, свободное время, продукты питания взрослым людям, о которых уже заботилось государство, учитывая то, что сами они голодали и нуждались в помощи? Вновь обратимся к рассказу о военном времени И.В. Широкова, в котором прослеживается восприятие основной массой подрастающего поколения страны своей роли в помощи фронту. «В свободное время, – отмечает он, – подростки с большим энтузиазмом посещали раненых… девочки-школьницы помогали медсестрам делать перевязки… читали газеты. <…> Мы собирали мох в самшитовой роще для госпиталей, так как не хватало ваты и бинтов, а 100 граммов моха впитывает 400 граммов гноя, и такими свойствами не обладает ни одно другое вещество на свете. <…> Собирали плоды диких груш, яблок, сушили их для раненых и для отправки на фронт. <…> Клич “Все для фронта! Все для Победы!” стал нашим образом жизни» [9].

Бесспорно, что шефство над госпиталями со стороны школьников являлось организованным процессом в рамках общественно-государственного движения помощи фронту, находившимся под особым контролем партийных и советских органов всех уровней. И, возможно, больший процент подростков свое участие в нем воспринимал как пионерское или комсомольское поручение. Администрация органов образования, особенно в таких городах, как Сочи, Кисловодск, Ессентуки, ставших в годы войны ведущими базами размещения госпиталей на юге России, объявила шефство над ними одним из приоритетных направлений внеклассной и внешкольной работы.

Вместе с тем за идеологической и формальной оболочкой шефского движения просматривается еще и эмоционально-психологический пласт. У каждого школьника кто-то из близких сражался на фронте и рисковал жизнью. Дети войны отмечали, что «если было плохо – вспоминали отцов: “Мы в тепле, а как он там?”» [10]. В этой связи помощь раненым, общение с ними являлось одной из эмоциональных нитей, которая связывала фронт с тылом, а на подсознательном уровне – детей с близкими, т.е. общественно-значимое становилось фактически личностно-значимым.

Отрыв детей от прежнего круга дорогих людей, которые либо находились на фронте, либо были заняты на производстве или на оборонных объектах, явился для них эмоциональным стрессовым фактором. Детям не хватало родительского тепла, любви, ласки. Раненые, у которых было много свободного времени и нерастраченных отцовских чувств, в какой-то мере заполняли юные душевные резервуары эмоциями, характерными для детско-родительских отношений. Работники отдела народного образования Ставропольского края в 1944 г. отмечали, что «непосредственная связь и дружба с фронтовиками оказывает очень хорошее влияние на учащихся, дисциплинирует их, приучает к более вдумчивому отношению к учебе и своим обязанностям» [11]. Возможно, за определенной помпезностью взаимных заверений, которые давали в палатах госпиталей военнослужащие и школьники (одни обещали, что будут бить без промаха фашистов, другие – учиться на «5» и «4»), просматривается психологический процесс замещения, обусловленный недостатком общения с взрослыми членами семей [12]. Обычно на успех ребенка родители реагируют похвалой, чувством гордости, радости. Такой же реакции на свои достижения в учебе, вероятно, ожидали школьники от бойцов и командиров Красной армии.

В заключение отметим, что шефство школьников над госпиталями в годы Великой Отечественной войны было одним из формализованных направлений внеклассной работы школы в рамках движения помощи фронту. Вместе с тем массовость этого явления и анализ детских воспоминаний позволяет говорить об искреннем желании подростков посвятить свое свободное время общению и оказанию помощи раненым. Несомненно, это было связанно и с патриотическими порывами, но при этом протекал и процесс замещения пустот в детской эмоциональной сфере, связанных с разлукой с отцами, другими членами семьи, с различными страхами и трудностями, обусловленными военной действительностью.

Примечания:

1. Респондент Т.П. Горевая, 1929 г.р., записана в поселке Хоста города Сочи 20 сентября 2008 г. Интервьюер В.А. Агеева.
2. Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области. Ф. 84. Оп. 3. Д. 2. Л. 10.
3. Там же.
4. Архивный отдел администрации города Сочи (далее – АОАГС). Ф. 40. Оп. 1. Д. 24. Л. 32.
5. Респондент И.В. Широков, 1924 г.р., записан в поселке Хоста города Сочи 11 октября 2007 г. Интервьюер В.А. Агеева.
6. АОАГС. Ф. 40. Оп. 1. Д. 24. Л. 32.
7. Красное знамя. 1943. 20 ноября.
8. Респондент М.В. Иванова, 1932 г.р., записана в поселке Хоста города Сочи 12 октября 2007 г. Интервьюер В.А. Агеева.
9. Респондент И.В. Широков, 1924 г.р. записан в поселке Хоста города Сочи 12 октября 2007 г. Интервьюер В.А. Агеева.
10. Дети войны: 1941–1945 гг. (антропологический аспект): хрестоматия. Ставрополь, 2011. С. 7.
11. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 2174. Оп. 5. Д. 166. Л. 114.
12. АОАГС. Ф. 137. Оп. 1. Д. 285. Л. 7об.

С.С. Белоусов

Влияние Великой Отечественной войны на поселенческую сеть Калмыкии[1]

Российское руководство начиная с середины XIX в. целенаправленно формировало сеть стационарных поселений в Калмыкии, придавая ей большое значение в политике развития и интеграции региона в российское социокультурное пространство. В конце 1840-х – первой половине 1860-х гг. на калмыцких землях осуществлялась правительственная программа заселения дорог. Ее главной целью являлось создание стационарных поселений вдоль дорог и перевод калмыков на оседлый образ жизни. Программу удалось реализовать только в части создания стационарных поселений, которые появились благодаря переселенцам из центральночерноземных губерний России и левобережной Украины, но задача привлечения калмыков к оседлому образу жизни в силу ряда причин объективного и субъективного характера решена не была.

Более настойчиво и активно политика формирования сети поселений проводилась советским руководством в 1920–1930-е гг., когда в результате перевода большей части калмыцкого народа на оседлый образ жизни и проведения коллективизации в Калмыкии появилось значительное количество новых населенных пунктов.

[1] Статья подготовлена в рамках темы «Исторические формы и современные способы функционирования социокультурных институтов на Юге России» (базовое бюджетное финансирование, № госрегистрации 01201368164).

События, произошедшие в Калмыцкой АССР в период Великой Отечественной войны, отрицательно сказались на развитии поселенческой сети: военные действия, депортации калмыцкого и немецкого населения, вынужденные миграции, вызванные как насильственными действиями немецкой администрации, так и добровольным уходом части населения с немецкими войсками, привели к заметному сокращению численности населения республики и исчезновению десятков населенных пунктов.

Первые потери поселенческая сеть Калмыкии понесла в конце 1941 г.: 2 ноября этого года последовало распоряжение № 84-кс Совета народных комиссаров СССР «О переселении немцев из Калмыцкой АССР» [1]. К этому времени уже была ликвидирована немецкая автономия в Поволжье, а ее немецкое население депортировано преимущественно в Казахстан. В основе принятого решения о депортации лежало подозрение властей в симпатиях российских немцев гитлеровской Германии.

Накануне войны немцы в Калмыцкой АССР являлись третьей по численности этнической группой, при этом их подавляющее большинство проживало в сельской местности, в пределах Западного и Яшалтинского улусов. В этих улусах располагались 8 немецких населенных пунктов: Немецкая Хагинка, Шинфельд, Розенталь, Шин Терл, Шин Брун, Фриденталь, Рейнфельд и Нейфельд. К 6 декабря 1941 г. в результате спецоперации все немецкое население Калмыцкой АССР в количестве 5965 чел. было выселено в Казахскую ССР [2].

После депортации немцев из 8 упомянутых поселений в них осталось незначительное количество жителей других национальностей, которые объективно были не в состоянии поддерживать социально-производственную инфраструктуру колхозов. Так, на 1 марта 1942 г. в колхозе им. Чкалова имелось всего 60 дворов и 120 трудоспособных колхозников, тогда как до выселения немцев в нем было 269 дворов и 643 трудоспособных колхозника. В колхозе им. Тельмана ранее было 175 дворов и 338 трудоспособных колхозников, а осталось 50 дворов и 100 колхозников. В колхозе им. Молотова прежде имелось 294 двора и 705 трудоспособных колхозников, а осталось 190 дворов и 370 трудоспособных колхозников [3].

Калмыцкий обком ВКП(б) упрекал власти Яшалтинского улуса в том, что они не приняли мер к переселению в опустевшие населенные пункты колхозников из других мест улуса, однако, объективности ради, заметим, что в условиях дефицита рабочей силы в то время сделать это было невозможно без ущерба для экономики улуса. Чтобы поддержать трудовыми ресурсами бывшие немецкие колхозы Яшалтинского улуса и обеспечить план выполнения сельскохозяйственных работ, весной 1942 г. бюро Калмыцкого обкома ВКП(б) распорядилось направить на поселение в них 650 чел. из числа эвакуированного населения и 150 семей из других колхозов улуса и, кроме того, на период весеннего сева привлечь 100 учащихся Башантинского сельскохозяйственного техникума и 100 служащих и их семей из поселка Эстонская Хагинка [4].

Мера по переселению эвакуированных в бывшие три немецких колхоза оказалась малорезультативной: 16 июня 1942 г. на заседании пленума обкома ВКП(б) секретарь Яшалтинского улусного комитета ВКП(б) Курочкин в своем

выступлении указал главную причину этого: «Надо сказать, что вся эта масса совершенно незнакома была с сельхозработами, некоторые из них никогда не видели даже плуга» [5]. Руководству улуса пришлось потратить массу времени, чтобы обучить новых колхозников элементарным навыкам полевых работ.

Вскоре территория Яшалтинского улуса и большей части Калмыкии подверглась оккупации со стороны немецких войск. За 5 месяцев оккупации республики, по неполным данным, немцы расстреляли около 3 тыс. чел., что составило 1,36 % от общей численности ее населения [6]. Как в других захваченных регионах, в Калмыкии немецкая администрация практиковала угоны работоспособного населения на принудительные работы в Германию. По приблизительным подсчетам историка К.Н. Максимова, в Германию было насильственно вывезено из Калмыкии около 4 тыс. чел. (1,8 % от общей численности населения Калмыцкой АССР) [7].

Большой ущерб поселенческой сети нанесли боевые действия, которые наиболее активно велись в районе поселков Яшкуля, Хулхуты, Улан-Эрге, Утты. Особенно пострадали населенные пункты, оказавшиеся в зоне непосредственных боевых действий, и в прифронтовой полосе. Военное командование обеих противоборствующих сторон привлекало местное население на строительство оборонительных укреплений и остальной военной инфраструктуры, из-за отсутствия лесных и иных строительных материалов в степи военнослужащим нередко приходилось разбирать постройки и использовать их для военных нужд, осуществлялись реквизиции продовольствия для воинских частей. По этим причинам часть жителей вынуждены были покидать населенные пункты. Военным командованием также практиковалось выселение местных жителей из районов боевых действий и прифронтовой зоны. Иногда отряды коллаборационистов угоняли отдельные группы калмыцкого населения вглубь степи.

Советское командование начало применять меры выселения гражданского населения из прифронтовой полосы с августа 1942 г., после вступления немецких войск на территорию восточных улусов республики. Отселению подлежали жители населенных пунктов, расположенных в 25-километровой прифронтовой полосе. 17 августа 1942 г. были выселены в тыл жители населенных пунктов Ницянского и Джакуевского сельсоветов Приволжского улуса. На их территории разместились подразделения военных строителей, приступившие к возведению оборонительных сооружений. Военные получили приказ сохранить имущество и жилые постройки отселенных, однако фактически они его не выполнили. Имущество жителей было уничтожено, часть строений разрушена. За время нахождения на территории Джакуевского сельсовета ими было разобрано 92 жилых дома и здания общественного назначения [8].

Отселения жителей происходили и в прифронтовой зоне Юстинского улуса, при этом выселялось исключительно калмыцкое население. Необходимо отметить, что оперативную обстановку в прифронтовой зоне заметно осложняли действия военных отрядов коллаборационистов и просто бандитов. Это обстоятельство способствовало тому, что у отдельных представителей командования 28-й армии и командиров советских военных частей сложилось подозрительное отношение к местному калмыцкому населению.

9 сентября 1942 г. военными на машинах было осуществлено переселение 80 калмыцких семей населенных пунктов Эрдниевского сельсовета Юстинского улуса. Данная акция мотивировалась их тесной связью с бандитами. Выселение было проведено быстро и без согласования с местными партийно-советскими органами власти, переселенцы не успели даже взять с собой вещи и еду, не говоря уже о скоте. Узнав об этом, сразу же откочевали в пески 5 калмыцких хотонов.

14–15 октября 1942 г. по указанию командования 28-й армии было вывезено в глубокий тыл все калмыцкое население поселка Юсты, за исключением партийно-советских работников и бойцов истребительного отряда. Людей собрали в один дом, затем посадили на машины и увезли, не разрешив им взять с собой вещи, продукты и скот. Заместитель наркома внутренних дел Калмыцкой АССР Б.Д. Комаев в информации председателю Совета народных комиссаров Н.Л. Гаряеву 20 октября 1942 г. сообщал, что «люди, преимущественно женщины, дети и старики, уехали с криком и плачем, не зная, куда и зачем их выселяют» [9]. Таким же способом были выселены жители ближайших к Юсте хотонов. Эти меры вызывали раздражение у калмыцкого населения и порождали недоверие к властям. Оценивая сложившуюся обстановку, Комаев писал: «В связи с проводимыми мероприятиями по выселению, настроение населения Юстинского улуса напряженное, так как оно проводится без массовой разъяснительной работы и в большом количестве» [10]. Калмыцкий обком ВКП(б) и СНК Калмыцкой АССР вынужден был обратиться в Военный совет 28-й армии с жалобой, и только тогда ошибка была исправлена.

Некоторые населенные пункты люди покидали из-за действий отрядов коллаборационистов и бандитов. В этом отношении показательна история мытарств жителей совхоза № 10 «Сарпа». В этом совхозе проживали совместно русские и калмыки. После прихода немцев калмыцкое население было насильственно уведено коллаборационистами, а оставшееся русское население подверглось нападениям со стороны бандитов. Последние забирали имущество, угоняли скот, насиловали женщин, избивали и уводили людей. Жители совхоза вынуждены были переезжать с фермы на ферму и в конечном итоге сконцентрировались в центральной усадьбе совхоза. Здесь они вырыли окопы, куда прятались во время обстрелов бандитов. К моменту освобождения совхоза Красной армией в нем осталось всего 60 семей (248 чел.), которых удерживало от побега, по словам властей, только нахождение в совхозе партизанского отряда и отсутствие транспорта [11].

20 ноября 1942 г. началось наступление советских войск, приведшее к освобождению от немецко-фашистских захватчиков оккупированной части территории Калмыцкой АССР. Отступая, немцы применяли тактику «выжженной земли»: уничтожали объекты административно-культурного и производственного назначения и жилые дома, угоняли население.

Уход населения с немецкой 16-й моторизованной дивизией принял массовый характер. С оккупантами уходили коллаборационисты и члены их семей, люди, оболваненные немецкой пропагандой, распространявшей ложные слухи о расправах советских властей с лицами, находившимися на оккупированной

территории. В составе беженцев было много таких, которые вынуждены были следовать с немцами под угрозой уничтожения их самих и членов их семей. Угоняя гражданское население, немцы таким способом стремились лишить своего противника людских ресурсов – граждан, которые могли быть призваны в армию и привлечены к восстановлению народного хозяйства республики.

О масштабах угона гражданского населения немецкой армией свидетельствует тот факт, что после ее изгнания ряд населенных пунктов остался полностью без жителей. При отступлении немцы угнали всех жителей поселков Хулхуты и Утты. Правда, в районе Утты хулхутинцев немцы бросили, предоставив их самим себе [12].

В день освобождения Советской армией Яшкуля, Адыка, Цаган-Усуна, Улан-Эрге, Чилгира и других населенных пунктов Черноземельского улуса в них не оказалось жителей, которых оккупанты переместили в другие районы Калмыкии. К ним были посланы представители советской администрации с целью уговорить их вернуться в родные места. В результате к 1 февраля 1943 г. возвратилось в места прежнего своего проживания 2,3 тыс. чел. из 10 тыс. чел. [13].

Из поселка Яшкуля немцами было угнано все его население в количестве около 3 тыс. чел., однако часть жителей убежала и рассеялась по степи. После прихода Красной армии жители начали постепенно возвращаться в поселок. На 1 января 1943 г. в него возвратились из степи 50 семей [14].

Сильно пострадал в период оккупации город Элиста. По Всесоюзной переписи населения 1939 г. в нем проживали 17,1 тыс. чел. После освобождения 31 декабря 1942 г. осталось всего 500 горожан и немногочисленное население трех городских колхозов. Большинство элистинцев в период оккупации находились в эвакуации или проживали, спасаясь от голода, в селах [15].

В первые два года войны население Калмыкии вследствие военных мобилизаций, депортации немецкого населения и вынужденных миграций сократилось в своей численности. Если по Всесоюзной переписи 1939 г. оно насчитывало 220,7 тыс. чел., то к началу 1943 г. – 171,1 тыс. чел., т.е. уменьшение составило в абсолютных цифрах 49,6 тыс. чел., в относительных – 22,5 % [16].

Война негативно отразилась на поселенческой структуре Калмыкии, однако катастрофические последствия для нее наступили в результате депортации калмыцкого народа в декабре 1943 г., когда калмыцкий народ, огульно обвиненный в сотрудничестве с врагом, по приказу высшего советского руководства был выселен в отдаленные районы Сибири, Средней Азии, Дальнего Востока. Из Калмыцкой АССР в ссылку было отправлено 95 712 калмыков [17], в связи с чем пришли в запустение многие населенные пункты Калмыкии. Часть из них, ранее населенных калмыками, из-за отсутствия населения пришлось ликвидировать, в некоторые поселения были направлены на жительство люди из соседних с упраздненной республикой краев и областей. Переселением жителей из других мест, однако, полностью восполнить потерю не удалось. О масштабах потерь в поселенческой сети Калмыкии можно судить по тому факту, что из имевшихся накануне депортации в республике 178 колхозов 113 были по национальному составу калмыцкими [18]. После выселения калмыков из населенных пунктов этих колхозов заменить их в условиях войны было просто

некем. В результате многие из них прекратили свое существование. Великая Отечественная война нарушила поступательное развитие сети стационарных поселений в Калмыкии, которую государство с большим трудом и затратами создавало начиная с середины XIX в.

Примечания:

1. Оконова Л.В. Немцы Калмыкии: историческая судьба и насильственное выселение // Пальмовский вестник. 2014. Вып. 1. С. 81.
2. Там же. С. 89.
3. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НАРК). Ф. П-1. Оп. 3. Д. 677. Л. 20.
4. Там же. Л. 21.
5. Там же. Л. 200
6. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста, 2009. Т. II. С. 559.
7. Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М., 2007. С. 264.
8. НАРК. Ф. Р-131. Оп. 3с. Д. 83. Л. 221об.
9. Там же. Л. 199.
10. Там же. Л. 200.
11. Там же. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 844. Л. 48–48об.
12. Там же. Д. 743. Л. 124.
13. Там же. Д. 754. Л. 30.
14. Там же. Д. 839. Л. 14.
15. Там же.
16. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. II. С. 561.
17. Там же. С. 587.
18. НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 739. Л. 48–57.

О.И. Столбовская

После освобождения осталось пепелище...

29 августа 1943 г. Матвеев Курган перестал быть фронтовым населенным пунктом, можно было как-то начинать здесь мирную жизнь. Оккупация поселка длилась около 8 месяцев, и еще около года в 1941–1942 гг. и затем в 1943 г. поселок находился на линии фронта. Эти обстоятельства привели к тому, что поселок был разрушен больше, чем другие села.

В объяснительной записке матвеево-курганского военного комиссара к актам причиненного ущерба от 16 апреля 1943 г., составленным в селе Марьевка, сказано: «Разрушены полностью: Ново-Грековка, Ново-Ротовка, Ново-Марьевка, Александрфельд. Разрушены на 2/3 села: Матвеев Курган, Политотдельское, Больше-Кирсаново, Ново-Андрианово, Ряженое. В Матвеевом Кургане до оккупации было 1200 домов, осталось 30–40, остальные сожжены и уничтожены». Документ снабжен постскриптумом: «Составленный акт далеко не полностью охватывает все события и убытки, причиненные району, так как 1/3 часть района еще находится в немецкой оккупации» [1].

Несколько человек поделились своими воспоминаниями об этом страшном времени. Екатерина Григорьевна Добрица рассказала: «Там, где сейчас ПТУ, во время фронта стояли наши танки. Немцы все время бомбили, старались их уничтожить. Бомбами пропахали несколько улиц – от Харьковской до Московской, как огород. Воронки были – в каждую можно дом поместить целиком» [2]. Надежда Петровна Саломащенко вспоминает: «Кругом был бурьян – в нем тропинки. Только там можно было ходить, кругом мины. Знакомую бабушку уже после освобождения хоронили – подорвалась на мине в своем огороде» [3]. Борис Тихонович Прилуцкий свидетельствовал: «Дома в поселке все были разбиты, только в Соседкином хуторе (сейчас – улица 40 лет Пионерии) да в хуторе Несветай (улица Красноармейская) немного домов осталось. Немцы с горы били, все старались разбить, чтобы нашим солдатам остановиться негде было» [4].

Воспоминания жителей дополняет очерк Михаила Никулина «Огни на Миусе». Известный донской журналист и писатель побывал в нашем поселке в 1943 и 1947 гг. и изложил свои впечатления в этом очерке. Интересно, что в первый раз он приехал вместе с людьми, прибывшими из эвакуации. Для большинства местных жителей эвакуация была организована в близлежащие села, что не спасло их от оккупации. Далеко от фронта эвакуировали только семьи ответственных партийных и советских работников, поэтому имущество, привезенное этими людьми в разбитый и разграбленный фашистами поселок, было неслыханным богатством по тем временам, хотя автор подчеркивает, как тяжело было людям нести его на плечах. М.Н. Никулин пишет: «Люди шли медленной, утомленной походкой, шли по улицам родного села, когда-то славившегося красивыми домами, садами, общественными постройками. Было село, а теперь его не стало… Улицы слились в одну дикую, вспаханную бомбами и снарядами пустошь, поросшую бурьяном, как жесткой и колючей бородой. В бурьянах беспрепятственно гулял ветер, посвистывая и клубя прогорклый пепел пожарищ.

Бурьян трещал под ногами бредущих с пожитками людей. Опустив головы, старики снимали шапки, женщины вытирали слезы…» [5].

Вернувшиеся в поселок власти стали издавать указы и распоряжения. Особенно привлекает внимание решение исполкома «О сдаче населением трофейного и прочего государственного и общественного имущества». В документе говорилось: «Обязать всех граждан, взявших на сохранение военное имущество и имущество, принадлежавшее государственно-хозяйственным органам и частным лицам (эвакуировавшимся из территории во время оккупации), все трофейное имущество сдать на приемные пункты сельсоветов не позднее 10.10.1943… Граждане, не сдавшие, при обнаружении имущества будут считаться как мародеры. К виновным будут применены меры военного времени» [6]. Имуществом, подлежащим сдаче, были и вещи, которые оставили бежавшие немцы, и брошенный скот, бродивший по полям с 1941 г. В документе обращает на себя внимание строка, где говорится о возврате имущества частным лицам, вернувшимся из эвакуации, причем уточняется, что только «эвакуировавшимся из территории во время оккупации». Имелось, видимо,

в виду только то имущество, которое принадлежало ранее семьям ответственных работников, т.к. остальное население эвакуировалось в пределах «территории», т.е. за 20–40 км.

Мария Константиновна Киричкова, служившая медсестрой во фронтовом госпитале, вспоминает с горечью и удивлением те ужасные разрушения, которым подвергся Матвеев Курган: «Я в 1944 г. была зимой проездом в поселке. Вышла из вагона – вагончик стоит, вместо вокзала – руины, а в вагончике кассы и дежурный сидит. Гляжу кругом – зданий нет, снег кругом, кое-где торчат трубы от разбитых хат. И пошла я к родителям. Знала уже, что они на Харьковской улице поселились. Только я направление попутала и вместо севера от вокзала на юг пошла. Улиц нет никаких, деревьев нет, никаких примет. Брела, брела по снегу, а потом какой-то мужчина навстречу попался. "Как на Харьковскую попасть? – А это вам надо до вокзала дойти". Оказалось, что я уже почти в Колесниково пришла. Пришлось возвращаться. Еле нашла родителей. Они заняли полуразрушенный дом, в котором умерли жители. Люди в 1944 г. жили в землянках, в щелях, на огородах вырытых, в погребах. Там и печи стояли. А улицы были пустынные, не зная, не найдешь их» [7]. Страшным, опасным местом был Матвеев Курган в 1943–1944 гг.!

Восстановление означало тяжелый труд, в основном ручной, почти бесплатный, без всяких машин и с очень небольшим количеством механизмов. Нужно было проявить лучшие качества человека – выносливость, трудолюбие, терпение, чтобы выдержать такие условия, не пасть духом, да еще и вести за собой других. В нашем поселке такие женщины нашлись. Причем упомянуты они не только в официальных отчетах, но и в воспоминаниях простых людей. Вспоминает Виктор Матвеевич Моисеенко: «Мимо нашего дома проходила дорога, по которой скот гнали с летнего пастбища, с выгона, на ночь на базы. Идут доярки и поют. Громко, красиво! Песни пели и военные, и украинские, и русские. Запевала Александра Смыкунова. И народ говорил: "Доярочки идут!" Тогда развлечений мало было, а песни эти народу грели душу. Ранней весной 1944 года стали разделывать землю. Все вручную, лошадей почти не было. Вручную таскали борону, сеяли. Очень много работали люди, в основном женщины. Организатором и активисткой была Кулакова Фекла Тимофеевна. Когда получили области зерно для посева, женщины носили его на плечах весной 1944 года, так как была грязь, ничем было не проехать. В овощной бригаде была главной Калугина Евдокия Захаровна. Она со своими огородницами летом почти дома не были. С рассветом на поля, по темноте домой. А дома дети малые ждут. И как они управлялись?» [8].

О трудных днях возрождения также сообщается в очерке Н.Д. Беликова «У нас на Миусе»: «Не такие люди живут на миусской земле, чтобы робеть перед трудностями. Слава о самоотверженности наших хлеборобов еще до войны шагнула за пределы района. Приступив к восстановлению хозяйства, люди равнялись на Марфу Арсентьевну Королеву, которая еще до войны слыла в Ростовской области мастером высоких урожаев, на рядовую колхозницу сельхозартели имени Октябрьской революции Ф.Т. Кулакову, первых трактористок Александру Михайловну Кириченко, Надежду Семеновну Литюк,

Степаниду Карповну Мищенко, Пелагею Тихоновну Осипенко, Полину Никитичну Возыко…» [9].

Как удалось выяснить, в 1943–1944 гг. Марфу Арсентьевну Королеву назначили руководить собесом, в полевых работах она не участвовала, но автор считает, что довоенные трудовые подвиги все равно продолжали вдохновлять людей в нелегком труде. Об остальных труженицах, упомянутых Беликовым, вспоминают и другие очевидцы. Далее Н.Д. Беликов пишет: «К первому послевоенному севу озимых матвеево-курганцы приступили с 36 лошадьми, 117 волами, 148 конными плугами, 253 ярмами, 130 хомутами. Это все, что удалось собрать в ограбленном и разрушенном врагами районе. Имелось еще 10 тракторов, но все они были неисправны» [10]. Н.Д. Беликов пишет о помощи, которую оказали рабочие таганрогских заводов в ремонте техники. Хозяйства соседних районов помогали семенами. В районном архиве хранится документ «О сборе семенного материала на посев в 1944 г.». На заседании бюро райкома партии (протокол № 18 от 3 декабря 1943 г.) было решено «собрать из своих личных запасов возможное количество семенных материалов яровых культур. На второй день после собрания было сдано в коллективные хозяйства 1293 кг зерна и прочих культур» [11]. В ту осень колхозы и совхозы района засеяли озимыми 687 га, что составило около 23 % от довоенного озимого клина. Урожай получился неплохим, государству было сдано 66 278 пудов хлеба [12].

Г.С. Токарев был председателем Матвеево-Курганского райисполкома. Его воспоминания напечатала районная газета «Звезда» в 1990 г.: «Женщины, ребятишки и старики переложили на свои плечи все трудовые тяготы. Да и техники в колхозах оставалось мало. Все лучшее было отдано фронту.

Руки, всюду руки людей – женские, детские. Они сеяли, убирали, грузили тяжелые мешки на подводы и отправляли зерно на заготпункт. Осенью 1944 г. по размытой дождем дороге доставляли хлеб колхозники села Кульбаково. Была такая грязь, что подводы приходилось вытаскивать руками. На передней из них алел лозунг: “Все для фронта, все для победы”… Часто лились в ту пору вдовьи и сиротские слезы, но работу не бросали. А по ночам, когда слипались от бессонницы глаза, уставшие женщины вязали для бойцов армии теплые носки, перчатки. Каждая семья отправляла на фронт близким, родным и даже незнакомым кусочек своего тепла. Охотно отдавали люди свои сбережения в фонд обороны на специальный счет в Госбанк № 350, предназначенный на постройку звена боевых самолетов “Освобожденный Матвеев Курган”» [13].

Наши очевидцы своими рассказами дополняют картину этого подвига. Любовь Ивановна Стрижакова, 1926 г.р., вспоминает: «Сеяли вручную. Сумки вешали на шею, в них зерно – его сверху земли рассыпали, старались равномерно сделать. Чтобы птицы не склевали, волочили борону зубьями кверху. Косили урожай тоже вручную, серпами, сносили снопы к молотилке. Там тоже тяжело было работать. Эта молотилка отделяла зерно от половы и соломы» [14].

В районном архиве имеются документы, позволяющие восстановить картину работ, организованных райисполкомом в 1943–1944 гг. Люди долгое время полагались только на себя, т.к. от немецкой комендатуры ждали только плохого. Когда стали восстанавливать советскую власть, когда закончился период

безвластия, то оказалось, что люди вообще отвыкли работать на производстве, в том числе и в колхозах. Они научились добывать себе пропитание без участия властей, скорее, желая их обмануть и не подчиняться. Поэтому мероприятия, намеченные райисполкомом, не всегда выполнялись, часто игнорировались. Человек скорее был готов отправиться в какую-то поездку, чтобы обменять какие-то вещи на продовольствие, или заняться собственным огородом, чем ходить на какую-то общественную работу.

В протоколах заседаний райисполкома можно прочесть, как трудно люди возвращались к какому-то упорядоченному образу жизни. В архиве нашлось два документа, в которых рассказывалось, что были сняты с должности руководители, не обеспечившие выполнение решений о строительстве и восстановлении учреждений поселка. Много документов, в которых отражены отчеты руководителей разных районных служб. Часто члены райисполкома не были удовлетворены ходом работ, упоминаются жесткие меры к отчитывавшимся руководителям, вплоть до уголовной ответственности. Население поселка было очень малочисленно, не хватало рабочих всех специальностей, особенно строителей. 9 ноября 1943 г. рассматривался вопрос о привлечении людей, имевших строительные специальности, к восстановительным работам. Конечно, сначала хорошо было бы выяснить, сколько их, какие они имеют специальности. Поэтому в повестку дня был включен вопрос: «О регистрации и учете лиц, имеющих строительную специальность». Принято решение: «…виновные в уклонении явки на регистрацию подвергаются штрафу в размере 100 руб., а в злостных случаях привлекаются к уголовной ответственности» [15].

Многие мероприятия являлись разумными и своевременными. Планировалось провести следующие работы и мероприятия осенью 1943 г.:

– мобилизовать трудоспособное население для строительства железной дороги у станции Матвеев Курган [16];

– возобновить работу конторы связи, почтовую, телефонную и радиосвязь в районе [17];

– очистить и отремонтировать колодцы, убрать мусор, организовать беседы и лекции о санитарии [18];

– организовать борьбу с малярией, прививки против дифтерии и оспы детям от 2 месяцев до 8 лет [19];

– организовать закладку просветов окон и дверей в разрушенных зданиях [20];

– построить пекарню [21];

– выделить кредиты для индивидуального строительства колхозникам, инвалидам войны, семьям военнослужащих [22];

– открыть базар [23];

– организовать работу суда [24];

– провести учет учителей и врачей, предприятий и посевных площадей, а также скота в районе [25].

Из содержания документов видно, что велика была и вероятность эпидемий, причем очень опасных. В условиях, когда многие колодцы были уничтожены, трудно помыться, кругом холод и разруха, обоснованные опасения вызывали такие заболевания, как дифтерия и оспа, тиф и малярия.

Не хватало врачей, не хватало учителей. Многие очевидцы вспоминают, с какой радостью они встречали в поселке именно учителей и врачей. Вспоминает В.М. Моисеенко: «После освобождения первыми начали восстановление мирной жизни учителя. Они пришли к людям раньше, чем участковые, раньше, чем врачи. Они первыми начали организовывать восстановление домов для школы. Здесь, на Харьковской, тоже открылась вечерняя школа. Собрали переростков и учили вечером. Сюда учителя приходили по темноте, по грязи непролазной целый год. Приходили Софья Романовна Гродская, Вера Романовна Журавлева, Петр Корнеевич Путивцев. Один год так было, а в 1944 году мы ходили в школу в Жемчужном саду» [26].

Забота о детях часто сопровождалась привлечением их к труду. О специальной организации труда детей записано решение в протоколе заседания райисполкома [27]. Военное детство было наполнено тяжелыми невзгодами, лишениями, часто голодом и холодом, но и в большей степени трудом. Взрослым, серьезным трудом на взрослых, ответственных работах. Николай Егорович Кущенко вспоминает: «Окончил только 4 класса. Всех подростков принимали на работу в колхоз, на меловой карьер, в другие места. Летом работа была обязательной. Часто ребят осенью не отпускали в школу с работы, даже когда начинались занятия. Сам председатель говорил: “Грамотный уже, хватит школы, работать некому!” Действительно, в наших краях работать было некому. Дети понимали это, рано взрослели, взяв на себя взрослые дела и обязанности. Часто детей назначали на вполне ответственные работы – например, помощниками трактористов, телятницами, доярками» [28].

В поселке Матвеев Курган было очень много работы и мало людей. Часто на заседании исполкома просто назначали руководителя и поручали ему организовать работу какого-то учреждения, например, «Заготскота». А люди, которые должны были тут работать – где они? Их было очень мало. И этот пробел заполняли подростки, кому до войны не доверили бы такие серьезные работы. Без детских рук было не обойтись. Взрослые, в том числе и руководители, понимали это, проявляли терпение и снисходительность к детям и молодежи. И дети трудились и справились, хотя, конечно, были и шалости, и оплошности, и неумение, и опасности. Александр Дмитриевич Резниченко вспоминает: «В 15 лет работал на тракторе, пахал поле. Это было недалеко от Колесниково. Однажды трактором зацепил мину. На тракторе ни царапинки, зато плуг разорвало. Мне очень повезло, я остался жив. После этого минеры обыскали все поле и нашли там 4 противотанковых мины МП-200. На этом поле также нашли останки 15 человек. Мы сами с ребятами их похоронили. Сносили убитых на тележку и на быках везли в большую яму. Помогали солдатам также разминировать поле под Волковой горой. Сносили разминированные мины в кучу» [29]. Любовь Петровна Мирошниченко рассказывала: «Сначала работала в колхозе. Дали тяжелую тяпку, а мне 14 лет. Надо было отгребать землю в канале, когда шел полив. Тяжелая работа для взрослых мужиков, а не для девочки» [30].

В контексте празднования 70-летия Великой Победы хотелось бы, чтобы не забывали и о детях войны, чьим трудом страна была возвращена к мирной жизни, преодолены голод и разруха, отстроены практически заново наши города и села.

Примечания:

1. Районный архив Администрации Матвеево-Курганского района (далее – РААМКР). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 38.
2. Респондент Е.Г. Добрица, 1922 г.р., записана в поселке Матвеев Курган Ростовской области в августе 2004 г. Интервьюер О.И. Столбовская.
3. Респондент Н.П. Саломащенко, 1924 г.р., записана в поселке Матвеев Курган Ростовской области в августе 2004 г. Интервьюер О.И. Столбовская.
4. Респондент Б.Т. Прилуцкий, 1931 г.р., записан в поселке Матвеев Курган Ростовской области в октябре 2008 г. Интервьюер О.И. Столбовская.
5. Никулин М. Огни на Миусе. Ростов н/Д, 1947. С. 17.
6. РААМКР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
7. Респондент М.К. Киричкова, 1923 г.р., записана в поселке Матвеев Курган Ростовской области в октябре 2009 г. Интервьюер О.И. Столбовская.
8. Респондент В.М. Моисеенко, 1930 г.р., записан в поселке Матвеев Курган Ростовской области в декабре 2009 г. Интервьюер О.И. Столбовская.
9. Беликов Н.Д. У нас на Миусе. Ростов н/Д, 1969. С. 35–36.
10. Там же. С. 36–37.
11. РААМКР. Ф. 66. Оп. 2. Д. 1. Л. 112.
12. Беликов Н.Д. Указ. соч. С. 37.
13. Токарев Г.С. Сбережения на самолеты // Звезда. 1990. 1 сентября.
14. Респондент Л.И. Стрижакова, 1926 г.р., записана в поселке Матвеев Курган Ростовской области в октябре 2009 г. Интервьюер О.И. Столбовская.
15. РААМКР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 40.
16. Там же. Л. 2.
17. Там же.
18. Там же. Л. 5.
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же. Л. 7.
22. Там же.
23. Там же. Л. 9.
24. Там же. Л. 8.
25. Там же. Л. 14.
26. Респондент В.М. Моисеенко.
27. РААМКР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 91.
28. Респондент Н.Е. Кущенко, 1930 г.р., записан в поселке Матвеев Курган Ростовской области в декабре 2009 г. Интервьюер О.И. Столбовская.
29. Респондент А.Д. Резниченко, 1928 г.р., записан в поселке Матвеев Курган Ростовской области в декабре 2006 г. Интервьюер О.И. Столбовская.
30. Респондент Л.П. Мирошниченко, 1932 г.р., записана в поселке Матвеев Курган Ростовской области в декабре 2009 г. Интервьюер О.И. Столбовская.

Е.В. Панарина

Решение проблем детской беспризорности и безнадзорности на Дону и Северном Кавказе в 1943–1945 гг.

В дни празднования 70-летнего юбилея Великой Победы особое внимание и уважение проявляется к участникам Великой Отечественной войны и всем,

кто испытал на себе колоссальные испытания военного времени. Среди них «дети войны», т.е. те, кто встретил войну в детском возрасте и рано повзрослел за долгие четыре года. В условиях войны огромное количество детей и подростков оказалось в состоянии отсутствия отцовской, а зачастую и материнской заботы, что потребовало от государственных органов и общественных организаций принятия мер по решению проблем детской беспризорности и безнадзорности.

Дон и Северный Кавказ являлись сложным регионом, на территории которого происходила постоянная миграция населения, что приносило дополнительные трудности по выявлению и устройству детей. В особенности эта проблема обострилась после освобождения большей части региона в январе – феврале 1943 г. Многие дети оказались в это время не охваченными вниманием как родителей, так и государственных органов.

При рассмотрении данного вопроса Ростовским горисполкомом в апреле 1943 г. было отмечено, что на центральных улицах и рынках города малолетние дети занимаются торговлей папиросами, семечками, водой, а также бродят дети, потерявшие родителей. Горисполком обязал органы милиции и народного образования повести решительную борьбу с детской беспризорностью и безнадзорностью. Для руководства этой работой при районных советах депутатов трудящихся были организованы комиссии по устройству детей под председательством заместителя председателя исполкома. В их состав входили начальник городского отдела милиции, инспекторы гороно и секретари райкома ВЛКСМ [1]. Такие же решения были приняты в других городах и районах Дона и Северного Кавказа.

В качестве мер борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью предусматривалось:

– во-первых, воспретить пребывание детей до 16-летнего возраста на улицах после 21 ч, за исключением случаев, когда дети находились в сопровождении родителей;

– во-вторых, запретить допуск детей до 16 лет на вечерние спектакли, киносеансы, оканчивавшиеся после 20 ч, без сопровождения взрослых;

– в-третьих, воспретить допуск детей до 16 лет и учащихся всех видов школ в вечерние часы в столовые, буфеты, кафе, пивные, в которых производился отпуск спиртных напитков и пива [2].

Ввиду участившихся несчастных случаев среди детей из-за неосторожного обращения с взрывчатыми веществами, оставшимися после бегства немцев, повышалась ответственность родителей в вопросах контроля над детьми, проводилась разъяснительная работа среди детей со стороны школьных врачей и комсомольских организаций [3].

Большой объем работы местных органов и общественных организаций был связан с выявлением и устройством сирот и детей, потерявших родителей. Для решения этой задачи Краснодарский крайисполком в апреле 1943 г. обязал органы НКВД в двухнедельный срок организовать детские приемники в Краснодаре, Армавире, Майкопе, Кропоткине, Тихорецке и станице Тимашевской [4]. После выявления беспризорных детей соответствующие комиссии принимали решение об их направлении в детские дома и другие детские учреждения.

О масштабах этой работы свидетельствуют данные за 1943/44 учебный год. За это время в Краснодарском крае было учтено 9098 детей, нуждавшихся в государственном обеспечении. Из них устроено в детские дома – 3280, патронировано – 1390, усыновлено – 754, находилось под опекой – 1092, устроено в ФЗО и ремесленные училища – 740 детей [5]. В Ростове-на-Дону при городском отделе народного образования в марте 1943 г. был создан опекунский пункт [6]. К июлю 1943 г. в городе было выявлено 905 сирот, из них усыновлено – 51, патронировано – 120, назначена опека над 156 сиротами, определены в детские дома – 85 и трудоустроено – 37, т.е. всего были определены 459 детей. Вместе с тем тяжелое положение города после оккупации не позволяло сразу решить вопросы обеспечения около половины сирот. В качестве временной меры органы образования рассматривали необходимость установления контроля над условиями их жизни, привлечения к воспитательной работе актива домохозяек и учителей [7]. Кроме того, было принято решение о вывозе части детей города, пострадавших от немецкой оккупации, в колхозы Ростовской области [8].

Между тем имевшиеся возможности социальной сферы большинства районов Дона и Северного Кавказа не соответствовали нарастающему количеству потерявших родителей детей. Нередко одинокие матери и малоимущие семьи в силу тяжелого материального положения сами стремились временно отдать своих детей в детдом. В связи с этим со стороны партийно-государственных органов были приняты меры по восстановлению разрушенных детских домов и организации новых специальных учреждений, предназначенных для содержания нуждающихся в попечении детей.

Активизации этой работы способствовало постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от оккупации». Так, 29 августа 1943 г. бюро Краснодарского крайкома ВКП(б) приняло решение в целях устройства, обучения и воспитания детей воинов Красной армии, а также детей работников, погибших от оккупантов, организовать Суворовское военное училище в г. Майкопе на 500 чел., два специальных ремесленных училища на 400 чел. каждое, 15 специальных детских домов на 1500 чел., 3 детских приемника-распределителя на 200 чел., 2 дома ребенка на 100 мест [9].

В соответствии с данным постановлением в ноябре 1943 г. было также открыто Новочеркасское суворовское училище [10]. О высокой востребованности училища свидетельствует тот факт, что на 300 возможных мест было подано свыше 6 тыс. заявлений. Преимущественным правом на зачисление пользовались дети погибших и продолжавших службу военнослужащих. Поэтому из числа принятых в училище воспитанников 51 принадлежал к детям погибших офицеров, 87 – к семьям офицеров и генералов, 90 – к семьям рядовых военнослужащих. В составе воспитанников проявилась также региональная специфика, т.к. был принят 101 мальчик из семей казаков [11].

Одновременно принимались меры по восстановлению детских домов. Большинство из них серьезно пострадало во время оккупации и военных действий. Например, в Краснодарском крае было полностью разрушено

25 детских домов. Сразу после освобождения было открыто 30 детских домов, до июля 1943 г. – еще 24 детских дома, а позднее – еще 15 специальных детских домов с контингентом в 1500 чел. [12]. К лету 1944 г. в крае действовало 74 детских дома, из них школьного типа – 46, дошкольного – 12, смешанного – 14, школ-интернатов глухонемых – 2 [13]. В том числе в Адыгейской автономной области было вновь организовано 7 детских домов, в которых воспитывалось 572 ребенка – сироты и дети фронтовиков [14].

В Ростовской области в ноябре 1943 г. были организованы специальные детские дома на 1500 детей, а также 2 дома ребенка [15]. На Ставрополье действовало 40, а в Дагестане – 81 детский дом. За годы войны возросло число детей-инвалидов. В 1944 г. на Северном Кавказе в 5 детских домах инвалидов, в которых было 300 детей, 30 % имели протезированные конечности – последствия минирования населенных пунктов оккупантами [16].

Положение детей во многих созданных детдомах было тяжелым. Так, в результате проверки Ростовским обкомом ВКП(б) в июле 1943 г. выяснилось, что большинство детских домов не имело подсобных помещений и дворов для игр детей. Не хватало твердого и мягкого инвентаря. Дети спали на кроватях по двое или на полу. У воспитанников не было зимней одежды, обуви и топлива. Кроме того, областной торговый отдел, облпотребсоюз не обеспечивали надлежащим образом питание в детских организациях, и отпускаемые государственные нормы не доходили до воспитанников [17]. В крайне тяжелых условиях находился детский дом № 1 Ростова-на-Дону: не хватало постельного белья, одежды, обуви; дети были истощены, завшивлены; распространены инфекционные заболевания – ветрянка и сыпной тиф. Вместе с тем дирекция не только не принимала мер к наведению порядка, но и грубо относилась к детям-сиротам [18].

В доме ребенка Ростова-на-Дону за 10 месяцев 1943 г. умерло 58 детей при среднем количестве детей не более 50 чел. Причинами высокой смертности детей являлись халатность со стороны главного врача, а также отсутствие отопления и стекол в детских комнатах, плохая организация питания детей. В результате нехватки теплого белья, одеял и пеленок многие дети болели воспалением легких [19]. Вследствие безответственного отношения к своим обязанностям директоров и медперсонала массовые случаи завшивленности детей были выявлены в Ростовском детском доме № 3, Орловском детском доме; заболевания чесоткой – в Новочеркасском дошкольном детском доме и Каменском детском доме [20].

Последние примеры показывают, что материально-бытовые проблемы деятельности детских домов усугублялись ввиду низкой квалификации кадров, а также безответственного отношения к своим обязанностям части работников. Подобная ситуация явилась причиной нежелания многих воспитанников оставаться на государственном содержании. По сведениям органов НКВД, в Краснодарском крае только в январе 1944 г. совершили побеги 70 воспитанников детских домов, в Дагестанской АССР – 96 воспитанников [21].

С целью преодоления данной ситуации со стороны правительства были приняты дополнительные меры, направленные на повышение уровня

организации и укрепление материальной базы детских домов. Так, после открытия в сентябре 1943 г. специального дома ребенка в Ставропольском крае и двух специальных домов ребенка в Краснодарском крае практически каждый воспитанник получал простыню, две пары чулок, четыре полотенца, две распашонки и одну пару обуви [22].

С 1 августа 1943 г. были установлены нормы продовольствия для детских домов. В месяц на одного ребенка приходилось 1,5 кг мяса или рыбы, 500 г жиров, 1,5 кг круп и макаронных изделий, 500 г сахара или кондитерских изделий, 8 л молока, 150 г сыра, 6 яиц, 750 г муки, 7,5 кг картофеля и овощей, 6 кг свежих фруктов, 25 г чая, 400 г хлеба. Конечно, эти нормы уступают современным, но в условиях военного времени их введение создавало определенную правовую основу для обеспечения необходимого минимума снабжения детских домов продуктами питания [23].

В то же время практическая реализация продовольственного снабжения детских домов сопровождалась частыми перебоями в поступлении продуктов, неполным отовариванием выделяемых фондов. Направленных правительством средств было недостаточно для проведения в детских домах капитального и текущего ремонта, оснащения твердым и мягким инвентарем. В связи с этим большая нагрузка по обеспечению работы детских домов ложилась на местные органы, предприятия, учреждения и общественные организации.

Благодаря их усилиям условия содержания и воспитания детей, находящихся в детских домах, постепенно улучшались. И, хотя воспитанники продолжали испытывать большие трудности, их положение невозможно сравнить с испытаниями детей, оставшихся в руках оккупантов. В том числе такая тяжелая участь постигла воспитанников таганрогских детских домов, многие из которых погибли, а выжившие на всю жизнь оставили страшные воспоминания о пережитом [24].

Широкое распространение в восстановительный период приобрели почины трудовых коллективов, комсомольских и профсоюзных организаций по организации сбора средств в пользу детей-сирот, воспитанников детских домов. Например, весной 1943 г. комсомольцы колхоза «Марксист» Мечетинского района Ростовской области выступили с инициативой создать фонд продовольствия помощи детям. Они собрали много продуктов, своими руками посеяли 5 га разных культур, поставили на откорм 2 свиньи и 50 голов птицы.

Инициатива мечетинцев была одобрена специальным постановлением Ростовского обкома ВКП(б) и получила горячий отклик на местах. В фонд помощи детям были засеяны сотни гектаров. Например, в Егорлыкском районе – 130 га зерновых и бахчевых культур, в Багаевском – 88 га. Так называемые «детские гектары» появились в колхозах Развиленского, Батайского, Азовского и других районов. Одновременно проходил сбор продовольствия для воспитанников детских домов. Только в Батайском районе было собрано свыше 200 кг всевозможных продуктов. В статье областной газеты, посвященной этому почину, отмечалось: «Пусть маленькие граждане Советской страны будут обеспечены всем необходимым для нормальной учебы и роста. Ты не сирота, малыш! Так мы должны сказать каждому ребенку, потерявшему отца и мать. Согреем сирот Отечественной войны теплой материнской и отцовской заботой!» [25].

Распространенной формой являлись месячники помощи детским домам, в ходе которых для воспитанников собиралось продовольствие, одежда, обувь, проводились ремонтные работы. За каждым детским домом были закреплены шефствующие предприятия и учреждения, которые проявляли постоянную заботу о воспитанниках. Например, в июле 1943 г. в Армавире в ходе месячника школа ФЗО выделила рабочую силу (кровельщиков, штукатуров, плотников) для ремонта помещений детского дома. Студенты механико-технологического техникума пропололи 7 га огорода для своих подшефных, собрали вещи для детского приемника [26].

Большую помощь детским домам оказывали профсоюзные организации. По инициативе профкомов трудовые коллективы помогали детским домам в ремонте помещений, оснащению комнат и кабинетов, созданию нормальных бытовых условий. Например, коллективы предприятий и учреждений Армавира передали в распоряжение детских домов 600 матрацев, 900 подушек, 50 простыней, 600 наволочек, сотни пар постельного белья, около 3000 предметов разной посуды [27].

Профсоюзные организации активно участвовали в создании фондов помощи детям, выделяя средства на поддержку сирот. Так, местными комитетами медицинских работников Краснодарского края в 1944 г. было выделено 5 тыс. руб. [28]. К моменту окончания войны в большинстве детских домов удалось обеспечить нормальное питание, несколько улучшить материально-бытовые условия проживания воспитанников. В это же время удалось выявить и устроить значительную часть беспризорных детей.

Таким образом, благодаря принятым государственными органами мерам, участию в благотворительном движении общественных организаций и населения, в условиях войны удалось существенно ослабить проблему беспризорности и безнадзорности детей и заложить основы для ее решения в послевоенное время.

Примечания:

1. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-1817. Оп. 3. Д. 2. Л. 160.
2. Социалистическая Кабардино-Балкария. 1944. 13 января.
3. Молот. 1944. 8 апреля.
4. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-687. Оп. 1. Д. 34. Л. 37.
5. ГАКК. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 1. Л. 17–18.
6. Молот. 1943. 2 апреля.
7. ГАРО. Ф. Р-1817. Оп. 3. Д. 5. Л. 117.
8. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 13. Оп. 4. Д. 21. Л. 53.
9. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 43. Д. 976. Л. 94.
10. Молот. 1943. 30 ноября.
11. ГАРО. Ф. Р-3737. Оп. 2. Д. 477. Л. 36.
12. ГАКК. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.
13. Там же. Л. 16, 19.

14. Адыгейская правда. 1944. 1 января.
15. ГАРО. Ф. Р-3737. Оп. 2. Д. 477. Л. 36.
16. Каменева Г.Н., Судавцов Н.Д. Женщины Северного Кавказа: подвиги мужества и милосердия. 1941–1945 гг.: очерки истории. Ставрополь, 2005. С. 193–194.
17. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 111. Л. 63об.
18. ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 4. Д. 20. Л. 46.
19. ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 4. Д. 68. Л. 15об.–16.
20. ГАРО. Ф. Р-4130. Оп. 1. Д. 12. Л. 45.
21. ГАКК. Ф. Р-1561. Оп.1. Д. 757. Л. 147.
22. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-8009. Оп. 1. Д. 475. Л. 10–25.
23. Кринко Е., Хлынина Т., Юрчук И. На грани выживания: детские дома Кубани в 1941–1945 годы // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. М., 2008. С. 50.
24. Вершинин Г.Ф. О судьбе таганрогских приютов // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа: материалы Международ. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.). Ростов н/Д, 2013. С. 200–204.
25. Молот. 1943. 4 мая.
26. Армавирская коммуна. 1943. 29 июля.
27. Армавирская коммуна. 1944. 1 января.
28. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 11429. Оп. 1. Д. 1. Л. 46.

В.Н. Бубличенко

Детские приемники-распределители НКВД СССР при ликвидации беспризорности и безнадзорности в годы Великой Отечественной войны

Война с фашистской Германией заставила советское руководство, обеспокоенное потерей подростками возможности воспитания в семье, принимать оперативные меры для исправления ситуации. Постановление Совнаркома СССР от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» предусматривало проведение ряда мероприятий по смягчению положения, обеспечению благоприятных условий воспитания и обучения таких подростков. В связи с этим создавались комиссии по устройству сирот, общественные инспекции по охране детства [1].

Дальнейшее развитие получила деятельность детских приемников-распределителей (далее – ДПР), находившихся в подчинении Наркомата внутренних дел СССР. Организационно они входили в состав отдела по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, который был создан в середине июня 1943 г. Одной из задач, которая решалась ДПР, было принятие мер по трудоустройству несовершеннолетних [2].

С сентября 1943 г. подростки, достигшие 14-летнего возраста, из ДПР, а также детских трудовых колоний по истечению срока пребывания в них отправлялись в ремесленные и железнодорожные училища, школы ФЗО и на промышленные

предприятия [3]. Это создавало дополнительные условия их дальнейшей социализации путем получения профессии. Снижался уровень уличной беспризорности, безнадзорности и преступности среди несовершеннолетних.

Стоит обратить внимание, что в 1943–1944 гг. работа ДПР была сильно затруднена в связи с участившимися побегами несовершеннолетних из детдомов, ремесленных училищ и школ ФЗО. Эти дети пополняли ряды беспризорников. Изъятие их с улицы вело к переполнению ДПР, лимитное наполнение которых не всегда позволяло принять и распределить всех нуждавшихся в этом детей. Одной из причин побегов являлось желание подростков попасть на свою родину, освобожденную от оккупации и возможность найти там законных родителей. Нередко побеги были обусловлены отсутствием дисциплины и тяжелыми бытовыми условиями в учреждениях Наркомата просвещения. При этом занятые производственным обучением подростки бежали реже. Так, в первом квартале 1944 г. в ДПР попали 4054 чел., которые самовольно покинули ремесленные училища и школы ФЗО. За тот же период задержали 5484 подростка, бежавших из детских домов [4].

После побега несовершеннолетние совершали длительные многокилометровые перемещения по стране. Анализ числа задержанных по ДПР Вологодской области в 1945 г., бежавших из ремесленных училищ и детдомов, свидетельствует о преобладании среди них иногородних. Местные дети составили только около 22 %, остальные прибыли из Московской (16 чел.), Свердловской (83 чел.), Томской (40 чел.), Тюменской (30 чел.) и других областей страны [5].

К середине 1940-х гг. Наркомат внутренних дел проделал значительную работу по улучшению материально-технической базы ДПР, обеспечил их квалифицированными кадрами. Повысилась привлекательность таких учреждений. Наркоматом просвещения аналогичные мероприятия проведены не были. Предполагалось, что диспропорции в работе могли быть ликвидированы при улучшении межведомственного взаимодействия двух наркоматов [6].

В годы войны возможность отправки из ДПР подростков к родителям или лицам, их заменявшим, была затруднена. Поэтому они попадали преимущественно в государственные учреждения. Так, во втором и третьем кварталах 1944 г. в ДПР Вологодской области прибыло 2209 подростков. Из них было передано родителям или родственникам 670 несовершеннолетних. Остальных распределили в детские дома (512 чел.), школы ФЗО (99 чел.), трудоустроили на промышленные предприятия (438 чел.), в сельское хозяйство (128 чел.) и на железнодорожный транспорт (36 чел.). Часть задержанных (269 чел.) попала в трудовые воспитательные колонии, 53 чел. бежали, 16 заболели, и им была оказана медицинская помощь [7].

Затяжной характер Великой Отечественной войны вел к увеличению числа беспризорных и безнадзорных подростков. Так, если в четвертом квартале 1943 г. в ДПР НКВД СССР попало 59 607 таких детей, то в течение первого квартала 1944 г. их численность увеличилась до 69 826 чел. В обоих случаях беспризорные преобладали над безнадзорными [8].

Складывавшаяся ситуация требовала расширения сети ДПР, увеличивала нагрузку на уже существовавшие учреждения. Сроки содержания подростков

в них не соблюдались, лимитное наполнение превышалось. Следует учесть, что похожие проблемы существовали и ранее. Так, в 1942 г. перегруженность ДПР и несоблюдение требования двухнедельного содержания подростков в них была зафиксирована в Архангельской области. За год численность несовершеннолетних, пребывавших в ДПР более месяца, составила 665 чел. [9]. Причинами длительного пребывания подростков в них являлись сезонная распутица, введение карантина в одном из учреждений, недостаток верхней одежды и обуви, несвоевременное получение нарядов от областного отдела образования на размещение подростков в детдома. В августе 1943 г. при лимитном наполнении в 23 чел. в Котласском ДПР содержалось 57 подростков, из них 32 находились в учреждении сверх установленного срока [10].

К концу войны проблема соблюдения требований лимитного наполнения и установленных сроков пребывания подростков в ДПР решена не была. Например, по оценке исследователя А.Л. Кузьминых, в январе 1945 г. переполненность ДПР Вологодской области достигала 20–40 % [11].

Условия содержания подростков в ДПР были различными. Они зависели от материально-технической базы учреждения, соблюдения требований должностных инструкций, наличия квалифицированного персонала и ряда других факторов. Приведем несколько примеров из опыта работы ДПР, которые в годы войны располагались на территории Европейского Севера.

До начала войны в Архангельской области действовало два ДПР – в областном центре и в городе Котласе, но затем был открыт еще один в городе Няндоме. Для него было специально выделено двухэтажное деревянное здание, где располагались все жилые помещения, хозяйственно-бытовые и учебные объекты учреждения [12]. Архангельский ДПР занимал деревянное двухэтажное здание под железной кровлей, построенное в 1905 г., которое нуждалось в ремонте. Необеспеченность учебными пособиями компенсировалась наличием хорошей библиотеки, состоявшей из 1660 книг. Учет пребывшего контингента был организован правильно. Всех новичков регистрировали в алфавитной книге, на них заводились регистрационные карточки. В учреждении к воспитанникам редко применялись штрафные санкции с размещением их в изолятор. Воспитатели в основном использовали педагогические методы воздействия на подростков [13].

Во всех ДПР Архангельской и Вологодской области имелись небольшие подсобные хозяйства. Подростки старшего возраста привлекались к работам на них, выполняли обязанности по самообслуживанию. При отсутствии во всех областных ДПР стационаров медицинское обслуживание велось путем оказания амбулаторной помощи больным подросткам. Для этих целей в Котласском ДПР имелся фельдшер, в Няндомском ДПР эти функции выполняла санитарка, в Архангельском ДПР – врач, приходивший из областной больницы. Медицинские работники проводили с воспитанниками беседы о личной гигиене и о формировании санитарно-гигиенических навыков. Закрытый характер ДПР создавал трудности при организации школьного обучения подростков. Своих педагогов не хватало, учителя из городских школ вести занятия не могли [14].

При максимальной наполняемости в 90 чел. Вологодский ДПР, занимавший двухэтажное деревянное здание и подсобные помещения, фактически мог разместить только 50 чел. В летний период 1944 г. в нем размещалось до 80–100 подростков. Планировался перевод учреждения в новое здание, позволявшее размещать до 150 чел. Основанный в 1919 г. приемник в городе Череповце кроме спальных помещений для воспитанников имел в своем распоряжении столовую, кухню, приемную, изолятор, канцелярию, комнату врача. Для организации учебно-воспитательной работы учреждение имело библиотеку с систематизированным каталогом и 700 единицами книг, патефон с пластинками, музыкальные инструменты [15]. Остальные три приемника-распределителя Вологодской области располагались в городах Бабаево, Вытегра и Великий Устюг. В 1945 г. все они находились на местном бюджете, сметные расходы на их содержание составляли 1263 тыс. руб., плановое наполнение – 240 чел. При поступлении подростки регистрировались воспитателями, проходили полный медицинский осмотр и санитарную обработку. Противоэпидемические меры являлись своевременными и необходимыми, потому что несовершеннолетние поступали с улиц не только физически ослабленными, но и с признаками длительного отсутствия соблюдения требований личной гигиены [16].

До ноября 1945 г. в подчинении НКВД Коми АССР находился один ДПР, расположенный в городе Сыктывкаре, вместимостью в 35 чел., финансировавшийся из местного бюджета. Учреждение занимало помещение, состоявшее из трех комнат. Большое поступление детей в 1944 г. привело к достройке дополнительных шести комнат, которые позволили свободно размещать всех прибывавших подростков [17]. Выделение комнаты и изолятора для больных позволило улучшить медицинское обслуживание поступающих подростков. При проведении осмотра содержавшихся в ДПР воспитанников медработник выявлял нуждавшихся в стационарном лечении. Они отправлялись в детские больницы города. Для наиболее ослабленных подростков в 1945 г. были выделены 10 усиленных пайков. В Сыктывкарском ДПР практиковались прогулки в лес, купание и лыжные походы, что позволяло отчасти оздоровлять детей. Школьники посещали учебные занятия, с детьми дошкольного возраста работали воспитатели [18].

Несмотря на трудности отправки детей в детские дома Наркомата просвещения, в Сыктывкарском ДПР в 1944–1945 гг. случаев пребывания подростков сверх установленного срока не было. Учреждение успешно справлялось с этой задачей [19].

Таким образом, ДПР НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны сумели решить важную государственную задачу по локализации беспризорности и безнадзорности среди несовершеннолетних. Благодаря их деятельности процесс носил управляемый характер. Имевшиеся в их работе недостатки были связаны с масштабностью возникших в условиях войны социальных диспропорций и невозможностью оперативного их решения имеющимися силами.

Примечания:

1. Писаренко И.С. Советское школьное право во время Великой Отечественной войны // Образование и общество. 2004. № 4. С. 9.

2. Дети ГУЛАГа. 1918–1956. М., 2002. С. 389.
3. Там же. С. 392.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 35. Л. 2об.
5. Архив УВД Вологодской области (далее – архив УВД ВО). Ф. 26. Оп. 1. Д. 19. Л. 175.
6. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 40. Л. 2.
7. Архив УВД ВО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 17. Л. 51.
8. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 35. Л. 2, 3.
9. Архив Информационного центра УВД Архангельской области (далее – архив ИЦ УВД АО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 4. Л. 73об.
10. Там же. Д. 22. Л. 1.
11. Кузьминых А.Л. Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в Вологодской области в военные и послевоенные годы // Проблемы исполнения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы и применение иных мер уголовно-правового характера в отношении несовершеннолетних: сборник международ. конф. Вологда, 2006. С. 183.
12. Архив ИЦ УВД АО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 21. Л. 15.
13. Там же. Д. 19. Л. 1, 3.
14. Там же. Д. 10. Л. 5.
15. Архив УВД ВО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 18. Л. 22, 22об.
16. Там же. Д. 19. Л. 180–181.
17. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 95. Л. 99.
18. Там же. Л. 100.
19. Там же. Л. 101.

Т.А. Булыгина, А.В. Долгов

Нотариальная служба Ставрополья в годы Великой Отечественной войны

Вступление Советского Союза во Вторую мировую войну и нападение гитлеровских войск на нашу страну резко изменило не только условия жизни людей и политический курс власти, но и сам аппарат власти в центре и на местах. Война изменила и правовую систему, включая нотариат. С 1939 г. реорганизация работы нотариата была связана с милитаризацией страны и вовлечением СССР в международные военные конфликты. Это повлекло за собой ряд реформ, направленных на создание кадровой армии страны, что, в свою очередь, отразилось на правовом положении военнослужащих. Многие из них находились в армии продолжительное время. В частности, в постановлении Президиума ЦИК и СНК СССР 3 июня 1937 г. «Об упорядочении засвидетельствования копии с документа, касающегося личных прав и интересов гражданина» определялось, что воинские части и учреждения вправе были свидетельствовать копии с исходящих от них документов [1]. Это положение актуализировалось в военные годы.

Вторым обстоятельством, повлиявшим на работу нотариальной службы в годы войны, была попытка оптимизировать управление нотариатом на-

кануне войны. Был сокращен кадровый состав отдела нотариата наркомата юстиции СССР, а отдел нотариата Наркомата юстиции РСФСР с октября 1941 г. по январь 1942 г. вообще не существовал.

Наконец, обострилась проблема кадров, как и во всех сферах общественной жизни СССР в период Великой Отечественной войны. К тому времени, во-первых, в стране более половины нотариусов не имели юридического образования, а во-вторых, после 22 июня 1941 г. многие из них были мобилизованы в армию. К примеру, половина нотариусов РСФСР, куда входило и Ставрополье, ушли на фронт [2].

С другой стороны, именно в первые месяцы войны в условиях миграции населения вглубь страны появилась большая необходимость в заверении копий документов эвакуированных граждан [3]. Вскоре обострился вопрос об утрате документов, и нотариальные конторы должны были активизировать работу по заверению копий различных утраченных документов. Этому была посвящена Инструкции народного комиссариата коммунального хозяйства РСФСР и народного комиссариата юстиции РСФСР в октябре 1942 г. [4].

Мобилизация, эвакуация, стремительная оккупация больших территорий СССР немецкими войсками, с другой стороны, рост смертности среди советских людей усложнял ряд нотариальных действий. Например, процесс вступления в наследство не мог осуществляться обычным, предусмотренным законом путем, когда наследник должен был явиться к нотариусу в 6-месячный срок. Поэтому 15 сентября 1942 г. Пленум Верховного суда СССР принял постановление, по которому в определенных случаях предусматривалась приостановка течения сроков исполнения права наследования [5]. В нем прямо указывалось, что лица, воюющие в армии, находившиеся на оккупированной территории, как и наследники погибших воинов, оставшихся в оккупации, не могут вступить в наследство в указанный срок. В связи с этим на нотариуса возлагались дополнительные обязанности проверить, не имеются ли другие наследники, кроме присутствующих – на фронте, в оккупации или в эвакуации.

Документы центральной власти стали активно действовать на территории Ставропольского края после его освобождения в конце января 1943 г. Источниковая база не позволяет говорить об интенсивности нотариальных действий в регионе в 1941 г. Этому есть два объяснения. Во-первых, неожиданность надвигающейся опасности, мощный поток беженцев из Крыма, Украины и других западных областей, экстремальные условия жизни края, который был оторван от центра и стремительно становился прифронтовой полосой, спешная эвакуация отодвинули вопросы урегулирования имущественных отношений на второй план человеческой повседневности. Кроме того, значительная часть советских архивов 1930-х – начала 1940-х гг., а также документы советских и партийных учреждений того времени при угрозе оккупации были уничтожены или погибли в огне войны. Можно только говорить, что в начальный период войны на Ставрополье больше стоял вопрос сохранения общественного имущества и человеческих жизней, чем о сохранении и передаче личного имущества.

Тем не менее горожане продолжали обращаться в местные нотариальные конторы. Буквально накануне оккупации Ставрополя заместитель старшего

нотариуса Г.Ю. Бернацкий удостоверил свидетельство о наследовании всего имущества умершего 3 августа 1942 г. П.Р. Прозорова его женой, проживающей по улице Молотова [6]. Именно такие документы позволяют приблизиться к «понимающей» истории. За 3–4 дня до захвата немецкими войсками города его жители – и обыватели, и служащие не представляли, что скоро и нотариус сменится, и улицы будут называться по-другому, и, возможно, советские документы станут не действительными.

Второй период военной истории ставропольского нотариата наступил с приходом оккупантов. Оккупационные власти стремились продемонстрировать жителям, что их режим возвращает «золотые», дореволюционные порядки. Речь шла о разрешении частного предпринимательства, о возвращении дореволюционных традиций. Надо заметить, что это была скорее ширма, чем реальная перестройка повседневности. Немцев интересовали только людские и материальные ресурсы и их использование на благо вермахта, и этой задаче были подчинены все их усилия, а вовсе не возрождение прежней российской жизни. Тем не менее, пытаясь вызвать лояльность местного населения к новой власти, оккупационные власти восстанавливали некоторые прежние институты, включая нотариат.

Характер нотариальных источников периода оккупации свидетельствует, что в советском обществе старшее поколение продолжало сохранять прежние традиции, оказались верны православному укладу жизни. Анализ завещания ставропольчанки А.Н. Кандауровой дает основания считать ее пожилым человеком, т.к. она к 12 ноября 1942 г. оставалась неграмотной. Кроме того, она была человеком глубоко верующим, т.к. попросила составить духовное завещание, которое начиналось словами «Во имя Отца и Сына и Святого Духа» и оканчивалось «Аминь», как было положено составлять до революции духовные завещания. Пожилая женщина подробно распорядилась о наследовании своего недвижимого имущества: деревянного с железной крышей дома, каменного сарая и погреба одной из своих дочерей и внуком с выплатой 3 тыс. руб. другой дочери. Для этой горожанки порядок вещей, несмотря на оккупацию, не изменился, и главная ее забота заключалась в том, чтоб нажитое имущество не попало в чужие руки и было справедливо поделено между потомками. Обращает внимание в ее завещании название улицы – Большой проспект, переименованный оккупационной властью из проспекта Сталина. Кроме того, документ свидетельствует, что на оккупированной территории действовали нотариальные конторы, т.к. удостоверял завещание государственный нотариус города Ставрополя [7].

Частью этого источникового комплекса является также свидетельство о вхождении дочери умершей и ее внука в наследство через два дня после составления завещания Кондауровой. За это было уплачено 480 руб. наследственной пошлины, 10 руб. за нотариальные действия и 25 руб. гербового сбора. Документы, в отличие от советской гербовой печати государственной конторы в начале августа 1942 г., были заверены печатью на русском и немецком языках [8]. Из ее надписи ясно, что при Ставропольской городской управе действовал нотариальный сектор, в котором нотариусом работал местный житель.

В целом, эти источники рисуют образ оккупированного Ставрополя, в котором сочетаются реалии прошлого (духовное завещание), приметы недавней советской жизни (государственный нотариус, наследственная пошлина, гербовый сбор, оплата в рублях) и действительность нового порядка (переименование улиц оккупантами, городская управа). Благодаря сравнению этих документов со свидетельством, приведенным выше, мы почти физически ощущаем этот переход от одного городского мира к совершенно иному, хотя, казалось бы, город-то не изменился.

В Пятигорске во время оккупации Ставрополья нотариусом был Александр Лукьянович Горбачук, работа которого была довольно интенсивной. Например, 6 ноября 1942 г. он оформил акт купли продажи по всем нормам советского законодательства. В договоре было указано, когда и у кого продавец И.С. Беседина приобрела домовладение. В договоре также были указаны все данные о домовладении, которое Беседина продала М.И. Науменко и А.П. Гармашу за 15 тыс. руб. За совершение сделки были оплачены нотариальный и городской сборы [9].

Судя по справке, выданной И.С. Бесединой о проживании в поселке Свободы, в октябре 1942 г. здесь действовало сельское правление, подчинявшееся Пятигорскому городскому управлению. Таким образом, мы имеем сведения о системе местного управления гитлеровского оккупационного режима, который практически изменил только наименования местных органов, не меняя их сущности. С другой стороны, опосредованным доказательством нового порядка, в частности, возвращения института частной собственности, стало то обстоятельство, что Бондаренко уже владела одной комнатой в доме бывшего мужа [10].

Горбачук осуществлял также нотариальное заверение духовных завещаний, как и нотариус Ставрополя. Так, в актовой книге духовных завещаний за октябрь – декабрь 1942 г. имелось завещание К.В. Рубайловой, которая завещала все свое имущество родной сестре Д.В. Будковой и племяннице, дочери другой сестры, в равных долях [11]. Другое нотариальное духовное завещание в ноябре было составлено завещание на квартире Е.В. Пархоменко в пользу ее дочери. Из завещания ясно, что часть ее подарена Ахтырской Анастасии Моисеевне [12]. Заключались и акты дарения. К примеру, в октябре 1942 г. Горбачук совершил акт дарения довольно редкого содержания: дочь А.П. Кавешникова дарила домовладение своей матери. Как и в других случаях, источником заверения служили советские документы – паспорта и нотариальные документы 1940 г. [13].

По сохранившимся архивным источникам периода оккупации Ставрополья видно, что судебные функции по гражданским делам горожан осуществлял назначенный оккупационной властью бургомистр. Например, 26 ноября 1942 г. именно бургомистром Ставрополя Кривохатским был рассмотрен иск 63-летней жительницы Е.С. Алферовой, претендующей на наследование дома ее умершего 26 октября 1942 г. брата. Именно он опрашивал свидетелей и установил, что с 1937 г. Алферова была на полном иждивении брата, у которого не было других наследников. Поэтому Алферова была признана наследницей дома брата [14].

На основании определения бургомистра нотариус удостоверил 9 декабря 1942 г. дарственную запись Алферовой о дарении полученного ею дома брата ее сыну Павлу. Характерна приписка от руки с обязательством сына кормить мать до смерти, предоставлять ей жилплощадь в этом доме и похоронить по христианскому обряду [15].

Новый период в деятельности Ставропольского нотариата наступил после освобождения края от немецких войск. С февраля по декабрь 1943 г. наркомюст РСФСР по Ставропольскому краю утвердил штат нотариусов из 32 чел. В реальности их было гораздо меньше. С одной стороны, нотариальные документы 1943 г. показывают тяжелую военную повседневность в советском тылу, а с другой – демонстрируют крепнущую надежду людей на мирное и благополучное будущее.

Первая половина года освобождения края от гитлеровцев в нотариальной документации отмечена двумя особенностями. Во-первых, сменился нотариус, во-вторых, самыми распространенными документами, свидетельствуемыми нотариальной службой, были завещания и свидетельства о вступлении в наследство. Из этого следует, что прежний нотариус либо был наказан за работу на немцев, либо бежал с отступающими немецкими войсками. Вскоре на документах опять появляется подпись старшего нотариуса Г.Ю. Бернацкого, вернувшегося из эвакуации.

Большинство имущественных отношений были связаны с болезнью или смертью людей. Так, житель Ставрополя В.П. Копаев завещал все свое имущество жене и сыну в равных долях. Прежде чем удостоверить этот документ, нотариус Зубарева выяснила «правоспособность, дееспособность и самоличность» завещателя. Судя по оплате госпошлины и технической работы (печатание на машинке), эта семья не имела льгот [16]. Следует заметить, что признаком работы нотариата в военное время, особенно в послеоккупационные месяцы, было подтверждение полученных гражданами документов до оккупации. К примеру, ставропольчанин С.Д. Костенко еще 27 мая 1940 г. завещал все свое имущество дочери, а 14 июля 1943 г., когда завещателя уже не было в живых, на основании прежнего завещания и его регистрации в нотариальном реестре дочь вступила в наследство [17]. Судя по тому, что она освобождалась от налога на наследство, отец погиб на фронте [18]. Свидетельства о наследовании 17 декабря 1943 г. были выданы А.П. Карамушко на имущество ее отца [19], в тот же день – на имущество С.А. Агаджанова, умершего в марте, его жене, дочерям и сыну [20]. Имущество Тихона Павлова, умершего 18 марта 1943 г., наследовала его жена в октябре 1943 г. [21]. Чаще всего нотариусы по сохранившимся архивам заверяли копии удостоверений, паспортов, доверенностей, удостоверения личности, подтверждение права получения пенсии на погибшего члена семьи [22].

Ряд договоров дарения в 1943 г. был связан со смертью людей накануне или во время оккупации. А.Е. Кулаев умер 3 августа 1942 г., и в октябре 1943 г. его жена М.Д. Кулаева стала наследницей его имущества [23]. Н.А. Скоморохова умерла в ноябре 1942 г., а заверенное свидетельство о наследовании ее имущества дочери получили 30 октября 1943 г. [24]. В нотариальную контору

Ставрополя 16 июня 1943 г. поступило заявление Л.Л. Гречушкина, А.Л. Гусевой и Р.И. Пискаревой с просьбой утвердить их в правах наследования дома их матери, Е.С. Гречушкиной, погибшей под бомбежкой в начале августа 1942 г. Суд на основании показаний свидетелей подтвердил их прямое родство с Е.С. Гречушкиной, и нотариат выдал нужное свидетельство [25].

Реже, но встречались договоры дарения. По этим документам не только реконструируется деятельность местных нотариусов в военное время, но и военная повседневность Ставрополья. Договор дарения М.С. Окуневой 9 марта 1943 г. свидетельствовал о передаче ею Г.Г. Иванкову имущества на 6820 руб. [26]. Опись имущества содержит на три четверти мужские вещи и на четверть – нехитрую мебель. С одной стороны, мы можем реконструировать военный тыловой быт, а с другой – наличие мужских вещей в доме женщины, которые она дарит постороннему мужчине, свидетельствует о том, что Окунева, скорее всего, вдова. Буквально на следующий день нотариус на основании справки геоинвентаризационного бюро городского коммунального отдела засвидетельствовал, что Ф.В. Третик подарила бутовый дом с сараем и погребом Л.Г. Владимировой. Этот договор надо было зарегистрировать в городском коммунхозе [27].

Вначале совсем редко заверялись договоры купли-продажи. Так, 8 июня 1943 г. А.В. Введенская продала В.В. Ширяеву за 7 тыс. руб. домик из камня под железной крышей площадью 17,55 кв. м [28]. По договору купли-продажи жилых строений 26 марта 1943 г. Т.М. Возный продал Е.Л. Криволаповой за 13 тыс. руб. две трети дома с согласия совладелицы и его жены [29]. Однако вера в скорый конец войны толкала жителей на заботу о своем быте, и они стали понемногу обустраиваться. Уже 17 марта 1943 г. И.П. Меркулов продал П.П. Колесниковой деревянный дом за 10 тыс. руб. и взял землю для новой застройки. Такая сделка называлась «договор купли-продажи жилых строений на праве застройки» [30]. Такие договоры по мере возвращения людей в свой город стали заключаться все чаще и чаще.

Массовый же поток договоров о праве застройки появился только после окончания Великой Отечественной войны. В местном архиве сохранилось 14 договоров купли-продажи жилых строений на праве застройки за 1946 г. [31]. В отличие от кратких форм военного времени теперь это были многостраничные документы. Примером может служить договор между городским коммунхозом и застройщиком М.С. Литвиновым [32]. В договоре указывались размеры земельных участков, выделяемых под постройку, их местоположение, сроки начала и завершения постройки, санкции, если эти условия будут нарушены застройщиком. В нем предусматривались отступления от первоначальных планов застройки, которые прилагались к документу, форс-мажорные ситуации (пожар). Указывались такие обязательства, как посадка на 75 % земли для застройки деревьев и кустарников по указанию горкомхоза, содержание в чистоте тротуара и мостовой возле участка, выполнение распоряжений местной власти и плата установленной ренты. Застройщику запрещалось продавать этот земельный участок, указывались также случаи расторжения договора. Говорилось в договоре и о правах застройщика, в частности, о праве аренды в случае сдачи участка горкомхозом в аренду после истечения срока договора.

Одной из важных функций нотариата этого времени стало участие нотариусов в восстановлении утраченных в войну документов граждан. К примеру, 20 августа 1943 г. нотариус Г.Ю. Бернацкий на основе записи Ставропольского ЗАГСа заверил дубликат свидетельства о рождении 20-летней В.А. Лузановой [33]. В июле 1944 г. нотариус заверил копию свидетельства о браке З.Н. Бондаренко и К.В. Чурсиновой от 10 мая 1927 г., восстановленного также по записи ЗАГС [34]. В течение 1943–1944 гг. зафиксирован еще один вид нотариальных документов – доверенности. В частности, это доверенности на получение пенсии неграмотной матери или жены за убитых на фронте родных [35].

Сложность ситуации в нотариальной службе страны к концу войны потребовала скорректировать ее деятельность. Этому было посвящено Всесоюзное совещание начальников отделов нотариата и старших ревизоров по нотариату наркоматов юстиции союзных республик 10–11 апреля 1944 г. Здесь был поставлен вопрос о восстановлении в полном объеме руководства нотариальной службой [36]. Как показала послевоенная история, советская нотариальная служба работала добросовестно, однако еще долго оставалась на окраинах советской правовой системы.

Примечания:

1. Свод законов СССР. 1937. № 149.
2. Кодинцев А.Я. Советский нотариат в годы войны // Нотариус. 2007. № 6.
3. Буднев Н. Больше внимания нотариальным органам // Социалистическая законность. 1944. № 3/4. С. 15.
4. Законодательство о жилищно-коммунальном хозяйстве. Т. II. М., 1973. С. 302.
5. О приостановлении в связи с обстоятельствами военного времени течения сроков, указанных для принятия наследства в статьях 430 и 433 ГК РСФСР и соответствующих статьях ГК других союзных республик. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 15 сентября 1942 года // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru (дата обращения: 13.04.2015).
6. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р-6202. Оп. 1. Д. 3. Л. 60.
7. Там же. Л. 225.
8. Там же. Л. 224.
9. Там же. Ф. Р-1425. Оп. 1. Д. 3. Л. 17.
10. Там же. Д. 3. Л. 66.
11. Там же. Д. 2. Л. 6.
12. Там же. Д. 2. Л. 26.
13. Там же. Д. 1. Л. 31–31об.
14. Там же. Ф. Р-6202. Оп. 1. Д. 3. Л. 119.
15. Там же. Л. 120.
16. Там же. Л. 2.
17. Там же. Л. 209.
18. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. М., 1956. С. 348.
19. ГАСК. Ф. Р-6202. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.
20. Там же. Л. 27.
21. Там же. Л. 121.
22. Там же. Д. 28. Л. 2, 3, 4.

23. Там же. Д. 3. Л. 1.
24. Там же. Л. 126.
25. Там же. Л. 255, 262.
26. Там же. Д. 1. Л. 3–5.
27. Там же. Л. 8–10.
28. Там же. Д. 60. Л. 5.
29. Там же. Д. 1. Л. 42–43.
30. Там же. Л. 15–16.
31. Там же. Д. 60.
32. Там же. Л. 6–10.
33. Там же. Д. 3. Л. 214.
34. Там же. Д. 60. Л. 90.
35. Там же. Д. 28. Л. 2–4.
36. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 107. Л. 2–79.

А.В. Шадрина

Священнослужители Ростовской области в годы Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война внесла значительные коррективы в социальную структуру советского общества. Одной из этих корректив стала социализация священнослужителей, в том числе Русской православной церкви, которые в 1930-х гг. по инициативе государства либо оказались вне социума, либо были вынуждены сменить профессию. Причинами, заставившими советское государство поменять курс церковной политики в целом и отношение к священнослужителям в частности, стали политика нацистской Германии и патриотическая позиция Русской православной церкви, озвученная в первые дни войны митрополитом Московским и Коломенским Сергием (Страгородским) [1]. На оккупированных территориях нацистские власти стимулировали возобновление богослужебной жизни, понимая этот вид деятельности населения, протекавший под их контролем, как борьбу с советским режимом [2]. Открытие церквей предполагало не только начало функционирования храмового здания или молитвенного дома, наличие приходской общины, но и обязательное присутствие священника. В этом контексте остается актуальным ранее не проводившийся анализ служащего духовенства Ростовской области военного времени и его патриотической деятельности.

Источниками, позволяющими осветить поставленную проблему, являются анкеты «служителей культа», входящие в состав регистрационных дел церквей Ростовской области. Основной объем данных дел формировался уполномоченными Совета по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров СССР по Ростовской области в 1944–1946 гг. в связи с регистрацией церковных общин. Анкеты имели разную форму в зависимости от времени составления документов. Обязательными пунктами, входившими в их состав, помимо общих сведений, были «перечень прежней службы или работы со дня

трудовой деятельности»; «находился ли на оккупированной немцами территории, где, сколько времени и чем занимался»; «судимости»; «служил или нет в Советской Армии и имеет ли какие награды». Указанные в анкетах сведения позволяют провести анализ разных сторон жизни и деятельности священнослужителей, служивших в церквах Ростовской области в годы Великой Отечественной войны.

Данный вид источников репрезентативен, поскольку, несмотря на очевидные попытки некоторых священнослужителей в 1944–1945 гг. скрыть отдельные факты биографии (например, судимость), они уточняются в более поздних анкетах, заполнявшихся при переводе в другой приход. Комплексное исследование анкет, содержащихся в регистрационных делах, позволило сделать адекватный анализ положения и деятельности духовенства Ростовской области военного времени. Поскольку объектом исследования настоящей статьи являются священнослужители, анкетные данные псаломщиков, относящихся к категории церковнослужителей, не рассматривались. Также не учитывалось духовенство, прибывшее в Ростовскую область после 1945 г.

К началу Великой Отечественной войны в Ростовской области, которая включала в себя канонические территории Ростовской и Таганрогской епархии (учреждена в 1919 г.) и часть Донской и Новочеркасской епархии (в 1920–1921 гг. приходы севера епархии отошли к образованной в 1918 г. Царицынской, ныне Волгоградской епархии), осталась действующей только одна Преображенская церковь в хуторе Обуховка Азовского района [3]. По косвенным данным, до 1941 г. в области не закрывались еще четыре храма [4]. Епархиальные структуры как Ростовской, так и Новочеркасской епархий были ликвидированы. При такой ситуации более 2,5 тыс. священно- и церковнослужителей обеих епархий остались без места служения. Каждый десятый член клира был репрессирован в 1930-е гг., количество клириков, подвергшихся административной высылке, не установлено. Остальное духовенство было вынуждено «поступить» на гражданскую службу. Важно отметить, что во всех случаях «бывшие» священнослужители не были лишены сана, т.е. не утратили права священнослужения. Их положение квалифицировалось как «выход за штат», предполагающий возможность беспрепятственного с канонической точки зрения возвращения к священнослужению. Бывшие священники в подавляющем большинстве случаев работали «счетными работниками» и бухгалтерами. Достаточно редко (около 3,5 %) они принимались на работу в качестве учителей [5], хотя почти каждый до хиротонии от 2 до 12 лет работал в качестве учителя дореволюционных начальных и церковно-приходских школ. Исключение составил священник К.А. Казьмин (1903 г. рукоположения). С 1918 г. он работал инструктором по кооперации и с 1930 г. преподавателем Новочеркасского техникума советской торговли [6]. В колхозах Ростовской области до 1942 г. работали 3 % духовенства военного периода. Как правило, они предпочитали должности либо счетовода, либо пчеловода [7]. Незначительная часть духовенства избрала поприще плотников или неквалифицированных «чернорабочих». 7,6 % бывших священников отказались от работы в советских учреждениях и жили «на иждивении» своих детей.

Во время оккупации в Ростовской области началось массовое открытие церквей и молитвенных домов. С августа 1942 г. здесь образовались три епархиальных центра: Ростов-на-Дону, Новочеркасск и Таганрог. Ростовское епархиальное управление возглавил архиепископ Николай (Амасийский); в Новочеркасске епархиальной жизнью управлял Новочеркасский благочиннический совет [8] во главе с благочинным протоиереем Митрофаном Долговским [9]; в Таганроге церковную жизнь возглавил епископ Иосиф (Чернов). Скорее всего, епархиальные центры не соотносились между собой. Основной причиной этого была неопределенность канонических границ указанных епархиальных структур.

Формирование клира периода оккупации определялось наличием епархиальных центров и инициативой прихожан. Епархиальные управления находили возможность призывать к служению священников, работавших до войны в советских учреждениях. Так, священник Д.С. Цыганенко в анкете указывал, что он был «с 1942 г. Ростовской духовной властью вызван на службу священника» [10]. Протоиерей Г.А. Наседкин писал, что «в августе месяце 1942 г. при открытии церквей Новочеркасским благочинническим Советом временно командирован настоятелем Вознесенской церкви… Персияновк[и]… и с 27 мая 1943 г. новочеркасским благочинным назначен настоятелем новочеркасской Александро-Невской церкви» [11], т.е. функции епископа в Новочеркасске выполняли благочинический совет и благочинный. В Таганроге назначения священников осуществлялись епископом Иосифом (Черновым) [12]. Нехватка духовенства восполнялась хиротониями. Так, архиепископ Николай (Амасийский) в 1942 г. хиротонисал священников В.П. Чернявского, М.Ф. Курдюмова, С.П. Васильева; диаконов Г.П. Чередниченко и И.К. Бутенко [13].

Немалую роль в формировании клира сыграли прихожане открывавшихся церквей, которые часто проявляли инициативу в приглашении священника [14]. Так, протоиерей П.Р. Косоротов вернулся к исполнению священнического долга «по настоятельной просьбе прихожан» слободы Нижне-Нагольной [15]. Публично отрекшийся в 1962 г. от Бога священник-ренегат И.У. Колесников сообщал, что в 1942 г. «граждане сл[ободы] В[ерхней]-Макеевки пожелали иметь меня священником и начали хлопотать, прося меня неоднократно, в чем я согласился удовлетворить просьбу граждан» [16].

Анкеты содержат сведения о вынужденном возвращении священников к священнослужению. Так, протоиерей Д.К. Яровой в октябре 1942 г. «невольно поступил служить, ибо нечем было жить» [17]. Протоиерей М.Б. Молчанов писал, что во время оккупации «вынужден был врагами отправлять религиозную службу» [18]. Священник П.И. Горгулевский избрал путь вначале церковнослужителя, а затем священника как повод для собственной легализации во время оккупации. В анкете он сообщал: «оккупация застала меня в Новочеркасске. В теч[ение] 2 1/2 мес[яцев] я скрывался… Когда дальше стало невозможно скрываться, чтобы спасти себя и семью, вынужден был поступить на службу в церковь сначала регентом-псаломщиком, потом уже… рукоположен был во диакона и, наконец, во священника» [19].

Несмотря на то что оккупационные власти приветствовали открытие храмов, не все священники пошли на соглашение с ними. Так, священник

М.А. Лаванов во время оккупации «нигде не работал, подвергался немецким издевательствам, о чем известно в Патриархии в Москве» [20]. После завершения оккупации он служил в Ростове-на-Дону. Протоиерей П.Д. Чехранов отказался служить «как противник поведения архиепископа Николая и его помощников: благоч[инного] Серикова и Наговского», вступивших в тесный контакт с оккупантами [21]. Архимандрит Мисаил Введенский был судим немецкими властями и провел 2 месяца в тюрьме «за укрытие лейтенанта Советской Армии» [22].

После освобождения от оккупации Ростовской области и Архиерейского собора Русской православной церкви, на котором патриархом был избран митрополит Сергий (Страгородский), в августе 1943 г. была учреждена Ростовская и Таганрогская (с 1946 г. Ростовская и Новочеркасская) епархия, объединившая все приходы Ростовской области. Ее епископом был назначен Елевферий (Воронцов), которому принадлежит основная роль в объединении и формировании клира новоучрежденной епархии военного периода.

Значительную проблему в период Великой Отечественной войны составляло воссоединение обновленческого и григорианского духовенства Ростовской области с патриаршей церковью. В 1942 г. в патриаршую церковь были приняты обновленческие священники И.А. Алексеев, участвовавший в работе обновленческого «Поместного собора» 1923 г., на котором был хиротонисан в священника [23]; священник-ренегат И.У. Колесников, рукоположенный «архиепископом» Модестом (Никитиным) [24], и И.И. Семенов, рукоположенный в 1932 г. епископом Иулианом (Симашкевичем) [25]. В 1942 или 1943 г. (разночтения в анкетах) был заново рукоположен священник И.В. Рождественский, получивший обновленческую хиротонию в 1931 г. в Армавирском округе [26]. В сентябре 1944 г. епископ Елевферий (Воронцов) совершил повторную хиротонию священника Г.И. Кудачкина, рукоположенного обновленческим «митрополитом» Илией (Фокиным) [27].

В результате анализа комплекса регистрационных дел было выявлено 196 священнослужителей, служивших в храмах Ростовской области с 1941 по 1945 гг. Эта цифра условна, поскольку в некоторых регистрационных делах по разным причинам не сохранились анкеты священников. Однако можно утверждать, что ее погрешность незначительна. Из 196 клириков в сане протоиерея было 38 чел. (19,3 %); в сане священника – 135 чел. (68,8 %); монашествующих священников (иеромонахи, игумены, архимандриты) – 8 чел. (4 %); диаконов – 15 чел. (7,6 %), из них один протодиакон.

Состав клира времени Великой Отечественной войны отличался большой разнородностью. К церковному служению в 1942 г. вернулся лишь незначительный процент священников и диаконов, служивших в Ростовской и Новочеркасской епархиях до 1920-х гг. Основную часть клира составили священнослужители, оказавшиеся на территории Ростовской области по разным причинам: вследствие миграции, обусловленной поиском мест при еще не закрывшихся храмах; поселившиеся здесь после административной высылки; эвакуированные с территорий, на которых проходили бои [28]. В результате в храмах Ростовской области в 1941–1945 гг. служили священники более чем из 37 областей и союзных республик СССР.

Анкеты священнослужителей Ростовской области свидетельствуют о патриотической деятельности, которая велась духовенством Ростовской области в годы Великой Отечественной войны. Наиболее выдающуюся роль в ней сыграл протоиерей Иван Иванович Васильев. По его инициативе были собраны средства и построен танк «имени Православных Дона» [29], который был передан частям генерала танковых войск Лазарева. Кроме этого, священник развернул активную деятельность по оказанию помощи госпиталям. Он не только снабжал раненых продовольствием, но и находил возможность обеспечивать госпитали «хозяйственными предметами». Деятельность протоиерея И.И. Васильева была отмечена благодарственной правительственной телеграммой от И.В. Сталина и рядом благодарственных писем командного состава Красной армии [30]. Священник Иван Устинович Колесников собрал и передал на оборону страны 48 тыс. руб. Его деятельность была отмечена «приветом и благодарностью Сталина и Красной Армии» [31]. Священник Лавр Иванович Тамаров из личных средств внес 8 тыс. руб. на танк, 1 тыс. руб. пострадавшим семьям от немецких оккупантов и собрал продукты для госпиталей: «картофеля 409 кг., сухофруктов (курага) 74 кг., крупа 15 кг., масло сливочное 3 кг., лук 141 кг., капуста 156 кг., свекла 43 кг., яиц 512 шт.» [32]. Священник П.И. Горгулевский внес 1 тыс. руб. из личных средств «на раненых» [33]. Скорее всего, большую помощь стране оказывали священники А.А. Гончаров, П.Р. Косоротов и И.А. Куликов, награжденные медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [34].

Особого упоминания требует диакон Иван Анисимович Бобков. Будучи в сане диакона (с 1922 г.), он работал артистом оперы в Днепропетровске и затем артистом театра музкомедии в Ростове-на-Дону. Во время Великой Отечественной войны он в составе выездной труппы обслуживал части Красной армии и в 1942 г. был контужен. Кроме того, принимал участие в сборе средств на оборону страны. Деятельность И.А. Бобкова была отмечена двумя коллективными благодарностями и благодарностью Сталина. В 1944 г. он вернулся к диаконскому служению сначала в кафедральном соборе Рождества Богородицы Ростова-на-Дону, затем в городе Шахты [35].

Помимо духовенства, трудившегося в тылу, среди священнослужителей Ростовской области были участники боевых действий. Так, священник Василий Васильевич Соколов (1920 г. хиротонии) прошел с действующей армией всю войну в качестве «медстатиста». Он был награжден медалями «За оборону Москвы», За освобождение Варшавы», «За боевые заслуги», «За победу над Германией» [36]. Священник Иван Васильевич Рождественский (1931 г. обновленческой хиротонии) служил в действующей армии до 1943 г. рядовым, был ранен, демобилизован и после выздоровления вернулся к исполнению священнических обязанностей. В 1943 г. ему было присвоено звание ефрейтора, впоследствии награжден медалью «За победу над Германией» [37]. Владимир Николаевич Ионкин воевал до 1942 г., был демобилизован в связи с ранением. В августе 1943 г. он был хиротонисан в иерея. Награжден медалью «За победу над Германией» [38]. Священник Иосиф Иванович Семенов (1932 г. хиротонии) «по изгнании немцев поступил в ряды Красной Армии и за что представлен к награде за разведку» [39].

Итак, в годы Великой Отечественной войны священнослужители не только оказались востребованными в «атеистическом государстве», но и внесли вклад в победу. Массовое открытие церквей во время оккупации стимулировало как возвращение священнослужителей, либо находившихся на «иждивении» своих детей, либо работавших в государственных учреждениях и на предприятиях, так и создание епархиальных структур. Однако только в 1943 г. после встречи Сталина с тремя иерархами Русской православной церкви стало возможным учреждение Ростовской и Таганрогской епархии и окончательное формирование клира, который отличался разнородностью и часто отсутствием специального образования.

Примечания:

1. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: сб. документов. М., 2009. С. 38–40.
2. Одинцов М.И., Кочетова А.С. Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2014. С. 72.
3. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-4173. Оп. 5. Д. 2. Л. 1.
4. Там же. Ф. Р-4173. Оп. 4. Д. 215. Л. 14–14об.; Д. 238. Л. 81, 96, 107; Д. 244. Л. 91; Оп. 6. Д. 178. Л. 8, 11.
5. Там же. Оп. 4. Д. 57. Л. 11–11об.; Д. 195. Л. 10; Д. 233. Л. 12; Д. 232. Л. 16–16об.; Д. 101. Л. 3–3об.; Д. 257. Л. 19–19об.; Д. 184. Л. 9–9об.; Д. 139. Л. 41; Оп. 6. Д. 64. Л. 6.
6. Там же. Д. 166. Л. 2.
7. Там же. Оп. 4. Д. 181. Л. 10, 27; Д. 195. Л. 9; Д. 250. Л. 7; Д. 262. Л. 24–24об; Д. 264. Л. 7, 12–12об.; Оп. 6. Д. 115. Л. 10; Д. 169. Л. 11.
8. Там же. Д. 65. Л. 37–37об.
9. Там же. Д. 64. Л. 23–23об.; Оп. 4. Д. 266. Л. 8.
10. Там же. Д. 116. Л. 12.
11. Там же. Оп. 6. Д. 65. Л. 37–37об.
12. Там же. Д. 152. Л. 19.
13. Там же. Оп. 4. Д. 179. Л. 62; Д. 239. Л. 64; Д. 184. Л. 16–16об.; Д. 228. Л. 76–76об.; Д. 191. Л. 51–51об.
14. Там же. Д. 70. Л. 7, 27–27об.; Д. 90. Л. 9–10; Оп. 6. Д. 62. Л. 6; Д. 109. Л. 10–10об.
15. Там же. Оп. 4. Д. 108. Л. 6, 31.
16. Там же. Д. 214. Л. 6; Д. 225. Л. 26; Оп. 6. Д. 189. Л. 112, 113–113об., 114, 116.
17. Там же. Оп. 4. Д. 82. Л. 10–10об.
18. Там же. Оп. 6. Д. 120. Л. 10.
19. Там же. Оп. 4. Д. 184. Л. 9–9об. Д. 139. Л. 41.
20. Там же. Д. 178. Л. 9. Д. 179. Л. 56.
21. Там же. Д. 175. Л. 8.
22. Там же. Д. 181. Л. 83–83об.
23. Там же. Оп. 6. Д. 64. Л. 6.
24. Там же. Оп. 4. Д. 214. Л. 6; Д. 225. Л. 26; Оп. 6. Д. 189. Л. 113–113об., 114, 116.
25. Там же. Оп. 4. Д. 129. Л. 6, 7; Д. 217. Л. 9.
26. Там же. Оп. 6. Д. 97. Л. 16–16об., 78–78об.
27. Там же. Оп. 4. Д. 83. Л. 16–16об.
28. Там же. Д. 259. Л. 8–8об.; Оп. 6. Д. 77. Л. 8–8об.
29. Там же. Д. 90. Л. 99.
30. Там же. Д. 69. Л. 34–34об.; Д. 88. Л. 34–34об.; Д. 90. Л. 9–9об., 97–99.
31. Там же. Д. 189. Л. 113об.

32. Там же. Д. 59. Л 9об.
33. Там же. Д. 184. Л. 9–9об.; Д. 139. Л. 41.
34. Там же. Д. 108. Л. 6, 31; Д. 79. Л. 55–55об.; Д. 111. Л. 19, 48.
35. Там же. Оп. 6. Д. 90. Л. 11–11об.
36. Там же. Оп. 4. Д. 103. Л. 42–42об.
37. Там же. Оп. 6. Д. 97. Л. 16–16об., 78–78об.
38. Там же. Оп. 4. Д. 129. Л. 10–10об.
39. Там же. Д. 129. Л. 6, 7.

Т.Ю. Власкина

«Изображать События горячим языком… дается немногим»: лейтенант Ревин – свидетель трагедии 2-й ударной армии[1]

Сегодня о трагической судьбе 2-й ударной армии Волховского фронта, которая в ходе Любанской наступательной операции 1942 г. оказалась в «котле» в районе станции Мясной Бор, известно много. Собраны воспоминания уцелевших участников событий, открыт доступ к архивным документам. Опубликована большая коллекция немецких фотографий (около 300), сделанных с «той» стороны [1]. Волонтеры ведут поисковые работы, ежегодно возвращая из небытия имена бойцов и снимая подозрение в предательстве с тех, кто до сих пор считался пропавшим без вести. Создан ряд научных трудов.

И все же ценность каждого нового свидетельства по-прежнему представляется высокой. Тем более, если речь идет о синхронных записях личного характера, поскольку основной корпус доступных нарративов относится к постсоветскому времени – ранее многие ветераны 2-й ударной армии остерегались описывать пережитое [2]. Не секрет, что политические коллизии последующих лет, новая, недоступная ранее информация, послевоенный личный опыт и индивидуальные мировоззренческие процессы – все это неминуемо накладывается на то, как люди рассказывают о прошлом. Тогда как синхронный нарратив не изменяется со временем, его субъективность принадлежит собственной эпохе. Это не мешает, а напротив, дает возможность понять, какими были создатели текстов, как и в силу чего они воспринимали происходившее с ними и на их глазах, что посчитали важным сказать об этом.

В 2007 г. сотрудникам Южного федерального университета были переданы записная книжка и фотография, найденные жителями Новороссийска среди старого хлама в пустом доме [3]. В записной книжке оказалась рукопись, озаглавленная «Дневник лейтенанта Ревина Б.Т.», на фотографии – автор, но уже в чине майора (снимок сделан в Польше, в 1946 г.). Содержание дневника –

[1] Статья подготовлена в рамках работы над проектом «Музейные и архивные технологии в патриотическом воспитании молодежи в полиэтничных федеральных округах» программы Президиума РАН «Проблемы развития полиэтничного макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья».

описание повседневной жизни небольшого технического подразделения Красной армии, в конце весны – начале лета 1942 г. стоявшего у переправы через реку Волхов недалеко от руин Красного Поселка (с. Трегубово Чудовского района Новгородской области).

Более точные сведения об авторе дневника удалось найти в электронном банке документов «Подвиг народа» [4]. Полное имя – Борис Трифонович Ревин. Родился в 1911 г. в селе Сарбай Подбельского района Куйбышевской области. В 1938–1939 гг. проходил срочную службу в армии. Член ВКП(б) с 1939 г. На фронт был призван 1 ноября 1941 г. Новоспасским райвоенкоматом. С 1 января по 22 февраля 1942 г. участвовал в боях в составе 53-й стрелковой бригады. В ходе Любанской наступательной операции 25 января в районе Мясного Бора получил контузию, но остался в строю. С 22 февраля 1942 г., будучи взводным 87-й эвакороты бронетанковых и механизированных войск 2-й ударной армии Волховского фронта, занимался эвакуацией танков в районе станции Мясной Бор и деревни Ямно. За умелую постановку работы был назначен командиром 87-й эвакороты [5]. Таково было положение Ревина на момент создания документа.

Обратимся к историческому контексту. 13–25 января 1942 г. войска 2-й ударной армии Волховского фронта, прорвав оборону противника у населенного пункта Мясной Бор, начали продвигаться к городу Любани с перспективой выйти на соединение с войсками Ленинградского фронта и прорвать блокаду Ленинграда. Участок прорыва (12–16 км) был оставлен за спиной наступавших. При планировании операции были не учтены сложные природные условия, недооценена глубокоэшелонированная оборона противника, его техническое превосходство (к примеру соотношение всех самолетов РККА и только бомбардировщиков вермахта на Волховском фронте было 60 к 250). Германское командование перебросило в район боевых действий подкрепление и 27 февраля нанесло удар по открытым флангам советских войск. Всего с января по июнь для ликвидации наступления 2-й ударной армии было переброшено 15 дивизий вермахта.

1–19 марта участок прорыва у Мясного Бора был перекрыт, 2-я ударная армия оказалась в полном окружении противника без снабжения продуктами и боеприпасами. 30 апреля наступление было прекращено, но еще до середины мая 2-я ударная армия продолжала удерживать юго-восточный рубеж, постепенно теряя боеспособность. 23–25 мая был получен приказ о прекращении наступательной операции и организованном отходе. Проход, который отчаянно старались удержать воины 52-й и 59-й армий, составлял от 250 до 500 м в ширину и до 5 км в глубину. 22–24 июня начался массовый исход окруженцев из «кольца» под непрерывным обстрелом. 25 июня утром «коридор» к Мясному Бору был полностью перекрыт противником, однако отдельные попытки прорваться продолжались до 29 июня. После чего войска Волховского фронта перешли к обороне. Большое количество раненых и истощенных командиров, красноармейцев, местных жителей осталось в расположении противника. 12 июля сдался в плен командующий армией генерал-лейтенант А.А. Власов. Всего из окружения вышло немногим более 13 тыс. чел., из них

9462 чел. – с 19 по 29 июня. Потери составили 158 тыс. убитыми, 213 тыс. ранеными, 27 139 пропавшими без вести. По данным немецкого командования, около 30 тыс. было взято в плен [6].

Такова хронологическая канва событий, в которую вплетены записки Ревина, охватывающие промежуток от 28 апреля до 11 июля 1942 г. Всего 22 подневные записи. Небольшой по объему текст содержит комплекс сюжетов, удивительно точно очерчивающий картину трагического завершения Любанской операции. Это бомбардировки и артобстрелы, которые, как известно, в этот период практически не прекращались, за 22 дня Ревин описывает 18 эпизодов. Тщетные усилия советской авиации преодолеть фактическое господство противника в воздухе просматриваются в боях, где героические одинокие «ястребки» противостоят многочисленным «мессерам» – 5 эпизодов. Ревин останавливается на оценке устройства немецких укреплений и технического оснащения. Подробно описывает агитационные листовки, призывающие красноармейцев сдаваться в плен. Тяжелое положение местных жителей автор видит собственными глазами, о многом узнает от вышедших из окружения. К катастрофе у Мясного Бора он обращается неоднократно, упоминая недостроенную узкоколейку, непроезжую заболоченную дорогу, попытки пешей доставки пищи и боеприпасов, страдания и героизм людей. Описывает бои за коридор и отчаянный прорыв из котла по «дороге смерти» уцелевших и погибших товарищей. Безусловно, весь корпус текстов требует всестороннего анализа, но сейчас мы остановимся на личности автора.

Каким был лейтенант Ревин, один из командиров 2-й ударной армии, до того, как для всей страны она превратилась в «армию предателей-власовцев»? Попробуем разобраться. Прежде всего, рассмотрим формальные характеристики источника – часто они несут не меньше информации, чем содержание рукописи.

Записки занимают 23 листа небольшой записной книжки. Записная книжка самодельная. Из картонной обложки армейской методички [7] вынуты все страницы, взамен вставлена пачка листков желтоватой писчей бумаги размером 210,5 × 170 мм. Они пришиты по линии сгиба толстыми коричневыми нитками прямо к дермантиновому корешку. Свободные листы с обратной стороны книжки содержат рабочую информацию. Это список личного состава, условные обозначения, чертежи обустройства укреплений, пометки о поручениях и состоянии техники. Записи и рисунки торопливо набросаны разноцветными, обычно сильно затупившимися карандашами, некоторые отметки еле видны. Организация рабочих текстов бессистемна: пропуски страниц, различная ориентация, что вполне естественно: это черновик.

Когда сравниваешь служебный топос тетради и личный, становится совершенно очевидно, что главное в этом документе – дневник. Его текст в основном написан химическим карандашом, только на четырех первых страницах – фиолетовыми чернилами. Перо аккуратное, карандаш всегда тщательно заточен, почерк ровный, «бисерный». Похоже, что сам процесс письма Ревин ценил как одно из редких удовольствий, напоминавших в условиях фронта о мирной жизни. Он явно старался выбирать подходящие время и место

для этого занятия, о чем говорят идеально ровные строчки, чистая, не замусоленная бумага без пятен от коптилки, нечистых рук, влаги. Чего, кстати, нельзя сказать об обложке и листках «служебной» половины.

Ревин определенно дорожил своими личными записями. Но в условиях фронта неподконтрольный военной цензуре дневник мог рассматриваться как грубое нарушение режима секретности, а под видом «Наставления по лыжной подготовке» было удобнее скрывать рукопись от посторонних глаз.

Судя по датам (а при некоторых служебных материалах они тоже имеются), непохожие половинки записной книжки вели параллельное существование. Значит, в тот период ритм жизни Ревина и его роты также был двойственным. Видимо, специализация подразделения позволяла размещаться с «комфортом» ближнего тыла и выдвигаться на более сложные территории для выполнения заданий в рейдовом режиме. Последние записи в дневнике выглядят иначе: карандаш размазывается, почерк становится крупнее и размашистее. Промежутки между датами записей все больше. По срокам они соотносятся с эвакорейдами и передислокацией. По описанию обстановки в районе расположения роты можно убедиться, что как раз в это время происходили ожесточенные бои, закончившиеся отступлением за Волхов.

Кем был автор в социокультурном отношении? Он родился в нижневолжском селе Сарбай и призвался из сельского Новоспасского района. В дневнике упоминает свои занятия сельским хозяйством. Несмотря на это, явных признаков принадлежности к традиционному крестьянству он не обнаруживает, разве что однажды замечает: «Раньше я любил песни теперь я их почти не пою», – и приводит пословицу: «Без песен Рот тесен» [8]. Вряд ли это можно рассматривать как фольклорный опыт, тем более что контекст – невеселое 1 мая 1942 г. В 1930–1940-е гг. хоровое исполнение советских песен уже потеснило традиционный репертуар и повсеместно стало непременным элементом праздничного комплекса.

Фразы построены грамотно. Лексика литературная, но ограниченная по составу, заметна осведомленность в технических вопросах. Встречаются общеупотребительные просторечия (куча детей, уничтожать пачками, нагнать страха), диалектных слов и выражений нет. Грубых орфографических ошибок тоже нет, но можно отметить признаки непрочности знаний, когда одно и то же слово пишется то так, то этак. Имеют место описки – слитное или почти слитное написание слов, пропуск букв и т.п. Такие погрешности могут быть связаны с сильным переживанием того, о чем человек пишет, а могут объясняться и неудобным для письма положением (например, на коленях или на низком ящике вместо стола). Правила пунктуации соблюдаются непоследовательно, часто точки и запятые еле заметны или пропущены. Много раз наблюдается необоснованное употребление прописных букв в начале слова. Возможно, это особенность почерка, однако в ряде случаев можно предположить, что таким образом подчеркивается значимость написанного. Почерк, как уже говорилось выше, аккуратный, «бисерный». При манере писать бегло, не выводя каждую букву в отдельности, почерк выдает человека, получившего неплохую школу чистописания и привыкшего в своей довоенной жизни писать много.

Стиль изложения заслуживает отдельного внимания. Он эмоционален, несмотря на лаконичность, есть элементы рассуждений и образных описаний: «Ночью стреляла артиллерия. Молниями сверкали снарядные разрывы. Немцы били картечью по нашим передовым и по переправе. Над моей головой пролетел самолет немецкий. Он бросил большую осветительную Раму Она долго горела ослепительным светом постепенно снижаясь. Оставляя после Себя Столб белого дыма. Погода была тихая, дым стоял долго принимая различные изгибы. Затем Ракета потухла. Артиллерия продолжала бить» [9].

Но в целом Ревин излагает свои мысли и наблюдения языком брошюр системы политпросвета: «Привет доблестным защитникам родины. Нашим Героям Красноармейцам» [10]; «Слава Нашим – Летчикам – Соколам» [11]. Местами до трети дневной записи отводится под клишированные фразы из арсенала передовицы газеты «Правда». Из отвлеченных мотивов несколько раз фигурирует Чертов Мост – исторический топоним, получивший известность во время перехода А.В. Суворова через Альпы. Для Ревина Чертов Мост – символ русской воинской доблести, его взятие – максимально трудное и почти невыполнимое задание. Он проецирует данный образ на действия красноармейцев в районе Мясного Бора. Например, описывая 14 мая попытки наладить снабжение бойцов 2-й армии: «Люди под страшным вражеским огнем несут на себе снаряды, продукты, патроны. Увязая по колен[и] в грязи совершая подвиг[и] беря Чортовы Мосты каждодневно» [12]. При всей выразительности эта отсылка тоже заимствована из области официального дискурса: образ Александра Суворова стал его частью накануне Великой Отечественной войны, наряду с образами Михаила Кутузова, Александра Невского и др.

Порой возникает чувство, что автор редко бывает наедине сам с собой, позиционируя свою личность как часть некоего коллектива – армии, противостоящей врагу, колхозников, проводящих сев на 1 мая: «Немцы не всостоянии преодолеть нас» [13], «Непривыкли мы встречать его [праздник. – *Т.В.*] так. Раньше Первого Мая мы обычно проводили сев т.е. усиленно работали» [14]. Он обращается к воображаемым собеседникам – бойцам Красной армии, советским конструкторам, гитлеровцам и т.д.: «Не умеете агитировать господа фашисты. Русский человек в плен к вам не пойдет» [15]; «Нашим конструкторам срочно нужно дать новую боевую Машину» [16]. Первое объяснение обилия пропагандистских штампов – маскировка: человек, ведущий хронику событий в фронтовых условиях, неосторожно изливающий свои мысли, рисковал быть обвиненным если не в шпионаже и предательстве, то в преступной халатности. Не исключено, что автор намеренно подчеркивал свою идеологическую чистоту, стремился таким образом обезопаситься на случай, если записки попадут в чужие руки. Возможно, не без того, поскольку есть и другие признаки самоцензуры: сокращение имен до инициалов, избегание конкретных топографических ориентиров, редкое и скупое упоминание содержания своей фронтовой работы. Из текста нельзя узнать, в каком воинском подразделении он служит, каково его семейное положение. Из личных данных – только фамилия, инициалы и звание на форзаце дневника, но и они могли быть вписаны позже.

Однако, как правило, выплески официозных фраз содержательно мотивированы. Так, объемный пассаж, сплошь собранный из казенных клише, продолжает рассказ о листовках, которыми фашисты забрасывают советские позиции с самолетов: «Не умеете агитировать господа фашисты. Русский человек в плен к вам не пойдет. Не обещайте "златых гор" мы их знаем достаточно Марш с нашей земли, если вы Нехотите крови. Врете вы что Разбита Красная Армия. Слабо вам от ударов Кр. Армии. Блиц Криг провалился с треском. Вы еще вершка земли у нас не отбили после Зимы. И дальше будем бить Вас и бить Непомогут Ваши Ю-88. и мессеры. Вряд ли вы Согласитесь еще зиму "гостить"» у Нас» [17]. Описание массовых жертв на «дороге смерти» завершается пафосным обращением: «Слава Вам доблестные воины земли Русской. Родина вас не забудет Ваши безымянные могилы запомнит многомиллионый народ. Надвигаются большие события. Очевидноскоро будет известно когда будет закончина война. Долой Гитлера да здравствует мир во всем мире» [18].

Также и другие включения большинства клише служат выражением чувств, которые автор, очевидно, искренне испытывает. Создается впечатление, что его образование сужено до базовых навыков чтения, арифметики и письма, которые получили развитие исключительно в технико-механическом и политагитационном направлениях. А когда появилось желание описать свои впечатления и переживания, человек не сумел выйти за рамки заданной матрицы – она срослась с личностью, стала единственно доступным способом восприятия и выражения. Любопытно, что Ревин сам ощущает эту беспомощность: «События просятся на бумагу. Столько впечатлений Столько переживаний. Мог бы Я если обладал таким даром изображать События горячим языком. Жаль, Что это дается немногим» [19]. Однако подобная ограниченность для Ревина – положение вынужденное, не связанное с его собственным выбором. Он прямо говорит об иных потребностях: «Моя общая тетрадь износилась во время войны. Пришлось заменить другой. Эта книжечка не совсем элегантна. Но бумага дает возможность записать свои мысли это главное» [20].

В нравственном отношении он тоже испытывает неудовлетворенность. Неоднократно восхищаясь героизмом товарищей, он как будто совсем не придает значения своей фронтовой работе, мечтая о подвиге: «Получено задание по разведки ушли тов. на разведку. Задание Ответственное. Хотелось мне на это задание пойти чем опаснее тем больше мне хочется на это задание пойти» [21]. «Хочется. в Авиацию. Умереть но Сославой. Вот МОЯ МЕЧТА» [22]. Свой перевод из передовых частей в зону технического обеспечения, который произошел после того, как Ревин в ходе прорыва 25 января получил контузию, он явно рассматривает как неудачу. Нужно сказать, что впоследствии лейтенанту удалось в какой-то мере реализовать свою жажду подвига. Из архивных документов удалось узнать, что он участвовал в Синявинской операции в сентябре 1942 г., в прорыве блокады Ленинграда, был награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги» и «За оборону Ленинграда». В условиях наступательных операций рота Ревина эвакуировала, отремонтировала и вернула в строй около 400 единиц тяжелой техники, из них 75 танков [23].

Обобщая анализ личности лейтенанта Б.Т. Ревина, можно сказать, что он был абсолютно советским человеком, искренне и действенно разделяющим официальную идеологему, совестливым и немного наивным. В воспитании Ревина наибольшую роль, видимо, сыграла армия. Представляется, что весь активный комплекс образовательных и мировоззренческих элементов был им усвоен во время службы в армии в 1938–1939 гг. Видимо, там же он получил профессию механика-водителя и перед войной работал механизатором на селе. Во всяком случае, никаких признаков культурного воздействия иного характера нам выявить не удалось. В армию он был призван в возрасте 27 лет, на момент написания дневника ему было более 30. Как могло случиться, что человек вполне взрослый фактически сформировался заново, что более ранний опыт был полностью подавлен, мы не знаем. Подбельский район, откуда Ревин был родом, во время коллективизации оказался территорией тотального голода, где огромные жертвы разобщили семьи, осиротили детей, резко противопоставили друг другу тех, кто проводил советскую политику на селе, и тех, кто ей противостоял. Ревин, вероятнее всего, был не только свидетелем, но и участником этих событий – о его активной жизненной позиции свидетельствует вступление в партию в 1939 г. Возможно, что пережитое во время коллективизации оказало воздействие на личность нашего героя и на то, как сложилась его дальнейшая жизнь.

Примечания:

1. Гундлах Г. Волховская битва. Документы ужаса: 1941–1942 год. URL: http://www.kodges.ru/army/solder/85929-volxovskaya-bitva.-dokumenty-uzhasa-1941-1942-god.html (дата обращения: 18.04.2015).
2. Трагедия Мясного Бора: сборник воспоминаний участников и очевидцев Любанской операции. СПб., 2005.
3. Музей казачества, этнографии и культуры Приазовья ЮНЦ РАН (далее – МКЭиКП ЮНЦ РАН). Дневник Б.Т. Ревина.
4. Ревин Борис Трифонович 1911 г.р. URL: http://podvignaroda.mil.ru/?#id=16200844&tab=navDetailManAward (дата обращения: 16.04.2015).
5. Фронтовой приказ № 34/н от 3 марта 1943 г. Военного совета 2-й ударной армии. URL: http://podvignaroda.mil.ru/?#id=16200800&tab=navDetailDocument (дата обращения: 16.04.2015).
6. Трагедия Мясного Бора…; Мощанский И. В осаде. Действия Ленинградского и Волховского фронтов (январь – сентябрь 1942 года). URL: http://www.k2x2.info/voennaja_istorija/ostanovit_tanki/p3.php (дата обращения: 22.04.2015); Олейник Н.Б. Битва за Ленинград: исследование событий и анализ потерь в Любанской наступательной операции (январь – июль 1942 г.): автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 2002.
7. Наставление по лыжной подготовке Красной армии. М., 1941.
8. МКЭиКП ЮНЦ РАН. Дневник Б.Т. Ревина. Л. 5.
9. Там же. Л. 11.
10. Там же. Л. 6.
11. Там же. Л. 20.
12. Там же. Л. 13.
13. Там же. Л. 4.
14. Там же. Л. 5.

15. Там же. Л. 2.
16. Там же. Л. 9.
17. Там же. Л. 2.
18. Там же. Л. 13.
19. Там же. Л. 22.
20. Там же. Л. 1.
21. Там же. Л. 6.
22. Там же. Л. 20.
23. Фронтовой приказ № 34/н от 3 марта 1943 г. Военного совета 2-й ударной армии.

С.Г. Сидоров

Снабжение военнопленных в СССР в 1941–1943 гг.

Снабжение солдат противника, находившихся в лагерях управления по делам военнопленных и интернированных (далее – УПВИ) НКВД СССР, после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз существенным образом изменилось. Нормы вещевого довольствия для контингента лагерей УПВИ в первый год войны не были установлены, вследствие чего верхняя одежда и обувь выдавались только при отсутствии таковых или невозможности отремонтировать имевшееся. По циркуляру НКВД СССР от 25 августа 1942 г. в зимнее время пленным выдавались при отсутствии шинели – телогрейка, брюк – летние шаровары, головного убора – теплые шапки, обуви – ботинки и теплые портянки. Работавшим предписывалось выдавать полупальто, ватные шаровары, теплые шапки и теплые портянки, варежки и при необходимости валенки. Личное белье и портянки бывших иностранных солдат, как и военнослужащих Красной армии, обезличивались. Для смены нательного белья и портянок, для нужд лечебных учреждений при бане создавался неснижаемый оборотный фонд в размере 1,2 пары на одного человека. Постельные принадлежности выдавались только лечебно-оздоровительным учреждениям по нормам Наркомата здравоохранения СССР, а также офицерам от младшего лейтенанта и выше (одеяло, соломенный тюфяк, 2 подушечные наволочки и 2 простыни). Остальным выдавалось одеяло, подушка и матрац, набитый соломой, стружкой или мхом. При отсутствии тюфячных наволочек матрацы заменялись соломенными или камышовыми матами или просто соломой [1].

Обеспечение лагерей всеми видами довольствия в 1941–1942 гг. производилось непосредственно УПВИ за счет фондов НКВД СССР. Из-за отсутствия оперативных органов снабжения на местах лагеря были вынуждены обращаться по всем вопросам обеспечения в Москву, чем затягивалось разрешение вопросов. В то же время УПВИ ни в центре, ни на местах не имело баз и складов, поэтому имущество лагеря получали непосредственно от поставщиков по нарядам центра. Не было единой системы ведения хозяйства. Интендантские кадры подбирались без достаточного учета их подготовки и умения вести хозяйство [2]. Медицинское снабжение лагерей осуществлялось через местные

органы Наркомздрава по специальным нормам, разработанным УПВИ НКВД СССР, последние, как правило, не выдерживались [3].

Нормы питания значительно снижались. Уже в июне 1941 г. вес продуктов в пайке пленного по сравнению с 1939 г. был снижен: на 200 г – ржаного хлеба, на 10 г – круп, мяса, растительного масла и соли. В качестве компенсации вес отпускаемой рыбы был увеличен на 45 г, картофеля и овощей – на 100 г. Эти нормы мало чем отличались от питания осужденных заключенных в СССР и при бесперебойном поступлении могли обеспечить нормальную жизнедеятельность человека. Однако они просуществовали недолго. С введением в стране карточной системы распределения продовольствия постановлениями СНК СССР от 30 июня и 6 августа 1941 г. для военнопленных были установлены новые, более низкие нормы. Выдача хлеба уменьшилась до 400 г, рыбы – до 100 г, картофеля и овощей – до 500 г, мясо из рациона пленных исчезло совсем. Только занятым на внутрилагерных работах и на заготовке дров полагалось выдавать дополнительно 100 г ржаного хлеба [4].

Столь низкие нормы питания не были рассчитаны на работавших людей. Поэтому начавшееся с января 1942 г. массовое использование бывших военнослужащих противника на объектах народного хозяйства привело к быстрому сокращению числа трудоспособных. Резко увеличилось количество больных в лечебных заведениях лагерей и ослабленных, которых стали направлять в оздоровительные команды. При существовавших нормах питания их трудно было поднять на ноги. В связи с этим приказом НКВД СССР от 5 июня 1942 г. были введены нормы питания для находившихся в лечебных заведениях лагерей и приемных пунктах НКВД. По сравнению с основной нормой, больные получали меньше крупы на 30 г, рыбы – на 10 г, растительных жиров – на 10 г. Эти уменьшения с лихвой компенсировались введенными в паек 35 г риса и манной крупы, 20 г сала или комбижира, 250 г свежего молока, 5 г картофельной муки и 0,5 яйца. Больные и находившиеся в приемных пунктах военнопленных стали получать хлеб не только как работавшие – 500 г, но и более высокого качества (200 г пшеничного хлеба). Больным пеллагрой полагался специальный паек, в состав которого входили 100 г пекарских дрожжей, 120 г мяса, 100 г риса и манной крупы. Для заболевших цингой по назначению врача дополнительно к основному пайку выдавали 200 г картофеля и овощей, 25 г лука репчатого и по 10 г гороха или фасоли, растительного масла, томата-пюре, уксуса, соли. Зачисленные в оздоровительные команды получали усиленный паек. По сравнению с основной нормой выдача хлеба была на 200 г больше, картофеля и овощей – на 100 г. Им выдавалось по 25 г мяса и 100 г пекарских дрожжей [5]. Введение усиленных пайков для больных и ослабленных многим спасло жизнь. Однако смертность оставалась высокой. По состоянию на 1 сентября 1942 г. от частей Красной армии с начала войны было принято 17 459 солдат противника, из которых 5158 чел. (29,5 %) умерло.

Такой порядок в лагерях просуществовал недолго. 25 августа 1942 г. НКВД СССР установил для всех категорий военнопленных питание по основной норме. Исключение было сделано лишь для работавших, которым по-прежнему дополнительно выдавали по 100 г ржаного хлеба в день [6]. Что же заставило

руководство НКВД пойти на подобный шаг? Сказались серьезные трудности с продовольствием в стране. Но главной причиной была критическая обстановка на южном крыле советско-германского фронта.

Нормы питания военнопленных были сильно заниженными. Калорийность суточного рациона основного пайка составляла всего 1750 ккал, а работавших с учетом 100 г хлеба – 1945 ккал. Такая калорийность питания не покрывала даже энергетических затрат человека, находившегося в полном покое. Недостаток пищи вел к дистрофии и авитаминозу. Эти заболевания составляли тогда 70 % среди других болезней и были причиной 80 % всех смертных случаев [7].

В августе 1942 г. НКВД установил нормы денежного вознаграждения работавшим. Они оказались значительно ниже тех, которые действовали до начала Великой Отечественной войны, и не оказывали существенного влияния на результаты труда. Выполняющим нормированные работы стали выплачивать от 10 руб. (для выполнявших нормы на 40–50 %) до 50 руб. (для перевыполнявших нормы), бригадирам и десятникам – от 30 до 100 руб., врачам – 40 руб., фельдшерам и работающим на ненормированных работах – 20 руб. и хозяйственно-санитарной обслуге – 10 руб. в месяц. В зависимость от производительности труда было поставлено и табачное довольствие. За плату пленный мог приобрести в месяц от 50 г махорки (выполнявший норму на 40–50 %) до 250 г (перевыполнявший норму) [8]. В военное время по причине неорганизованности и нераспорядительности положенное денежное довольствие выдавалось не везде и не всегда регулярно [9]. Установленные продовольственные нормы оказались ниже, чем нормы, по которым питались в это время бывшие советские военнослужащие в немецких лагерях. Суточный рацион неработавших там был определен в размере 2084 ккал, работающих – 2274 ккал [10].

6 ноября отрицательное заключение о существовавшем рационе питания военнопленных и его влиянии на организм работающего дал Центральный институт питания Наркомздрава СССР: «Как минимум калорийности при тяжелой физической работе все же следует считать 3000 калорий, при легкой – 2400 и при так называемом комнатном покое 2000 калорий» [11].

Все возраставшая смертность среди военнопленных заставила НКВД СССР предпринять конкретные шаги. 4 ноября 1942 г. были вновь введены противопеллагрозный и больничный пайки, улучшено питание слабосильных и истощенных. 24 ноября 1942 г. СНК СССР утвердил новые нормы продовольственного пайка для бывших солдат противника, которые стали аналогичными нормам питания заключенных лагерей и колоний [12]. НКВД было дано право дифференцировать нормы довольствия в зависимости от характера работ, климатических условий и выполнения норм выработки [13].

16 декабря НКВД ввел в действие шесть норм питания военнопленных: для рядового и младшего командного состава; для офицеров; для содержащихся на гауптвахте без выхода на работу; больничный паек; дополнительный противоцинготный паек; противопеллагрозный паек. В рацион военнопленных вернули мясо (30 г рядовым и 50 г офицерам), ввели сало или комбижир (3 г рядовым и 10 г офицерам). Вместе с тем в основной норме питания

(для рядовых и унтер-офицеров) произошло уменьшение веса муки, растительного масла и сахара – на 10 г каждого из продуктов, крупы и соли – на 20 г, рыбы – на 50 г, хозяйственного мыла – на 100 г.

Для всех военнопленных была определена дифференцированная выдача хлеба. Установленную норму хлеба в 600 г мог получить не каждый. Размер хлебного пайка зависел от выполнения норм выработки (от 400 г для выполнявших до 50 % нормы до 900 г – свыше 150 %), а для неработавших – от того, в какой группе находился военнопленный (от 300 г для находившихся на гауптвахте до 700 г для офицеров и военнопленных, находившихся в оздоровительных командах и антифашистских школах). Используемым на тяжелых работах полагалось на 100 г хлеба больше, чем прочим военнопленным соответствующей группы довольствия. При исчислении норм выработки для выдачи хлеба физически неполноценным военнопленным применялись поправочные коэффициенты по группам трудоспособности. За 100 % принималась установленная врачебно-трудовой комиссией норма [14]. Установленная зависимость размера выдаваемого хлеба от выполнения производственных норм стала оказывать большое влияние на конечные результаты труда пленных.

В начале 1943 г. НКВД СССР возложил снабжение лагерей УПВИ на управление военного снабжения (далее – УВС) НКВД СССР [15]. Личный состав отдела снабжения УПВИ передавался в его аппарат. За УПВИ остался контроль над своевременным обеспечением, сбережением, хранением и правильным использованием материальных ценностей. Для увязки вопросов материально-технического обеспечения лагерей и спецгоспиталей с УВС НКВД СССР и управлением тыла Красной армии в структуре УПВИ было создано отделение материально-технического снабжения [16].

16 марта 1943 г. НКВД предписал создать в лагерях необходимые бытовые условия. Работники внутренних дел на местах должны были в кратчайший срок обустроить все жилые помещения нарами для лежания, а также необходимым твердым и хозяйственным инвентарем (умывальники, столы, скамейки, бочки для воды и др.), поддерживать в жилых бараках температуру не ниже 14 °С, для чего обеспечить все помещения печами и необходимым запасом топлива. При открытии новых лагерей завоз контингента разрешался только при полной готовности помещений, внутреннего их оборудования, наличия санитарного и пищевого блоков, обеспеченности необходимым запасом продовольствия [17].

По мере роста экономических возможностей страны дифференцированные нормы питания пересматривались в сторону повышения. 9 апреля 1943 г. НКВД на основании решения Государственного комитета обороны СССР ввел 5 новых норм питания для контингента УПВИ: для содержавшихся в лагерях и на приемных пунктах НКВД; для больных дистрофией; для общегоспитальных больных; для генералов; для офицеров. По основной норме изменения коснулись только хлеба, вес которого увеличился на треть – с 400 до 600 г. Руководство НКВД СССР учло негативный опыт использования труда военнопленных в 1942 г. Основная норма питания занятых на тяжелых физических работах увеличивались на 25 %. Выдача хлеба по-прежнему производилась

дифференцированно, в зависимости от выполнения нормы выработки. При этом дополнительная пайка хлеба существенно выросла. Выполнявшие нормы выработки на тяжелых работах до 50 % теперь получили 650 г хлеба, от 50 до 80 % – 850 г и более 100 % – 1000 г. Нормы хлеба для занятых на прочих работах колебались от 500 до 700 г. Для ослабленных бывших солдат противника также предусматривалась увеличенная на 25 % основная норма питания, в том числе и по хлебу. Выдача усиленного питания ослабленным позволяла быстрее ставить их на ноги и в дальнейшем использовать на восстановлении народного хозяйства страны.

С введением новых норм и правил организации питания калорийность основного пайка несколько выросла и составила 1839 ккал. Занятые на тяжелых физических работах получали паек, калорийность которого составляла от 2014,5 ккал (для выполняющих норму выработки до 50 %) до 2772,5 ккал (для перевыполняющих производственные нормы). Несколько хуже было положение тех, кто из-за тех или иных физических недостатков не мог выполнять тяжелую работу. Калорийность их пищи колебалась от 1649,5 ккал (для выполнявших нормы выработки до 50 %) до 2028,5 ккал (для выполнявших нормы до 100 %). Таким образом, только при выполнении производственной нормы на 100 % и более на тяжелых физических работах калорийность пайка приближалась к минимальным физиологическим нормам [18].

С июля 1943 г. пленным, получающим питание по основной норме, стали дополнительно выдавать по 120 г рыбы в день [19]. Одновременно было улучшено питание ослабленных и больных. Каждому лагерю выделялось индивидуальное количество пайков дополнительного питания, которое определялось по сведениям из лагерей о физическом состоянии контингента за предыдущий месяц. В связи с этим число отпускаемых пайков не всегда соответствовало количеству нуждающихся в усиленном питании к этому времени. Однако лагерь не имел права самостоятельно изменить установленные сверху цифры. Дополнительное питание в виде второго горячего блюда хорошо работавшим стали выдавать хозяйственные организации за счет собственных фондов [20]. Эта мера из-за скудности фондов предприятий применялась редко и не везде. Для улучшения питания бывших солдат противника использовались самые разнообразные источники, включая сбор и заготовку крапивы, щавеля, лука, грибов, ягод, плодов шиповника и другой дикорастущей зелени [21].

Нормы питания далеко не всегда в установленном объеме доходили до потребителей. Это было связано с рядом причин. Очень часто нормы не выдерживалась из-за перебоев в снабжении отдельными продуктами (жирами, овощами, сахаром и другими). В военное время не всегда можно было учесть, какое количество пленных прибудет с фронта, поэтому на новый контингент не всегда хватало выделенных фондов.

На состояние здоровья военнопленных продолжало оказывать влияние низкое качество медицинской помощи. К концу 1943 г. взятых в плен военнослужащих противника обслуживал 31 госпиталь Наркомата здравоохранения на 23 200 коек. Количество мест в лечебных учреждениях было ниже потребности, особенно в первом полугодии 1943 г. Спецгоспитали ощущали острый

недостаток во врачебных кадрах. По состоянию на 1 сентября в них работало только 47,7 % советских врачей от требуемого количества. К концу года укомплектованность медицинскими кадрами выросла до 82 %. Некомплект компенсировался за счет привлечения к работе врачей из числа военнопленных. Успешное лечение во многом зависело и от наличия в госпиталях специальной медицинской техники, которая в то время была далеко не везде. В 31 спецгоспитале функционировало только 17 рентгеновских, 21 физиотерапевтических и 22 зубоврачебных кабинетов, 31 лаборатория [22].

С апреля 1943 г. медицинское снабжение лагерей стало осуществляться не через местные органы Наркомата здравоохранения, которые сами испытывали острый недостаток в медикаментах, а санитарными отделами военных округов и сануправлениям фронтов [23]. Обеспеченность лечебных учреждений подразделений УПВИ несколько улучшилась.

В рассматриваемое время были упорядочены вопросы имущественного снабжения военнопленных. В марте 1943 г. НКВД СССР определил, что пленные по мере износа имевшегося на них обмундирования должны обеспечиваться за счет трофейного и специально выделяемого имущества. Отпускать на их нужды плановое военное имущество без разрешения УВС НКВД категорически запрещалось. Для ремонта обмундирования и обуви в каждом лагере организовывались соответствующей мощности мастерские. В качестве починочного материала использовалось пришедшее в негодность трофейное, а также войсковое имущество, непригодное для ремонта одежды красноармейцев. Необходимые инструменты для мастерских изготовлялись на месте, а если это было невозможным, отпускались с окружных складов. Постельные принадлежности из числа бывших в употреблении полагались только для госпитализированных больных, отпускались лагерям из расчета на 10 % численности контингента по норме: 1 одеяло, 1 простыня, по 1 нижней и верхней подушечной наволочке, 1 тюфячная наволочка [24].

В 1943 г. была установлена и норма вещей хозяйственного обихода. Каждому бывшему солдату противника полагались 1 столовая металлическая или деревянная ложка, 1 жестяная или гончарная кружка, 1 нож, 1 вилка. На 10 человек выдавался 1 бачок для пищи или кастрюля, 1 деревянная разливная ложка. Для офицеров дополнительно выдавалась 1 порционная металлическая, деревянная или гончарная миска [25].

Таким образом, по мере улучшения положения на советско-германском фронте, возрастания роли военнопленных в качестве рабочей силы в 1943 г. снабжение бывших солдат противника постепенно улучшалось. Это наблюдалось и в последующие военные и послевоенные годы.

Примечания:

1. Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. М., 2000. С. 344–345.
2. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 2. Л. 39.
3. Там же. Л. 22.
4. Военнопленные в СССР… С. 88.
5. Там же. С. 88–89.

6. Там же. С. 343–346.
7. РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 13. Л. 82, 83.
8. Военнопленные в СССР… С. 343–344.
9. Галицкий В.П.. Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 43.
10. РГВА. Ф. 1/п. Оп. 7а. Д. 1. Л. 61–66.
11. Там же. Л. 84–85.
12. Военнопленные в СССР… С. 368.
13. РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 2. Л. 38.
14. Военнопленные в СССР… С. 353–355.
15. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 133. Л. 44–45; Оп. 12. Д. 205. Т. 12. Л. 216–224.
16. Там же. Оп. 1а. Д. 134. Л. 2–3.
17. Там же. Оп.12. Д. 205. Т. 12. Л. 273–273об.
18. РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 13. Л. 86, 87.
19. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 153. Л. 211.
20. РГВА. Ф. 1п. Оп. 1и. Д. 2. Л. 56.
21. РГВА. Ф. 1п. Оп. 33а. Д. 16. Л. 67–68.
22. Там же. Л. 26.
23. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 205. Т. 12. Л. 271.
24. РГВА. Ф. 1п. Оп. 37а. Д. 2. Л. 80.
25. Военнопленные в СССР… С. 356–358.

РАЗДЕЛ 3. ВКЛАД СОВЕТСКОГО ТЫЛА И СОЮЗНИКОВ ПО АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ В ДОСТИЖЕНИЕ ОБЩЕЙ ПОБЕДЫ

Н.К. Петрова

Совинформбюро и антифашистские комитеты в СССР: пропагандистское обеспечение Победы в 1941–1945 гг.

Начало Великой Отечественной войны, поставив под угрозу само существование СССР, внесло серьезные коррективы во все сферы жизни общества. Остро встал вопрос о мобилизации народов СССР на защиту Отечества. Чрезвычайность сложившейся ситуации вызвала необходимость активизировать пропагандистскую, разъяснительную работу как в СССР, так и ориентированную на страны антифашистской ориентации. Любую крупную войну нельзя вести без эффективного пропагандистского, политического обеспечения, вне зависимости от того, каков общественно-политический строй в странах-участницах. Рост антифашистских настроений в странах, воевавших с блоком фашистских государств, создавал благоприятные условия для советской внешнеполитической пропаганды. Была поставлена задача вести поиск средств и возможностей влияния на общественность этих государств для более эффективной работы по их консолидации. Решение этих задач способствовало сплочению демократических сил мира в борьбе с фашистской агрессией.

В целях сосредоточения руководства всей работой по освещению международных событий и внутренней жизни страны, а также хода военных действий, 24 июня 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О создании и задачах Советского информационного бюро». На Совинформбюро возлагалось руководство освещением международных событий и внутренней жизни СССР в печати и по радио, организация «контрпропаганды против немецкой и другой вражеской пропаганды; освещение событий и военных действий на фронтах, составление и опубликование военных сводок, по материалам Главного Командования» [1]. Возглавил эту организацию кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК ВКП(б) А.С. Щербаков. Его заместителем стал С.А. Лозовский, одновременно являвшийся заместителем наркома иностранных дел СССР [2]. 25 июня решением Политбюро было создано Советское бюро военно-политической пропаганды: «в целях сосредоточения руководства всей военно-политической пропаганды и контрпропаганды среди войск и населения» во главе с начальником Главного управления политической пропаганды РККА Л.З. Мехлисом. Несмотря на различие возложенных задач, Совинформбюро и Советское бюро военно-политической пропаганды были тесно связаны в работе как по задачам, которые они осуществляли, так и по составу. Ответственными работниками Совинформбюро являлись С.А. Лозовский, Н.Г. Пальгунов, позже В.С. Кружков, из аппарата А.С. Щербакова было откомандировано несколько человек.

При создании Совинформбюро требовалось решить три совершенно разные по форме задачи, хотя единые по своей направленности. Составление военных сводок производилось главным образом Генштабом и потом специальной группой, которая работала в аппарате Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) по сбору дополнительных фактов и составлению сведений к основной сводке. Сложнее оказалось с решением второй задачи – информировать общественность зарубежных стран о событиях на советско-германском фронте и о работе советского тыла. У Совинформбюро не было никаких связей, нужно было все создавать заново. Между тем противники СССР, особенно Германия, имели мощный пропагандистский аппарат, большое количество радиостанций, прессу. Союзники СССР также быстро создали свой огромный агитационный аппарат. Совинформбюро необходимо было в предельно сжатые сроки «разыскать и нащупать во всем мире связи – газеты, журналы, радиостанции, агентства и прочее – через которые можно передавать информацию о Советском Союзе, материалы о нем» [3]. Большие трудности заключались в подборе кадров: требовалось знание иностранных языков, опыт пропагандистской работы и, конечно, анкетные данные. А.С. Щербаков сразу же предупредил С.А. Лозовского, что людей с фронта не позволит отзывать. Поэтому пришлось мобилизовывать необходимые кадры при помощи аппарата ЦК ВКП(б).

Уже 25 июня 1941 г. А.С. Щербакову были отправлены предложения по структуре и штату Совинформбюро. «Начиная работать, – написал С.А. Лозовский в 1942 г. в записке "О реорганизации аппарата Совинформбюро", – мы не знали, как широко наши материалы проникнут в радио и прессу капиталистических стран, и поэтому построили свой аппарат по трем группам вопросов: а) Военный отдел (военные статьи и обзоры), б) Международный отдел (политические статьи и обзоры), в) Литературный отдел (новелла, художественный очерк)» [4]. Впоследствии было создано еще пять отделов. Часть ответственных сотрудников (13 из 42 чел.) работала по совместительству [5]. Обстановка требовала «присмотреться», как решаются вопросы информации и пропаганды у ближайших соседей. При этом особое внимание уделялось анализу структуры английского министерства информации и германского министерства пропаганды. Когда началась Великая Отечественная война, стало очевидно, что соответствующие советские службы имели очень смутное представление о масштабах пропаганды, которую Германия вела на зарубежные страны.

Главная задача советской внешнеполитической пропаганды была направлена убеждение общественности и правящих кругов западных демократий в том, что неудачи Красной армии имеют временный характер. От успешного решения этой задачи зависело очень многое, в частности, позитивный подход США и Англии к вопросу о военных и других поставках в СССР. Мобилизовать усилия общественности союзных стран мешала излишняя заорганизованность, отчасти и нерешительность руководителей средств массовой пропаганды. Серьезные трудности для эффективного ведения пропагандистской и информационной работы на зарубежные страны создавали технические проблемы. В частности, ограниченные возможности для трансляции по радио на зарубежные страны последних сообщений мешали в распространении

новостей с полей сражений Красной армии с захватчиками. Помимо чисто организационной неразберихи, в данном случае сказывалась и закрытость советского общества. Соответствующие службы, одержимые шпиономанией, готовы были всюду, где надо и не надо, накладывать жесткие ограничения на работу иностранных журналистов.

Начало Великой Отечественной войны резко поставило проблему открытия второго фронта. Для ее решения очень важно было мобилизовать усилия общественности союзных нам стран. Однако сделать это было очень сложно в условиях, когда работа зарубежных журналистов в СССР во многом была парализована. Признавая, что в активизации борьбы с агрессором решающую роль играют широкие народные массы, руководство СССР санкционировало создание ряда новых общественных организаций, поручив им поиск путей и развитие связей с зарубежной общественностью. К числу таких организаций относились Всеславянский комитет, Антифашистский комитет советских женщин (далее – АКСЖ), Антифашистский комитет советской молодежи (далее – АКСМ), Антифашистский комитет советских ученых (далее – АКСУ), Еврейский антифашистский комитет (далее – ЕАК). Создание антифашистских комитетов было важным политическим решением, вызванным потребностями военного времени.

Антифашистские комитеты входили в структуру Совинформбюро. И это решение было полностью оправданным, т.к. Советское информационное бюро и комитеты разными методами выполняли аналогичные функции – ведение информационной и пропагандистской работы в союзных и дружественных СССР странах. Каждый из комитетов имел свое, четко очерченное направление деятельности, соответствующую группу населения стран антигитлеровской коалиции, на которую он работал. Деятельность комитетов менялась на различных этапах войны. Остро стоял вопрос проникновения в зарубежную печать советской информации о событиях на Восточном фронте. Нужны были широкие контакты и дружественные связи со средствами массовой информации в иностранных государствах, а их не было.

В условиях войны внешнеполитическая пропаганда СССР ставила своей первоочередной задачей донести правду о событиях на Восточном фронте, показать вероломство Германии, героическое сопротивление врагу, вероломно вторгшемуся на территорию СССР, рассказать о том, что творят фашисты с мирным населением на завоеванной территории. Естественно, что одним из главных направлений внешнеполитической пропаганды был поиск путей взаимодействия с народами славянских государств Европы и со славянской диаспорой в США, в Канаде, в латиноамериканских странах. Славянская диаспора в США, например, насчитывала 15 млн чел. В оборонных отраслях американской промышленности были заняты миллионы славян, от труда которых во многом зависел военный потенциал США [6]. Американцы славянского происхождения особенно активно выступали в поддержку борьбы советского народа с фашистскими захватчиками. Естественно, что славянский фактор играл особенно важную роль в советской внешнеполитической пропаганде, в информационной работе на западные страны, в которых был значительный процент славянского населения. Работу по их сплочению, по созданию славянской

солидарности в 1941–1945 гг. проводил Всеславянский комитет в Москве – международная демократическая организация, образованная на платформе антифашистского единства советских и зарубежных трудящихся.

По инициативе группы славянских общественных деятелей, проживавших в СССР, при поддержке этой инициативы советским правительством было решено провести Всеславянский митинг. Открывая его, писатель А.Н. Толстой подчеркнул необходимость объединения славянских народов для борьбы с гитлеризмом. «И те, кто думают как-нибудь пережить это время, стать смирными и незаметными, – жестоко ошибаются. Смиренных, как жучков, поджавших лапки, раздавит фашистский сапог… Славяне! Мы объединимся для борьбы и победы» [7]. Движение славянской солидарности провозглашалось открытым для всех патриотически настроенных лиц, независимо от социальной принадлежности, философских и политических взглядов, религиозных убеждений. Желавших принять участие в работе комитета было так много, что были созданы национальные секции, в которые вошло большое количество как советских, так и иностранных общественных деятелей. Ответной реакцией на деятельность Всеславянского комитета явилось усиливавшееся движение в поддержку боровшихся против фашистских захватчиков соотечественников в кругах славянской эмиграции.

Вторая мировая война имела характерную особенность – никогда ранее расизм не находил столь всеобъемлющего проявления, как в годы этой войны. Особенную ненависть гитлеровцы проявляли к евреям. В ответ на зверства фашистов еврейские диаспоры во всех странах мира поднимались на борьбу с фашизмом. Это движение было характерно в первую очередь для США. Массовый характер еврейского антифашистского движения в США объяснялся тем, что еврейская диаспора там всегда была очень многочисленна и влиятельна, ибо играла и играет важную роль в сфере бизнеса, особенно в финансах, в средствах массовой информации, имеет мощное лобби в законодательных и исполнительных органах власти. Советская пропаганда на еврейскую диаспору в США вынуждена была считаться с этой американской реальностью. Устанавливать контакты с еврейским населением США было трудно и потому, что в силу вполне понятных причин это были в первую очередь связи с еврейской интеллигенцией, с деловыми еврейскими кругами. А эта часть еврейской диаспоры всегда отличалась консерватизмом, антикоммунизмом и антисоветизмом. Вести с ней работу помогал ЕАК, созданный в августе 1941 г. во главе с С.М. Михоэлсом.

Окончательно антифашистские комитеты в СССР оформились как организации весной 1942 г., одни – раньше (Всеславянский комитет, ЕАК), другие – позже (АКСУ). Проведение митингов легло «на плечи» членов Совинформбюро. После митингов шла ответная волна откликов из-за рубежа, определялись заинтересованные организации, появлялись адреса для передачи новых материалов. А внутри страны после митингов шел подбор составов комитетов, вырабатывались программы действий, подбирался актив и т.д. [8]. Чтобы не терять намеченных контактов для будущих комитетов, большую работу выполнял отдел международной жизни Совинформбюро [9].

Вторая мировая война была борьбой не на жизнь, а на смерть между идеологией и политикой фашизма и противостоявшей ему антигитлеровской коалицией. Необходимо было использовать весь научный, культурный потенциал страны, активность деятелей науки, искусства и культуры в интересах решения проблем, поставленных войной. Важнейшее значение имело и установление всесторонних связей между творческой интеллигенцией СССР и союзных стран через АКСУ, ЕАК, АКСЖ.

Степень воздействия советских пропагандистских организаций на общественное мнение стран антигитлеровской коалиции не следует переоценивать. Но и нельзя недооценивать. В сложной обстановке военного времени комитеты искали пути для распространения своей информации среди населения, иногда не совсем понимавшего, что такое война в действительности. Дипломатические службы СССР в странах, куда шла информация от Совинформбюро, сами мало знали о новых организациях и больше критиковали, чем помогали.

После победных сражений Красной армии на Восточном фронте советские пропагандистские усилия находили несравненно более широкую, внимательную и доброжелательную аудиторию, чем раньше. После Сталинградской битвы во всех странах антигитлеровской коалиции заметно сократилось число критических публикаций в адрес советской системы, рассуждений о ее тоталитаризме, отсутствии свободы в СССР и пр. И дело, конечно, не в том, что руководители пропагандистских служб западных стран после Сталинградской битвы сразу же уверовали в добродетели советской, социалистической системы. Как показали последующие события холодной войны, точка зрения мастеров пропаганды Запада на советскую систему всегда была резко негативной и никогда коренным образом не менялась. Изменение тона пропагандистских выступлений в странах антигитлеровской коалиции в отношении оценок советской системы было вызвано тем, что Сталинградская битва показала не только силу и мощь Красной армии, но и несгибаемую волю советских людей, их готовность пойти на любые жертвы, чтобы отстоять свободу и независимость своей Родины. На таких позициях мог стоять только народ-патриот, прекрасно понимающий, за что он сражается. Надо отдать должное западной пропаганде – она почувствовала, что после Сталинграда наступил качественный поворот не только в ходе войны, но и в настроениях общественности и необходимо круто менять курс пропагандистского корабля стран-участниц антигитлеровской коалиции. Только после Сталинграда в США могли появиться такие публикации, как статья в январском номере за 1943 г. журнала «Лайф», написанная У. Гарбнером. Автор спрашивал: «Почему русские продолжают борьбу?» И отвечал: «Они сражаются потому, что любят Россию. Они любят ее не меньше, чем американцы – Америку… Моральный дух русских сегодня выше, чем когда-либо раньше. Их решимость сокрушить фашизм и обезопасить свою страну никогда не была сильнее, чем сейчас. Они воюют и жертвует самым дорогим – своей жизнью» [10].

Пропагандистские службы СССР внимательно изучали сдвиги, которые происходили в настроениях общественности в странах антигитлеровской коалиции. Однако не всегда и не во всех случаях делали правильные выводы

из такого анализа. Показателен следующий пример. С 1943 г. усилился сбор средств в фонд помощи СССР, в котором участвовали миллионы простых граждан, придерживавшихся многообразных политических взглядов и относившихся к различным имущественным группам. Но в СССР руководители пропагандистского фронта часто не понимали значения этого массового движения в США. Об этом свидетельствует позиция Совинформбюро, озвученная 6 февраля 1943 г. С.А. Лозовским: «В Англии, США, Канаде возникли комитеты помощи Советскому Союзу. Правда, эти комитеты посылали некоторые вещи, например: медикаменты, продукты и т. д. Так вот, эти комитеты посылают запросы с просьбой сообщить им, каким образом оказанная ими помощь воздействовала на победу Красной армии. Это значит, нужно им сообщить, как их 5 банок консервов помогли угробить 300 тыс. немцев под Сталинградом. Как американская одежда помогла Красной армии разбить немцев под Сталинградом» [12].

СССР во многом был инородным телом в антигитлеровской коалиции с учетом его общественно-политической системы. Однако именно СССР принял на себя самый мощный и страшный удар немецкой военной машины, которая к началу Великой Отечественной войны опиралась на военно-экономический потенциал почти всей Европы. Неправильно принижать вклад в общее дело Победы наших союзников, что в той или иной мере ранее было присуще работам отечественных историков. Однако бесспорным историческим фактом является то, что на протяжении трех страшных лет войны, до высадки союзников в Нормандии 6 июня 1944 г., основная тяжесть боев с Германией и ее союзниками приходилась на СССР и он нес в этой борьбе огромные потери. И советская внешнеполитическая пропаганда в годы Великой Отечественной войны создала свою программу, формы ее реализации и направления влияния на широкие народные массы стран антигитлеровской направленности.

В этих условиях идеологическое противостояние между СССР и его союзниками было несколько приглушено и для деятельности общественных организаций имелись достаточно благоприятные условия. Однако по мере приближения развязки все более затягивался узел политических и идеологических противоречий между союзниками. Успехи Красной армии на полях сражений в 1943–1944 гг. показали, что СССР был в состоянии и без прямой военной помощи союзников разгромить Германию и ее сателлитов. Другой вопрос, сколько бы это потребовало времени и дополнительных жертв. Союзники СССР по антигитлеровской коалиции неофициально стали сдерживать проникновение правды не только об успехах в Великой Отечественной войне, препятствовать проникновению материалов Совинформбюро о преступлениях фашизма на временно оккупированных советских территориях.

Всего по линии Совинформбюро и его комитетов до 1 мая 1945 г. за границу было отправлено 134 805 статей и 129 909 фотографий. Этими материалами обеспечивались 32 телеграфных и газетных агентства мира, 1171 газета и 523 журнала различных направлений, а также 18 радиостанций в 23 странах [13]. К июлю 1944 г. Совинформбюро было реорганизовано в 11 отделов и штаты расширились до 221 чел., а к концу августа 1945 г. – до 385. Число

литературных сотрудников выросло на 100 чел. [14]. Программы радиовещания велись более чем на 70 языках народов СССР и на 28 иностранных языках. Общий объем передач достиг 88 ч в сутки. Государство тратило в год на работу Совинформбюро 50 млн руб. и еще 12–15 млн руб. золотом на посылку за рубеж материалов телеграфом, кроме того было издано около 200 книг и брошюр [14]. Все это свидетельствовало, что Совинформбюро и его составная часть – антифашистские комитеты в СССР – в целом успешно выполнили в годы войны стоявшие перед ними задачи. После Победы антифашистские комитеты в СССР были распущены (АКСУ, ЕАК, Всеславянский комитет) или трансформировались в другие (АКСЖ, АКСМ).

На завершающем этапе войны в ходе одного из совещаний в Совинформбюро справедливо отмечалось, что оно «не только орган информации, но, главным образом, орган пропаганды», а отсюда на него ложится еще большая ответственность именно на этом рубеже войны, когда Красная армия перешла границы европейских стран. Поэтому предлагалось больше писать об армии, давать портреты советских людей, что в странах Европы знали, «что туда идут интересные люди, люди, которых нечего бояться, с которыми стоит познакомиться». И тогда же прозвучала мысль, которая в условиях эйфории от военных успехов не была услышана. Один из участников совещания Н. Кондаков обратил внимание присутствовавших на то, что «мы потерпим большое политическое поражение, если не закрепим результаты Отечественной войны и тех симпатий и того сочувствия, которые имеются к Советскому Союзу в народных массах» [15]. Своевременное замечание, к сожалению, так и не было учтено в последующей практической деятельности различных советских служб.

Примечания:

1. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях, решениях съездов и Пленумов ЦК. М., 1971. Т. 6. С. 14.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 383. Л. 2.
3. Там же. Д. 385. Л. 40.
4. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: энциклопедия. М., 1985. С. 210.
5. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 385. Л. 4.
6. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-8581. Оп. 2. Д. 16. Л. 141.
7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 47. Л. 1, 2.
8. ГАРФ. Ф. Р-8114. Оп. 1. Д. 899. Л. 68.
9. Международная солидарность трудящихся в борьбе за мир и национальное освобождение против фашистской агрессии за полное уничтожение фашизма в Европе Азии (1938–1945). М., 1963. С. 323–325.
10. The Kansas City Star. 1943. January 11.
11. Костырченко Г.В. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. Документальное исследование. М., 1994. С. 141, 142.
12. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 125. Д. 383. Л. 238.
13. Там же. Л. 29.
14. Петрова Н.К. Антифашистские комитеты в СССР 1941–1945 гг. М., 1999. С. 245.
15. ГАРФ. Ф. Р-8581. Оп. 2с. Д. 115. Л. 48, 50.

Ш.А. Гапуров, В.Х. Магомаев

Вклад грозненских нефтяников в победу в Великой Отечественной войне

С каждым годом все больше времени отделяет нас от того дня, когда ценой огромных жертв и неимоверных усилий удалось разгромить немецко-фашистских захватчиков и их сателлитов, отстоять независимость нашей страны и спасти человечество от нацизма. И никому не удастся вычеркнуть тот факт, что именно Советский Союз сломал хребет немецкому фашизму. Мир всегда должен помнить, что именно наша страна стала главной силой, преградившей путь германскому фашизму к мировому господству, вынесла на своих плечах основную тяжесть войны и сыграла решающую роль в разгроме гитлеровской Германии.

Защищая свое отечество, советские люди продемонстрировали образцы массового героизма. Подобно ратному подвигу советских воинов на фронтах Великой Отечественной войны, бессмертный подвиг совершили и труженики тыла, рабочие и крестьяне, которые снабжали армию вооружением, техникой и продовольствием. Достойный вклад в победу над фашистской Германией внесли и жители Чечено-Ингушской АССР. Сразу же после начала войны, 23 июня 1941 г., в Грозном состоялся многотысячный митинг, на котором жители республики поклялись сделать все необходимое для победы над немецкими фашистами. Нефтяники республики заявили о решимости увеличить добычу и переработку нефти. Уже за июль 1941 г. работники «Грознефтекомбината» на 103 % выполнили план по добыче нефти [1]. В конце 1941 г. республика играла важную роль в снабжении фронта авиационным бензином, дизельным топливом, моторными маслами. К концу года «Грознефтекомбинат» задание по добыче нефти выполнил на 114,4 % [2].

Одним из главных факторов победы СССР над фашистской Германией было единство советских народов, выступивших как одна сила против общего врага. Фашистские пропагандисты предприняли очень много усилий, чтобы разбить это единство, натравить одни народы на других. Особенно большая работа в этом плане велась на Северном Кавказе, в надежде поднять горцев против советской власти, развернуть в регионе массовое повстанческое движение. Немцы пытались выставить себя в качестве «освободителей» горцев от советской власти. Однако горские народы Северного Кавказа не дали себя обмануть и выступили на защиту общей Родины – СССР. В качестве одного из средств борьбы с немецкой пропагандой по инициативе властей Чечено-Ингушской АССР в 1942 г. были созданы группы старейшин-участников Гражданской войны, которые ездили по региону и выступали здесь перед местными жителями, разоблачая лживую немецкую пропаганду. Тогда же, в 1942 г., старейшины – представители Чечено-Ингушской АССР и Кабардино-Балкарской АССР – приняли обращение к северокавказским горцам, в котором говорилось: «Фашистские агенты и провокаторы распространяют слухи о якобы хорошем отношении немцев к горским народам. Ложь! Наглая ложь.

Гитлеровцы одинаково ненавидят все народы Советского Союза: и кабардинцев, и русских, и украинцев, белорусов… Наша сила в неразрывной дружбе между собой, в братской помощи со стороны великого русского народа. Так поднимемся же все как один без различия возраста и национальности на священную войну с нашим кровником Гитлером. Добудем желанную победу в смертельной схватке с ненавистным врагом» [3]. Этот документ зачитывался по всему Северному Кавказу, разоблачая немецких фашистов, которые несли смерть и порабощение всем народам СССР.

С началом военных действий на Северном Кавказе, и особенно с приближением фронта к границам Чечено-Ингушской АССР были развернуты работы по укреплению обороноспособности республики. На территории республики предстояло построить линию обороны вдоль правого берега реки Терек – от границы Моздокского района до границы с Дагестанской АССР, протяженностью 100 км. Кроме того, был создан особый оборонительный район из двух внешних кольцевых обводов общей протяженностью 140 км и внутренняя оборонительная система протяженностью 75 км [4]. Для строительства этих укрепленных рубежей было мобилизовано 80 тыс. чел. За короткий срок тружениками тыла было сделано несколько тысяч тяжелых и более 3 тыс. легких огневых точек, вырыто 87 км противотанковых рвов, эскарпов и т.д. [5]. В кратчайшие сроки была проделана колоссальная работа. В приказе по 10-му армейскому управлению оборонительных работ Наркомата обороны СССР и 10-й саперной армии от 10 января 1942 г. отмечалось, что, преодолевая огромные трудности, работая в зимних условиях на открытой местности, трудящиеся Чечено-Ингушетии достойно справились с возложенными на них задачами [6].

За самоотверженный труд на строительстве оборонительных сооружений вокруг Грозного (с августа 1942 г. по январь 1943 г.) 163 чел. были награждены орденами и медалями Советского Союза и 184 чел. – грамотами Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР [7]. Надо учесть, что в 1941–1942 гг., когда Красная армия отступала, государственных наград выдавалось очень мало. Видимо, трудовой подвиг жителей Чечено-Ингушской АССР по строительству оборонительных сооружений вокруг Грозного, действительно, был огромным.

Важнейшим фактором, обеспечившим победу советского народа над фашистской Германией, был перевод экономики на военные рельсы, создание слаженного военного хозяйства, налаживание производства военной техники и боеприпасов, бесперебойное снабжение всем этим и плюс продовольствием фронта. И эта задача была выполнена на высоком уровне. С целью создания слаженной системы военного хозяйства, а при необходимости и эвакуации промышленности и специалистов, распоряжением Государственного комитета обороны СССР от 22 октября 1941 г. в прифронтовых областях создавались местные комитеты обороны. В соответствии с этим, решением бюро Чечено-Ингушского областного и Грозненского городского комитетов ВКП(б) от 25 октября 1941 г. был образован Грозненский городской комитет обороны под руководством первого секретаря Чечено-Ингушского обкома и горкома ВКП(б) В.А. Иванова. Его заместителем стал председатель СНК Чечено-Ингушской АССР С.К. Моллаев. Главная задача, которая была поставлена перед

Грозненским комитетом обороны, – увеличение производства нефти и нефтепродуктов и бесперебойное снабжение ими фронта.

Грозненская нефтяная промышленность за годы советской власти достигла большого развития, была оснащена современной техникой, пополнена квалифицированными кадрами рабочих и инженерно-технических работников. К началу Великой Отечественной войны «Грознефтекомбинат» имел 12 нефтепромыслов, входивших в тресты «Старогрознефть», «Октябрьнефть», «Малгобекнефть», «Дагнефть» и трест «Грознефтезаводы». На промыслах и заводах нефтяной промышленности республики трудилось около 28,5 тыс. рабочих. Среди них были и представители коренной национальности – 4218 чеченцев и ингушей, численность которых к 1944 г. увеличилась более чем в 1,5 раза [8]. В валовой продукции всего народного хозяйства республики продукция нефтяной промышленности составляла 2/3, а в объеме промышленной продукции – около 85 % [9].

В условиях, когда шла перестройка нефтяной промышленности Чечено-Ингушской АССР для удовлетворения военных нужд и принимались все меры к увеличению добычи и переработки нефти, возникла угроза захвата Грозного фашистскими войсками. Несмотря на упорное сопротивление частей РККА, в конце октября 1941 г. немецким войскам удалось прорвать линию обороны и приблизиться к границам республики. Создалась реальная угроза захвата нефтепромыслов. Именно осенью 1941 г. Гитлер впервые поставил задачу перед своими генералами любой ценой захватить грозненскую нефтяную промышленность. Именно поэтому немцы в 1941–1942 гг., несмотря на огромные потери, рвались к Грозному. В этих условиях Государственный комитет обороны СССР принял решение о демонтаже и эвакуации нефтяного оборудования предприятий «Грознефтекомбината». За 40 дней было демонтировано 678 эксплуатационных скважин с дебитом 1624 т в сутки, 427 электромоторов, поднято из скважин 416 200 м насосных труб, 391 504 м штанги [10]. Однако, несмотря на все это, план за декабрь 1941 г. по добыче нефти «Грознефтекомбинат» выполнил на 102,7%. Общий же план по добыче нефти и газа за 1941 г. комбинатом был выполнен на 55 дней раньше срока [11].

В связи с освобождением в декабре 1941 г. города Ростова-на-Дону от немецких войск временно исчезла угроза захвата грозненских нефтяных промыслов. В связи с этим ГКО СССР поставил задачу быстрого восстановления нефтеперерабатывающих заводов и эксплуатационных скважин. Уже к началу 1942 г., в результате огромной проделанной работы по восстановлению заводов и установок первой очереди, по нефтетрестам было восстановлено 190 эксплуатационных скважин. Быстро стала расти добыча нефти.

Роль Грозненского нефтяного района возрастала по мере отступления Красной армии и потери территорий в европейской части страны. А по мере увеличения численности Красной армии и ее оснащения новой техникой и вооружением возрастали и потребности фронта в нефти и нефтепродуктах. 26 мая 1942 г. газета «Правда» писала: «Надо еще сильнее развивать добычу нефти. И не просто нефти. А высокооктановой, нужной для Красной Армии» [12].

Выполнение поставленной задачи в полной мере было затруднено из-за резкого ухудшения ситуации на фронте. В конце июня – начале июля 1942 г.

немецкие войска начали наступление на Кавказ, главной целью которого был захват Грозного и Баку – важнейших производителей нефтепродуктов на юге СССР. Под натиском превосходящих сил противника советские войска были вынуждены отступить. Фронт приблизился к Грозному и Малгобеку. В связи со сложившейся обстановкой в начале августа 1942 г. по указанию ГКО СССР была прекращена деятельность трестов «Малгобекнефть» и «Горскнефть». Эксплуатационные скважины и все промышленные объекты в этих районах были ликвидированы. 3 сентября 1942 г. ГКО СССР вынес постановление о демонтаже нефтепровода Малгобек – Грозный. Для проведения этих работ мобилизовали 1 тыс. местных жителей, силами которых было ликвидировано 2153 эксплуатационные скважины (что составило 89 % от общего числа скважин) и 131 бурящаяся скважина (что составило 88 % от их общего числа). Была остановлена деятельность двух нефтяных районов – Малгобекского и Горского с ежесуточной добычей нефти 4400 т, которые давали почти половину нефтедобычи «Грознекомбината». Кроме того, было вывезено около 4200 вагонов с оборудованием и материалами и более 9 тыс. нефтяников и членов их семей. Все это привело к резкому падению нефтедобычи и нефтепереработки в Грозненском промышленном районе.

Принятие всех этих болезненных и чрезвычайных мер было крайне необходимо, т.к. в случае прорыва и захвата нефтяных районов Грозного и Малгобека Германия получила бы важное стратегическое сырье для дальнейшего наступления не только на Кавказском театре военных действий, но и на всем протяжении советско-германского фронта. Однако, благодаря мужеству и стойкости советских воинов, фашисты были остановлены на рубежах Терека и, понеся тяжелые потери, перешли к обороне.

Изменившаяся обстановка на фронте дала возможность трудящимся Грозного в ноябре 1942 г. приступить к частичному восстановлению промыслов и заводов. За короткий срок часть скважин была восстановлена и пущена в эксплуатацию. В январе 1943 г. действовало 367 эксплуатационных скважин. Уже к декабрю 1942 г. добыча нефти в целом по «Грознефтекомбинату» составила 900 т в сутки, в январе 1943 г. – 1271 т [13].

В условиях войны огромное значение приобрело бесперебойное снабжение фронта горючим, особенно авиабензином. В соответствии с постановлением ГКО СССР от 15 июля 1941 г. и задания Наркомата нефтяной промышленности СССР, трест «Грознефтезаводы» и ГрозНИИ в короткие сроки провели исследования, направленные на перестройку производственных процессов и обеспечение выпуска новых видов бензина и смазочных материалов. С этой целью были переоборудованы и усовершенствованы заводские установки. Это дало возможность резко увеличить выработку высокооктанового горючего для фронта. Так, производство авиабензина «Б-78» уже к осени 1941 г. возросло почти в 3,5 раза [14]. Однако и этого для фронта было мало: ведь количество танков и самолетов на советском фронте с 1942 г. постепенно возрастало. В начале 1942 г. ГКО СССР поставил задачу еще больше увеличить производство авиабензина «Б-78». В первой половине 1942 г. грозненским ученым удалось создать уникальную установку, которая позволяла в несколько раз увеличить производство

высокооктанового бензина. СНК СССР принял решение о широком внедрении этого процесса во всей нефтеперерабатывающей промышленности СССР [15]. Родина высоко оценила трудовой подвиг грозненских ученых и нефтяников. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 февраля 1942 г. второй промысел треста «Малгобекнефть» был награжден орденом Ленина, а второй Грозненский нефтеперерабатывающий завод – орденом Трудового Красного Знамени.

На выпуск военной продукции была переведена практически вся промышленность Чечено-Ингушской АССР. К концу 1941 г. 28 предприятий республики освоили производство минометов, различных мин, гранат, взрывчатки, противотанковых препятствий (ежей) и многих других видов оборонной продукции. В общей сложности номенклатура изделий для нужд фронта, выпускавшихся на предприятиях Грозного, состояла из более 90 названий [16]. Усилиями тружеников Чечено-Ингушетии бесперебойно снабжались всем необходимым несколько армий, сражавшихся на подступах к Грозному. Только за 1942 г. предприятия «Грознефтекомбината» изготовили военной продукции более чем на 35,5 млн руб. [17]. Кроме того, заводы и мастерские Грозного выполняли большую работу по ремонту различного вооружения, боевой техники, изготовлению запасных частей.

Война подвергла значительным переменам все отрасли промышленности республики, выполнявшие заказы для фронта. Например, в системе местной промышленности на 15 сентября 1942 г. из 20 предприятий сохранилось только 7. Но и они почти не действовали из-за малочисленности рабочих. Так, обеспеченность рабочей силой некоторых цехов завода «Красная кувалда» составляла 40 %, механических мастерских и химических заводов – около 10 % по сравнению со штатным расписанием мирного времени. Остро не хватало сырья. Проблема нехватки рабочих кадров частично была решена за счет привлечения на работу женщин (к 1943 г. женщины составили почти половину работников нефтяной промышленности республики) [18]. Через школы ФЗО и училища трудовых резервов стали ускоренно выпускать молодежь, не достигшую призывного возраста, которые заменяли на производстве рабочих, ушедших на фронт. Однако, несмотря на чрезвычайно тяжелое положение, предприятия республики целиком переходили на выполнение заказов фронта. Так, например, консервный завод был переведен на изготовление ручных гранат.

К концу 1942 – началу 1943 гг., в результате героической борьбы советских солдат, немецко-фашистские захватчики были разгромлены на Северном Кавказе и отброшены от границ Чечено-Ингушской АССР. Огромная заслуга в этом была и тружеников тыла республики, обеспечивших Красную армию всем необходимым, особенно нефтяников. С 1942 г. значительная часть советской авиации летала на грозненском авиабензине. С 1943 г. перед нефтяниками республики встали новые задачи. 20 апреля 1943 г. ГКО СССР принял постановление «О мероприятиях по частичному восстановлению Грозненской нефтяной промышленности». Оно предусматривало восстановление в кратчайшие сроки уровня добычи нефти и увеличение ее до конца года в 2,5 раза, введение в эксплуатацию 124 законсервированных скважин, увеличение выработки авиабензина в 14 раз, керосина – в 2 раза, восстановление и развитие

энергетики, машиностроения и других отраслей промышленности [19]. Надо учесть при этом, что в 1943 г. резко увеличилось производство самолетов и танков. А это, в свою очередь, требовало увеличения производства горюче-смазочных материалов.

Рабочие и инженерно-технические кадры Грозного выполнили поставленные задачи, приложив неимоверные усилия. К началу 1944 г. количество действующих скважин на промыслах «Грознефтекомбината» было увеличено более чем в 3 раза. Восстановленная мощность нефтезаводов к началу 1944 г. составила 283 % по сравнению с 1943 г. [20]. Однако непрерывно возраставшие нужды фронта и народного хозяйства требовали еще большей добычи нефти и производства нефтепродуктов. В связи с этим 27 января 1944 г. ГКО СССР принял новое постановление о дальнейшем развитии нефтяной промышленности республики. Документ предусматривал доведение среднесуточной добычи нефти в декабре 1944 г. до 4 тыс. т, т.е. увеличение ее на 25 %, введение в строй новых нефтяных скважин, компрессорных станций, линий электропередач, механических мастерских, восстановление нефтепровода Горская – Грозный и т.д. Кроме того, постановление предусматривало мероприятия по восстановлению нефтеперерабатывающей промышленности Грозного. На эти цели выделялось 69,2 млн руб. [21]. Для выполнения этих заданий было решено вовлечь в нефтяную промышленность 6 тыс. новых рабочих. Главным резервом для выполнения поставленных целей были сельские районы Чечено-Ингушской АССР. Однако 23 февраля 1944 г. чеченцы и ингуши были депортированы в Среднюю Азию и Казахстан. Это страшное преступление сталинского режима не только принесло горе и смерть сотням тысячам людей, но и нанесло огромный удар по экономике республики. В результате постановление ГКО СССР от 27 января 1944 г., а также плановые задания по поставкам на фронт нефтепродуктов и продовольствия были сорваны. Уже к концу 1944 г. упали нефтедобыча и нефтепереработка по сравнению с концом 1943 г. [22]. Главная причина – острейшая нехватка рабочих рук. Поставки продовольствия из республики на фронт упали более чем наполовину.

Между тем чеченцы и ингуши, как и другие народы СССР, отдавали все свои силы на борьбу с гитлеровскими захватчиками. Десятки тысяч чеченцев и ингушей воевали на фронтах Великой Отечественной войны, тысячи были награждены орденами и медалями, многие стали Героями Советского Союза, тысячи вернулись с фронта инвалидами. Труженики республики, не жалея сил, работали в тылу. В сложнейших условиях, когда фашисты рвались к грозненской и бакинской нефти и почти вся европейская промышленно развитая часть СССР была захвачена гитлеровцами, республика увеличила производство нефти и ценнейшего авиабензина более чем в два раза. Таким образом, народы Чечено-Ингушетии, как и все народы СССР, внесли достойный вклад в победу над фашистской Германией.

Примечания:

1. Чечено-Ингушский областной партийный архив (далее – ЧИОПА, в настоящее время – в составе Центрального государственного архива Чечни, однако цитируемые

здесь и далее документы, проработанные авторами до 1991 г., в нем отсутствуют, т.к. были уничтожены во время боевых действий на территории республики в 1994–2000 гг.). Ф. 1. Оп. 1. Д. 767. Л. 3.
2. Ибрагимов М., Хатуев И. Подвиг во имя Родины. Грозный, 2015. С. 337–338.
3. Правда. 1942. 22 сентября.
4. ЧИОПА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 757. Л. 77.
5. Там же. Д. 688. Л. 1.
6. Шайдаев М.Г. Партия – организатор патриотического движения трудящихся Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Махачкала, 1975. С. 77–78.
7. ЧИОПА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1164. Л. 81.
8. ЧИОПА. Ф. 220. Оп. 1. Д. 133. Л. 17.
9. ЧИОПА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 938. Л. 40.
10. Филькин В.И. Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Грозный, 1960. С. 76.
11. ЧИОПА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 770. Л. 9.
12. Правда. 1942. 26 мая.
13. ЧИОПА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 871. Л. 9.
14. Там же. Д. 1139. Л. 8.
15. Зоев С.О. Промышленность Чечено-Ингушской АССР за 50 лет. Грозный, 1972. С. 40.
16. ЧИОПА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 140. Л. 8.
17. Там же.
18. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. 1917–1970 гг. Грозный, 1972. Т. 2. С. 234.
19. Там же. С. 254.
20. ЧИОПА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 140. Л. 10.
21. Там же. Ф. 220. Оп. 1. Д. 81. Л. 2.
22. ЧИОПА. Ф. 220. Оп. 1. Д. 81. Л. 3. Д. 140. Л. 13. 16.

К.Н. Максимов

Эвакуация скота Калмыкии летом 1942 г.: причины ее провала

В связи с ускоренными темпами продвижения в июле – августе 1942 г. немецких войск на сталинградском направлении и угрозой оккупации территории Калмыцкой АССР перед ее руководством возникла сложнейшая задача – в предельно короткий срок переместить в безопасные районы страны людей и огромное количество скота. Еще в 1941–1942 гг. Калмыкии пришлось помогать Ростовской области и отдельным областям Украинской ССР, перегонявшим по ее территории свои стада (более 300 тыс. голов скота) к Волге. Трудности заключались в том, что большое количество домашних животных предстояло перемещать своим ходом, обеспечивая их на большом расстоянии длительное время кормами, водой, ветеринарной помощью, организованными пунктами отдыха, охраной и т.д.

Существенное влияние на ход и результаты эвакуации оказали недостатки организационного характера в масштабах страны. В советском государстве с централизованной административно-бюрократической системой управления, где должностные лица были приучены действовать по указанию сверху,

строго по инструкциям, не решаясь брать на себя ответственность, в сложное время войны в СССР не оказалось единой централизованной службы, занимавшейся эвакуацией. Эти чрезвычайные органы смогли бы координировать вопросы приема, размещения скота, имущества, владея большей информацией о военной обстановке в тех или иных регионах, своевременно давать указания, ориентировать края, области о сроках подготовки и проведения эвакуации. Созданный решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР 24 июня 1941 г. Совет по эвакуации (председатель Л.М. Каганович, с 3 июля – Н.М. Шверник, его заместители А.Н. Косыгин, М.Г. Первухин) в основном занимался организацией перемещения и размещения предприятий, выпускавших военную продукцию, эвакуацией людей из крупных прифронтовых городов. В связи с этим он имел уполномоченных при ряде наркоматов. Центральные комитеты коммунистических партий союзных республик, обкомы, крайкомы ВКП(б) в случае необходимости сами создавали специальные комиссии по эвакуации [1]. В июне 1942 г. при ГКО была образована Комиссия по эвакуации в составе Н.М. Шверника (председатель), А.Н. Косыгина, М.З. Сабурова, А.И. Микояна, П.А. Ермолина, В.Н. Меркулова.

Управление по эвакуации Наркомата земледелия СССР как чрезвычайное ведомство государственного отраслевого органа явно не обладало достаточными полномочиями для организации и координации проводимой работы по перемещению и размещению производительных сил, продукции сельского хозяйства.

По характеру организации и содержания, по времени подготовки и проведения эвакуационные мероприятия в республике должны были состоять из нескольких этапов. Однако в связи с тем, что руководители партийных и государственных органов республики, не сообразуясь с реальной военной обстановкой в условиях стремительного наступления фашистов, неукоснительно выдерживали и соблюдали инструктивные установки, временные этапы работы по перемещению скота и имущества оказались совмещенными. А это повлекло за собой поспешность, суматоху, стремление переложить ответственность друг на друга. В республике не был создан специальный орган по эвакуации, в этой роли в чрезвычайной обстановке выступил сам Калмыцкий обком ВКП(б).

Одно из первых совместных постановлений Калмыцкого обкома партии и Совнаркома Калмыцкой АССР по вопросу организации эвакуации, принятое 29 июля 1942 г., когда авангард немецкой 13-й танковой дивизии 1-й танковой армии подошел уже к окраине Сальска (всего 40–50 км от границы Западного улуса), свидетельствует о том, что Калмыкия абсолютно не была готова к перегону скота и вывозу имущества, людей. В нем говорилось лишь о необходимости приступить к строительству переправ через Волгу. В этой сложной обстановке военные советы Сталинградского и Юго-Восточного фронтов (командующие – генерал-лейтенант В.Н. Гордов и генерал-полковник А.И. Еременко, члены советов – А.С. Чуянов и В.М. Лайко) 8 августа 1942 г. приняли совместное постановление, обязавшее управляющего Калмгосрыбтрестом, который относился к системе военизированных ведомств, организовать

паромные переправы через Волгу в трех пунктах: Цаган-Амане, Шебенерах и Замьянах. В каждом – по три парома с общей пропускной способностью до 18 тыс. голов скота в сутки [2].

Запоздалое решение республиканских партийных и государственных органов о начале эвакуации и неподготовленность к ней наркоматов, ведомств, улускомов партии, советов имели катастрофические последствия для хозяйств Западного и Яшалтинского улусов. С утра 1 августа 1942 г. в суматохе в обоих улусах началась эвакуация. Головной батальон немцев (боевая группа полковника фон Либенштейна) 3-й танковой дивизии (командир – генерал-майор Брайт) из 40-го танкового корпуса (командир – генерал танковых войск фон Швеппенбург) 4-й танковой армии (в эти дни корпус был передан 1-й танковой армии генерал-полковника фон Клейста) в ночь с 1 на 2 августа 1942 г. уже вошел на территорию Западного улуса через Сандату (30 км от райцентра) на хутор 1-й Ики-Тугтун (ныне село Пушкинское). Днем 2 августа 1942 г. фашисты полностью оккупировали оба улуса. На оккупированной территории Западного улуса осталось 29 112 голов скота (59 % общего поголовья улуса), Яшалтинского улуса – 82 498 голов скота (73,6 %).

В быстро менявшейся военной обстановке лета 1942 г. государственные и партийные органы Калмыкии не успевали своевременно реагировать и действовать адекватно. Аналогичная ситуация складывалась и на Ставрополье (первый секретарь крайкома ВКП(б) – М.А. Суслов). Историки С.И. Линец и С.В. Януш пишут, что краевые руководители Ставрополья не ориентировались в военной обстановке, сложившейся на Северном Кавказе. Поэтому они давали нереальные указания [3].

Части 4-й танковой армии (командующий – генерал-полковник Г. Гот), в состав которой входили 48-й танковый корпус (командир – генерал-лейтенант В. Кемпф) – 14-я танковая (командир – генерал-майор Ф. Гейм) и 29-я моторизованная дивизии, 4-й армейский корпус (генерал пехоты фон Шведлер) – 94-я и 371-я пехотные дивизии, 6-й румынский армейский корпус (генерал И. Драгалина) – 1-я и 2-я пехотные дивизии (на подходе были еще две дивизии), имея задачу «нанести главный удар непосредственно восточнее железной дороги Сальск – Сталинград на северо-восток и выйти к Волге в районе Красноармейска», 1 августа 1942 г. начали наступление с плацдарма в районе Цимлянской [4]. По воспоминаниям А.И. Еременко, это произошло 31 июля. 14-я танковая дивизия, следовавшая в первом эшелоне, 2 августа захватила Котельниково, а утром 4 августа ее разведывательный отряд вышел к селу Плодовитое Малодербетовского улуса, внешнему оборонительному обводу Сталинграда. Днем ранее, т.е. 3 августа, другой разведывательный отряд этой же дивизии захватил территорию 5 сельских советов, а к 5 августа – все 9 сельсоветов Сарпинского улуса, из хозяйств которого не успели эвакуировать 87 603 (73,2 %) головы скота, в Малодербетовском улусе – 43 247 (30,7 %) голов скота.

Неорганизованность, беспорядочное движение, огромные потери скота Калмыцкой республики привлекли внимание командующего Сталинградским военным округом генерал-лейтенанта В.Ф. Герасименко. Возможно, он действовал по примеру Закавказского фронта, который 12 августа 1942 г.

попытался взять под свой контроль процесс вывода поголовья скота из Ставрополья и республик Северного Кавказа.

Военный совет Сталинградского округа, несмотря на сложную обстановку, 19 августа 1942 г., «в целях ускорения эвакуации из Калмыцкой АССР, а также для обеспечения охраны оставленного скота», принял решение оказать помощь правительству Калмыцкой АССР. В дополнение к уже проводившимся мероприятиям на переправах (ветеринарная помощь, воздушная разведка движения гуртов, подвоз горючего и т.д.) он выделил еще 4 подвижных отряда на 40 машинах для оказания помощи в перегоне скота, а также для ведения воздушного наблюдения звено самолетов У-2. В телеграмме от 22 августа председателю СНК Калмыцкой АССР Н.Л. Гаряеву В.Ф. Герасименко предлагал привлечь к эвакуации скота ответственных работников, забронированных и получивших отсрочку от призыва, считая их военнообязанными [5].

Отдельные подразделения 111-й (командир – генерал-майор Г. Рекнагель) и 370-й (генерал-лейтенант Ф. Беккер) пехотных дивизий 52-го армейского корпуса (командир – генерал пехоты О. Отт), преодолевая сопротивление частей 51-й армии Сталинградского фронта (с 5 августа – Юго-Восточного), в начале августа стали продвигаться с цимлянского направления в сторону Элисты. Не встречая серьезных препятствий, небольшая моторизованная боевая группа 111-й пехотной дивизии 11 августа 1942 г., заняв Приютненский улус в 60 км от Элисты, во второй половине того же дня подошла к ее окраине. Утром 12 августа эта же группа и подошедший со стороны Ремонтненского района Ростовской области отряд 370-й пехотной дивизии ворвались в Элисту.

При вступлении в Приютненский улус немцы захватили 148 053 (67,8 % общего поголовья улуса) головы скота, в 3 пригородных колхозах и отдельных ведомствах Элисты – 88 097 (94,8 %) голов скота, в Черноземельском улусе – 57 945 (35,2 % общего поголовья частично оккупированных хозяйств улуса) голов скота. Близость немецких войск (20 км), суматоха в Элисте существенно повлияли на эвакуацию в Троицком улусе, который к тому же оказался совершенно неподготовленным к перемещению большого количества животных. В захваченных врагом селах улуса было оставлено 108 799 (67 % общего поголовья улуса), в соседнем Кетченеровском улусе – 63 645 (39,8 %) головы скота.

Тем самым в результате временной оккупации части территории Калмыцкая АССР лишилась значительной части поголовья скота. Оставленный скот фашисты использовали на свои продовольственные нужды и для отправки в Германию. Г. Гудериан откровенно писал, что «нам приходилось лишь заботиться о том, чтобы из богатых районов юга России снабжать продуктами питания население Германии, армию. В России имелось много хлеба, и не было недостатка в скоте, предназначенном на убой» [6]. Наиболее достоверные сведения о грабежах временно захваченных территорий СССР показал немецкий историк Н. Мюллер. «В 1942 г., – писал он, – в Германию прибыли более 3 тыс. эшелонов с продовольствием из оккупированных областей СССР» [7].

Основные причины столь неудовлетворительной эвакуации скота республики, в результате чего врагу досталось большое количество домашних животных, заключались во многих факторах, преимущественно субъективного

характера. Главной из них, повлиявшей на проведение и итоги эвакуации, стала неподготовленность в психологическом отношении работников партийных и государственных органов Калмыкии к возможному вторжению противника на территорию республики. В связи с этим ими не предпринимались какие-либо подготовительные меры к перебазированию скота, материальных ресурсов в безопасные районы страны. П.В. Лаврентьев – первый секретарь Калмыцкого обкома ВКП(б) – и Н.Л. Гаряев – председатель правительства Калмыцкой АССР, опасаясь проявить инициативу, сидели и ждали указаний из ЦК ВКП(б), СНК СССР. Об этом свидетельствует проект докладной записки Калмыцкого обкома партии в ЦК ВКП(б), завизированный в первой половине ноября 1942 г. Н.Л. Гаряевым. В нем сообщалось: «Долгое время мы никак не могли получить санкцию на эвакуацию скота и место, куда его гнать. Заместитель Наркомзема СССР Кухарь в соответствии с решением ГКО прислал телеграмму об эвакуации скота в Казахстан только 4 сентября, когда большинство улусов уже давно были заняты немцами.

При постановке вопроса об эвакуации скота перед военными советами Южного и Сталинградского фронтов мы получали все время успокоительные ответы. Даже при разговоре по телефону 4 августа с тов. А. Микояном нам было предложено руководствоваться правилом – 30-ти и 70-ти, т.е. скот начинать трогать с места тогда, когда противник находится в 70 км, а все остальное – при 30 км. Кроме того, было сказано, что с северо-запада Калмыкия будет прикрыта войсками. Все это до известной степени успокаивало нас.

Главная наша ошибка заключается в том, что мы, видя приближение немцев, поздно взяли на себя ответственность за эвакуацию скота, все ждали и просили совета и указания.

Третье, что послужило причиной оставления большого количества скота – это растерянность и паникерство местных партийных и советских руководителей… все пошло самотеком, и скот, замедлив движение, не успел выйти из этих районов» [8].

Однако в окончательном варианте этого документа, отправленного в ЦК ВКП(б) за подписью П.В. Лаврентьева 18 ноября 1942 г., вышеприведенные объяснения о причинах провала эвакуации в республике полностью отсутствовали. П.В. Лаврентьев, понимая свою вину и ответственность за произошедшее, побоялся сказать правду вышестоящему начальству. В подписанной им докладной в ЦК ВКП(б) назывались иные причины. Пытаясь снять с себя ответственность, он писал: «В момент эвакуации скота фашистские легкие моторизованные отряды заскакивают вперед, разгоняют гонщиков и заворачивают скот обратно». Кроме этого, П. Лаврентьев находил простую по тому времени объяснимую причину – «кулацкие и другие контрреволюционные элементы организовывают банды и нападают на перегоняемые стада». Почти такие же причины в провале эвакуации скота Ставрополья указал первый секретарь Ставропольского крайкома ВКП(б) М.А. Суслов: «…дали себя знать поднявшие голову антисоветские элементы». Но в отличие от Лаврентьева он не понес наказания и даже вскоре пошел на повышение: «Неудачно осуществляя эвакуацию и опасаясь, понести за это наказание, М. Суслов и его

соратники имитировали активную организаторскую деятельность. Руководители края не сумели даже осуществить вывоз немногочисленного племенного скота» [9].

Основная причина провала эвакуации скота на юге России, конечно, коренилась в сложившейся системе централизованного управления в СССР, базирующегося на принципах так называемого демократического централизма, а также синдром страха ответственных работников, привитый им репрессивным режимом. Однако и в этих условиях руководители отдельных областей с приближением линии фронта, не дожидаясь указаний, готовились к возможной эвакуации. Как вспоминала ответственная за перегон скота Полтавской области депутат Верховного Совета СССР первого созыва П.Е. Панченко: «Исподволь начали разрабатывать маршруты перегонов, оборудовать сборные пункты, изготовлять сухие корма, отбирать людей для очень ответственной работы гуртовщиков». Далее она отмечала, что всегда помнила слова первого секретаря Полтавского обкома КП(б)У В.С. Маркова: «Если мы спасем поголовье скота, то это будет не только мясо и молоко для фронта, но и та база, на которую мы обопремся, когда возвратимся сюда» [10].

Главным виновником запоздалой эвакуации скота Калмыкии, а затем хаоса при ее проведении явился первый секретарь Калмыцкого обкома ВКП(б) П.В. Лаврентьев. Он как послушный функционер, винтик в партийном механизме, беспокоясь за свою судьбу, не предпринял решительных мер и не рискнул взять на себя ответственность за спасение скота Калмыкии. Вместо того чтобы организовать руководителей партийных, государственных и хозяйственных органов, специалистов на деловой, спокойный лад работы, он, отдавая противоречивые указания, расправляясь с проявлявшими малейшую инициативу как с «врагами, шпионами, несущими паническое настроение», непоправимо затянул решение вопросов эвакуации и практически ее провалил. Этим нанес республике и ее народу колоссальный экономический и моральный ущерб с тяжелыми последствиями. Позже, 26–27 февраля 1943 г., на пленуме Калмыцкого обкома ВКП(б) Н.Л. Гаряев признался, что они, секретари обкома партии П.Ф. Касаткин и Е.Э. Кокшунов, находясь в середине августа в Яшкуле, в 50 км от линии фронта, поняли произошедший провал эвакуации скота хозяйств республики.

Справедливую оценку деятельности П.В. Лаврентьева в период эвакуации и временной немецкой оккупации дал Секретариат ЦК ВКП(б) на заседании 5 февраля 1943 г., освободив его от должности первого секретаря обкома партии и объявив выговор «за не обеспечение эвакуации, бездеятельность, растерянность во время кратковременной немецкой оккупации части территории Калмыцкой АССР» [11]. П.В. Лаврентьев в ситуации с эвакуацией, конечно, выбрал для себя меньшее наказание. Неизвестно, чем бы все закончилось, если он проявил бы инициативу в этом деле.

Следует сказать и о роли председателя правительства Калмыцкой АССР Н.Л. Гаряева, который не лучшим образом повел себя в сложные дни эвакуации, возложив вместе с П.В. Лаврентьевым всю эту работу на заместителя председателя Совнаркома республики Г.Н. Сергина.

Таким образом, хозяйства Калмыцкой республики в начале августа 1942 г. эвакуировали 542 875 (42,6 % общего поголовья оккупированных улусов) голов скота, из них довели до переправ и переправили на левый берег Волги 288 474 (23,4 %). При перегоне к Волге сдали в счет госпоставок и воинским частям по чекам и требованиям 199 458 (16,2 %) голов, пало и было прирезано на нужды перегонщиков 36 943 (3 %) голов. На временно захваченной немцами территории республики осталось 715 986 (58,1 % общего поголовья скота всех категорий хозяйств оккупированных улусов) голов скота, в том числе 113 483 головы крупного рогатого скота, 574 313 овцы, 10 920 лошадей, 1893 верблюда, 15 467 свиней. У населения республики поголовье скота сократилось вдвое [12].

В аналогичной ситуации в период временной немецкой оккупации оказались и другие регионы юга России. В Ставропольском крае, по данным сельскохозяйственного отдела ЦК ВКП(б), из 1 759 296 голов скота после оккупации осталось всего 387 469, или 22 %. Но по заключению того же отдела, у сельского населения Ставрополья за период оккупации поголовье скота не только не уменьшилось, а, наоборот, заметно увеличилось [13]. В Краснодарском крае общие потери всех видов скота в 1942–1943 гг. составили: крупного рогатого – 299 263 (68 %), лошадей – 175 423 (58 %), овец – 592 122 (72 %), свиней – 300 тыс. голов. Кроме того, фашисты в Краснодарском крае забрали 59 973 головы крупного рогатого скота, принадлежавшего населению края [14].

Так что для обвинения Калмыцкой республики в том, что она «захватывала и передавала немцам эвакуированный скот из других краев и областей», не было никаких оснований. По свидетельству немецкого историка Н. Мюллера, продовольственное обеспечение группы армий «Юг» в 1942 г. решалось за счет ограбления Дона, Кубани и других оккупированных районов. Только до середины декабря 1942 г. 6-й немецкой и 3-й румынской армиям были поставлены через войсковые сборные пункты 150 тыс. крупного рогатого скота и 350 тыс. голов овец. Немецкие войска, находившиеся на германо-советском фронте, получили из южных районов оккупированной советской территории в течение 1942/43 и 1943/44 хозяйственных годов в общей сложности 3,5 млн т зерна и 267 тыс. т мяса [15].

Примечания:

1. История Коммунистической партии Советского Союза: в 6 т. Т. 5. Кн. 1: Коммунистическая партия накануне и в годы Великой Отечественной войны, в период упрочения и развития социалистического общества (1938–1958 гг.). М., 1970. С. 289.
2. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НАРК). Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 1449. Л. 2; Калмыкия в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Документы и материалы. 2-е изд., доп. Элиста, 1985. Док. № 98.
3. Линец С.И., Януш С.В. Оборона Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. М., 2010. С. 186.
4. Дерр Г. Поход на Сталинград // Роковые решения: сборник. СПб., 2004. С. 451.
5. НАРК. Ф. П-9. Оп. 1. Д. 137. Л. 72.
6. Гудериан Г. Воспоминания солдата. М., 2014. С. 273.
7. Мюллер Н. Вермахт и оккупация / пер. с нем. М., 1974. С. 130.
8. НАРК. Ф. Р-131. Оп. 10. Д. 69. Л. 3.
9. Линец С.И., Януш С.В. Указ. соч. С. 186.

10. Панченко П.Е. Спасенные стада // Кузница победы: подвиг тыла в годы Великой Отечественной войны. Очерки и воспоминания. 3-е изд. М., 1985. С. 393, 394.
11. НАРК. Ф. П-9. Оп. 1. Д. 137. Л. 22.
12. НАРК. Ф. Р-131. Оп.1. Д. 1237. Л. 8–10, 34–35, 49–50, 169, 229–233, 239, 242–244; Оп. 10. Д. 114. Л. 222; Д. 117. Л. 54; Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 651. Л. 54, 64.
13. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 123. Д. 148. Л. 69.
14. Линец С.И., Януш С.В. Указ. соч. С. 202.
15. Мюллер Н. Указ. соч. С. 208.

А.В. Голубев

Ленд-лиз в пропаганде и массовом сознании советского общества

В течение XX в. Россия дважды в ходе двух мировых войн выступала в качестве участника могущественной коалиции, и образ союзника как в годы войны, так и в межвоенный период играл в сознании российского общества важную роль. Однако если в начале века враждующие коалиции определились задолго до войны и расстановка сил принципиально не менялась, то в 1930-е – начале 1940-х гг. ситуация складывалась иначе. Во Вторую мировую войну, в отличие от Первой, СССР вступил, не имея союзников [1].

В первые дни войны в речи И.В. Сталина 3 июля 1941 г. было сказано о том, что советский народ имеет «верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа», зато сочувственные заявления западных правительств были упомянуты лишь вскользь и без особого пафоса: «…в этой связи историческое выступление премьера Великобритании г. Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза, – являются вполне понятными и показательными» [2].

Впрочем, уже 12 июля в Москве было подписано советско-английское соглашение о совместных действиях против гитлеровской Германии, положившее начало оформлению антигитлеровской коалиции. Тон советской прессы и пропаганды стал меняться в благоприятную для союзников сторону. Одним из поворотных моментов стало освещение итогов Московской конференции в октябре 1941 г. Советские газеты постоянно подчеркивали, что ресурсы стран антигитлеровской коалиции намного превосходят ресурсы держав «оси», и эта нехитрая истина была с готовностью воспринята большинством общества. «Правда» 3 октября 1941 г. писала о возникновении «единого фронта свободолюбивых народов… могущественной коалиции, располагающей как неисчислимыми людскими резервами, так и громадными материальными ресурсами». С тех пор в советской пропаганде утверждается новая терминология – «единый антигитлеровский фронт», «антигитлеровская коалиция свободолюбивых народов» и т.д. Как отмечает В.О. Печатнов, «в советской системе тон этой

пропаганды мог задаваться только с “самого верха”, хотя о психологическом воздействии руки помощи, протянутой союзниками, на самого Сталина мы можем только догадываться» [3].

Тем не менее помощь союзников, их участие в войне с общим врагом порой недооценивались советской прессой и официальными лицами; об этом, как правило, не говорил в своих речах Сталин (одним из немногих исключений явилось его выступление 6 ноября 1941 г., где было упомянуто о поставках военной техники и стратегического сырья и предоставлении займа СССР).

Конечно, в какой-то степени это можно было объяснить соображениями секретности. Циркуляром начальника Главлита Н.Г. Садчикова от 27 мая 1942 г. запреты и ограничения, принятые для сведений об РККА, были распространены и на сведения о войсках союзников, в том числе о «полученных от союзных государств конкретных предметах вооружения и боевой техники, независимо от того, сообщалось или не сообщалось об этом в иностранной печати» [4]. Более того, иногда последствия публикации подобных сведений оказывались самыми неожиданными. Например, когда в одной из советских газет появилась написанная, очевидно, с лучшими намерениями, заметка о том, что американские трубы, полученные по ленд-лизу, используются при прокладке газопровода Саратов – Москва, американская сторона незамедлительно прекратила поставку труб вообще под тем предлогом, что они используются не для нужд фронта [5]. Но, конечно, большую, если не главную, роль играли соображения идеологические. И определенные основания для этого были. Так, Г.С. Эфрон (1925–1944) 17 сентября 1941 г. в своем дневнике записал: «Скоро в Москве соберется конференция о снабжении – распределении ресурсов союзников. Au fond, c'est honteux [вообще-то, стыд и срам. – *А.Г.*] – что Россия не может обойтись без военно-экономической поддержки союзников. Но, очевидно, без этого – нельзя» [6]. И подобные настроения были распространены достаточно широко. И вышеупомянутый доклад И.В. Сталина 6 ноября 1941 г., где он впервые говорил о реальной помощи союзников, вызвал разноречивые отклики, в частности: «Сталин теперь открыто расписался в полном бессилии СССР в войне с Германией. Из доклада следует понимать, что теперь все зависит от помощи Америки и Англии» [7].

Выступая на совещании Совинформбюро в феврале 1943 г., его глава С.А. Лозовский заявил: «В Англии, США, Канаде возникли комитеты помощи Советскому Союзу. Правда, эти комитеты посылали некоторые вещи, например: медикаменты, продукты и т.д. Так вот, эти комитеты посылают запросы с просьбой сообщить им, каким образом оказанная ими помощь воздействовала на победу Красной армии. Это значит, нужно им сообщить, как их 5 банок консервов помогли угробить 300 тыс. немцев под Сталинградом» [8]. Подобные мотивы постоянно появлялись в повседневной пропаганде – так, в блокадном дневнике директора Архива АН СССР Г.А. Князева 21 февраля 1943 г. было отмечено следующее: «Недовольны союзниками. Правда, тон дал подполковник, делавший у нас сообщение. На вопрос… о помощи союзников тот ответил, что на Сталинградском фронте таковой не было» [9].

Это не раз вызывало дипломатические осложнения. Например, в марте 1943 г. американский посол У. Стэндли на специальной пресс-конференции

заявил, что советская информация по проблемам ленд-лиза необъективна. «Российские власти, по-видимому, хотят скрыть факт, что они получают помощь извне. Очевидно, они хотят уверить свой народ, что Красная армия сражается в этой войне одна», – сказал он [10]. Через несколько дней «Правда» опубликовала подробный статистический отчет об американской помощи СССР.

Неплохо информированный благодаря своим многочисленным знакомствам известный писатель Вс.В. Иванов в своем дневнике 15 марта 1943 г. так прокомментировал публикацию в «Правде»: «Оказалось, что не зря наши молчали об этой помощи… Помощь, надо сказать, солидная… Отрицая же помощь или сведя ее к нулю, мы преувеличивали свои силы и заставляли Германию считаться с нами, а значит, и могли заключить сепаратный мир. Теперь, "раззвонив о помощи", мы лишены возможности заключить мир. Мало того, американцы могут позвать нас на "конференцию" и потребовать "некоторых" политических гарантий» [11].

Впрочем, уязвимость такой политики с самого начала была очевидна для многих. Уже в октябре 1941 г. И.Г. Эренбург в письме на имя А.С. Щербакова, Г.Ф. Александрова и С.А. Лозовского подчеркивал: «Немцы ведут пропаганду (в частности листовками) о бесплодности Московской конференции, о том, что мы сражаемся за "англо-американскую плутократию". Это падает на благодарную почву. Не касаясь политики Англии и Америки, я думаю, что данные об английских бомбардировках Германии, о посещении Майским танкового завода и проч., будут успешной контрпропагандой» [12].

Характерно, что советские средства массовой информации на первый план выдвигали поставки продовольствия, хотя по стоимости поставки вооружения и военных материалов их намного превосходили.

В целом можно сказать, что необходимый результат был достигнут: подавляющее большинство советских граждан, лишенных альтернативных источников информации и обладавших достаточно устойчивым, сформированным еще в предвоенные годы набором негативных стереотипов относительно Запада в целом, имело весьма слабое представление о реальном вкладе союзников в войну, о боевых действиях в Северной Африке или на Тихом океане и о гуманитарной помощи (справедливости ради нельзя не отметить, что послевоенная западная историография в свою очередь принижала значение Восточного фронта для общей победы; с другой стороны, в современной отечественной публицистике роль союзников вообще и ленд-лиза в частности порой явно преувеличивается).

В массовом сознании образ союзника по антигитлеровской коалиции представал в самых различных ипостасях. Наряду с позитивными представлениями, чувствами благодарности за помощь, часто встречались и проявления двойственного отношения и даже недоверия к ним (особенно в отношении Англии). Причины такого отношения к союзникам – в истории взаимоотношений России и СССР с этими странами, в наследии идеологической пропаганды предвоенных лет, но в немалой степени – и в реальной политике союзных государств, преследовавших в первую очередь собственные интересы и, в частности, затягивавших открытие второго фронта.

В одной из первых работ, специально посвященных теме восприятия союзников советским обществом военных лет, М.М. Наринский и Л.В. Поздеева отмечали: «Никаких опросов населения в СССР тогда не проводилось, но по сохранившимся воспоминаниям о войне нет оснований утверждать о наличии каких-либо расхождений общественного мнения с официальной позицией в отношении союзников» [13]. Действительно, социологических опросов в современном понимании тогда не существовало. Однако их отсутствие в некоторой степени позволяют восполнить информационные материалы НКВД СССР, партийных и советских органов о настроениях в стране, а также доступные сейчас историкам документы личного происхождения, прежде всего дневники [14], отражающие широкий спектр общественных настроений. Очевидно, что они отнюдь не сводились к воспроизведению положений официальной пропаганды. Существовал довольно широкий спектр мнений в отношении союзников – от абсолютно позитивных, до резко негативных. Иногда неожиданных, иногда – с точки зрения современного историка – весьма обоснованных и рациональных. Конечно, это относится и к сюжетам, связанным с ленд-лизом.

Как ни странно, в отличие от восприятия советским массовым сознанием военных действий на отдаленных театрах войны, где усилия союзников обычно принижались, поставки по ленд-лизу с самого начала воспринимались, скорее, с преувеличенным оптимизмом, даже тогда, когда они еще не играли сколько-нибудь заметной роли в боевых действиях на Восточном фронте или в жизни тыла. Например, известный литературовед Л.И. Тимофеев 5 ноября 1941 г. записал в дневнике: «В Москве как-то приободрились. Говорят о том, что на фронте появились английские танки, что немецкие города мы бомбили на американских летающих крепостях, что если мы выдержим еще пять дней, то Москва устоит, что мы получили много снаряжения, что англичане высадились в Мурманске и т.п. Был какой-то доклад для коммунистов, где тоже было сказано, что снабжение наладилось и уже на нашей территории находятся большие запасы и что нам надо выдержать еще месяц». Конечно, в ноябре 1941 г. поставки по ленд-лизу только начинались, и не могли как-то повлиять на ситуацию на фронте [15]. О том же упоминает в дневнике 27 февраля 1942 г. писатель М.М. Пришвин: успехи Красной армии под Москвой «приписываются огромному числу танков и самолетов на нашем фронте от союзников» [16].

На самом деле под Москвой техники союзников практически не было, и 14 января 1942 г. Тимофеев делает новую запись: «Снаряжение, полученное от союзников, еще не пущено в ход, им овладевают тыловые части» [17]. В этом контексте вступление в войну США в декабре 1941 г. многими было воспринято как угроза для продолжения американских поставок в СССР [18].

Впрочем, вскоре поставленные союзниками военная техника, боеприпасы, продовольствие и т.п. действительно появились в СССР. Главный энергетик Горьковского автозавода В.А. Лапшин в июне 1942 г. записал в дневнике: «Вслед за подписанием договора с Англией опубликовано соглашение с США о помощи материалами, танками, самолетами и пр. Помощь эту мы видим ежедневно у себя. Какие машины собираются сейчас у нас из отдельных собранных узлов… Сколько их собирается каждый день. А какие “Матильды” и “Валентины”

[“Матильды” и “Валентины” (правильнее “Валентайны”) – типы английских танков, поставляемых в СССР по ленд-лизу. – *А.Г.*]. Это реальная помощь» [19].

Поставки продовольствия и обмундирования (независимо от их источника и предназначения все они связывались именно с загадочным, непонятным, но таким иностранным словосочетанием «ленд-лиз») напрямую затрагивали жизнь многих семей. Одни получали продукты, одеяло или отрез серого солдатского сукна, другие на рынке приобретали поношенную американскую или английскую одежду. Как подчеркивает В.Ф. Зима, «для трудного времени это было событие, которое оставалось в человеческой памяти на всю жизнь. Лауреат Нобелевской премии поэт И.А. Бродский в своих записках упомянул о впечатлении, произведенном на него американскими ботинками, которые в войну носил его отец. Через полвека жительница железнодорожной станции Шумиха (Курганской обл.) А.Н. Герасимова на вопрос, что она знает об американской помощи в войну, с ходу заявила, что хорошо помнит, как с самолетов им сбрасывали посылки с консервами и теплыми вещами» [20]. Конечно, в последнем случае речь идет о совершенно сказочном преломлении реальности в массовом сознании. Но то, что подобные легенды, закреплявшие положительный образ союзника, не только возникали, но и существовали весьма долгое время, является весьма показательным.

Не только И.А. Бродский, но и В.П. Аксенов неоднократно упоминал о вещах и продуктах, полученных по ленд-лизу, в своих сочинениях, при этом подчеркнуто выделяя их из общего ряда. Как писал в своих воспоминаниях фантаст Кир Булычев (И.В. Можейко), «не было в мире ничего вкуснее американской консервированной колбасы» [21]. О том же недавно вспоминал известный писатель А.С. Макаров: «американская тушенка, которая попадала в те годы на сиротский российский стол, вызывала к союзникам хоть и насмешливое (вот вам и второй фронт!), но благодарно теплое отношение. И если первый в жизни автомобиль, в котором тебе с замиранием от счастья сердцем удалось прокатиться, был американским грузовым “студебеккером”, забыть его не заставят никакие политические ссоры и обиды… И наконец, самое главное, дело было не в размерах ленд-лиза, не в сопоставлении пролитой крови с консервами и яичным порошком, а в сознании, что мы не одни в этом мире лицом к лицу с безжалостным врагом, что огромное количество людей нам сочувствует и молится – за нас и на нас» [22].

Можно только предполагать, в какой степени воспоминания о ленд-лизе, а также попавшие таким образом в СССР книги и фильмы повлияли на последующие политические, социальные, культурные предпочтения послевоенного поколения, но само наличие такого влияния сомнению не подлежит.

Прозванная «вторым фронтом» американская тушенка, яичный порошок, другие непривычные продукты надолго остались в памяти как приметы военного времени. То, что полученное по ленд-лизу продовольствие стало важной частью не просто повседневного быта, но составляющей всей окружающей предметной среды тех лет, помогает наглядно представить фраза из дневника А.И. Пантелеева (январь 1944 г.): «На путях – бессчетное множество банок из-под американской тушенки. И тут же тучи воробьев, клюющих канадскую пшеницу» [23].

Наряду с позитивной оценкой ленд-лиза весьма были распространены высказывания о том, что союзники, поставляя орудие и продовольствие, таким образом как бы откупаются, не желая воевать «по-настоящему». «Все военные и государственные деятели – англичане и американцы – продолжают только восхищаться… А один американский деятель договорился до того, что не для чего американским гражданам проливать кровь, так как русские одни сумеют победоносно закончить войну; им нужна только помощь боеприпасами и продовольствием», – с горечью писал Г.А. Князев 9 марта 1943 г. [24] Как бы отвечая ему, Г.С. Эфрон 29 июня 1943 г. отмечает, что «надо радоваться тому, что союзники – с нами, что они нам поставляют оружие, технику, продовольствие, самолеты и танки, а не заниматься бессмысленной и праздной критикой их бездействия» [25].

Даже гуманитарная помощь союзников в обществе нередко воспринималась в соответствии с существующими стереотипами, как «подарки рабочих и крестьян» США и Великобритании, а порой как товары, закупленные советским правительством [26]. Встречались и такие предположения: в качестве оплаты за него в соответствии с заключенными в годы войны соглашениями «все наши ценности союзники заберут, и мы на них работай» (вариант – «после войны мы пять лет будем работать на Англию и США») или «не попадет ли СССР в кабалу Англии и Америки за их поставки» [27]. Иногда подобные опасения конкретизировались: «Правда ли, что скоро будет съезд союзников Англии, США и СССР, на котором будет решаться вопрос, сколько мы должны вывезти мяса для Америки, и это мясо в скором времени начнут собирать с колхозников?» – спрашивали жители Башкирской области весной 1943 г. [28]. В Смоленской области в мае – июне 1944 г. интересовались, вспоминая, очевидно, о годах Гражданской войны и интервенции: «не придется ли нам воевать с Америкой после войны за то, что мы останемся у нее в больших долгах?» Неудивительно, что крестьяне из колхоза «15 лет ВЛКСМ», говоря о помощи союзников, заявили: «Помогать то они нам помогают, но дорого придется платить потом. Это ж буржуи, и они глядят на свою пользу» [29]. А в мае 1945 г. в Литве «весь Вильнюс» говорил о том, что «Америка забирает весь прибалтийский край сроком на пять лет в счет долгов Советского Союза Америке за оказанную помощь в период войны» [30].

Подводя итоги, можно заметить, что в начале войны, составляя разительный контраст настроениям 1914 г., в отношении союзников преобладало недоверие. Постепенно, впрочем, это отношение начинает меняться. В 1942 г. самым острым был вопрос о втором фронте и отсутствии видимой помощи со стороны союзников. В 1943 г. второго фронта не было по-прежнему, но и на фронте, и в тылу появилось поставленное по ленд-лизу вооружение и продовольствие. В 1944 г. наконец союзники высадились в Нормандии, и в мае 1945 г. встреча на Эльбе явилась безусловным апогеем союзнических отношений.

Примечания:

1. Подробнее см.: Голубев А.В. «Враги второй очереди»: советское общество и образ союзника в годы Великой Отечественной войны // Проблемы российской истории.

Вып. 5. Магнитогорск, 2005. № 5. С. 320–359; Голубев А.В., Поршнева. О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012.
2. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946. С. 16.
3. Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: документальные очерки. М., 2006. С. 36.
4. Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-579. Оп. 3. Д. 21. Л. 10.
5. Лебедев И.П. «Кобры» летят к фронту. Авиационный ленд-лиз в годы Великой Отечественной войны. М., 1992. С. 61.
6. Эфрон Г. Дневники: в 2 т. Т. 2. М., 2004. С. 25.
7. Международное положение глазами ленинградцев. 1941–1945 (Из Архива Управления Федеральной службы безопасности по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области). СПб., 1996. С. 14.
8. Цит. по: Иванов Р.Ф., Петрова Н.К. Общественно-политические силы СССР и США в годы войны: 1941–1945. Воронеж, 1995. С. 197–198.
9. Князев Г.А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб., 2009. С. 895.
10. Поздеева Л.В. Советский Союз: геополитическая дипломатия // Союзники в войне 1941–1945. М., 1995. С. 377.
11. Иванов В.В. Московские тетради. Из дневников военного времени // Дружба народов. 2001. № 8. С. 113.
12. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. М., 2007. С. 310.
13. Наринский М.М., Поздеева Л.В. Взаимные представления: Имиджи, идеалы, иллюзии // Союзники в войне 1941–1945. С. 327.
14. См.: Голубев А.В. Формирование антигитлеровской коалиции глазами советского общества (по дневникам современников) // История в эго-документах: исследования и источники. Екатеринбург, 2014. С. 139–162.
15. Тимофеев Л.И. Дневник. 1941–1945. URL: https://lib.rus.ec/b/358316/read (дата обращения: 15.03.2015).
16. Пришвин М.М. Дневники. 1942–1943. М., 2012. С. 83.
17. Тимофеев Л.И. Дневник. 1941–1945.
18. См., например: Болдырев А.Н. Осадная запись (блокадный дневник). СПб., 1998. С. 25; Из дневника И.Д. Зеленской // Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Р. 3. Оп. 1. Д. 10. Л. 40.
19. Общество и власть. Российская провинция. Т. 3. Июнь 1941 г. – 1953 г. М., 2005. С. 790.
20. Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне 1941–1945 гг. М., 2000. С. 107.
21. Булычев Кир. Как стать фантастом. Записки семидесятника. М., 2003. С. 103.
22. Макаров А. Заветный патриотизм // Известия. 2010. 16 апреля.
23. Пантелеев А.И. Январь 1944 (из старого путевого дневника) // Пантелеев А.И. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. Л., 1984. С. 149.
24. Князев Г.А. Дни великих испытаний… С. 902.
25. Эфрон Г. Дневники… Т. 2. С. 282.
26. См.: Позняков В.В. Внешняя политика трех великих держав и образ союзников в советской пропаганде в годы Второй мировой войны. 1939–1945 гг. // Ялта. 1945. Проблемы войны и мира. М., 1992. С. 175.
27. Международное положение глазами ленинградцев… С. 124; Советская пропаганда… С. 678–679.
28. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 88. Д. 255. Л. 126.
29. Советская пропаганда… С. 703.
30. Lietuvos Ypatingasis Archyvas (Литовский особый архив). F. K-1. Ap. 10. B. 10. L. 193.

С.А. Шпагин

«Невоюющая» сфера Второй мировой войны: ленд-лиз как становление логистики

Любые исторически важные события включают в себя информационное и идеологическое сопровождение на всех стадиях. Особенно это касается проблем войны, разведки [1], формирования нового миропорядка победителями в войнах. В этом смысле влияние последствий Второй мировой войны продолжает ощущаться в «навязанной реальности» процессов XXI в. Речь идет о том, что в мировой политике конца XX и начала XXI вв. закончился «послевоенный» период – реальность, «навязанная» итогами войны и победителями в ней. Весь послевоенный период протекал под воздействием итогов и последствий собственно Второй мировой войны. В «постпослевоенный» период мировая политика развивается уже под влиянием сдвигов, произошедших во всех сферах теперь уже глобального мира, а не намерений вчерашних победителей, чей статус превратился в мишень ревизионистов. Иными словами, мир имеет дело уже не только с последствиями процессов, начавшихся под влиянием двух мировых войн в период с 1918 и до 1990-х гг., а с новыми тенденциями, становление которых вытекает из невоенного контекста прежних, чисто военных усилий мира в годы Второй мировой войны. В этом смысле, фантом Второй мировой войны, ее «невоюющие» факторы и являются «навязанной реальностью». В контексте поставленной проблемы речь идет об объективном продолжении процесса глобализации, становление которой связано с тем, что Вторая мировая война была первой глобальной, в отличие от Первой, только мировой войны. Под глобальностью в данном случае понимаются невоенные процессы, охватывающие весь мир – воюющий и не воюющий, соответственно, объединяя военную и транспортную логистики и выводя их за пределы конкретно-исторического процесса – Второй мировой войны.

Логистика как раз и является одновременно последствием глобальной войны XX в. [2] и условием глобализации в послевоенном мире [3]. Логистика – это не только алгоритм действий, категория мировой экономики и политики, это и категория идеологическая, что делает актуальным анализ ее становления в условиях активного реванша проигравших государств, экономик, социально-политических групп/систем [4]. В некотором смысле мы имеем дело с ситуацией навязывания зеркальной реальности периода до, во время и непосредственно по окончании Второй мировой войны. Зеркальная реальность означает попытку ревизии ее итогов, в том числе и путем монополизации контроля над логистическими схемами, что позволяет сегодня контролировать потоки товаров, услуг, финансов и человеческих ресурсов в ущерб России на основе навязывания иной реальности – характера Второй мировой войны.

Понятие «ленд-лиз», при всей понятной многогранности [5], на уровне его восприятия ассоциируется, прежде всего, с конкретным историческим периодом и в большей степени с дискуссиями о роли поставок в достижении успехов СССР на фронтах и в общем вкладе в материальные условия Победы в целом.

Именно этот аспект ленд-лиза всеми участниками на стадии выработки мотивации и форм реализации, осуществления, последующей оценки и носит идеологически мотивированный характер, сильно мифологизирован и используется до сих пор в информационной войне между Россией и приверженцами политики давления с использованием алгоритма «санкционной логистики».

Напомним некоторые идеологемы, связанные с ленд-лизом: «орудие демократии» (выражение Ф.Д. Рузвельта; как метод – аналог сегодняшней политики «мягкой силы»), занижение масштабов поставок путем фиксации ее в пределах знаменитых 4 % и акцент на низком качестве поставляемой техники (художественный фильм «Выбор цели», 1975). Между тем ленд-лиз как явление мировой экономики и политики, лишь временно связанное обстоятельствами с потребностями ведения военных действий в глобальном масштабе, изначально носил системный характер, преследовавший глобальные цели, выходившие за рамки времени войны и пространства пяти театров военных действий. Фактически это инструментарий зарождавшейся глобализации.

Представление о ленд-лизе как системе помощи разделяется и военными специалистами [6]. Но в данном случае речь идет об элементе будущего миропорядка. Основные его принципы изложены в Атлантической хартии. Этот миропорядок стал реальностью в форме Ялтинской системы международных отношений. Сегодня роль ленд-лиза и сформировавшейся для его реализации логистики становится более понятной. Именно сейчас мы наблюдаем явление «анти-истории»: санкции как отказ в новом ленд-лизе объективному партнеру по поддержанию стабильности в своей «сфере влияния», некий «план Маршалла» за счет ЕС и использование логистики для изоляции России от основных потоков товаров, услуг, финансов и человеческих ресурсов.

Ялтинская система международных отношений, выйдя из тени Второй мировой войны, опиралась на созданную тогда идеологию глобализации в форме понятия «Объединенные нации», большего, чем понятие «Антигитлеровская коалиция». Она опиралась на общие цели в войне и принципы послевоенного глобального мира на основе Атлантической хартии [7], введенной в информационное пространство в самом начале военных действий, предопределив этим идеологизацию мировой политики. Формирующаяся по итогам мировой войны будущая глобализация закреплялась первыми международными институтами (ООН, Бреттон-Вудская система, «план Маршалла» и т.д.), соответствующими международно-правовыми нормами и сложившейся в ходе осуществления поставок по ленд-лизу логистикой, приобретавшей адекватный обстоятельствам новый вид.

Важно отметить, что понятие «логистика» возникло довольно давно [8]. В данном случае важно, что еще раньше, чем в сфере науки [9], понятие логистики использовалось именно для описания снабжения армии и организации работы тыловых служб [10]. Участие США в Первой мировой войне придало логистике трансатлантический характер [11], создание мировой колониальной системы и последующее вовлечение «заморских» территорий в две мировые войны также способствовали востребованности логистики как инструмента глобализации.

В данной статье речь идет о взаимосвязи логистики и ленд-лиза, поэтому обратимся к фактам конкретно-исторического характера. Вторая мировая война изначально мотивировалась экономическими и идеологическими компонентами. Что это предполагало? Борьба за жизненное пространство или за мировое господство – это традиционная борьба за ресурсы. Но новый момент состоял в том, что подготовка, ведение войны и последующие декларированные проекты миропорядка носили глобальный характер. Это означает, что в ходе этих процессов были задействованы страны и ресурсы, требующие быстрого, надежного и экономичного перемещения, что невозможно без логистики глобального уровня. Неважно, речь идет о поставках материалов союзникам, использовании ресурсов колоний или ограблении оккупированных стран. Глобальный характер Второй мировой войны изначально должен был опираться на инструментарий, который обречен был пережить ее и созданный на ее основе миропорядок. Логистика и есть самый яркий пример этому. Зародившись в глубокой древности у различных, в том числе и неевропейских народов, она стала самодостаточным компонентом науки и практики [12] и учебной дисциплины [13].

В ходе осмысления характера приближавшейся войны, следовавшего за ней мира и будущих войн политики усвоили важность наличия запасов сырья, контроля над ним и его безопасных поставок для экономик основных акторов мировой политики. Это привело уже в ходе войны к важным изменениям. Произошли изменения в структуре национальных экономик – рост топливно-энергетического сектора. В СССР эти изменения оказали сильнейшее влияние на многие сферы жизни и статус страны.

Замена угля нефтью и газом привела к изменениям в мировой экономике и политике, включая превращение ряда колониальных и зависимых стран в нефтедобывающих игроков. Контроль над нефтепотоками в биполярном мире превратил для них логистику из экономического понятия в инструмент выбора выгодной сверхдержавы в качестве партнера-донора. Старая Европа «угля и стали» выработала свой вариант региональной логистики и, не без давления последствий Второй мировой войны и необходимости рассчитываться по долгам с США, региональную интеграцию, вступающую в некоторое противоречие с глобализацией.

Переход к транспортировке жидкого топлива вместо твердого привел к сокращению доли железнодорожного транспорта и появлению новых видов передвижения [14]. И это при том, что традиционно основным видом транспорта на Руси был морской, а изменения в логистике были связаны с вынужденным принятием опыта кочевников. Поставки по ленд-лизу оказали важное влияние на транспортную логистику и привели к разработке новых маршрутов, совершенствованию транспортных средств, логистического сопровождения.

Логистическое сопровождение проходило в специфических условиях не только войны, но и различий между странами, принадлежавшими к альтернативным социальным системам, что предопределило ее специфический характер в биполярной системе мировой политики. Это и есть тот идеологический аспект, о котором речь шла ранее. Так что логистика начинает выступать и как

инструмент конвергенции полярных сверхдержав ради сохранения статус-кво, и как инструмент глобальной конфронтации.

В этом смысле важно объяснение Иоахимом фон Риббентропом причин поражения Германии: оказавшееся неожиданно упорным советское сопротивление; масштабные поставки вооружений и техники из США; успехи западных союзников в борьбе за господство в воздухе. Все они взаимообусловлены и связаны с использованием инструмента ленд-лиза как сильного внешнего фактора, влияющего на усиление взаимосвязи транспортной и военной логистики [15].

Война способствовала прорывам в НИОКР, быстрому и эффективному их внедрению в практику и главное – принудительному международному сотрудничеству. Ленд-лиз работал на успех в войне и характер победы. Этим целям подчинено все остальное.

Логистика затрагивает все аспекты суверенитета участников глобальных отношений тогда и тем более сегодня. Соответственно, ленд-лиз и сопутствующие ему формы логистики изначально сопровождались серьезной международно-правовой деятельностью [16]. Речь идет не только о национальном законодательстве, двух [17] и многосторонних соглашениях и обязательствах, но и об обмене статистикой и конфиденциальной информацией, что предполагает очень высокий уровень доверия и тесные межведомственные [18] и межотраслевые связи на всех уровнях. Вопросы логистики обсуждались в контексте стратегии союзников в ходе многочисленных саммитов [19], что подчеркивало важность сохранения отношений после победы даже «подвижками» в плане суверенитета.

Пространственный аспект логистики периода ленд-лиза – наличие дорог, складов, баз – в условиях России не выглядел простым. Необъятные пространства, отсутствие дорог и суровые морозы создавали проблемы не только для вермахта, но и для поставок по ленд-лизу. Даже сегодня итоговый логистический индекс Российской Федерации составляет 2,41 (95-е место, рядом с Гвинеей-Бисау и Того) [20]. Но глобальный характер поставок по ленд-лизу способствовал индустриализации всего мира, включая колониальные и зависимые страны, преодолевались пространство, климатические трудности и низкая квалификация трудовых ресурсов.

Текущие оплаты поставок формировали валютно-финансовую составляющую логистики, формируя будущую Бреттон-Вудскую систему и роль доллара как резервной валюты. Масштабные поставки по ленд-лизу изменили характер человеческого фактора и людских ресурсов, начиная с прямых контактов, обучения языкам и западным технологиям и заканчивая перемещением огромных масс людей по всему миру [21].

Общий урок для послевоенного мира – ни одно государство не может продолжать находиться в полной изоляции и ни одну державу с мировым статусом невозможно надолго изолировать без ущерба для глобальной логистики. Этот урок непререкаем, как и безопасность всех игроков на мировой арене. Глобализация и взаимозависимость государств, в том числе и в рамках глобальной логистики, делает неэффективной в долгосрочном плане политику изоляции

такого игрока, как Россия. Ограничения суверенитетов национальных государств с помощью глобальной логистики должны конвертироваться в право на участие в формировании правил игры. В этом смысле важнейший компонент мировой политики и экономики – взаимное доверие, закрепленное паутиной логистических схем глобального характера, поскольку логистика затрагивает суверенитет ее участников. Даже послевоенные конфликты порождали специфические формы логистической взаимозависимости, такие как «воздушные мосты», зародившиеся во время блокады Берлина и реанимированные в период конфликта в Йемене, поставки зерна в СССР в годы холодной войны.

Примечания:

1. Плэтт В. Информационная работа стратегической разведки. Основные принципы. М., 1958.
2. Показательно, что в англоязычной статье Вторая мировая война определяется и как мировая, и как глобальная. См.: Second World War. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/World_War_II (дата обращения: 12.04.2015). В то время как в русскоязычной статье «это война двух мировых военно-политических коалиций». См.: Вторая мировая война. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Вторая_мировая_война (дата обращения: 10.03.2015).
3. Глобализация. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Глобализация (дата обращения: 07.02.2015). В большинстве публикаций о глобализации упор делается на превращение мировой экономики в единую глобальную систему без упоминания роли логистики. См.: Глобализация мировой экономики. URL: http://www.grandars.ru/college/sociologiya/globalizaciya.html (дата обращения: 14.04.2015).
4. Парламент Украины отказался от термина Великая Отечественная война. URL: https://news.mail.ru/politics/21670781 (дата обращения: 18.04.2015).
5. Ленд-лиз. URL: https://slovari.yandex.ru/ленд-лиз/правописание (дата обращения: 07.07.2014).
6. В современных словарях доминирует формальное определение термина ленд-лиз, фактически перевод с английского слов, составляющих это понятие – «Передача взаймы или в аренду вооружения, продовольствия и т.п.». Там же (дата обращения: 12.03.2015).
7. Во время Второй мировой войны система помощи США странам антигитлеровской коалиции, предусматривавшая передачу взаймы или в аренду вооружения, боеприпасов, продовольствия и т.п. См.: Толковый словарь иноязычных слов. М., 2008; Баранов А.Е. Ленд-лиз. Северные конвои. Стратегическое значение. URL: http://mil.ru/winner_may/allied_troops/more.htm?id=12008558@cmsArticle&_print=true (дата обращения: 08.06.2014); Атлантическая Хартия. URL: http://www.grinchevskiy.ru/1900-1945/atlanticheskaya-hartiya.php (дата обращения: 12.06.2013).
8. Гастев Ю.А. Логистика. URL: http://slovari.yandex.ru/логистика/правописание (дата обращения: 04.08.2012).
9. См.: Черч А. Введение в математическую логику. М., 1960.
10. Логистика. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Логистика (дата обращения: 04.10.2014).
11. Для приема воинского контингента и военных грузов США построили на территории Италии к 1918 г. железнодорожные пути, почти равные протяженности всех железных дорог страны.
12. Наглядный пример – журнал «Логистика. Специализированный научно-практический журнал». Издается ежемесячно с 1997 г. URL: http://www.logistika-prim.ru (дата обращения: 07.11.2013).
13. Алесинская Т.В. Основы логистики. Общие вопросы логистического управления. Учебное пособие. Таганрог, 2005.

14. Доля железнодорожного транспорта в общем грузообороте транспортной системы страны в 1940 г. достигла максимума и составляла 86,6 %. С тех пор неуклонно сокращалась. См.: Сулакшин Т.С. Динамика производства и перевозок основных видов промышленной продукции железнодорожным транспортом России // Проблемы анализа и государственно-управленческое проектирование. 2012. Т. 5. № 2 (22). С. 128.
15. Выступление И.В. Сталина по радио 3 июля 1941 года // Правда. 1941. 3 июля.
16. В известном выступлении И.В. Сталина представлены фактически задачи внутренней схемы военной и транспортной логистик, совместимой с международной: «Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное пополнение ее рядов, обеспечить ее снабжение всем необходимым, организовать быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым». См.: Выступление И.В. Сталина по радио 3 июля 1941 года.
17. Документы ленд-лиза на сайте Йельского университета. См.: Yale University. Lillian Goldman Law Library. URL: http://avalon.law.yale.edu (дата обращения: 01.03.2014).
18. Показатель уровня регламентации транспортной логистики в РККА: «Руководство для бойца пехоты. Глава 3. Перевозки по железной дороге и на автомобилях». URL: http://www.rkka.msk.ru/rbp/rbp14.shtml (дата обращения: 07.05.2014).
19. Термин «саммит» – встреча в верхах – появился в это время.
20. Демин В.А. Что такое логистика? URL: http://www.ec-logistics.ru/logistika.htm (дата обращения: 07.02.2015).
21. Agreement Relating to Prisoners of War and Civilians Liberated by Forces Operating Under Soviet Command and Forces Operating Under United States of America Command; February 11, 1945. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/sov007.asp (дата обращения: 08.07.2014).

В.А. Невежин

Дипломатические приемы в Кремле 1941–1945 гг. и вербальная коммуникация союзников

Дипломатические приемы (банкеты) И.В. Сталина в честь союзников по антигитлеровской коалиции 1941–1945 гг., которые проводились в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца, можно рассматривать не только как официальные протокольные мероприятия, но и в качестве одного из каналов межкультурной коммуникации. Основным видом ее является речевое (вербальное) общение, из которого, как правило, на три четверти состоит взаимодействие между людьми. Именно благодаря вербальной коммуникации они имеют возможность обмениваться мыслями, делиться информацией, проявлять эмоции [1].

С этой точки зрения несомненный интерес представляет содержание застольных речей (тостов и здравиц), которые произносились во время дипломатических приемов в Кремле в честь представителей союзных держав. Являясь составным элементом церемониала и в то же время – средством вербальной коммуникации, они позволяют в определенной степени судить о специфике восприятия советским руководством, лично И.В. Сталиным текущих военных

и политических событий, перспектив послевоенного устройства мира, выявляют оценки советским вождем личных качеств представителей стран антигитлеровской коалиции.

После нападения Германии на СССР (22 июня 1941 г.) международное положение страны коренным образом изменилось. Советский Союз превратился в основного военно-политического партнера великих держав – Великобритании и США, а также других стран (в том числе – оккупированных Германией), составлявших антигитлеровскую коалицию. Настоятельная необходимость координации военной, политической и дипломатической деятельности союзников, конечной целью которой являлось достижение победы над общим врагом, потребовала постоянного обмена мнениями между руководителями союзных стран. Москву с официальными визитами часто посещали политические лидеры, военные деятели, дипломаты, представлявшие антигитлеровскую коалицию. Как правило, подобные визиты завершались дипломатическими приемами в Кремле. Всего за 1941–1945 гг. было проведено около 30 подобных застолий. Сталин обладал необходимой легитимностью (4 мая 1941 г. он занял пост главы советского правительства) для организации этих банкетов.

И.В. Сталин был родом из Грузии. А для грузинского застолья, как отмечал Г. Гачев, характерна философия тамадизма (от существительного «тамада» – хозяин, ведущий стола). Во время грузинского застолья, по выражению исследователя, в тостах и здравицах, особенно со стороны тамады, допустимы «беспардонное ласкательство» и «гиперболическое восхищение» в адрес гостей [2]. Сталин в основном придерживался подобного обычая. Однако, будучи прагматичным политиком, он своеобразным образом сочетал русскую и грузинскую застольные традиции (с присущим обеим обилием комплиментарных тостов и здравиц).

Вместе с тем отношения между И.В. Сталиным и главами союзных держав и представителями их внешнеполитических, военных ведомств на протяжении войны 1941–1945 гг. не были безоблачными. Не всегда в ходе официальных переговоров обеим сторонам удавалось достичь консенсуса, в результате порой возникали напряженность и определенное недоверие. Следует добавить, что своим поведением на дипломатических приемах в Кремле Сталин иногда стремился продемонстрировать превосходство над присутствовавшими высокими гостями, представлявшими страны антигитлеровской коалиции, переходившее порой в пренебрежение к ним, что, в частности, находило отражение и в содержании сталинских тостов и здравиц, провозглашавшихся на кремлевских банкетах.

Роль основного тамады на дипломатических приемах в Кремле неизменно выполнял народный комиссар иностранных дел СССР В.М. Молотов. И.В. Сталин (возможно, памятуя о грузинских застольных обычаях) также являлся инициатором отдельных тостов и здравиц, формально выступая в роли второго тамады.

Пресс-атташе французского посольства в Москве Ж. Катала, описывая прием в Кремле 9 декабря 1944 г. в честь Ш. де Голля, подчеркивал: «Грузинские тосты – целое искусство. Их произносит специально приглашенный за празд-

ничный стол человек – тамада. У тоста, как у всякой литературной формы, свои правила: он должен долго вертеться вокруг да около, и имя того, в чью честь он произносится, звучит в последний момент. Сталин следует этим правилам [выделено мною. – *В.Н.*]» [3].

Так или иначе, на каждом из банкетов в Кремле 1941–1945 гг. с участием И.В. Сталина провозглашалось несколько десятков тостов и здравиц. Например, американский дипломат А. Гарриман свидетельствовал, что на приеме в честь участников Московской конференции представителей союзных государств (1 октября 1941 г.) прозвучало 32 здравицы [4]. Личный представитель президента США У. Уилки насчитал 53 тоста, после которых хозяева и гости, присутствовавшие на дипломатическом приеме в его честь (25 сентября 1942 г.), «до дна» осушали свои бокалы [5].

Говоря о содержании здравиц, провозглашавшихся на дипломатических приемах в Кремле, необходимо отметить следующее обстоятельство. В первую очередь, они были призваны продемонстрировать радушное отношение к представителям союзных держав. Так, на банкете 1 октября 1941 г. в числе других тостов (за Красную армию и за союзнические войска, за грядущую победу над Германией и за важную роль в ней военной техники) советский лидер счел необходимым провозгласить и здравицу в адрес американских пилотов, доставивших членов официальных делегаций Великобритании и США в Москву для участия в первой межсоюзнической конференции [6].

На приеме по случаю прибытия в СССР премьер-министра польского правительства в изгнании генерала В. Сикорского (4 декабря 1941 г.) В.М. Молотов именно его удостоил первого тоста. Затем последовала застольная речь И.В. Сталина, которая, несмотря на имевшиеся советско-польские противоречия, показалась генералу В. Андерсу в целом дружелюбной [7]. Пресс-атташе польского посольства К. Прушински аналогичным образом излагал содержание этого сталинского тоста. Советский вождь выпил за своих гостей, генерала В. Сикорского и его соратников, «за их успех, за честь славной польской армии и за освобождение Польши от врага». «Польша после этой войны станет более могущественной, чем когда-либо ранее», – заверил И.В. Сталин [8].

На банкете 25 сентября 1942 г. советский лидер, приветствуя У. Уилки как почетного гостя, предложил среди прочего выпить «за встречу американских, английских и советских армий в Берлине» [9]. По свидетельству Ш. де Голля, на банкете 9 декабря 1944 г. И.В. Сталин вначале высказал теплые слова в отношении Франции и сделал комплимент ее лидеру. Последний отвечал, произнеся «подобные слова», касавшиеся советской России и И.В. Сталина. Затем Сталин приветствовал США и президента Ф.Д. Рузвельта, Англию и премьер-министра У. Черчилля и далее внимательно выслушал ответы присутствовавших на банкете представителей этих союзных держав. Наконец, он отдал дань уважения министру иностранных дел Временного правительства Франции Ж. Бидо и начальнику Штаба национальной обороны А.П. Жуэну, а также французским летчикам, служившим в полку «Нормандия – Неман» [10].

Самые разнообразные здравицы провозглашались на приеме в честь премьер-министра Великобритании У. Черчилля (18 октября 1944 г.). Согласно

дневниковой записи присутствовавшего на нем народного комиссара танковой промышленности СССР В.А. Малышева, И.В. Сталин дал возможность представителям союзной Великобритании проявить себя в роли тостующих: «…г. Черчилль произнес тост за т. Сталина и сказал: "Я пью за здоровье рабочих и солдат объединенных наций и пью за здоровье маршала Сталина, за рабочего и солдата, которых он объединяет в своем лице". Иден, провозглашая тост за т. Молотова, сказал, что он, Иден, уже 4-й раз в Москве, в то время, когда Молотов был в Лондоне только один раз. Он приглашает Молотова в Лондон и будет рад видеть его председателем конференции в Лондоне» [11].

В дневнике В.А. Малышева особое место уделено описанию приема 9 декабря 1944 г. По свидетельству Малышева, в начале банкета И.В. Сталин произнес тост за своего «друга с неукротимым нравом – Черчилля». Советский вождь также провозгласил здравицу в честь командира полка «Нормандия – Неман» подполковника П. Пуйяда (и даже выпил с ним на брудершафт) [12].

На этот момент обратили внимание и французские очевидцы. Однако они по-разному пытались объяснить происходящее. Так, Ж. Катала вспоминал, что сразу же после тоста за Д.М. Кагановича, одного из своих соратников, И.В. Сталин заявил следующее: «Много говорят о героизме в нашей стране. Да, конечно, это так. Однако есть герои, стоящие особо. Я хочу сказать о летчиках полка "Нормандия – Неман"». Затем он обратился к подполковнику П. Пуйяду, сидевшему рядом с Ж. Катала. В ответ на здравицу в честь «храбрецов», летчиков этого авиаподразделения, Пуйяд встал со своего места. Сталин также поднялся и, обойдя стол, пошел к нему навстречу. Конец этой сцены, согласно воспоминаниям Катала, выглядел следующим образом: «Они осушили бокалы шампанского, затем Сталин обнял Пуйяда и поцеловал его по старой русской традиции». Именно в таком духе Ж. Катала разъяснял П. Пуйяду, когда тот вернулся к своему столу, смысл сталинского жеста. Катала уверял героического летчика, что отныне тот может обращаться к Сталину на «ты» [13].

Несколько иначе выглядел этот эпизод в интерпретации писателя-коммуниста Ж.-Р. Блока, который, по его словам, на приеме 9 декабря 1944 г. обладал особым статусом: «…имел честь быть одним из гостей или даже единственным гостем, помимо официальных представителей, как со стороны Франции, так и со стороны СССР и союзников» [14]. Блок утверждал, что в середине застолья, когда уже было провозглашено двенадцать или даже пятнадцать тостов, перед глазами его участников предстала следующая картина. И.В. Сталин, попросив слова у В.М. Молотова, заявил: «…хочу выпить за здоровье человека, представляющего здесь то, что мы больше всего ценим во Франции, ее бойцов против фашизма, ее фронтовиков, тех, что смешали свою кровь с нашей в борьбе против общего врага, тех, кто завоевал любовь и уважение наших бойцов своей доблестью, мужеством, скромностью, я пью за здоровье командира полка французской истребительной авиации "Нормандия – Неман"». Вслед за этим, по словам Ж.-Р. Блока, присутствовавшие на приеме «увидели нечто поразительное»: «Сталин встал со своего места и, пройдя вдоль огромного стола до середины, подошел к подполковнику Пуйаду, но вместо того, чтобы попросту чокнуться с ним, как он это делал до сих пор, маршал продел

правую руку под руку французского подполковника, чтобы выпить с ним вместе в таком положении, словно они были связаны друг с другом».

Соседи по столу поспешили пояснить Ж.-Р. Блоку: «Таков грузинский обычай. <…> Этот обычай означает, что двое людей, которые выпили вместе, скрестив руки, связаны до самой могилы и считаются как бы братьями по крови» [15]. Скорее всего, застольными соседями французского писателя (либо им самим) была допущена ошибка в интерпретации сталинского жеста. Ведь традиция пить на брудершафт (а именно таким манером И.В. Сталин и полковник П. Пуйяд осушили свои бокалы) возникла не в Грузии, а в средневековой Европе.

Таким образом, в интерпретации Ж. Катала дружественные действия, которыми И.В. Сталин сопровождал свой тост в честь подполковника П. Пуйяда, объяснялись его приверженностью русским традициям, а в видении Ж.-Р. Блока – мотивировались склонностью к соблюдению грузинских обычаев. Это может служить лишним подтверждением тезиса о том, что сконструированный Сталиным церемониал дипломатических приемов в Кремле являлся своеобразным синтезом русского и грузинского застолья.

Однако И.В. Сталин не только стремился продемонстрировать радушие по отношению к гостям в качестве хозяина-устроителя дипломатических приемов в Кремле в честь союзников. Он не скрывал и своей неудовлетворенности действиями лидеров союзных держав, которые не спешили оказывать действенную помощь Красной армии непосредственно на полях сражений. Это, в частности, находило свое проявление во время дипломатических приемов.

С того момента, когда Красная армия начала одерживать первые существенные победы на германо-советском фронте, И.В. Сталин, чувствуя себя все увереннее, начал демонстрировать определенное равнодушие к тому, как воспринимаются произносимые им и В.М. Молотовым тосты иностранными гостями. Едва ли не первым на это обратил внимание посол Великобритании в СССР Ст. Криппс. На банкете 20 декабря 1941 г. И.В. Сталин уже ощущал роль освободителя Москвы, хозяина положения, который готов взять немцев «измором» даже в одиночку, без участия союзников, в ходе дальнейших боевых действий. По свидетельству Криппса, советский вождь был в прекрасном настроении, свободно передвигался по залу, произносил короткие здравицы в честь своих военачальников, чокался с ними и при этом… мало обращал внимания на присутствовавших английских гостей [16].

А в ходе банкета в честь У. Уилки возникла словесная перепалка между И.В. Сталиным и его американскими гостями по поводу передачи 152 истребителей «Аэрокобра», предназначавшихся для поставки в СССР, но оказавшихся в Великобритании. В ответ на предложение одного из представителей армии США, присутствовавших на приеме, выпить за летчиков союзных стран, Сталин выступил с критикой в адрес западных руководителей (в первую очередь, У. Черчилля), не выполнивших, по его мнению, своих обещаний по поставке боевых самолетов в Россию [17].

Следует отметить, что практиковавшийся И.В. Сталиным и В.М. Молотовым «хоровод тостов» (как назвал наиболее активную с точки зрения вербального общения часть кремлевских дипломатических приемов американский

генерал Дж.Р. Дин) [18] не всегда приходился по нраву иностранным гостям, а порой и просто раздражал их.

Например, внимательные иностранные наблюдатели зафиксировали негативные оттенки того «сценария», по которому развивался дипломатический прием 9 декабря 1944 г. Если верить воспоминаниям советских участников этого банкета, а также присутствовавшего на нем французского писателя-коммуниста Ж.-Р. Блока, И.В. Сталин просто источал радушие и дружелюбие [19]. Однако из описания этого же приема, представленного Ш. де Голлем и сопровождавшими его лицами (в первую очередь переводчиком Ж. Лалуа), открывается иная картина. В их мемуарах преобладают негативные, критические оценки поведения и содержания застольных речей И.В. Сталина. Согласно воспоминаниям Ж. Лалуа, первые здравицы на этом банкете, предложенные В.М. Молотовым, были произнесены главой советского внешнеполитического ведомства так, словно ему хотелось «поскорее отделаться» [20]. В восприятии де Голля, пытавшегося иронически охарактеризовать череду сталинских тостов, все это действо выглядело лишь как «необыкновенная сцена» [21].

Это можно объяснить тем, что, несмотря на упорство де Ш. де Голля в переговорах с советским лидером и даже на попытки оказать на него прямое давление по вопросу о формулировке планировавшегося дипломатического соглашения между СССР и Францией, подобного рода действия не увенчались успехом. И хотя советская сторона не получила всего, что желала на переговорах с французами, однако она сумела добиться определенных уступок. Де Голль согласился направить своего дипломата в качестве представителя при Польском комитете национального освобождения. И.В. Сталин не встречал более неприятного переговорщика, чем лидер освобожденной Франции, а сам Ш. де Голль уехал из Москвы недовольный, так и не оценив двусмысленных тостов своего визави, игравшего «в тирана-преступника», который был готов расстрелять всех дипломатов на свете [22].

Таким образом, изучение дипломатических приемов в Кремле 1941–1945 гг. как своеобразного поля вербальной коммуникации между союзниками по антигитлеровской коалиции дает основание для вывода о том, что приоритет в конструировании характера подобных взаимоотношений принадлежал советскому лидеру. Их основу составлял синтез русского и грузинского застольных обычаев.

Застольные речи (тосты и здравицы) Сталина как по форме, так и по содержанию были нацелены на достижение контакта и взаимопонимания с партнерами по антигитлеровской коалиции. Однако И.В. Сталин прибегал к различным, порой завуалированным способам демонстрации недовольства действиями союзников (особенно это касалось степени их военных усилий), что отражалось, в частности, на содержании тостов и здравиц, произносившихся им на дипломатических приемах в Кремле в честь союзников.

Примечания:

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1998.
2. Гачев Г. Ментальности народов мира. М., 2003. С. 250, 251.

3. Катала Ж. Ни ружья, ни цветка. Мои русские компании // Звезда. 2004. № 5. С. 159.
4. Harriman F. and Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin 1941–1946. N.-Y., 1975. P. 99.
5. Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: документальные очерки. М., 2006. С. 88.
6. Harriman F. and Abel E. Op. cit. P. 99.
7. Невежин В.А. Застольные речи Сталина. Документы и материалы. М.; СПб., 2003. С. 301.
8. Pruszyński K. Noc na Kremlu. Warszawa, 1989. S. 101.
9. Печатнов В.О. Указ. соч. С. 88.
10. Невежин В.А. Указ. соч. Док. № 94. С. 409.
11. Там же. Док. № 92. С. 404.
12. Там же. Док. № 93. С. 407.
13. De Gaulle ou l' éternel défi. 56 témoignages recueillis et présentés par Jean Laucouture et Roland Mehl. Paris, 1988. P. 208.
14. Невежин В.А. Указ. соч. Док. № 95. С. 414.
15. Там же. Док. № 95. С. 415.
16. Ассарссон В. 1941 год. Московский дипломатический корпус в эвакуации // Международная жизнь. 1992. № 1. С. 140.
17. Печатнов В.О. Указ. соч. С. 88.
18. Дин Дж.Р. Странный союз. М., 2005. С. 30.
19. Невежин В.А. Указ. соч. Док. № 93, 95, 98.
20. Laloy J. À Moscou: entre Staline et de Gaulle. Decembre 1944 // Revue des etudes slaves. T. 54. Fasc. 1–2. Paris, 1982. P. 147.
21. Невежин В.А. Указ. соч. С. 409.
22. Ферр М. Семь главных лиц войны, 1918–1945: Параллельная история. М., 2014. С. 241.

И.Б. Орлов

Пропаганда на освобожденных территориях РСФСР: проблемы и пути их решения

Основные работы по исследованию пропагандистской работы на ранее оккупированных врагом территориях появились только после XX съезда КПСС [1]. Однако упор в них делался на организующую роль партии, расширение сети пропагандистских институтов и эффективность пропагандистской работы с населением освобожденных советскими войсками районов. Тогда как трудности (и особенно недостатки) в организации пропагандистских кампаний или обходились стороной, или объяснялись, главным образом, разрушением материально-технической базы и привлечением идеологических кадров для пропагандистского обеспечения действующей армии.

Действительно, на временно оккупированной территории РСФСР было разрушено свыше 17 тыс. школьных зданий, более 4 тыс. библиотек (с книжным фондом порядка 23 млн изданий), свыше 8 тыс. клубов, домов культуры и изб-читален [2]. К середине 1944 г. в районах РСФСР, подвергшихся

нашествию противника, работало лишь 38,8 % довоенной численности коммунистов [3]. Но темпы восстановления пропагандистской ресурсной базы тоже были достаточно велики. Уже к декабрю 1943 г. в освобожденных районах было восстановлено 1066 партийных кабинетов и организовано 65 книжных магазинов. В апреле 1944 г. на освобожденной территории издавалось 28 краевых и областных и 872 районные газеты. В 1943–1944 гг. была в основном восстановлена и радиосеть. В освобожденных районах создавались политические школы-передвижки при сельсоветах и функционировали агитмашины [4]. Всего за годы войны в РСФСР удалось восстановить все избы-читальни на селе, треть клубов и домов культуры, около половины театров и библиотек, почти две трети киноустановок [5].

Конечно, нельзя не отметить в целом ограниченность ресурсной базы для обеспечения эффективных пропагандистских кампаний: недостаточное обеспечение сельской местности радиосетью, дефицит средств информации, бумаги, проблемы с транспортом и недостаток профессиональных пропагандистов. В секретном письме председателя Комитета по делам кинематографии при СНК СССР И.Г. Большакова Г.М. Маленкову, возглавившему Комитет СНК СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от оккупации, «О кинообслуживании населения в освобождаемых от немецкой оккупации городах и районах» от 27 ноября 1943 г. речь шла об отсутствии электроэнергии для киноустановок. Как следствие, население было «лишено возможностей смотреть советские фильмы». В качестве временной меры («до выпуска достаточного количества передвижных электростанций») Большаков предлагал внедрить в производство кинопередвижки, работающие от «ручного привода» [6]. В этих условиях перед пропагандистским аппаратом вставал вопрос, как учитывать в пропаганде советские ценности и одновременно опыт взаимодействия населения с оккупантами? Чем компенсировать недостаток квалифицированных пропагандистских кадров?

Архивные документы свидетельствуют, что трудности в организации пропагандистских кампаний не сводились к скудности материальных ресурсов. Например, даже в 1944 г. острой оставалась проблема квалифицированной корреспондентской сети, в силу чего из вновь освобожденных районов шло очень мало информации, иногда с большой задержкой по времени.

В виду универсальности и многозначности самой пропаганды, очевидно, что советская пропаганда во время Великой Отечественной войны, несмотря на ее основную направленность на мобилизацию сил, выполняла множество функций и транслировала разные идеологические установки. Это можно со всей очевидностью увидеть на примере пропагандистской работы на ранее оккупированных фашистами территориях. В первую очередь специфика этой работы определялась размерами территории, которая была оккупирована войсками вермахта. Так, в РСФСР вражескому нашествию по административному делению 1944 г. подверглись 23 края, области и автономных республики [7]. Подобный масштаб и в ряде случаев длительные сроки оккупации диктовали необходимость «ресоциализации» населения (а в случае с территориями, вошедшими в состав СССР накануне войны, продолжение процесса политической

социализации). Распространялось это и на армию, новое пополнение которой во многом состояло из призывников ранее оккупированных территорий. Так, по подсчетам начальника политуправления 2-го Прибалтийского фронта генерал-майора А.П. Пигунова, на начало 1944 г. в некоторых ротах было до 40 % бойцов из освобожденных районов» [8]. В дальнейшем их удельный вес только повышался. А.С. Щербаков, выступая 15 июля 1944 г. на Совете военно-политической пропаганды о состоянии партийно-политической работы в войсках 2-го Украинского фронта, отметил, что 1/3 пополнения частей фронта – те, кто были в плену и окружении, а также бессарабцы. Так как среди этих людей (особенно крестьян из Западной Украины и Бессарабии) много неграмотных и религиозных, «работа с этим пополнением у нас должна быть организована иначе» [9].

В данном случае пропагандистский аппарат учитывал прежде всего длительность пропагандистской обработки населения. Хотя опыт показывает, что эффективность пропаганды не всегда зависит от временных факторов. Ведь помимо чисто пропагандистского воздействия работает еще целый ряд факторов, как способствующих пропаганде, так и мешающих ей. Современные западные историки признают, что немецкая пропаганда среди населения оккупированных областей РСФСР в годы войны полностью провалилась. И причиной тому была не столько некомпетентность фашистского пропагандистского аппарата, сколько реальные практики оккупационного режима, включая эксплуатацию, депортации и репрессии мирного населения [10].

Изгнание врага с территории СССР началось еще в конце 1941 – начале 1942 гг. С этим совпала первая реорганизация советских пропагандистских институтов. Например, в январе – феврале 1942 г. были созданы межобластные двухмесячные курсы пропагандистов в Свердловске, Куйбышеве, Новосибирске, Ташкенте, Тбилиси и Москве, а в Управлении пропаганды и агитации ЦК партии – 10 мобильных пропагандистских групп [11]. По решению ЦК ВКП(б) в июне 1942 г. при Главном политическом управлении РККА был создан Совет военно-политической пропаганды, куда вошли секретари ЦК А.А. Жданов и А.С. Щербаков, члены ЦК Д.З. Мануильский, Л.З. Мехлис, Е.М. Ярославский и еще ряд партийных работников армии и флота. Помимо Главного политического управления РККА, группы штатных и внештатных агитаторов были созданы при политуправлениях фронтов и округов, политотделах армий и дивизий [12].

Но коренная перестройка пропагандистского аппарата в армии и тылу началась с весны 1943 г. Так, 15–16 апреля 1943 г. Совет военно-политической пропаганды при ГлавПУРе провел Всеармейское совещание работников аппарата политорганов по спецпропаганде. В числе прочего совещание обсудило актуальные вопросы пропагандистской работы в связи с начавшимся изгнанием захватчиков с советской земли [13].

В мае 1943 г. был ликвидирован институт заместителей командиров по политчасти, что означало перенос пропагандистской работы в первичные партийные организации армии и флота. Процесс возрождения партийных комитетов сопровождался увеличением числа межобластных пропагандистских курсов и созданием при всех обкомах партии шестимесячных партийных курсов.

На освобождаемые от немецких войск территории распространялись основные пункты постановления ЦК партии от 17 июля 1943 г. «Об организации политических докладов партийных и советских работников для сельского населения» [14]. Но первое постановление ЦК партии об идеологической работе на освобожденных территориях «О мероприятиях по усилению культурно-просветительской работы в районах, освобожденных от немецкой оккупации» было принято 25 августа 1943 г. [15].

В 1944 г. таких постановлений стало много, но в основном они касались Украины, Белоруссии и репатриантов [16]. Постановление ЦК партии от 27 сентября 1944 г. «Об организации научно-просветительной пропаганды» включало научно-просветительную работу, разоблачение политики врага в области религии и повседневную заботу об освобожденных советских гражданах в общий контекст борьбы партийных организаций с последствиями фашистской оккупации [17].

В 1944 г. при обкомах, крайкомах и ЦК союзных компартий были созданы годичные партийные школы и районные партшколы во всех райцентрах страны. Для повышения квалификации пропагандистов были сформированы годичные республиканские и межобластные школы на Украине, в Белоруссии, Узбекистане и др. В мае 1944 г. при Совинформбюро было создано Бюро по пропаганде на вражеские и оккупированные страны. В конце 1944 г. ЦК партии открыл заочную Высшую партийную школу, а в феврале 1945 г. начала работу Центральная комсомольская школа при ЦК ВЛКСМ. Одновременно в конце 1944 г. – начале 1945 г. во всех областных, краевых и республиканских парторганизациях были организованы краткосрочные курсы по подготовке и переподготовке пропагандистов, руководителей и преподавателей районных партшкол [18].

Освобождение территорий сопровождалось усилением цензурных практик. Так, в письме начальника отдела военной цензуры полковника Берзина уполномоченному СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальнику Главлита Н.Г. Садчикову о предварительной цензуре гражданской печати на освобожденной от противника территории в феврале 1944 г. сообщается об обязанности «военного цензора фронта осуществлять лично или через нижестоящих цензоров предварительную цензуру гражданской печати на освобожденной от противника территории до организации там органов Главлита» [19]. В апреле 1944 г. Садчиков сообщал заведующему секретариатом НКВД СССР С.С. Мамулову об изъятии и уничтожении хранящейся в библиотеках и типографиях фашистской литературы на территории Краснодарского и Ставропольского краев, Воронежской, Калининской, Курской, Ленинградской, Орловской, Ростовской, Смоленской, Сталинградской и Тульской областей [20].

Местное население также оказалось вовлеченным в пропагандистские кампании. В условиях, когда официальная пропаганда не пользовалась полным доверием, рассказы колхозников из оккупированных областей казались более убедительными. Важным маркером настроений населения освобожденных от немцев районов были вопросы, задаваемые членам пропагандистских групп. Вот, например, вопросы, заданные населением освобожденных районов

Ставропольского, Краснодарского краев, Калининской, Орловской, Смоленской, Курской, Ростовской и Сталинградской областей в декабре 1943 г. Часть этих вопросов была напрямую связана с положением и ожиданиями местных жителей. Прежде всего их интересовало военное положение СССР и перспективы завершения войны. Некоторые жители были озабочены вопросом, «не является ли отступление немцев ловушкой» для Красной армии. Негативно реагировали они на участие в боевых действиях необученных призывников и завышенные поставки хлеба с освобожденных территорий. Если коммунистов интересовали вопросы послевоенной чистки партии («останутся ли в партии коммунисты, находившиеся на оккупированной территории»?), то основная масса ждала налаживания мирной жизни и прежде всего помощи государства тем, кто пострадал от оккупантов. Смущало граждан, что некоторые люди, служившие у немцев, продолжали занимать руководящие посты. Часть жителей жаждала выселения из домов вернувшихся во время оккупации кулаков. Другие опасались, что тех, кто работал на немцев, будут выселять в Сибирь. Иногда вопрос поднимался о судьбе мужчин вообще, «которые оставались на оккупированной территории». Вопросов было больше, чем ответов: «Будут ли высылаться из деревень семьи бывших полицейских?», «Что делать с детьми бывших полицейских, которые в настоящее время остались сиротами?», «Что делать с домами, которые были построены лицами, служившими у немцев?», «Что будут делать с теми, которые добровольно уехали на работу в Германию?» и т.п. Жители спрашивали, как им «относиться к тем женщинам, мужья которых в Красной Армии, а они во время оккупации вышли замуж за немцев»? Было неясно, что «будут делать с теми женщинами, которые по собственному желанию вышли замуж за немцев»? Считать ли бездетными женщин, имеющих детей от немцев? И даже как определять национальность ребенка, рожденного от немца?

Остро стоял на освобожденных территориях и религиозный вопрос. И если одних интересовало, «будут ли отпускаться государственные средства на строительство новых церквей», то других волновал вопрос о помещениях школ и клубов, которые «во время немецкой оккупации были заняты под церкви и молитвенные дома». Несколько неудобно чувствовали себя работники отделов пропаганды и агитации райкомов партии, когда к ним за советом приходили священники.

Какую-то часть населения волновали вопросы восстановления национальных праздников, например, масленицы. Другие опасались, что после войны СССР попадет в кабалу «Англии и Америки за их поставки». Звучали даже сомнения в сохранении после войны советской власти: «или же будет такая же власть, как в Америке и Англии»? И, наоборот, некоторых жителей интересовало, «будем ли мы устанавливать советскую власть в Германии»? Или «смогут ли мирно ужиться СССР с капиталистическими странами после разгрома Германии»? [21]

В феврале – марте 1944 г. жителей освобожденных районов Ивановской, Ростовской и Курганской областей продолжали волновать вопросы открытия второго фронта и завершения войны, потерь Красной армии, восстановления

народного хозяйства с возможным привлечением немецких военнопленных. По мере продвижения Красной армии на запад население все больше переориентировалось на более насущные проблемы: возвращение угнанного скота и вывезенного немцами зерна, несвоевременность восстановления колхозов до окончания войны, отрезание прирезанной при немцах приусадебной земли, налаживание торговли товарами первой необходимости и т.д. Хотя многие смотрели с оптимизмом в послевоенное переустройство жизни, некоторые опасались изменений в Конституции 1936 г. «по отношению к гражданам, освобожденным от немецкой оккупации». Впрочем, население не замыкалось на проблемах региона. Жителей интересовала судьба послевоенной Германии и ее союзников, открытие второго фронта в Европе, судьба решений Московской и Тегеранской конференций, грядущие выборы в США, отношения с Японией, перспективы победы социализма в западноевропейских странах и пр. [22].

В ряде случаев сводки Управления пропаганды и агитации не разделяли вопросы, задаваемые населением освобожденных областей и районов, никогда не подвергавшихся оккупации. На основе таких обзоров можно сделать вывод, что вопросы войны и послевоенного мира в равной степени волновали советских граждан вне зависимости от территории проживания. Но можно выделить и круг специфических вопросов, волновавших лиц, переживших немецкую оккупацию. Так, жители освобожденных районов Краснодарского и Ставропольского краев РСФСР в апреле – мае 1944 г. беспокоились прежде всего о судьбе эвакуированного скота, самовольно прирезанных приусадебных участков и угнанной в Германию молодежи, о восстановлении разрушенного жилья, налогообложении («как будут происходить начисления: за все время войны или с момента освобождения из немецкой оккупации»?) и чистке служащих советских учреждений. Их будоражили слухи о том, что населению освобожденных районов не будут давать в течение трех месяцев карточки и зарплату [23].

В конце мая – начале июня 1944 г. Политуправлением 3-го Белорусского фронта была проведена работа по разъяснению приказа Верховного главнокомандующего № 70 от 1 мая 1944 г. об организации салютов в Москве, Ленинграде, Гомеле, Киеве, Харькове, Ростове, Тбилиси, Симферополе и Одессе, в Красненском и Руднянском районах Смоленской области. За 10 дней в 31 колхозе и 1 совхозе 28 политработниками было проведено 25 общих собраний, 318 групповых и 1407 индивидуальных бесед. Выяснилось, что с приказом Сталина «знакома только малая часть колхозников, и то поверхностно». Более того, даже агитаторы ничего не могли рассказать о содержании приказа. Отношение населения наиболее точно выразила одна из колхозниц: «Зачем Вы разъясняете нам какие-то приказы. Вы нам лучше прочитали приказ о мире». Жители не знали даже, что советские войска вышли на государственную границу и ведут бои на территории Румынии. В преобладающем большинстве колхозов не было ни партийных, ни комсомольских организаций, а «имеющиеся коммунисты и комсомольцы-одиночки» никакой политической работы среди населения не вели. Не работали и подавляющее большинство созданных в сельсоветах агитколлективов из местной сельской интеллигенции,

сельсоветского и колхозного актива. Стенная печать в колхозах не выходила, даже там, где были избраны редколлегии.

Неудивительно поэтому, что население было слабо знакомо с текущими вопросами как внутренней, так и внешней политики. В беседах и на собраниях колхозники задавали вопросы о военно-политическом положении СССР, переводя их в привычную практическую плоскость. Выселенных из прифронтовой полосы волновало возвращение домой, обладателей облигаций военных займов – возвращение денег и т.п. Впрочем, находились и те, кого интересовала судьба послевоенной Европы, советско-американские отношения и возможность войны с Японией.

Местных жителей обижало презрительное прозвище «трофейные», которым их наградили бойцы и командиры: «Разве мы виноваты, что попали в оккупацию»? И они имели свой «счет мести» в отношении не только немцев («Русские люди никогда не простят немецким палачам за эти преступления»), но и их пособников: «Наши полицаи больше издевались над нами». Говоря о немецких пленных, население было единодушным: «У нас много пленных немцев, они жрут наш хлеб. Работать их надо заставить день и ночь, пусть строят, что разрушили». Впрочем, высказывались пожелания о привлечении к работам и «женок полицаев».

Работники политуправления фронта особо отмечали факты «нездоровых настроений среди колхозников», к которым были отнесены: сомнения в скорой победе Красной армии; разговоры, что при немцах «жилось в несколько раз лучше», чем при советской власти; нежелание работать в колхозе. К примеру, колхозница П. из колхоза имени К.Е. Ворошилова заявила: «Зачем обратно создали колхозы, оставили бы так, как было при немцах. И мы бы были сыты, и государству бы хватило, а то работаем, работаем, а получать будет нечего» [24].

В письме Г.Ф. Александрова и М.Т. Иовчука о восстановлении пропагандистской работы в Крыму, направленном А.А. Жданову 19 июля 1944 г., наряду с констатацией, что «попытки немцев в Крыму привлечь на свою сторону интеллигенцию терпели крах», признавалось, что «немецкая оккупация, при которой культивировались и поощрялись спекуляция, взяточничество, мародерство, унижение и т.д., оставила определенные следы в психологии людей». В результате отдельные группы людей «заметно опустились, растеряли многие качества советского человека, забыли о социалистическом отношении к труду, отвыкли от сознательной дисциплины и честного соблюдения государственных законов». На повестку дня встал вопрос «о восстановлении социалистического сознания людей, о возрождении стахановских методов работы и социалистической дисциплины труда». Но в восстановленных парткабинетах и библиотеках катастрофически не хватало партийно-политической литературы периода Отечественной войны. «Неудовлетворительными темпами» шло восстановление радиосети в Крыму. После освобождения полуострова не было организовано ни одного массового показа кинокартин, отражавших борьбу советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Ощущался «острый недостаток» кадров штатных пропагандистов, лекторов, консультантов в райкомах и горкомах и редакторов газет. Почти полное отсутствие

информации о военно-политических и международных событиях (если не считать партизанских листовок) породило целый шквал вопросов, подпитывавшихся слухами о роспуске колхозов и отдаче советской промышленности союзникам в счет уплаты за их помощь и т.п. [25].

Таким образом, органы пропаганды осознавали негативный эффект от немецкой оккупации (особенно продолжительной по времени), в том числе благодаря выявлению настроений населения. Однако в условиях недостатка ресурсов (прежде всего квалифицированных кадров) пропагандистская работа на освобожденных территориях РСФСР принимала характер периодических кампаний. Кроме того, мобилизационные задачи все больше уступали место целям «ресоциализации» населения этих районов. И, наконец, основной упор делался на пропагандистскую обработку армейского пополнения из бывших оккупированных областей. Правда, и здесь не обходилось без накладок, когда местные партийные органы надеялись на армейских политработников, а последние исходили из того, что политическая работа с призывниками уже проведена на местах. Даже к концу войны сохранялись бюрократизация и борьба ведомств в пропагандистской сфере.

Примечания:

1. Кондакова Н.И. Идейно-политическая работа Коммунистической партии в освобожденных районах РСФСР (1941–1945 гг.). Воронеж, 1971; Комков Г.Д. Идейно-политическая работа КПСС в 1941–1945 гг. М., 1965; Юденков А.Ф. Политическая работа среди населения оккупированной советской территории (1941–1944). М., 1971 и др.
2. Кондакова Н.И. Идейно-политическая работа Коммунистической партии среди населения районов РСФСР, освобожденных от немецко-фашистской оккупации (1941–1945 гг.): автореф. дис… д-ра ист. наук. Л., 1972. С. 26.
3. Там же. С. 15.
4. Там же. С. 18, 25.
5. Там же. С. 27–28.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 214. Л. 142.
7. Кондакова Н.И. Идейно-политическая работа Коммунистической партии среди населения районов РСФСР… С. 6.
8. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 8127. Оп. 1. Д. 33. Л. 118.
9. РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 972. Л. 5–6.
10. Chiari B. Alltag hinter der Front. Besatzung, Kollaboration und Widerstand in Weißru ßland 1941–1944. Düsseldorf, 1998; Berkhoff K.C. Harvest of Despair. Life and Death in Ukraine Under Nazi Rule. Cambridge; London, 2004.
11. Горячева В.М. Агитационно-пропагандистская работа партийных организаций тыла в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: автореф. дис… канд. ист. наук. М., 1954. С. 10; История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945: в 6 т. Т. 2 (июнь 1941 – ноябрь 1942 г.). М., 1963. С. 566; Комков Г.Д. На идеологическом фронте Великой Отечественной… М., 1983. С. 100.
12. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945: в 6 т. Т. 3 (ноябрь 1942 – декабрь 1943 г.). М., 1964. С. 224; Т. 6. Итоги Великой Отечественной войны. М., 1965. С. 355.

13. Партийно-политическая работа в советских Вооруженных силах в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 1963. С. 542.
14. Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). М., 1947. С. 462.
15. Там же. С. 468.
16. Там же. С. 486.
17. Там же. С. 475.
18. Горячева В.М. Указ. соч. С. 9–10; Комков Г.Д. Указ. соч. С. 123, 124, 151–152, 162; История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 3 (ноябрь 1942 – декабрь 1943 г.). С. 226; Т. 4. 1944 год. М., 1962. С. 631; Т. 6. Итоги Великой Отечественной войны. С. 357.
19. ГАРФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 291. Л. 29.
20. Там же. Д. 290. Л. 18.
21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 242. Л. 1–7.
22. Там же. Л. 8–13.
23. Там же. Л. 14–20.
24. Там же. Д. 235. Л. 66–80.
25. Там же. Д. 242. Л. 93–98.

И.М. Есип

Вклад советского тыла в Победу и советская модель гендерного равенства: трансформационные процессы и жизненные реалии

Современное сознание и социальное поведение женщин на постсоветском пространстве во многом сформировались под влиянием политики советского руководства и идеологии сталинизма. Сталинизм как командно-административная система включал в себя не только определенную систему хозяйствования, но и определенную идеологию, методы воздействия на народные массы. Они имели целью создать в каждом человеке особое миропонимание и мироощущение, которые приводили к необходимым изменениям отношений между различными социальными группами, выгодным для построения «светлого будущего» великой коммунистической державы.

В результате в СССР сложилось свое, особое представление о процессе женской эмансипации, которое соответствовало, в первую очередь, потребностям Коммунистической партии и Советского государства. Была сформулирована своя, особенная советская политическая модель гендерного равенства женщин, которая нашла отражение в заложенном идеологическом фундаменте, была воплощена в политике и практике Советского государства, вылилась в трансформирующее изменение идеологии, быта, жизни и сознания советских людей. Данную модель можно рассматривать в нескольких плоскостях ее создания, формирования и существования: в историко-идеологическом обосновании, в первых практических шагах по воплощению данной политики в жизнь, в законодательно-правовой, экономической, социально-политической, агитационно-пропагандистской и культурно-просветительской сферах деятельности государства, в повседневно-бытовых практиках советских людей.

Период Великой Отечественной войны в этом отношении наиболее показателен. В годы войны практическая реализация советской модели гендерного равенства нашла свое отражение в экономической и социально-политической сферах деятельности государства. Когда на фронт были брошены все силы и средства, а для достижения поставленных государством задач мобилизованы все людские ресурсы, женщины стали широко привлекаться даже в те отрасли производства, где ранее их труд был минимальным, а порой и вообще запрещенным.

Еще в 1932 г. постановлением Наркомата труда СССР был утвержден список особо тяжелых и вредных работ и профессий, к которым не допускались женщины. В соответствии с ним женщинам были запрещены определенные виды занятости в металлургической, металлообрабатывающей, химической, кожевенной, текстильной, бумажной, полиграфической промышленности, на транспорте, в строительстве, коммунальном хозяйстве. В этом же году было принято и постановление «О предельных нормах переноски и передвижения тяжестей взрослыми женщинами». Но в конце 1938 г. в связи с международной обстановкой список постановлением СНК СССР был существенно сокращен и женщины стали активно привлекаться к тяжелым физическим работам [1].

С началом войны на данные постановления вообще перестали обращать внимание. Лозунг «Все для фронта, все для Победы!» стал своеобразным оправдательным документом. Государственная политика по решению «женского вопроса» в этот период была направлена в первую очередь на решение экономических вопросов, и женщина рассматривалась лишь как объект мобилизационной политики. Но такая позиция государства приводила к определенным последствиям и изменениям, которые можно сформулировать в следующих тезисах.

1. Глубокие социально-экономические перемены, происходившие в обществе в 1930–1940-е гг., привели к структурным переменам в производственной занятости населения, привлечению женской части общества в общественно-производственную сферу. Это послужило объективной базой формирования новых социальных отношений. Участие в общественном производстве обеспечивало женщине определенную экономическую независимость от мужчины и материальную основу фактического равенства полов, создавая предпосылку для ее самоутверждения и самовыражения.

2. Но значительная замена мужчин на производстве не всегда давала желаемые результаты. Политика массового привлечения женщин в производство сочеталась с низким фактическим уровнем их социальной защиты, а отсутствие целевого профессионального обучения приводило к снижению качества выпускаемой продукции, невыполнению норм и плановых заданий. Да и заработки, на которые рассчитывали женщины и ради чего шли на тяжелые работы, оставались мизерными. «Занимались они [женщины. – *И.Е.*] преимущественно неквалифицированным трудом, а если выполняли ту же работу, что и мужчины, то получали за нее намного меньше» [2].

3. Темпы вовлечения женщин в общественное производство нарастали на протяжении всего периода войны. Однако насколько это отвечало интересам

женской части населения? С одной стороны, женщины стремились трудоустроиться на работу и пополнить семейный бюджет, пусть даже небольшой суммой. С другой, те условия труда, в которых приходилось выполнять ту или иную работу, не отвечали даже элементарным нормам гигиены и безопасности, не говоря об эстетической и культурной ее стороне.

Чувствуя себя равноправными членами общества, женщины работали с большим энтузиазмом, стремились достичь вершин в своей профессии, ставили рекорды ради счастливого будущего. Однако эти старания обернулись для них же негативом, на женщину стали смотреть в 1940-е гг., прежде всего, как на труженицу, а не на хранительницу домашнего очага, мать, продолжательницу рода. При этом широкое участие женщин в сфере производства не решало проблем их общественного полноправия. Большая часть женщин все еще оставалась малообразованной, занимая профессиональные ниши низших квалификаций, на физически тяжелых работах, что, безусловно, сказывалось не только на здоровье самой женщины, но и на последующих поколениях рожденных детей.

4. Формально женщины шли на работу в народное хозяйство добровольно. Но в СССР в этой добровольности содержался элемент организованной принудительности. В этом легко убедиться, если учесть следующее.

4.1. В общем составе населения СССР в 1939 г. женщины составляли более 99 млн чел., т.е. 52 % от общей численности населения страны. На Украине женщины составляли более 21 млн чел., т.е. также 52 % от общего населения республики [3]. Такой численный перевес женщин образовался в результате жесточайшего террора, унесшего в могилу десятки миллионов людей, главным образом, мужчин, и их огромных потерь во время Гражданской войны. Численный перевес особенно был высок среди женщин старше 31 года. Здесь на 100 мужчин приходилось 170 женщин. Понятно, что «излишние» женщины, составлявшие почти 20 млн чел., не имели никаких шансов выйти замуж, устроить свою семейную жизнь и свое домашнее хозяйство. Единственный путь для них оставался в жизни – это работа на предприятиях и учреждениях.

4.2. С другой стороны, в стране даже в 1939 г. лишь 32 % всех женщин проживало в городе, а 68 % – в сельской местности. В Украинской ССР только 34 % женщин проживали в городах, и 66 % женщин составляли сельское население [4]. Но в 1930-х гг. началась плановая индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства. Индустриализация требовала огромного количества рабочих рук, а коллективизация должна была высвободить их из деревни. Чтобы заставить деревенское население идти в город на фабрики и заводы, партия сознательно создала в деревне почти невыносимые условия голода и крайней нищеты. И мужчины двинулись на работу в город на фабрики и заводы. В колхозной деревне остались женщины. И. Сталин говорил: «Женщины в колхозах – большая сила. Держать эту силу под спудом, значит допустить преступление. Наша обязанность состоит в том, чтобы выдвигать женщин в колхозах и пустить эту силу в дело» [5]. И женщины были «пущены в дело». Чтобы жить, они вынуждены были идти на работу в колхозы и, таким образом, тоже пошли в народное хозяйство.

Учитывая нарастание гендерных диспропорций на селе в период коллективизации и стремление правительства привлечь как можно больше женщин к колхозному производству, В.Б. Жиромская отмечает, что в это время «было положено начало феминизации деревни» [6]. Обратившись к анализу гендерного состава работников, занятых выполнением тех или иных производственных операций в сельском хозяйстве 1930-х гг., нельзя не признать справедливость этого утверждения. Даже во второй половине рассматриваемого десятилетия, когда численность мужчин в СССР (в том числе и в деревне) несколько возросла, женщины все равно составляли 65,5 % работников колхозов и совхозов [7], при этом, по крайней мере, две трети из них были заняты ручным неквалифицированным трудом.

4.3. На строительство каналов, дорог, электростанций, фабрик и заводов отправлялось, прежде всего, мужское население, в том числе и мужская молодежь. В необжитых, слабо населенных районах крупного строительства сосредоточилась масса «женихов», в «старых» районах, откуда происходит отлив мужской молодежи, оставалась масса «невест» без всяких перспектив на замужество. Коммунистическая партия использует эту неравномерность в размещении людей и обращается к девушкам с призывом ехать на новостройки и там включиться в состав рабочих и служащих – месить бетон, копать канавы, класть кирпичи, штукатурить и стучать на пишущей машинке. И девушки едут на работу.

4.4. Население городов и рабочих поселков быстро росло. Партия следила за тем, чтобы и в городах не было работоспособных женщин, занятых только семьей и домашним хозяйством. Под воздействием партии вокруг домашних хозяек создавалась атмосфера общественного пренебрежения и даже презрения. В то же время в народном хозяйстве устанавливались настолько низкие ставки заработной платы, что один работник уже не мог обеспечить нормальное существование семьи. Чтобы спасти детей от недоедания, почти все городские женщины трудоспособного возраста тоже вынуждены были пойти на работу. Но заработная плата в разных отраслях народного хозяйства не одинакова. Чем ниже заработная плата, тем большее количество членов семьи принуждены работать и тем меньше приходится иждивенцев на одного работника. А наиболее высокая заработная плата была у металлургов, шахтеров, металлистов. Искусственно созданная материальная нуждаемость семьи гнала женщин в народное хозяйство, и чем выше была материальная нуждаемость семьи, тем больше в ней было работавших женщин.

5. Стержневым фактором, определившим государственную политику в сфере профессионального труда женщин, стали идеологическая концепция о паритетной роли женщины в обществе и экономические интересы государства в условиях роста промышленного производства и становления социалистического строя. Именно участие в производстве явилось решающим условием, определившим социальный статус женщины. В период 1940-х гг. деятельность партийных и государственных организаций была направлена на решение производственных задач, где женщина рассматривалась лишь как объект мобилизационной политики. Истинные же проблемы женщин оставались вне поля

зрения партийного руководства страны, а реальная забота о здоровье будущей матери и подрастающего поколения заменялась лишь красивыми лозунгами нового социалистического быта.

6. Начало Второй мировой, а затем Великой Отечественной войн изменило положение женщин в советском обществе кардинально: теперь они воспринимались той единственной реальной рабочей силой, которая способна заменить ушедших на фронт мужчин. Ситуация усугублялась еще и тем фактом, что с началом военных действий численность рабочих и служащих в народном хозяйстве страны сократилась с 31,2 млн чел. в 1940 г. до 19,8 млн чел. в ноябре 1941 г. [8]. Вследствие этого резко возросла доля женского труда. Еще накануне войны удельный вес женщин в общей численности рабочих и служащих увеличился с 27 % в 1929 г. до 38 % в 1940 г., в том числе: в промышленности – с 28 % до 41 %, в строительстве – с 7 % до 23 %; на транспорте и в учреждениях связи – с 11 % до 24 % [9].

Еще в сентябре 1939 г. женщины выступили с новым призывом занять наравне с мужчинами все ответственные участки народного хозяйства. «Мартен, домна, автомобиль, паровоз, турбина, мостовой кран, электролебедка будут так же послушно подчиняться нам, как и мужчинам», – писали они [10]. И в ответ на этот призыв сотни тысяч женщин пришли в промышленность, на строительство, транспорт, овладев специальностями, которые ранее считались мужскими.

Все это окончательно и привело к формированию советской модели гендерного равенства, усматривавшей в первую очередь равенство физических возможностей полов, что очень рельефно проявилось в годы войны и в первое послевоенное десятилетие.

7. К моменту освобождения от немецко-фашистских захватчиков востока Украины состояние экономики региона было плачевным. Практически все заводы, предприятия и шахты были уничтожены, дороги, коммуникации и мосты взорваны, сельское хозяйство разграблено. По оценке западных экономистов, дистанция в 25 лет – это тот минимальный срок, за который возможно восстановить разрушенное войной. При этом значительная часть трудовых ресурсов, особенно мужчин, погибла на фронтах войны. Советское руководство определило иной срок восстановления экономики страны: за 2–3 года провести основные восстановительные работы и выйти на уровень довоенного промышленного производства, доказав тем самым всему миру превосходство советской социалистической модели ведения экономики.

8. В основе советской модели понимания восстановления экономики лежали не экономические расчеты и программы, а директивные указания с четким требованием выполнения их на местах. При этом абсолютно никто не задавался вопросом: а насколько реальными были эти требования и есть ли возможности, в том числе и людские, для выполнения поставленных задач. Суровая партийная дисциплина и ответственность (а это были не только меры партийного взыскания, но и реальные уголовные наказания вплоть до расстрела) порождали страх на местах и достаточно серьезные рычаги воздействия на население. И женщины становились основной рабочей силой восстановительного процесса, работая в забое, у мартена, на строительстве и ремонте дорог.

9. Мероприятия правительства, хотя и обеспечивали некоторое повышение жизненного уровня женщин, не облегчали применение женского труда на производстве. Они не снимали, да и не могли снять в условиях войны, а затем и послевоенного времени, тех огромных трудностей, с которыми столкнулись женщины в ходе восстановления народного хозяйства региона. Поэтому данные мероприятия носили, скорее, идеологический, моральный характер и никак не изменяли общую картину трудностей, с которыми пришлось столкнуться женщинам, совмещающим обязанности матери и тяжелый физический труд на промышленном производстве. Таким способом советское государство пыталось реализовать гендерные аспекты своей политики, уделив внимание лишь морально-идеологической стороне своей деятельности и практически не изменив ситуации в действительности. В действительности же женщине приходилось нести на своих хрупких плечах не только «груз» обязанностей по воспитанию, кормлению (что становилось в условиях голодных военных и первых послевоенных лет очень актуальным) и содержанию своих семей и детей, а еще и выполнять, и даже перевыполнять производственные показатели на предприятиях региона.

10. Одним из «наивысших» достижений советского равноправия стало использование труда женщин на шахтах, обусловленного не только идеологическим воздействием партийных и советских руководителей, но и экономическими интересами, позволяя в суровые, голодные годы прокормить семью и детей. С другой стороны, морально-психологические принципы заставляли женщин творить подлинные чудеса трудового героизма, при этом они составляли 42 % от общего количества тех, кто работал на шахтах, причем 33,1 % женщин работало в забое [11]. Однако не следует забывать, скольких усилий и здоровья стоили женщинам эти успехи. Часто местные власти забывали о том, что женщине необходимы особые условия труда, а тяжелый физический труд был под силу даже далеко не всем мужчинам. В конечном итоге это губительно сказалось не только на здоровье самих женщин, но и на здоровье будущих поколений.

11. Привлечение женщин для работы в тяжелую промышленность, на железнодорожный транспорт, в сельское хозяйство наглядным образом продемонстрировало практическую реализацию советской политической модели гендерного равенства. Женщины, как правило, уступали мужчинам в рабочем опыте и квалификации, поэтому большинство из них оказывалось на тяжелой физической работе. Но это, очевидно, не беспокоило партию: женщин в стране было больше чем нужно и их физическая перегрузка, вызывавшая ускоренное старение, могла только приблизить страну к нормальному равновесию полов. Но такая политика партии и советского государства являлась пагубной не только для женщин, но и для всего народа.

Однако опыт использования женского труда на тяжелых физических работах в шахте, у мартеновских печей, на погрузке и разгрузке угля в условиях военного лихолетья, когда это действительно было обусловлено целым рядом объективных факторов, переносился в мирное время и представлялся наивысшим достижением социализма, даровавшим женщинам равные возможности с мужчинами. Единственное, что забывалось и замалчивалось, так это то, что

равенство переносилось исключительно в плоскость физических возможностей полов, другие же сферы жизни – управление, руководящие должности на производстве – за крайне редким исключением оставались в «мужских руках». И эта тенденция с каждым последующим годом все больше укреплялась в массовом сознании общества, а идеологическое наполнение советской модели гендерного равенства нашла свое отражение на страницах периодической печати, в художественной литературе, кинематографе.

Так окончательно сформировался тот образ «новой советской женщины», который в предыдущие десятилетия получил не только идеологическое наполнение его содержания, но и подкрепление в виде целого ряда нормативных директив и постановлений, закреплявших эти равные возможности полов. И хотя равенство предполагалось абсолютно во всех сферах социально-политической и экономической жизни советского общества, фактически все выглядело иначе. Лишь производственная сфера главным образом отражала то равенство мужчин и женщин, которое было гарантировано государством. Такая политика была экономически выгодной для советского государства и позволяла решать самые грандиозные задачи в экономике, невзирая на действие экономических законов. Социалистическая модель экономики, основанная на советской модели гендерного равенства полов, только набирала обороты в СССР.

К 1950-м гг. в советском обществе уже сформировалось устойчивое представление о том, что завоевания социализма в решении женского вопроса должны быть преподаны именно так, как это было сделано в СССР в предшествующее десятилетие. Других примеров закрытая и изолированная страна не знала, а эйфория побед еще пока не позволяла усомниться в правильности партийного курса. В СССР еще и не догадывались, какие перемены произойдут через десяток лет – бурные шестидесятые годы станут предвестником не только новой эпохи в истории страны, но и посеют сомнения в вопросах гендерного равенства.

Примечания:

1. Кузнецова Л.Н. Женщина на работе и дома. М., 1980. С. 55.
2. Женщины в СССР: штрихи к портрету. М., 1988. С. 17.
3. Женщины и дети в СССР: статистический сборник. М., 1963. С. 34.
4. Там же. С. 33.
5. Сталин И. Речь на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников. 19 февраля 1933 г. // Правда. 1933. 23 февраля. № 53. С. 1; Сталин И.В. Речь на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников. 19 февраля 1933 г. // Сталин И.В. Сочинения. М., 1951. Т. 13. С. 251.
6. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 170.
7. Там же.
8. Самсонов А.М. Вторая мировая война, 1939–1945 гг.: очерк важнейших событий. М., 1990. С. 192.
9. Морехина Г.Г. Рабочий класс – фронту. Подвиг рабочего класса СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1962. С. 38–39.
10. Правда. 1939. 25 сентября. С. 1.
11. Подсчитано автором по: Государственный архив Донецкой области. Ф. Р-4249. Оп. 3. Д. 95. Л. 1–48. Оп. 2. Д. 43. Л. 6.

Т.В. Лохова

«Все для фронта! Все для Победы!»: всенародная помощь сельского населения Краснодарского края и Адыгейской автономной области

Огромную работу, направленную на всемерное усиление помощи фронту, провели в годы Великой Отечественной войны труженики советской деревни. Несмотря на исключительные трудности, вызванные мобилизацией на фронт наиболее трудоспособной и квалифицированной части мужского населения, привлечением для нужд воюющей армии большого количества транспорта, а также резким ухудшением снабжения села материалами и техникой, в колхозах и совхозах ни на один день не прекращалась напряженная борьба за урожай, за развитие всех отраслей сельскохозяйственного производства, за бесперебойное снабжение фронта и тыла продовольствием, а промышленности – сырьем. Ради победы на фронте колхозники, так же как и рабочие, работали, не считаясь со временем, днем и ночью, используя каждую минуту хорошей погоды. Тысячи женщин сели за штурвалы тракторов и комбайнов, возглавили звенья, бригады, фермы, колхозы.

Трудящиеся Северного Кавказа, национальных республик, краев и областей, самоотверженным трудом создавая военную экономику, вносили свой вклад в укрепление единства фронта и тыла. Помощь фронту выражалась не только в героическом труде рабочих, колхозников и интеллигенции в народном хозяйстве, но и в различных массовых патриотических движениях и начинаниях трудящихся, направленных на изыскание для фронта дополнительных резервов, финансовой, материальной и моральной поддержки, на протяжении всей войны оказываемой советскими людьми своей армии. В первые же дни войны по инициативе самих трудящихся возникло и получило большое развитие патриотическое движение за создание общенародного фонда обороны Родины. Ведение войны требовало огромных средств. Советское правительство в годы войны увеличивало государственные ассигнования на оборону. В 1941 г. они составили 91 500 млн руб., в 1942 г. – 108 400 млн руб., в 1943 г. – 124 700 млн руб. Всего же за годы Великой Отечественной войны прямые военные расходы составили 551 млрд руб. [1].

Уже 29 июня 1941 г., на исходе первой недели войны, «Правда» сообщала о развернувшемся и принявшем колоссальные масштабы патриотическом почине по созданию народного фронта обороны. Всего за четыре года войны добровольные взносы советских людей на нужды фронта составили без малого 100 млрд руб. (по курсу военных лет). В эту сумму не входят, ибо не поддаются объективному исчислению, такие формы помощи армии, как индивидуальные и групповые подарки, посылки и т.п., которые приняли повсеместный и массовый характер во всех регионах страны в этот период.

Осознание того факта, что затраты на войну были несоразмерно высоки, привело к мобилизации всех источников и финансовых средств прежде всего советского крестьянства. Лишь спустя годы после Великой Отечественной

войны была сделана попытка подсчитать примерную стоимость одного дня войны. В масштабе цен, установленных после 1 января 1961 г., каждый день войны обходился примерно в 364 млн руб. [2]. Всего же за период с 1 июля 1941 г. по январь 1946 г. расходы, связанные с запросами только наркоматов обороны и Военно-морского флота, составили 55,1 млрд руб. (около 52,2 % всех расходов государственного бюджета за этот период) [3].

Народный комиссар финансов СССР А.Г. Зверев, занимавший этот пост с 1938 по 1961 г., подчеркивает, что фонд обороны создавался полностью по инициативе трудящихся и огромную помощь делу обороны, оказанную советскими людьми, нельзя ни с чем сравнить. По собственной инициативе колхозники многих республик и областей в кратчайшие сроки собирали сотни миллионов рублей на строительство танковых колонн, авиационных эскадрилий и пр. Советский народ максимально мобилизовал не только производительные силы, но и отдавал все свои сбережения для обеспечения всем необходимым армии с целью освобождения страны. Величие этого подвига раскрывается следующими фактами. Перед войной трудовые сбережения населения (вклады в сберегательные кассы) составляли около 0,7 млрд руб. Общая же сумма поступлений за годы Великой Отечественной войны денежных средств и ценностей от населения превысила 27 млрд руб (по курсу, установленному после 1 января 1961 г.) [4]. Это составило 26,5 % госбюджета. Военные налог и налог с холостяков дали 8 млрд руб. (т.е. 13,3 % бюджета). Вторую половину суммы составили добровольные пожертвования (фронтовой займ, поступления в фонд обороны и др.).

В Краснодарском крае на призыв партийных органов и государственных структур об улучшении работы тыла, о всемерной помощи фронту трудящиеся также отвечали практическими делами. Мостовским районом Краснодарского края в фонд обороны страны в 1941 г. было внесено 100 тыс. руб. деньгами и на 400 тыс. руб. облигаций займов [5]. Следуя инициативе коллектива московского завода «Красный пролетарий», трудящиеся Северного Кавказа стали ежемесячно отчислять в фонд обороны свой однодневный заработок. Уже к 1 августа 1941 г. только по Краснодарскому краю из отчислений трудящихся поступило 2613 тыс. руб. Только за один день 3 августа 1941 г. в фонд обороны было сдано 150 тыс. руб., заработанных на воскреснике 28 135 трудящимися Кубани (из них 7024 домохозяйки) [6]. Многие советские патриоты: русские, карачаевцы, черкесы, адыгейцы, чеченцы, украинцы – вносили в фонд обороны по несколько тысяч рублей из личных сбережений.

Добровольные поступления в фонд обороны Родины росли изо дня в день, из месяца в месяц. Только в течение первых 18 месяцев войны – к концу 1942 г. – от трудящихся СССР в фонд обороны поступило 10,5 млрд руб. наличными деньгами [7]. Трудящиеся Усть-Лабинского района в 1942 г. собрали в фонд обороны 1 млн руб., а вместе со сбором по займу – 2867 тыс. руб., что в 3 раза превышало сумму, внесенную в 1941 г. [8].

Колхозное крестьянство повсеместно засевало сверхплановые «гектары обороны», рабочие создавали фронтовые бригады, отчислялся в фонд обороны ежемесячно однодневный заработок, становились на сверхурочные вахты.

Широкий размах получили добровольные взносы колхозников в фонд обороны в форме наличных денежных средств и сбора продовольствия.

Неоценимую финансовую поддержку советскому государству оказало население всех республик, всех социальных групп, всех национальностей путем массовой подписки на государственные военные займы (10 млрд руб. в год). Они реализовывались досрочно и со значительным перевыполнением, покрыв в годы войны около 15 % всех военных расходов страны [9]. Нельзя не отметить и активную агитационно-пропагандистскую деятельность органов власти на местах с целью развития патриотического движения по оказанию помощи фронту. В планах на текущую и дальнюю перспективу повсеместно намечался определенный суммарный предел по реализации займов среди населения, однако этот план зачастую перевыполнялся жителями колхозов и совхозов Краснодарского края и Адыгейской автономной области.

Трудящиеся юга России собрали в фонд обороны по подписке на государственные займы, в ходе реализации билетов денежно-вещевых лотерей около 6 млрд руб. [10]. Значительная часть этой суммы была сдана крестьянством. Так, председатель колхоза «Советская культура» Арзгирского района тов. Иванченко внес наличными 150 тыс. руб., председатель колхоза им. В.И. Ленина Кизлярского района Каплев – 25 тыс. руб. [11].

Массовый характер патриотическое движение за сбор средств в фонд обороны приняло и в Адыгейской автономной области. Только в первые дни войны было внесено 1 407 714 руб., облигациями – на сумму в 265 тыс. руб., золотыми монетами – 75 руб., 88 г золота, 1877 г серебра, собрано 307 г других ценных цветных и 2,5 т черных металлов [12]. Большую активность проявляли школьники по сбору средств для строительства самолета-истребителя, санитарного поезда.

Важным источником накопления средств на оборону страны была реализация военных государственных займов и денежно-вещевых лотерей. Поступление денежных средств по займам и лотереям от населения советской страны почти равнялось среднегодовому расходу на наркоматы обороны и Военно-морского флота. Рабочие, колхозники, служащие шли на серьезные лишения во имя победы. Выпущенные правительством государственные военные займы были реализованы с исключительным успехом. В Краснодарском крае в апреле 1942 г. подписка достигла 118,3 % [13]. В целом по Краснодарскому краю и Адыгейской автономной области подписка на Второй государственный военный заем составила 220 млн руб., из которых 43 млн руб. было внесено наличными. Почти полностью всю сумму наличными внесли трудящиеся Теучежского и Красногвардейского районов Адыгейской автономной области [14].

22 района Краснодарского края подписались на 64 млн руб., рабочие и служащие этих районов подписались на 30 млн руб., колхозники – на 32 млн руб. Рабочие и служащие Адыгейской автономной облсти подписались на 2,7 млн руб., наличными внесли из них 363 тыс. руб. Сельские труженики области внесли 10 млн руб. [15]. На 14 июня 1943 г. было размещено по краю 133 746 тыс. руб., что составляло 191,7 % к плану. Среди рабочих и служащих план был выполнен на 171,6 %, среди колхозников – на 209,5 %, среди колхозов

и артелей – на 158,2 %, наличными было собрано 35 684 тыс. рублей. Сводка заведующего районным финансовым отделом Адыгейской автономной области, которая учитывала данные финансовых агентов, сообщала о поступлении по подписке колхозников по Второму государственному военному займу о сумме в 890,4 тыс. руб. На 20 августа 1943 г. в области поступило наличными по займу колхозников 100 % суммы подписки [16].

Акты документальной ревизии районной сберегательной кассы № 2996 в ауле Кошехабль отмечали, что реализация государственного займа прошла на высоком политическом уровне. Подписка составляла по рабочим и служащим 330 тыс. руб., по колхозникам – 3600 тыс. руб., по колхозам и артелям – 350 тыс. руб., всего 4280 тыс. руб. Денежно-вещевая лотерея – подписка и сбор средств – прошли также успешно: при проектированном плане в 900 тыс. руб. по району было реализовано билетов Третьей денежно-вещевой лотереи на 1260 тыс. руб., и вся сумма поступила наличными [17].

В целях привлечения дополнительных средств на оборону страны СНК СССР 4 мая 1944 г. постановил выпустить Третий государственный военный заем на сумму 25 млрд руб. сроком на 20 лет. Размещение этого займа на Северном Кавказе было проведено чрезвычайно успешно, намеченные планы по суммам подписки оказались выполнены и перевыполнены. В Краснодарском крае намечалось разместить 350 млн руб., в том числе среди рабочих и служащих – 95 млн руб., среди колхозников – 215 млн руб., среди колхозов и артелей – 40 млн руб. Фактически на 1 июля 1944 г. было размещено 115,7 % к планировавшейся сумме, в том числе: среди рабочих и служащих – на 118,4 %, среди колхозников – на 116,1 %, среди колхозов и артелей – на 104,7 % [18]. Четвертая денежно-вещевая лотерея при плане в 24 млн руб. была реализована на 32 787 тыс. руб., или на 136,6 %.

Четвертая денежно-вещевая лотерея была распространена по Краснодарскому краю за двое суток на 32 538 тыс. руб. Рабочие и служащие столицы Кубани за 25 и 26 октября 1944 г. подписались на 3 906 тыс. руб., или на 111,6 % к намечавшейся сумме [19]. Только молодежь Кубани за годы Великой Отечественной войны собрала и сдала 1 008 122 руб. деньгами и облигациями на сумму в 24 468 тыс. руб. Каждый колхозник Адыгейской автономной области в среднем за 1943 г. подписался на 1 тыс. руб. [20]. В целом этот высокий уровень готовности сельских тружеников доверить свои сбережения Родине можно считать выражением крепнущего морально-политического единства социума, демонстрацией патриотизма такой его значительной части, как колхозное крестьянство. До войны, в 1940 г., на колхозное крестьянство приходилось 17 % общей суммы подписки на заем. Последовательно повышаясь, в 1944 г. подписка крестьян поднялась до 35 % [21]. В реализации Четвертой денежно-вещевой лотереи доля крестьян достигла почти 60 %, тогда как в 1941 г. денежно-вещевая лотерея почти не размещалась на селе [22].

Развитие патриотического движения по созданию фонда обороны возглавили органы власти на местах. Движение, возникшее стихийно и ставшее всенародным, нуждалось в определенных организационных формах и руководстве. Вопросы оказания помощи фронту, создания фонда обороны

рассматривались на пленуме Краснодарского крайкома ВКП(б) в марте 1943 г. [23], собрании актива Адыгейского обкома ВКП(б) [24], заседаниях бюро городских и районных комитетов партии автономных республик, краев и областей Северного Кавказа. Эта работа способствовала подъему патриотических движений трудящихся масс по созданию фонда обороны Родины. Так, колхозники Темиргоевского района Краснодарского края на своем слете, проходившем 27 февраля 1943 г., приняли обращение ко всем колхозникам края дать Красной армии как можно больше продуктов и сами собрали в районе на оборону страны 1 млн руб. [25]. Краснодарский крайком ВКП(б) рассмотрел на бюро вопрос «Об агитационной работе в Роговском, Каневском, Тимашевском, Тбилисском и Лиманском районах». В решении отмечалось: «Агитаторы должны поддерживать различные формы проявления патриотизма трудящихся – взносы в фонд обороны страны, досрочные взносы по подписке на госзаймы, подарки раненым бойцам и так далее, являясь застрельщиками и организаторами этих мероприятий» [26]. Эта работа давала свои положительные результаты. От сельских тружеников региона в фонд обороны поступали крупные суммы денег, продуктов питания, различных видов одежды.

Нельзя не отметить и такой формы проявления всенародного патриотизма советских людей, как сбор теплых вещей для Красной армии. Движение это получило такой размах, что потребовалось повсеместно создавать для приема и распределения поступивших вещей специальные комиссии. Центральную комиссию по сбору теплых вещей возглавил член Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Андреев. К началу зимы 1941 г. население страны пожертвовало свыше 1 млн пар валенок, более 0,5 млн полушубков и тулупов, 10 млн пар меховых рукавиц, более 2 млн овчин [27]. И таким широким этот почин колхозного крестьянства всей страны оставался на протяжении всего периода Великой Отечественной войны.

Так, уже в ноябре – декабре 1941 г. только тружениками Адыгейской автономной области было сдано почти 40 тыс. теплых вещей и 115,5 тыс. т шерсти для выделки валенок [28]. В блокадный Ленинград было отправлено 11 вагонов продовольствия. Посылками бойцам Красной армии за первый год войны было отправлено 16 т мяса, 13 540 штук яиц, 3,5 т меда, 6 ц масла, 11 т фруктов, 26 т овощей [29]. Удельный вес сельскохозяйственной продукции юга России в аграрном производстве страны в 1943–1945 гг. составил 9,4 %. В целом в годы Великой Отечественной войны удельный вес продукции сельского хозяйства региона в объеме производства страны в стоимостном выражении составил 7,96 %. Всего за годы войны аграрный сектор юга России дал стране более 500 млн пудов зерна.

Не только решение продовольственного вопроса являлось первоочередной задачей сельскохозяйственного производства края. Местное население развернуло широкое добровольное движение по оказанию помощи фронту. В рамках данной акции сельские труженики активно участвовали в сборе средств для строительства военной техники, подписке на военные займы и в денежно-вещевых лотереях. По данным Г.Г. Зинченко, трудящиеся юга России собрали в фонд обороны, по подписке на государственные займы, в ходе реализации

билетов денежно-вещевых лотерей средств на сумму около 6 млрд руб. [30]. Значительная часть этой суммы была сдана крестьянством.

Подводя итоги, отметим, что помощь фронту со стороны сельских тружеников всех регионов осуществлялась постоянно в разнообразных формах: это пополнение фонда обороны, сбор теплых вещей для воинов армии и флота, сбор металлолома для нужд отечественной промышленности, формирование на Кубани народного ополчения, шефство над госпиталями. Все эти меры как нельзя лучше иллюстрировали готовность всех страт общества внести свой вклад в общее дело Победы, порой отдавая последнее. И лозунг «Все для фронта! Все для Победы!» становился своеобразным жизненным кредо для сельского населения края.

Примечания:

1. Синицын А.М. Всенародная помощь фронту. М., 1975. С. 131.
2. Зверев А.Г. Записки министра. М., 2002. С. 220.
3. Там же. С. 198.
4. Смирнов А.Ф. Несокрушимое единство: Советский народ в годы Великой Отечественной войны. М., 1982. С. 117.
5. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 1774. Оп. 1. Д. 2297а. Л. 33.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 88. Д. 60. Л. 37.
7. Малышева Е.М. Испытание. Социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Майкоп, 2000. С. 339.
8. ЦДНИКК. Ф. 1774. Оп. 1. Д. 2559. Л. 167.
9. Правда. 1957. 20 апреля.
10. Зинченко Г.Г. Зерновые поставки Юга России в годы Великой Отечественной войны. Ростов н/Д, 1997. С. 121.
11. Малышева Е.М. Указ. соч. С. 339.
12. Шебзухова Ф.Х. Адыгейское село в годы войны. Майкоп, 2002. С. 188.
13. Национальный архив Республики Адыгея (далее – НАРА). Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.
14. Там же. Л. 20.
15. Большевик. 1943. 8 июня.
16. НАРА. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 2. Л. 48, 58.
17. Там же. Д. 4. Л. 1.
18. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-687. Оп. 3. Д. 350. Л. 7.
19. Советская Кубань. 1944. 28 октября.
20. Малышева Е.М. Указ. соч. С. 341.
21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 965. Л. 231.
22. Чернявский У.Г. Война и продовольствие. М., 1964. С. 160.
23. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 965. Л. 107.
24. Там же. Д. 986. Л. 12.
25. ЦДНИКК. Ф. 1774. Оп. 1. Д. 2978. Л. 46.
26. Там же. Д. 1766. Л. 3.
27. Зверев А.Г. Указ. соч. С. 118.
28. Адыгейская правда. 1941. 5 декабря.
29. Шебзухова Ф.Х. Указ. соч. С. 189.
30. Зинченко Г.Г. Указ. соч. С. 118, 121.

И.В. Скворцова

Организация работы комбината «Абрау-Дюрсо» в 1941–1943 гг.

Великая Отечественная война – одно из самых значимых и трагических событий истории XX в. Накопление большого массива фактов дает исследователям возможность использовать при изучении войны более глубокие методы научного познания, обобщения и анализа. Северокавказские исследователи также провели значительную работу по изучению истории войны в регионе, но до сих пор о ней не сложилось целостного представления.

Хронологические рамки данного исследования – 1941–1943 гг. Источниковой базой послужили различные опубликованные и неопубликованные источники. Основную группу источников составили документы, извлеченные из фондов региональных архивов: Государственного архива Краснодарского края (далее – ГАКК) и Центра документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК).

В предвоенные годы на Северном Кавказе проводилась большая работа по созданию и развитию мощной пищевой промышленности. Создавались новые отрасли: маслоэкстракционная, маргариновая, чайная, витаминная, промышленность пищевых концентратов и др. Переработка сельскохозяйственного сырья являлась основой экономики. Особенностью предвоенной экономики было то, что некоторые отрасли народного хозяйства Северо-Кавказского экономического района находились в союзном или республиканском подчинении. Например, на Кубани ведущую роль стала занимать промышленность союзного подчинения. Удельный рост ее продукции составлял 70,7 % всей продукции края [1].

В Верхнебаканском районе расположилось уникальное хозяйство «Абрау-Дюрсо», в состав которого входили винзавод и совхоз «Абрау-Дюрсо», Анапский и Крымский винзаводы, совхозы «Джемете», им. Молотова, «Мысхако», «Геленджик» и т.д. Комбинат обладал большим запасов марочных вин и виноматериалами, в том числе советским шампанским, коньячным спиртом и коньяком. Еще в 1936 г. нарком пищевой промышленности А.И. Микоян подписал приказ об образовании фондов выдержанных и коллекционных вин. В них отбирались вина хозяйств «Абрау-Дюрсо» и «Массандра». В фонд выдержанного вина закладывалось 10 % от каждой партии готового бутылочного вина, по каждому сорту и марке, в фонд коллекционных вин – по 500 бутылок каждого сорта и марки [2].

С самого начала войны на оборону работали все отрасли промышленности региона. Пищевая промышленность края выработала к концу 1941 г. в два раза больше продукции, чем в 1940 г., и дала стране тысячи гекалитров пива, вина, фруктовых соков и пр. Наряду с выпуском основной продукции, предприятия пищевой промышленности, проявив инициативу, освоили выпуск вооружения, боеприпасов и пр. [3].

Захвату Кавказа фашисты придавали экономическое и политическое значение. В январе 1942 г. немцами была разработана директива «Обязательное

постановление о восстановлении промышленного хозяйства во вновь занятых восточных областях».

Эвакуация на Северном Кавказе проходила дважды: первый раз в июне – декабре 1941 г., второй раз – в июле 1942 г.

10 ноября 1941 г. был утвержден план демонтажа и отправки оборудования пищевых предприятий края в глубокий тыл: Краснодарский ликеро-водочный завод – в Сталинград, комбинат «Абрау-Дюрсо» – в Тбилиси и т.д. [4]. Однако после изгнания немцев из Ростова-на-Дону и успешных действий наших войск под Москвой, началась реэвакуация.

Летом 1942 г. стратегическая инициатива вновь перешла к врагу. 25 июля войска вермахта форсировали низовья Дона. Снова был поставлен вопрос об эвакуации. 28 июля 1942 г. Комиссия по эвакуации при ГКО приняла пакет распоряжений по вопросам эвакуации Краснодарского края, в том числе об эвакуации с 29 июля 1942 г. Для перевозки эвакогрузов и людей требовалось выделить более 3 тыс. вагонов и 360 цистерн [5]. В случае если не удавалось эвакуировать продукцию, сырье и имущество предприятий, проводились спецмероприятия, однако не все они были успешными. В целом следует отметить, что эвакуация в полном объеме не удалась.

Эвакуация комбината «Абрау-Дюрсо» началась с июня 1942 г. по распоряжению А.И. Микояна. Эвакуации подлежало 885 тыс. декалитров шампанских и марочных виноматериалов, свыше 3,3 млн (по данным на июнь) бутылок советского шампанского и 70 тыс. бутылок марочных вин. В итоге к концу августа было вывезено 463,6 тыс. декалитров виноматериалов и 548,8 тыс. бутылок вин. В тоннелях завода находился на хранении боезапас Черноморского флота.

12 августа последовал приказ командующего Азовской военной флотилией контр-адмирала С.Г. Горшкова об уничтожении оборудования, запасов вина и сырья завода «Абрау-Дюрсо». Деятельность предприятия была прекращена, рабочие уволены с выдачей выходного пособия, управление и специалисты эвакуированы в Грузию.

20 августа были завершены работы по выводу из строя завода «Абрау-Дюрсо». Их проводил минно-тральный отряд Новороссийской военно-морской базы методом взрыва и розливом в канализацию всех наличных запасов вин. Мелкое оборудование было размонтировано и укрыто в разных местах завода. Как выяснилось впоследствии, в результате больших завалов, образовавшихся при взрыве тоннелей, значительное количество шампанского оказалось не уничтоженным (ликвидировали только 400 тыс. бутылок). За период оккупации района, продолжавшейся более года, немецким командованием было использовано более 3 млн бутылок шампанского.

2 сентября совхоз «Абрау-Дюрсо» и поселок Верхнебаканский были захвачены врагом. В докладной записке председателя Анапского райисполкома М.И. Рындина от 31 августа 1942 г. говорилось: «Огромные запасы вина прошлых лет были полностью уничтожены (вылиты на землю). Запас был равен 1280 тыс. декалитров (приблизительно), в т.ч. часть коньяка и спирта. Часть имущества, сырье, винзаводы и др. уничтожены» [6].

На Северном Кавказе немцами были учтены все предприятия. На них вводились журналы, в которых записывались технологические процессы. Все было под строгим контролем. В целях эффективности и оперативности осуществления экономических задач немцы проводили свои преобразования на базе существовавшей советской системы, сохраняя старый персонал. Использовались различные формы поощрения и принуждения. Положение рабочих оставалось крайне тяжелым.

Сельское население привлекалось для проведения уборки урожая 1942 г. Работать обязаны были все, включая детей 11–12 лет. В разведывательной сводке № 43 от 20 декабря 1942 г. агентурой Майкопской оперативной группы управления НКВД Краснодарского края отмечается, что «весь урожай винограда убран и переработан на вино, рабочие работают под угрозой расстрела» [7].

Хозяйством «Абрау-Дюрсо» управляли военные чиновники по линии интендантства. С сентября 1942 г. до февраля 1943 г. во главе хозяйства стоял оберцальмайстер Франц Фуршен и переводчик унтер-офицер Карл Обердофрер. С февраля до мая 1943 г. руководство осуществляло военное командование – обер-лейтенант Райнесман. С мая по 15 сентября 1943 г. заводом и совхозом руководили военные чиновники: оберцальмайстер Барт и переводчик – солдат Рангальд Александрович Люц, которые и проводили всю работу по разрушению завода и совхоза «Абрау-Дюрсо» с помощью некоторых работников.

До оккупации население завода и совхоза «Абрау-Дюрсо» составляло до 5 тыс. чел. При немцах оставалось до 2 тыс. чел., из них работало на заводе и в совхозе 800 чел., в том числе: 180 мужчин, 460 женщин, 160 подростков от 12 до 16 лет. Работали по 10 ч в день. Первые два месяца оккупации зарплату рабочим завода и совхоза «Абрау-Дюрсо» выплачивали шампанским: женщинам – по 4 бутылки, мужчинам – по 6 бутылок. Затем перешли на оплату деньгами и продуктами: 5–6 руб. в день и 400 г хлеба. По приказу немецкого командования с 15 сентября 1943 г. население завода и совхоза угонялось. Но часть спряталась по лесам и в горах, а после освобождения вернулась. К 19 сентября 1943 г. было зарегистрировано 500 чел., в том числе 12 мужчин-стариков, 280 женщин, 208 детей [8].

Успех контрнаступления под Сталинградом позволил Красной армии перейти в общее наступление. Начавшаяся в сентябре 1943 г. Новороссийская операция советских войск поставила под угрозу разгрома всю немецкую группировку, находившуюся на Таманском полуострове. В приказе Гитлера 4 сентября 1943 г. говорилось: «…я решил сдать Кубанский плацдарм и отвести 17-ю армию через Керченский пролив в Крым… В руки противника не должно попасть ничего (вооружение, запасы, имущество). Сельскохозяйственное имущество, скот и пр. перевезти в Крым. Все, что противник может использовать в своих интересах, должно быть разрушено на длительное время…» [9].

19 сентября 1943 г. вместе с передовыми частями Красной армии на освобожденную территорию завода и совхоза «Абрау-Дюрсо» прибыла бригада винкомбината во главе с исполнявшим обязанности директора Н.К. Соболевым. Она обследовала хозяйства завода и совхоза и составила докладную записку о его состоянии. В ней сообщалось, что завод столовых вин «накануне отступления немецких захватчиков был вполне подготовлен ими к проведению виноделия»

в 1943 г. Были установлены прессы, эргопауэры, 22 бродильных чана, приготовлены 1,5 тыс. винных бочек, начато виноделие и переработано до 65 т винограда. При отступлении 11–12 сентября 1943 г. все здания и оборудование были взорваны и сожжены. В результате завод был полностью уничтожен со всеми помещениями, оборудованием и бочкотарой: «В настоящее время завод столовых вин представляет из себя груду развалин, за исключением сохранившихся нижних подвалов и котельного помещения (паровой котел взорван). Бондарная мастерская сохранилась с частью оборудования и инструментов».

При характеристике завода шампанских вин особое внимание уделялось состоянию тоннелей. Наиболее пострадали новые тоннели: входная часть 1-го на расстоянии примерно 8–10 м и перекрытия были взорваны, остальная часть уцелела. Во 2-м тоннеле были взорваны входная часть на расстоянии 25 м, перекрытия и вытяжной фонарь. 3-й тоннель полностью сохранился. В 4-м и 5-м тоннелях были взорваны перекрытия и частично входная часть. В передней и задней галереях перекрытия были разрушены взрывом, но сами они сохранились: «Сейчас приняты меры к очистке тоннелей от мусора». Старые тоннели сохранились значительно лучше: 1-й, 3-й, 5-й и 6-й – полностью и могли быть пущены в эксплуатацию. У 2-го и 4-го тоннелей частично пострадало перекрытие. Так называемая «кривая тоннель» сохранилась полностью. Бродильное отделение сохранилось, были уничтожены только перегородки. Дегустационная, лаборатория, кабинет винодела, ликерное, дрожжевое, упаковочное отделения и кладовая были уничтожены. Тоннели №№ 24 и 26, «Лямина», спиртохранилище и хранилище бочкового вина имели частичное разрушение. Прессовое отделение было разрушено вместе с оборудованием. Новый подсобный корпус частично разрушен и сожжен.

Захватчики подготовили к вывозу, но не успели вывезти 12 бродильных чанов, 90 винных бочек в разобранном виде, 150 тыс. шампанских порожних бутылок. На территории завода и совхоза было разбросано до 300 бочек: «приняты срочные меры к их сборке и сохранению». Также имелось «большое количество обручного и чанового железа, все взято на учет». Частично сохранилась и мелкая тара. Здания и оборудование электростанции, водокачки, ремонтных мастерских и других подсобных цехов были разрушены, механическое оборудование уничтожено.

Виноградники совхоза «Абрау-Дюрсо» находились «в удовлетворительном состоянии, не засорены сорняками и не заражены болезнями. Колья на них и проволочная шпалера в основном целы. Перекопка виноградников в 1942–1943 гг. немецкими захватчиками не производилась. Обрезка, обломка, подвязка и опрыскивание были проведены». Оккупанты предполагали собрать 1,8 тыс. т винограда. Но за несколько дней до отступления большая часть урожая истреблена немецко-румынскими армиями. К 20 сентября 1943 г. остаток урожая составлял примерно 500–600 т, но «качество винограда хорошее». Дирекция комбината приняла срочные меры к сохранности оставшегося урожая, а также частичной переработке его и реализации ягодой для армии и населению. Были также приняты срочные меры к сбору мелкого виноградарского инвентаря (лопат, сапок, секаторов) для проведения работ в осенний период.

В то же время скота – лошадей, быков, коров – «нет совершенно. Все уничтожено оккупантами» [10].

Промышленность Краснодарского края сильно пострадала в период оккупации. Полностью были уничтожены крупнейшие предприятия. Всего в Краснодарском крае оставалось 11,6 % ранее действовавших промышленных предприятий. 7 мая 1943 г. Совнарком РСФСР выделил Краснодарскому краю 1,5 млн руб. на восстановление народного хозяйства, из них крайисполком направил на восстановление краевой пищевой промышленности 152 тыс. руб. [11]. 21 августа 1943 г. вышло постановление СНК и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в ра йонах, освобожденных от немецкой оккупации». 27 декабря 1943 г. Совет народных комиссаров СССР принял важные документы, касавшиеся Краснодарского края, – «О восстановлении совхозов Краснодарского края» и «О дополнительных мероприятиях по восстановлению хозяйств Краснодарского края».

Завод и совхоз «Абрау-Дюрсо» приступил к работе 21 сентября 1943 г. На заводе на работу вышло 120 чел., в совхозе – 180 чел. Основной рабочей силой были женщины. В 1945 г. был подписан проект по восстановлению и реконструкции завода, которая завершилась в 1956 г. К началу 1950-х гг. хозяйство восстановилось и превзошло довоенные объемы.

Примечания:

1. ЦДНИКК. Ф. 1774. Оп. 1. Д. 1719. Л. 9, 27.
2. Эссе о Русском винном доме «Абрау-Дюрсо». URL: http:// www.abraudurso.ru/house/history (дата обращения: 11.04.2015).
3. ЦДНИКК. Ф. 1774а. Оп. 1доп. Д. 18. Л. 70–101.
4. ЦДНИКК. Ф. 1774а. Оп. 1доп. Д. 20. Л. 30–32.
5. ЦДНИКК. Ф. 1774а. Оп. 1доп. Д. 25. Л. 49–51, 62–64.
6. ЦДНИКК. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 24. Л. 37–34.
7. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Хроника событий. Кн. 1. Хроника событий 1941–1942 гг. Краснодар, 2003. С. 783.
8. ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 1. Д. 36. Л. 254–260.
9. «Совершенно секретно! Только для командования!». Документы и материалы. М., 1967. С. 526–527.
10. ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 1. Д. 36. Л. 254–260.
11. ЦДНИКК. Ф. 1774а. Оп. 2. Д. 774. Л. 17–19.

Т.М. Братченко

Освобождение Красной армией Северного Кавказа и восстановление его экономики (общее и специфика)[1]

С самого начала Великой Отечественной войны ее оборонительная, справедливая суть, гуманистический смысл освободительной миссии Красной

[1] Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 14-31-12081а(ц) «Освободительная миссия Красной армии в 1944–1945 гг.: гуманитарные и социально-психологические аспекты».

армии были ясно обозначены руководством СССР, подчеркивавшим направленность на освобождение «порабощенных народов Европы и СССР от гитлеровской тирании» [1]. Однако не только в странах – бывших противниках СССР во Второй мировой войне, но и в государствах, в то время ему союзных (всегда державших в уме приоритет собственных интересов, в том числе за счет изнемогавшего в войне СССР), еще со времен «холодной войны» и до сегодняшних дней предпочитают переставлять акценты. Имеется тенденция и в отдельных российских регионах производить инверсию оценок ряда аспектов истории той войны, тем более что в этой проблематике есть непростые, затрагивающие групповые, социальные и этнические интересы и чувства людей сюжеты: проблемы коллаборационизма, в том числе носившего этническую окраску, сталинской депортации народов и др. Особенно болезненны эти вопросы на Северном Кавказе – по многим параметрам особом регионе России, следствием чего спецификой там отличались и ход войны, и восстановление разрушенного войной народного хозяйства.

Северный Кавказ сегодня – наиболее проблемный регион России. И здесь внешние силы, соединяясь с внутренними авантюристами, разыгрывают этническую и конфессиональную карты. При этом они стремятся не выстроить более безопасную и комфортную жизнь для народов, а, напротив, втравить их в кровавые столкновения со своим государством, в этноконфессиональные конфликты. И одной из сфер их игр является история, особенно периода Великой Отечественной войны. Очевидно, что разумнее открыто посмотреть на ошибки своих предков и перевернуть негативные страницы истории, не бередить былые раны, а совместно строить позитивное будущее. Но смелости честно принять свою историю, сделать самокритичные выводы и конструктивно двигаться вперед у «игроков» не хватает. Они умело разжигают обиды, манипулируют этническим самолюбием, представляют ошибки и преступления достоинством и достижениями своих соплеменников, а очевидный негатив вымарывают из национальной памяти, не позволяя рационально его осмыслить и извлечь исторические уроки. Но невыученные уроки истории, увы, в современной жизни оборачиваются кровью, иногда – очень большой: ее проливают не идеологи и манипуляторы массовым сознанием, а простые люди. Опыт двух последних чеченских войн тому наглядное подтверждение.

В чем же специфика освобождения Кавказа в годы Великой Отечественной войны, которую следует учитывать и в контексте современного российского сознания? Конечно, это и собственно военная специфика битвы за Кавказ, не ограничивающаяся природно-климатическими, геополитическими и стратегическими условиями ведения боевых действий. На огромном театре военных действий, охватывавшем равнины и предгорья Северного Кавказа, перевалы Главного Кавказского хребта, акватории Азовского и Черного морей, небо Кубани, Красная армия вела бои с интернациональной военной силой, основу которой, наряду с германскими армиями, составляли румынские, словацкие и другие части и соединения. Но не только. В составе этнических формирований германской армии, созданных из уроженцев Кавказа, воевало около 120 тыс. чел. (т.е. около десятой части всех советских коллаборационистов). Среди них были

азербайджанские, грузинские, армянские, северокавказские батальоны, как правило, созданные из военнопленных. На стороне нацистской Германии воевали и казачьи части, сформированные как из военнопленных, так и из жителей оккупированных районов.

Большинство национальных формирований не проявило высокой боеспособности. С ухудшением положения вермахта распространилось массовое дезертирство, переход на сторону Красной армии, хотя отдельные из батальонов дрались за своих нацистских хозяев до конца. И хотя большинство коллаборационистов предали свою Родину не из идейных побуждений, а спасая свою жизнь после пленения немцами, нельзя отрицать широко распространенных антисоветских и сепаратистских, антирусских и антироссийских настроений на Кавказе в годы войны. Они были вызваны недовольством политикой советской власти, особенно коллективизацией, вызвавшим целый ряд массовых вооруженных выступлений, подавленных мощью государства. Но мелкие отряды и антисоветское подполье на Кавказе действовали вплоть до начала Великой Отечественной войны. Эти антисоветские силы увидели в напавшей на СССР нацистской Германии своего союзника, а германское нашествие восприняли как освобождение от большевизма и советской империи.

Подобные настроения глубоко проникли в сознание значительных слоев населения региона, где с началом войны получило широкое распространение уклонение от призыва в Красную армию. С ухудшением положения СССР дезертирство стало массовым явлением в некоторых из республик от первых к последующим мобилизациям (Чечено-Ингушская АССР за все годы войны дала армии лишь около 12 % призывного контингента). Многие уклонисты уходили в горы, вливались в банды, воевавшие против Красной армии, присоединялись к частям коллаборационистов, сформированным Германией.

В антисоветском подполье в годы войны на Кавказе создавались мощные сети организаций, включавшие представителей более 10 народов, ставившие целью поражение СССР в войне, готовившие общее вооруженное восстание и наивно надеявшиеся создать под покровительством Германии федеративное государство кавказских народов. Немцы использовали эти силы для дезорганизации тыла Красной армии, надеясь в перспективе на успех восстания и на захват с помощью местных коллаборационистов нефтепромыслов региона. Специально для борьбы с этническими бандформированиями и подпольем НКВД пришлось в декабре 1941 г. – январе 1942 г. разворачивать горнострелковый полк. Всеобщее восстание провалилось, а разрозненные выступления были подавлены. В 1942–1943 гг. были уничтожены основные силы антисоветского подполья на Северном Кавказе. После перелома в ходе войны и особенно после ликвидации в районе Новороссийска последнего немецкого плацдарма на Кавказе подполье перестало получать со стороны Германии прежнюю поддержку, и к концу 1944 г. удалось полностью ликвидировать все крупные банды. Таким образом, источники значительного потенциала бандподполья на Кавказе были главным образом внешние – идейная, организационная, материальная и прочая поддержка нацистской Германии, координация планов и действий с вермахтом. Однако нельзя отрицать ни массового характера

антисоветского движения на Северном Кавказе в годы войны, ни значительной поддержки его местным населением, ни влияния его на ход боевых действий Красной армии, вплоть до неудач при наступлении немцев на Кавказе. Союз этих сил с германским фашизмом очевиден, и он был весомым негативным фактором для Красной армии, в том числе и на этапе освобождения Кавказа.

Таким образом, о полной безосновательности сталинской депортации ряда народов говорить не приходится. Во время мировой войны «не на жизнь, а на смерть» аналогичные меры к нелояльному (или недостаточно лояльному) населению применялись и в других странах антигитлеровской коалиции, в том числе в «самых демократических» США. Тогда действовали законы военного времени, и выселение было гораздо более гуманной мерой, нежели положенный за антигосударственную деятельность расстрел, который грозил многим тысячам участников вооруженных банд. Вместе с тем принятые решения о депортации были сомнительными с моральной точки зрения, а также проявлением недостаточной управленческой компетентности, ибо не были учтены многочисленные негативные, в том числе долговременные последствия для страны и российской государственности.

Цена Победы была высока: погибли почти три десятка миллионов советских граждан, народное хозяйство было разрушено, СССР понес невиданные в истории людские и материальные потери. Оценивая масштабы потерь СССР, западные аналитики считали, что восстановление народного хозяйства потребует многих десятилетий. Но оно осуществилось в кратчайшие сроки, в основном к началу 1950-х гг. Эти результаты могут быть оценены как экономическое чудо. В чем его причины? Как в рамках модели, которую либералы называют «тоталитарной» и «исторически тупиковой», удалось решить почти нереальные задачи?

Сегодня идеальной моделью провозглашена рыночная, хотя в мирные 1990-е гг. произошел чудовищный спад, деградация всех, особенно передовых отраслей, а по объему ВВП Россия все не может достичь уровня 1990 г. В ее экономике доминирует топливно-сырьевая составляющая, она зависит от мировой конъюнктуры. Сравнение пяти послевоенных лет и четверти века разрушения, деградации и стагнации постсоветской экономики в мирное время говорит само за себя. Потому так важно рассмотреть иной опыт – послевоенного восстановления СССР, чья модель оказалась способной противостоять в мировой войне потенциалу почти всей Европы. Нас интересует, как она сработала в ситуации восстановления народного хозяйства на ранее оккупированных территориях на примере Северного Кавказа.

Страна потеряла треть своего национального богатства. Боевые действия в 1941–1944 гг. – с отступлением и последующим освобождением – велись в европейской части, в том числе в наиболее развитых регионах страны. Ареной ожесточенных сражений стала территория от западной границы до Подмосковья и Волги, от Крайнего Севера до Черноморского побережья и предгорий Кавказа. Территории Украины, Белоруссии, республик Прибалтики, значительной части РСФСР подверглись фашистской оккупации, режим которой был направлен на выкачивание всех видов ресурсов для нужд Третьего

рейха. Были разрушены заводы, фабрики, электростанции, мосты, вырублены леса и т.д. Почти 1700 городов и поселков, 70 тыс. деревень и сел лежало в руинах. Ущерб экономике составил почти 700 млрд руб., прямые военные расходы – около 2 трлн руб. Людские потери оказались столь велики, что лишь в 1955 г. численность населения достигла довоенной, но на оккупированных территориях понадобилось значительно больше времени. Длительность оккупации в разных регионах составляла от нескольких дней до 3 лет. В конце июля 1944 г. было завершено освобождение от захватчиков территории РСФСР, в которой из 73 краев, областей, автономных республик полностью или частично были оккупированы более трети. До войны на этих землях проживало более 30 млн чел. Прямой ущерб, нанесенный захватчиками оккупированным территориям, составил до 250 млрд руб. [2].

Восстановительный процесс может быть хронологически разделен на два основных этапа: в ходе самой войны на освобожденных территориях и после ее завершения. Восстановление отягощалось необходимостью перевода «военной экономики» в режим мирного времени, а также частичной реэвакуации перемещенных на Восток предприятий. После Победы восстановление осложнялось начавшейся «холодной войной», требовавшей огромных затрат на оборону.

Восстановление территорий начиналось сразу же после их освобождения. Уже 29 декабря 1941 г. СНК СССР принимает специальное постановление о восстановлении угольных шахт в Подмосковном бассейне, затем ряд решений, направленных на мобилизацию масс для восстановления разрушенной экономики. При СНК СССР в 1943 г. был создан Комитет по восстановлению хозяйства в освобожденных районах. Важное место заняло Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 23 января 1943 г. «О мероприятиях по восстановлению МТС и колхозов в районах, освобождаемых от немецко-фашистских оккупантов». Масштабная, развернутая программа возрождения пострадавших районов страны была намечена в Постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» [3]. В первую очередь восстанавливались предприятия тяжелой, угольной, нефтяной, металлургической промышленности, электростанции, которые являлись основой восстановления всего народного хозяйства, что было провозглашено общенародной задачей. Основой мобилизационного механизма восстановления экономики было ясное осознание властью масштабов и сложности проблем, значимости восстановления и четкая постановка цели – восстановление экономики в кратчайший срок.

За 1942–1945 гг. в районах РСФСР, подвергавшихся оккупации, было восстановлено более 47 тыс. колхозов, 785 совхозов, свыше 1300 МТС. Восстановительный процесс шел с двух сторон: сверху, через государственные и социальные институты, и снизу, через инициативу населения, которую власть поддерживала. Решение задач восстановления действительно можно считать всенародным подвигом. При этом в период войны и послевоенные годы проявились сильные стороны мобилизационной модели, созданной в 1930-е гг.

В отличие от рыночной модели, советская мобилизационная модель опиралась преимущественно на государственную и общественную собственность,

использовала преимущественно не категории материального интереса, выгоды, а совокупность внеэкономических механизмов (прежде всего социальную мобилизацию). Хотя действовало и внеэкономическое принуждение, но оно в условиях патриотического подъема в годы войны и послевоенные годы было второстепенным. Для успеха в реализации выдвигаемых целей необходима была их добровольная и энергичная поддержка обществом, большинством населения, массовый энтузиазм, формы организации, объединяющие и направляющие широкие слои.

Инструментами ценностно-психологической мобилизации являлись советская идеология и, на ее основе, агитация и пропаганда. Институтами социальной мобилизации выступали партия, общественно-политические и общественные организации (советы, профсоюзы, комсомол, творческие союзы и др.), экономические «ячейки» (предприятия: заводы, колхозы, организации и их трудовые коллективы). Формами социальной мобилизации в экономической сфере являлись трудовые почины, социалистическое соревнование и др., позволявшие использовать инициативу и творчество масс, выступавшие важным элементом мотивации труда. Следует отметить широту и системность охвата населения институтами, инструментами и формами социальной мобилизации, которые в значительной своей части были включены в решение задач мобилизационной экономики.

Одной из важных форм социальной мобилизации было шефство над освобожденными от оккупации районами: промышленные предприятия, в том числе принявшие эвакуированное оборудование и работников, теперь в порядке помощи направляли эшелоны с оборудованием на восстанавливаемые предприятия, колхозы и совхозы помогали сельхозпредприятиям. В период войны резко уменьшилась численность мужчин в возрасте от 18 до 54 лет, а их доля в сельском населении в 1945 г. составила всего лишь 8 %. Основная часть дееспособного мужского населения находилась в рядах армии, и главная тяжесть легла на плечи женщин, подростков, стариков. Основной рабочей силой стала молодежь, а ключевым институтом ее социальной мобилизации – комсомол. Производительность труда молодежи во «фронтовых» комсомольско-молодежных бригадах – массовой форме молодежного соревнования – на 30–40 % превышала среднюю производительность по предприятиям [4]. Восстановительный процесс продолжался и в послевоенные годы, когда продолжал действовать мобилизационный механизм, направивший ресурсы большинства слоев населения на решение задачи возрождения народного хозяйства.

На Северном Кавказе оккупации подверглись Орджоникидзевский (с 1943 г. – Ставропольский) край с Карачаевской АО и Черкесской АО, Краснодарский край с Адыгейской АО, Ростовская область, Северо-Осетинская АССР, Кабардино-Балкарская АССР, Чечено-Ингушская АССР. При общих закономерностях на восстановление народного хозяйства Северного Кавказа повлияло, по меньшей мере, несколько специфических факторов. Во-первых, аграрно-индустриальный характер региона, роль одной из житниц страны требовали концентрации усилий прежде всего в аграрном секторе экономики,

где важнейшее значение имели трудовые ресурсы. Но именно на селе произошли наибольшие потери мужского населения. Во-вторых, этнокультурное разнообразие территорий с различными менталитетом, формами хозяйственной деятельности, традициями и т.д. В-третьих, большие различия в уровне и характере экономического развития конкретных административных и национально-государственных образований. Поэтому темпы восстановительных процессов на разных территориях были различными. В-четвертых, негативные процессы, связанные с депортацией ряда северокавказских народов, когда власть сложные социально-политические и этнические явления пыталась решить простым способом. Массовые этнические депортации непосредственно повлияли на процесс восстановления народного хозяйства соответствующих территорий, но имели долговременные негативные последствия и для самих народов, и для экономического развития, а затем и для межэтнических отношений с людьми, которые заселяли пустующие после выселения земли.

Однако к началу 1950-х гг. главные отрасли экономики были в основном восстановлены. Как и в других регионах, определяющими причинами быстрого восстановления народного хозяйства стали: 1) единый народнохозяйственный комплекс, способный гибко перераспределять ресурсы между отраслями и регионами; 2) централизованный плановый механизм, позволявший концентрировать ресурсы на ключевых направлениях; 3) социально-экономическая политика власти в интересах большинства населения; 4) развитая система социальной мобилизации, включавшая разветвленную систему социально-политических и общественных институтов; 5) высокий уровень патриотического настроя в ситуациях преодоления вражеского нашествия, а затем и Победы.

Мобилизационный механизм позволил в жесточайших условиях дефицита материальных, кадровых и других ресурсов осуществить почти невозможное – восстановить народное хозяйство в кратчайшие сроки. Свою роль сыграли массовый энтузиазм, трудовой героизм всех народов, проживавших в то время в регионе.

С конца 1980-х гг. вся советская история подвергается усиливающимся атакам внутренних и внешних интерпретаторов, подрывавших основы позитивной идентичности советского народа, что обеспечило легкий крах СССР. Сегодня они «работают» на развал современной России. Дело давно не ограничивается акцентированием на негативных аспектах нашей истории (каких много в истории любой страны), а доходит до прямых фальсификаций вплоть до внедрения в массовое сознание искусственных конструктов, противоположных историческим реалиям. Этот процесс, естественно, захватил и историю экономического восстановления СССР в ходе и после мировой войны. Однако высочайшая эффективность, проявленная тогда советской моделью, не может быть опровергнута, а потому ее стараются замолчать и обойти. Изучение того, уже давнего исторического опыта выхода из тяжелейшего экономического состояния общества, весьма актуально в современной, не менее сложной ситуации. России неизбежно придется наверстывать время –

четверть века, которые большинство стран использовало для эффективного развития. И особенно использовать этот опыт в ситуации новой конфронтации с Западом, при еще более сложном международном и внутреннем положении нашей страны, нежели в середине XX в.

Примечания:

1. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950. С. 34, 39–40, 45, 46.
2. Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1946. С. 430; История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. IX. М., 1980. С. 46–47.
3. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). Т. 3. 1947–1952. М., 1968. С. 90–531.
4. Перечнев Ю.Г. Великая Отечественная война в советской историографии. М., 1984. С. 56.

С.И. Линец

Возрождение промышленности Кабардино-Балкарии и Ставрополья в 1943–1945 гг.

В первые дни января 1943 г. войска Красной армии перешли в наступление на Северном Кавказе. Началось освобождение региона от немецко-фашистских оккупантов. Оно растянулось на долгие 10 месяцев, и закончилось только 9 октября 1943 г. изгнанием врага с Таманского полуострова.

Сразу же после освобождения отдельных территорий Северного Кавказа от немецких захватчиков в них начиналось восстановление народного хозяйства. С 8 января 1943 г. этот процесс проходил в освобожденных районах Кабардино-Балкарской АССР. В период оккупации гитлеровцы разрушили и сожгли на территории республики 20 союзно-республиканских заводов и фабрик, 27 предприятий различных отраслей местной промышленности, убили 4241 мирного жителя. Общий ущерб, который республика понесла от немецкой оккупации, составил более 2,2 млрд руб. [1]. В течение всего двух с небольшим месяцев, к 20 марта 1943 г., население городов сумело восстановить и частично пустить в эксплуатацию 7 предприятий союзно-республиканского подчинения, в том числе обозо-строительный завод, гидротурбинный завод, мясокомбинат, кондитерскую фабрику и др. За это же время были восстановлены 15 предприятий местной промышленности и 18 промысловых артелей из 41 [2]. Одним из первых после частичного восстановления приступил к работе комбинат Наркомата легкой промышленности, который был создан на базе швейной, обувной и шорно-седельной фабрик. Уже к 5 марта 1943 г. на комбинате были пущены в действие первые 40 станков, на которых шло изготовление оборонной продукции. Одновременно коллектив комбината приступил к производству продукции для населения [3].

23 апреля 1943 г. СНК СССР принял постановление «О мероприятиях по восстановлению хозяйства в городах и районах Кабардино-Балкарской АССР». Из союзного бюджета на эти цели было выделено 11 350 тыс. руб. Еще 1500 тыс. руб. советское правительство дополнительно выделило на оказание экстренной единовременной помощи населению Кабардино-Балкарии, пострадавшему от немецкого оккупационного режима [4]. Помощь советского правительства стала дополнительным стимулом в деле возрождения промышленности Кабардино-Балкарской АССР. Работы значительно ускорились, в том числе и благодаря возросшему энтузиазму трудовых коллективов.

При восстановлении промышленности республики приоритет отдавался предприятиям, входившим в перечень оборонных. Прежде всего, это был Тырныаузский комбинат. В марте 1943 г. Государственный комитет обороны принял специальное постановление, в котором указывалось на необходимость скорейшего пуска комбината в действие. В этих целях в Тырныауз срочно были реэвакуированы 238 квалифицированных инженеров и техников, работавших здесь до оккупации. При проведении восстановительных работ максимально использовались также местные трудовые ресурсы. В частности, из городов, поселков и аулов республики было завербовано на восстановительно-строительные работы 750 вольнонаемных рабочих. Кроме того, к концу декабря 1943 г. на строительных площадках Тырныаузского комбината трудились также 1200 заключенных, направленных сюда из лагерей ГУЛАГа. Еще 850 заключенных прибывали в Тырныауз в январе 1944 г. [5].

Трудовой коллектив Тырныаузского комбината работал с большим подъемом, проявляя массовый героизм на каждом рабочем месте. Его усилия позволили пустить первую очередь комбината в установленные сроки, т.е. к началу 1944 г., а с 1 января 1945 г. предприятие заработало на полную мощность [6]. Страна стала получать молибденовый и вольфрамовый концентраты, которые шли на изготовление прочной стали и брони для боевой техники.

Другим объектом, имевшим важное значение для народного хозяйства Кабардино-Балкарии, соседних краев и республик, была Баксанская ГЭС. Согласно специальному решению обкома ВКП(б), на ее возрождение было направлено более 1 тыс. жителей республики, в том числе 400 комсомольцев. Именно комсомольско-молодежные бригады Г. Гайдуковой, В. Маринцевой и А. Соколовой являлись лучшими, постоянно перевыполняя трудовые нормы. По распоряжению советского правительства на восстановление Баксанской ГЭС были откомандированы опытные специалисты из Грузии. В начале сентября 1943 г., согласно постановлению Кабардино-Балкарского обкома ВЛКСМ, на восстановление Баксанской ГЭС в 9 районах республики были дополнительно мобилизованы 130 комсомольцев [7]. Результатом слаженной работы всех строителей стало успешное завершение восстановительных работ. 25 декабря 1943 г. первая очередь Баксанской ГЭС дала промышленный ток [8]. Кроме того, уже в начале февраля 1943 г. коллектив Нальчикского гидротурбинного завода восстановил литейный и механический цеха и начал выпускать боеприпасы для Красной армии. В марте 1944 г. был полностью восстановлен и пущен в эксплуатацию Докшукинский

спиртовый завод, который являлся одним из самых крупных в своей отрасли в СССР.

К началу 1945 г. в Кабардино-Балкарии были успешно восстановлены и работали 110 крупных и сотни мелких предприятий различных отраслей, или 55 % их общего количества. Выпуск валовой продукции в республике к концу Великой Отечественной войны составлял примерно 50 % от уровня 1940 г. [9]. Восстановительные работы во всех отраслях народного хозяйства продолжались с нараставшими темпами.

На Ставрополье возрождение промышленных предприятий начиналось буквально через несколько часов после изгнания врага. Тяжелое наследие оставили после себя немецкие оккупанты: 31 645 городских и сельских жителей были убиты, 215 самых крупных предприятий всех отраслей промышленности из 349 имевшихся в крае были полностью взорваны или сожжены. По состоянию на февраль 1943 г. на Ставрополье в числе действующих осталось всего 481 небольшое предприятие (включая мастерские, отдельные цеха и кооперативные артели) или 17,2 % от численности всех видов промышленных и промысловых предприятий, работавших в крае в дооккупационный период. В наличии было всего 11 379 рабочих, что составляло 28,5 % по сравнению с июлем 1942 г. [10]. Общий ущерб, нанесенный гитлеровцами народному хозяйству Ставропольского края, составил 14,6 млрд руб.

Патриотический энтузиазм рабочего класса Ставрополья, его желание оказать скорейшую помощь Красной армии стали залогом успешного возрождения промышленных предприятий. Руководитель коммунистов Ставрополья М.А. Суслов в своей статье «В освобожденном крае», опубликованной в газете «Правда» 26 января 1943 г., писал именно о таком трудовом и патриотическом порыве трудящихся края. Он, в частности, отмечал: «В Моздоке начали работать хлебозавод, кожзавод, маслозавод; из Махачкалы до Минеральных Вод идут поезда; в Георгиевске начал работать мукомольный завод, пущены две хлебопекарни, кожзавод; в Пятигорске на мотороремонтном заводе на третий день после освобождения города был налажен ремонт тягачей для Красной армии; в Минеральных Водах пущены хлебозавод и стекольный завод им. Анджиевского; в Ставрополе восстановлена мельница, работает радиоузел, восстанавливаются маслозавод, хлебопекарни».

Восстановительные работы на Ставрополье проводились с таким расчетом, чтобы заводы и фабрики могли начать выпускать готовую продукцию по мере их частичного ввода в строй. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что планомерное возрождение промышленной отрасли края задерживалось по вине отдельных местных руководителей. На X пленуме Ставропольского крайкома ВКП(б), который проходил 9–11 марта 1943 г., в этой связи отмечалось: «Многие руководители хозяйственных и советских организаций, в том числе краевых, еще не перестроились применительно к новым условиям и работают по старинке, ожидая готовых фондов, сырья, топлива, запасных частей, совершенно не проявляя инициативы, чтобы изыскать и мобилизовать внутренние резервы и ресурсы на месте, отсиживаются в канцеляриях, не контролируя работу, предоставив ее самотеку» [11]. Только в марте – апреле 1943 г. Ставропольский

крайком ВКП(б) и крайисполком окончательно утвердили специальные планы восстановления по каждой отрасли промышленности и затем осуществляли контроль за ходом всех работ на промышленных объектах [12].

Одним из первых жизненно важных для экономики Ставрополья предприятий была Кисловодская ТЭЦ, взорванная отступавшими немецкими войсками. С ее выходом из строя остались без энергоснабжения все города Кавказских Минеральных Вод. Поэтому в начале апреля 1943 г. первый секретарь Ставропольского крайкома партии М.А. Суслов обратился с просьбой к секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову оказать помощь краю стройматериалами и денежными средствами в скорейшем восстановлении Кисловодской ТЭЦ. В частности, выделить для нее турбогенератор мощностью до 6 тыс. кВт, взамен взорванного гитлеровцами. Все остальные восстановительные работы край, по утверждению М.А. Суслова, мог осуществить самостоятельно [13]. Как свидетельствуют документы, просьба руководителей Ставрополья была удовлетворена, и восстановительные работы на Кисловодской ТЭЦ значительно ускорились [14].

Интересная ситуация сложилась в вопросе о восстановлении Георгиевского консервного завода, одного из крупнейших предприятий в своей отрасли на Северном Кавказе. Специальная комиссия Наркомата пищевой промышленности СССР установила, что завод восстановлению не подлежит. Однако руководители Ставропольского края и коллектив предприятия решили, что консервный завод можно все же восстановить. К концу лета 1943 г., когда на полях и в садах наступила уборочная пора, он приступил к приему урожая, его переработке и выпуску готовой продукции. Причем, мощность предприятия была доведена до прежней, т.е. равной дооккупационному периоду. Лишь после этого Наркомат пищевой промышленности отпустил финансовые средства, которые покрыли все затраты, затраченные на восстановление Георгиевского консервного завода [15].

К концу 1943 г. успешно завершили восстановительные работы железнодорожники Ставрополья. Были введены в строй разрушенные врагом станции, паровозные и вагонные депо, почти все путевое хозяйство. Передовиками в соревновании работников железных дорог края были рабочие и техники Минераловодского железнодорожного узла. За большие производственные показатели и систематическое перевыполнение плановых заданий только в локомотивном депо города Минеральные Воды орденами и медалями СССР было награждено 386 чел. [16].

Как и в первый год Великой Отечественной войны, самыми крупными оборонными предприятиями Ставрополья были завод «Красный металлист» краевого центра, в 1943–1946 гг. входивший в структуру Наркомата минометного вооружения, Пятигорский мотороремонтный и Георгиевский арматурный заводы. Рабочие и инженерно-технический персонал «Красного металлиста» приступили к работе буквально на развалинах взорванных гитлеровцами цехов и мастерских, начав выпускать первые партии оборонной продукции. В течение нескольких дней были отремонтированы первые единицы оборудования из числа взорванных оккупантами 248 станков и механизмов. Вслед за этим начался ремонт всех 3 дизельных установок по 800 лошадиных сил каждая, дававших электрическую энергию [17].

Завод «Красный металлист» в мае 1943 г. стал выполнять первый государственный оборонный заказ. В 1944 г. он дал продукции в 2 раза больше, чем в предыдущем году. В Черкесии и Карачае в течение 6 месяцев после освобождения автономных областей от немецких оккупантов были практически полностью восстановлены все промышленные предприятия. К началу 1944 г. на полную мощность работали все 13 угольных шахт. Лучший шахтер, стахановец З. Абиянов добывал за каждую рабочую смену не менее 18 т угля, в несколько раз перевыполняя трудовую норму [18].

Успешно шло восстановление Пятигорского мотороремонтного и Георгиевского арматурного заводов. Уже весной 1943 г. оба этих предприятия стали выполнять и перевыполнять плановые задания. Следует отметить, что вначале Пятигорский мотороремонтный завод на уцелевшем оборудовании вновь стал выпускать оборонную продукцию: мины, ручные гранаты, автоматы ППШ. Затем, с лета 1943 г., одновременно с восстановлением производственных мощностей он был перепрофилирован на выпуск запчастей для тракторов и другой сельскохозяйственной техники, в которых так остро нуждались труженики села. К примеру, к концу 1943 г. трудовой коллектив мотороремонтного завода успешно справился со специальным заказом, изготовив за короткое время 2840 моторных гильз для ремонта тракторов. Сверх плана завод выпустил также для МТС Ставропольского края большое количество других запасных частей [19].

В марте – августе 1943 г. на восстановлении промышленных предприятий в городах Ставропольского края работало 45 комсомольско-молодежных бригад. В проводимых под руководством крайкома ВЛКСМ трудовых воскресниках только в 1943 г. принимали участие 56 тыс. юношей и девушек [20]. Своим трудовым задором и самоотверженным трудом комсомольцы внесли свою важную лепту в скорейшее возрождение промышленной отрасли края.

Уже к марту 1944 г., т.е. всего за год с небольшим, в крае приступили к работе 297 заводов и фабрик, 61 городской и районный промкомбинат, 16 пищевых комбинатов и 204 промысловых артели [21]. Однако предстояло провести еще весьма значительную часть восстановительных работ на большинстве промышленных предприятий края. Ведь к весне 1945 г. в Ставропольском крае валовой выпуск промышленной продукции составлял только 41,8 % от уровня довоенных лет [22]. Даже на пущенных в эксплуатацию в последние два года войны заводах, фабриках и мастерских необходимо было продолжать ремонтно-строительные работы.

Анализируя мероприятия партийных и советских органов Ставропольского края по восстановлению промышленности, важно отметить, что решение этой важной проблемы, кроме уже указанных, затруднялось еще одним обстоятельством. Речь идет о мобилизации рабочей силы на Ставрополье для отправки ее в другие регионы страны, еще больше пострадавшие от немецкой оккупации. Причем такого рода мобилизации проходили даже в тяжелейшем для Ставрополья 1943 г., когда за пределы края было отправлено 18 632 чел. Затем, в период с 1 января по 20 апреля 1944 г., территорию Ставрополья покинули еще 19 447 чел. Всего, таким образом, было мобилизовано и уехало в другие регионы СССР 38 079 чел. [23]. Такие мобилизации трудовых

ресурсов, к тому же квалифицированных, конечно же, удлиняли сроки восстановительного периода в самом Ставропольском крае, усложняли возрождение промышленной отрасли. Однако суровая необходимость военного времени настоятельно требовала осуществления таких мер в интересах скорейшего достижения окончательной победы над врагом.

Подводя итоги, отметим, что возрождение промышленности Кабардино-Балкарии и Ставрополья в последние два года войны проходило в тяжелой обстановке. Она стала следствием огромных потерь и разрушений, нанесенных народному хозяйству республики и края немецкими оккупантами. Но, несмотря на эти трудности, благодаря трудовому энтузиазму и самоотверженности рабочих и служащих, их патриотическому настрою удалось в кратчайшие сроки восстановить промышленное производство Кабардино-Балкарской АССР и Ставропольского края, приступить к оказанию всесторонней помощи фронту.

Примечания:

1. Мамукелашвили Э.З. Кавказ в грозные годы. Тбилиси, 1981. С. 152.
2. Лики войны: сборник документов по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нальчик, 1995. С. 207–208.
3. Там же. С. 196.
4. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов. Нальчик, 1975. С. 16.
5. Лики войны… С. 288.
6. История Кабардино-Балкарской АССР: в 2 т. Т. 2. М., 1967. С. 279–280.
7. Лики войны… С. 258.
8. История Кабардино-Балкарской АССР… Т. 2. С. 279–280.
9. Там же. С. 280.
10. Селюнин В.А. Промышленность и транспорт Юга России в войне 1941–1945. Ростов н/Д, 1997. С. 342–343.
11. Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов. Ставрополь, 1962. С. 354.
12. Там же. С. 15.
13. Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях. Ставрополь, 2005. С. 156.
14. Там же. С. 175.
15. Там же.
16. Край наш Ставрополье. Очерки истории. Ставрополь, 1999. С. 343.
17. Шацкий П.А., Муравьев В.Н. Ставрополь. Исторический очерк. Ставрополь, 1977. С. 193.
18. Край наш Ставрополье… С. 342.
19. Мы победили. Пятигорск и пятигорчане в годы Великой Отечественной войны. Пятигорск, 2005. С. 60.
20. Мамукелашвили Э.З. Указ. соч. С. 192.
21. Ставропольский край в истории СССР. Пособие по историческому краеведению. Ставрополь, 1975. С. 183.
22. Край наш Ставрополье… С. 358.
23. Ставрополье: правда военных лет… С. 192.

Н.А. Власкина

«Шире использовать местные продовольственные ресурсы»: о сборе дикорастущих трав и грибов в военное время (по материалам донской периодики 1942–1944 гг.)[1]

Великая Отечественная война кардинальным образом изменила жизнь многих жителей СССР – как ушедших на фронт, так и оставшихся в тылу. В течение короткого срока после начала военных действий сложились условия, при которых население страны стало испытывать нехватку ресурсов жизнеобеспечения: резко снизился уровень продовольственного снабжения, что было связано с оккупацией территории СССР (а следовательно, с сокращением посевных площадей, потерей существовавших продовольственных запасов), мобилизацией населения [1], не менее остро ощущалась нехватка медикаментов. В сложившейся ситуации поиск альтернатив недоступным более источникам питания, лечебным средствам стал не только частью практик повседневности, но и государственной задачей.

В числе потенциально полезных природных ресурсов были дикорастущие травы и грибы. В 1941–1942 гг. центральные научно-исследовательские институты, ботанические сады получали государственные задания по поиску новых источников витаминов и питательных веществ. Открытия ученых незамедлительно внедрялись в производство; по радио, в печати, во время публичных лекций проводилась широкая пропаганда сбора новых средств [2]. В частности, Ленинградское издательство выпустило брошюры «Приготовление настоев из хвои» [3]; «Чай и кофе из дикорастущих растений Ленобласти» [4], «Овощи и дикорастущая зелень и плоды в питании» [5].

В регионах также ставился вопрос о «максимальном изыскании и использовании местных продовольственных ресурсов» [6]. «Не надеяться на выделение централизованных фондов, на завоз продукции извне, а стараться на месте получить необходимое продовольствие», – к этому призывали жителей Ростовской области авторы передовицы газеты «Молот» в 1942 г. [7].

Областная периодика является одним из ценных источников для изучения адаптационных практик военного периода. В настоящей статье будет показано, как работа по сбору и использованию местных дикорастущих трав и грибов отражалась в публикациях газеты «Молот» – ведущего регионального издания Ростовской области.

Уже в мае 1942 г. сбор лекарственных трав объявлялся важной оборонной задачей. Корреспонденты писали: «В каждом районе нашей области в огромном количестве произрастают разного рода лекарственные травы. Здравотдел Боковского райсовета решил организовать в этом году сбор лекарственных

[1] Статья подготовлена в рамках работы по работы по проекту «Исторические формы и современные способы функционирования социокультурных институтов на Юге России» (базовое бюджетное финансирование ИСЭГИ ЮНЦ РАН, № госрегистрации 01201368164).

трав – ромашки, медвежьих ушек, шиповника и т.д., которые пойдут на изготовление лекарств для бойцов Красной Армии» [8].

В июне сообщалось о приеме Ростоблпотребсоюзом сушеного лекарственно-технического сырья, перечислялись виды растений и приводилась их закупочная стоимость (за килограмм сырья): «листья белены – 2 р., листья дурмана – 2 р. 50 к., листья крапивы – 1 р. 20 к., листья полыни – 75 к., листья деревея [9] – 70 к., трава водяной перец – 50 к., трава пастушья сумка – 1 р., трава чебрец – 40 к., трава зверобой – 40 к., ягоды терна – 60 к., ягоды бузины – 5 р., хмель – 2 р. 50 к., бодяга [10] – 2 р. 50 к., цветы деревея – 40 к., корень валерьян. – 5 р., плоды шиповник – 1 р. 50 к.» [11]. Рекомендованные к сбору растения должны были восполнить дефицит лекарств первой необходимости. Так, белена могла использоваться как успокаивающее, противосудорожное и болеутоляющее средство, при заболеваниях дыхательных и пищеварительных путей, дурман – противоспазматическое, болеутоляющее и уменьшающее секрецию при заболеваниях дыхательных, желчных путей и желудочно-кишечного тракта [12], водяной перец (горец перечный) – кровоостанавливающее, болеутоляющее, ранозаживляющее, плоды шиповника – источник витамина С.

В июне 1942 г. газета сообщала также об инициативе пионеров и школьников, взявших на себя обязательство по сбору фруктовых косточек, из которых должен был производиться активированный уголь [13]. В этом же месяце в «Молоте» появилось объявление о приемке Ростоблпотребсоюзом этого вида сырья: «абрикосовые, жерделовые – 50 коп. кг, вишневые, черешневые, сливовые, алычевые, персиковые – 30 коп. кг.» [14].

Задача сбора лекарственных и имеющих хозяйственное значение растений поднималась на уровне Ростовского обкома ВЛКСМ. В одном из июньских номеров «Молота» за 1942 г. была опубликована объемная статья секретаря организации М. Ольшанской о важности использования дикорастущих видов. В материале среди прочего говорилось: «Ростовская область богата растительным сырьем. В обилии у нас встречается шиповник, содержащий витамин “С”, который исключительно полезен для раненых, имеются валериана, дурман, белена, водяной перец и десятки других полезных растений, из которых приготовляются ценные медицинские препараты. Яблоки-кислицы, грушидички, ягоды бузины, терна, грибы, произрастающие в большинстве районов нашей области, являются пищевым сырьем, богатым витаминами и сахаром. Семена тыквы, кабачков, огурцов, дынь, арбузов содержат большое количество масла, пригодного для мыловарения. Задача заключается в том, чтобы собрать весь этот обильный урожай плодов и растений, правильно использовать их, поставив на службу обороны родины» [15]. Предполагалось, что в детских и молодежных комсомольских организациях всех уровней должны были быть созданы инициативные группы по сбору дикорастущих растений, а также контролирующие их комиссии. Уполномоченным Лекарстреста (Треста по выращиванию и заготовке лекарственно-растительного сырья при Минздраве СССР) и аптекоуправлений предписывалось проведение инструктажа сборщиков [16].

В этом же месяце 1942 г. в Ростове велась активная популяризация разведения шампиньонов. Ростовский горисполком провел совещания по вопросу их культивации в подсобных хозяйствах предприятий и организаций города (в частности на территории завода Ростсельмаш). Авторы газетного материала об этом событии призывали собирать дикие шампиньоны в окрестностях Ростова: «искать их следует в лесонасаждениях, расположенных вдоль железных дорог, в балках, в местах, где были навозные кучи», – и далее размножать грибницы на специально удобренных участках [17]. Спустя две недели редакция газеты сообщала о том, что грибы посажены, «растут и обещают неплохой урожай» [18]. Но оккупация Ростова не дала новаторам развернуть эту деятельность: «Немецкие оккупанты полностью разрушили наши молодые шампиньонные хозяйства, нам не удалось тогда снять богатый урожай», – писали журналисты в апреле 1944 г. [19].

После освобождения Ростова в 1943 г. деятельность по сбору дикорастущего сырья и созданию инновационных разработок, направленных на его использование, была продолжена. Весной Ростовское аптекоуправление и подведомственные ему организации планировали заготовку 11 т лекарственных трав. Для их сбора было решено организовывать молодежные бригады [20]. Вскоре решение было осуществлено: в июльских и августовских выпусках «Молот» сообщал о том, что к этой работе были подключены школьники города: областной отдел народного образования совместно с обкомом ВЛКСМ организовали в Ботаническом саду лагерь юных натуралистов, которые занимались «сбором лекарственных трав и дикорастущих съедобных растений» [21]. Целебные травы собирали и члены агробиологического кружка городского Дворца пионеров [22].

Областное аптекоуправление призывало молодежь помогать таким образом фронту и в 1944 г.: «Сбор лекарственных растений – оборонное дело! Массовым сбором лекарственных растений обеспечим Красную Армию и население необходимыми лекарствами. Школы, колхозы, лесхозы, заповедники, дома инвалидов, детские дома, пионерлагери, организуйте массовый сбор и заготовку валерианового корня, цветов ландыша, цветов аптечной ромашки, листьев белены и дурмана, липового цвета, череды, донника, чебреца, плодов шиповника. Юные натуралисты, пионеры, школьники! Собирайте лекарственные растения. Не упускайте сезона сбора» [23]. Привлечению школьников к этой деятельности уделяли внимание и в двух июньских публикациях 1944 г. [24].

В 1943–1944 гг. анализируемое издание также продолжало публикацию материалов, популяризирующих употребление в пищу дикорастущих видов. В июльском номере «Молота» за 1943 г. была напечатана статья профессора А. Зубрилина и кандидата сельскохозяйственных наук С. Зафрена о получении белково-витаминного продукта из зеленых растений. Для его приготовления рекомендовали использовать скошенные свежие молодые травы (клевер, люцерну, тимофеевку, костер, пырей, овсяницу, лебеду, крапиву, ботву свеклы и моркови), после их обработки, которая включала несколько стадий, получалась «однородная творожистая паста темно-зеленого цвета», которая

должна была «благотворно» влиять на пищеварение. Питательная ценность 10 г пасты приравнивалась по содержанию белка к 4–6 куриным яйцам. Ее рекомендовалось «добавлять в суп, щи, борщ, кашу, картофельное пюре, винегрет, салат, гарнир, а также хлебные, кондитерские и колбасные изделия или употреблять в чистом виде с применением тех или иных вкусовых веществ (соль, уксус)» [25].

В апреле 1944 г. подробная публикация посвящалась необходимости сбора шиповника, пользе содержащегося в нем витамина С и деятельности Ростовского фармацевтического завода № 10 по производству концентрата этого витамина из плодов шиповника, а также разработке витаминных концентратов из хвои, крапивы и смородины, планам выпуска витаминного чая [26].

Освещалось в прессе и введение дикорастущих трав в рецептуру блюд: «Повара стали выпускать также белково-растительные котлеты и икру, а из шиповника – витаминный квас. Трест столовых подсчитал, что за прошедшие два месяца работники столовых заготовили и использовали для общественного питания 36 т дикорастущей зелени и 20 т дрожжей. Лучшие кулинары Ростова – братья Матвеенко, Мамров, Падалка, Гобель особенно удачно применяют в пищу новые виды продуктов» [27].

Наконец, «на местах» использовали не только лекарственные и пригодные в пищу растения, но и искали новые источники для производства товаров народного потребления. В Сальском районе, благодаря «народной инициативе», «своевременно и чутко поддержанной районным комитетом ВКП(б)», было организовано производство спичек из камыша: «Трудно организовать изготовление спичек, не имея поблизости леса. Столяр местного промкомбината тов. Бояринцев решил использовать заросли камыша. Инженер тов. Сухомлинов помог рабочему осуществить его предложение. Совместно был сконструирован станок для резки камыша и изготовления из него спичечных палочек. Готовая продукция получила высокую оценку в Москве. Сейчас в Сальске организовано производство спичек. Их уже выпущено на местный рынок несколько тысяч коробок» [28].

Из проанализированного материала видно, что к концу войны жители Ростовской области использовали все возможные ресурсы жизнеобеспечения и, опираясь на знание местных природных условий и применяя выработанные технологии к новым источникам, в короткие сроки реализовывали инновационные идеи. То, что звучало как проект в одной публикации, находило свое воплощение спустя несколько недель, как в ситуации с выращиванием шампиньонов. Идеи по привлечению молодежи к сбору растений через год были внедрены на многочисленных детских площадках, в кружках и пионерских лагерях и описывались уже как общепринятая практика, а полученное сырье сразу шло на производство новых препаратов и в предприятия пищевой промышленности. Безусловно, нельзя не учитывать своеобразие слога прессы того времени, скрывающего от читателя детали того, что испытывали люди, в ежедневном рационе которых травы, макухи и дрожжей, изготовленных из древесных опилок, порой было больше, чем обычных продуктов питания.

Об этом подробнее рассказывают устные свидетельства, оставшиеся за рамками настоящего текста.

В заключение отметим, что приводимые корреспондентами сведения позволяют нам не только исследовать разные аспекты военной повседневности, стратегии поведения человека и коллектива в экстремальной ситуации, но и изучать народные знания о дикорастущих травах и грибах, хозяйственное освоение флоры региона, поскольку при разработке вариантов применения растений, рецептов их приготовления, безусловно, учитывались не только полученные в результате научных экспериментов данные, но и народный опыт использования трав и грибов.

Примечания:

1. Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г. Питание военнослужащих в 1941–1945 гг. // Вопросы истории. 2012. № 5. С. 39.
2. Беззубов А.Д. Витамины для блокадного Ленинграда // Химия и жизнь. 1985. № 1. URL: http://www.infran.ru/vovenko/60years_ww2/vita_blokada.htm (дата обращения: 21.04.2015).
3. Санкт-Петербургский музей хлеба. Экспозиция.
4. Чай и кофе из дикорастущих растений в Ленобласти. Л., 1942.
5. Луканина А.С. Овощи и дикорастущая зелень и плоды в питании. М., 1944.
6. Шире использовать местные продовольственные ресурсы // Молот. 1942. 9 июня. С. 1.
7. Там же.
8. Сбор лекарственных трав // Молот. 1942. 7 мая. С. 4.
9. Деревей – в донских говорах – тысячелистник обыкновенный, Achillea millefolium (см.: Большой толковый словарь донского казачества: около 18 000 слов и устойчив. словосочетаний. М., 2003. С. 130).
10. Бодяга – озерное растение с ядовитыми корнями, которыми лечили ревматизм и радикулит (см.: Большой толковый словарь донского казачества… С. 46).
11. Объявление // Молот. 1942. 27 июня. С. 4.
12. Губергриц А.Я., Соломченко Н.И. Лекарственные растения Донбасса. Донецк, 1966. С. 50, 75.
13. Сбор фруктовых косточек // Молот. 1942. 10 июня. С. 4.
14. Объявление // Молот. 1942. 24 июня. С. 4.
15. Ольшанская М. Организуем сбор лекарственного, пищевого и технического сырья // Молот. 1942. 24 июня. С. 4.
16. Там же.
17. Разведение грибов в подсобных хозяйствах // Молот. 1942. 3 июня. С. 4.
18. Первые шампиньоны // Молот. 1942. 14 июня. С. 4.
19. Киракозов И. Шампиньоны // Молот 1944. 15 апреля. С. 3.
20. Медикаменты для Ростовской области // Молот. 1943. 22 мая. С. 1.
21. Лагерь юных натуралистов // Молот. 1943. 28 июля. С. 4.
22. Будни дворца пионеров // Молот. 1943. 13 августа. С. 4.
23. Объявление // Молот. 1944. 6 мая. С. 4.
24. Летние каникулы школьников // Молот. 1944. 10 июня. С. 1; Соболев А.Е. Школа летом // Молот. 1944. 25 июня. С. 2.
25. Зубрилин А., Зафрен С. Белково-витаминный продукт из зеленых растений // Молот. 1943. 16 июля. С. 4.
26. Ватин В. Витамин «С» // Молот. 1944. 30 апреля. С. 4.
27. Новые пищевые продукты // Молот. 1944. 16 июля. № 140. С. 4.
28. Карабихин Н. Райком и народная инициатива // Молот. 1944. 19 июля. С. 2.

Е.Н. Бадмаева

Деятельность органов НКВД Калмыцкой АССР в годы Великой Отечественной войны

Органы НКВД Калмыкии с первых дней войны активно включились в исполнение новых функций, обусловленных военным временем, – мобилизационную кампанию, борьбу с дезертирами и лицами, уклонявшимися от призыва и службы в армии, мародерами и паникерами, а также оперативную работу по выявлению вражеских агентов, провокаторов и т. п. В связи с всеобщей мобилизацией, объявленной в стране, органы НКВД республики оказывали действенную помощь военным комиссариатам в учете допризывников, призыве военнообязанных. Руководство ведомства постоянно докладывало в областной комитет ВКП(б) и СНК Калмыцкой АССР о ходе призывной кампании в регионе. Эти донесения легли в основу отчета областной парторганизации, направленного 30 июля 1941 г. в ЦК ВКП(б). Как отмечалось в этом документе, «весь народ в прекрасном морально-политическом состоянии», воинский призыв прошел без срывов и фактов дезертирства, на «высоком идейно-политическом уровне». Негативные же факты, имевшие место в республике, – степные пожары и найденные листы с текстом молитв – признавались делом рук поджигателей, вредителей и других несознательных элементов. Органы внутренних дел республики, как отмечалось в отчете, нашли «виновных» и «привлекли к ответственности» [1].

Особое внимание органы НКВД республики уделяли борьбе с паническими настроениями в обществе, распространением клеветнических измышлений. Уголовный розыск активно участвовал в оперативной работе по выявлению и задержанию вражеской агентуры. Под строгим контролем правоохранительных органов находились учет и охрана нормированных продуктов, идущих на обеспечение армии и населения, пресечение преступной деятельности спекулянтов и расхитителей. После захвата части улусов республики немецко-фашистскими войсками представители эвакуированного в Астрахань НКВД Калмыцкой АССР обеспечивали руководство действовавшими на оккупированных территориях республики партизанскими отрядами, проводили инструктаж народных мстителей. На территории Троицкого и Кетченеровского улусов эффективно действовала разведывательно-диверсионная группа НКВД старшего лейтенанта П.И. Барабанова (бывшего начальника Троицкого улусного отделения НКВД), состоявшая из сотрудников милиции [2].

НКВД Калмыцкой АССР принимал активное участие в формировании отрядов народного ополчения, 110-й национальной кавалерийской дивизии, мобилизации граждан республики на строительство оборонительных сооружений, стратегически важной железнодорожной ветки Астрахань – Кизляр. Работники милиции непосредственно участвовали в организации приема и размещения скота, эвакуируемого из других регионов страны, а затем в его охране и переправе через паромный мост на Волге в тыловые районы страны. Оставшаяся часть неэвакуированного скота осталась на зимовку в хозяйствах Калмыкии, часть его в результате падежа погибла. Нехватка кормов, погодные

катаклизмы также обусловили значительную потерю поголовья скота в колхозах и совхозах республики.

Партийные органы списывали недочеты в организации зимовки и гибель скота на вредительство «врагов народа», «ожидающих скорого прихода немцев», «враждебных элементов», которые «стали губить скот, воспользовавшись тяжелыми метеоусловиями, распространением ящура, занесенного с эвакуированным скотом» [3]. И давали прямые указания органам прокуратуры и НКВД республики найти «вредителей, врагов, погубивших скот». Правоохранительными органами был арестован 41 чел., но областному комитету партии этого числа «вредителей» оказалось недостаточно. Он обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой дать указание Прокуратуре СССР и НКВД СССР найти всех виновных в массовой гибели животных в республике. Первый секретарь Калмыцкого обкома ВКП(б) П.В. Лаврентьев считал, что органы прокуратуры и милиции республики не справляются с этой задачей, предлагал освободить от занимаемых должностей их руководителей – П.Я. Хонхошева и Г.Я. Гончарова как «смазывающих политическое значение сохранения животноводства» [4].

НКВД Калмыцкой АССР постоянно информировал партийные и советские органы республики практически обо всех позитивных и негативных процессах экономической и социальной жизни региона. Докладные записки, направленные в обком партии и СНК, изобилуют многочисленными примерами и данными об активной работе наркомата внутренних дел республики по выявлению «врагов народа», саботажников, зачастую мнимых, о принятых мерах по отношению к ним. Так, председатель колхоза им. Чкалова 2-го Ики-Туктуновского сельсовета Улюмджи Сиксукович Шаранов был обвинен в связи с высказанным им сомнением в нецелесообразности уборки урожая лобогрейками и необходимости привлечения для уборочных работ комбайнов. Этот факт рассматривался как антисоветская деятельность председателя, за что он был привлечен к уголовной ответственности [5].

Органы НКВД в постоянном режиме информировали партийно-государственные органы республики о панических настроениях в обществе. В донесении от 23 сентября 1942 г. сообщалось о «наличии серьезных недостатков в деятельности советско-партийных и общественных организаций, а именно: деятельность улусных организаций и особенно в Улан-Хольском улусе дезорганизована». Работники государственных органов живут «настроением “скорее эвакуироваться”, хотя никакой угрозы со стороны предполагаемого продвижения противника нет»: «военком улуса Жигальцев со своим аппаратом, поддавшись панике, бежал, кроме этого, он сообщил военкому Лаганского улуса, что немецкие танки подходят уже к Долбани. Народный судья Улан-Хольского улуса в момент, когда немецкая разведка 4 сентября находилась в 20 км от улусного центра, сбежал и возвратился только 14 сентября… В селе Улан-Хол в больницу не принимают потому, что последнюю закрыли. Школы не работают. Население в связи с отсутствием полит. массовой работы находится в паническом состоянии» [6].

Непосредственной обязанностью органов республиканской милиции являлся розыск дезертиров и выявление лиц, уклонявшихся от воинской службы.

Количество таких граждан особенно увеличилось после неудачных боев Красной армии в 1942 г. Военный комиссар 110-й отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии С.Ф. Заярный в докладной записке от 1 июня 1942 г. секретарю Калмыцкого обкома ВКП(б) П.В. Лаврентьеву и председателю СНК Калмыцкой АССР Н.Л. Гаряеву жаловался на недостаточную работу милиции республики по поимке дезертиров. Этот документ был спущен по инстанции в НКВД республики. В своем ответе руководителям республики нарком внутренних дел Калмыцкой АССР Г.Я. Гончаров информировал о работе улусных отделений НКВД по поимке дезертиров из 110-й кавалерийской дивизии: «…дезертиры Анюев и Арылов были установлены на нашей территории, арестованы и военным трибуналом осуждены к высшей мере наказания – расстрелу» [7]. Сообщалось также, что «в мае месяце 1942 года установлены и арестованы дезертиры из 110-й кавалерийской дивизии “З”, “Э”, “М” и некоторые другие по сообщению У/О НКВД» [8].

Серьезные конфликты и недоразумения возникали между правоохранительными органами республики и воинскими частями, солдатами и офицерами, дислоцировавшимися на территории Калмыкии. Нарком внутренних дел республики Г.Я. Гончаров в докладной записке председателю СНК Калмыцкой АССР Н.Л. Гаряеву от 23 мая 1942 г. сообщал: «Командир 111-й кавалерийской дивизии полковник Белоусов, в бытность дислоцирования в рабочем поселке Башанта Калмыцкой АССР, творил беззаконие. В частности по его приказанию была произведена сплошная рубка для топки почти единственного лесного массива на территории Цоросовского и Башантинского сельсоветов. Всего дивизией было заготовлено 700 к/м дров. Когда же ему руководители местных партийных и советских органов указывали на неправильность такого действия, он заявил: “Я начальник гарнизона и имею право заготовить дров столько, сколько требуется”» [9].

В спецсообщении Г.Я. Гончарова от 7 октября 1942 г. председателю СНК Калмыцкой АССР Н.Л. Гаряеву приводятся факты злоупотреблений со стороны бойцов и командиров частей РККА: «По имеющимся у нас данным 11 сентября с.г. в селе Харба Юстинского улуса КАССР находившееся воинское подразделение без всяких на то оснований задержало группу в количестве 6 человек советско-партийных работников: председателя Черноземельского улусного исполкома КАССР Коломейцева, зав. УЗО этого же улуса Сергеева и др. Командир указанной воинской части без проверки имеющихся личных документов, не спрашивая, откуда и что за люди, с криками – бандиты и другими выражениями, заключил последних под стражу в сарай и поставил охрану, не выслушав никаких объяснений. Указанные лица были освобождены из-под стражи, как необоснованно задержанные, только после прибытия и вмешательства работников НКВД. На другой день указанная воинская часть в этом селении отобрала 150 гол. овец у одного из работников, сопровождавшего указанных овец – Наранова, он же секретарь Черноземельского укома ВЛКСМ, не выдав соответствующего требования, даже не указав номера своей части и не оказав никакой помощи в перегоне 3500 гол. овец, направляемых к переправе за Волгу» [10].

В ряде докладных записок НКВД республики сообщалось о возмутительных фактах бесчинства со стороны военнослужащих, приводивших к «дезорганизации нормальной жизни населения, неподчинению представителям милиции и др. лицам, призванным охранять общественный порядок». Отмечалось, что воинские части «допускают незаконные действия, доходящие до мародерства», самовольно экспроприируют колхозный скот, воруют животных из личных подворий и т. п. В информации заместителя министра НКВД Калмыцкой АССР Б. Комаева говорилось: «200 голов КРС присвоила часть лейтенанта Гоглазина, находящаяся в Юсте» [11]. На основе информации НКВД руководство республики неоднократно направляло письма Военному совету 28-й армии и командованию других воинских частей для принятия соответствующих мер и привлечения виновных к ответственности. НКВД и сам напрямую обращался в воинские части с требованием наказать военнослужащих, совершавших антиобщественные деяния [12].

После изгнания немецко-фашистских войск из Калмыкии сотрудники органов НКВД выполняли задачу поддержания правопорядка на освобожденной территории, вели работу по выявлению и аресту гитлеровских пособников, не успевших эвакуироваться с фашистскими захватчиками. Некоторые из них состояли в бандформированиях и вместе с дезертирами из Красной армии занимались грабежами и разбоем в калмыцкой степи. В задержании и уничтожении бандитов участвовали как сотрудники республиканской милиции, так и войска НКВД. В результате принятых НКВД Калмыцкой АССР мер сдались добровольно 334 чел., было захвачено с оружием 30 чел. и убито 46 чел. Изъято 7 пулеметов и автоматов, 133 винтовки, 5018 патронов к ним [13].

Органы НКВД Калмыкии непосредственно участвовали в двух карательных операциях, проведенных на территории республики. Первая из них – переселение лиц немецкой национальности из Калмыцкой АССР в ноябре 1941 г. – проводилась на основе политического решения высшего руководства страны о необходимости принятия превентивных мер против потенциальных врагов, каковыми власть считала советских немцев. Общее руководство операцией по переселению немцев из Калмыцкой АССР было возложено на наркома внутренних дел республики Г.Я. Гончарова. В докладной записке НКВД республики начальнику 2-го управления НКВД СССР П.В. Федотову от 22 декабря 1941 г. приводятся результаты переселения лиц немецкой национальности из Калмыцкой АССР. В депортации немецкого населения участвовали 22 специально сформированные оперативные группы, состоявшие из оперативных работников НКВД, милиции, представителя местных советско-партийных организаций и лиц, отвечавших за опись и прием имущества, оставляемого выселявшимися. Погрузка депортируемого контингента производилась с 14 ноября по 6 декабря 1941 г. В документе отмечалось: «За время выселения лиц немецкой национальности с территории Калмыцкой АССР работавшей агентурой по немецкому населению отрицательных настроений не было отмечено, каких-либо происшествий, эксцессов, побегов, также отказа от выселения среди выселяемых не произошло». Всего было выселено из Калмыцкой АССР и направлено на поселение в Казахскую ССР 5965 лиц немецкой национальности. В пути

следования депортируемых сопровождали сотрудники НКВД и красноармейцы. С эшелонами выселявшихся было направлено 17 чел. агентуры из числа лиц немецкой национальности [14].

Вторая масштабная карательная операция с участием органов НКВД – выселение калмыцкого народа 28 декабря 1943 г. Эти две репрессивные операции (выселение советских немцев и депортация калмыцкого населения из территории Калмыцкой АССР) проводились по схожей схеме, но отличались друг от друга по ряду обстоятельств. Для калмыцкого населения, в отличие от немецкого, факт переселения был неожиданным, т.к. оно практически не знало о карательно-политических планах властей. Если немецкому населению на сборы давали более 2 ч, разрешали брать до 1 т вещей, то калмыцкому – 15–30 мин, а брать разрешали лишь самые необходимые вещи. Более суровым был и сезонный период, когда выселяли калмыцкое население, – зима 1943 г., когда в Калмыкии стояли лютые морозы. Наверное, такое тенденциозное отношение к калмыкам объяснялось тем, что они высылались в наказание за якобы тотальный коллаборационизм, сотрудничество с немецко-фашистскими захватчиками.

Органы НКВД с предвзятыми преувеличениями, доносившие в своих информационных сообщениях в партийно-государственные органы республики о сотрудничестве калмыцкого населения с фашистским режимом, вне сомнения, сыграли роковую роль в решении сталинского руководства о высылке калмыцкого народа из мест постоянного проживания. Именно их донесения легли в основу докладных записок партийно-государственной верхушки республики в высшие инстанции страны. «Политическое решение о выселении калмыков из родных мест руководство советского государства приняло, – как отмечается в “Истории Калмыкии”, – до октября 1943 г., когда официально началась активная и планомерная подготовка к депортации калмыков» [15]. По нашим представлениям, план высылки калмыцкого населения стал вызревать у Сталина уже летом 1942 г., когда руководство Калмыкии не смогло четко и своевременно организовать эвакуацию скота, и некоторая его часть оказалась в руках немцев. Стремясь уйти от ответственности за свое преступное бездействие, первый секретарь Калмыцкого обкома партии П.В. Лаврентьев в донесениях в центральные органы возложил вину на калмыков, которые якобы «захватывали и передавали немцам эвакуированный из Ростовской области и Украины колхозный скот», сотрудничали с немецкими оккупантами.

Своеобразной генеральной репетицией замышлявшейся депортации всего калмыцкого народа с обвинением в коллаборационизме стало локальное переселение в сентябре 1942 г. 80 калмыцких семей Эрдниевского сельсовета за линию фронта в город Енотаевск Астраханского округа, хотя директивой Ставки Верховного Главнокомандования от 14 октября 1942 г. отселению подлежало все гражданское население прифронтовых районов. На требования заместителя министра НКВД Калмыцкой АССР Б. Комаева объяснить причины переселения из Эрдниевки исключительно лиц калмыцкой национальности представитель командования 62-й армии прямо и недвусмысленно заявил, что причиной является то, что калмыцкое население «имеет связь с бандитами и немцами» [16].

Проведенная войсковая операция по переселению из фронтовой зоны только калмыцкого населения Эрдниевки наверняка осуществлялась по указанию высшего военного командования и была, по всей вероятности, негласно санкционирована сталинским руководством. Ее можно считать первой прицельной проверкой и отработкой механизмов силового варианта депортации «провинившихся» народов в ближайшем будущем. Локальное переселение жителей калмыцкой национальности Эрдниевского сельсовета полностью происходило по сценарию, который был реализован позже при высылке из родных мест всего калмыцкого населения. Сухие строчки из информационного сообщения НКВД, датированного 20 октября 1942 г., словно «эпиграф» к будущему – к событиям 28 декабря 1943 г.: «выселение происходило спешно, не дали возможность людям собрать вещи. Скот и домашние вещи растащены», «собрали население, подлежащее выселению, в один из домов и поставили охрану, посадили на машины и увезли в Енотаевск. Граждане уехали без вещей, продуктов и скота, голые и босые, в числе которых были такие, которые имеют сыновей в рядах Красной армии», «люди, преимущественно женщины, дети и старики уехали с криком и плачем, не зная, куда и зачем их выселяют» [17].

Руководство республики, опираясь на спецдонесение заместителя министра НКВД Калмыцкой АССР Б. Комаева, направило на имя командующего 28-й армии В. Герасименко и члена Военного совета А. Мельникова письмо, в котором подчеркивалось, что выборочное и насильственное переселение калмыцкого населения Юстинского улуса – «это грубая политическая ошибка, и она ведет к национальной вражде между населением, что может быть использовано фашистами и их агентурой в своих интересах. Поэтому отвод одних калмыков при оставлении населения других национальностей не избавляет территорию от шпионов, а, наоборот, дает почву для недовольства и не может гарантировать безопасность наших воинских частей, находящихся в этих районах» [18].

Деятельность органов НКВД Калмыцкой АССР в 1941–1943 гг. носила сложный, многоплановый и вместе с тем противоречивый характер. Она была направлена на укрепление правопорядка и законности в республике, на ликвидацию последствий вражеской оккупации. Но наряду с огромной созидательной работой в деятельности правоохранительного органа республики в годы войны имелись и негативные стороны, обусловленные характером и особенностями политического развития страны.

Примечания:

1. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НАРК). Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 81. Л. 5; Д. 90. Л. 2; Д. 106. Л. 2; Ф. П.-1. Оп. 3. Д. 612. Л. 40–41.
2. Бадмаева Е.Н. Неоккупированные районы Калмыцкой АССР в период военных действий (лето и зима 1942 г.) // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. 1953–2013: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого советского государства: материалы VIII Международ. науч. конф. Краснодар, 2013. С. 294.
3. НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 734. Л. 26–27.
4. Там же. Д. 755. Л. 52.
5. НАРК. Ф. Р-131. Оп. 3с. Д 83. Л. 179.

6. НАРК. Ф. Р-131. Оп. 3с. Д. 83. Л. 187, 188.
7. Там же. Л. 148.
8. Там же. Л. 148.
9. Там же. Л. 134.
10. Там же. Л. 191.
11. Там же. Л. 208, 210, 213.
12. Там же. Л. 191, 199, 211.
13. Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны: сб. документов: в 8 т. Т. 4. Кн. 1. Секреты операции «Цитадель» (1 января 1943 – 30 июня 1943 г.). М., 2008. С. 436.
14. Оконова Л. В., Лиджиева И. В. Реконструкция истории депортации немцев Калмыкии // Новые исследования Тувы. 2014. № 4. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_24/7550-okonova-lidzhieva.html (дата обращения: 28.03.2015).
15. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. II. Элиста, 2009. С. 581.
16. НАРК. Ф. Р-131. Оп. 3с. Д. 83. Л. 199.
17. Там же. Л. 199.
18. Там же. Л. 201.

Муса М. Ибрагимов

Ликвидация Чечено-Ингушской АССР и освоение ее территории новыми поселенцами в период Великой Отечественной войны

Прошло уже более семидесяти лет со дня насильственного переселения сталинским режимом чеченского и ингушского народов с их родной земли в Казахстан и Киргизию. Это событие воспринимается в сознании чеченского народа как одна из самых трагических страниц в его многовековой истории. Вполне обосновано поэтому пристальное внимание к данной проблеме со стороны исследователей, которые с различных сторон анализируют эту беспрецедентную акцию советской государственной машины по отношению не только к чеченскому и ингушскому народам, но и к целому ряду других народов СССР.

23 февраля 1944 г. началось поголовное выселение чеченского и ингушского народов в Центральную Азию, хотя указ Президиума Верховного Совета СССР о депортации чеченцев и ингушей последовал лишь 7 марта 1944 г., когда она фактически была уже завершена. Одновременно Чечено-Ингушская АССР была упразднена, а большая часть ее территории вошла в состав Ставропольского края в качестве Грозненского округа. 22 марта последовал новый указ, согласно которому образовывалась Грозненская область с центром в городе Грозный, ликвидировались Грозненский и Кизлярский округа Ставропольского края. Бывшая территория Чечено-Ингушской АССР была разделена между вновь образованной Грозненской областью, Грузинской ССР, Дагестанской АССР и Северо-Осетинской АССР [1].

После завершения операции по депортации чеченцев и ингушей их земли, дома, имущество, скот стали передавать поселенцам, главным образом, из Ставропольского края, Дагестана, Южной Осетии, Ростовской области,

отчасти из Краснодарского края. Следует отметить, что процесс переселения и хозяйственного возрождения территории Чечено-Ингушетии протекал крайне медленно, что отрицательно сказывалось на развитии сельского хозяйства и промышленности региона. В этих условиях власти стали определять планы переселения. Согласно установкам Грозненского обкома ВКП(б), уже до 15 апреля 1944 г. было запланировано разместить на территории бывшей Чечено-Ингушской АССР 8 тыс. хозяйств колхозников из Ставропольского края. Удалось же организовать лишь 6100 таких хозяйств. Даже к середине мая, несмотря на предпринятые партийным руководством Грозненской области меры, количество хозяйств переселенцев в ней составляло лишь 40 % от имевшихся до выселения коренных жителей Чечено-Ингушской АССР. К этому времени незаселенными полностью оставалось 22 села, а еще 20 были заселены на 10–12 %. Почти 10 тыс. домов пустовали, кроме того, еще около 1500 домов пришли за это время в негодность.

Люди не всегда выражали готовность к переезду, даже противились этому, по разным причинам, чаще надуманным, уезжали обратно. Архивные материалы подтверждают, что переселение на земли соседей во многих случаях носило «добровольно-принудительный» характер. Но достаточно было и людей, желавших переселиться в освободившиеся районы, особенно в плоскостные. Каждому району, колхозу «спускались» наряды-задания на определенное количество семей, «желающих» переселиться в новые районы. Разумеется, во многих хозяйствах необходимое количество желающих не находилось, но планы нужно было выполнять любым способом. Поэтому наряду с поощрительными применялись и принудительные меры.

На основании распоряжения СНК СССР от 11 марта 1944 г. Совнарком Дагестанской АССР обязывался переселить до 25 апреля 1944 г. в бывшие чеченские районы, включенные в состав республики, 5 тыс. хозяйств. Помимо этого намечалось в Ауховский район, откуда были высланы чеченцы-аккинцы, переселить еще 1300 хозяйств из высокогорных районов Дагестана. Однако на пути решения этих задач власти столкнулись со множеством проблем. На пленуме Дагестанского обкома партии отмечалось, что «заселение районов осуществлялось в тяжелых условиях». Просьбы Дагестанского руководства выделить на один месяц 100 грузовых автомашин и 150 т бензина для перевозки переселенцев в районы бывшей Чечено-Ингушской АССР и Ауховского района Дагестанской АССР были отклонены. В Москве посчитали, что дагестанцы могут 150 км проехать лошадьми и волами, тем более другие края и области с подобного рода просьбами не обращались. Отношение к переселяемым дагестанцам со стороны советских руководителей не многим отличалось от отношения к чеченцам и ингушам. На присоединенной к Дагестану территории в трех районах (Веденском, Андалалском и Ритлябском) были размещены жители Ботлихского, Цумадинского, Цунтинского, Ахвахского, Кахибского, Тляратинского, Гумбетовского, Чародинского, Хунзахского, Гунибского, Буйнакского и Унцукульского районов (более 40 тыс. чел.).

В эти же районы были переселены также бежтинцы, гинухцы и аварцы, жившие до 1944 г. в Кварельском районе Грузинской ССР (более 3 тыс. чел.).

И, наконец, в четвертом (Шурагатском) районе были расселены даргинцы и кайтагцы из Акушинского, Сергокалинского, Левашинского, Дахадаевского и Кайтагского районов (более 10 тыс. чел.). В бывший Ауховский и Хасавюртовский районы внутри Дагестансой АССР переселились около 13 тыс. лакцев, аварцев и кумыков [2]. Депортация чеченского и ингушского народов привела к трагедии многих других людей, насильственно переселенных на многострадальные земли вайнахов. За короткий промежуток времени несколько тысяч лакцев, аварцев и других горцев умерли в новых местах поселения от малярии. В постановлении СНК Дагестанской АССР отмечалось, что среди населения Новолакского, Андалалского, Ритлябского и Шурагатского районов в августе 1944 г. было до 7500 случаев заболевания малярией.

С 1944 по 1947 гг. от малярии и других инфекционных болезней умерло более 2 тыс. насильно переселенных горцев (в основном лакцев). К этому следует добавить, что 15 населенных пунктов в Лакском и Кулинском районах исчезли с карты Дагестана [3].

Секретарь Грозненского обкома ВКП(б) П. Чеплаков неоднократно выступал с предложением о дополнительном переселении колхозников в бывшую Чечено-Ингушскую АССР с территории республик и областей центральной России, в частности, 5 тыс. хозяйств из малоземельной Мордовской АССР, Тамбовской, Пензенской, Ульяновской, Рязанской, Саратовской, Горьковской, Ярославской и других областей [4]. В 1946 г. в Грозненской области прибавилось 2404 переселенных хозяйства. В 1947 г. – еще 1488 хозяйств. А всего с 1944 по 1948 гг. на территорию бывшей Чечено-Ингушской АССР вселилось 16 329 хозяйств [5].

За период с 1944 по 1956 гг. было переселено в районы, вошедшие в Грозненскую область, из РСФСР, Украины, Молдавии 78 тыс. чел. На территорию, отошедшую к Дагестанской АССР, переселилось из высокогорных районов республики от 46 до 61 тыс. горцев. В районы, включенные в состав Северо-Осетинской АССР, переселилось 55 тыс. чел. Территория, отошедшая к Грузинской ССР, осталась незаселенной [6].

Многие народы, жившие рядом с чеченцами и ингушами, с сочувствием отнеслись к их беде. Так, часть горских евреев категорически отказались занять освободившиеся дома своих высланных соседей – чеченцев. Настоятель иудейской общины Грозного Давид Моисеевич Хазан говорил в 1992 г.: «Все мы хорошо помним, как выселяли чеченцев и ингушей в 1944 году… Как плакал весь наш маленький народ, тысячелетняя история которого полна погромов и выселений… Из дома в дом был передан наказ нашего рабби (священнослужителя) о том, чтобы никто не смел прикоснуться к имуществу, оставшемуся от вайнахов, чтобы никто не вселялся в опустевшие дома» [7]. Как писал историк А. Козлов в своей книге «Сталин прежде и теперь», 40 семей аварцев, веками живших бок о бок с чеченцами в селах Урус-Мартановского района, в знак солидарности с ними по собственной воле отправились во главе с Абубакаром Магомадовым в места ссылки, чтобы там разделить с братьями все тяготы и беды. В станице Слепцовской казаки устроили своеобразные поминки по несчастным чеченцам – пели их старинные песни. В Пшав-Хевсурском районе

грузины отслужили в своих церквях молебны по невинно пострадавшим чеченцам и ингушам. Несмотря на то что укрывательство чеченцев строго каралось, все чеченцы Грузии были записаны кистинцами. Уходили туда чеченцы и после 23 февраля 1944 г., при этом их фамилии охотно переделывались на грузинские. Полтора десятка грузин за предоставление убежища обреченным были осуждены на 10–15 лет тюрем и лагерей [8]. Кумыки, невзирая на преследования, бережно сохранили кладбища чеченцев, не дав тем самым осквернить ни одной могилы.

С благодарностью вспоминают чеченцы бывшего директора библиотеки им. А.П. Чехова, русского интеллигента Ивана Сергеева. Когда в 1944 г. солдаты начали бесчинствовать в библиотеке, а в сквер у Дворца пионеров в Грозном стали свозить и сжигать книги и бесценные рукописи на чеченском и ингушском языках, он, рискуя вызвать против себя и своей семьи репрессии, спасал их и в течение тринадцати лет хранил у себя, веря, что придет время, когда они будут возвращены людям, вернувшимся на родную землю [9].

Оставались без хозяйского ухода плодородные пахотные земли, пастбища и сады. Малочисленность населения, отсутствие в достаточном количестве опытных рабочих кадров и специалистов, негативно отражалось и на работе Грозненской нефтяной промышленности. На промышленных предприятиях Чечено-Ингушской АССР до 1944 г. трудилось до 15 тыс. рабочих и специалистов из числа чеченцев и ингушей, из них в нефтяной отрасли более 4 тыс. чел. В нефтяной промышленности не хватало квалифицированных рабочих и инженерно-технических работников. Из буровых бригад в 1944 г. убыло 426 специалистов, из них свыше 90 % – чеченцы и ингуши [10].

Начальник «Октябрьнефти» Рябов на собрании партийного актива Грозненского обкома ВКП(б) 2 апреля 1944 г. отмечал: «То положение в нефтяной промышленности, которое произошло после спецпереселения, на нашем районе отразилось больше всего. Взять хотя бы вопрос бурения. Здесь выселили 65 процентов рабочих, по эксплуатационным промыслам Ойсунгура – 70 процентов. Уже проходит больше месяца, и сейчас кадры этот район не укомплектовал. За первый квартал из-за плохого ухода за скважинами (нехватка рабочих) недобрали 14 267 тонн нефти. Это свыше 5600 тонн бензина» [11].

Серьезной проблемой для органов власти стало имущество, оставленное чеченцами и ингушами. Его перераспределение повсеместно вызывало многочисленные факты хищений и злоупотреблений. Выступая на партийной конференции Грозненской области, начальник областной милиции Колесников отмечал: «Хищения и растраты в области имеют место в большом размере. За 1944 год органами милиции привлечено к уголовной ответственности за хищения и растраты 1245 человек, из них по районам области – 818. У расхитителей изъято денег более 700 тысяч рублей, зернопродуктов – до 170 тонн, промтоваров – на сумму до 200 тысяч рублей» [12].

Такое положение дел объяснялось обычно «наплывом преступных элементов» из других районов РСФСР. Отчасти это было верно. Но во многом способствовала злоупотреблениям и нарушениям законности и сама общественная атмосфера, сложившаяся в бывшей Чечено-Ингушской АССР. Об этом,

в частности, свидетельствует тот факт, что преступления, связанные с хищениями и злоупотреблением служебным положением, были совершены, в том числе, и ответственными работниками из числа партийного и советского актива Грозненской области. Так, 16 марта 1944 г. бюро Грозненского обкома ВКП(б) постановило: «За мародерство в период проведения операции по выселению чеченцев и ингушей, выразившееся в присвоении имущества и кукурузы, оставшихся после переселенцев, за самовольный обмен лошадей и дискредитацию себя как работника юстиции – нарсудью Сунженского района Койда В.Т. с работы снять и из рядов ВКП(б) исключить» [13]. Только в июне – июле 1944 г. обком ВКП(б) исключил из партии как воров и расхитителей секретаря Галашкинского райкома ВКП(б) Погорелова, председателя райисполкома этого же района Тищенко, председателя районной хозяйственной комиссии по учету, охране и реализации хлеба, скота и имущества спецпереселенцев Лакеева, секретаря Ачхой-Мартановского райкома ВКП(б) Цыганкова, начальника районного отдела милиции Чекашина, секретаря парторганизации вагонного депо Попандопуло. Были сняты с работы за аналогичные преступления и нарушения вторые секректари райкомов ВКП(б) в Атагинском и Шатоевском районах Морозов и Кущев, секретарь Атагинского райкома партии Кузнецов. Беспрецедентным выглядело снятие с работы и привлечение к ответственности первых секретарей Шатоевского и Урус-Мартановского райкомов партии Пария и Гленкова [14].

В этих условиях обком партии практиковал постоянные выезды с проверками областного партийного и советского актива в районы для контроля над положением дел и с целью остановить мародерство. Однако и члены комиссий, «пользуясь бесконтрольностью, зачастую всяческими путями набирали и приобретали для себя большое количество различного имущества». Важно отметить, что преступления, совершенные массой партийных и советских активистов, не только оставались без наказания, но даже не всегда фиксировались. Как отмечал в донесении в Москву первый секретарь Грозненского обкома ВКП(б) Чеплаков, «всех их теперь привлекать к ответственности просто невозможно, иначе будет потеряно много людей» [15].

Аналогичным было положение дел и в Дагестане. По итогам проверки, осуществленной по поручению СНК РСФСР летом 1944 г., комиссия из Москвы прямо отмечала, что «к разрешению задачи бережного сохранения и хозяйственного использования имущества спецпереселенцев районные организации, Наркомат финансов Дагестанской АССР и Дагсоюз подошли непродуманно и безответственно, недооценив всей хозяйственно-политической важности этого вопроса». Даже спустя полгода после депортации чеченцев и ингушей и присоединения к Дагестану части Чечено-Ингушской АССР так и не был налажен должный контроль над объемами поступившего имущества спецконтингента. В этих условиях открывались самые благоприятные возможности для воровства и служебных злоупотреблений. Как отмечалось в упомянутой выше справке, «безудержное хищение и разбазаривание имущества спецпереселенцев, начавшееся вскоре после выселения, сейчас хотя и несколько спало, но это произошло вследствие того, что значительная часть лучшего и пользующегося

наибольшим спросом имущества уже растащено или приведено в негодность». В республике даже в начале 1945 г. никто так и не знал, сколько именно принято имущества спецпереселенцев местными комиссиями, какова сумма направленных в бюджет средств от реализации этого имущества.

Так, на 1 августа 1944 г., по данным Дагестанской конторы Госбанка СССР, в бюджет по этой статье доходов поступили лишь 1,7 млн руб. Между тем только на складах в Ново-Лакском районе, даже по первичным актам, находилось имущества на сумму в 3,2 млн руб., а в Веденском районе – на 2,7 млн руб. Как и в Грозненской области, районные партийные и советские власти здесь не только не смогли организовать борьбу с хищениями, но и нередко сами «возглавляли» ее. Так, исполнявший обязанности председателя Ново-Лакского райсовета Халид Юсупов приехал в Бонай-Аул с одним вещмешком, а уже на месте сумел полностью устроить свой повседневный быт, получив все, что считал необходимым для этого. У него местная комиссия при проверке обнаружила недостачу 4 ручных и 4 ножных швейных машин, 9 подушек, 26 паласов, 30 ковров, 6 велосипедов, 12 чемоданов, большого количества мебели.

Злоупотребления отличали и тех, кто по должности должен был бороться за правопорядок. Заместитель начальника районного отдела НКВД Ново-Лакского района Магомедов, пользуясь бесконтрольностью со стороны вышестоящих властей, сам занялся хищениями и присвоением государственного имущества. Кровати и фарфоровая посуда, ковры и старинное оружие, мебель и скот перекочевывали в его дом. Практиковал он и временное задержание местных жителей (аварцев) с «конфискацией имущества», самих задержанных он позже выпускал, но имущество так и не возвращал.

У работников республиканского звена масштабы были несколько иными. Так, председатель районной комиссии бывший заместитель народного комиссара земледелия Дагестанской АССР, а позднее заместитель заведующего сельскохозяйственным отделом обкома ВКП(б) Гришин во время контрольной поездки выбрал на складе колхоза имени Чкалова две грузовые машины добра спецпереселенцев, якобы для рабочей столовой.

Чаще всего имущество бралось ответственными работниками под так называемые «сохранные расписки», согласно которым они брали эти вещи на «временное сохранение» в условиях забитости складов. Никто эти вещи позже, конечно, и не собирался отдавать. Но эта расписка была своего рода охранной грамотой для того, кто взял имущество «на сохранение» [16].

Примечания:

1. Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация, 1944–2004. Документы, материалы, комментарии. Магас, 2004. С. 99–101.
2. Ибрагимов М.-Р.А. Депортация населения Дагестана в 1941–1944 годах // Беспамятство смерти подобно. Махачкала, 2010. С. 14.
3. Там же.
4. Ибрагимов М.М. Власть и общество в годы Великой Отечественной войны. М., 1998. С. 338.
5. Агиев Р.С. Трагедия чеченского и ингушского народов в 30–50-х гг. XX в.: депортация, спецпоселение, реабилитация: дис. … канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2002. С. 97.

6. Шахбиев З.А. Судьба чечено-ингушского народа. М., 1996. С. 254.
7. Из культурного прошлого кавказских евреев. Грозный, 1992. С. 7.
8. Козлов А.И. Сталин прежде и теперь. Грозный, 1990. С. 191.
9. История Чечни с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. II. История Чечни XX и начала XXI веков. Грозный, 2008. С. 561.
10. Гакаев Х.А. Депортация чеченского народа // Национально-государственное строительство в Чечне: история и современность: материалы регион. науч. конф., посв. 90-летию автономии Чечни. Грозный, 30 нояб. – 1 дек. 2012 г. Грозный, 2013. С. 140.
11. Там же. С. 140–141.
12. Ибрагимов М. Как делили имущество спецпереселенцев // Вайнах. 2004. № 8. С. 53.
13. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 44. Д. 284. Л. 143об.
14. Ибрагимов Муса, Ибрагимов Мовсур. Чечня: через круги ада. Переселения и депортации чеченского народа. М.; Саратов, 2003. С. 50.
15. Ибрагимов М.М. Власть и общество в годы Великой Отечественной войны. С. 336.
16. См.: История Чечни с древнейших времен до наших дней… С. 562–563.

Ю.Ю. Клычников

Анализ событий в селении Хайбах в феврале 1944 г.

В настоящее время история о предположительно имевшем место массовом убийстве (расстреле и сожжении) мирных граждан в селении Хайбах, произошедшем 27 февраля 1944 г., имеет внушительную, преимущественно публицистическую базу [1]. Работы, посвященные данному вопросу, условно делятся на те, которые признают факт трагедии, и на те, которые считают его результатом мифотворчества. Обе стороны дискуссии опираются на одни и те же источники и отличаются лишь интерпретацией и конечными выводами о случившемся. Фактически речь идет о «войне памяти», когда трактовка событий прошлого активно применяется в современной политической практике. Вкратце восстановим ход событий, каким он видится сторонникам «чеченской Хатыни».

В ходе осуществления плана «Чечевица» в горном селении Хайбах Галайн-Чожского (Галанчожского) района Чечено-Ингушской АССР были собраны местные жители из ближайших населенных пунктов, которые в силу физической немощи не могли быть своевременно вывезены на равнину с целью дальнейшей отправки в Казахстан. Убедившись в отсутствии возможности обеспечить своевременную перевозку депортируемых граждан, начальник УНКВД – УНКГБ Приморского края комиссар госбезопасности 3-го ранга Михаил Максимович Гвишиани (Гвешиани) приказал запереть их в местной конюшне и сжечь. Пытавшихся вырваться из огня людей расстреляла охрана. В результате проведенной акции погибло около 600–700 чел. Свидетелем произошедшего стал Дзияудин Габишевич Мальсагов, со слов которого и была восстановлена картина произошедшего.

Впервые достоянием широкой общественности эта тема стала в 1990 г., когда журналист газеты «Комсомольское племя» Саид Бицоев опубликовал

воспоминания Д.Г. Мальсагова. В дальнейшем эта проблема неоднократно поднималась в прессе и на страницах научно-популярных изданий. Сама по себе историография вопроса может стать предметом отдельного изучения, т.к. наглядно иллюстрирует технологию «войн памяти», которая активно применялась и применяется в политической практике.

Не давая оценку позиции отдельных исследователей, попытаемся проанализировать лишь сами факты, наиболее полный обзор которых, как представляется, изложен в коллективной работе «Хайбах: следствие продолжается» [2]. По мере необходимости будут привлекаться и другие свидетельства, которые дополняют картину происходившего.

1. Итак, среди аргументов сторонников версии о массовой казни фигурирует телеграмма М.М. Гвишиани на имя Л.П. Берия, текст которой целесообразно привести полностью:

«Совершенно секретно

Наркому Внутренних дел СССР тов. Л.П. Берия

Только для Ваших глаз. Ввиду не транспортабельности и в целях неукоснительного выполнения в срок операции «Горы», вынужден был ликвидировать более 700 жителей в местечке Хайбах

Полковник Гвешиани».

Критики данного источника обратили внимание на несоответствие формулировки «только для Ваших глаз» принятым в советском делопроизводстве правилам. Обращается внимание на вымышленное название операции – «Горы», тогда как правильно «Чечевица», на ошибочность в обозначении звания М.М. Гвишиани – полковник [3]. Все эти странности заставляют усомниться в реальности существования цитируемого документа, подлинник которого нигде не был представлен. Аргументы в пользу наличия телеграммы в литературе отсутствуют. Не приводят их и те, кто использует ее в качестве доказательства.

2. Одним из инициаторов проведения следственных мероприятий являлся Степан Савельевич Кашурко, который изложил свою версию произошедшего, поэтапно описывая поисковые действия [4]. Приводимые им свидетельства неоднократно подвергались критике, в том числе и за отсутствие доказательной базы его расследования [5]. Действительно, о действиях С.С. Кашурко мы знаем преимущественно со слов самого инициатора создания следственной комиссии.

В качестве примера разберем один из эпизодов поисковой работы, описываемый автором на страницах журнала «Дош»: «Сделав несколько шагов по колышущемуся черному пепелищу, я почувствовал, что мои ноги основательно увязли в мертвецки дышащей трясине человеческих костей, прикрытых пеплом от сгоревшей соломенной крыши… Стало страшно. Жутко. Я попытался повернуть обратно, но что-то вроде капкана цепко держало мою правую ногу. В ужасе я с силой выдернул ее. Оказывается, она провалилась в грудную клетку обгоревшего человека. Потрясенный, не замечая подходящих ко мне людей, я разгреб руками тонкий слой пепла и увидел женский скелет с уцелевшей пышной косой, до которой огонь не сумел добраться только потому, что она

на нее упала, прикрыв своим телом. “Это моя жена!” – услышал я судорожный вскрик. Седой, как лунь, старик Ерохан Сатуев, дрожащими руками держа у сердца некогда пышную косу жены, не смог сдержать слез…» [6]. В такой манере изложения приводятся и другие факты. Фотодокументы отсутствуют, хотя, по словам участников комиссии, у них имелась видеофиксирующая аппаратура. Куда в дальнейшем исчезли останки «мертвецки дышащей трясины человеческих костей», неизвестно. Вызывает сомнения наличие пепла от соломы, сумевшего сохраниться с 1944 до 1990 г. и т.п.

Тем не менее на основании этих заявлений принимается «Акт обследования места массового уничтожения, путем сожжения и расстрела, жителей бывшего Галанчожского района ЧИАССР при насильственном выселении в феврале 1944 года», датируемый 22 августа 1990 г. В нем констатируется следующее: «Чрезвычайная комиссия в составе руководителя группы “Поиск” Советского комитета ветеранов войны Кашурко С.С. (председатель комиссии), бывшего 1-го заместителя наркома юстиции ЧИАССР Мальсагова Д.Г., прокурора Урус-Мартановского района, члена Президиума Верховного Совета ЧИАССР Цакаева Р.У., члена оргкомитета по восстановлению ингушской автономии Ахильгова С.Х., учителя Гехи-Чунской средней школы Гаева С.Д. 22 августа побывала (на вертолете) в бывшем селении Хайбах, расположенном в горах на территории Урус-Мартановского района.

Произведен осмотр места сожжения и расстрела в конюшне бывшего колхоза имени Берия около 700 жителей, в том числе детей, женщин и стариков.

Заслушаны и записаны на диктофон и видеокамеру очевидцы невообразимой трагедии в горах.

Для подтверждения совершенного злодеяния против ни в чем не повинных людей произведена раскопка сожженных и расстрелянных.

Выводы: 1. Комиссия считает установленным факт массового уничтожения людей в Хайбахе и признает это геноцидом. Виновников в этом злодеянии предать суду.

2. Призвать государственные и общественные организации и всех граждан оказывать всяческое содействие проводимой по указанному факту проверке» [7].

В данном источнике содержится информация, которая требует соответствующего пояснения. Сразу обращает на себя внимание то, что селение, по мнению комиссии, располагается на территории не Ачхой-Мартановского, а Урус-Мартановского района, что не соответствует действительности.

Авторы документа заявляют о приблизительном числе жертв (сам С.С. Кашурко приводит цифру 705 чел. [8]), которых идентифицируют не только по возрастному, но и по половому признаку, а это подразумевает хорошую сохранность останков. Однако подтверждающих примеров не приводится. Фактически о работе комиссии приходится судить по материалам статьи, опубликованной ее председателем, а там описание эксгумации отсутствует (если не считать цитируемого выше эпизода). Таким образом, наличие в распоряжении поисковиков материальных улик преступления не подтверждается. Остается предположить, что выводы комиссии, если таковая действительно имела

место, базируются на свидетельствах очевидцев, прежде всего – неоднократно упоминаемого в статье «Кровавое зарево Хайбаха» Д.Г. Мальсагова.

3. Изложение версии произошедшего Д.Г. Мальсаговым в интерпретации С.С. Кашурко существенно отличается от того, что он заявил на следственных мероприятиях, проводимых сотрудниками прокуратуры 24, 28 и 30 августа 1990 г. [9]. Во втором случае автор уже не выглядит настолько осведомленным, по крайней мере, не заявляет о своей информированности о переговорах М.М. Гвишиани с Л.П. Берия по радио, свидетелем которых он якобы являлся, о расстреле им из личного табельного оружия вырвавшейся из горящей конюшни женщины с грудными детьми и т. п. Число жертв также отличается. Комментарии или опровержения самого Д. (З. – в материалах прокурорской комиссии) Г. Мальсагова по поводу подлинности этих версий не известны.

На основании вышесказанного не только выводы, но и само существование «комиссии С.С. Кашурко» представляются маловероятными. Нельзя исключать то, что указанные поисковики появлялись на территории Хайбаха, но излагаемая ими реконструкция событий подтверждений не находит. Можно предположить, что эта акция была предназначена для формирования общественного интереса к соответствующей теме и дала повод сформировать следственную группу из сотрудников прокуратуры, которая через два дня приступила к работе. Было открыто уголовное дело № 90 610 010.

4. В числе группы помимо понятых были прокурор-криминалист прокуратуры Чечено-Ингушской АССР, младший советник юстиции М.М. Соколов, прокурор Урус-Мартановского района Р.У. Цакаев, заведующий отделением Бюро судебно-медицинских экспертиз Министерства здравоохранения Чечено-Ингушской АССР Н.Х. Башхаджиев и предполагаемый очевидец событий З.Г. Мальсагов [10]. Последний, который по версии С.С. Кашурко уже стал свидетелем обнаружения фактов массового уничтожения людей, прокурорской комиссии их не продемонстрировал.

Вместе с тем он «пояснил, что 27 февраля 1944 года во время выселения чеченцев и ингушей с территории Чечено-Ингушской АССР, он находился в с. Хайбах. По его приезду в селе уже находились воинские подразделения, которыми командовал генерал-лейтенант Гвешиани. Населению с. Хайбах и окрестных сел, в основном людям преклонного возраста, детям, говорили о том, что их хотят переселить на равнину. Попросили собраться около конюшни, а затем зайти в нее, погреться от холода, что и сделали собравшиеся. Когда люди зашли в помещение конюшни, по приказу генерала Гвешиани солдаты закрыли ворота и подожгли конюшню. Внутри конюшни возникла паника, люди пытались выбежать, спастись от огня, но стоявшие вблизи ворот солдаты стали в них стрелять. Всего было сожжено и расстреляно 650–750 человек.

После ухода военных подразделений оставшиеся в живых жители окрестных сел, сошлись к месту события и стали вытаскивать сгоревшие трупы, переносить их через овраг с ручьем и на возвышенном месте закапывать в землю. Были захоронены трупы 120–150 человек» [11].

Приступившая к следственным мероприятиям группа произвела визуальное обследование местности и заложила несколько шурфов в местах

предполагаемого захоронения. Эти места были определены со слов З.Г. Мальсагова как очевидца событий.

В итоге был установлен размер бывшей конюшни: площадь 55 м × 10 м, высота 2 м 50 см вместе с крышей. На месте раскопок были обнаружены костные останки, переданные для дальнейшего исследования.

Были найдены останки 8 чел. Следы огня на них фиксируются в 4 случаях, а возможные пулевые ранения – в одном. Время их захоронения экспертами не указывается, т.к. такая задача перед ними не ставилась. Причину смерти также установить не удалось.

Представляется, что выводы комиссии не позволяют подтвердить версию, изложенную З.Г. Мальсаговым. Никаких следов от пуль на сохранившихся стенах конюшни комиссия не зафиксировала. Не говорят об этом и проведенные раскопки. Вместе с тем сам факт наличия захоронения в обозначенном З.Г. Мальсаговым месте не подвергается сомнению, однако его однозначная интерпретация на сегодняшний момент не представляется возможной.

Считается, что материалы заведенного дела № 90 610 010 были переданы в прокуратуру Грозненского гарнизона, а затем отправлены в город Ростов. По другой версии, они оказались в руках участников комиссии и легли в основу цитируемой книги [13]. Их точное местонахождение в настоящий момент неизвестно.

5. Фактически главным источником стали свидетельства очевидцев, утверждавших, что они воочию наблюдали происходившие в конце февраля 1944 г. события. Среди тех, кто поведал о массовой казни, был Саламат Джаналиевич Гаев (по его словам – 1939 г.р., по документам – 1942 г.р.), которому на момент выселения было пять лет; он пересказал версию, услышанную со слов своей матери, в свою очередь получившей информацию «со слов родственников и знакомых» [14].

Другим информатором С.Д. Гаева стал уже упомянутый З.Г. Мальсагов. По его словам, он беседовал с людьми, которые осуществили захоронение казненных. В частности, упоминается Жандар Гаев, с которым З.Г. Мальсагов виделся непосредственно в Хайбахе спустя несколько дней после предполагаемых событий, а позднее в Казахстане, где «узнал, что в Хайбахе было захоронено всего 147 мертвецов. Останки остальных сгорели дотла» [15].

В опубликованном интервью, которое названо протоколом допроса свидетеля, З.Г. Мальсагов (1913 г.р.) в очередной раз конкретизировал число жертв, заявив, что «по моему подсчету, в конюшню зашло 650–700 человек» [16].

Еще одним свидетелем назван Ахмед Мударов (1892 г.р.), который непосредственно события в с. Хайбах не видел и в захоронении тел участия не принимал, т.к. был, согласно его заверениям, ранен 59 пулями из винтовки и автоматов и пронзен штыком, после чего сброшен в обрыв, а потом три дня пролежал в яме. Не являлся очевидцем и его племянник, Магомед Ибрагимов (1921 г.р.).

Как видно, все опрошенные, за исключением З.Г. Мальсагова, только пересказывают услышанное о событиях в Хайбахе, причем порой с сомнительными подробностями. Например, А. Мударов поведал, что часть ранивших его пуль

он извлек сам, т.к. они, по его словам, «торчали из под кожи». Каким образом велся подсчет погибших, неизвестно. Полное уничтожение около полутысячи трупов путем их сожжения (в качестве топлива названа облитая керосином солома и деревянные части конструкции конюшни) представляется маловероятным.

6. Расследованию событий в Хайбахе посвящена статья С. Аюбова. Он излагает еще один вариант версии проведения поисковых работ на месте предполагаемой внесудебной расправы. В частности, автор утверждает, что в 50-х гг. XX в. в республике работала комиссия, созданная ЦК КПСС, которая пришла к однозначному выводу: «…бесчеловечное преступление имело место быть». Точная дата работы комиссии, ее состав не указываются. Отсутствует соответствующая ссылка на полученные материалы, к которым апеллирует автор.

В качестве инициатора расследования автор называет «неформального поисковика» Руслана Туликова. Видимо, речь идет об одном из привлеченных во время эксгумационных работ в августе 1990 г. понятом Р.Р. Туликове, бывшем «в те годы заведующим отделом пропаганды и агитации райкома партии». Началом работы называется 2 июля 1990 г., после чего она «растянулась на недели, месяцы». На основании полученного материала было возбуждено уголовное дело, объем которого оценивался несколькими десятками томов. С согласия властей самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерии они были переданы в военную прокуратуру (город Ростов-на-Дону) [17].

В изложении С. Аюбова речь, видимо, идет об упомянутой выше работе прокурорской группы Р.У. Цакаева, но в вольной интерпретации автора. Контакты правительства, возглавляемого Д.М. Дудаевым, с федеральной прокуратурой представляются сомнительными и ничем не подтверждаются.

Несмотря на источниковую уязвимость гипотезы об уничтожении гражданского населения в Хайбахе, данная версия озвучивается не только в публицистической литературе, но и в академических изданиях как доказанный исторический факт [18]. С целью ее популяризации снят научно-популярный фильм С. Комарова «Хайбах» [19], который демонстрировался не только в Российской Федерации, но и за рубежом. Судя по сюжету, материал о Хайбахе используется в учебной практике.

Съемки художественного фильма «Пепел» [20] (режиссер картины Хусейн Эркенов, кинокомпания «Грозный фильм им. Шейха Мансура») завершились его выходом на экран под названием «Приказано забыть» [21]. Отказ Министерства культуры Российской Федерации от демонстрации фильма на территории страны вызвал негодование автора проекта Руслана Коканаева. «Остается маленький вопрос к господам радетелям за межнациональное согласие. А куда прикажете девать двести пятьдесят свидетелей этого преступления? – задается вопросом автор фильма. – Ведь это все задокументировано. И куда делись люди, которые в 44 году дошли до Хайбаха и там 27 февраля пропали? Может, они там за один день разложились на атомы? И что делать с их многочисленными родственниками, которые, представьте себе, живы и здоровы и утверждают, что они у них были. А протоколы допросов свидетелей события, а постановление Правительства России о создании комиссии, возглавляемой

Шахраем, по расследованию этого преступления. И самое последнее, куда девать сам Хайбах? Он же есть! Совершенно пустой, там не живут больше люди. И конюшня стоит со следами огня, и останки людей в земле. И, в конце концов, есть документально зафиксированные данные Правительственной комиссии с приложением фото- и видеоматериалов. Напомню, что Хайбах был местом сбора из пяти-семи сел Галанчожского района. Туда согнали не только людей из окрестных сел, а также и отставших, и пастушьи семьи, коих в горах было много» [22]. Откуда взята данная информация, не уточняется. В переизданном в 2012 г., дополненном и переработанном издании упомянутой работы С.Д. Гаева, М.С. Хадисова, Т.Х. Чагаевой такая информация отсутствует [23].

Исходя из сказанного, факт массовой казни является недоказанным. Речь, судя по всему, идет об исторической фальсификации. Вместе с тем сам факт наличия фрагментов неопознанных человеческих останков говорит о том, что в хайбахской истории рано ставить точку. Целесообразно сделать запрос в соответствующие органы с целью получения доступа к материалам дела № 90 610 010 (если таковые сохранились) для адекватной научной оценки произошедшего. Возможно, введя в научный оборот новые документальные свидетельства непосредственных участников операции «Чечевица», можно будет пролить свет на дело, которое уже не один год используется в «войне памяти».

Примечания:

1. Массовое убийство в Хайбахе. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Массовое_убийство_в_Хайбахе (дата обращения: 01.04.2014).
2. Гаев С., Хадисов М., Чагаева Т. Хайбах: следствие продолжается. Грозный, 1994. URL: http://likebook.ru/books/view/197098 (дата обращения: 01.04.2014).
3. Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). М., 2011. С. 646.
4. Кашурко С.С. Кровавое зарево Хайбаха // Дош. 2003. № 2 (2). Ноябрь. С. 4–11.
5. Пыхалов И.В. За что Сталин выселял народы? М., 2010. С. 309–318; Мендкович И. Хайбахское дело // Актуальная история URL: http://actualhistory.ru/poilemics-haibach (дата обращения: 01.04.2014).
6. Кашурко С.С. Указ. соч. С. 7.
7. Там же.
8. Там же. С. 9.
9. Ср.: Кашурко С.С. Указ. соч. С. 9; Гаев С., Хадисов М., Чагаева Т. Указ. соч.
10. Гаев С., Хадисов М., Чагаева Т. Указ. соч.
11. Там же.
12. Там же.
13. Мендкович И. Указ. соч.
14. Гаев С., Хадисов М., Чагаева Т. Указ. соч.
15. Там же.
16. Там же.
17. Аюбов С. Хайбах. Преодоление лжи. URL: http://www.nana-journal.ru/states/red-wheel/305-haybah-overcoming-of-lie.html (дата обращения: 01.04.2014).
18. История Чечни с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. II. История Чечни XX и начала XXI веков. Грозный, 2008. С. 555.
19. Хайбах. URL: http://www.youtube.com/watch?v=H0G2Un1HJOs&list=PL18FE54D40FE8D195 (дата обращения: 01.04.2014).

20. Болотникова С. «Пепел» чеченцев URL: http://www.bigcaucasus.com/events/topday/18-12-2013/88458-ashes-0 (дата обращения: 01.04.2014).
21. Специальные показы. Приказано забыть. URL: http://www.moscowfilmfestival.ru/miff36/films/?id=36027 (дата обращения 22.10.2014).
22. Фильм о депортации чеченцев и ингушей «Приказано забыть». URL: http://www.islamnews.ru/news-146110.html (дата обращения: 22.10.2014).
23. Гаев С.Д., Хадисов М.С., Чагаева Т.Х. Хайбах: следствие продолжается… Доп. и перераб. изд. Нальчик, 2012.

И.А. Ермачков

Сочинская госпитальная база в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: основные этапы деятельности

Серьезное значение для сокращения потерь и возвращения в строй получивших ранения военнослужащих имеет организация санитарной и госпитальной службы. В данной статье рассматривается деятельность одной из крупнейших в стране сочинской госпитальной базы.

По решению Государственного комитета обороны СССР от 7 июля 1941 г. на Северном Кавказе было решено на основе бывших санаториев, домов отдыха и гостиниц развернуть 81 960 госпитальных коек для лечения раненых и больных воинов. Распоряжением ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров перед Сочи была поставлена задача обеспечить сеть военных госпиталей на 20 350 коек (в 1940 г. на территории курорта имелось 61 санаторное учреждение со штатным коечным фондом в 8 950 единиц).

15 июля Сочинский горисполком принял решение о создании госпитальной базы. Для организации работы по переоборудованию здравниц в госпитали (в них необходимо было открыть операционные, перевязочные и др.) горисполком создал рабочую группу, в которую вошли первый секретарь горкома ВКП(б) В.П. Кочетков, председатель исполкома А.Ф. Белоус, заведующий городским отделом здравоохранения Л.Н. Малхазов, представители курортных организаций.

27 июля в Сочи был организован вспомогательный эвакуационный пункт № 104 (ВЭП-104), позднее – местный эвакопункт (МЭП-104), которому подчинялись все госпитали Сочи, Адлерского и Шапсугского районов Краснодарского края. ВЭП подчинялся санитарному отделу Северо-Кавказского военного округа. Это был орган управления Сочинской госпитальной базой.

К 1 августа в Сочи сформировали 42 госпиталя на 12 600 коек [1]. Во всех здравницах проводился ремонт, устанавливалось госпитальное оборудование, увеличивалось количество мест за счет более рационального расположения коек в палатах и приспособленич под них других помещений. Первых раненых Сочи принял 5 августа 1941 г. Это были защитники Одессы, их поместили в лучшие госпитали, открывшиеся на базе санаториев «Кавказская Ривьера», «Красная Москва», «Химик», имени С. Орджоникидзе, С.М. Кирова и др. Затем

эшелоны с ранеными стали приходить регулярно. Так началась жизнь города-курорта как города-госпиталя.

Раненые в Сочи доставлялись по железной дороге, а также авиационным и морским путями. В 1942 г. во время боев под Туапсе раненых привозили в Сочи прямо с передовой на машинах, а с кавказских перевалов – на лошадях и ослах, привычных к горным дорогам и тропам. Воздушным транспортом доставлялись раненые из Крыма, а в 1942–1943 гг. – с перевалов Кавказа. В Сочинский морской порт заходили транспортные санитарные суда с ранеными из Одессы, Севастополя, Керчи, Новороссийска. Из медицинских сестер, сандружинниц, членов Общества Красного Креста Туапсе, Новороссийска и Сочи был полностью укомплектован один санитарный пароход – плавучий госпиталь, который курсировал в 1941–1942 гг. по линии Севастополь – Керчь – Новороссийск – Сочи, доставляя в город-госпиталь тысячи раненых воинов.

В Сочи поступали в основном тяжелораненые, требовавшие длительного и высококвалифицированного лечения. Однако в связи с тем, что сочинские госпитали были уже осенью 1941 г. переполнены, в ноябре – декабре раненых стали вывозить для долечивания в госпитали других городов. В 1941 г. в Сочи поступило почти 50 тыс. раненых и больных воинов. С возрастанием количества госпиталей в Сочи МЭП не мог уже справиться со всей организаторской работой. Для улучшения руководства госпиталями в Сочи были организованы управление госпиталями системы ВЦСПС (15 сентября 1941 г.) и управление госпиталями Наркомата здравоохранения (официально образовано в январе 1942 г., хотя фактически существовало с осени 1941 г.). Каждому из них в разные годы подчинялось от 10 до 22 госпиталей.

Уже в первые месяцы работы сочинские госпитали столкнулись с проблемой обеспечения военно-медицинскими кадрами. В первые дни войны из Сочи на фронт и в районы Краснодарского края были направлены из санаториев сотни врачей и медсестер. После того как было принято решение об образовании в Сочи госпитальной базы, часть медицинских кадров вернулась в город и работала в госпиталях. Направлялись в Сочи медики и из других городов. Особенно остро ощущалась нехватка хирургов, т.к. до войны в здравницах врачей этой специальности было мало. Поэтому из других городов СССР для работы в госпиталях базы были направлены квалифицированные хирурги. Во время войны здесь работали известные хирурги, профессора Н.И. Агапов, Е.И. Смирнов, Б.А. Петров, И.А. Агеенко, кандидаты медицинских наук В.К. Красавитов, В.Д. Бантов и др. [2].

По разнарядкам в госпитали направлялись и медицинские сестры. Но главная работа по подготовке военно-медицинских кадров, в первую очередь медсестер, проходила непосредственно в городе. Уже в июле 1941 г. при городской больнице № 2 были открыты курсы хирургической подготовки врачей. Преподавателями на этих курсах были лучшие хирурги города, а обучение проходили врачи санаториев – терапевты и невропатологи. Кроме учебных курсов, военно-медицинские специальности медики получали непосредственно в госпиталях. Практически все врачи госпиталей в годы войны делали операции

по удалению инородных тел (пуль, осколков мин, снарядов), сшиванию сосудов, другие несложные с хирургической точки зрения операции.

Первый период деятельности сочинской госпитальной базы составил 13 месяцев, с 7 июля 1941 до конца июля 1942 г. За это время в госпитали МЭП-104 поступило на лечение 92 903 военнослужащих. Из них было возвращено в части, батальоны выздоравливающих, ограниченно годных 51 591 чел., 12 608 чел. уволено в запас и из рядов Вооруженных сил, 421 чел. скончался в госпиталях, 586 чел. продолжило лечение, 27 447 чел. были эвакуированы [3]. В среднем ежемесячно поступало 7150 человек, при этом на фронт возвращалось чуть более 50 % солдат и офицеров.

В августе 1942 г. началась эвакуация госпиталей из Сочи, вызванная изменением военно-стратегической обстановки на фронте и наступлением вермахта на Кавказ. Летом – осенью 1942 г. нередки были бомбардировки Сочи фашистской авиацией, обстрел и торпедирование береговых городских сооружений с подводных лодок. Реальной стала угроза захвата города врагом. Еще в середине мая 1942 г. из города вывезли почти всех раненых в Закавказье и частично в Среднюю Азию. После эвакуации в Сочи осталось всего 8 госпиталей, вмещавших до 8 тыс. коек. В сентябре было уже 10 госпиталей: из них 7 полевых подвижных госпиталей (далее – ППГ), 2 инфекционных госпиталя (далее – ИГ) и головной передвижной эвакуационный пункт (далее – ГПЭП). В январе 1943 г. количество коек в них было доведено до 12 тыс. [4].

Во втором периоде работы госпитальной базы в Сочи лечили нетранспортабельных больных и легкораненых. Раненых, которым требовалось длительное лечение, эвакуировали в госпитали Закавказья. Для эвакуации, а также для доставки с мест, близко прилегавших к фронту, МЭП-104 имел в своем распоряжении 7 санитарных летучек по 13 вагонов в каждой. Из Сочи санлетучки подавались в Туапсе по заявке ГПЭП № 4. Погрузка воинов в Туапсе занимала 2 ч, время движения поезда до Сочи – 3 ч, доставка в госпиталь после прибытия в Сочи – 3 ч. Таким образом, раненые попадали в госпиталь через 8 ч после начала погрузки поездов в Туапсе [5].

Летучки по тем временам были хорошо оборудованы и укомплектованы достаточным количеством медицинского персонала. В пути раненые получали сухой паек и чай. Все ходячие, подлежавшие эвакуации в тыл, направлялись ГПЭП № 49 (на базе санатория «Красная Москва») из прирельсового эвакоприемника пешком в сопровождении медицинских работников в сортировочный госпиталь. Носилочных раненых собирали в ППГ № 39. Обе категории раненых в сортировочном госпитале вторично проходили медицинский контроль. После этого в зависимости от степени тяжести ранения направлялись в госпитали города или эвакуировались в тыл по железной дороге до города Гагры в сортировочный госпиталь № 3201, где получали направления в различные специализированные госпитали, в основном дислоцировавшиеся на территории Грузинской ССР и Азербайджанской ССР, или морским транспортом до Сухуми. Вся тяжелая работа по погрузке и разгрузке военно-санитарных поездов, доставке раненых в госпитали, в палаты госпиталей легла на женщин. В Сочи из дружинниц Общества Красного Креста была создана кадровая санитарная

дружина специально для разгрузки санлетучек. В нее входили 100 женщин в возрасте от 17 до 60 лет. Все они днем трудились по месту основной работы, а в свободное время бесплатно и добровольно разгружали поезда с ранеными. В 1942 г. в связи с увеличением потока раненых дружина перешла на казарменное положение.

По указанию командующего Черноморской группы войск Северо-Кавказского фронта генерал-лейтенанта И.Е. Петрова сочинские госпитали получили целый ряд необходимых материалов и медикаментов. Не раз бывал в Сочи и главный хирург фронта профессор А.И. Арутюнов. С его помощью МЭП установил в госпиталях города круглосуточную работу бригад, по 16 медицинских работников в каждой, возглавляемых хирургом. Создание таких бригад позволяло выходить из критических ситуаций. При больших поступлениях раненых они зачастую направлялись непосредственно в лечебные госпитали, минуя сортировочные. Поэтому во многих госпиталях были оборудованы пропускники, увеличен врачебный и сестринский штат. Нередко работа в перевязочных велась одновременно на 4–6 столах. При пропускниках были организованы гипсовальные комнаты. Наложение гипсовальных повязок раненым производилось сразу же при поступлении в госпиталь, что ускоряло процесс лечения.

В годы войны широкое распространение получило донорское движение. Городская больница № 2 стала главной базой снабжения госпиталей донорской кровью. Здесь работало отделение по переливанию крови. Были открыты пункты переливания крови Черноморского флота, Северо-Кавказского фронта и во многих госпиталях. При каждом пункте находился «дежурный донор» на случай тяжелой операции. В 1942 г. в Сочи была развернута фронтовая станция переливания крови, и заготовка крови в городе значительно увеличилась. Донорская кровь поступала в госпитали, переправлялась на перевалы Главного Кавказского хребта, в Новороссийск, в осажденные города Севастополь, Одессу, Керчь [6].

Необходимо отметить и организацию в МЭП специальных групп усиления из врачей и медсестер, которые прикреплялись к госпиталям на определенные периоды для улучшения работы. Были введены правила обязательного рентгенобследования поступавших воинов уже в момент их приема на базу.

Второй период деятельности сочинской госпитальной базы длился всего 8 месяцев – это был самый кратковременный период ее работы. Одной из особенностей работы госпитальной базы в это время стало значительное увеличение процента эвакуированных раненых по отношению к числу поступивших по сравнению с первым и третьим периодами работы. Это объяснялось приближением фронта к городу. До 2/3 поступавших раненых в это время вывозилось для лечения в глубокий тыл. В осенние месяцы 1942 г. загруженность сочинской госпитальной базы была очень высокой, достигнув своего предела. По воспоминаниям раненых и обслуживающих из медицинского персонала, койко-места находились практически везде: в палатах, в коридорах, специально построенных мансардах, в госпитальных клубах. При этом практически ни один госпиталь в это время не был полностью укомплектован кадрами.

Несмотря на все трудности, качество лечения раненых оставалось высоким. Процент выписки в часть из сочинских госпиталей во втором периоде оказался самым высоким за весь период Великой Отечественной войны. Безусловно, надо учесть, что в Сочи в это время оставлялись на лечение в основном раненые с легкими ранениями. Тем не менее эти данные показывают, что самоотверженный труд медиков был не напрасным. За это время на лечение поступил 128 151 военнослужащий, из них было возвращено в части, батальоны выздоравливающих, ограниченно годных 45 738 чел. Эвакуировано было 65 210 чел., уволено 1352 чел., скончался 3821 чел., оставалось на лечении – 9489 [7]. Таким образом, среднемесячная цифра поступивших военнослужащих составила более 16 тыс. человек, из них возвращалось в строй чуть более 30 % военнослужащих.

В феврале – марте 1943 г. в Сочи вернулись почти все госпитали, ранее эвакуированные из города. Они обычно размещались в тех же зданиях, что и до эвакуации. Персонал возвратившихся госпиталей в первую очередь включился в работу по ремонту зданий, приведению в порядок запущенного и разрушенного хозяйства, занялся оборудованием госпитальных палат, операционных, дезкамер, гипсовальных и других лечебно-диагностических кабинетов.

В октябре битва за Кавказ окончилась. Раненые стали поступать на базу с более далеких расстояний, и это изменило специфику работы госпиталей. Изменился контингент пациентов – в Сочи стали поступать исключительно тяжелораненые, требовавшие длительного лечения. Раненые находились в госпиталях вплоть до выписки, эвакуация раненых из города в другие районы производилась редко. Весной 1943 г. все госпитали были переполнены. Но постепенно количество поступавших раненых стало снижаться. Это объясняется тем, что изменился профиль базы – фронт отодвигался от нее все дальше и дальше.

Одним из главных достижений МЭП-104 в третьем периоде стала организация единого для всей госпитальной базы сортировочного госпиталя, который был создан на основе госпиталя № 2135, и сети специализированных госпиталей. Госпиталь № 2135 работал на базе санатория «Красная Москва» в центре города, близ железнодорожного вокзала и морского порта, был оснащен медицинским и хозяйственным имуществом, имел квалифицированный и обученный медицинский персонал, в нем были оборудованы приемные, медицинские кабинеты, хорошо организована лечебно-санитарная служба.

Сортировочные эвакогоспитали значительно улучшили распределение раненых и больных по госпиталям. При распределении учитывался профиль госпиталя, наличие специального медицинского оборудования, квалифицированных кадров, загруженность ранеными – все это обеспечивало улучшение качества лечения фронтовиков. В сортировочном госпитале № 2135 производились прием, санитарная обработка прибывших в город раненых, обработка их обмундирования и белья, лечебная работа, сортировка, смена повязок, иммобилизация, неотложная помощь, уточнение диагноза прибывших из других госпиталей, характер и срочность необходимого проведения операций, распределение раненых после проведения основных диагностических исследований по специализированным эвакуационным госпиталям.

После возвращения из эвакуации госпиталю был придан прирельсовый эвакоприемник, который занял помещение расположенной вблизи железнодорожного вокзала бывшей инфекционной больницы. К зданию эвакоприемника была проведена железнодорожная линия, около него сооружены разгрузочные площадки. В нем имелась хорошо оборудованная перевязочная комната, шоковая палата, а также изолятор. В эвакоприемнике при поступлении раненых медицинская бригада производила сначала грубую сортировку и маркировку. Так назывались первоначальные действия по сортировке и уточнению диагноза. Бойцы, которые были ранены в голову, грудную клетку и живот, из эвакоприемника направлялись в специализированные госпитали. Все остальные поступившие автомашинами доставлялись в сортировочный госпиталь для санитарной и хирургической обработки, сортировки и направления, исходя из характера и вида ранений, в специализированные госпитали.

С марта 1944 г. характер работы эвакоприемника частично изменился. Для сокращения этапов эвакуации всех тяжелораненых после сортировки в приемнике, минуя сортировочный госпиталь, сразу направляли в госпитали по профилю согласно разнарядке, которую давал МЭП-104.

В 1943–1944 гг. большинство сочинских госпиталей стали специализированными. Каждый из них был ориентирован на лечение какого-либо одного вида ранения или заболевания. Эта система: сортировочный госпиталь – специализированные эвакогоспитали – контрольный госпиталь, которая сложилась на сочинской госпитальной базе в годы войны, показала свою высокую эффективность.

С 1 апреля 1943 г. по 1 июля 1945 г. общий контингент поступивших на лечение в сочинские госпитали военнослужащих составил 114 901 чел., из них было возвращено в строй 65 072 чел. Из недолечившихся эвакуировано было 8761, а умерли 2592 чел. [8]. Весь остальной контингент оставался на долечивании или был откомиссован. Таким образом, среднемесячная цифра поступления больных и раненых составляла чуть более 4 тыс. чел., из них возвращалось в строй немногим более 50 %. В целом в годы войны процент выписки в сочинских госпиталях был выше, чем в целом по стране.

2 сентября 1945 г. в связи с окончанием Второй мировой войны сочинская госпитальная база завершила свою работу. Поступление раненых полностью прекратилось, и город стал переориентироваться на прием курортников. Одними из первых отдыхающих в здравницах курорта стали те, кто не успел долечиться в госпиталях, те, кто в сложных психологических условиях переходили из состояния войны к миру – солдаты Победы.

Примечания:

1. Артюхов С.А. История Большого Сочи 1917–1990 гг. Сочи, 2000. С. 35.
2. Артюхов С.А. Сочи в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Краснодар, 2000. С. 82.
3. Черкасов А.А. К некоторым аспектам деятельности Сочинской госпитальной базы (1941–1945 гг.): периодизация и эффективность // Былые годы. 2008. № 2. С. 23.
4. Артюхов С.А. Сочи – город госпиталь // Сочи: страницы прошлого и настоящего: иллюстрированный сборник статей. Сочи, 2003. С. 180.

5. Артюхов С.А. Сочи в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. … С. 28.
6. Князева Л.З. Донорское движение // Сочи: страницы прошлого и настоящего… С. 176.
7. Черкасов А.А. К некоторым аспектам деятельности Сочинской госпитальной базы… С. 25.
8. Там же. С. 27–28.

Н.Д. Судавцов

Вклад медицинских работников Кавказских Минеральных Вод в победу над германским фашизмом

С началом войны санатории Северного Кавказа были перепрофилированы под эвакогоспитали. Уже 12 июля 1941 г. Орджоникидзевский крайисполком принял решение о развертывании в крае госпиталей на 31 325 коек, в том числе на Кавказских Минеральных Водах на 17 840 коек. Но первые дни работы показали, что следует максимально сосредоточить госпитали именно на Кавминводах. И уже к 20 июля было принято решение об открытии здесь госпиталей на 28 034 коек, в том числе в Кисловодске – на 16 тыс. мест, Ессентуках – на 5800 мест, Пятигорске – на 3070 мест и в Железноводске – на 3164 места [1]. Особенностью госпиталей Кавминвод было то, что сюда попадали воины в основном с наиболее тяжелыми ранениями и заболеваниями, требовавшими длительного лечения с использованием лечебных факторов курортов.

Усилиями медицинских работников и населения уже с июля 1941 г. началась подготовка опустевших санаториев, домов отдыха и других помещений под госпитали и прием раненых и больных бойцов и командиров Красной армии. В течение июля – сентября профсоюзные и ведомственные санаторно-курортные учреждения были переоборудованы в эвакогоспитали. Медицинским персоналом были оборудованы лаборатории, операционные, перевязочные, рентгеновские и физиотерапевтические кабинеты. Но в начале войны, несмотря на достаточно хорошее оснащение госпиталей, возникла проблема нехватки квалифицированных хирургических кадров, поскольку их и в мирное время было немного, т.к. это не являлось профильным лечением на курортах Кавминвод. В решении этой проблемы большую помощь оказали профессора и доценты Ленинградского и Одесского медицинских, Днепропетровского фармацевтического институтов, эвакуированных на Кавказские Минеральные Воды, а также опытные медицинские работники хирургических клиник. Профессора и преподаватели С.С. Сергиевский, Н.Н. Никибицкий, И.Я. Брух, К.О. Пенкославский, С.М. Рубашев, Т.Е. Гнилорыбов и другие активно сотрудничали с учеными Пятигорского бальнеологического института, коллективами врачей госпиталей. Они оказывали им большую помощь в постановке диагнозов, применении новейших методик лечения, овладении наиболее эффективными формами проведения операций, совершенствовании лечения в госпиталях с применением природных факторов в сочетании с фитотерапией и медикаментозными средствами [2].

Первые госпитали на Северном Кавказе начали функционировать уже в июле 1941 г. В соответствии с решением правительства на территории Северно-Кавказского военного округа были развернуты более 200 госпиталей на 93 035 больничных коек для лечения раненых и больных воинов [3]. В Ставропольском крае осенью 1941 г. было открыто около 100 госпиталей на 32 тыс. мест, в основном на базе санаториев Кавказских Минеральных Вод. Практика показала, что для более качественного лечения тяжелораненых и больных были нужны головные госпитали по основным направлениям, в которых бы концентрировались ведущие специалисты. На базе санатория-госпиталя им. С.М. Кирова города Кисловодска был создан центральный хирургический госпиталь, где были сосредоточены лучшие хирурги и необходимый инструментарий, организована центральная бактериологическая лаборатория. Больные переводились в данный госпиталь из других лечебных учреждений при необходимости оказания экстренной помощи, особенно при кровотечениях, септических осложнениях, а также для проведения сложных пластических операций. Для оказания практической помощи работникам госпиталей на Кавминводы был командирован в качестве главного хирурга Центрального управления госпиталями профсоюзов профессор Е.Ю. Крамаренко. Он организовал подготовку хирургических кадров на местной базе, работая в качестве постоянного консультанта [4].

В августе 1942 г., когда немецко-фашистские войска вступили на территорию Северного Кавказа, началась эвакуация раненых из госпиталей. Способных передвигаться направляли прямиком пешком в Нальчик, а тяжелораненых железнодорожными составами отправляли в Закавказье. Последние два эшелона с тяжелоранеными из Кисловодска и один из Пятигорска возвратились в Кисловодск, т.к. железнодорожная станция Минеральные Воды уже была захвачена немецкими войсками. В Кисловодске было решено перенести тяжелораненых в госпиталь им. Семашко и там развернуть больницу под флагом Красного Креста. Значительную часть раненых население разобрало по домам. Был сформирован штат сотрудников больницы Красного Креста, которые сразу же приступили к работе. Все раненые стали рядовыми и беспартийными. Больница под флагом Красного Креста просуществовала два с лишним месяца. За это время через нее прошло около 1 тыс. тяжелораненых. Тех, кто выздоравливал, заменяли находившимися у населения. Проверяющих представителей немецкого командования старались не допустить на территорию больницы, мотивируя тем, что там карантин в связи с находившимися тяжелобольными, зараженными опасными инфекциями. Коллектив больницы подвергал себя смертельной опасности, но до конца выполнил свой долг. В середине октября оккупационные власти заявили об отправке раненых на Украину. Врачи постарались выписать из госпиталя максимальное количество раненых. 23 и 24 октября два эшелона, в которых находилось более 400 раненых, отправились из Кисловодска в сопровождении части медицинского персонала госпиталя. Многие впоследствии погибли, попав в концлагеря без медицинского обслуживания [5].

Госпитальная база серьезно пострадала в период оккупации Кавминвод, продолжавшейся с августа 1942 по январь 1943 гг. Немецко-фашистскими

захватчиками был нанесен ущерб госпиталям почти на 400 млн руб. Было разрушено много зданий, разграблено или уничтожено медицинское оборудование, выведены из строя бальнеологические учреждения и минеральные источники. Кисловодскому курорту был нанесен ущерб более чем на 233 млн руб., железноводскому – более чем на 50 млн руб.

Восстановление госпиталей стало всенародным делом. С первых же дней после освобождения приводились в порядок оставшиеся здания, собиралось оборудование, мебель, постельные принадлежности. Задача пустить госпитали в максимально сжатые сроки была обусловлена уже тем, что фронт проходил недалеко и требовалось срочно развернуть лечебную базу для раненых военнослужащих Красной армии. Ряд госпиталей на Кавминводах стал функционировать уже через 10–15 дней после освобождения. В оборудование госпиталей, приведение их в рабочее состояние включились трудовые коллективы. Так, коллектив Пятигорского театра музыкальной комедии решил на свои средства оборудовать в госпитале 22 койки. Кроме того, эстрадная бригада систематически давала шефские концерты. Но главная тяжесть по подготовке госпиталей к приему раненых лежала на их коллективах.

Работа по восстановлению госпиталей ускорилась после принятия в соответствии с решением Государственного комитета обороны постановления бюро крайкома партии и крайисполкома 9 марта 1943 г. о развертывании в городах края к 15 марта эвакогоспиталей на 29 тыс. коек [6]. Работники госпиталей при широкой поддержке трудовых коллективов и населения приняли все меры, чтобы быстрее принять раненых: собирали вещи, ремонтировали помещения, мебель, оборудование. В результате уже в конце марта многие госпитали начали принимать первых раненых, хотя в них еще многое отсутствовало [7].

Так, здания Пятигорского санатория № 5427 после освобождения от оккупации трудно было приспособить к нуждам военного времени: в узких коридорах невозможно было транспортировать носилочных больных, канализация не могла справляться с повышенными требованиями, не хватало электроэнергии, что создавало неблагоприятные условия для работы. С начала открытия госпиталя в марте 1943 г. и до июля 1945 г. здесь прошли лечение 4579 чел., из них раненых в боях – 83 % и больных – 17 %. 85 % составляли рядовые и сержанты, среди которых преобладали бойцы с пулевыми ранениями – 43,7 %; осколками мин – 35,7 %; осколками артиллерийских снарядов – 11 %. Большинство к тому же были контуженными. Благодаря помощи ученых Бальнеологического института лечение давало благоприятные результаты. Из числа контуженных в воинские части было выписано 50,8 % и ограниченно годных – 20,3 %, всего 71 %. Таким образом, врачи сделали, казалось бы, невозможное, возвратив в армию такое количество выздоровевших больных и раненых. Основными методами лечения военно-травматических поражений являлись грязелечение, парафинолечение, массаж, ЛФК, электросветолечение и минеральные ванны [8].

Общий ущерб госпиталям Ставропольского края вследствие оккупации составил 454 млн руб. [9]. В большинстве госпиталей после освобождения не хватало хирургических инструментов, ваты, йода, спирта, эфира, вазелина, рентгенпленок, гипса и необходимых предметов ухода за больными. Испытывая

острый недостаток в медикаментах и инструментах, комитеты помощи раненым организовали производство на местах. Большая работа велась в крае по изысканию возможностей для обеспечения госпиталей и учреждений здравоохранения перевязочными материалами, витаминами, лекарственными травами, кровью и т.д. В мастерских и артелях Ставропольского края было освоено производство для раненых и инвалидов протезов, костылей, тренажеров, потребность в которых была очень велика. Было освоено срочное изготовление необходимого для операций эфира в лаборатории Пятигорского бальнеологического института. Вскоре было произведено 500 кг эфира, что обеспечило проведение 5 тыс. операций тяжелораненым. Ежемесячно изготавливалось до 200 кг медицинской глюкозы, до 500 кг хлористого кальция, уротропина и других препаратов. Часть препаратов поступала также в госпитали Кабардино-Балкарской АССР и Северо-Осетинской АССР. Было организовано производство по расфасовке сложных лекарственных смесей и растений. На мясокомбинатах освоено производство гематогена из крови скота, которым полностью удовлетворялся запрос всех госпиталей [10].

Клиническими исследованиями ученых Фармацевтического института в госпиталях №№ 1046 и 5427 города Пятигорска в отделениях тяжелобольных было установлено, что применение витаминизированных вин значительно ускоряет процесс заживления ран и выздоровления раненых. По рецептам по методу профессора Скробанского на винных заводах Северного Кавказа был налажен выпуск витаминизированных вин и других настоек на основе дикорастущих трав и кустарников, главным образом, шиповника. Только Иноземцевским заводом «Росглаввино» за период войны было выпущено до 1 млн доз разных витаминизированных лечебных вин [11].

Одной из важных проблем, стоявших перед учеными институтов, коллективами госпиталей, было лечение открытых ран минеральной водой. Эти проблемы обсуждались на научных конференциях, семинарах. В послеоккупационный период широко обобщался опыт работы по лечению раненых и больных воинов. Его распространению и внедрению способствовали медицинские научно-практические конференции. В 1945 г. было проведено 10 клинических конференций, а руководящими научными работниками клиники на межкурортной конференции Бальнеологического института и на заседаниях Пятигорского медицинского общества сделано 10 докладов [12].

Исходя из огромной потребности раненых в крови, в крае широко была развернута работа по участию советских людей в донорском движении. Более 5 тыс. чел. сдавали ее систематически в течение всех военных лет. В кисловодском санатории «Красный партизан» в июне 1943 г. было 18 доноров, которые давали свою кровь для быстрейшего выздоровления больных. В городе Пятигорске инвалид А.Ф. Соха во время войны сдал 18 л крови, столько же сдала колхозница Е.Р. Потапова, повар Еремичева дала 16 л крови и привлекла в ряды доноров 16 чел. Всего тремя станциями переливания крови края было заготовлено несколько тысяч литров крови, значительная часть которой отправилась в госпитали края, а также в полевые армейские и фронтовые госпитали. К концу войны 58 чел. были награждены значком «Почетный донор СССР».

Питание раненых больных в госпиталях Кисловодска, Пятигорска, Ессентуков и Железноводска после освобождения от оккупации было организовано плохо. Основным недостатком питания являлся ограниченный ассортимент продуктов, особенно круп. С самого начала функционирования госпиталей к ним прикреплялись шефы из числа предприятий, колхозов, совхозов учебных заведений, учреждений. Так, над госпиталем № 3803 шефствовали колхозы им. Парижской коммуны Минераловодского района, им. Ленина и совхоз им. Карла Маркса Суворовского района. Колхозники привезли раненым бойцам и командирам 195 л молока, 595 яиц, 118 кг картофеля и свеклы, 32 кг лука [13]. Из-за нехватки транспорта люди переносили продукты на себе за 5–20 км. Над госпиталями Железноводска, кроме городских организаций и учреждений, шефствовали хозяйства Минераловодского и Суворовского районов, которые оказывали им помощь прежде всего продовольствием. К 1 мая 1943 г. шефы из районов привезли в госпитали Железноводска 850 л молока, 2,5 тыс. яиц, 150 кг зелени и т.д. [14]. Немало проблем возникало со стиркой белья, т.к. прачечные не работали, и сотрудницы госпиталей брали стирать белье домой.

Над госпиталями Кавказских Минеральных Вод шефствовали не только города и районы Ставропольского края, Карачаевской и Черкесской автономных областей, но и расположенные рядом районы Кабардино-Балкарской АССР. К примеру, труженики Зольского района республики шефствовали над тремя госпиталями города Пятигорска. К 26-й годовщине Красной армии в феврале 1943 г. они привезли для раненых и больных жареных кур, масло, фрукты, а к годовщине Октябрьской революции – 470 кг сыра, 200 кг сливочного масла и другие продукты [15].

По данным Ставропольского краевого комитета помощи по обслуживанию больных и раненых воинов Красной армии, всего шефами в госпитали за годы войны было доставлено более 300 т продовольствия, 45 т фруктов, 7,5 тыс. кроватей и другой мебели, более 27 тыс. предметов столовой посуды, 27 тыс. штук постельных принадлежностей и т.д. Для раненых было дано более 1 тыс. концертов [16]. Фактически имущества и продуктов поступило в госпитали намного больше. Но его оказалось невозможно учесть, т.к. значительное количество вручалось непосредственно шефами, приезжавшими в госпитали.

Ситуация с медицинскими кадрами после освобождения ухудшилась. В результате карательных операций фашистов часть врачей погибла. Так, на курорте Теберда были арестованы 285 медицинских работников и членов их семей. 13 декабря 1942 г. 200 медицинских работников были расстреляны [17].

Огромное значение для успешного лечения больных имели внимание и забота, которые проявляли труженики городов и сел. Шефы, школьники посещали больных, встречаясь с ними, непосредственно в палатах организовывались концерты коллективами художественной самодеятельности и профессиональными артистами. По данным краевого комитета по обслуживанию раненых и больных бойцов и командиров Красной армии, в госпиталях было дано 5906 концертов и спектаклей, в том числе 2812 непосредственно в палатах раненых и больных [18]. О раненых фронтовиках заботились коллективы предприятий, учреждений, учебных заведений и граждане, обеспечивавшие

их продуктами питания, книгами, журналами, местными и центральными газетами, настольными играми, музыкальными инструментами.

Самоотверженный труд работников госпиталей Кавминвод получал высокую оценку государства. Более 20 из них были награждены правительственными наградами. Старшая медицинская сестра одного из ессентукских госпиталей М.Ф. Алексенко была удостоена ордена Ленина. Орденом Трудового Красного Знамени награждены начальники госпиталей М.Д. Блиох, Д.С. Гребенщикова, орденом Красной Звезды – директор железноводского курорта И.О. Савощенко и др.

Несмотря на огромные трудности, коллективы госпиталей Ставрополья при поддержке населения в годы войны выполнили огромную работу по лечению больных и раненых воинов. Признанием выдающихся заслуг медицинских работников и населения Кисловодска, где была сконцентрирована половина госпиталей Кавминвод, в лечении раненых и больных воинов явилось награждение города орденом Отечественной войны I степени. Всего в послеоккупационный период с февраля 1943 г. вплоть до мая 1945 г. госпиталями Кавминвод в действующую армию было возвращено 123 435 солдат и офицеров, что составляло 82 % от общего числа лечившихся [19]. Это был самый высокий процент в стране, особенно если учесть, что в госпиталях края находились больные, эвакуированные с фронтов с более сложными и тяжелыми ранениями.

Таким образом, в труднейших условиях Великой Отечественной войны медицинским работникам Кавминвод в короткий срок удалось перестроить свою работу на военный лад, оборудовать и восстановить после оккупации в кратчайший срок госпитали, высококачественно лечить раненых и больных воинов, возвращая их в строй воюющей армии. Успешное лечение раненых было заслугой медиков и населения края.

Примечания:

1. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 1852. Оп. 12. Д. 18. Л. 82, 104.
2. Кавказские Минеральные Воды. М., 1994. С. 161–162.
3. Вклад регионов Юга России в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: материалы Рос. науч.-практ. конф. 20–22 апреля 2010 г. Элиста, 2010. С. 203.
4. Кавказские Минеральные Воды… С. 163.
5. Ованенесов Б.Т., Судавцов Н.Д. Здравоохранение Ставрополья (1918– 2005 гг.). Ставрополь, 2007. С. 206–209.
6. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф. 1. Оп. 2. Д. 370. Л. 28.
7. Каменева Г.Н., Судавцов Н.Д. Женщины Северного Кавказа: подвиги мужества и милосердия 1941–1945 гг. Очерки истории. Ставрополь, 2005. С. 251.
8. ГАСК, Ф. 2874. Оп. 1. Д. 53. Л. 2.
9. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1282. Л. 45.
10. Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Ставрополь, 1962. С. 324.
11. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1282. Л. 187.
12. ГАСК. Ф. 2874. Оп. 1. Д. 39. Л. 3.
13. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 478. Л. 36.

14. Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг… С. 300.
15. Хакуашев Е.Т. Кабардино-Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Нальчик, 1978. С. 184.
16. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1282. Л. 69.
17. Народы Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Черкесск, 1990. С. 140.
18. Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг… С. 329.
19. Там же. С. 330.

Ю.В. Рудик

Деятельность ростовских специальных школ в годы Великой Отечественной войны

Постулат «Кадры решают все» не отменим и вечен. Кадры воспитывают с юности, как честь берегут смолоду. По мнению современных исследователей, «Российская империя со времен навигацкой школы Петра I и его грозных потешных полков всеми своими успехами на поле брани и в политике обязана кадетским корпусам – лучшему творению России за двести лет. Благодаря кадетским корпусам мы выстояли при Бородине, вошли в Париж в 1814-м и сокрушили Берлин в 1945-м» [1].

В истории кадетского образования нашей страны значительное место отводится специальным школам. Идея создания широкой сети подготовительных военно-учебных заведений была подсказана наркому обороны СССР К.Е. Ворошилову заместителем начальника артиллерии РККА комкором В.Д. Грендалем [2]. Был принят во внимание и успешный опыт работы военно-подготовительных школ в 1921–1930 гг. Эта идея нашла поддержку и вскоре начала осуществляться.

Комитет обороны, созданный 27 апреля 1937 г. при Совете народных комиссаров СССР, своим постановлением № 2сс от 5 мая 1937 г. обязал народные комиссариаты просвещения РСФСР и УССР выделить к началу 1937/38 учебного года 30 средних школ, в которых 9-е и 10-е классы следовало реорганизовать в военно-подготовительные классы, по окончании которых ученики поступают в артиллерийские военные училища. Таким путем предполагалось обеспечивать 50 % ежегодного набора курсантов-артиллеристов.

В ходе выполнения этого постановления в него были внесены существенные изменения, подсказанные жизнью. Отдел школ при ЦК ВКП(б) предложил вместо специальных классов создавать специальные средние школы с обучением в них с 8-го по 10-й классы, что позволило бы отделить учащихся, занимающихся по специальной программе, и создать для них более благоприятные условия. А увеличение числа обучаемых в специальных школах вдвое против обычных создавало возможность уменьшения количества школ. С этого времени вопрос о замене военно-подготовительных классов специальными средними школами фактически был решен.

В результате в 1937 г. было создано 15 специальных **артиллерийских школ**, которым были присвоены номера: с 1-го по 5-й – в Москве, с 6-го по 10-й – в Ленинграде, 11-й – в Ростове-на-Дону, 12-й и 13-й – в Киеве, 14-й и 15-й – в Харькове. В 1938 г. открылись еще две: 16-я – в Одессе и 17-я – в Ереване. В 1944 г. на Украине (в Киеве, Харькове и Одессе) были созданы еще три артиллерийские спецшколы. Таким образом, с 1937 по 1944 гг. в СССР было организовано 20 школ.

22 июля 1940 г. вышло постановление Совнаркома СССР № 1316 «Об организации специальных **военно-морских средних школ**». В соответствии с постановлением было создано 7 таких школ: в Москве, Ленинграде, Горьком (в настоящее время – Нижний Новгород), Владивостоке, Киеве, Одессе и Баку. При их организации был использован опыт артиллерийских спецшкол, осуществивших к этому времени три выпуска.

Жизнь подсказывала, что не меньше, чем артиллеристам и военным морякам, подготовка к будущей профессии нужна и военным авиаторам. Большую роль в организации таких спецшкол сыграл прославленный летчик Герой Советского Союза Михаил Михайлович Громов, крупнейший знаток проблем обучения пилотов. Он писал: «…подготовку к профессиональной деятельности (профессиональное воспитание) нужно начинать до начала освоения профессии. Юноше лучше начинать готовить себя к профессии летчика еще до поступления в авиационное училище, так как для перевоспитания срок пребывания в нем слишком короток. Это вопрос государственной важности» [3].

Начальник Военно-воздушных сил дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Яков Владимирович Смушкевич в своем докладе правительству «Военно-воздушные силы Красной армии» 14 мая 1940 г. предложил: «Организовать в этом году **авиационные спецшколы** Наркомпроса по типу артиллерийских с обязательным ежегодным выходом в лагеря, с организацией общежитий (интернатов) для иногородних учеников. Ввести для учеников особую форму одежды». 6 ноября 1940 г. было принято постановление Совета народных комиссаров Союза ССР № 2276 «Об организации специальных средних школ Военно-воздушных сил» [4]. Этим же постановлением было утверждено «Положение о специальных средних школах Военно-воздушных сил».

Времени на раскачку не давалось. Уже 2 января 1941 г. занятия должны были начаться в 20 новых спецшколах страны. Каждой школе был присвоен свой номер: Московской – № 1, Ленинградской – № 2, Ивановской – № 3, Курской – № 4, Горьковской – № 5, Воронежской – № 6, Сталинградской – № 7, Саратовской – № 8, Казанской – № 9, Ростовской – № 10, Свердловской – № 11, Краснодарской – № 12, Киевской – № 13, Одесской – № 14, Днепропетровской – № 15, Харьковской – № 16, Тбилисской – № 17, Минской – № 18, Ворошиловоградской – № 19, Ереванской – № 20.

Занятия в ростовских спецшколах начались: в артиллерийской – 1 сентября 1937 г., Военно-воздушных сил – 13 января 1941 г. В первый год своего существования артиллерийская специальная школа размещалась по улице 1-й Инженерной, дом № 52 (ныне это Мясникова, 52, здесь размещается налоговая инспекция Пролетарского района). Через год была переведена в здание средней школы № 1 им. Карла Маркса (бывшее до революции Петровским

реальным училищем и размещавшееся рядом с городской думой, сейчас на этом месте в парке установлен памятник городскому голове Байкову). Спецшколе ВВС сразу было выделено здание средней школы № 31 по улице Пушкинская, 96 [5], в котором до революции размещалась Екатерининская женская гимназия (в настоящее время на этом месте установлено «Колесо обозрения» центрального городского парка). Т.е. под упомянутые спецшколы городскими властями были выделены здания с самыми лучшими условиями. И это исходило из тех целей и задач, которые стояли перед спецшколами: подготовить для последующего обучения в артиллерийских и летных военных училищах высокообразованных юношей, преданных делу большевистской партии.

Анализируя цели, задачи, порядок и условия функционирования этих средних специальных учебных заведений, современные исследователи приходят к выводу, что создание специальных школ Наркомпроса, по своей сути, явилось началом возрождения кадетского образования СССР. Пройдет еще несколько лет, и в 1943 г. председатель Совета народных комиссаров СССР, Верховный главнокомандующий Вооруженными силами, председатель Государственного комитета обороны и народный комиссар обороны СССР Иосиф Виссарионович Сталин допишет в проекте постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) о создании суворовских военных училищ знаменитую фразу «по типу старых кадетских корпусов», вернет воинские звания и погоны. Вслед за суворовскими училищами появятся нахимовские, а большинство артиллерийских специальных школ Наркомпроса будут реорганизованы в артиллерийские подготовительные училища Советской армии, в том числе и в Ростове-на-Дону.

Помимо обучения по программе обычной средней школы учащиеся специальных школ проходили усиленную физическую подготовку, изучали общевоенные дисциплины (такие как уставы РККА, тактику, строевую, стрелковую подготовку), постигали азы будущей специальности. Так, программа специальной подготовки для спецшколы ВВС включала изучение материальной части самолетов и моторов, теории полета, воздушной навигации, авиасвязи, топографии, метеорологии [6]. В летнее время «спецы» (как себя называли учащиеся спецшкол) проходили 45-дневные полевые сборы: «пушкари» – на артиллерийском полигоне, а «летуны» – в своем школьном лагере под станицей Багаевской либо при определенной приказом авиационной части. Внутренний порядок в школах организовывался на основе уставов Красной армии. Учащиеся носили специальную военную форму одежды. Как и в Красной армии, в 1943 г. спецшкольникам были введены погоны. По своим размерам они были несколько уже обычных.

11-я Ростовская артиллерийская школа просуществовала до 1946 г., произведя 9 выпусков, затем на ее базе было развернуто Ростовское артиллерийское подготовительное училище Министерства обороны СССР, со временем поменявшее свою дислокацию на территорию напротив сегодняшнего Ростовского государственного университета путей сообщения (за храмом Иоанна Кронштадтского), и просуществовало до 1949 г.

10-я Ростовская специальная школа ВВС произвела 15 выпусков и была расформирована, как и все подобные спецшколы, в 1955 г. Обе эти спецшколы

с честью выполнили свое предназначение, подготовив достойные кадры для артиллерийских и авиационных военных учебных заведений.

В годы войны ростовским спецшколам выпала нелегкая доля, каждая из них пережила по две эвакуации. 18 октября 1941 г. школы эвакуировались в город Кисловодск [7], а после года учебы, летом 1942 г. артспецшкола – в село Рыбное, затем – в город Ачинск Красноярского края, спецшкола ВВС – в город Ереван, в котором находились сформированные ранее республиканские артспецспецшкола и спецшкола ВВС. Наиболее тяжелая участь досталась артспецшколе: полуголодное существование, отсутствие одежды и обуви, учебников и учебных принадлежностей. После принятия выпускников артспецшколы в Сумское артиллерийское училище (размещавшееся в то время также в городе Ачинске) командование училища было вынуждено «откармливать» их в течение месяца ввиду дефицита массы тела.

Еще до эвакуации из Ростова спецшкольники выполняли работы на военных и городских складах по их эвакуации [8], осуществляли погрузочно-разгрузочные работы на железнодорожном и речном транспорте, участвовали в строительстве железнодорожной ветки, противотанковых рвов, несли дежурство по тушению «зажигалок». Оказавшись в Кисловодске, участвовали в поисках и ликвидации заброшенных германским командованием разведывательно-диверсионных групп, несли патрульную службу, дежурили в составе службы воздушного наблюдения, оповещения и связи, доставляли с вокзала в госпитали прибывавших раненых, выступали с номерами художественной самодеятельности в развернутых в Кисловодске госпиталях, оказывали помощь колхозам в уборке урожая (в основном картофеля и подсолнечника).

В 1944 г. ростовские спецшколы вернулись в свой родной город. Т.к. бывшие здания спецшкол были разрушены (и впоследствии разобраны как не подлежащие восстановлению), артиллерийской спецшколе было выделено здание бывшей школы № 90 по современному адресу Верхненольная, 8 (в этом здании теперь размещается ее правопреемник – Естественнонаучный лицей № 11), а спецшколе ВВС – бывшее здание школы № 54 по адресу Красноармейская, 1 (до революции в ней размещалась еврейская школа, сейчас это здание занимает Ростовский институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, с адресом: переулок Гвардейский, 3).

Важно отметить, что вернувшимся в свой родной город спецшколам были выделены здания, требующие капитального ремонта, но руководство спецшкол и учащиеся не стушевались, а сами принялись их ремонтировать. Городские власти оказали только небольшую помощь стройматериалами. Парадокс: после этого здание 11-й школы капитально не ремонтировалось вплоть до 2010 г. «Летной» спецшколе повезло менее, ей не удалось получить необходимые для капремонта стройматериалы. Но несмотря на это школа сама, как могла, «залатала фронтовые дыры» и продолжила деятельность. И только через пять лет, в 1949 г., здание школы подверглось капитальному ремонту.

Особенностью спецшкол было то, что они предусматривались как учебные заведения интернатного типа, т.е. для иногородних создавались условия для проживания и питания. Однако артиллерийская спецшкола за всю свою

историю только в Кисловодске имела здание интерната. Спецшколе ВВС повезло больше: она начала свою деятельность с выделенным для интерната зданием (это была школа № 81 на 6-й улице, восстановленное и достроенное, это здание сохранилось до наших дней, в нем сейчас размещается школа № 72 по адресу: Варфоломеева, 1-а). Однако свой второй учебный год спецшкола начала без интерната, т.к. в ранее выделенном здании под интернат разместился военный госпиталь. Имела она интернаты также и в Кисловодске, и в Ереване. В послевоенном Ростове здания для интерната не было выделено, в связи с чем размещение иногородних спецшкольников осуществлялось непосредственно в школе вплоть до момента ее расформирования. Все это обусловливало скученность размещения, неудобство ведения учебной и воспитательной работы.

В 1944/1945 учебном году обе спецшколы принимали самое активное участие в восстановлении разрушенного войной города.

Участниками Великой Отечественной войны в основном стали воспитанники артспецшколы до 1943 г. выпуска и спецшколы ВВС до 1942 г. включительно. Ввиду того что подготовка летчика занимает продолжительный период, на фронт не попали уже выпускники-«летуны» 1943 г. Мой тесть подполковник Олег Николаевич Кравченко, окончивший ростовскую артспецшколу в Кисловодске в 1942 г., после одногодичной учебы в Тбилисском артиллерийском училище попал на фронт только осенью 1943 г., после освобождения Киева. Мне памятны его рассказы о том, как и спецы, и курсанты добросовестно учились военному делу, стремились побыстрее закончить учебу и оказаться на фронте, чтобы бить врага. Все два года войны он был командиром огневого взвода артиллерийского полка, и, как вспоминал, все два года его орудия стреляли только прямой наводкой. Войну закончил в Чехословакии. Имел по два ордена Красной Звезды и Отечественной войны и медаль «За отвагу». Дважды был контужен. Неоднократно о боях с участием его подразделения писала армейская газета, но после войны у него осталась только одна вырезка из газеты, и то только та, в которой рядом с фамилией вместо инициала имени О (Олег), указана А (Алик – как по молодости называли его в батарее). И поэтому он стеснялся показывать другим эту маленькую фронтовую заметку. После войны, окончив Военную академию тыла, возглавлял службу снабжения горючим армейского звена, а на гражданском поприще руководил отделом автозаправочных станций Ростнефтеснаба.

Я привел обычную биографию офицера-«спеца» (как себя называли спецшкольники), чтобы показать, что именно такие офицеры ковали Великую Победу. Они прекрасно знали военное дело, преданно любили свою Родину, были готовы отдать за нее свои жизни и примером своего поведения на поле боя воодушевляли бойцов.

Перечислить боевые пути сотен спецшкольников – участников Великой Отечественной войны и показать их вклад в Великую Победу практически невозможно. Позволю только лишь назвать выпускников – Героев Советского Союза и Социалистического Труда.

Всего 27 артспецшкольников за годы войны стали Героями Советского Союза, из них трое окончили 11-ю Ростовскую артиллерийскую специальную школу. Это:

– Сергей Яковлевич Орехов, выпускник 1941 г. Звания Героя удостоен за боевые действия в Белорусской стратегической наступательной операции, будучи командиром огневого взвода 1187-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка. Жил в Ростове-на-Дону, в последние годы работал на геологическом факультете Ростовского государственного университета;

– Владимир Васильевич Мыльников, выпускник 1941 г. Звания Героя удостоен, будучи командиром дивизиона 969-го артиллерийского полка в ходе форсирования реки Висла. Жил в Тернополе, в последние годы преподавал в филиале Львовского политехнического института;

– Степан Федотович Штанько, выпускник 1939 г. Генерал-лейтенант. Звания Героя удостоен, будучи командиром батареи 98-го гвардейского артиллерийского полка в ноябре 1943 г. при высадке десанта на Керченский полуостров в районе поселка Опасное. В последние годы был начальником Харьковского высшего военного командно-инженерного училища.

В числе спецшкольников-ростовчан нет Героев Советского Союза, но зато есть два Героя Социалистического Труда, и получили они эти высокие звания через несколько десятков лет после окончания войны. Это:

– Юрий Александрович Песко́в, выпускник 1954 г., всем известный советский государственный и промышленный деятель, легендарный генеральный директор завода Ростсельмаш, почетный гражданин Ростова-на-Дону и Ростовской области;

– Святослав Николаевич Федоров, всемирно известный офтальмолог, глазной микрохирург, академик РАМН и РАЕН. Во время обучения в выпускном классе 10-й Ростовской спецшколы ВВС в 1945 г., в возрасте 18 лет, неудачно спрыгнув с трамвая, лишился левой ступни, из-за чего по состоянию здоровья был переведен в обычную школу.

Ростовские спецшколы воспитали достойных сынов своей Родины. И не зря в песне выпускников 11-й Ростовской артспецшколы гордо звучат такие слова:

И пусть же знает вся страна
О том, что ей верны,
Что артиллерия сильна,
А мы – ее сыны,
Что жизнь свою готовы
Мы для победы новой
За счастье нашей Родины отдать.

Примечания:

1. Кавад Р. Бессмертные кадеты. URL: http://www.npacific.ru/cgi-bin/yabb24/YaBB.pl?num=1411093403 (дата обращения: 18.04.2015).
2. Сыченков Б.П. Юные боги войны. М., 2006. С. 13.
3. Там же. С. 21.
4. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-3923. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
5. Там же. Л. 2.
6. Там же. Л. 38.
7. Там же. Д. 5. Л. 3.
8. Там же.

РАЗДЕЛ 4. ОККУПАЦИЯ И СОПРОТИВЛЕНИЕ ЗАХВАТЧИКАМ НА ЮГЕ РОССИИ

Л.В. Табунщикова

Церковная жизнь на территории Ростовской области в период немецкой оккупации в годы Великой Отечественной войны

Возрождение религиозной жизни в годы Великой Отечественной войны невозможно рассматривать без учета процессов, протекавших в оккупационной зоне. По этой проблеме уже сформировалась достаточно обширная историография. Положение Русской православной церкви на оккупированных территориях Дона не становилось до настоящего времени предметом специального исследования. В силу этого изучение церковной жизни, протекавшей в областях, занятых немецкой армией, представляется чрезвычайно важным.

Предпосылки. К 1941 г. Русская православная церковь как организационная структура в результате жесточайших гонений была практически разгромлена. К 1940 г. в РСФСР было зарегистрировано 950 общин, однако реально действовали около 100 храмов, находившихся в основном в крупных городах [1]. Епархий к 1941 г. как административных единиц практически не существовало, часть священников была вынуждена оставить службу из-за невозможности ее продолжать, часть была арестована и находилась в местах заключения. На предвоенное время (1937–1941 гг.) пришлась самая масштабная волна антицерковных акций: только в 1937 г. было закрыто более 8 тыс. православных храмов, ликвидировано 70 епархий, расстреляны около 60 архиереев [2].

К 1941 г. в Ростовской области, включающей канонические территории Ростовской и Таганрогской епархии и часть Донской и Новочеркасской епархии, осталась действующей, по официальным данным, только одна Преображенская церковь в хуторе Обуховка Азовского района [3]. Для сравнения: на 1920 г. в Донской епархии (без Таганрогского викариатства) существовало 911 церквей [4]. Таким образом, количество функционировавших в Ростовской области храмов к началу Великой Отечественной войны составило менее 1 % от количества церквей, действовавших до 1920 г.

Оккупация Ростовской области. Коренные изменения в ситуации в Ростовской области совпали со временем немецкой оккупации. Немецкая разведка доносила, что после занятия Донской области началось самопроизвольное открытие церквей везде, где были духовенство и церковные здания. В донесении от 16 октября указывалось, что в Новочеркасск на открытие собора прибыли местный комендант и представители городского управления. После богослужения состоялся крестный ход через весь город, в котором участвовали тысячи людей [5]. Игумен Георгий (Соколов), очевидец событий, позже вспоминал: «На третий или четвертый день по занятии города ко мне пришли 7–8 прихожан храма Всех Святых с предложением осмотреть храм и немедленно начать хлопоты о закреплении его за общиной и о совершении богослужений» [6].

Религиозную жизнь на непродолжительный период возглавили два уцелевших и живших на покое архиерея – архиепископ Ростовский Николай (Амассийский) и епископ Таганрогский Иосиф (Чернов). К концу 1942 г. оба архиерея вошли в состав Украинской автономной церкви Московского патриархата, в храмах их епархий возносили имя митрополита Сергия (Страгородского).

Таганрогский епископ Иосиф (Чернов). Возглавивший церковную жизнь в Таганроге епископ Иосиф (Чернов) последний раз до войны был репрессирован в 1935 г., осужден на 5 лет, наказание отбывал по декабрь 1940 г. [7]. После освобождения проживал в городе Азове (в Таганроге ему проживание было запрещено), работал в детских яслях сторожем [8]. После начала немецкой оккупации 8 августа 1942 г. пешком пришел в Таганрог. Через несколько дней после прибытия был вызван в бургомистерство, где ему было предложено пройти регистрацию. Получив ее, 27 августа 1942 г. приступил к службе, 28 августа освятил собор. Перед освящением собора был вызван в отдел пропаганды, где ему предложили прочитать перед согражданами речь [9]. При освящении собора (надо полагать, Никольского), где присутствовали работники бургомистерства и немецких воинских частей, Чернов написанную офицером речь, как и собственную проповедь, как утверждал впоследствии, читать отказался. Больше ему речей читать не предлагали, но по настоянию властей он был вынужден во время пребывания в Таганроге с августа 1942 г. по февраль 1943 г. написать три статьи антисоветского характера в местную коллаборационистскую газету «Новое слово». Кроме того, по приказу немцев через благочинного города Таганрога Прудникова собирал со всех священнослужителей биографии для передачи немцам [10]. Иосиф (Чернов) после прихода советских войск был арестован в 1944 г. и судим в 1945 г. как агент гестапо и тайный иоаннит (последователь секты почитателей Иоанна Кронштадского). Основное обвинение базировалось на его профашистской речи при освящении Никольского храма и антисоветских публикаций в газете «Новое слово». Публикации епископ признал, от обвинений в пособничестве гестапо категорически отказался, признав только факт провозглашения им многолетия немецкой армии на площади у памятника Петру I в июне 1943 г. после перенесения его немцами на старое место (вместо памятника Ленину) [11].

По мнению историков, главной проблемой южных (Краснодарской, Ставропольской) епархий к концу оккупации было отсутствие архиереев [12]. По словам Иосифа (Чернова) в декабре 1942 г. из Краснодара в Таганрог приезжали два человека в казачьей форме, представители краснодарских церковных приходов и председателя Епархиального управления игумена Серафима (Смыкова), которые убедительно просили принять под свое руководство Кубанскую епархию, в чем им было отказано. В том же 1942 г. с теми же целями к Чернову приезжали из Ставрополя представители обновленческой церкви и представители Епархиального управления православной (тихоновской) церкви. Им также было отказано. Впоследствии прибывали из благочиний городов Сталино (в настоящее время – Донецк), Кропоткина, Артемовска [13].

Ростовское епархиальное управление. Николай (Амассийский). До прибытия в Ростов-на-Дону епископа Николая (Амассийского) активную

деятельность по легализации церковной жизни развернул бывший протоиерей ростовского кафедрального собора Вячеслав (Сериков). Одним из первых начав проводить богослужения в церквах Ростова, он получил утверждение в августе 1942 г. в качестве ростовского благочинного от Таганрогского епископа Иосифа [14]. В сентябре 1942 г. по приказу немецких властей им было организовано в Ростове Епархиальное управление для руководства церквями оккупированных территорий Кавказа, Кубани и Дона. Руководителями Епархиального управления являлись, помимо Серикова, протоиерей И. Ноговский и профессор Иванов, которым вменялось в обязанность обеспечивать материально и духовно красноармейцев, сдавшихся в плен, для формирования казачьих пронемецких отрядов [15], а также проводить пронемецкую пропаганду.

Очевидец событий священник Павел (Чехранов) позже вспоминал: «Еще до прибытия в Ростов и вступления архиепископа Николая в управление епархией, объявился лично для меня незнакомый священник, отец Вячеслав Сериков. Появился на поверхности церковной жизни Ростова сразу же по приходе в Ростов немецких вооруженных сил и отрекомендовал себя как благочинный г. Ростова, назначенный епископом Иосифом Таганрогским. Он предложил мне принять участие в общественных городских благодарственных молебнах <…> по случаю занятия немцами г. Ростова. На это предложение я дал категорический отказ, рассматривая его, как позорное для всякого русского гражданина… Я пробыл один месяц на временной пастырской работе в приходе бывшего городского кладбища, куда поступил без всякого назначения, ибо архиепископа Николая еще не было в городе» [16]. Данная информация была изложена отцом Павлом в объяснительной записке, когда после освобождения Ростова его попросил об этом прибывший в город представитель Московской патриархии [17].

Другой член управления, протоиерей Ноговский, по некоторым данным, выполнял задания немецких разведывательных органов [18], кроме того, активно посещал лагеря военнопленных, из которых впоследствии формировались казачьи коллаборационистские части. Именно ему принадлежит авторство подготовленной в сентябре 1942 г. декларации, в которой были изложены подданнические чувства и преданность священнослужителей г. Ростова и Ростовской области фашизму. Декларацию подписали кроме него епископ Николай (Амассийский), прибывший к тому времени и вошедший в состав Епархиального управления, В. Сериков, Иванов и ряд других священнослужителей. Текст был передан в фельдкомендатуру и отправлен рейхскомиссару в Ровно [19].

Профессор Иванов являлся начальником церковно-фашистского отдела при бургомистерстве и, по утверждению епископа Иосифа (Чернова), «писал в фельдкомендатуру материалы о политической неблагонадежности священнослужителей г. Ростова» [20]. Являлся совместно с Ноговским экзаменатором лиц, желающих получить священнический сан, одновременно проверяя их пронемецкую благонадежность. Некий Иванов (возможно, тот же самый) в рассматриваемое время являлся членом коллаборационистского казачьего комитета г. Ростова и разрабатывал положение церкви в будущем казачьем государстве под эгидой фашистов [21].

Глава епархии Николай (Амассийский) при немцах, по собственным словам и по мнению Иосифа (Чернова), являлся не руководителем, а «посвятителем во священники». По утверждению того же Чернова, гестапо чрезвычайно интересовали антифашистские взгляды ростовского епископа, которых он особенно не скрывал. Во всяком случае, сам Чернов об этом неоднократно слышал от женщин-прихожанок [22]. Получив в Мариуполе на епархиальном съезде титул митрополита Ростовского и Приазовского [23], Николай (Амассийский) некоторое время был связан с румынским патриархом Никодимом [24]. Особым посланием патриаршего местоблюстителя от 20 марта 1943 г. архиепископ Николай Амассийский был осужден за связь с гитлеровцами. В 1943 г., во время отступления немцев, он уехал в Румынию, где умер в возрасте 90 лет [25].

Шахты. Еще один активный центр церковной жизни в 1942 г. находился в городе Шахты и был связан с деятельностью местного протоиерея Василия (Дмитриева), исполнявшего обязанности благочинного с августа 1942 г. по февраль 1943 г. В 1948 г., будучи священником станицы Ольгинской, был арестован, судим и получил 10 лет заключения преимущественно за то, что во время открытия шахтинского собора в 1942 г. произнес антисоветскую речь, «с восхвалением немецких порядков» [26]. Сам осужденный свою речь признавал произнесенной под давлением со стороны шахтинского бургомистра. Положение осложнялось тем, что она была целиком опубликована в местной коллаборационистской газете «Шахтинский вестник» 30 августа 1942 г. под заголовком: «Город Шахты приветствует офицеров немецкой комендатуры» [27].

Благодаря материалам допроса отца Василия (Дмитриева), мы можем реконструировать процесс возрождения религиозной жизни при немецкой оккупации: «Сознательно оставшись на оккупированной территории в г. Шахты, через несколько дней после вступления немцев я объявил среди отдельных жителей, что в прошлом был священником и поэтому начал заниматься частной практикой» [28]. Переговорив с соседом, в прошлом дьяконом собора, Дмитриев решает пойти в бургомистерство и попросить о выдаче официального разрешения на отправление служб, каковое он и получил. Более того, немецкие власти не только передали под богослужение помещение начальной школы, но и выделили строительный материал и рабочую силу: «Затем через некоторое время в тот же день Марченко представил мне Редько [бургомистра г. Шахты. – *Л.Т.*], который тут же предложил мне начать немедленную организацию и строительство молитвенного дома в г. Шахты. Редько распорядился о выдаче строительного материала и рабочей силы. Я дал свое согласие. Через некоторое время, подготовив молитвенный дом к открытию, я, Дмитриев, перед большим количеством населения и представителями германского командования выступил с обращением к молящимся» [29].

В результате активной деятельности к Дмитриеву начали поступать запросы с мест о выделении священников во вновь открываемые молитвенные дома: «…я исполнял просьбы с мест, т.е. назначал и направлял последних, из числа тех, которые являлись ко мне и доказывали мне о своей принадлежности к священникам <…>. Желая оправдать свое назначение, я спросил однажды бургомистра города Редько, как поступать дальше. Меня, Дмитриева,

принимают за благочинного? На что последний ответил: “Ну, что же, будьте благочинным”» [30]. Примерно через месяц Дмитриева при личной встрече утвердил в качестве благочинного и дал соответствующий инструктаж епископ Николай (Амассийский). «Т.е. вся последующая моя работа Шахтинским благочинным была узаконена» [31]. Любопытно, что в процессе своей деятельности в качестве благочинного города Шахты, помимо назначения священников в молитвенные дома, сбора пожертвований на содержание канцелярии епископа Николая, отец Василий занимался и «присоединением» к «тихоновской» церкви священников-обновленцев, как это произошло при назначении священника в поселок Власовка [32].

По мнению органов советской власти, в годы Великой Отечественной войны «в Ставропольском, Краснодарском краях и Ростовской области часть духовенства активно помогала оккупантам формировать фашистские банды из антисоветских элементов казачества. В будущем немцы подготавливали нечто вроде созыва “Поместного собора” РПЦ» [33]. Собор предполагалось провести в Ростове или Ставрополе из духовенства, строго отобранного немцами на оккупированных советских территориях, с тем чтобы он избрал берлинского митрополита Серафима (Ляде) в качестве «Патриарха Московского и всея Руси».

Открытие храмов. В период немецкой оккупации Ростовской области на местах массово открывались храмы. В одном городе Ростове-на-Дону в 1942 г. открылось 10 православных церквей [34]. В послевоенном отчете уполномоченного по делам Русской православной церкви по Ростовской области В.Т. Политико приводятся следующие данные о количестве храмов, «зарегистрированных за годы войны и послевоенный период»: 115 церквей и 128 молитвенных домов, всего 243 общины [35]. М. Шкаровский также указывает 243 открытых храма в Ростовской области [36]. По подсчетам автора, всего во время Великой Отечественной войны в Ростовской области, в оккупационный и послеоккупационный периоды, было открыто 240 церквей. Основная часть – около 200 (или более 85 %) – пришлась на период оккупации.

Подавляющее большинство священников, зарегистрированных уполномоченным по делам Русской православной церкви по Ростовской области в первые послевоенные годы, начали службу при немецкой оккупации. Так, священник Александр (Польский), по данным анкеты, служил в соборе Рождества Христова г. Каменска-Шахтинского с сентября 1942 г. [37]. Псаломщик Александр (Головкин) начал службу во Всехсвятской церкви города Таганрога с октября 1941 г. по август 1943 г. [38]. Иеромонах Иоанн (Петр Алексеенко) «во время оккупации г. Азова выехал в город Таганрог, где работал в Крестовоздвиженской церкви в качестве священника» [39].

Таким образом, можно констатировать, что первоначальный процесс открытия храмов и возрождения религиозной жизни был массовым и стихийным. Однако немцы попытались направить данный процесс в русло решения собственных задач и на благо собственных интересов. В связи с чем церковная верхушка была ими скомпрометирована и в дальнейшем понесла наказание. Подавляющего большинства священнослужителей, начавших службу в оккупацию, последующие репрессии не коснулись. Большинство получило

регистрацию местного уполномоченного по делам Русской православной церкви и продолжило свою деятельность.

Примечания:

1. Одинцов М.И. Великая Отечественная война (1941–1945) и религиозные организации в СССР. URL: http://www.pravenc.ru/text/150063.html (дата обращения: 27.03.2015).
2. Шкаровский М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве: Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг. М., 1999. С. 92.
3. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-4173. Оп. 5. Д. 39. Л. 1.
4. Шадрина А.В. Храмы Донской и Новочеркасской епархии, конец XVII века – 1920 г.: справочник. Ростов н/Д, 2014. С. 16.
5. Шкаровский М.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 2010. С. 188.
6. Там же.
7. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Ростовской области (далее – Архив УФСБ РО). П. 38243. Дело по обвинению Чернова И.М. 1936 г. Л. 237.
8. Там же. П-49273. Дело по обвинению Чернова И.М. 1945 г. Т. 1. Л. 60об.
9. Там же. Л. 65.
10. Там же. Л. 76.
11. Там же. Л. 83.
12. Шишкин Е.Н. Русская православная церковь на оккупированных территориях Кавказа в августе 1942 – феврале 1943 г. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской православной церкви. 2014. Вып. 6 (61). С. 125.
13. Архив УФСБ РО. П-49273. Дело по обвинению Чернова И.М. 1945 г. Т. 1. Л. 55.
14. Там же. Л. 50–50об.
15. Там же. Л. 51.
16. Объяснительная записка «Почему я не служил при немцах» // Церковный вестник. 1999. № 7 (76). С. 7.
17. Чехранов В.П. Священник Павел Чехранов // Церковный вестник. 1999. № 7 (76). С. 7.
18. Архив УФСБ РО. П-49273. Дело по обвинению Чернова И.М. 1945 г. Т. 1. Л. 53.
19. Там же.
20. Там же. Л. 53об.
21. Табунщикова Л.В. Донские антисоветские казачьи структуры и Германия в 1918 и 1941–1945 гг.: дис… канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 109.
22. Архив УФСБ РО. П-49273. Дело по обвинению Чернова И.М. 1945 г. Т. 1. Л. 72.
23. Там же. Л. 25об.
24. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 6. Л. 25.
25. Расстрелянный архипастырь. Рассказ внучки // Церковный вестник. 1999. № 5 (68). С. 5.
26. Архив УФСБ РО. П-50466. Дело по обвинению Дмитриева В.М. 1948 г. Л. 116.
27. Там же. Номер листа не указан.
28. Там же. Л. 22.
29. Там же. Л. 22–23.
30. Там же.
31. Там же. Л. 23об.
32. Архив УФСБ РО. П-50466. Дело по обвинению Дмитриева В.М. 1948 г. Л. 18об.–19.
33. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 6. Л. 24.
34. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 4. Д. 59. Л. 9; Д. 87. Л. 9, 130; Д. 168. Л. 9, 10, 296; Д. 246. Л. 8; Д. 168. Л. 7; Д. 171. Учетная карточка (без указания листа). Д. 173. Л. 311; Д. 174. Л. 8, 18,

124, 126, 135; Д. 176. Л. 27; Д. 197. Л. 37; Д. 231. Л. 24об.; Оп. 6. Д. 1. Л. 13, 14, 15, 30, 86; Д. 7. Л. 12, 14; Д. 11. Л. 10; Д. 77. Л. 97; Д. 97. Л. 27; Д. 304. Л. 1, 6, 8, 12; Д. 11. Л. 9; Д. 11. Л. 8об., 9, 13.
35. Там же. Оп. 5. Д. 2. Л. 1.
36. Шкаровский М.В. Русская православная церковь в XX веке… С. 188.
37. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 4. Д. 183. Л. 14.
38. Там же. Оп. 6. Д. 77. Л. 9–9об.
39. Там же. Оп. 4. Д. 57. Л. 9–9об.

И.Е. Татаринов

Отражение Львовского погрома (1941 г.) в западной историографии

Великая Отечественная война принесла боль и страдания многим народам СССР. В результате целенаправленной политики оккупантов были уничтожены миллионы наших соотечественников. Отдельную трагическую страницу войны составляют массовые убийства нацистами еврейского населения. Отметим, что активное участие в уничтожении евреев принимали различные коллаборационные формирования. Сегодня в Прибалтике и на Украине на фоне попыток пересмотра итогов Второй мировой войны происходит реабилитация и героизация коллаборационистов. Эти обстоятельства придают исследуемой проблеме особую актуальность. Ставя задачу охарактеризовать существующую украинскую и зарубежную историографию вопроса, мы в первую очередь анализируем ее источники.

За годы после окончания войны накопился значительный историографический массив. Это позволяет всесторонне проанализировать исследуемую проблему и определить дискуссионные моменты. Важное место здесь занимает отражение львовских событий начала июля 1941 г. в зарубежной историографии. Следует указать на сложность и дискуссионность в изучении данной темы. Сегодня основная дискуссия фокусируется вокруг участия украинских националистов в еврейском погроме июля 1941 г. во Львове, когда погибло около 4 тыс. евреев. Одни авторы безапелляционно отрицают участие националистов, другие убеждены в противоположном. Если украинские историки категорически отрицают участие в этой трагедии частей ОУН, украинской полиции и батальона «Нахтигаль», списывая все на некие уголовные и деклассированные элементы, а также поляков [1], то работы российских и западных исследователей построены по-иному. В целом оценки западных историков во многом совпадают с мнением российских авторов, которые значительно продвинулись в данном вопросе [2].

Среди причин такой полярности оценок и мнений в первую очередь следует отметить ограниченность источниковой базы и разность трактовок одних и тех же документов. Вплоть до 1990-х гг. большинство документов были практически недоступны для большинства историков, тем более западных.

Это обусловило специфичность работ западных исследователей, которые оперировали в основном вторичными источниками, испытывая дефицит архивных материалов. Достоверность эмигрантских документов ОУН-УПА, как и мемуаристики, очень часто вызывала вопросы. Ситуацию усугублял дефицит документов немецких оккупационных органов. С распадом СССР и открытием архивов начался новый этап в исследовании вопроса, появился ряд серьезных работ. На Западе признанными специалистами в исследовании львовских событий 1941 г. стали канадский историк украинского происхождения Иван-Павло Химка [3], а также немецкий ученый Гжегож Россолински-Либе [4].

Представляется логичным первоначально рассмотреть события накануне Львовского погрома. Вследствие военных неудач РККА, на львовском направлении в самом начале Великой Отечественной войны линия фронта стремительно отодвигалась на восток. За первую неделю боев передовые части вермахта и украинских коллаборационных частей – диверсионно-разведывательного батальона «Нахтигаль» в составе полка особого назначения «Бранденбург-800» – подошли к Львову. 30 июня город был практически без боя занят врагом. Вместе с оккупантами в город вошли националистические отряды ОУН-Б – бандеровцы. Отметим, что на случай войны ОУН-Б имели специфическую тактику борьбы за независимость – «політику доконаних фактів» (свершившихся фактов). Бандеровцы предполагали активными действиями ставить своих союзников (Германию и ее сателлитов) перед свершившимся фактом, как правило, не согласуя свои действия заранее. Одним из первых таких «фактов» как раз и стали события 30 июня 1941 г. во Львове. Решив воспользоваться сложившейся ситуацией в своих интересах, бандеровцы провозгласили Акт восстановления Украинского государства. Я. Стецько был назначен премьер-министром. Объявлялось создание (восстановление) Украинского государства, которое «будет тесно сотрудничать с национал-социалистической Великой Германией под руководством вождя Адольфа Гитлера, создающего новый порядок в Европе и всем мире» [5]. Также в документе заявлялось о продолжающемся формировании Украинской национальной революционной армии, которая «создается на украинской земле, будет бороться дальше совместно с союзной немецкой армией против московской оккупации за Суверенную Соборную Украинскую Державу и новый порядок во всем мире». Провозглашение указанного акта сопровождалось чудовищным по своим масштабам и последствиям погромом польского и еврейского населения Львова. Кроме указанных выше авторов, этому событию уделяют место в своих работах и некоторые другие западные исследователи [6].

Сейчас достаточно четко установлена хронология событий. Что же послужило толчком к еврейскому погрому? Утром 30 июня в львовских тюрьмах было обнаружено около 2,5 тыс. тел заключенных, расстрелянных перед отступлением НКВД. Это и спровоцировало антиеврейские акции. Что характерно, среди львовского населения НКВД ассоциировалось исключительно с евреями, которые, надо отдать должное, были там довольно широко представлены. Как отмечает И.-П. Химка, вначале разгневанные родственники погибших бросились искать евреев-мужчин, заставляя их откапывать погибших. После того как

жертвы были извлечены, евреев убили там же в тюремном дворе [7]. К вечеру начался тотальный погром. По свидетельствам очевидицы событий, в которых ей самой пришлось испытать роль жертвы, – еврейки Рузи (Розы) Вагнер – погромщики издевались над ней и другими женщинами, били, пинали и хватали за волосы. Подобные издевательства хорошо задокументированы визуально, поскольку немцы снимали в то время фильм во Львове. В нем видно, например, как погромщики били одну женщину, а другую тянули за волосы по улице. Фильм хранится в Киновидеоархиве С. Спилберга при Мемориальном музее Холокоста США [8]. Кроме этого западным историкам были доступны многочисленные фотоматериалы, подтверждающие данные факты.

Характерно, что свидетельница идентифицирует погромщиков как «низы украинской национальности» (męty społeczne narodowości ukraińskiej), «украинцы», «бандиты», «уличники», «городская шпана», «чернь» (tłuszcza), «орда». В то же время как жертва она не имела внутреннего понимания национальности исполнителей погрома [9]. Украинские авторы, не отрицая в целом свидетельств Р. Вагнер, апеллируя к ее утверждениям о «черни» и «уличной шпане», указывают на участие поляков в погроме [10]. Сегодня установлено, что Львовский погром происходил со второй половины 30 июня до конца 2 июля 1941 г. и унес жизни около 4 тыс. евреев, в основном мужского пола.

Стоит отметить, что одним из первых распоряжений националистов во Львове было создание «украинской милиции». Как отмечает украинский историк А. Круглов, она «сразу приступила к арестам евреев-мужчин, которые доставлялись на участки милиции и там подвергались жестоким пыткам» [11]. Американский историк Джеффри Бурдс путем сопоставления фото на милицейских удостоверениях и лиц на фотографиях немцев установил, что по крайней мере 8 погромщиков на фотографиях принадлежали именно к украинской милиции. В частности, в 2008 г. им был опознан некий Иван Ковалишин, а недавно историки тем же способом опознали М. Печарского. Примечательно, что их пребывание во Львове в описываемые дни подтверждается в том числе и отчетом руководителя походной группы ОУН № 111 Тимиша Семчишина Бандере от 9 июля 1941 г. Семчишин сообщает о членах ОУН, перешедших к 9 июля через приграничную реку Сан и направленных в разные города Украины. Всего перешли 286 членов ОУН-Б, двое из них направлялись во Львов, среди которых был и Михайло Печарский [12].

Примечательно, что Р. Вагнер, не зная точно, кем были погромщики, назвала их просто «украинцами». Многие другие свидетельства уцелевших евреев о погромах в Западной Украине также называют погромщиков «украинцами», не уточняя, кем же были те украинцы-погромщики [13]. Многие свидетели отмечали, что участвовавшие в этих акциях полицейские «имели у себя на рукавах опознавательные знаки сине-желтого цвета» [14]. Аналогичные акции происходили и на Волыни [15], и особенно в Прибалтике, где новосозданная милиция, арестовывая местных евреев, передавала их в руки айнзатцгрупп для последующего расстрела [16].

Несмотря на отсутствие документов, свидетельствующих об инспирировании немцами львовских событий, западные историки единодушны во мнении,

что аресты евреев и последующие издевательства и убийства проводились с молчаливого согласия немецких властей. В то же время элемент стихийности также присутствовал, особенно в первый день погрома, когда антиеврейские акции во Львове оказались развернуты украинскими националистами еще до прибытия в город служащих зондеркоманд из айнзатцгруппы «Б». Начальнику айнзатцгруппы бригаденфюреру СС Отто Рашу осталось лишь придать акциям более массовый порядок. Служащие айнзатцгруппы включились в расстрелы евреев. За «жертвы большевиков» также выдавались убитые накануне «украинской милицией» евреи [17]. Отмечая сотрудничество ОУН и немцев в проведении антисемитских акций, авторы сомневались в самостоятельности действий националистов, утверждая, что таким образом они пытались завоевать положительное отношение немцев к идее украинской независимости [18]. Причины контактов оккупантов с националистами – непосредственными исполнителями погромов – достаточно детально раскрыты и в известной монографии американского историка Тимоти Снайдера [19].

Отметим, что бандеровцы расклеивали во Львове листовки нацистского содержания: «Народ! Знай! Москва, Польша, мадьяры, жидова – это твои враги. Уничтожай их! Знай! Твое руководство – это Провод украинских националистов, это ОУН. Твой вождь – Степан Бандера» [20]. Это усиливало погромы. По свидетельствам раввина Давида Кахане, «немцы хватали евреев прямо на улицах и в домах и заставляли работать в тюрьмах. Задача поимки евреев, кроме того, была возложена на только что созданную украинскую полицию… Каждое утро власти сгоняли около 1000 евреев, которых распределяли по трем тюрьмам. Одним было приказано разбивать бетон и выкапывать тела, а других заводили в небольшие внутренние дворы тюрьмы и там расстреливали. Но и те “счастливчики”, которые оставались работать, не всегда возвращались домой» [21].

Г. Россолински-Либе установил, что 5-я и 6-я айнзацкоманды расстреляли около 2,5–3 тыс. евреев. Их привела на стадион милиция ОУН-Б. Украинские отряды из ОУН-Б хватали евреев по городу, в их квартирах и препровождали на стадион – а уже оттуда их забирали в места расстрелов. В то время во Львове находилось около 150 тыс. евреев. Из них более половины были беженцы из оккупированной немцами Польши. Поляков в городе было около 50 % населения, украинцев – 15–20% [22].

Отдельно остановимся на участии украинского коллаборационистского батальона «Нахтигаль» в описываемых событиях. По предположениям известного российского исследователя вопроса А. Дюкова, «по всей видимости, некоторая часть военнослужащих “Нахтигаля” использовалась для “точечной ликвидации” противников ОУН в соответствии с “черными списками”. Однако массовые антиеврейские акции проводились не ими, а “украинской милицией” при участии служащих айнзатцгруппы». При этом автор приводит послевоенные показания бывшего военнослужащего «Нахтигаля» Григория Мельника и оуновца Ярослава Шпиталя, а также ссылается на западногерманские судебные материалы [23]. По понятным причинам, украинская историография считает данные свидетельства «советской пропагандой». Западные специалисты

также с осторожностью подходит к данному вопросу, отмечая, что «ни полк "Брандербург 800", ни батальон "Нахтигаль", ни Р. Шухевич нигде в материалах Нюрнбергского трибунала не фигурируют», хотя события во Львове там рассматривались. Кроме этого последующие судебные процессы в Европе также не установили участия «Нахтигаля» в погроме [24]. Однако важным обстоятельством здесь представляется то, что уличающие батальон сведения, полученные после войны советскими органами госбезопасности от бывших членов батальона и оуновцев, не были известны сторонам процессов.

В апреле 2008 г. Служба безопасности Украины официально распространила документальную информацию под названием «Книга фактов», где категорически отрицалось участие ОУН в еврейских погромах, в том числе и во Львове. Канадский ученый украинского происхождения Марк Царинник разоблачил фальшивку, приведя убедительные доказательства. В частности, он обратил внимание, что в машинописи, которая была якобы хроникой событий во Львове июля 1941 г., говорилось о том, как СС призвал ОУН к карательным действиям против евреев, однако Бандера на это не согласился. Внимательно прочитав фрагмент «Книги фактов», автор обратил внимание в конце на странную для 1941 г. информацию: «Бандера был заключен почти до конца войны». М. Царинник указал, что это никак не могло быть хроникой 1941 г., поскольку весь текст писался, судя по всему, когда о конце войны было известно. После этого версия документа из пяти страниц, размещенная на сайте СБУ, была урезана до трех. Исчезла, в частности, и последняя страница машинописи с намеком на позднее, фактически послевоенное происхождение текста [25]. Как видим, фальсификация истории поощряется современной украинской властью и происходит на самом высоком уровне, не говоря уже о научной среде.

Многие западные авторы (Г. Россолински-Либе, П. Рудлинг, Т. Снайдер) единодушно утверждают, что именно «Украинское Правительство» Я. Стецько выразило свое желание уничтожить евреев Украины и главный пропагандист ОУН-Б Степан Ленкавский отстаивал физическое устранение украинского еврейства. Стецько одобрил «устранение евреев и целесообразность использования немецких методов истребления еврейства Украины, дабы воспрепятствовать их ассимиляции и т.п.» [26]. Г. Россолински-Либе ссылается также на планы ОУН-Б по эвакуации или уничтожению этнических меньшинств и замены их «этническими» украинцами на «этнической» украинской земле [27]. Участие милиции ОУН в убийствах евреев хорошо задокументировано в оуновской переписке с нацистами, в их собственных листовках и директивах, а также в видео- и фотоматериалах участия украинской милиции в антиеврейских акциях.

Как справедливо отмечал И.-П. Химка, Львовский погром происходил на фоне провозглашения в городе Украинского государства, которое состоялось именно в первый день немецкой оккупации. Другим важным обстоятельством погрома была находка тысяч полуразложившихся трупов политических заключенных, которые были убиты НКВД в предыдущие дни. Кроме этого, особенностью погрома были издевательства над еврейскими женщинами.

ОУН под руководством Степана Бандеры обеспечила механизм погрома. Она кратковременно установила правительство во Львове 30 июня 1941 г.,

которое возглавлял убежденный антисемит. Уновская власть обклеила город листовками, которые поощряли к этническим чисткам. Милиционеры ходили в еврейских кварталах, арестовывая евреев, конвоировали их в тюрьмы, присутствуя при издевательствах и казнях. «Что касается толпы, которая, собственно, и сделала погром погромом, ее интерес заключался в карнавальных ритуалах, где толпа переворачивала социальные роли вниз головой, ставя социальную иерархию с ног на голову – еврейские специалисты ползают на коленях, убирая улицы. Временная конъюнктура высокой политики позволила толпе горожан реализовать неписаный сценарий грабежей, сексуальных атак, избиений и убийств. Они требовали таких действий и наслаждались ими» [28].

В заключение следует сказать, что данный вопрос, несмотря на обилие источников и большой историографический массив, далек от оптимальной трактовки и объективности оценок. В то же время сам факт постановки таких вопросов может привести к постепенному исчезновению «белых пятен», к лучшему, более глубокому познанию механизмов поведения больших групп людей, особенно на фоне современной катастрофы на Украине.

Примечания:

1. В'ятрович В. Ставлення ОУН до євреїв: формування позиції на тлі катастрофи. Львів, 2006; Его же. Ставлення ОУН до євреїв (1920–1950 рр.) // Український визвольний рух. Львів, 2006. Зб. 7; Гірік С. Українсько-єврейський конфлікт 1941 року в Галичині: спроба пошуку причини // Незалежний культурологічний часопис «Ї». 2007. № 48; Наконечний Є. Шоа у Львові. Львів, 2008.
2. Дюков А. Второстепенный враг: ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». М., 2009; Его же. Организация украинских националистов // Энциклопедия Холокоста на территории СССР. М., 2009.
3. Химка И.-П., Курило Т. Як ОУН ставилася до євреїв? Роздуми над книжкою Володимира В'ятровича // Україна модерна. 2008. Ч. 13 (2). С. 252–265; Его же. Достовірність свідчення: Реляція Рузі Ваґнер про львівський погром влітку 1941 р. // Голокост і сучасність (Київ). 2008. № 2. С. 43–79; Его же. The Lviv Pogrom of 1941: The Germans, Ukrainian Nationalists, and the Carnival Crowd // Canadian Slavonic Papers / Revue canadienne des slavistes. Vol. LIII, Nos 2–3–4, June-September-December 2011/ juin-septembre-decembre 2011. Pp. 209–243.
4. Rossolinski-Liebe G. Debating, Obfuscating and Disciplining the Holocaust: Post-Soviet Historical Discourses on the OUN–UPA and Other Nationalist Movements // East European Jewish Affairs. Vol. 42. No. 3. Dec. 2012. Pp. 199–241; Erinnerungslücke Holocaust. Die Ukrainische Diaspora und der Genozid an den Juden // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. Vol. 62. 2014. No. 2. P. 397–430; Der Verlauf und die Täter des Lemberger Pogroms vom Sommer 1941. Zum aktuellen Stand der Forschung // Jahrbuch für Antisemitismusforschung. 2013. № 22. Pp. 207–243.
5. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦДАВО Украины). Ф. 3833. Оп. 1. Д. 12. Л. 10.
6. Heer H. Blutige Ouvertüre: Lemberg, 30 Juni 1941: Mit dem Einmarsch der Wehrmachttruppen Beginnt der Judenmord // Der Zeit. 2001. № 26; Berkhoff K.C. Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine under Nazi Rule. Cambridge, 2004; Pohl D. Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941–1944: Organisation und Durchführung Eines Staatlichen Massenverbrechens. München, 1997; Mędykowski W. W cieniu gigantów: pogromy 1941 r. w byłej sowieckiej strefie okupacyjnej kontekst historyczny, społeczny i kulturowy. Warszaw, 2012.

7. Химка І.-П. Достовірність свідчення Рузі Вагнер… С. 50.
8. The United States Holocaust Memorial Museum Archives. Story RG-60.0441/ Tape 402.
9. Химка І.-П. Достовірність свідчення Рузі Вагнер… С. 63.
10. Наконечний Є. Шоа у Львові… С. 112.
11. Круглов А. Хроника Холокоста в Украине. Запорожье, 2004. С. 8.
12. ЦДАВО Украины. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 14. Л. 20–27.
13. Химка І.-П. Достовірність свідчення Рузі Вагнер… С. 64.
14. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 67. Д. 75. Л. 64–64об.
15. Качановский И. ОУН(б) и нацистские массовые убийства летом 1941 года на исторической Волыни // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры – Русское издание. 2014. № 2. С. 214–241.
16. Mędykowski W. Op. cit. Ss. 192–193, 204–211.
17. Дюков А. Второстепенный враг… С. 30.
18. Himka J.-P. The Lviv Pogrom of 1941… P. 243.
19. Snyder T. Bloodlands. Europe between Hitler and Stalin. NY, 2010. P. 238.
20. Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. С. 129; ОУН в 1941 році. Ч. 1. С. 261; Ч. 2. С. 576; ЦДАВО Украины. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 63. Л. 12; Д. 42. Л. 35. Оп. 2. Д. 18. Л. 87.
21. Круглов А. Львов, июль 1941… С. 13; Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944): сборник документов и материалов. Иерусалим, 1991. С. 76.
22. Rossolinski-Liebe G. Erinnerungslücke Holocaust. Die Ukrainische Diaspora und der Genozid an den Juden // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. Vol. 62. No. 2 (2014). Pp. 397–430; Der Verlauf und die Täter des Lemberger Pogroms vom Sommer 1941. Zum Aktuellen Stand der Forschung // Jahrbuch für Antisemitismusforschung. 2013. № 22. Pp. 207–243.
23. Дюков А. Второстепенный враг… С. 32–33.
24. См. Химка І.-П. Відповідь Сергію Лук'яненку про Романа Шухевича // Історична правда. URL: http://www.istpravda.com.ua/blogs/2011/07/4/44894 (дата обращения: 06.04.2015).
25. Царинник М. Історична напівправда гірша за одверту брехню // Левый берег. 2009. 5 ноября.
26. Рудлинг П.А. ОУН, УПА и Холокост: исследование о создании исторических мифов // Россолински-Либе Г., Рудлинг П.А., Снайдер Т. ОУН и УПА: исследования о создании исторических мифов: сборник статей. Киев, 2012. С. 36.
27. Rossolinski-Liebe G. The "Ukrainian National Revolution" of 1941. Discourse and Practice of a Fascist Movement // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 12. No. 1 (2011). P. 100.
28. См. Химка І.-П. Львівський погром 1941-го: Німці, українські націоналісти і карнавальна юрба // Історична правда. URL: http://www.istpravda.com.ua/research/2012/12/20/93550 (дата обращения: 06.04.2015).

Д.Н. Титаренко

Коллаборация и коллаборанты в Донбассе в период нацистской оккупации: по материалам устноисторических источников

В последние годы в исторических исследованиях, посвященных проблемам Великой Отечественной и Второй мировой войн, все шире используются

материалы устной истории. Они играют существенную роль при характеристике особенностей восприятия военной и, в частности, оккупационной повседневности, реконструкции исторических событий, по тем или иным причинам не освещенных в существующей литературе, мемуарах либо доступных архивных источниках. Как показывает опыт проведенных в течение 2001–2012 гг. автором совместно с немецким исследователем Таней Пентер около 60 интервью с пережившими немецкую оккупацию жителями Донбасса [1], устноисторические источники обладают существенным информационным потенциалом по проблеме сотрудничества с врагом и наказания за него.

Следует отметить, что интервью, проводившиеся в открытой или полуструктурированной форме, давали возможность респондентам самим определить логику и последовательность освещения тех или иных аспектов оккупационной повседневности. Большинство собеседников без дополнительных уточняющих вопросов привели ряд примеров, дающих возможность охарактеризовать основные запечатлевшиеся в сознании респондентов проявления коллаборации и наказания за нее. Методологически сложным и, к сожалению, трудно решаемым является вопрос о степени репрезентативности устноисторических источников по проблеме. Это обусловлено тем, что люди, испытавшие самые жестокие преследования в период оккупации, погибли, а активно сотрудничавшие с нацистами – бежали, были осуждены либо погибли и не могли выступать в качестве информантов. Следует отметить, что условия жизни в тоталитарном и посттоталитарном государстве и обусловленный этим жесткий идеологический контроль, формирование единой, унифицированной версии истории и коллективной памяти неизбежно отражаются на степени готовности респондента говорить о личном. При этом необходимо учитывать и особый травматический опыт прошлого респондента. Для части респондентов, очевидно, все еще некомфортно обсуждать темы, которые были табуированными в советское время и касались не абстрактных персонажей, а лично знакомых людей. Несмотря на эти имманентно присущие устноисторическим источникам недостатки, они дают возможность определить ряд аспектов функционирования в коллективной памяти людей представлений и стереотипов, связанных с коллаборацией. Проведенные со свидетелями оккупации интервью могут также «показать некоторые недоступные в иных источниках детали и таким образом стимулировать историка к проверке иных данных новыми методами» [2].

Одним из наиболее сложных является вопрос об оценке масштабов и причин сотрудничества с врагом. Определенная эмансипация общественного сознания, произошедшая в годы перестройки и после распада СССР, наличие в медийном пространстве значительного количества материалов, посвященных репрессиям 1920–1930-х гг., имели следствием определенную переоценку респондентами советского прошлого. Как показывает анализ интервью, часть респондентов констатирует гетерогенность местного социума вследствие бурных миграционных, социокультурных и экономических процессов 1920–1930-х гг., вызвавших появление значительного количества людей с разным, часто диаметрально противоположным отношением к режиму: «Некоторые

были очень довольны тем, что немцы пришли. Очень довольны были! Оказывается – и они в открытую это говорили, что их раскулачили там где-то, что они убили там председателя колхоза и парторга убили, что это такая доблесть. Понимаете? Самые разные люди были. Дело в том, что в Донбассе много было народу всякого. Здесь же брали на работу даже без паспорта – некому было в шахте работать. Поэтому тут по сей день сохранилась такая разномастность, что ого-го!» [3], «Но вот если вникнуть вглубь и взять довоенный период – вот эти годы репрессий – это же непростое тоже, это же неизгладимо осталось у людей все эти годы. Вот я вам могу пофамильно назвать, сколько людей взяли – и без суда, без следствия» [4].

При этом масштабы коллаборации, прямо противоречащие культивируемому до войны образу монолитного советского общества, производили глубокое впечатление: «Я никогда не ожидал, я был шокирован. <…> Меня поразило, думаю: "Боже, сколько предателей". Я был, знаете, в шоке. Думаю: "Как это, боже, ну предатель на предателе. Что же произошло?" Вот вы знаете, все ж в предвоенные годы были такие демонстрации, парадность такая. Все: "Ура, ура". И вдруг – думаю: "Кричал «ура-ура» – и ходит с повязкой полицейского". Это было для меня удивительно. И не только для меня. Я думаю, что многая молодежь была воспитана в одном плане – и вдруг она увидела среди своих» [5]. Очевидно, исходя из своего личного опыта и существующих ожиданий, многими жителями Донбасса немецкая оккупация воспринималась как своеобразная альтернатива советскому режиму [6].

Редким единодушием характеризуется восприятие населением служащих полиции, которые являются парадигматическими фигурами среди акторов-коллаборантов. Подавляющая часть респондентов дала им негативную оценку, при этом определяющим фактором служит использование полицейскими своего служебного положения в личных целях, широкое применение насилия либо реальность угрозы его применения к местному населению, в том числе и по отношению к респондентам: «Полицаи были хуже, хуже немцев» [7], «Но полицейские вообще как таковые, они были более злые, более жестокие даже, чем немцы… Вот так на улице мог ударить кого угодно, понимаете? По поводу и без повода» [8], «Раз поехали менять – раз, и забрали у нас хлеб. Полицаи забрали. Не немцы, полицаи. Наши еще хуже были, предатели эти» [9]. Многие из респондентов привели примеры участия полицейских в злодеяниях по отношению к расовым и политическим врагам Третьего рейха – евреям, военнопленным, представителям советского партийного и хозяйственного актива, лицам, заподозренным в антифашистской деятельности.

В то же время сравнительно небольшое число респондентов приводило в качестве примера коллаборационистов сотрудников органов местного самоуправления, при этом негативная оценка сопряжена прежде всего с их ролью в привлечении населения к принудительным работам на местах, организации депортации населения на работу в Германию.

Период сразу же после освобождения стал временем, когда население, пережившее оккупацию, впервые столкнулось с карательной практикой по отношению к тем, кто сотрудничал с нацистами в качестве полицейских либо

военнослужащих добровольческих формирований. Репрессии по отношению к коллаборантам, зачастую смертная казнь, свидетелями которой в ряде случаев были и респонденты, воспринимаются и как жестокое, однако вполне справедливое наказание, и как грех смертоубийства: «А другой полицай – его Василий Васильевич, это мой дядя, – его [полицая] застрелил и в колодец кинул. Колодец, он сухой был, но только обложенный камнями и все. <…> И другого он застрелил. Из другого села, он приезжал к нам выпивший, ездил все тут, меду набрал, бидон меду. А дядя мой убил. Это грех моему дяде – двух убил» [10].

В то же время некоторые из респондентов демонстрируют дифференцированный подход к проблеме судебного наказания, когда речь идет о членах семьи коллаборанта, имплицитно осуждая не очень разборчивую в средствах и объектах государственную репрессивную практику: «Ну его судили, десять лет ему дали, он отсидел и пришел. Но своему сыну он всю жизнь испортил. Он не мог никуда пробиться – сын полицая. И вот он, сын, до сих пор живой, лежит парализованный. Ну, видите, он, конечно, не в ответе за отца, но ему жизнь испортили. А хороший он малый был. Он трактористом был. Вот даже бригадиром его не могли поставить» [11]. Определенное внимание в рассказах респондентов уделено вопросам карательной практики по отношению к местным жительницам, имевшим интимные отношения с оккупантами. Помимо морального осуждения (как правило, но не всегда) со стороны соседей либо коллег, сопровождавшего их до конца жизни, достаточно реальной для них была угроза тюремного заключения: «Даже у нас дівчина вийшла заміж за нємца. <…> Коли нємци були, так, от. И куди вона там з ним доїхала, я сам лично бачив, як вона вечером їхала з ним, так. Сани такі полукруглі, ізвозчики – вони сиділи вдвох, і наутро-то как раз наша розведка йшла. <…> В общем, через місяць прийшла – десять лет їй дали» [12].

Достаточно много вопросов вызывает реализация репрессивных мероприятий в отношении служащих органов самоуправления, инженерно-технического персонала шахт, фольксдойче. В памяти людей, которые лично знали репрессированных из этих категорий, отразилось представление о поспешности, недостаточной обоснованности и несправедливости репрессий по отношению к некоторым из них. Такой подход объяснялся респондентами не только отсутствием явного вреда от их деятельности в период оккупации, но и также пользой, которую они приносили, сотрудничая с подпольем либо же оказывая поддержку местному населению. Показательной является характеристика одного из ответственных работников Юзовской (в период оккупации 1941–1943 гг. Донецк носил название Юзовка) городской управы А.П. Рыбникова: «Но он по натуре своей был очень порядочный человек, хороший. <…> Он очень многим помогал. В период оккупации. <…> Он и населению много помогал, и подполью много помогал в смысле питания – это я знаю совершенно точно. Очень многим помогал. Вот то, что это потом не учлось. Его ж тоже осудили. <…> Ну, когда немцы отступали, у него было совершенно безвыходное положение. Вот это он с мамой делился – это я тоже совершенно точно знаю. Или они его бы расстреляли, или он должен был с ними уехать. Стоял вопрос так, понимаете? И он эвакуировался. Я не знаю, докуда они доехали,

дальше он уже не эвакуировался. И, в общем, жена и сын сюда вернулись, а его ж арестовали. Его судили – он получил, по-моему, 10 лет. Где-то работал на шахтах. <…> И там он погиб» [13].

При характеристике ситуации после освобождения региона советскими войсками некоторые респонденты упомянули о случаях проявления враждебности со стороны военнослужащих Красной армии к жителям освобожденной территории. Им вменялась в вину сотрудничество, как правило бытового плана, с немцами и пассивная позиция в борьбе с оккупантами: «А как наши пришли. Идут бедные пацаны, молодые, лет по 18, наверное. На девок и не смотрят. С ребятами разговаривают, считают, что мы с немцами гуляли. <…> “Хохлы – предатели”. Вот так и говорили. <…> А что мы, виноваты, что нас не забрали? <…> Россия то не была под оккупацией, а их-то забрали и сюда» [14].

Отчасти в этом же контексте следует рассматривать и нарративы респондентов, призванных сразу же после освобождения Донбасса в армию. Так, в них нашла отражение проблема нерационального использования командованием новобранцев, брошенных в бой без надлежащей подготовки и, очевидно, искупавших таким образом «вину» за пребывание на оккупированной территории: «Да, были упреки. Не исключено было, и вот полевые военкоматы, которые призывали. Вот часть зашла – взрослое население, необученное, винтовку – и вперед. Кстати, мариупольцы знаете, где легли? Все на Молочной [река Молочная в Запорожской области. – *Д.Т.*], дальше они не пошли» [15], «Когда нас призвали, я шел в первый бой в своей одежде. <…> Всех сортов, всех годов, всех созвали в Артемовский район, там какая-то 12-я дивизия – там оно по дивизиям. <…> И оттуда мы пошли – нас уже сформировали как полк – и послали через Краматорск. <…> И вот нам там дали учебные винтовки – ну они такие винтовки, что вручную не откроешь. Вот-то с такой винтовкой я воевал. <…> Как-то сейчас непонятно, и почему нас послали всех “чернорубашников”? Заняли мы там оборону – и вот это с нашего села там человек 50 было вот таких юнцов, как я. Все мои годы – 25-го, 24-го, 23-го не было. Вот эти годы, кто-то может и с 26-го попал. Вот эти все. Ну это было занять оборону тем, кто ничего не знает?» [16].

Малоизвестной является проблема отсутствия наказания за коллаборацию. Респонденты приводили случаи, когда лица, сотрудничавшие с нацистами и проявлявшие ничем не мотивированную жестокость по отношению к населению, избегали наказания. При этом в качестве легитимизирующих и оправдывающих такую линию поведения использовались факторы родственных связей с сотрудниками органов НКВД, службы в органах полиции либо самоуправления «по заданию»: «Потом староста у нас еще один был, это у нас на Пролетарке [поселок шахты “Пролетар” (“Пролетарий”) в Сталино (в настоящее время – Донецк). – *Д.Т.*]. И один – я забыла его фамилию, но злой, наш, местный. Вы представляете? <…> Того старосту забрали, как только наши вошли, сразу забрали, арестовали. А этого нет. Ну люди ж говорят: “Как, такой зверь?!” А оказывается у него племянник в НКВД был» [17].

Мотивом, сдерживающим часть респондентов от заявлений по поводу тех или иных пособников оккупантов, была боязнь физической расправы

со стороны их сообщников. Очевидно, в некоторых случаях от инициирования преследования коллаборанта (несмотря на широко распространенную в советском обществе культуру доносительства) население удерживали соображения иного, в том числе и морального, плана. Они могли быть обусловлены тесными бытовыми контактами с коллаборантом (это наиболее ярко проявлялось в сельском социуме), наличием у него семьи и детей, службой в Красной армии после освобождения региона. Однако это не могло избавить такого человека от морального осуждения даже по прошествии многих лет, в том числе и со стороны членов собственной семьи: «Понимаете, такий в нас був народ. Нема кому было заявлять. Всі знали і то, что он полицай: "Вот то он, падло, нас виганяв, ото такий". І було, Вітька тут робив, син його шофером. [Спрашивал]: "Ну, Кузьминична, як там батько?" – "Та, – кажу, – не надо вспоминать". – Він: "Мені ото стидно, як почув, що він [полицаем был]"» [18].

Характерной чертой значительной части нарративов являются упоминания о комплексе гражданской неполноценности и вины, формировавшемся государством в послевоенный период у переживших оккупацию, причем даже у тех, кто на момент оккупации был ребенком. Парадоксальным было то, что защищенными от стигматизации не могли быть даже те, кто активно боролся против оккупантов: «Ведь отношение к тем, кто оставался на оккупированной территории, в первые годы отвратительное было. <…> Но все равно приходилось, и все равно чувствовали: "А, в оккупации были. А, в оккупации были". Безусловно, безусловно, чувствовали на каждом шагу это. Чувствовали. Во-первых, подпольщиков этих не признавали. Их же совершенно никто не признавал. Их, собственно говоря, признали в 67-м году. И наградили. Вот первое награждение подпольщиков в Донецке было в 67-м году. Моя мама получила медаль "За боевые заслуги". Харичковы [П.С. Харичков и А.Д. Харичкова – участники антифашистского подполья в Сталино, погибли в конце оккупации. – *Д.Т.*] посмертно получили медаль "За отвагу". Ну там целый список был» [19].

Многие из респондентов упоминали об определенных проявлениях дискриминации, имевших место при получении образования, службе в армии, вступлении в партию либо же общении с коллегами по работе: «Ну вот, знаете, такой момент. Я долго о нем думал, нанес он ущерб приличный политический. Пришло освобождение. К тем, кто находился на оккупированной территории, было отвратительное отношение советской власти. Понимаете? Это были люди третьего-пятого сорта. В Москву не могли поехать, в Ленинград, в другие города въезда не было, потому что ты был в оккупации. А я уже так, когда был постарше, один раз мы сцепились. Я же говорю комсоргу: "А ты, кто оставил меня в оккупации, вы же воевать не умели, вы нас бросили на произвол судьбы. А мы там выживали" <…> А я в это время мишень в любую секунду» [20], «В оккупации был – все время презирали тех, кто в оккупации был. Как и я – презирали. Был в оккупации – значит, уже доверия не было. Никуда уже не поедешь – за границу уже характеристику пишешь, все о детстве» [21], «Статья была у каждого: "Был ли на оккупированной территории?" – Уже характеристика твоя. "Чем ты тут занимался?" Это враги [те, кто был на оккупированной территории. – *Д.Т.*]» [22].

И хотя остракизм по отношению к оказавшимся на оккупированной территории СССР лицам не был столь явным и масштабным, как, например, по отношению к депортированным на принудительные работы в Германию, люди, пережившие оккупацию, вплоть до конца 1980-х гг. предпочитали не говорить полностью и открыто о своем подоккупационном опыте, выбирая в качестве аудитории круг семьи, выводя рассказы об оккупации и пережитом на уровень семейных преданий.

Безусловно, устноисторический источник не является и не может быть документом, фиксирующим факты и события прошлого. В процессе интервьюирования респонденты предлагают собственную версию пережитого и субъективную его интерпретацию, при этом особое значение имеет не только точность и правдивость описываемых событий, но и те смыслы и значение, которые им приписывает респондент. Материалы устной истории по проблеме коллаборации не являются самодостаточными и требуют обязательной верификации посредством использования иных источников, применения аналитической источниковедческой критики. В то же время их учет и введение в научный оборот расширяет исследовательское поле для реконструкции социальных и политических процессов в период войны, помогает осознать многомерность и сложность феноменов оккупации и коллаборации.

Примечания:

1. Основные результаты исследований отражены в работах: Титаренко Д.М. «Залишені владою…»: настрої населення Донеччини напередодні нацистської окупації (за спогадами очевидців) // Вісник Черкаського університету. Серія «Історичні науки». 2011. Вип. 202. Ч. 1. С. 144–150; Penter T., Titarenko D. Local memory on war, German occupation and postwar years. An oral history project in the Donbass // Cahiers du monde Russe (Paris, France). 2011/2–3. Vol. 52. P. 475–497; Опыт нацистской оккупации в Донбассе: свидетельствуют очевидцы. Донецк, 2013.
2. Нові перспективи історіописання. Київ, 2004. С. 174.
3. Респондент Л.Г.В., 1924 г.р., записан в городе Донецке в мае 2005 г. Интервьюер Д.Н. Титаренко.
4. Респондент В.И. Зайковский, 1927 г.р., записан в городе Мариуполе в марте 2004 г. Интервьюер Д.Н. Титаренко.
5. Респондент Е.М.Ф., 1932 г.р., записан в городе Донецке в апреле 2005 г. Интервьюер Д.Н. Титаренко.
6. Куромія Г. Свобода і терор у Донбасі: Українсько-російське прикордоння, 1870–1990-і роки. Київ, 2002. С. 388.
7. Респондент Н.К.Т., 1925 г.р., записан в городе Донецке в апреле 2004 г. Интервьюер Д.Н. Титаренко.
8. Респондент З.А. Чепик-Митрофанова, 1929 г.р., записана в городе Донецке в феврале 2005 г. Интервьюер Д.Н. Титаренко.
9. Респондент В.М.К., 1925 г.р., записана в городе Донецке в апреле 2004 г. Интервьюер Д.Н. Титаренко.
10. Респондент К.А.Н., 1925 г.р., записана в селе Затишное Волновахского района Донецкой области в июле 2009 г. Интервьюер Д.Н. Титаренко.
11. Респондент Н.М. Обрезан, 1931 г.р., записан в городе Донецке в июле 2003 г. Интервьюер Д.Н. Титаренко.
12. Респондент Н.И.Г., 1930 г.р., записан в августе 2009 г. в селе Богородичном Славянского района Донецкой области. Интервьюер Д.Н. Титаренко.

13. Респондент З.А. Чепик-Митрофанова.
14. Респондент В.М.К.
15. Респондент В.И. Зайковский.
16. Респондент Ф.Е. Репа, 1925 г.р., записан в селе Новобахмутовке Ясиноватского района Донецкой области в октябре 2004 г. Интервьюер Д.Н. Титаренко.
17. Респондент Л.А. Крапива, 1926 г.р., записана в городе Донецке в феврале 2005 г. Интервьюер Д.Н. Титаренко.
18. Респондент В.К. Сало, 1924 г.р., записана в селе Берестовом Артемовского района Донецкой области в июле 2009 г. Интервьюер Д.Н. Титаренко.
19. Респондент З.А. Чепик-Митрофанова.
20. Респондент Е.М.Ф.
21. Респондент Н.К.Т.
22. Респондент И.А.С., 1925 г.р., записан в городе Донецке в октябре 2004 г. Интервьюер Д.Н. Титаренко.

В.Н. Ракша

Гибель евреев Ростова-на-Дону

Минувшие 73 года со времени массового уничтожения евреев Ростова во время второй оккупации не внесли полной ясности ни в вопрос о национальной принадлежности покоящихся под склонами карьера Змиевская балка, ни в вопрос о численности погибших. Тем не менее большой победой гражданского общества и восстановлением исторической правды явилась установка новой мемориальной доски с надписью: «Змиевская балка – крупнейшее на территории Российской Федерации место массового уничтожения фашистскими захватчиками евреев в период Великой Отечественной войны». До настоящего времени не проведено тщательного расследования этого варварского преступления, совершенного немецко-фашистскими оккупантами. Нам полностью не известны ни имена тысяч погибших, ни непосредственные исполнители, ни заказчики этой акции. Многие из непосредственных виновников смогли избежать судебной ответственности за свои преступления. Анализ архивных документов и протоколов свидетельских показаний позволяет привнести определенную ясность в изложенные вопросы. Но предварительно необходимо вспомнить хронику событий лета 1942 г.

23 июля 1942 г. 18 отборных дивизий вермахта, имея подавляющее превосходство, прорвали советскую оборону и после непрекращавшейся бомбардировки переправы через Дон ворвались в Ростов. 4 августа по приказу коменданта города на центральных улицах было вывешено «Воззвание к еврейскому населению города Ростова», обязывавшее всех евреев с 14 лет пройти личную регистрацию по месту жительства. Многие евреи, пытавшиеся уклониться от регистрации и спрятаться, были выданы соседями. 9 августа было опубликовано новое воззвание, предписывавшее всему еврейскому населению города явиться 11 августа с ключами от квартир, ценностями и наличными деньгами

в один из шести сборных пунктов для «переведения в особый район, где они будут ограждены от враждебных актов» [1].

С утра 11 августа толпы евреев пошли на сборные пункты. Это были и женщины, и старики, и дети. На сборных пунктах одних сажали в открытые машины, других под конвоем сопровождали в направлении 2-го Змиевского поселка. «Одну партию вели голыми от зоологического сада до балки. С ними была красивая женщина, тоже голая, она вела за руку двух крохотных девочек с бантиками на голове. Несколько девушек шли, взявшись за руки, и что-то пели. Старик подошел к немцу и ударил его по лицу. Немец закричал, потом повалил старика и затоптал его». Часть евреев доставляли в закрытых машинах-душегубках. Жителей поселка под угрозой расстрела обязали покинуть свои дома 11 августа и идти в центр города. Расстрел мирного населения продолжался с 11 по 13 августа. Тех, кто не явился на сборные пункты, насильно доставляли к месту расстрела.

Многие погибшие в Змиевской балке евреи не успели вовремя эвакуироваться. Большинство осталось в городе и по иным причинам: отсутствия достоверной информации о гибели 6,5 тыс. евреев в Таганроге, трагедиях в других оккупированных городах, недоверия к официальным источникам информации, сообщавшим о зверствах немцев по отношению к безликому «мирному населению». Многие евреи считали эти сообщения не более чем откровенной пропагандой и в конечном счете дезинформацией, храня воспоминания об оккупации Ростова немцами в 1918 г. Пережившие ту 6-месячную оккупацию старики рассказывали: «Это были тогда совсем другие немцы. С теми можно было поговорить по-человечески, общаться, как с людьми. Эти же были звери в человеческом облике. Вот как их смог “перевоспитать” Гитлер» [2].

Уничтожение евреев производилось в котлованах песчано-каменного карьера у северо-восточной окраины поселка Змиевка (в 3 рвах – более 15 тыс. трупов), на окраине рощи питомника Ботанического сада (в 13 ямах – более 10 тыс. трупов), а также на западной окраине рощи питомника, южнее поселка (в 4 ямах – более 2 тыс. трупов) [3]. Массовые расстрелы проводились не только в том месте, где сейчас существует Мемориальный комплекс памяти жертв фашизма, но и в окрестностях поселка Змиевский и Ботанического сада, ныне густо застроенных дорогими коттеджами.

Начало фальсификациям о национальной принадлежности погибших в ходе массовых расстрелов в годы войны было положено резолюцией В.М. Молотова на гибель евреев Киева в Бабьем Яру. В проекте сообщения Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР «массовое зверское истребление еврейского населения» было заменено на «тысячи мирных советских граждан». Это продолжилось и в иных публикациях о массовых расстрелах евреев. В акте № 1 по г. Ростову-на-Дону от 17 февраля 1943 г. указывается: «После того, как евреи явились в назначенные пункты, все вещи, продовольствие, а также ключи от квартир были отобраны, а евреи посажены в машины и вывезены

за город. В районе Ботанического сада и Зоопарка все взрослое еврейское население было расстреляно, а дети отравлены путем смазывания губ ядовитыми веществами». Но уже через 9 месяцев в акте исполкома Железнодорожного районного совета № 331 от 30 ноября 1943 г. евреи упоминаются только как часть погибших в Змиевской балке: «…восточнее 500 метров 2-го Змиевского поселка, расстреляно и зарыто около 10 тысяч человек евреев – мужчин, женщин и детей». Хотя заканчивается акт следующим абзацем: «…а всего в районе 2-го Змиевского поселка расстреляно и зарыто в вышеупомянутых могилах более 27 тысяч человек мирного населения города Ростова – мужчин, женщин, детей и военнопленных». Так кем же были остальные 17 тыс. погибших? Об этом составители акта умалчивают. Их даже не смущает включение военнопленных в число мирных жителей.

Теперь обратим внимание на рапорт подполковнику госбезопасности Гусеву, составленный старшим лейтенантом государственной безопасности 14 октября 1943 г. В нем приводятся показания не простого свидетеля, а депутата поселкового совета А.И. Толстых: «…она была очевидцем неоднократных расстрелов оккупантами советских граждан, в том числе и массового расстрела еврейского населения гор. Ростова-на-Дону, в районе песчаного карьера. Мною лично осмотрены три места расстрелов, где находятся свыше 10 000 трупов советских граждан» [4]. Но в предыдущем акте были упомянуты 10 тыс. евреев! А ведь осмотру старшего лейтенанта подверглись только 3 места захоронения, в которых находилось уже свыше 10 тыс. трупов. Позднее будет установлено 20 мест захоронений только в районе Змиевской балки и Ботанического сада. Так кем же являлись погибшие 10 тыс. чел.? Естественно, советскими гражданами! А какими же еще они могли бы быть? Вот только архивные документы почему-то не сохранили информацию о многотысячных расстрелах в Ростове-на-Дону советских граждан не еврейской национальности.

Обратим внимание на то, каким слогом в своем донесении описывает «зверства фашистов в Ростове» тот же самый депутат: «Настало утро, сияющее солнце своими яркими лучами озаряло потоки крови и слез припавшей слегка пылью занесенной ночным тихим ветром [орфография и пунктуация автора сохранена – *В.Р.*]». После такого литературного пассажа немного остается веры в объективность этого «очевидца». Но продолжим изучать «исторический документ эпохи»: «…и фашистские палачи снова принялись за расправу с мирным населением. Было 10 сентября, немецкий тиран приехал в поселок 2-я Змеевка и объявил, что завтра в 8 часов утра жители поселка должны покинуть свои квартиры». Конечно, расстрел евреев проводился с 11 по 13 августа, а не в сентябре. Но в те времена депутату главное было донести основную идею – расправу над мирным населением, а не акцентировать внимание на национальной принадлежности обреченных. Уже через год после трагических событий даже даты расстрелов тысяч людей, упомянутые во множестве свидетельств, указываются с ошибками. И в заключение своего повествования Толстых пишет: «…то был день массового истребления мирных жителей всякими зверскими методами, которых история не знает, и в тот день погибла не одна тысяча человеческих жизней».

В докладной записке о зверствах и злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Ростове-на-Дону в период его оккупации, составленной для председателя горисполкома Бурменского, профессор Ростовского педагогического института Керенский сообщал: «В августе 1942 года немецко-фашистские людоеды организовали в Ростове массовое убийство советских граждан еврейской национальности». Неужели для того, чтобы называть эти трагические события своими именами, необходимо быть профессором? Далее по докладной: «11 августа 1942 года с 8 часов утра на сборные пункты, указанные в "Воззвании" группами и в одиночку, семьями с детьми школьного и грудного возраста, с больными и стариками начали собираться граждане еврейской национальности». Не остается двух мнений, кого же на самом деле в начале докладной имели в виду чиновники под словами «мирные советские граждане». И на восьмом листе докладной читаем: «В этот день было уничтожено около 13 000 человек еврейского населения».

О военнопленных в докладной приводится показание свидетеля И.С. Белодеда: «Начиная с 5–6 августа 1942 года, под усиленным конвоем немцев пригонялись партии военнопленных, которые на окраине рощи, в 150–200 метрах от поселка рыли глубокие ямы. Это была подготовительная работа оккупантов для массового истребления советских людей». Значит, до даты 5–6 августа не было массовых расстрелов в Змиевской балке. Существующие свидетельства о расстреле в Змиевской балке со 2 августа военнопленных и мирных жителей, а также 72 душевнобольных, вывезенных из психиатрической лечебницы 3 августа, являются ошибочными. Это вызвано близостью балки с долиной реки Темерник, на которой, возможно, осуществлялись фашистами эти акции. Помимо Змиевской балки в период оккупации основными местами расстрелов и погребений являлись:

– участок «Зеленого кольца», расположенный около поселка Фрунзе;

– участок около театра им. М. Горького;

– армянское кладбище;

– северная окраина города – Покровское кладбище;

– концлагерь для военнопленных на территории бывшего Ростовского артиллерийского училища, т.н. «лазарет»;

– парк Ростсельмаша;

– концлагерь для военнопленных в авиагородке (территория Военведа);

– сквер напротив здания следственного изолятора на ул. М. Горького.

Акт № 1231 от 23 ноября 1943 г. свидетельствует: «Расстрел мирного населения города Ростова и военнопленных производился в быв. Песчанно-каменном карьере – Западная часть города». Сын Василия Садкова, последнего свидетеля трагических событий, в ходе интервью сообщил, что в Змиевской балке покоятся представители только еврейского народа. Исключение, конечно, составляют родственники, которые не оставили своих близких в последнюю минуту. Первая партия военнопленных, которые 5 августа рыли траншеи и рвы в Змиевской балке, действительно была расстреляна в карьере. Но после освобождения города тела погибших военнопленных были эксгумированы и перезахоронены на Братском кладбище. Последующие партии

военнопленных, привлеченных к рытью могил, предназначенных для еврейского населения, расстреливались гитлеровцами уже за пределами песчано-каменного карьера. Жителям поселка Змиевского тогда это объясняли такими словами: «…дабы не смешивалась православная кровь с иудейской».

Дух нетерпимости к евреям, так тщательно оберегаемый со времен царской России, когда антисемитизм был государственной доктриной, веет, к сожалению, и по сей день. Еще Ф.М. Достоевский это отношение к евреям выразил такими «сдержанными» словами: «Нет-с, уверяю вас, что в русском народе нет предвзятой ненависти к еврею, а есть, может быть, не симпатия к нему, особенно по местам и даже, может быть, очень сильная». Насколько был прав Достоевский в этой «не симпатии», нам показало время. Один из свидетелей оккупации города так высказал свое мнение об этом: «…вообще взрыв антисемитизма в наше время начался с немцев. Он где-то до этого, наверное, дремал. А война многое перевернула в некоторых людях. Поднялись чисто зоологические инстинкты. Продолжалась полоса доносов, которые культивировались у нас в тридцатые годы» [5].

Национальность погибших в период оккупации Ростова легко установить и по другим документам. Среди них, например, «Список № 1364 о погибших во время оккупации города Ростова-на-Дону по домоуправлению № 2», подписанный управдомом [6]. Он перечисляет 22 фамилии мирных жителей, погибших за весь период оккупации. И все они евреи! Рассмотрим «Список № 1645 граждан, расстрелянных немецкими оккупантами по Орджоникидзевскому району г. Ростова н/Д» [7]. Н.С. Сахарова, Н.А. Горинштейн, Р.И. Осиевич и другие, всего 37 чел. И снова – все евреи! А что в других районах? «Список № 1687 убитых или расстрелянных граждан немецко-фашистскими оккупантами по Октябрьскому району г. Ростова-на-Дону» [8]. Г.В. Магера, С.И. Гликман, Р. Бенсон и т.д. Всего в списке 36 чел., и снова – все евреи! Эти списки являются еще одним свидетельством того, кем по национальности являются покоящиеся в Змиевской балке «мирные жители».

В карьере расстреляли более 15 тыс., а на опушке – около 10 тыс. евреев. Составителями рассмотренного выше акта эти две группы «мирного населения» по каким-то причинам признаны разными. Попробуем разобраться с цифрами. В акте № 1 от 17 февраля 1943 г. сообщается: «По предварительным данным количество расстрелянных и отравленных, замученных и истребленных евреев по г. Ростову-на-Дону в период с 23 июля 1942 года по 13 февраля 1943 года составляет 15–18 тыс. чел., а в акте № 331 от 30 ноября 1943 г. их численность резко сократилась до 10 тыс. чел.

Из протокола опроса М.И. Дергановой, проживавшей в поселке 2-я Змиевка, 24 ноября 1943 г.: «11 августа 1942 года в 7 часов утра к питомнику Ботанического сада привозили машины крытые, черные и производился массовый расстрел еврейского населения, из машин выводили людей в одних трусах. Расстреливали мужчин, женщин и детей, это гнусное злодеяние продолжалось до 23 часов ночи» [9]. Сколько могли фашисты уничтожить за три дня, расстреливая даже ночью при свете фар тракторов, если только 11 августа они уничтожили 13 тыс. евреев (следуя докладной Бурменскому)! Не может быть иного

ответа – и 15 тыс. чел., расстрелянных у северо-восточной окраины поселка, тоже были евреями.

В постановлении Ростовской областной комиссии от 20 декабря 1944 г. сообщается: «Областная комиссия направила в Чрезвычайную государственную комиссию 1810 актов о зверствах, совершенных немецко-фашистскими захватчиками» [10]. И ниже приводятся данные по Ростову: расстреляно 6489 чел., замучено 27 444 чел., угнано в рабство 52 991 чел. Однако другим документом удостоверяется, что «всего за время оккупации гитлеровцы уничтожили в Ростове-на-Дону 40 тысяч жителей» [11]. В каком же из документов указывается истинное число жертв и сколько из 40 тыс. жителей было евреев? И кем были замученные 27 444 чел.?

Желающие узнать правду об августовском кошмаре могут сделать свои выводы, внимательно проанализировав доступные сегодня акты государственных чрезвычайных комиссий, списки расстрелянных, списки угнанных в Германию, а также свидетельские показания очевидцев гибели евреев. Необходимо помнить и о том, что в Змиевской балке покоятся не только бывшие жители Ростова-на-Дону, но и спасавшиеся от репрессий нацистов евреи Польши, Молдавии, Украины и ряда других западных областей СССР. Эти тысячи безымянных жертв вообще нигде не были зарегистрированы, и восстановить их имена пока не представляется возможным. Как нет возможности познакомиться с трофейными документами, хранящимися в Таганрогском филиале Государственного архива Ростовской области и документами архива Управления ФСБ по Ростовской области, включая материалы судебных решений по делу над участниками расстрелов.

Работая с архивными материалами, нельзя было не обратить внимания на внушительную папку, содержащую списки лиц «уведенных в немецкое рабство в период оккупации». Эти списки включают 9705 чел. Казалось бы, какое отношение имеют эти списки к гибели евреев в Змиевской балке? Полагаю, что так рассуждали многие исследователи истории августовской трагедии, не занимаясь изучением указанных в списках фамилий. Откроем первый лист по Андреевскому району. Из 30 фамилий 16 принадлежит евреям. Среди них: Левина Ися Марковна – 79 лет, Левин Давид Маркович – 81 год, Цалкин – 79 лет. А под № 311 – Федер Лея Моисеевна – 87 лет. Невозможно поверить, что 87-летнюю Лею Моисеевну и других людей из списка «увели в рабство». Очевидно, что их увели в карьеры Змиевской балки. Это подтверждают и материалы центральной базы данных имен жертв Шоа музея Яд Вашем. О гибели Ханы Проектор (№ 1 035 719) свидетельствует ее сестра Симанович, Люси Проектор (№ 6 879 843) – ее кузина Мина Проектор, Цили Швабской (№ 1 729 111) – ее родственница Лиза Раф. Эти же имена фигурируют и в списках, отправленных в Германию.

В ряде случаев точно установить по фамилии национальную принадлежность упомянутых в списке невозможно, т.к. еврейские фамилии могли быть изменены на русские или украинские. Обращает внимание «Реестр на лиц, забранных в немецкое рабство по Кировскому р-ну гор. Ростова н/Дону». В него включены: Стерина Пейса Мейировна – 54 года, Сатановская Наталья

Абрамовна – 62 года, Мекель Сура Файвелевна – 70 лет. И это в реестре далеко не все евреи, «забранные в немецкое рабство».

После освобождения Ростова-на-Дону о зверствах оккупантов в газете «Молот» появилась единственная короткая заметка «Душегубы»: «Все взрослое население было расстреляно, а дети отравлены путем смазывания губ ядовитыми веществами… У зоопарка лежали еще теплые трупы доцента Киршмана, доцента Новикова, его жены, 9-летнего сына и матери, врача Ингал, токаря артели "Метиз" Павловской» [12]. Но Евсей Ингал был записан и в число отправленных в Германию.

В настоящее время проверить полную достоверность списка угнанных в Германию не представляется возможным. Но возможно установить отдельные факты несоответствия реальным событиям периода оккупации. В «Списке № 1757 увезенных в Германию на работы по Октябрьскому району» под № 178 записана Р. Бененсон, 1897 г.р., проживавшая по адресу: Транспортная, 115 [13]. Но есть и другой документ – «Список № 1897 убитых и расстрелянных граждан немецко-фашистскими оккупантами по Октябрьскому району», в котором под № 14 записана та же Р. Бененсон, 1897 г.р., проживавшая по адресу: Транспортная, 115.

Но и это еще не все способы ухищрений, которые использовались служащими районных и городских советов для сокрытия масштабов трагедии еврейского народа. С таким же успехом, как и 80-летних, «отправляли в Германию» детей. К рапорту начальнику 4-го отделения милиции прилагается «Список г-н, пострадавших от немцев» [14]. Например: Т.Я. Шапиро – 10 лет, тоже «взят» в Германию. Всего из списка в 9705 чел. установлены имена 1469 евреев, якобы отправленных в Германию.

К рапорту начальнику 2-го отделения милиции капитану милиции Буйницкому прилагался «Список арестованных граждан при временной оккупации города Ростова-на-Дону». В нем приводится несколько десятков фамилий с известной пометкой – «изъят 11 августа». Приведу для примера всего несколько фамилий «изъятых»: Розалия Анисимовна Бершадская; Карп Леонтиевич Сегель; Евсей Маркович Ингал. Но Евсей Маркович Ингал был насильственно посажен в автомобиль, отправлявшийся в Змиевскую балку. Под формулировкой «изъят 11 августа» скрывается понятный нам глагол: расстрелян! И это тоже все «мирные советские граждане».

Результатом многолетних исследований архивных документов и свидетельских показаний, начатых Евгением Вениаминовичем Мовшовичем в 1990-е гг. и продолженных под руководством Юрия Анатольевича Домбровского, являются имена 3475 евреев, покоящихся в Змиевской балке.

«В Змиевской Балке погибли люди разных национальностей. Это был массовый расстрел, жертвы фашизма – советские граждане. Это моя принципиальная позиция», – заявил губернатор Ростовской области В. Голубев во время встречи с верховным раввином России Бер Лазаром и главой Федерации еврейских общин Российской Федерации А. Бородой. Действительно, погибли люди разных национальностей, но этого никто и никогда не опровергал. Чиновники опровергли гибель десятков тысяч евреев, сведя их всех в безликую массу «советских граждан».

Примечания:
1. Мовшович Е.В. Очерки истории евреев на Дону. Ростов н/Д, 2011.
2. Смирнов В.В. Ростов под тенью свастики. Ростов н/Д, 2006.
3. См.: Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р-1886.
4. См.: Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-3613.
5. Смирнов В.В. Указ. соч.
6. ЦДНИРО. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 14. Л. 137.
7. Там же. Л. 101.
8. Там же. Л. 61.
9. Там же. Л. 147.
10. Там же. Д. 22. Л. 8.
11. Мовшович Е.В. Указ. соч.
12. Молот. 1943. 5 марта. № 34.
13. ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 15. Л. 3.
14. ГАРО. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 441. Л. 11–21.

Т.Г. Курбат

Экономическая, финансовая и налоговая политика оккупантов в Таганроге[1]

Экономическая политика оккупантов на юге России остается малоисследованной проблемой в истории Великой Отечественной войны. Зачастую она рассматривалась односторонне. Традиционно было принято считать, что главной целью захватчиков было ограбление оккупированных территорий [1]. В настоящее время подход к изучению данного вопроса изменился. С появлением новых, ранее недоступных архивных материалов возникла возможность в полной мере увидеть планы и масштабы деятельности оккупантов в этом направлении.

До начала советско-германского противостояния Таганрог был крупнейшим индустриальным центром Ростовской области. На территории города располагался ряд крупных промышленных предприятий оборонного значения – 34 фабрики и завода и 26 различных артелей, где работало 63 328 рабочих и служащих [2]. С быстрым продвижением немецких войск к городу возникла необходимость в эвакуации предприятий. Спешно вывозились оборудование и готовая продукция части городских заводов, здания и цеха других были взорваны. В своем дневнике свидетель оккупации города Н.Г. Саенко писал: «…город превратился в Содом и Гоморру, по заводам взрыв за взрывом, везде пожары, дым поднимается клубами от взрывов на огромную высоту, летят обломки зданий» [3].

С установлением новой власти в городе началось возрождение экономической жизни. В первую очередь оккупанты стали возрождать промышленность города, тем более что многие заводы переориентировались на военное

[1] Статья подготовлена в рамках темы «Исторические формы и современные способы функционирования социокультурных институтов на Юге России» (базовое бюджетное финансирование, № госрегистрации 01201368164).

производство в интересах захватчиков. Так, в городе было объявлено, что все рабочие должны вернуться на свои места и приступить к восстановлению производства. Это касалось, прежде всего, тех, кто работал на предприятиях, которые обеспечивали город продовольствием – на хлебозаводе и городской бойне. В Таганрогском районе всем колхозникам в срочном порядке предписывалось приступить к уборке оставшегося хлеба и овощей на колхозных полях. В самое ближайшее время захватчики планировали восстановить водопровод и электроподстанцию [4].

Для установления точного количества трудоспособных жителей в ноябре 1941 г. была проведена перепись населения. Она показала, что на тот момент в городе находилось 47 110 рабочих различных профессий. Из них на 1 февраля 1942 г. работало на предприятиях и учреждениях города, а также по обслуживанию частей германского командования на постоянной и временной основе 15 тыс. чел. В тоже время, по данным на 14 февраля 1942 г., в городе было зарегистрировано 14 460 безработных мужчин и женщин [5].

Обеспечением работой городского населения занимался отдел труда, а с 1942 г. – биржа труда. Она подчинялась немецким властям и выполняла распоряжения Хозяйственного штаба «Восток» (Виртшафтсштаба «Ост») о трудовой повинности [6]. Согласно данному распоряжению, все жители прифронтовой полосы в возрасте от 14 до 65 лет подлежали трудовой повинности. Все трудоспособные граждане должны были зарегистрироваться на бирже труда. Жители города могли быть назначены на работу вне своего постоянного места жительства, а также за пределами фронтовой полосы. За пределы города в основном отправляли тех, кто не имел семьи, либо если это были специалисты, то иногда они переводились на другое место жительства вместе со своими семьями. При назначении на работу выдавалось удостоверение с пометкой о том, что указанное место работы является обязательным. Так, в объявлении от 23 марта 1942 г. указывалось, что если работник не принимает предложенную ему отделом труда работу или оставляет место работы до ее окончания, то местная комендатура «будет подвергать аресту всякого такого саботажника и лишать его хлебной карточки» [7]. Рабочим разрешалось покидать место работы лишь с согласия биржи труда. Без ее разрешения работодатель не мог уволить работника самостоятельно. Все несогласованные действия считались противозаконными. Если все-таки работник самовольно оставлял место работы, то должен был немедленно уведомить об этом биржу труда. Также указывалось, что если работник трудился не по своей специальности, то по первому требованию оккупационных властей, в случае возникновения надобности в специалистах того или иного профиля, он должен был быть уволен и переведен на работу согласно своей профессии. Для того чтобы знать количество людей, работающих не по своему профилю, работодатель подавал на биржу труда списки таких работников, а также должен был известить биржу о количестве работников, которых могли перевести на работы вне города.

Оплата труда для работающего населения производилась с учетом принципа производительности труда. Работы, которые не отвечали этой схеме, оплачивались по фиксированной ставке, определявшейся на местном уровне.

Для трудящихся в пределах военной полосы в частных и военных учреждениях были предусмотрены социальные льготы. Они имели право в случае заболевания или несчастного случая получить денежное пособие и больничное и домашнее лечение. Те, кто работал вне места своего проживания, на основании постановления Виртшафтсштаба «Ост» имели право на получение пособия для обеспечения своих родных. Также в постановлении указывалось, что трудящиеся, которые выполнили свои обязательства вне пределов своего места жительства и вне пределов фронтовой полосы, при проведении нового земельного порядка «будут наделены землей, тягловым и домашним скотом и инвентарем, если по своим личным качествам, знаниям и работоспособности в состоянии самостоятельно вести хозяйство» [8].

Для регулирования трудовых отношений между нанимателями и трудящимися бургомистерством города было разработано «Временное положение по вопросам труда» [9]. В соответствии с ним продолжительность рабочего дня для лиц умственного и физического труда устанавливалась в 8 ч 30 мин с получасовым перерывом. Для несовершеннолетних работников и рабочих на особо тяжелых и вредных для здоровья производствах рабочий день устанавливался длительностью в 6 ч. В то же время каждое предприятие и учреждение могло разрабатывать правила внутреннего распорядка, а также утверждать нормы выработки, но согласовывать их с отделом труда и утверждать в бургомистерстве.

Выходным днем объявлялось воскресенье, в случае если в этот день рабочие и служащие выходили на работу, то он оплачивался в двойном размере, а выходной предоставлялся в любой другой день недели. Рабочий раз в году мог получить отпуск, предварительно проработав пять месяцев беспрерывно. Срок отпуска назначался не менее двух недель, а за время отдыха выплачивался средний заработок.

Временным положением о труде были предусмотрены социальные гарантии на случай утраты работником трудоспособности. Так, рабочие и служащие, по каким либо причинам не имевшие возможности работать, сохраняли за собой место сроком не более двух месяцев, после чего по решению врачебной комиссии срок продлевался еще на месяц с оплатой 50 % от оклада или сотрудник переводился на временную инвалидность. Стоит отметить, что эти правила не всегда действовали. В своем дневнике Н.Г. Саенко писал о том, что, несмотря на повреждение руки, он ходил на работу, поскольку за пропуск его могли уволить и не заплатить заработную плату, а также отказать в выдаче положенных ему продуктов [10].

С весны 1942 г. и до освобождения города через биржу труда начались отправки трудоспособного населения, в основном молодежи, на принудительные работы в рейх. Отправка производилась по заранее составленным спискам. Вывозились преимущественно незамужние женщины и холостые мужчины в возрасте от 17 до 45 лет, а также горожане, не нашедшие к этому времени постоянной работы.

Помимо восстановления промышленности города и решения проблем безработицы еще одним направлением в экономической политике была организация системы налогообложения горожан. Этим занимался городской финансовый

отдел, который начал свою работу с 3 ноября 1941 г. Первые два месяца оккупации налоговые инспекторы занимались взысканием недоимок с жителей города по налогам со строений, земельной ренты. Эта работа была осложнена тем, что в городе практически не сохранились документы по налоговым сборам, которые ранее поступали в советскую казну. Поэтому работники налогового отдела собирали недоимки путем «подворного обхода». Кроме этого, налоговым отделом было предложено всем оставшимся в городе организациям и предприятиям, начавшим свою работу, взимать с рабочих и служащих подоходный налог, культурный сбор и военный налог. Подоходный налог и культсбор остались в тех же размерах, что и до оккупации, но без ранее установленных льгот на иждивенцев. Сумма военного налога составляла 10 % оклада подоходного налога.

Кроме того, был введен промысловый налог (налог на патенты) с лиц, желавших открыть торговые или промышленные предприятия, а также заниматься кустарным промыслом. Сумма промыслового налога была установлена на основе того, из какого помещения производилась торговля, а для предприятий и кустарных производств налог рассчитывался, исходя из количества наемной силы. Патент для открытия магазина с входом для покупателей на полгода стоил 3 тыс. руб., за ларек или киоск без входа надо было заплатить 1500 руб., а за полгода – 750 руб., за торговлю со столов, лотков, корзин разрешение на год стоило 500 руб. [11]. Также продавались патенты на личные занятия с наймом рабочей силы. За открытие личного дела без наемных рабочих надо было заплатить в год 500 руб., а за полгода, соответственно, 250 руб. За предприятие с работниками численностью до 5 чел. патент стоил 1 тыс. руб., а от 6 чел. и выше – 2 тыс. руб.

С января 1942 г. взимались такие налоги, как подоходный, налог с товарооборота, налог со строений, земельная рента, промысловый налог, налог на получение наследства, ритуальные налоги, сборы, а также налоги на промышленные и торговые предприятия.

Подоходный налог взимался с зарплаты рабочих и служащих во всех предприятиях, учреждениях и организациях в размере 10 % с получаемой зарплаты. Необлагаемый минимум был установлен в 200 руб. Таким образом, рабочий, получая в месяц 210 руб., платил не 21 руб. налога, а только 10 руб. Удержание данного налога производилось в конце месяца при выдаче второй части заработной платы. Помимо рабочих и служащих, подоходный налог взимался с кустарей и ремесленников, владельцев промышленных и торговых предприятий, а также с лиц свободных профессий по доходам от частной практики (врачей, адвокатов, преподавателей).

Налог с товарооборота взимался с валового оборота. Так, владельцы торговых предприятий платили 4 % от своих доходов, а кустари и ремесленники уплачивали 2,5 % от своего заработка.

Налог на строения платили все домовладельцы, независимо от того, сдается помещение в наем или нет. Размер налога составлял 1 % от суммы страховой оценки собственности. Также его платили предприятия, учреждения и организации, состоявшие на хозрасчете. С государственных и промышленных предприятий он взимался в размере 0,75 %.

Земельная рента уплачивалась с застроенных или незастроенных земель, находившихся в пользовании учреждений, предприятий, организаций, а также частных лиц. Данный вид налога отменялся, если за пользование этими землями или возведение на них строений взималась арендная плата городским управлением. Земли, занимаемые садами и огородами, также не облагались налогами.

Горожане, занимавшиеся кустарным и ремесленным производством, владельцы частных промышленных и торговых предприятий обязаны были для осуществления своей деятельности выкупить соответствующие промысловые свидетельства на 1942 г. Стоимость этих свидетельств была установлена в следующих размерах [12]:

– свидетельства на торговые предприятия:

I разряд – магазины со входом для покупателей – 3 тыс. руб.;

II разряд – ларьки, киоски без входа для покупателей – 1500 руб.;

III разряд – со столов, лотков, корзин, рук – 500 руб.;

– свидетельства на промышленные предприятия:

I разряд – с числом наемных рабочих до 5 чел. включительно – 1 тыс. руб.;

II разряд – с числом наемных рабочих свыше 5 и до 10 чел. включительно – 2 тыс. руб.;

III разряд – с числом наемных рабочих свыше 10 и до 20 чел. включительно – 4 тыс. руб.;

IV разряд – с числом наемных рабочих свыше 20 и до 40 чел. включительно – 6 тыс. руб.;

V разряд – с числом наемных рабочих свыше 40 чел. – 10 тыс. руб.

Свидетельства на личные промысловые занятия выдавались частным лицам, занимавшимся единоличным кустарным промыслом или ремеслом, годовая стоимость которых составляла 500 руб. Данные расценки промыслового налога действовали до 15 августа 1942 г., после чего они были снижены. Так, за «личные занятия» без наемной силы надо было уплатить 100 руб., при привлечении работников до 5 чел. – 200 руб., от 6 до 10 чел. – 400 руб., от 11 до 19 чел. – 800 руб. Ставки на патенты для торговых предприятий также были снижены. За содержание магазина с входом для покупателей надо было уплатить 1500 руб., для ларьков и киосков – 800 руб., а для торговли с лотка, стола, корзины – всего лишь 100 руб.

В Таганроге оккупационными властями взимались сборы с владельцев собак, независимо от их возраста и породы, а также с владельцев велосипедов. Хозяева собак должны были уплатить 30 руб. в год за 1 собаку. Владельцы велосипедов должны были уплатить 50 руб. в год вне зависимости от того, пользуется он им или нет. Был введен налог «со зрелищ и кино». Налог со зрелищ взимался в размере 10 % от стоимости билета, а налог с кино составлял 30 % от стоимости билета.

Такая система налогообложения оставалась в городе до 1 июля 1943 г., после чего были внесены некоторые изменения. Например, в очередной раз корректировке подверглась стоимость патентов на личные занятия. Кроме этого с 1 июня 1943 г. был введен ряд новых налогов – подушный налог, поземельный

и налог от прибыли. Для частного сектора были отменены патенты, а взамен их устанавливался промысловый налог в размере 3 % к фонду заработной платы с рабочих и служащих того или иного предприятия. Установленный минимум в уплате данного налога составлял 30 руб. Подоходный налог с торговцев, владельцев промышленных предприятий и кустарей исчислялся не помесячно, а поквартально.

На основе собранных налогов и доходов от производства города формировался городской бюджет. Он строился поквартально, рассматривался и утверждался бургомистром города, а со стороны оккупационных властей – советником ортскоменданта. Все налоги, собиравшиеся на территории города, зачислялись в доход городского бюджета, с которого изымалось 30 % в пользу немецкой власти. Расход финансов из бюджета по доходам и расходам проводился через городскую кассу, которая принимала все доходы и оплачивала расходы. Излишки средств городской кассы сдавались в хозяйственный банк города, который находился в ведении ортскоменданта. Кроме этого, имелся текущий счет города, на котором находился предельный лимит в 30 тыс. руб.

Особому контролю со стороны оккупационных властей подвергалась рыночная торговля. Городские власти строго следили за рыночными ценами на товары и продовольствие. С началом оккупации города они выросли в несколько раз (см. таблицу).

Рост цен в первые месяцы оккупации города [13]

Наименование товара	**Цены**	
	октябрь 1941 г.	**ноябрь 1941 г.**
Мыло (1 шт.)	80	300
Жиры (1 кг)	250	750–800
Масло растительное (1 л)	240	480
Мед (1 кг)	200	700–750
Сахар (1 кг)	350	700
Картофель (1 кг)	35	70
Молоко (1 л)	30	70–75
Яйца (10 шт.)	70	–
Пшеница (1 стакан)	–	10
Рыба (10 кг)	300	800

Поэтому 10 декабря 1942 г. был издан приказ местной комендатуры, в котором указывалось, что все продукты и товары первой необходимости должны продаваться по тем ценам, которые существовали в городе в октябре. Также в приказе объявлялось, мерой наказания для тех, кто будет продавать или покупать продукты выше указанных цен или другими способами, не соблюдая данного приказа, станет расстрел [14]. Приказ распространялся как на город Таганрог, так и на близлежащие сельские районы: Таганрогский, Неклиновский, Федоровский и Буденовский. В распоряжении № 1 к приказу «О спекуляции»

от 11 декабря 1941 г. указывалось, что каждый взрослый гражданин должен в отсутствие поблизости полицейского самостоятельно задержать продавца в том случае, если он торгует по завышенным спекулятивным ценам. В случае если гражданин отказывал полицейскому в помощи при задержании, то он сам наказывался принудительными работами сроком на один год.

Одна из причин такого жесткого контроля рыночных цен заключалась в том, что работающая часть населения на свою заработную плату практически ничего не могла приобрести на рынках города, что, в свою очередь, вызывало недовольство горожан.

В Таганроге захватчики проводили более «мягкую» экономическую политику, чем в других районах страны. Она была ориентирована на привлечение местного населения к сотрудничеству с оккупационной властью, а также были созданы все условия для возрождения предпринимательства, что некоторой частью населения было воспринято положительно.

Примечания:

1. Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). Пятигорск, 2009. С. 170.
2. Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области (далее – ТФ ГАРО). Ф. Р-3983. Оп. 1. Д. 3. Л. 64.
3. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-7021. Оп. 40. Д. 623. Л. 79.
4. Там же. Л. 86.
5. ТФ ГАРО. Ф. Р-514. Оп. 1. Д. 1. Л. 1об.
6. Волошин В., Ратник В. Вчера была война. Таганрог в годы немецко-фашистской оккупации (октябрь 1941 – август 1943 гг.). Таганрог, 2008. С. 146.
7. ТФ ГАРО. Ф. Р-513. Оп. 1. Д. 1. Л. 105.
8. Там же. Д. 32. Л. 7.
9. Там же. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 61. Л. 16.
10. ГАРФ. Ф. Р-7020. Оп. 40. Д. 683. Л. 213.
11. ТФ ГАРО. Ф. Р-513. Оп. 1. Д. 147. Л. 1.
12. Там же. Л. 4.
13. Там же. Ф. Р-619. Оп. 1. Д. 6. Л. 13.
14. Там же.

А.П. Скорик

Карательный сегмент фашистского оккупационного режима на территории Милютинского и Селивановского районов Ростовской области в 1942 г.

Генерализующей задачей оккупационного режима в Милютинском и Селивановском районах Ростовской области было подавление малейшего сопротивления новым властям. Поэтому репрессивные акции проводились

довольно часто с применением прямого физического насилия, причем оккупанты особо не разбирались, нисколько не жалели ни взрослых, ни детей. Только на территории колхоза им. М.И. Калинина Милютинского сельского совета в период оккупации было расстреляно сразу три семьи: 1) вместе с Трофимом Каминским (1905 г.р.) погибли его жена и двое сыновей (1933 и 1941 г.р.); 2) Анну Федоровну Ходорковскую (1907 г.р.) убили вместе с малолетней дочерью (1937 г.р.); 3) колхозника Новикова уничтожили вместе с женой и дочерью [1]. При отступлении фашистских захватчиков из колхоза им. С.М. Буденного (хутор Поляков Милютинского района) была убита престарелая колхозница Александра Прокофьевна Титовцева [2]. Чем не угодила оккупантам женщина, теперь сказать трудно. Архивные документы не раскрывают обстоятельств этого злодеяния фашистов.

В карательных операциях фашистов активно участвовали местные полицейские. В хуторе Поляков Милютинского района особенно усердствовали полицейские Петр Иванович Голубев и Илья Афанасьевич Лещенко. Цитируем архивный документ: «Полицейский Лещенко И.А. колхозницу Павлову Евдокию Акимовну и ее дочь Веру Ивановну Павлову сажал в холодный амбар, избивал их до потери сознания» [3]. В колхозе им. В.П. Чкалова Кутейниковского сельского совета Селивановского района полицейские жестоко избили плетьми колхозника Георгия Алексеевича Воронкова, когда он в ходе производимого в его доме обыска заявил рьяным немецким приспешникам: «Берете не то, что надо» [4]. Не отставали от распоясавшихся полицейских некоторые местные старосты, загубившие своей исключительной преданностью оккупантам не одну человеческую душу. «Это по вине старосты колхоза им. Семикина [Ново-Дмитриевского сельского совета Селивановского района. – *А.С.*] Гончарова Евдокима Максимовича угнан с фашистской армией Федоров Андрей Ильич с подводой» [5].

Оккупантами практиковалась отправка части местного населения захваченных территорий на принудительные работы в интересах германской армии в соседние районы. Так, колхозников Павла Михеевича Сафонова, Григория Тихоновича Козловцева, Гавриила Ивановича Крамаренко и Прасковью Кузьминичну Рогожину из колхоза им. С.М. Буденного (хутор Поляков Милютинского района) доставили в немецкую комендатуру Михайловского района Сталинградской области, «где их избивали и заставляли работать круглые сутки, не давая пищи и питья» [6].

Часть местных жителей гитлеровцы угнали с собой при вынужденном отступлении немецко-фашистских войск под победоносными ударами Красной армии. Так, в Ново-Дмитриевском сельском совете Селивановского района в принудительном порядке в фашистскую неволю отправились: уроженец хутора Комарова Тихон Григорьевич Важинский, уроженец хутора Верхне-Вячеслава Стефан Иванович Зимовнов, уроженец хутора Ново-Дмитриевки Семен Арсентьевич Шапран [7]. Из колхоза им. КИМ Селивановского сельского совета был забран «в немецкое рабство» Михаил Самойлович Брыль [8].

Фашисты сурово расправлялись с обнаруженными среди местного населения бывшими воинами Красной армии. Нередко в этом деле им помогали

милютинские коллаборационисты. Так, некий фашистский приспешник Сиволобов предательски выдал гитлеровцам сразу трех лейтенантов, которых оккупанты расстреляли вместе с еще пятью военнопленными красноармейцами на территории колхоза им. М.И. Калинина Милютинского сельского совета [9]. В колхозе им. К.Е. Ворошилова Николо-Березовского сельского совета Милютинского района «был расстрелян немецким комендантом красноармеец, который скрывался от немецких бандитов, Шильников Александр Иванович, рождения 1919 года, Краснодарского края, Тихорецкого района, ст[аница] Украинская». Судя по всему, прятаться ему помогал кто-то из местных жителей, поскольку в документе указывается имя отца красноармейца – Иван Акимович Шильников [10]. Обыски и аресты «подозрительных людей» проводились оккупантами постоянно и тщательно. В числе задержанных в колхозе им. В.М. Молотова Подтелковского сельского совета Селивановского района оказался «комиссар дивизии» Иван Иванович Колеух [11]. Не удалось ему надежно спрятаться от фашистов.

Самую массовую казнь военнопленных РККА гитлеровцы устроили в колхозе им. В.П. Чкалова Лукичевского сельского совета Милютинского района. Колхозники Аникеев, Воинсков, Горбанев, Каклюжина, Коенге, Колес, Криволапова, Кукорекин, Палковин, Панфилова, Панченко, Панченко, Пивоваров, Поливанов, Попов, Прядкина, Рябухина, Скачевская, Ткачева стали непосредственными свидетелями этого зверства фашистов. По их рассказам, «в колхозном базу, где помещалось М.Т.Ф., немцами было размещено наших русских военнопленных около 400 чел., кормили военнопленных плохо, давали 2 раза в день вареное просо по одной столовой ложке, били пленных чем попало, избивали до полусмерти. В ноябре месяце 1942 г. загнали всех пленных в баз и вечером зажгли баз, а двери все позаперли. Пленные звали на помощь жителей открыть дверь в базу, то по жителям стреляли с автоматов. Крикистоны военнопленных, горевших были неимоверные, сгорело пленных наших солдат 250 чел., которых трупы горели и валялись с целую неделю не давали убрать» [12].

Оккупанты жестоко преследовали тех лиц из числа местного населения, кто являлся партизаном, и / или поддерживал каким-либо образом связи с ними. В колхозе 2-я пятилетка Подтелковского сельского совета Селивановского района за принадлежность к партизанам была убита Елена Лохленко, бывший депутат Подтелковского сельского совета [13]. В хуторе Агропролетарском Орловского сельского совета Милютинского района смертельную дозу свинца получил пленный партизан, уроженец Саратова, русский по национальности Василий Васильевич Донин (1912 г.р.) [14]. В колхозе им. В.П. Чкалова Кутейниковского сельского совета Селивановского района немцы неожиданно ворвались в дом семьи Цыбулевских, «произвели обыск и нашли рваную красноармейскую одежду, брошенную, как негодную, потребовали объяснения, кто у вас был партизан и где он?». Когда находившиеся в избе две женщины Агрепина Лукьяновна и Вера Цыбулевские отказались подтвердить нахождение у них партизан, их тут же жестоко избили дубовой палкой [15]. Групповому избиению по подозрению в связи с партизанами

также подверглись Евгения Жукова, Александра Матвеева и Татьяна Ефремовна Королева [16]. Из-за подозрений фашистов в сотрудничестве с партизанами погиб местный душевнобольной Федор Георгиевич Свищев, страдавший к тому же еще и эпилепсией. Однажды он взял без разрешения из машины оккупантов газету, чтобы сделать самокрутки. За это его фашисты избили железными пружинами и рукоятками кинжалов. После того случая душевнобольной Свищев стал подвергаться постоянным гонениям со стороны гитлеровцев. Душевнобольного человека «выгоняли из хат, обзывая его партизаном, ввиду чего в одну из зимних ночей замерз, не имея места ночлега» [17].

Другой категорией населения на оккупированной территории Милютинского района, особо преследуемой фашистами по определению, помимо военнопленных РККА и партизан, являлись евреи. В дни оккупации в колхозе им. 1-го мая Петровского сельского совета Милютинского района была расстреляна группа евреев общей численностью в 16 чел., многие из которых, судя по фамилиям, находились в родственных отношениях. Среди них: Григорий Яковлевич Павне (1905 г.р.), Мария Павне (1906 г.р.) и Евгения Павне (1941 г.р.); Василиса Партная (1915 г.р.); Ройтман (1889 г.р., имя и отчество в документе не указаны), Дора Ройтман (1924 г.р.), Изик Ройтман (1927 г.р.), Мысей Ройтман (1889 г.р.), Рон Ройтман (1887 г.р.), Рот Ройтман (1921 г.р.), Хаит Ройтман (1891 г.р.), Шмуль Х. Ройтман (1924 г.р.); Арон М. Холемский (1927 г.р.), Марк Холемский (1905 г.р.), Михаил М. Холемский (1924 г.р.), Цивля Холемская (1905 г.р.). Вместе с этой группой евреев гитлеровцы уничтожили троих русских. От рук фашистских палачей погибли: Василий В. Жуков (1905 г.р.); Николай И. Каледин (1935 г.р.); П.И. Ковалева (1912 г.р.) [18]. Обстоятельства расстрела в документе не раскрываются, равно как и вопрос о том, имели ли трое погибших русских отношение к укрывательству евреев или же их уничтожили по иным основаниям. В колхозе им. В.П. Чкалова Лукичевского сельского совета Милютинского района «немецкие изверги ночью ворвались в помещение, где жила эвакуированная Чудновская Ида, они веревкой зацепили ее за шею, вытянули на двор, начали избивать прикладами, протянули до речки, где убили и выбросили в речку» [19].

При проведении карательных операций на оккупированных территориях Милютинского и Селивановского районов Ростовской области фашисты использовали достаточно широкий спектр садистских приемов физического воздействия на местное население этих территорий. Так, в колхозе им. XVIII партсъезда Селивановского сельского совета 13 декабря 1942 г., прежде чем расстрелять 38 чел., гитлеровцы травили их собаками, били железными прутами, подвешивали «за ноги головой вниз на несколько часов», кололи винтовочными штыками, загоняли в тело своих жертв металлические иглы. Всего немецкие палачи убили 28 красноармейцев, имена которых установить не удалось, поскольку, видимо, у них не было контактов с местным населением. В числе расстрелянных мирных граждан оказались пять колхозников Милютинского района: Прасковья Казьминична Аникеенко, Тимофей Пантелеевич Диденко, Татьяна Трофимовна Каплиева, Дмитрий Андреевич Скляр,

Андрей Фомич Шапошников. Погибла от рук немецких варваров служащая из станицы Селивановской Евдокия Евдокимовна Мерзлякова. Мученическую смерть приняли четверо безымянных эвакуированных: три женщины из украинского города Никополь и 17-летняя девушка из Сталинграда [20].

Физически безболезненной карой оккупантов являлся денежный штраф, но возникал другой вопрос: а где взять деньги и наберется ли требуемая сумма?! Поэтому денежный штраф легко дополнялся избиениями. В станице Селивановской избиению плетьми и денежному штрафу подвергались: Осип Осипович Воронин, Наталия Егоровна Гончарова, Варвара Яковлевна Дорачева, Татьяна Васильевна Зилина, Тимофей Дмитриевич Ищенко, Татьяна Ивановна Казьменко, Федор Иванович Карюков, Акинай Емельянович Мишаткин, Олимпиада Ивановна Моисеева, Андрей Максимович Череватенко, Дмитрий Иванович Череватенко, Наталия Ивановна Шапошникова, Владимир Клавдиевич Шевцов, Евдокия Ивановна Шевцова. Однако больше всех пострадал председатель местного колхоза Петр Степанович Мацикин. Его не только избивали плетьми, подвергли денежному штрафу, но и реально хотели расстрелять [21]. Что остановило фашистов, в документе не указывается, но, думается, Петр Степанович пережил немало трагических минут.

Ничем не прикрытый грабеж фашистами местного населения был вполне обыденным явлением в оккупационный период. В Подтелковском сельском совете Селивановского района «немцы избивали палками за взятую корову» Наталью Карповну Шматову, пытавшуюся ее отстоять. Не отставали от своих хозяев местные полицейские. Они избили плетью за невыход на работу для ремонта конюшни Пелагею Федоровну Левченко. Антонида Матвеевна Гаркушина прятала свою «корову от немецких войск», а когда это обнаружилось, то ее сурово высекли плетью. Иван Яковлевич Чубарь посмел отказаться от «лестного предложения» стать старостой Подтелковской волости, и его долго «избивали плетью в комендатуре». Александр Александрович Попов носил военную форму в качестве повседневной одежды (очевидно, одеться больше не во что было). Немцы его заподозрили в принадлежности к партизанам и избили палками и прикладами. В экзекуциях над местным населением участвовали и румыны [22].

Фашисты чувствовали себя на оккупированных территориях полными хозяевами положения, а местное население воспринимали исключительно как обслуживающий их потребности персонал, поэтому вели себя как надменные господа, требуя беспрекословного подчинения. В колхозе им. В.П. Чкалова Кутейниковского сельского совета Селивановского района избили плетьми Ефрема Степановича Королева и Анну Андреевну Воронкову за то, что те посмели не пускать к себе оккупантов на постой. Ольге Ивановне Тюрьмарезовой досталось плетей за отказ варить для новых хозяев пищу. Акулину Федоровну Плешакову наказали тем же способом за отказ топить фашистам печь. Иван Тихонович Коршунов попробовал воспрепятствовать гитлеровцам рубить домашний сундук на дрова для отопления и нещадно был за это избит. Антонида Ивановна Тихонова нечаянно оговорилась, ее выгнали из собственной хаты на улицу и не пускали обратно [23].

Обычным явлением в повседневной практике оккупационного режима являлось принуждение к половым актам женщин и девушек, в том числе и групповым, со стороны гитлеровцев. Для немцев этот способ насильственного воздействия воспринимался как вполне естественный. Но едва жительница Подтелковского сельского совета Селивановского района Мария Нефедовна Борисова попыталась отказать в немедленном удовлетворении мужской похоти фашистам, как тут же была безжалостно и жестоко избита [24]. В колхозе им. В.М. Молотова Подтелковского сельского совета Селивановского района немецко-фашистские оккупанты «изнасиловали и избили девушку-колхозницу Марию Евсеевну Стрельцову» [25]. Гитлеровцев нисколько не останавливало даже присутствие близких родственников. Так, в вышеназванном колхозе был «ранен выстрелом из винтовки в комнате колхозник Кащенко Николай Алексеевич за то, что не допустил изнасиловать свою жену» [26]. За этими сухими словами констатации факта в архивном документе кроется семейная трагедия, источником которой являлся обыкновенный фашизм в его германском варианте.

Заметим, насильничать над девушками и женщинами немцы начали, едва заняв территорию. Так, в колхозе им. КИМ Селивановского сельского совета «издевательство проявили бандиты над одной девушкой Богатыревой Е.А. при вступлении в хутор» [27]. В колхозе им. В.П. Чкалова Кутейниковского сельского совета Селивановского района случаи полового насилия по отношению к местным девушкам и женщинам вообще были регулярным явлением нового немецкого порядка. Фашисты «с целью изнасилования ночью гонялись» за Евдокией Михайловной Панкратовой, «но она спряталась» [28]. Марфу Ивановну Тумину «с целью изнасилования гоняли ночью, а детей избили, требуя мать» [29]. Немецким оккупантам все было нипочем, лишь бы добиться желаемого. Можно только догадываться, какую душевную травму нанесли они перепуганным детям. «С целью изнасилования гоняли ночью» Александру Иосифовну Абрамову, Анну Иосифовну Абрамову, Пелагею Федоровну Бирюкову, Анну Григорьевну Колтунову, Елену Харитоновну Куковинец, Ольгу Плешакову. Лишь случайно избежали пребывания в постели с немецкими подонками Варвара Кирилловна и Мария Кирилловна Радюк, поскольку «спрятались на чердаке у соседей». Германские половые извращенцы жестоко «избили, требуя мать», Юлия Куковинца [30]. Мальчик вытерпел издевательства, но свою маму для грязных утех фашистским оккупантам так и не предал. Примечательно, что от своих немецких хозяев в организации беспорядочных половых преступлений на оккупированных территориях не отставали и фашиствующие румыны. Стремление к насилию порой достигало такого немыслимого пика, что, не получив сразу желаемого, не затащив в свою походную постель очередную жертву, фашисты просто убивали «первого попавшегося под руку». Так, в колхозе им. В.М. Молотова Подтелковского сельского совета Селивановского района был «убит старик-колхозник Лебедев Роман Федорович за то, что он принадлежал к мужскому полу» [31].

Таким образом, новый фашистский оккупационный порядок радикально изменил жизнь местного населения Милютинского и Селивановского районов

Ростовской области. Любого человека оккупанты были готовы смешать с грязью, до предела унизить, физически растерзать и уничтожить следы пребывания на земле. Германский фашизм был чудовищен в своем реальном воплощении на донской земле. У немецко-фашистских оккупантов отсутствовали границы дозволенного в отношении к местному населению, а обнаруженных военнопленных РККА и евреев они беспощадно убивали, нередко предварительно подвергая нечеловеческим издевательствам. Немцы многократно привлекали на свою сторону местных коллаборационистов, а потом воспринимали их как использованный материал. Фашизм как оккупационный режим по определению не знал человеческих границ, а на поверку его служители оказывались убийцами и насильниками, которых научилась уничтожать и разгромила Красная армия в победоносном 1945 г.

Примечания:

1. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 6. Л. 53.
2. Там же. Л. 55.
3. Там же.
4. Там же. Д. 9. Л. 56.
5. Там же. Л. 61.
6. Там же. Д. 6. Л. 55.
7. Там же. Д. 9. Л. 45.
8. Там же. Л. 57.
9. Там же. Д. 6. Л. 53.
10. Там же. Л. 67.
11. Там же. Д. 9. Л. 52.
12. Там же. Д. 6. Л. 61.
13. Там же. Д. 9. Л. 53.
14. Там же. Д. 6. Л. 66.
15. Там же. Д. 9. Л. 59.
16. Там же. Л. 60, 61.
17. Там же. Л. 60.
18. Там же. Д. 6. Л. 59, 59об.
19. Там же. Л. 61.
20. Там же. Д. 9. Л. 46.
21. Там же. Л. 47.
22. Там же. Л. 49.
23. Там же. Д. 6. Л. 60, 61.
24. Там же. Д. 9. Л. 49.
25. Там же. Л. 52.
26. Там же. Л. 52.
27. Там же. Л. 57.
28. Там же. Л. 60.
29. Там же. Л. 61.
30. Там же.
31. Там же. Л. 52.

А.В. Броварь

Развитие форм и методов диверсионной работы партизанских отрядов и формирований Донбасса в годы Великой Отечественной войны (ноябрь 1941 – август 1943 гг.)

Партизанское движение является неизменной составной частью практически любой войны и большинства вооруженных конфликтов. Опыт многочисленных локальных войн конца XX – начала XXI столетия на Ближнем Востоке, в Азии, на Балканах показал, что партизанская борьба занимает все большее место в военной стратегии. Одной из наиболее эффективных форм партизанской борьбы выступает диверсионная работа. В этом плане повышенный интерес представляет проведение диверсионных действий, их значение и место в партизанской борьбе в годы Великой Отечественной войны. Целью данной статьи является анализ опыта применения диверсионных операций, развития тактики их проведения, а также влияние этой формы борьбы на общие успехи партизанского движения в Донбассе.

В исторических исследованиях уделялось определенное внимание вопросам развития военного искусства партизан в годы Великой Отечественной войны. Опыт партизанских действий, их значимость и эффективность изучались и обобщались в работах Л.Н. Бычкова [1], М.В. Коваля [2], Ю.И. Зинченко [3] и других авторов. Однако следует признать, что в этих работах, как и в большинстве других исследований, посвященных партизанской тематике, преобладал описательно-фактологический подход, а ошибки и недочеты в организации партизанской борьбы не анализировались в силу определенных идеологических табу. Изучением отдельных видов и форм партизанской борьбы активно занимались М. Абсалямов и В. Андрианов, опубликовавшие более десяти статей, посвященных данной тематике, в центральных специализированных журналах [4]. Заслуживает внимания работа Н.Ф. Азясского [5] и монография В.И. Боярского, изучивших отдельные вопросы планирования и тактики партизанской борьбы. Общей характерной особенностью всех этих работ является то, что авторы рассматривали различные формы партизанской борьбы в масштабах всей временно оккупированной территории СССР или на примерах отдельных республик в целом. Исследований, анализирующих развитие тактики диверсионных действий партизанских формирований на примере отдельных регионов, в том числе такого стратегически важного, как Донбасс, до настоящего времени не было.

Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны было не только составной частью общенародной вооруженной борьбы против фашистских захватчиков на временно оккупированных территориях СССР, но и важным фактором в достижении победы над нацисткой Германии и ее союзниками. Партизанские действия как форма вооруженной борьбы велись как в стратегическо-оперативном, так и в тактическом масштабе, совмещали

одновременно несколько видов деятельности – открытые боевые действия против войск противника, разведывательную работу, осуществление политико-пропагандистских мероприятий среди местного населения, контрпропаганду и подрывную работу среди солдат оккупационных войск и проведение диверсий. Как показала практика, диверсии оказались наиболее эффективным способом дезорганизации вражеского тыла, что признавал в своем дневнике начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Франц Гальдер [7].

Еще на начальном этапе Великой Отечественной войны главные задачи партизанского движения были определены в директиве Совета народных комисаров СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. и в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу немецких войск» от 18 июля 1941 г. В ходе войны они корректировались и дополнялись в дальнейших постановлениях Государственного комитета обороны, приказах народного комиссара обороны и Ставки Верховного Главнокомандования [8]. В обращении Президиума Верховного Совета УССР, Совнаркома УССР и ЦК КП(б)У от 6 июля 1941 г. перед партизанским движением ставились общие задачи диверсионной работы: «На захваченной врагом территории создавать конные и пешие партизанские отряды, диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, подрывайте в тылу врага мосты, дороги, уничтожайте телеграфную и телефонную связь, поджигайте леса и склады, громите вражеские обозы. Создавайте врагу и его пособникам нестерпимые условия, преследуйте и уничтожайте их, любыми способами срывайте все вражеские планы» [9].

Военное командование в лице оперативного управления Генерального штаба РККА уже 16 июля 1941 г. разработало и направило для практического применения инструктивно-методическое пособие «Партизанские отряды и их тактика». В нем рекомендовалось создавать боевые диверсионные отряды и группы, которые должны были обладать мобильностью, хорошей оснащенностью, специальной подготовкой, использовать фактор внезапности и такие способы действий, как нападение для повреждения и выведения из строя объектов в тылу противника, засады для физической ликвидации представителей оккупационной администрации и личного состава воинских подразделений противника [10].

В связи с неблагоприятными условиями, которые сложились для Красной армии в начальный период войны, быстрым продвижением войск противника вглубь территории СССР, реальной угрозой захвата врагом такого стратегически и экономически важного региона, как Донбасс, создание здесь партизанских формирований и диверсионных групп приобрело особое значение. Принимая во внимание необходимость организации специальной подготовки личного состава будущих партизанских отрядов и групп в плане диверсионной работы, в городе Сталино (в настоящее время – Донецк) были созданы специальные курсы. Инструктаж и специальную диверсионную подготовку осуществляли инструкторы оперативно-учебных центров, присланные с фронтов, а также военные специалисты – минеры, снайперы, связисты. Курсанты, кроме общевойсковой подготовки, изучали партизанскую тактику, подрывное

дело, оружие и технику врага, тактику диверсионных мероприятий. Но, исходя из того что ситуация на фронте становилась все сложнее, эти курсы работали по максимально сокращенной программе – в течение пяти дней. Понятно, что это не могло не сказаться на качестве подготовки выпускников [11].

Еще хуже обстояло дело с обеспечением партизанских отрядов и групп специальным снаряжением. Так, для 180 партизанских отрядов и диверсионных групп, которые должны были действовать в Сталинской области, было выделено:

– мин и капсул к ним – 258 штук;
– противопехотных гранат – 500 штук;
– взрывчатки – 1500 кг;
– детонирующего шнура – 550 метров;
– электрозапальных машинок – 14 штук [12].

Понятно, что с таким минимальным специальным материально-техническим обеспечением и слабой подготовкой самих бойцов проводить полномасштабную диверсионную работу, как это планировалось, не представлялось возможным. Эффективность диверсионных акций находилась в прямой зависимости не только от наличия у партизан взрывчатки, мин, подрывной техники, от уровня обученности бойцов, но и от степени охраны противника, организации им контрпартизанской борьбы и в значительной степени от географических условий конкретного района или региона в целом [13]. Поскольку отсутствие больших лесных массивов значительно осложняло возможность действия и даже первоначального оперативного развертывания партизанских отрядов, то большинство из них во время отступления отходили за линию фронта вместе с войсками. Часть отрядов и групп самораспустилась, так и не начав боевую деятельность, остальные действовали в относительно узкой прифронтовой полосе, где была лесная зона [14]. В конце октября 1941 г. на территории Сталинской области действовало всего 19 партизанских отрядов вместо планировавшихся 180 [15].

Диверсионные группы, которые были оставлены в тылу врага или заброшены чуть позже – в ноябре 1941 г., в большинстве своем либо не начали свою деятельность, либо сразу же были выявлены и уничтожены врагом по причине слабых навыков конспирации. В этом плане показательна судьба диверсионной группы, созданной по приказу НКВД УССР № 40/485 от 25 октября 1941 г. («Для дезорганизации тыла немецко-фашистских войск и ведения диверсионно-разведывательной работы на временно оккупированной территории») [16].

Основной боевой задачей этой группы было проведение диверсий на промышленных предприятиях поселка Еленовские карьеры (в настоящее время город Докучаевск) и на двух близлежащих крупных железнодорожных станциях Еленовке и Волновахе. Возглавлял диверсионную группу бывший инженер Еленовского рудника Владимир Сперелуп, а его заместителем стал Николай Передерий. Бойцы группы имели надежную базу в труднодоступных карстовых пещерах, находящихся близ поселка, где заранее было заложено необходимое снаряжение, но в нарушение всех правил конспирации часто посещали

своих родственников и знакомых в селе Александриновка. Очень скоро о существовании группы стало известно местной полиции. В ночь на 5 декабря 1941 г. ее бойцы были окружены в одном из домов Александриновки. После длительного боя члены группы, большинство из которых получили тяжелые ранения, были захвачены карателями и расстреляны [17].

Партизанские отряды и диверсионные группы, которые действовали в прифронтовой лесной полосе, в оперативном отношении подчинялись штабам соединений Красной армии, державших оборону на линии фронта вдоль реки Северский Донец. Так, Артемовский, Славянский, Ямской, Краснолиманский, Горловский, Селидовский и другие отряды подчинялись в целом политуправлению Южного фронта, а по отдельности – штабам 12-й армии, 34-й кавалерийской, 393-й, 230-й стрелковых дивизий, 19-й стрелковой бригады и выполняли их приказы [18].

Поскольку военное командование в первую очередь интересовали данные о наличии и дислокации войск противника, то партизанские отряды, находившиеся в его подчинении, занимались глубокой разведкой в прифронтовой полосе, сведя диверсионную работу до минимума, т.к. акты диверсий напрямую указывали бы на наличие в данном районе отряда или разведгруппы. Это могло привести к срыву выполнения главного задания – разведки войск противника. Но после успешного выполнения разведки, при возвращении в расположение своих войск, партизанские отряды, как правило, проводили акты диверсий – в основном нарушение линий связи, коммуникаций, поджоги складов военного имущества. Так, Краснолиманский партизанский отряд под командованием К. Мележика зимой 1941–1942 гг. более 30 раз переходил линию фронта с целью ведения разведки, а на обратном пути бойцы проводили успешные диверсии. 29 декабря 1941 г. были уничтожены склад и пост боевого хранения противника возле села Жабуновки. 2 февраля 1942 г. было уничтожено более 1 км линии телефонной связи, а также другие коммуникации, 27 февраля 1942 г. – 3 км линии связи [19].

Партизанский отряд Г.А. Ищенко (Галайды) в январе – апреле 1942 г., выполняя задание штаба 255-й стрелковой дивизии, неоднократно переходил через линию фронта на территорию соседней Харьковской области в район города Балаклеи с целью сбора разведывательных данных и проведения диверсий на линиях связи и коммуникациях противника. Все задания были успешно выполнены [20]. Подобную разведывательно-диверсионную деятельность с ноября 1941 г. по май 1942 г. вели партизанские формирования и группы под командованием П. Компанейца, И. Чаплина, М. Агафонова и др. [21].

В последующем, когда линия фронта к осени 1942 г. отодвинулась далеко на восток и территория региона оказалась в глубоком тылу противника, партизанские формирования Донбасса перешли в подчинение Украинского штаба партизанского движения (УШПД), созданного решением Государственного комитета обороны 30 мая 1942 г. Начальником УШПД стал Т.А. Строкач [22]. Диверсионная работа в глубоком тылу противника для партизанских формирований Донбасса стала одним из приоритетных направлений. Сразу же изменился подход к подготовке кадров партизанских диверсионных групп –

их обучение в Ворошиловградской (в настоящее время – Луганской), а затем Саратовской спецшколах проводилось уже по 30-дневной программе [23]. Практическое руководство диверсионной работой было возложено на начальника оперативного отдела УШПР А. Мартынова и подчиненные ему оперативные группы при Военных советах армий Юго-Западного и Южного фронтов. Материально-техническим снабжением диверсионных партизанских групп занимался отдел под руководством С.Ф. Маликова. Главной задачей было определено совершение диверсий на коммуникациях противника, в первую очередь, на железных дорогах. Усовершенствовалась тактика проведения диверсий, и, как следствие, возросли их эффективность, количество и успешность. Так, только в декабре 1942 г. диверсионные группы объединенного партизанского отряда под командованием Я.И. Сиворонова совершили подрывы четырех немецких эшелонов на перегонах Славянск – Краматорск, Артемовск – Никитовка, Артемовск – Красный Лиман [24]. Успешно продолжал действовать партизанский отряд К. Мележика, проведя крупные диверсии: 20 ноября 1942 г. на перегоне Гусаровка, а 14 декабря 1942 г. на 11-м км возле Красного Лимана [25]. Отряд Ищенко (Галайды), включавший теперь три диверсионные группы, проводил успешные диверсии как на железной дороге, так и на шоссейных коммуникациях, попутно уничтожив 20 км телефонной связи [26].

В августе 1943 г. в рамках широкомасштабной операции «рельсовая война» городской партизанский отряд И.Г. Ландика, действовавший на территории города Константиновки и Константиновского района, организовал успешные диверсии в локомотивном депо, на железнодорожных станциях и железнодорожных перегонах [27]. Не менее эффективной стала диверсионная работа многих других партизанских отрядов. Всего же в результате диверсий бойцами партизанских отрядов и групп Донбасса в период с ноября 1941 г. до сентября 1943 г. было уничтожено 18 эшелонов с техникой и живой силой противника (17 паровозов, 260 вагонов, 21 мостов на шоссейных и грунтовых дорогах) [28].

Таким образом, если на первом этапе (ноябрь 1941 – июнь 1942 гг.) партизанские формирования Донбасса проводили диверсионные операции в прифронтовой полосе, а тактика их проведения определялась во многом случайными сопутствующими факторами, то на втором этапе (июль 1942 – август 1943 гг.) диверсионные операции проводились под общим централизованным руководством, в глубоком тылу противника. Они отличались масштабностью и гораздо большей эффективностью, использовались новые тактические приемы и специальные методы, а местами их проведения стали железнодорожные и шоссейные коммуникации противника, что наносило в конкретных условиях региона максимально возможный ущерб врагу.

Примечания:

1. Бычков Л.Н. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 (краткий очерк). М., 1965.
2. Коваль М.В. Борьба населения Украины против немецко-фашистского рабства. К., 1979.
3. Зинченко Ю.И. Боевое взаимодействие партизан с частями Красной Армии на Украине. 1941–1944 гг. К., 1982.

4. Абсалямов М., Андрианов В. Организация партизанских сил и формы руководства их боевой деятельностью в Отечественной войне // Военно-исторический журнал. 1966. № 9. С. 18–26; Их же. Тактика советских партизан // Там же. 1968. № 1. С. 42–55; Андрианов В. Оперативное использование партизанских сил // Там же. 1969. № 7. С. 22–24; Его же. Некоторые вопросы управления партизанскими формированиями // Там же. 1976. № 5. С. 39–46; Его же. Вооруженная борьба советских партизан в годы Великой Отечественной войны // Военная мысль. 1975. № 5. С. 52–62 и др.
5. Азяский Н. Из опыта планирования боевых действий партизан // Военно-исторический журнал. 1977. № 7. С. 100–106.
6. Партизаны и армия: история утерянных возможностей / под общ. ред. А.Е. Тараса. Минск, 2003.
7. Гальдер Ф. Военный дневник: в 2 кн. М., 1971. Кн. 1. С. 355.
8. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны: учебное пособие. М., 1964. С. 34–48.
9. Обращение Президиума Верховного Совета УССР, Совнаркома УССР ЦК КП(б)У к украинскому народу // Советская Украина. 1941. 7 июля.
10. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны… С. 50–52.
11. Государственный архив Донецкой области (далее – ГАДО). Ф. 5000. Оп. 1. Д. 15. Л. 4.
12. Там же. Л. 40.
13. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. М., 1985. С. 530.
14. ГАДО. Ф. 5000. Оп. 1. Д. 1. Л. 41.
15. История городов и сел Украинской ССР: в 27 т. Донецкая область. К., 1968. С. 56.
16. ГАДО. Ф. 5000. Оп. 1. Д. 44. Л. 3.
17. Там же. Л. 5.
18. ГАДО. Ф. 326. Оп. 1. Д. 67. Л. 89.
19. ГАДО. Ф. 5000. Оп. 1. Д. 2. Л. 73.
20. ГАДО. Ф. 5000. Оп. 1. Д. 3. Л. 103.
21. ГАДО. Ф. 5000. Оп. 1. Д. 56. Л. 17–20.
22. Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945: в 3 т. Т. 2. Киев, 1975. С. 479.
23. ГАДО. Ф. 5000. Оп. 1. Д. 232. Л. 20.
24. ГАДО. Ф. 5000. Оп. 1. Д. 256. Л. 60–62.
25. ГАДО. Ф. 5000. Оп. 1. Д. 256. Л. 73–74.
26. Там же. Л. 66–69.
27. Государственный архив Луганской области. Ф. 1790. Оп. 1. Д. 5а. Л. 25–26.
28. Там же. Л. 37; ГАДО. Ф. 5000. Оп. 1. Д. 2. Л. 44.

И.Ю. Васильев

Украинский национализм на Кубани в период гитлеровской оккупации: реальность и вымысел[1]

Феномен оккупации территории СССР всесторонне исследован в работах Б.Н. Ковалева [1]. Многие особенности нацисткой оккупации в казачьих

[1] Статья выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект 14-18-01442 «Украинский кризис и проблемы социально-экономической интеграции в Азовско-Черноморском регионе».

регионах юга России изучены П.Н. Крикуновым [2]. Комплексное рассмотрение различных аспектов социальной, политической и культурной жизни на территории Кубани в период оккупации произведено Е.Ф. Кринко [3]. Проявления украинской художественной культуры в период оккупации охарактеризовал Ю.А. Болдырев [4]. Украинский фактор в период гитлеровской оккупации Кубани и в особенности деятельность украинских националистов рассматривались украинскими авторами научно-популярных книг Р.П. Ковалем и М. Андрусяком. Эти авторы зачастую опираются на непроверенные данные [5]. Спорным является вопрос о существовании Козацкой повстанческой армии (КОПА) – кубанского филиала Украинской повстанческой армии. Информация о КОПА периодически появляется в украинской и российской прессе, однако документально подтвердить или опровергнуть существование этой организации пока не удается [6].

Национально-культурного движения украинцев Кубани в период после свертывания украинизации и распада СССР не наблюдалось. Даже когда не было какого-либо давления со стороны советской власти. Во время недолгой гитлеровской оккупации региона все «украинофильство» было представлено деятельностью В. Очерета (Барки), который вел украинскую колонку в местной газете «Кубань» (по другим сведениям, колонку вел доцент пединститута Бескровный) [7]. В газете был напечатан на украинском языке обличительный антисоветский очерк А. Кубанского «За что?», в фельетонах П. Нича содержались различные сплетни об И.В. Сталине. Печатались и коллаборационистские стихи, такие как «Над степом широким» П. Полтавченко, где говорилось о напрасной гибели советских солдат, а также лирические стихи И. Вершины и О. Олеся [8].

Вокруг Очерета и Бескровного сложилась небольшая группа украинофильской интеллигенции. В справке НКВД о ней говорилось так: «Оккупантами в Краснодаре была создана небольшая группа украинских националистов во главе с доцентом Краснодарского пединститута Бескровным. В эту группу входили: Очерет В.К. – доцент пединститута; Рымаревич В.В. – доцент пединститута; Василенко И.И. – преподаватель пединститута и др., всего 10 человек. Создав вышеуказанную группу и боясь влияния ее на отдельные слои населения Кубани, немцы до предела ограничили “деятельность” украинских националистов, определив их на незначительные посты в городских учреждениях. На группу была возложена украинизация кубанцев, предполагалось создать украинские школы, организовать разъезды по станицам бандуристов, вести агитацию, что кубанцы – это украинцы, и, главное, оказать действенную помощь немецкому командованию в формировании казачьих “добровольческих” частей. В целях популяризации кампании “добровольчества” немцев в окупационной газете “Кубань” учредили украинский отдел, руководство которого возложили на Бескровного» [9].

Существовала также театральная украинская труппа [10], созданная городской управой Краснодара при содействии немецкого командования, прежде всего, для обслуживания культурных нужд немецкого гарнизона. Труппа играла классический украинский репертуар с развлекательным уклоном:

«Запорожец за Дунаем», «Наталка-Полтавка», «Мать-наймычка» [11]. Сказывалась вполне реальная популярность на Кубани украинской песни и украинского театра, которой пользовались обе воюющие стороны [12]. После свертывания украинизации украинский театр в Краснодаре был воссоздан в 1938 г. под названием Краснодарского украинского музыкального драматического театра. С 14 октября 1941 г. театр стал передвижным, работал на фронтовых подмостках. С апреля 1944 г. был воссоздан в Краснодаре и просуществовал до начала 1950-х гг. при клубе УВД. Театр ставил пьесы как на украинском, так и на русском языках [13].

Мифологическая составляющая (точнее, составляющая медиалора – соединения информации, транслируемой СМИ, и народных представлений), относящаяся к деятельности украинских националистов, едва ли не значительнее, чем реальные факты. В научно-полярных работах, посвященных Козацкой повстанческой армии, она описывается как вооруженное формирование из нескольких сотен человек, которые вели партизанскую войну против советской власти в горах Горячеключевского района Краснодарского края и на сопредельных территориях Адыгейской АО после освобождения Кубани от фашистов (1943–1950 (!) гг.). В частности, отмечается, что в мае 1945 г. КОПА разгромила полк НКВД у Пшадских водопадов, уничтожив 200 бойцов, а 9 мая (!) освободила эшелон с политзаключенными на станции Гойтх. КОПА приписывается проведение таких масштабных дерзких операций вблизи важных транспортных и административных центров без каких-либо последствий для ее отрядов. Но от столь масштабной боевой деятельности не осталось ни источников, ни очевидцев, кроме ветерана УПА П. Василевского, воспоминания которого записал автор документально-художественных книг М. Андрусяк. Рассказ был включен в книгу «Братья просторов», которая получила в 2009 г. Народную шевченковскую премию [14]. Примечательно, что о КОПА ни разу не упомянул видный украинский историк В.И. Сергейчук, знаток документальной истории УПА, публикатор основных документов о сотрудничестве казаков различных войск с УПА [15].

Отмечены сообщения об участии в деятельности оккупационной администрации националистов с Западной Украины, которые осуществляли полицейские функции и занимались антисоветской пропагандой. Местное население воспринимало их как чужаков: немцев, румын и пр. [16]. Наличие службы украинских переводчиков-националистов на Кубани весьма достоверно и подтверждается собственно украинскими источниками. Также известен план проникновения ОУН(б) как можно дальше на восток, разработанный Е. Стахивым. Однако достоверных сведений о деятельности украинских националистов далее востока Украины нет. На востоке они активно работали не столько с местным населением, сколько с военнопленными, среди которых были кубанские казаки. И именно это могло послужить реальной основой для творчества М. Андрусяка [17].

Здесь необходимо отметить, что в современной украинской культуре научное, художественное творчество, журналистика не имеют столь жестких границ, как в русской, и нередко перетекают друг в друга. Нередко возникают

межжанровые коллажи, где реальные факты и материалы сливаются с вымыслом, чисто художественным либо пропагандистским, что очень активно способствует появлению текстов, жанрово близким к фолк-хистори [18].

Имеют место и мифологизированные рассказы некнижного происхождения об украинцах на Кубани в период оккупации. «В Краснодаре карателями были западенцы. Это они устраивали облавы на Сенном рынке. А как немцы ушли, их вешали в сквере со слоном. В кинотеатре "Кубань" был над ними суд», – рассказывает старожилка города Краснодара Э.С. Дьяченко [19]. Эти сведения прямо противоречат историческим фактам. В действительности в Краснодаре были судимы и казнены местные полицаи [20]. Здесь необходимо учитывать такую особенность народного сознания, как вынесение негативно воспринимаемых людей (предателей, просто аморальных людей) из числа своих, соотечественников [21]. И символическое отнесение их к представителям других этносов, особенно негативно воспринимаемых. Также нужно иметь в виду время записи интервью – 2014 г., когда опасность украинского национализма, особенно сильного на западе Украины, очень активно обсуждалась в СМИ.

Размах украинофильской деятельности в период оккупации совершенно несопоставим, например, с размахом роста влияния религиозных конфессий, деятельность которых была по-настоящему востребована населением [22]. Не столь активно, но гораздо более, чем украинизм, в период оккупации развивалось казачье движение [23]. Видно, что украинская идентичность и политическое мировоззрение были совершенно не актуальны для населения Кубани, хотя и имели в период оккупации все возможности для развития. В определенной степени обеими воюющими сторонами были востребованы неписьменные формы украинской художественной культуры (песня и театр). При этом в отдельных текстах медиалора украинский национализм на Кубани в годы оккупации приобрел несопоставимый с реальностью размах.

Примечания:

1. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М., 2004.
2. Крикунов П. Казаки между Гилером и Сталиным. М., 2006.
3. Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943). Майкоп, 2000.
4. Болдырев Ю.А. Художественная культура Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1996.
5. Коваль Р.М. Нариси з історії Кубані. Київ, 2004; Андрусяк М. Брати просторів. Київ, 2007.
6. Рошко Ю. Бандеровцы в горах Кавказа // Труд-Кубань. 2008. 25 декабря. С. 13; Малоизвестные страницы истории. «От Карпат по Кубань слышать голос "Восстаний!"». URL: http://censor.net.ua/forum/517751/maloizvestnye_stranitsy_istorii_ot_karpat_po_kuban_slyshat_golos_vosstaniyi (дата обращения: 11.02.2015).
7. Кринко Е.Ф. Указ. соч. С. 74.
8. Болдырев Ю.А. Указ. соч. С. 97–99.
9. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. М., 2008. Т. 4. Кн. 1. С. 279–280.
10. Еремеева А.Н. Культурная жизнь Кубани в XX веке. Краснодар, 2013. С. 64.

11. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 279–280.
12. Болдырев Ю.А. Указ. соч. С. 100, 103–104.
13. Стругова М. Р. Украинский театр на Кубани в первой половине XX века (по материалам КГИАМЗ) // Первые кубанские литературно-исторические чтения. Памяти Ф.А. Щербины. Краснодар, 1999. С. 84.
14. Рошко Ю. Указ. соч.; Малоизвестные страницы истории; Андрусяк М. Указ. соч.
15. Сергийчук В.И. ОУН-УПА в роки війни. Київ, 1996.
16. Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции (далее – ПМ КФЭЭ). Аудиокассета № 3754. Респондент Н.Я. Левченко, 1927 г.р., записана в станице Раздольной Кореновского района Краснодарского края 9 июля 2007 г. Интервьюер Н.Ф. Дианова.
17. Шанковський Л. Похідні групи ОУН. Причинки до історії похідних груп ОУН на центральних і східніх землях України в 1941–1943 рр. Мюнхен, 1958.
18. Васильев И. Специфика украинской культуры. URL: http://narodnazemle.ru/node/43 (дата обращения: 07.04.2015).
19. ПМ КФЭЭ. Полевой дневник исследователя С.Н. Рыбко. Респондент Э.С. Дьяченко, записан в городе Краснодаре 4 августа 2014 г.
20. Васильев И. Против человечности. URL: http://kuban.mk.ru/article/2013/05/15/853983-protiv-chelovechnosti.html (дата обращения: 07.04.2015)
21. Бондарь Н.И., Пилишина О.В. «Жид, жид, по веревочке бежит…». Некоторые аспекты системы ценностей русских и американцев // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1998 год. Дикаревские чтения (5): материалы регион. науч.-практической конф. Краснодар, 1999. С. 56, 62.
22. Кринко Е.Ф. Указ. соч. С. 80.
23. Крикунов П. Указ. соч. С. 207–235, 260–267.

А.Д. Койчуев

Спасение карачаевцами евреев в годы Великой Отечественной войны

В текущем году вся страна и прогрессивное человечество отмечают семидесятилетие великой и исторической Победы Советского Союза над фашизмом. Каждый юбилей является поводом для того, чтобы вернуться к этому величайшему не только в российской, но и в мировой истории событию, вспомнить, осмыслить то, какой ценой досталась эта победа советскому народу, в том числе и народам Карачаево-Черкесии.

Великая Отечественная война была самой тяжелой из всех войн, когда-либо пережитых нашей страной, и принесла жертвы всем народам СССР. По своим масштабам, степени ожесточенности и напряженности боевых действий, участию народных масс, по количеству использованной техники, людским и материальным потерям Великая Отечественная война превосходит все войны прошлого. Общие прямые потери советского народа за годы войны оцениваются почти в 27 млн чел. Из них 11 420 200 чел. составляют потери советских Вооруженных сил, остальные приходятся на мирное население СССР.

Общие безвозвратные потери Германии и ее сателлитов в годы Второй мировой войны составили 8 649 300 военнослужащих [1].

Не было в Советском Союзе ни одной семьи, которая бы на фронте не потеряла отца, брата или сестру. Не были исключением в этом отношении и народы Карачаевской и Черкесской автономных областей. Данные Карачаево-Черкесской республиканской «Книги Памяти» свидетельствуют, что 11 семей потеряли погибшими или пропавшими без вести на фронтах Великой Отечественной войны по 5 сыновей. Еще 30 семей потеряли по 4 сына, а 118 семей – по 3 сына [2]. Каково было многим матерям и отцам, потерявшим на фронтах Великой Отечественной войны по несколько сыновей сразу? Их боль нельзя измерить. Но факты остаются фактами, с ними ничего не поделаешь. Наши матери и отцы нашли в себе силы принять понесенные жертвы, переварить их в своем сознании, жить с таким грузом всю оставшуюся жизнь. Это возможно было только в нашей стране, у нашего многонационального народа, отдавшего жизни своих лучших представителей в борьбе за свободу и независимость Родины.

16 500 сыновей и дочерей карачаевского народа добровольно и по призыву ушли на фронт и с 22 июня 1941 г. по октябрь 1943 г. геройски сражались. Еще 2 тыс. чел. служили в тыловых частях и работали на военных заводах. 9 тыс. лучших представителей карачаевского народа погибли или пропали без вести на фронтах Великой Отечественной войны [3]. Многие сыны Карачая совершили героические подвиги. По нашим сведениям, более 24 чел. были представлены к присвоению высокого звания Героя Советского Союза. Однако удостоились звания Героя Советского Союза и Героя Российской Федерации лишь 11 чел., многие с большим опозданием, уже в связи с пятидесятилетием Великой Победы. Остальные не получили заслуженные награды в связи с тем, что были представителями репрессированного карачаевского народа, несмотря на то что они своими подвигами, кровью, потом, ценою своей жизни заслужили это [4]. Вызывает чувство гордости и то, что семь славных сынов Карачая в годы Второй мировой войны командовали крупными партизанскими отрядами, из них пять действовали на территории Белоруссии, один – на Украине и еще один – на территории Словакии.

Не меньший по значимости трудовой подвиг совершали мирные жители в тылу. Старики, подростки, женщины, заменив ушедших на фронт мужчин, работали на колхозных полях и фермах, на фабриках и в промышленных артелях, выпускали боеприпасы, помогали действующей армии, чем могли. Ущемляя самих себя и свои семьи, собирали и сдавали деньги в фонд обороны, отправляли на фронт продукты, теплую одежду, белье, посылали подарки фронтовикам к Новому году, ко дню Красной армии, к 1 мая и другим праздникам. Наличными деньгами с июня 1941 г. по ноябрь 1943 г. жителями Карачаевской автономной области было собрано 50 млн руб. и перечислено в фонд обороны страны. Если учесть, что танк Т-34 стоил 135 тыс. руб., то на денежные средства, собранные в Карачаевской автономной области, можно было построить более 370 танков [5].

Основная масса карачаевцев в период фашистской оккупации в меру своих возможностей боролась против врага. Одни сражались в рядах партизан

и подпольщиков, другие всячески помогали им, саботировали распоряжения фашистского оккупационного режима. Кроме того, в период оккупации территории Карачаевской автономной области, благодаря гуманизму, патриотизму и мужеству населения Карачая были спасены жизни многих советских людей, которых преследовали фашисты, в том числе и эвакуированных детей: евреев, русских, казахов, киргизов и представителей других народов СССР.

Люди до сих пор хорошо помнят старосту аула Верхняя Мара Ачахмата Эбзеева, прятавшего у себя дома разведчика Мурата Хутова и чекиста Локмана Узденова, старост аулов Нижная Теберда Каншау Эбзеева, Сары-Тюза Нори Мамчуева, защищавших интересы народа, атамана станицы Красногорской Мудалифа Айбазова, спасшего от расстрела ребят, помогавших местным партизанам.

Большую заботу проявили в Карачае о детях, эвакуированных из временно оккупированных врагом районов (Ленинграда, Крыма, Белоруссии, Украины). Они размещались в санаториях города Теберды, обучались в школах, а многие из них были усыновлены в карачаевских семьях и окружены родительской заботой. Так, работница детского санатория имени Розы Люксембург усыновила мальчика Колю. После освобождения от немецких захватчиков территории Карачаевской автономной области его отец прилетел на истребителе и забрал сына. Сотрудница санатория имени Боброва Хаджат Гаппоева спасла мальчика-еврея и его мать Веру.

В 1957 г., когда карачаевцы вернулись на историческую родину, пастухи нашли в полузасыпанной яме останки людей. Когда раскопали яму, то обнаружили в полуистлевшей одежде исписанную тетрадку директора Ленинградского детского дома Анны Николаевны Одинцовой, которая сопровождала ребят. В ее дневнике были описаны трагические события – то, как они уходили от фашистов из дивизии «Эдельвейс», как пастух-карачаевец Хусей Лайпанов спас 45 детей-евреев, а сам при этом погиб. Работницы санатория имени Семашко спасли двух близнецов-евреев [6].

Нюрджан Алботова из аула Каменномост, который расположен рядом с городом Карачаевском (до 1943 г. – Микоян-Шахар) удочерила пятимесячную девочку Люсю из Ленинграда. В 1943 г. она была эвакуирована из Ленинграда вместе с другими детьми. У Нюрджан муж к этому времени погиб на фронте, а единственная дочка умерла, она осталась одна. И когда узнала, что есть дети, эвакуированные из блокадного Ленинграда, сразу побежала и взяла пятимесячного ребенка, чтобы девочка заменила ей родную дочь. Нюрджан и растила Люсю, как свою дочь. Сама недоедала, нуждалась в одежде, но новую дочку всегда находила, чем накормить, во что одеть.

2 ноября 1943 г. на Карачай нагрянула неожиданная беда. Все карачаевцы – женщины, дети, глубокие старики, вернувшиеся с фронта инвалиды Великой Отечественной войны – с минимумом вещей в течение нескольких часов были погружены в телячьи вагоны и депортированы в Среднюю Азию и Казахстан. Сталинская тоталитарная система, представленная Л.П. Берией и первым секретарем Ставропольского крайкома ВКП(б) М.А. Сусловым, обвинила карачаевский народ в немыслимых грехах – в массовом предательстве в период

оккупации фашистами территории Карачаевской автономной области. Новая мама Н. Алботова сберегла Люсю даже в условиях ГУЛАГа в Киргизии, тогда как во время депортации от голода и эпидемий болезней погибли 23 тыс. карачаевских детей. Н. Алботова вместе со всем карачаевским народом вернулась на историческую родину в 1957 г. и поселилась с дочерью в том же ауле Каменномост. Люся по-прежнему живет с карачаевскими родственниками и вспоминает свою вторую маму Нюрджан: «Она меня любила больше, чем свою родную дочь. Она меня, пятимесячного ребенка, спасла от верной гибели, выходила, растила в неимоверно трудных условиях депортации, я для нее была смыслом всей жизни. Мама Нюрджан умерла в 1993 г. Я вышла замуж за карачаевца. Но вскоре и муж умер». Люся одна вырастила двух сыновей: «Сейчас они взрослые, являются отцами своих семейств. Я люблю карачаевцев, они добродушные люди. Сейчас не мыслю другой жизни без них. Да и сама стала карачаевкой» [7].

Семья Сеит-Батдала и Разимхан Чомаевых работала в школе аула Учкекен Малокарачаевского района. Он был директором, а супруга – учительницей. Когда началась война, Сеит-Батдал добровольно ушел на фронт. Разимхан одна воспитывала четырех детей. Когда в село привезли эвакуированных из Ленинграда детей, то многодетная мать взяла на воспитание еще пятерых. Весь период оккупации мужественная мать кормила и воспитывала всех девятерых детей, не разделяя их на своих и чужих. Хотя фашисты не раз вызывали ее на допрос, она не выдала детей и спасла от верной гибели [8].

«И вовек не забудутся их выразительные, полные сострадания глаза, их старческие и молодые руки, которые давали мне выпить кружку айрана или съесть кусок лепешки, испеченной для своей (обычно многодетной) семьи. Если быть точнее, они давали мне шанс на спасение, на жизнь», – писал о карачаевцах бывший детдомовец из Евпатории, чудом выживший в те суровые годы, а позже ставший ленинградским писателем, – Юрий Логинов, несколько раз приезжавший в Теберду к своим спасителям. Он умер совсем недавно. Эти же факты подтверждает в своем письме Вера Михайловна Лакшина, бывший главный врач санатория имени Крупской. Она сообщает, что дети не умерли с голоду потому, что население окрестных аулов снабжало детские санатории продуктами питания [9].

«Оставляем слабеющих детей в семьях горцев в аулах Верхняя Мара, Учкекен, Первомайский. Кормят нас горцы. Без их помощи нам бы не выжить», – писала в своем дневнике А.Н. Одинцова, сопровождавшая эвакуированных из блокадного Ленинграда детей [10]. Но карачаевцы спасали от верной гибели не только детей, но и взрослых. Так, весь период оккупации в доме Хадижат Канаматовой в Теберде скрывалась учительница из Днепропетровска еврейка Софья Абрамовна Голод. После войны она вернулась к себе на родину и долгое время поддерживала тесную связь с семьей Канаматовых.

Семья Шамаила и Фердаус Халамлиевых в Теберде спасла от неминуемой гибели сестер-евреек Брониславу, Фаину и Марию Гейдеман. Они приехали в Карачай в 1941 г., после эвакуации из города Киева. Бронислава устроилась на работу в госпиталь, младшие сестры учились в педагогическом институте

в Микоян-Шахаре. В августе 1942 г., когда немцы дошли до Карачая, они решили вместе с госпиталем эвакуироваться вслед за частями Красной армии в Сухуми. Но перейти через перевал Клухори не успели, немцы заняли Теберду. Девушек нашел в лесу сын Халамлиевых Мухтар, водитель грузовой автомашины, и привез их домой. Все полгода оккупации они жили в этой семье. Их прятали в дальнем коше в ущелье Джамагат. Кто-то донес на Халамлиевых, но ни угроза, ни истязания не заставили их сдать фашистам новых дочерей.

После депортации карачаевцев благодарные сестры Гейдеман в 1944 г. оформили справку о том, как им спасла жизнь семья Халамлиевых, и разыскали своих спасителей в ссылке. Мария специально ездила к Халамлиевым в Киргизию. Позже сестры долгое время жили в Киеве, но продолжали переписываться со своими спасителями, не порывая связь. Сейчас их уже нет в живых, но подвиг семьи Халамлиевых не остался незамеченным. 2 февраля 1994 г. на заседании комиссии по определению Праведников мира при управлении по увековечению памяти жертв Холокоста в Яд Вашеме, на основании приведенных свидетельств, было принято решение выразить благодарность и оказать почтение Шамаилу и Фердаус Халамлиевым и их сыновьям Мухтару и Султану, которые в годы Холокоста в Европе, рискуя жизнью, спасли евреев от преследований. Позже семье Халамлиевых была вручена медаль Праведников мира. Также их имя увековечено на Доске почета в аллее Праведников мира в музее Яд Вашем в Израиле.

Карачаевцы спасали детей и взрослых от немецких фашистов не только в Теберде. Так, супруга горного инженера Махмуда Чеккуева, ушедшего добровольцем на фронт и погибшего в 1942 г., в период фашистской оккупации в Микоян-Шахаре прятала у себя дома еврейку Розалию Вульфовну Юровскую, эвакуированную из Ставрополя. Мусса Узденов, житель города Усть-Джегута, спас еврейского юношу, назвав своим родственником. Пожилой мужчина из аула Архыз спас от расстрела еврейскую семью. В ауле Старая Джегута карачаевец Къады Бытдаев, рискуя жизнью, прятал в своем доме четырех красноармейцев и двенадцать евреев. В ауле Сары-Тюз мать троих детей, супруга фронтовика Мухаммата Койчуева Нану, в августе – сентябре 1941 г. приняла в свою семью и содержала в доме семь еврейских девочек 9–12 лет, эвакуированных из Житомира. Ее соседка Ханымсат Доюнова, проводившая на фронт защищать Родину своих пятерых сыновей, принесла из дома для девочек матрацы, одеяла, подушки, постельное белье и устроила в одной из комнат дома Нану Койчуевой спальню. Девочек кормили картошкой, карачаевскими гырджыном (хлебом), хычынами, айраном, молоком, фруктами. За два месяца жизни у Нану и ее соседей истощенные дети поправились и окрепли. Они так привыкли к новой многодетной маме Нану, что при прощании обнимали ее, говорили со слезами: «Мы вас никогда не забудем, вы наша вторая мама». Недалеко от дома Койчуевых в семье Узденовых в том же ауле жили пять еврейских мальчиков. Они часто встречались с девочками и играли вместе. Жители аула Сары-Тюз организовали обоз для этих и других детей и через перевал Гум-Башы отвезли их в Кисловодск для дальнейшей эвакуации в глубокий тыл, когда нависла угроза оккупации Северного Кавказа.

В целом карачаевцы в тяжелое для всего советского народа время спасли жизнь более 200 евреев – детей, взрослых, красноармейцев. О других подобных фактах спасения карачаевцами эвакуированных детей и взрослых пока неизвестно, т.к. они старались не афишировать свои благородные поступки. Карачаевцы не думали, что они совершили героические поступки, считали, что поступают по-человечески, по-горски, выполняли свой интернациональный долг. Сделали то, что сделали бы, окажись на их месте, русские, евреи и представители других народов. Это и есть интернационализм по-карачаевски.

Примечания:

1. Люченко Д.С. Основные итоги и уроки второй мировой войны // Великая Победа. Итоги и уроки. СПб.; Пушкин, 2006. С. 223–224.
2. Подсчитано автором по: Книга Памяти. Карачаево-Черкесская Республика. Черкесск, 1995.
3. Койчуев А.Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны. Ростов н/Д, 1998. С. 305.
4. Койчуев А.Д. Славные сыны Карачая. Карачаевск, 1998. С. 109.
5. Алиева С.К. Помощь тыла фронту в годы Великой Отечественной войны. Карачаевск, 2002. С. 11–12.
6. Койчуев А.Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны… С. 437–439.
7. Койчуев А.Д. Не считая за подвиг // Экпресс-почта. Черкесск, 2010. 21 апреля.
8. Койчуев А.Д. Спасали детей и взрослых, не считая это за подвиг // Минги тау (Эльбрус). Карачаевск. 2010. № 6. 16 апреля.
9. Логинов Ю. Боль моя, Карачай // Социалистическая индустрия. 1989. 14 июня.
10. Койчуев А.Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг… С. 424.

С.В. Януш

О вопросах сопротивления немецко-фашистской оккупации на Северном Кавказе

Уже семьдесят лет назад отгремели сражения Великой Отечественной войны, но в ее истории остается немало «белых пятен». Среди них и партизанское движение на Северном Кавказе. Эта тема привлекала внимание многих исследователей [1]. Тем не менее масштабы и эффективность действий партизанских формирований недостаточно изучены. Многие работы опирались на газетные публикации и воспоминания участников, что привело к завышению количества партизанских отрядов в 1,5–2 раза.

Для объективной оценки партизанского движения, безусловно, требуется использование архивных документов. Например, в Центре документации новейшей истории Ставропольского края (далее – ЦДНИСК) имеется специальный фонд, в котором представлены материалы о деятельности партизанских отрядов. Здесь хранятся материалы краевого штаба партизанского движения, списки

личного состава партизанских отрядов, наградные листы и характеристики, списки убитых и без вести пропавших и другие документы 1942–1943 гг. [2]. Помимо них фонд включает и материалы, собранные в послевоенный период, в частности письма и заявления трудящихся по вопросам партизанского движения, требующие критического изучения, сопоставления с другими источниками [3].

Советские руководители с начала войны призвали превратить страну в единый народный лагерь, развернуть всенародную борьбу в тылу врага. Однако эти указания не были распространены на прифронтовые районы, которым угрожало немецкое вторжение. С осени 1941 г. к таким регионам относился и Северный Кавказ. В течение первого года войны здесь формировались резервы, проводились мероприятия по созданию групп самозащиты, кавалерийских отрядов самообороны для борьбы с возможными парашютными десантами, строились оборонительные рубежи.

О состоянии партизанского движения на большей части Северного Кавказа (за исключением Краснодарского края, входившего в зону действий Черноморской группы войск) дает представление донесение начальника 4-го отдела политуправления Северной группы войск Закавказского фронта батальонного комиссара Богословского от 7 октября 1942 г. (см. таблицу).

Состав партизанских отрядов на Северном Кавказе в полосе Северной группы войск Закавказского фронта 7 октября 1942 г. [4]

Регион	**Кол-во отрядов**	**Общая численность**	**Партийность**			**Женщин**
			Коммунистов	**Комсомольцев**	**Беспартийных**	
1	2	3	4	5	6	7
Кабардино-Балкарская АССР	11	763	635	31	97	15
Осетинская АССР	7	704	603	27	74	21
Чечено-Ингушская АССР	16	677	508	48	121	36
Орджоникидзевский край	18	410	266	44	100	15
Итого	52	2554	2012	150	392	87

Особенности формирования партизанских отрядов в Орджоникидзевском (в настоящее время – Ставропольском) крае раскрывает докладная записка секретаря крайкома партии М.А. Суслова в ЦК ВКП(б) от 8 сентября 1942 г. В ней сообщается: «Большое внимание крайком ВКП(б) уделил подготовке к развертыванию партизанского движения. План организации партизанского движения был разработан и принят крайкомом 22 июля 1942 года. В этом плане было предусмотрено организовать партизанские отряды в каждом районе и городе. Помимо этого началось комплектование диверсионно-разведывательных групп и выделение коммунистов и комсомольцев для подпольной работы в тылу врага». Далее М.А. Суслов отмечал: «Географические условия края

(степь) потребовали тщательного подхода к выбору партизанских баз. Такие базы были намечены в северо-восточных районах края, районах Карачаево-Черкесской области и Кизлярском округе. Для практического осуществления намеченного крайкомом плана было проведено несколько кустовых совещаний с первыми секретарями РК ВКП(б) и начальниками РО НКВД». Как видно из документа, реальная подготовка партизанских формирований началась лишь тогда, когда уже практически шло немецкое наступление на сальском, ставропольском и краснодарском направлениях, после прорыва линии обороны войск Южного фронта в нижнем течении Дона.

В документе говорится о сложностях становления партизанского движения: «Создавшаяся в первых числах августа обстановка не предоставила возможности полностью осуществить намеченную крайкомом партии программу. В городах (Ворошиловске, Кисловодске) и в ряде районов (Молотовском, Курсавском, Невинномысском и др.) организация партизанских отрядов к приходу немцев была не закончена. В некоторых районах, таких как Ессентукский, Георгиевский, Степновский, Курской, Наурский, Солдатско-Александровский, Горячеводский, Новоселицкий, отряды хоть и были подобраны, но при приближении врага проявили неустойчивость, поддались панике, ушли от своих баз, переправившись на южный берег Терека, где и были разоружены частями Красной армии и распущены» [5].

Тем не менее в большинстве районов партизанские отряды были созданы, вооружены и организованно ушли на базы, куда предварительно были доставлены необходимые запасы продовольствия. Руководителями отрядов – командирами и комиссарами – становились, как правило, секретари горкомов ВКП(б), председатели исполкомов, райсоветов, начальники политотделов. Каждый руководитель отряда персонально утверждался крайкомом ВКП(б). Непосредственное руководство партизанскими отрядами осуществляли штабы, созданные крайкомом партии. «За истекший месяц, – завершал доклад первый секретарь крайкома, – партизанские отряды уже приобрели некоторый опыт разведывательной работы в тылу врага. Отдельные отряды вступали в боевые действия с мелкими группами противника (Карачай, Каясула, Терекли-Мектеб). Краевой комитет ВКП(б) принимает меры к дальнейшей активизации партизанских отрядов в крае» [6].

Примерно в таком же положении находились партизанские отряды и других регионов Северного Кавказа. Неправильная оценка военно-стратегической ситуации на южном фланге советско-германского фронта летом 1942 г., отсутствие единого центра партизанского движения в стране, запаздывание с формированием партизанских отрядов и баз – все это сказалось на первом этапе развития партизанского движения на Северном Кавказе в августе – первой половине сентября 1942 г.

Боевое крещение прошли отряды Апанасенковского, Ипатовского, Левокумского, Дмитриевского, Благодарненского, Воронцово-Александровского районов Ставрополья. 18 августа в районе хутора Ново-Гражданского произошел бой между батальоном немецкой мотопехоты и Гофицким отрядом, руководимым Н.Ф. Гноевым и И.Г. Анисимовым: 20 партизан вступили

в смертельную схватку с 300 вооруженными гитлеровцами. Ценой своей гибели отряд прикрыл от внезапного нападения части Красной армии и эвакуацию в тыл техники, имущества и скота [7].

В это время партизаны Западной группы Ставрополья действовали на территории Черкесской и Карачаевской автономных областей, участвуя в боях за перевалы Кавказского хребта. Они минировали дороги и мосты, устраивали завалы на горных дорогах и тропах, нередко вступали в открытый бой. Более 5 ч сражался с врагом у базы «Гоначхир» отряд «Мститель», уничтоживший более 90 немецких солдат. В бою за Марухский перевал отличилась партизанская группа во главе с заместителем командира отряда Н.Т. Луценко, почти полностью истребившая вражескую роту [8].

Партизанские разведчики добывали сведения о противнике для воинских частей. По заданию советского командования партизаны Прохладненского района Кабардино-Балкарской АССР под руководством П.П. Грицая в конце августа 1942 г. произвели разведку на Эльбрусе, установили количественный состав и расположение войск 1-й немецкой горнострелковой дивизии «Эдельвейс». Эти сведения помогли 37-й армии уничтожить прорвавшиеся на Эльбрусский перевал подразделения противника [9].

В конце сентября 1942 г. был издан приказ И.В. Сталина № 00 189, потребовавший усилить организацию и руководство партизанским движением, превратить его в массовое движение в тылу противника. Меры, предпринятые советским правительством, способствовали активизации партизанского движения на Северном Кавказе. В донесении начальнику политотдела Северной группы войск Закавказского фронта бригадному комиссару Надоршину от 7 октября 1942 г. сообщалось, что в полосе фронта данной группы в тылу противника действовали 22 партизанских отряда с общей численностью в 816 чел. Бойцы партизанских отрядов в основном были вооружены винтовками. Лишь в некоторых отрядах имелись пулеметы, противотанковые ружья, минометы. Боеприпасами, судя по документам, отряды были более или менее обеспечены.

Вместе с тем партизанское движение на Северном Кавказе испытывало серьезные трудности. И. Храмков писал в докладной записке «О действиях партизанских отрядов Карачаево-Черкесской группы и недостатках в руководстве отрядами со стороны сводного штаба» 12 апреля 1943 г.: «Ставропольские отряды (Новоалександровский, Егорлыкский, Изобильненский, Труновский, Молотовский) и Карачаево-Черкесские потеряли продовольствие еще в начале своей деятельности. Проводимая работа по формированию, обмундированию, вооружению и продовольственному снабжению была так плохо налажена, если не сказать, что почти вся она была провалена! Исправить все это самим отрядам не представлялось возможным, требовалась помощь как Южного, так и Краевого штабов партизанского движения. Но этой помощи не было оказано, да и решительных мер к этому никем не было предпринято» [10].

В соответствии с приказом народного комиссара обороны «О задачах партизанского движения» от 5 сентября 1942 г. на фронтах были созданы штабы партизанского движения, на которые возлагалась задача по координации действий партизанских отрядов на передовой. Это позволило проводить

совместные рейды регулярных частей и партизанских отрядов по вражеским коммуникациям и гарнизонам. Так, с 10 октября по 4 ноября 1942 г. отряды Восточной группы Ставрополья действовали совместно с 4-м гвардейским казачьим кавалерийским корпусом, который наносил удар по левому флангу и тылам 1-й немецкой танковой армии. В боях под Владимировкой и Ачикулаком партизаны подбили 7 танков, более десятка автомашин и мотоциклов, вывели из строя сотни немецких солдат. Здесь отличились партизанские командиры и бойцы: И.П. Морозов, С.Ф. Федотов, Г.И. Ивантеев, И.А. Яшин, И.А. Базь. В этих боях погибли командир отряда А.Г. Однокозов, партизаны М.А. Железняк, М.С. Ашихмин, И.П. Бахтинов и др. [11].

Эти события составили второй этап партизанского движения на Северном Кавказе, который характеризовался относительно временной стабилизацией фронта в предгорьях Кавказа (конец сентября – декабрь 1942 г.). Группа комсомольцев отряда «Буря» из станицы Ахтырской Краснодарского края в ночь на 7 ноября 1942 г., преодолев три ряда колючей проволоки и минные поля, взорвала склад с нефтепродуктами и забросала нефтяные вышки бутылками с горючей жидкостью. В течение трех суток полыхало пламя пожара на Ильинских нефтепромыслах. За эту смелую операцию комсомольцы Е.А. Медведюк, Б.Г. Рубайло и А.Х. Эфимиади были награждены орденом Красной Звезды [12].

В постановлении бюро Ростовского обкома в ноябре 1942 г. отмечалось: «Партизанский отряд (Вешенского района) обеспечен всем необходимым, за исключением некоторых продуктов. По заданию Военного совета армии диверсионная группа отряда взорвала военный объект – штаб румынского полка, за что получена благодарность командования…» [13].

19 ноября 1942 г. на бюро Орджоникидзевского крайкома партии обсуждался вопрос «О действиях партизанских отрядов Восточной группы края». Отмечалось укрепление партизанского движения. Вместе с тем главным недостатком в его развертывании признавалось то, что оно «не охватило еще широких масс населения оккупированных районов. Партизанские отряды имеют еще скромный счет истребленных ими гитлеровцев. Отдельные отряды (Кумская группа) не провели ни одной боевой операции» [14].

Партизаны Краснодарского края, нарушая вражеские коммуникации, подорвали 14 эшелонов с войсками и грузами, взорвали 20 железнодорожных и 37 шоссейных мостов, привели в негодность 72 км телефонно-телеграфных проводов полевого кабеля, уничтожили 206 автомашин с войсками и военными грузами, 8 бронемашин, 1 танк.

Третий этап партизанского движения на Северном Кавказе охватывает период с января по октябрь 1943 г. Его главным содержанием было оказание помощи войскам Красной армии в освобождении региона. Партизанские отряды Краснодарского соединения сражались вместе с советскими частями за освобождение Краснодара, Абинской, Ахтырской, Пашковской, Новотитаровской, Смоленской, Усть-Лабинской и многих других кубанских станиц. Партизаны отряда им. братьев Ипатовых в январе 1943 г. 28 раз переправляли через реку Афипс, доставляя воинским частям, сражавшимся за освобождение Краснодара, боеприпасы и продовольствие [15].

30 декабря 1942 г. был создан штаб партизанского движения при Орджоникидзевском крайкоме партии, который находился в Кизляре. Его возглавил первый секретарь крайкома М.А. Суслов, секретарь крайкома М.И. Золотухин стал комиссаром Восточной группы отрядов, И.П. Храмков – командиром Западной группы. Активно действовала Северная группа партизанских отрядов края. В течение декабря она провела ряд успешных боевых операций. В связи с началом наступления Красной армии было дано указание отрядам выдвигаться на оккупированные территории [16].

11 января 1943 г. Военный совет Закавказского фронта своей директивой поставил задачи Краснодарскому краевому штабу партизанского движения нарушать действия майкопской, краснодарской и новороссийской группировок противника. Для этой цели партизанским отрядам предлагалось постоянно разрушать железнодорожное полотно на участках: Армавир – Белореченская – Хадыженская; Краснодар – Крымская – Новороссийск; Крымская – Ворошиловское – Сенная. Причем разрушения следовало производить с учетом быстрого восстановления при выходе советских войск в эти регионы.

Итоги партизанского движения на Северном Кавказе подведены в «Докладе о боевой деятельности партизанских отрядов на период с августа 1942 года по февраль 1943 года», направленном в конце 1943 г. начальнику Центрального штаба партизанского движения П.К. Пономаренко. В документе сообщается, что на территории Орджоникидзевского края на 1 января 1943 г. было 27 действующих партизанских отрядов с общим количеством 922 чел. За время боевых действий было уничтожено (убито и ранено) 30 офицеров и 970 солдат противника, 100 изменников Родины. Партизаны захватили и уничтожили 25 автомашин, 6 танков, 3 бронемашины и 1 самолет [17].

Очевидно, что эффективность партизанского движения была бы значительно выше, если бы командование Северо-Кавказского и Закавказского фронтов не допустили отставание в наступлении от отходивших сил противника. Следует отметить, что в этот период население оккупированных территорий оказывало поддержку партизанским отрядам: снабжало их продовольствием и обмундированием, иногда оружием.

Чтобы затруднить формирование партизанских отрядов, их связь с местным населением, оккупанты терроризировали и запугивали жителей городов и сел. Они расстреливали всех тех, кто оказывал содействие партизанам. Так, в июле 1942 г. был расстрелян директор Михайловской школы Ростовской области, который призывал колхозников вступать в ряды народного ополчения, идти в партизанские отряды [18]. Житель города Таганрога Н.Г. Саенко в декабре 1942 г. записал в дневник: «Вывешен приказ или объявление о том, что 25 числа было совершено нападение на немецкого офицера, поэтому взято и расстреляно из подозрительных лиц 10 человек. Надо полагать, что коммунистов» [19].

Таким образом, борьба с фашистами проводилась различными методами и средствами. Большие трудности в проведении партизанских операций были связаны с недостаточной подготовленностью баз и отрядов, дислокацией их в горнолесной зоне, в связи с близостью линии фронта. Жестокость немецко-

фашистских оккупантов стала мощным фактором, побуждавшим народы Северного Кавказа делать для победы все, что возможно. Сокрушительное поражение вермахта под Сталинградом и на Кавказе, а также партизанская борьба ускорили освобождение региона.

Примечания:

1. Саренц Р.Г. Непокоренный край. Ставрополь, 1962; Иванов Г.П. В тылу врага. Исторический очерк. Майкоп, 1959; Его же. В тылу прифронтовом. Партизанское движение на Северном Кавказе. М., 1971; Грудцина А.В. Кабардино-Балкарские партизаны в борьбе против гитлеровских захватчиков в 1942 году // История СССР. 1962. № 3; Народный подвиг в битве за Кавказ. М., 1981; Гнеушев В.Г., Попутько А.Л. Партизанский заслон. Ставрополь, 1985 и др.
2. ЦДНИСК. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1.
3. Там же. Д. 48, 61, 63.
4. ЦДНИСК. Ф. 69. Оп. 1. Д. 66. Л. 8.
5. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р-1852. Оп. 1. Д. 2. Л. 35–36.
6. Там же. Л. 37.
7. См.: Очерки истории Ставропольского края. Т. 2. Ставрополь. 1986. С. 239.
8. Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов. Ставрополь, 1962. С. 208–209.
9. Гречко А.А. Годы войны. 1941–1943. М., 1976. С. 216.
10. ЦДНИСК. Ф. 69. Оп. 1. Д. 419.
11. Очерки истории Ставропольского края. Т. 2. С. 240.
12. Гречко А.А. Указ. соч. С. 216.
13. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 354. Л. 202.
14. ЦДНИСК. Ф. 69. Оп. 1. Д. 419.
15. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 17а. Л. 58.
16. ЦДНИСК. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–5.
17. Там же. Д. 66. Л. 35.
18. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д 12. Л. 4.
19. Там же. Д. 447. Л. 7.

И.О. Тюменцев

История Нефтегорского соединения партизанских отрядов Кубани в повести Ф.С. Готьвана и воспоминаниях партизан

Прошло более семидесяти лет, с тех пор как Западный Кавказ стал ареной одного из крупных сражений Второй мировой войны – Туапсинской операции (август 1942 – январь 1943 гг.), которая до сих пор остается в тени Сталинградской битвы и Малой Земли. Воины Красной армии, моряки, партизаны остановили врага на перевалах Главного Кавказского хребта, не позволили прорваться в Закавказье и решить исход войны в свою пользу. Вермахт, остро нуждавшийся в нефтепродуктах для продолжения войны, так и не смог

получить грозненскую и майкопскую нефть, несмотря на то что их территории были захвачены и полгода находились в руках врага.

Уходит поколение, выигравшее Великую Отечественную войну 1941–1945 гг., пытавшееся по мере сил, возможностей и умения рассказать детям, внукам и правнукам о пережитом. Молодые же в своем стремлении выйти из-под опеки родителей часто пропускали мимо ушей эти рассказы, поэтому многое забылось: стерлись из памяти имена, географические названия, отдельные события, сбилась хронология. Подвижники из ветеранов и краеведов пытались зафиксировать факты жизни уходящего поколения, но значительная часть этих материалов до недавнего времени оставалась неизвестной, т.к. хранилась в семьях или среди рукописных материалов прошлых лет в местных библиотеках и архивах. Единственная возможность сохранить эти воспоминания – сделать их доступными широкому кругу читателей. Все вышесказанное целиком и полностью относится к истории Нефтегорского соединения партизанских отрядов Кубани, непосредственно действовавшего на Туапсинском направлении.

В 2000 г. бывший директор средней школы станицы Кабардинской, блестящий знаток истории родного края и создатель одного из лучших школьных музеев в Краснодарском крае, Анатолий Ильич Поддубный, пытаясь заинтересовать меня проблемами местной истории, передал мне уникальные материалы о прошлом края из своего личного архива. Среди них оказалась рукопись неопубликованной книги начальника штаба Нефтегорского партизанского соединения Ф.С. Готьвана, которая представляет значительный интерес для изучения истории партизанского движения на Кубани.

Федор Степанович Готьван родился в 1 мая 1903 г. в семье иногородних в станице Нефтяной. Отец и мать были бедняками, поэтому Ф.С. Готьван с детских лет был вынужден работать сначала пастухом, затем ночным дежурным в управлении Английской нефтяной концессии. В 14 лет вступил в комсомол. С 1921 г. служил в отряде частей особого назначения. Громил партизанские отряды белых и зеленых в горах Западного Кавказа. Вступил в ВКП(б). Работал парторгом в Сальске, затем на строительстве Ростсельмаша в Ростове-на-Дону, где окончил Высшую партийную школу. В 1937–1939 гг. работал парторгом ЦК в тресте «Хадыженнефть». С 11 апреля 1941 г. по 24 января 1946 г. – первый секретарь Нефтегорского райкома ВКП(б). В 1941–1943 гг. был начальником штаба Нефтегорского партизанского соединения. После освобождения от должности первого секретаря райкома в конце 1950-х гг. работал в нефтегазодобывающем управлении «Хадыженнефть». В 1963 г. вышел на пенсию и занялся литературным трудом. В 1967 г. тяжело заболел. Умер в 27 апреля 1975 г., похоронен в Хадыженске.

В начале 1960-х гг. коллектив Хадыженской городской библиотеки, где в то время работала моя мама Валентина Кирилловна Тюменцева, начал собирать материалы по истории города: воспоминания, фотографии, документы ветеранов Гражданской войны, первых коммунистов и комсомольцев, нефтяников-первопроходцев. Вспомнили и о партизанах Великой Отечественной войны и собрали их на первую после войны встречу в читальном зале библиотеки.

Моя бабушка Мария Ивановна Панкова, медсестра 3-го Нефтегорского партизанского отряда им. Железняка, пришла с этой встречи расстроенной, т.к., по ее словам, «все переругались», рассказывая каждый свою версию событий. Тем не менее библиотекарям удалось собрать альбом по истории города Хадыженска, куда вошли воспоминания, фотографии, документы, в том числе и партизан Нефтегорских отрядов [1].

Первая встреча партизан и записи их воспоминаний, сделанные сотрудниками городской библиотеки, подвигли некоторых ветеранов взяться за перо и описать пережитое. Так родились краткая версия мемуаров Ф.С. Готьвана «Фашисты нефть не получили», а также воспоминания А.В. Верещагина [2], М.Д. Рыжих, Н.Л. Якубы, А.С. Ржевского, рукописи которых находятся в библиотеках [3] и школьных музеях Хадыженска и станицы Кабардинской, а также в архивах Апшеронска [4] и Краснодара [5].

Ф.С. Готьван, как истинный партийный работник, не мог остаться в стороне от начатого дела и задумал написать книгу, в которой попытался не просто рассказать о пережитом, а обобщить опыт партийно-политической работы в партизанских отрядах и в тылу врага. Литературным образцом ему явно послужила чрезвычайно популярная в советское время книга Д.А. Фурманова «Чапаев» [6].

Анализ текста книги обнаруживает, что дневников Ф.С. Готьван не вел, поэтому хронологию событий восстанавливал по своим донесениям в Краевой и Южный штабы партизанского движения, которые разыскал в краевом партийном архиве (в настоящее время – Центр документации новейшей истории Краснодарского края, далее – ЦДНИКК) [7], и по памяти. Сопоставление текстов донесений и книги Ф.С. Готьвана обнаруживает прямые заимствования. Сравнение текстов книги и записок партизан также обнаруживает прямые заимствования (особенно много взято у М.Д. Рыжих) и знакомство с воспоминаниями других партизан (например Н.Л. Якубы, Р.П. Петренко, А.С. Ржевского и др.). Но это не было слепым копированием чужих текстов. Воспоминания партизан использовались в качестве своеобразной основы для собственных воспоминаний, воспроизведения по памяти рассказов других партизан и, главное, изложения своей версии событий, которая представляет значительный интерес, т.к. автор имел доступ к секретной информации, что позволяло глубже оценивать происходящее.

Моя бабушка М.И. Панкова рассказала мне об обсуждении рукописи книги Ф.С. Готьвана на собрании ветеранов-партизан и о том, что воспоминания вызвали неоднозначные оценки у непосредственных участников событий. Ветераны были недовольны тем, что автор сильно исказил их рассказы и приукрасил пережитое, а кое-кого и обидел. Действительно, Ф.С. Готьван написал не мемуары, а историко-литературную повесть, в которой попытался обобщить опыт партийно-политической работы по организации и руководству одним из крупных партизанских соединений, а заодно напомнить о себе тогдашним руководителям Кубани и главе Госплана СССР Николаю Константиновичу Байбакову.

По воспоминаниям моих родителей В.К. и О.П. Тюменцевых, друживших с проживавшим в то время в Хадыженске знаменитым кубанским писателем

Анатолием Дмитриевичем Знаменским, Ф.С. Готьван обращался к нему с просьбой выполнить литературную редакцию рукописи. Их сотрудничество довольно быстро прервалось. Слишком сильно отличались их политические взгляды и литературные вкусы. Написанная сталинским секретарем райкома партийная историко-литературная повесть явно не вписывалась в публицистику хрущевской «оттепели» и не могла не вызвать отторжения у отсидевшего в лагерях срок по политической статье А.Д. Знаменского.

Попытки опубликовать книгу, предпринятые в 1960-х гг., закончились неудачей. Райком партии не разрешил автору издать свой труд, т.к. в нем многое не соответствовало истине. Ф.С. Готьван остро переживал неудачу с публикацией книги. В конце концов он, видимо, внял советам и решил переработать историко-литературный текст в мемуарный. Он выбросил из книги обширные диалоги, убрал второстепенные сюжеты и дополнил текст воспоминаниями партизан Апшеронского партизанского отряда С.С. Жукова и О.А. Ляшевой. В результате появилась сокращенная редакция воспоминаний Ф.С. Готьвана «Бои за Родину, за нефть: организация партизанских отрядов в Нефтегорском и Апшеронском районах». Но и этот текст не был опубликован. Окончательный вариант текста хранился в семье сына Федора Степановича Евгения и затем, по словам его вдовы Надежды Ивановны, исчез. В нашем распоряжении оказался лишь дефектный черновик этой рукописи [8].

В 1967 г. накануне празднования 50-летия советской власти совет ветеранов города Хадыженска готовил публикацию сборника воспоминаний ветеранов Гражданской и Великой Отечественных войн «Поколение октября». Ф.С. Готьван приготовил для этого сборника описание боя под Гунаем 25–27 сентября 1942 г. [9], но и этот сборник остался лишь в дефектной рукописи, которая хранится в средней школе № 15 города Хадыженска.

Ф.С. Готьван безуспешно пытался заручиться поддержкой в издании мемуаров, заболел сахарным диабетом, перенес тяжелую операцию и умер, так и не дождавшись выхода в свет своего труда.

Историко-литературная повесть Ф.С. Готьвана содержится в шести стандартных школьных общих 96-листовых тетрадях в четверку в обложках из искусственной кожи. Обложка шестой тетради оторвана. Текст написан синими чернилами перьевой автоматической ручкой четким твердым почерком, имеющим значительные авторские особенности. Листы рукописи имеют сплошную нумерацию в верхнем левом углу теми же чернилами, что и основной текст. Название книги отсутствует. Текст начинается с названия первой главы: «Шумит Гунай», затем разбивка на последующие главы отсутствует. Вместо этого автор выделяет отдельные параграфы, посвященные наиболее значимым событиям в жизни партизан. Названия параграфов подчеркнуты. Тетрадь № 1 отредактирована красным карандашом. В последующих тетрадях этой правки нет. Возможно, она является результатом редакторской работы А.Д. Знаменского. Полностью текст отредактирован простым карандашом. Характер рекомендательных замечаний на полях свидетельствует, что их сделал один из партийных работников того времени. Имеется также незначительная правка синим карандашом. Скорее всего, она принадлежит автору [10].

Состояние рукописи потребовало от нас значительного редакторского вмешательства при ее подготовке к печати. При этом мы постарались максимально сохранить у читателя представление об авторском стиле. Название единственной главы «Шумит Гунай» мы вынесли в название всей книги [11]. Выделенные автором параграфы сгруппировали в главы, исходя из основных этапов развития партизанского движения на Западном Кавказе в авторской хронологической последовательности и примерно равного объема текста. Все названия глав даны нами. Названия параграфов, за редким исключением, оговоренным в подстрочных сносках, – авторские. Они выделены в тексте курсивом.

В основу издания положен авторский текст, написанный синими чернилами, в который нами внесена минимальная литературная правка. Исправления фактических ошибок, неверное употребление или дублирование слов, надстрочные вставки, подчеркивания, пометы, коррекция авторского стиля оговорены в сносках. Сокращения или пропуск слов автором восстановлены составителем по смыслу и взяты в квадратные скобки. Редакторские сокращения текста, пометы и комментарии на полях выполненные красным и простыми карандашами, отмечены в подстрочных сносках. Все пояснения и комментарии вынесены в концевые примечания.

В приложении № 1 мы поместили ранний краткий и поздний сокращенный варианты воспоминаний Ф.С. Готьвана, а также находившихся в штабе соединения радиста В.С. Корсуна и Т.П. Волошко. В приложениях №№ 2–5 публикуются воспоминания партизан трех нефтегорских отрядов А.В. Верещагина, М.Д. Рыжих, Н.В. Клименко, Г. Рудь, Р.П. Петренко, В.А. Коваленко, Н.Л. Якубы, А.С. Ржевского, А. Огнева и Апшеронского отряда О.А. Ляшевой, С.С. Жукова. В приложении № 6 находятся делопроизводственные документы из архивов Краевого и Южного штабов партизанского движения. Многие из этих документов ранее уже были опубликованы, но никогда не собирались вместе. Сопоставление данных документов с рассказами об этих событиях автора историко-литературной повести позволяют судить о его творческой лаборатории и восстановить достаточно полную картину истории Нефтегорского партизанского соединения.

В приложении № 7 находятся составленные нами именные списки партизан всех отрядов Нефтегорского соединения. В результате наших разысканий удалось установить имена почти 400 партизан из примерно 500, записанных в отряды Нефтегорского куста. Мы осознаем, что, несмотря на всю проделанную нами работу, эти списки, за исключением Апшеронского отряда, далеко не полны и около 100 чел. мы незаслуженно пропустили. Состояние источниковой базы не позволило избежать ошибок в написаниях имен, фамилий, отчеств партизан, имеются неточности в персональных данных. В соответствии с законом о защите персональных данных фамилии изменников родины мы заменили аббревиатурами.

Публикация текста книги Ф.С. Готьмана, воспоминаний партизан Нефтегорского соединения и делопроизводственных материалов Южного штаба партизанского движения открывает возможность взаимопроверить показания этих источников и существенно продвинуть вперед изучение событий той

поры. В более полном объеме эта работа может быть выполнена после открытия засекреченной части фонда Ф. Р-1774 ЦДНИКК.

Примечания:

1. Хранится в Хадыженской городской библиотеке.
2. Хранится в Апшеронском районном архиве.
3. МБУ «Централизованная библиотечная система» Хадыженского городского поселения. Хадыженская центральная библиотека.
4. Архивный отдел администрации муниципального образования «Апшеронский район». Ф. 347. Оп. 4. Д. 9.
5. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. ОП. 2. Д. 1126, 1354. Большая часть архивного фонда до сих пор засекречена.
6. Фурманов Д.А. Чапаев. Мятеж. М., 1985.
7. ЦДНИКК. Ф. 41.
8. Архивный отдел администрации муниципального образования «Апшеронский район». Ф. 347. Оп. 4. Д. 9.
9. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1335.
10. По окончании работы над изданием рукопись сочинения Ф.С. Готьвана мы планируем передать в ЦДНИКК.
11. Готьван Ф.С. Шумит Гунай. Волгоград, 2012.

Е.М. Самарина

Мой долг перед семьей Третьякевичей

Несмотря на то что молодогвардеец Виктор Третьякевич в 1959 г. был реабилитирован, а в 1960 г. награжден, до сих пор его роль в «Молодой гвардии» освещается неправильно. По-прежнему не он комиссар организации, а Олег Кошевой, как это было с подачи А.А. Фадеева, Е.Н. Кошевой и вышестоящих партийных органов. Это видно в солидных изданиях, вышедших в последние годы, таких как иллюстрированная энциклопедия «Великая Отечественная война, 1941–1945» [1] и «Новая Российская энциклопедия» [2], а также в многочисленных публикациях в средствах массовой информации (например в «Российской газете» 11 августа 2011 г.).

В разделе о «Молодой гвардии» [3] не учтены архивные документы, касающиеся роли Виктора в этой организации. Говорится только о его реабилитации и ни слова – о его участии в руководстве «Молодой гвардии». При этом Олег Кошевой, как в романе Фадеева, назван комиссаром. В другом издании Олег фигурирует и как один из создателей организации, причем с сентября 1942 г. и как ее комиссар [4]. Между тем при составлении энциклопедий нужно изучать архивные документы, а не ссылаться на такую беллетристику, как «Повесть о сыне» Е.Н. Кошевой. В архивных документах ясно сказано, что Кошевой и Туркенич вошли в «Молодую гвардию» только в ноябре 1942 г.

Знакомство с материалами по «Молодой гвардии» в Российском государственном архиве социально-политической истории (далее – РГАСПИ), которые

стали доступны во второй половине 1990-х гг., расставило многое по своим местам. Частично они вошли в опубликованный сборник архивных материалов по «Молодой гвардии». Из докладных записок различных комиссий, приведенных в сборнике, следует, что роль Олега Кошевого и тем более его матери необоснованно завышена. Приведу выдержки. Из докладной секретарю ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепину: «Олег Кошевой организатором "Молодой гвардии" не был, и заслуга эта приписана ему ошибочно… Олег пришел в организацию в разгар ее деятельности в ноябре месяце. Нереальным является и утверждение, что квартира Кошевых являлась местом сбора штаба (т.к. у них жили немцы). Оставшиеся в живых – член штаба Василий Левашов и молодогвардейцы Арутюнянц, Лопухов и др. утверждают, что выдающейся роли Олег в организации не играл, и никогда не был он и руководителем. От начала и до конца ими были Виктор Третьякевич, Иван Земнухов, Василий Левашов, а впоследствии и Иван Туркенич, который пришел в организацию, когда она уже работала» [5]. Здесь же написано и о роли Кошевой в создании мифа об Олеге.

В 1965 г. работала комиссия Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее – ИМЛ), которая изучила материалы по «Молодой гвардии» в разных источниках – Архиве ЦК ВЛКСМ, Институте истории партии ЦК КПУ, Луганском обкоме партии, управлении КГБ и др. Из докладной записки комиссии ИМЛ читаем выводы: «О том, что Олег Кошевой был организатором и комиссаром "Молодой гвардии", документальными данными не подтверждается. Из документов и свидетельств наиболее активных и осведомленных участников "Молодой гвардии" явствует, что именно В. Третьякевич был организатором и комиссаром этой подпольной комсомольской организации» [6].

Несмотря на имеющиеся доказательства руководящей роли Виктора в «Молодой гвардии», пресса и другие СМИ с трудом отходят от версии Фадеева, сочиненной с подачи Кошевой. Известно, что Фадеев, будучи в Краснодоне, проживал на квартире Кошевых. Как написано в докладной редактора издательства «Молодая гвардия» А.В. Лукина, «Фадеев ограничился рассказами Кошевой, которая, как многие утверждают, не имеет представления о деятельности "Молодой гвардии". Ее обвиняют в том, что она умело использовала обстановку и приписала то, что делали другие, своему сыну» [7].

Сестра молодогвардейца Сергея Тюленина Надежда в письме И.В. Сталину пишет: «Роман Фадеева был построен на основании слов матери Олега Елены Николаевны Кошевой, которая не знала никаких подробностей о деятельности подпольной организации… Она имела тесную связь с немцами. Во время массовых арестов семья Кошевых никаким арестам не подвергалась. Никогда никаких совещаний в квартире Кошевых не происходило, так как во всех комнатах помещались немецкие офицеры. Совещания происходили чаще всего у Третьякевича, Арутюнянца, Земнуховых» [8].

Оставшихся в живых молодогвардейцев заставляли высказываться о Викторе и Олеге так, как в романе Фадеева. И некоторые из них меняли свои первоначальные слова. Это прежде всего касается Валерии Борц, которая прямо на заседании бюро ЦК ВЛКСМ отказалась от своих письменных показаний, подтверждающих руководящую роль Виктора в «Молодой гвардии». Эти показания

она в написанном виде дала среднему брату Виктора фронтовику Владимиру, который приложил их к своему заявлению в ЦК ВЛКСМ. В заявлении он, пытаясь восстановить честное имя брата, привел рассказы молодогвардейцев и многих родителей, а также критиковал работу комиссии, которая сделала поспешные выводы о Викторе и Олеге.

В объяснительной записке секретарю ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепину от 30 декабря 1944 г. В. Борц отказывается от слов, данных Владимиру, и также говорит о своем выступлении по радио, где она называла Олега комиссаром: «Прочитав материалы т. Третьякевича, я поступила неправильно, сказав, что там есть правда, и выразилась не так, как следовало… Я поступила опрометчиво, сказав, что признаю его материал. Многого я сама не понимала, поэтому то, что мне дали направление моего выступления по радио, я поняла превратно и сказала в Вашем кабинете, что меня заставили. Мне просто дали нить и я выступила, сообразуясь с этой нитью» [9].

Тогда ее можно было понять – не могла комсомолка, еще практически девчонка, идти против руководства комсомола и указаний КГБ. Значительно позже она могла бы сказать правду, но этого не сделала. По-видимому, уже привыкла к новой роли, стала близка с Е.Н. Кошевой, да и не хотелось, конечно, разрушать такой красивый миф, какой создал в своем романе А.А. Фадеев. Хотя уже в 1961 г. в третьем томе «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.» приводится состав штаба «Молодой гвардии», где комиссаром назван Виктор Третьякевич: «Во главе «Молодой гвардии» стоял штаб, в который входили комсомольцы И.В. Туркенич (командир), В.И. Третьякевич (комиссар)», и далее были указаны все члены штаба [10]. Отрадно было прочитать в «Литературной газете» в 2011 г. в статье писателя Сергея Есина, посвященной 110-летию Александра Фадеева, следующие строки: «Ошибочно трагичным оказался оклеветанный в романе один из героев молодогвардейского сопротивления комиссар организации Виктор Третьякевич» [11].

Мое беспокойство и мое желание как племянницы Виктора и как единственного сейчас члена семьи Третьякевичей, кто видел и помнит живого Виктора (мне в 1941 г. было 10 лет), связано с тем, чтобы правда о нем нашла свое отражение в СМИ, литературе и в других изданиях, чтобы у людей сложилось правильное представление о его героической деятельности в «Молодой гвардии». Это касается и других участников организации, которые были незаслуженно забыты. Например, Анатолий Ковалев, сумевший освободиться от веревок и убежать из-под стражи перед казнью.

Хочу поблагодарить тех, кто неравнодушен к судьбе Виктора Третьякевича и в своих выступлениях, статьях, интервью рассказывает о нем и о своем отношении к нему. Это доктор исторических наук Нина Константиновна Петрова из Москвы, заместитель председателя клуба «Патриот» Александр Павлович Стасюк из Ростова-на-Дону, молодой историк Алена Валерьевна Дружинина из Кисловодска, библиограф Наталья Кимовна Бухвал из Пскова, два историка из Луганска – кандидат исторических наук Владимир Федорович Семистяга и Владимир Иванович Подов.

Примечания:
1. Великая Отечественная война 1941–1945: иллюстрированная энциклопедия. М., 2005.
2. Новая Российская энциклопедия. М., 2011. Т. 9.
3. См.: Великая Отечественная война 1941–1945: иллюстрированная энциклопедия…
4. См.: Новая Российская энциклопедия… Т. 9.
5. Докладная записка инструктора ЦК ВЛКСМ В.А. Ванина секретарю ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепину о результатах проверки в г. Краснодоне некоторых вопросов деятельности «Молодой гвардии». 1956 г. // «Молодая гвардия» (г. Краснодон) – художественный образ и историческая реальность: сборник материалов. М., 2003.
6. Докладная записка комиссии ИМЛ при ЦК КПСС по изучению истории организации «Молодая гвардия» директору института П.Н. Поспелову о проделанной работе. 1965 г. // Там же. С. 182.
7. Докладная записка редактора издательства «Молодая гвардия А.В. Лукина в ЦК ВЛКСМ о результатах поездки в г. Краснодон работников издательства и центральной студии документальных фильмов. 1947 г. // Там же. С. 124.
8. Письмо Н.А. Тюлениной И.В. Сталину о неверном освещении деятельности «Молодой гвардии» в романе А.А. Фадеева. 1947 г. // Там же. С. 131.
9. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53, Д. 339.
10. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1961. Т. 3. Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны (ноябрь 1942 г. – декабрь 1943 г.). С. 484.
11. Литературная газета. 2011. Декабрь. № 51.

А.В. Дружинина, Л.И. Изварина, Е.А. Свистунова, А.П. Стасюк

Жизнь и судьба Надежды Стасюк – участницы «Молодой гвардии»

Надежда Ивановна Стасюк родилась на руднике Урало-Кавказ Луганской области 23 июня 1923 г. в семье шахтера. В 1930 г. семья переехала в поселок Сорокино, ставший в 1938 г. городом Краснодоном. В это время в Донбассе начали строиться новые шахты. В 1938 г. была сдана в эксплуатацию новейшая по тем временам шахта № 1-бис, где отец Надежды работал уже горным десятником.

В школу Надежда пошла с большим желанием и училась с 1-го класса только на «отлично». С 1-го по 4-й класс она училась в начальной школе им. 19 МЮД (Международного юношеского дня), а с 5-го по 9-й в школе № 4 им. Ворошилова. В этих же школах учились Виктор Третьякевич и Сергей Тюленин. 10-й класс закончила в школе № 1 им. Горького вместе с Иваном Земнуховым. Там же учился и Василий Левашов.

Любимыми предметами Надежды были математика и физика. Ее отличали жизнерадостный характер, упорство в учебе, аналитический склад ума. Природа наделила ее абсолютным музыкальным слухом. Все это ей очень помогло в жизни. В 1938 г. она вступила в комсомол, а в 1939 г. уже входила в комсомольский актив школы и была членом комитета комсомола. Во главе его стоял

Виктор Третьякевич, которого она знала еще со школы им. 19-го МЮД, и у них сложились хорошие товарищеские отношения. Виктор был настоящим лидером школьной молодежи. В те непростые предвоенные годы заслужить авторитет у сверстников было непросто. А он им пользовался по праву.

После окончания 9-го класса в 1940 г. Надежду в числе других отличников, среди которых был Иван Земнухов, наградили путевками в Славяногорский санаторий, представляющий собой и сейчас красивое место на реке Северский Донец в Донецкой области. С Иваном она дружила с детства, они ведь жили на одной улице – Банковской: она – в доме № 11, он – в доме № 17.

И вот 20 июня 1941 г. Успешная сдача выпускных экзаменов на «отлично». Поздравления и получение похвальной грамоты. 21 июня – выпускной вечер. 22 июня – война. 23 июня Надежде исполнилось 18 лет, но об этом она даже не вспомнила. Как и многих вчерашних выпускников, по приказу Государственного комитета обороны СССР ее призвали на трудовой фронт. Приходилось и выполнять сельскохозяйственные работы, и строить оборонительные сооружения, и помогать в госпиталях, развернутых в городе.

Ведь Краснодон уже в начале октября 1941 г. фактически стал прифронтовым городом. С большой радостью молодежь встретила вести о контрнаступлении наших войск под Ростовом и разгроме немцев под Москвой в декабре этого же года. Да и фронт на реке Миус стабилизировался. Верилось, что дальше немцев не пустят и вскоре погонят назад. Сталин (как Верховный главнокомандующий) даже издал к 1 мая 1942 г. приказ № 130 о том, что «1942 год должен стать годом окончания разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев». Этот приказ относился к войскам Красной армии, но его доводили и до комсомольского актива, а чуть позже и до всего населения.

Но все обернулось иначе. Произошла военная катастрофа под Харьковом в мае 1942 г., чуть позже – в Крыму и под Воронежем. Войска стремительно отступали, но гражданскому населению эвакуироваться запрещалось. Отца Надежды в числе других специалистов-горняков обязали в соответствии с приказом ГКО взрывать шахты, чтоб не допускать добычи угля немцами. Но делать это так, чтобы их можно было быстро восстановить после освобождения. Этот приказ Иван Стасюк выполнил. Уже вне Краснодона, попав под бомбежку, был ранен, попал в концлагерь и едва не погиб там, заболев еще и сыпным тифом.

Самой Надежде, как и многим молодым людям, эвакуироваться не удалось. Беспрерывные бомбежки и стремительные наступления немцев сделали это невозможным. Вскоре, 20 июля, в их доме уже хозяйничали немцы. За найденную на книжной полке Надежды книгу немецкого писателя-антифашиста Вилли Бределя «Твой неизвестный брат» немецкий офицер едва не застрелил ее прямо во дворе дома. Вступилась за нее мать, женщина не робкого десятка, землячка Александра Пархоменко, героя Гражданской войны и борьбы с немецкими интервентами еще в 1918 г. Искали и отца Надежды. Его как коммуниста и известного в городе человека точно бы не пощадили.

В эти тяжелые дни друг к другу тянулись те, кто был близок по духу, с кем дружили в детстве и юности, кто хотел скорейшего освобождения Родины

от фашистов. Было страшно, но те, кто сделал осознанный выбор, рассуждали так: «Если они нас считают быдлом, убивают на родной земле, угоняют в рабство в Германию, чтобы в конце концов добить и там – надо искать пути к борьбе и сопротивлению». Мать Надежды Мария Федоровна догадалась о настроениях ребят. Она понимала, что их порыв не остановить, и старалась предостеречь их от необдуманных шагов и от грозящей опасности.

Ребятам предстояло самим решить: покориться и рабами идти в услужение к фашистам или объявить врагам партизанскую войну. Они не могли простить смерть земляков, заживо закопанных в городском парке, – 30 шахтеров отказались добывать для немцев уголь. Эта жестокость стала катализатором активного молодежного сопротивления оккупантам.

Зачастую даже родители не знали, что их дети объявили скрытую войну фашистам. Так, Надежда поначалу втайне от матери предложила Сергею Тюленину – руководителю боевой группы «Молодой гвардии» – хранить оружие во дворе их дома, который заняли немцы. Лучшего места для тайника было не найти. Не сразу мать узнала, что дочка была связной. Потом, одобрив решение дочери, стала помогать ребятам.

Руководил молодогвардейцами Виктор Третьякевич. Он был лидером молодежи и до войны. Незадолго до оккупации Третьякевич успел закончить разведшколу в Луганске. Имя это долгое время не было просто предано забвению. Его пытались опорочить, чуть ли не официально называли предателем. Справедливость была восстановлена только к 15-й годовщине Победы над фашистской Германией. Только в 1965 г. на Родине героя, в Курской области, был поставлен памятник настоящему комиссару «Молодой гвардии». Газеты много писали об этом.

Но о том, какими методами утверждалась фадеевская «правда», не говорил никто. Во время написания романа тех, кто остался жив, вызывали в соответствующие органы и требовали, чтобы они подтвердили все, что написано в романе. Вызывали и Надежду. «В жизни всегда настает момент, когда надо выбирать», – говорила она. Надежда не могла предать память Третьякевича и погибших друзей, отказаться от них. Из ее одноклассников осталось в живых только четверо. Она часто говорила: «Я не могу забыть тех ребят, которых больше нет. Нам повезло, что мы остались живы. Всю жизнь я ощущала себя в долгу у погибших и старалась своей жизнью, трудом, хоть в какой-то мере восполнить потерю целого поколения нации».

После освобождения Краснодона в середине февраля 1943 г. горком ЛКСМУ поручил Надежде работу по восстановлению первичных комсомольских организаций. Она вспоминала, как они с девушками собирали в заснеженной февральской степи наших погибших солдат. Их закоченевшие от лютого мороза тела они доставляли на обыкновенных санках на сборный пункт в город, впрягаясь по двое. Везли, выбиваясь из сил, многие километры, не чувствуя ни страха, ни брезгливости – ведь эти солдаты погибли, освобождая их родину и их самих. Затем ей поручили организовать комсомольцев и отгрузку 2 эшелонов угля в освобожденный Сталинград. Используя опыт отца, ей, 19-летней девушке, пришлось спускаться в шахту, в забой и выполнять работу маркшейдера.

Задача была выполнена. Шахта № 1-бис дала уголь уже спустя всего лишь месяц после освобождения Краснодона. Но Надежда не считала это героизмом, как не считала себя героиней за то, что участвовала в «Молодой гвардии». Она просто всегда делала максимум из того, что могла, и «через не могу».

Однако судьба приготовила ей суровое испытание на верность своим погибшим ровесникам. Когда ее привлекли к работе с комиссией горкома ЛКСМУ и ЦК ВЛКСМ о деятельности «Молодой гвардии», она не побоялась выступить против интриг и клеветы. Работникам НКВД она сказала в ответ на их грубое давление: «Товарищ Сталин учит нас не бояться говорить правду! Иного от меня не дождетесь». Надежда уже тогда, в 1943 г., начала осознавать, что всех их – ее погибших ровесников, их родителей и тех, кто уцелел, – хотят сделать статистами какого-то непонятного спектакля.

Ведь о борьбе и гибели Краснодонской организации сопротивления «Молодая гвардия» стало известно всей стране сразу после освобождения города – об этом написали большой очерк «Сердца смелых» журналисты фронтовых газет Юго-Западного фронта. Этот материал был опубликован и озвучен крупнейшими информационными агентами, имевшими представительства в Москве. Так это событие получило мировую известность уже в апреле 1943 г. Об этом свидетельствовал американский журналист русского происхождения Александр Верт, представлявший в годы войны английскую газету «Санди таймс» и радиокомпанию Би-Би-Си. В 1964 г. он опубликовал книгу «Россия в войне 1941–1945 гг.», пользовавшуюся популярностью во всем мире, в том числе и нашей стране.

После выхода из печати романа А. Фадеева и одновременно фильма С. Герасимова возмущению родителей погибших ребят, немногих из оставшихся в живых, да и всех жителей Краснодона не было предела. Они пришли к решению бороться с совершившейся несправедливостью, преступлением против правды и светлой памяти погибших патриотов. Надежда активно содействовала восстановлению честного имени боевого товарища и комиссара Виктора Третьякевича. Свою роль в сопротивлении она никогда не преувеличивала и просила своих друзей не хлопотать о ее статусе. Она говорила: «Мне достаточно того, что наша дружба выдержала все испытания, и я могу честно смотреть в глаза вам и родителям многих моих погибших ровесников». В Ростове-на-Дону с 1962 г. действует музей «Молодая гвардия» в средней школе № 32, одним из создателей которого была Надежда Стасюк.

Г.С. Чумаченко

Василий Афонов. Долгий путь к признанию

Первые сообщения о борьбе таганрогских партизан с немецко-фашистскими оккупантами появились в центральной прессе еще до освобождения города, затем к этой трагической теме обращались многие писатели, краеведы,

журналисты. В 1965–1970 гг. несколькими указами 126 участников партизанского подполья (из них 115 посмертно) были награждены орденами и медалями СССР, в том числе командир отряда Василий Афонов – орденом Ленина, а комиссару организации Семену (Николаю) Морозову присвоено звание Героя Советского Союза.

Известно немало случаев, когда заслуженная награда приходила к человеку спустя годы, тому были веские причины. Восстановить картину подпольной деятельности, когда по понятным причинам не велась никакая документация, когда большинство участников погибло – непростое дело. И все же двадцать лет – не слишком ли большой срок, если сомнений в существовании подполья не было?

Хождение по архивам. Первые справки о деятельности подпольных групп, а затем и наградные документы на участников подполья начали готовить сразу после освобождения города. Уже тогда располагали трофейными архивами русской вспомогательной полиции, сведения которых хорошо коррелировали с данными опросов партизан и очевидцев событий, а само перечисление «преступлений» перед оккупантами было веским основанием для награждения. Сохранились боевые характеристики партизан, проекты наградных листов, а также «Списки партизан, представленных к правительственной награде по городу Таганрогу» [1], подписанные оставшимися в живых подпольщиками и секретарем Таганрогского горкома А.А. Зобовым. В октябре 1943 г. документы были направлены первому секретарю Ростовского обкома ВКП(б) Б.А. Двинскому для представления в отдел наград Президиума Верховного Совета СССР.

Спустя три года, в ноябре 1947 г., секретарь Таганрогского горкома комсомола З. Гришина обратился с письмом [2] к секретарю ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлову по вопросу увековечения подвига подпольщиков, в котором, в частности, писала: «Большую группу людей обком ВЛКСМ представлял к награждению (секретаря ГК комсомола Морозова – к званию Героя Советского Союза посмертно, Лабунову – к ордену Красной Звезды и др.), но до сих пор этот вопрос остается в стадии разрешения». Многие склонны объяснять подобные факты обычной бюрократической волокитой, царившей в партийном и комсомольском аппарате. Однако, на наш взгляд, все не столь однозначно. Так, заведующий сектором отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ Н. Князев в докладной записке секретарю ЦК А.Н. Михайлову [3] по письму З. Гришиной, признавая, что обкомы «не уделяли должного внимания сбору документов» о деятельности молодежного подполья, утверждает: «Документы оформлялись и через областной комитет ВКП(б) были представлены в Украинский штаб партизанского движения. Но на Украине, как и по Белоруссии, многие еще не награждены».

Это вполне объяснимо: оперативные донесения о боевой деятельности партизанских отрядов юга направлялись в разные инстанции – в Украинский штаб партизанского движения или его представителям на Сталинградском и Южном фронтах, а также в штаб партизанского движения Закавказского фронта и Краснодарский краевой штаб (Туапсе, Сочи). Часть сводок поступала в спецотдел ЦК ВЛКСМ из обкомов прифронтовых областей. С перемещением линии фронта в тяжелейшей обстановке 1941–1942 гг. менялось

и местоположение адресатов. Так, Ростовский обком эвакуировался в Сальск, Кизляр, Саратов. Отыскать документы было очень непросто, особенно в первые послевоенные годы.

С другой стороны, осторожность властей при награждении за заслуги в такой закрытой сфере, как партизанское подполье, понятна и естественна. Ведь проверка объективности и достоверности информации нередко оказывалась далеко не простым и спорым делом. Иллюстрация тому – случай с партизанской группой А. Панферова, действовавшей в селе Синявке [4] как одно из подразделений отряда «Отважный-2». Только в 1974 г. (!) комиссия Ростовского обкома партии установила, что Панферов подделал документы, объявил себя руководителем «липовой» группы и включил в ее состав своих родственников – все они незаслуженно пользовались льготами. Более того, став секретарем райкома КПСС, Панферов препятствовал выяснению истины, организовал гонения на тех, кто хотел восстановить справедливость, и с его подачи настоящие участники партизанских действий были ошельмованы.

Нельзя не упомянуть и об истории быстрого (через полгода после освобождения Краснодона) награждения членов «Молодой гвардии», породившего волну слухов и сомнения в объективности решения властей [5]. Вероятно, не без оглядки на такие издержки наградные документы таганрогского подполья были надолго «положены под сукно». Есть основания полагать, что главным поводом для этого послужила неоднозначная, мягко говоря, трактовка деятельности партизанского командира Василия Афонова.

Забвение. Одной из первых публикаций о подполье Таганрога была статья «Сильные духом» фронтового корреспондента «Комсомольской правды» Анатолия Калинина, опубликованная 14 января 1944 г. В ней Василий Афонов не упоминается вообще: «После февральского провала [группы Морозова. – *Г.Ч.*] подпольная организация не сложила оружия. Морозова на посту руководителя сменил его лучший друг Константин Афонов». В том же ключе пишет Генрих Гофман в статье «Буду смел и бесстрашен», опубликованной в газете «Комсомольская правда» 26 декабря 1963 г.: опускает факт, что командир отряда – Василий, а «душой организации» после гибели Морозова называет Константина.

Иную картину дает повесть Якова Кривенка «В подполье», изданная в Ростове-на-Дону в 1944 г. В ней помимо рассказа о деятельности и гибели подполья есть эпизод, характеризующий Василия Афонова: «О стычке со старшим братом Костя рассказал Николаю Морозову. Тот внимательно его выслушал и задумался. Ему тоже не нравилось поведение Василия: командир избегал участвовать в операциях, связанных с риском, был вял, не проявлял инициативы. <…> В том, что Василий не выдержит пыток и сообщит гестапо все, что знал об отряде, Константин не сомневался. Так и случилось. <…> Василий сам ездил с немецкими офицерами по городу и указывал адреса партизан, склады оружия» [6].

Автор повести бывал в Таганроге (опубликована титульная страница книжки с дарственной надписью автора матери Морозова) и, очевидно, опирался в работе на первоисточники. Один из них, вероятно, – страницы с заголовком «Характеристики на погибших партизан гор. Таганрога» [7] (сентябрь 1943 г.), подписанные членами отряда, которым удалось спастись от ареста

(А.С.А. и В.И.К.): «Афонов Василий Ильич. На протяжении года с лишним был энергичным руководителем, внушал волю к выполнению того или иного задания, был непримиримым врагом к немецким захватчикам. Умело строил работу отряда и групп, но при аресте проявил малодушие, изменил своей клятве перед товарищами и родиной, он не смог погибнуть честно, храбро, – начал выдавать членов отряда».

Еще более жесткая характеристика приведена в докладной записке [8] секретаря Ростовского обкома комсомола Н. Захарова в ЦК ВЛКСМ: «Командир отряда В. Афонов на следствии в полиции проявил малодушие, дал показания на 52 члена организации, которые были арестованы, причем Афонов ездил с полицией, указывая квартиры членов организации. Дал показания без применения к нему мер физического воздействия».

Естественно, все это дало повод наложить на имя Василия Афонова табу, длившееся больше десяти лет. После выхода наградного указа ситуация стала зеркальной: под табу оказались и сведения, порочащие командира, и обстоятельства его реабилитации. Таковых нет ни в книге Г. Гофмана, ни в современных публикациях других авторов. Как, уважая такую «солидарную деликатность» по отношению к родственникам Василия, проживающим, возможно, в Таганроге и сейчас, избежать упрощения истории подполья?

Версии. Итак, есть два факта: соратники не представляли Василия Афонова к награде (более того, его имени нет даже в списке погибших!) – и все же он удостоен ордена Ленина. В наградном листе [9], направленном в Президиум Верховного Совета СССР 28 апреля 1965 г. (т.е. за 10 дней до выхода указа) секретарем Ростовского обкома КПСС В. Мазовкой, Василий назван организатором подполья и руководителем партизанской группы. А его отряду приписаны действия, увы, не соответствующие фактам: «Отряд под командованием В.И. Афонова взорвал десятки железнодорожных эшелонов с боевой техникой противника, взрывал мосты и переправы, уничтожал в городе живую силу фашистских войск».

Естественен вопрос: когда и на основании чего с Василия Афонова сняты обвинения в предательстве? Ответить на первый вопрос можно по дате публикации статьи Г. Гофмана в «Комсомолке»: не ранее 1964 г. Вышедшая в 1966 г. книга Г. Гофмана «Герои Таганрога» не только рассказывает о боевой деятельности В. Афонова – в ней просматривается стремление снять с него обвинения в предательстве: подозрения переводятся в иную плоскость (на иной «субъект») и таким образом отметаются [10].

«С допроса Константин вернулся весь в крови, поковылял к баку с водой, смочил разбитые губы, лицо, тихо проговорил:

– Полиция знает все. Какая-то сволочь выдала нас…

– Кто, Костя? – спросил Тарарин.

– Следователь на Василия ссылается, якобы он признался. <…>

В камеру втолкнули Плотникова, Василия Афонова, Подолякина и еще нескольких подпольщиков, среди них и Кондакова. <…> Принесли ужин: по кружке кофейной бурды и ломтику хлеба.

– А это вам!

Полицейский протянул Василию миску каши с куском мяса и добавил:

– Господин Стоянов распорядился, за ваши правдивые показания.

Взоры подпольщиков устремились на Василия. <…> Они стали припоминать, кого мог знать предатель Мусиков, перечисляли фамилии товарищей – арестованных и тех, кто был еще на свободе. Все это слушал и запоминал Кондаков».

Действительно, именно тайный агент полиции Н. Кондаков, подсаженный в камеру к арестованным, выдал многих подпольщиков. Под № 176 он числится в «Списке лиц, проходящих по делу партизанской группы», с пометкой «Освобожден» [11]. Но и в таком контексте, строго говоря, подозрения с Василия не снимаются – документально зафиксированные, они весьма серьезны. Вот свидетельство участницы подполья П.Г. Ш-вой: «В подвалах полиции меня бросили в ту же камеру, где были женщины нашей группы. Они рассказали мне о том, что уже известно немцам, кто предает. Моего мужа и часть членов группы выдал Василий» [12].

В обстоятельной докладной записке [13] «Таганрогский партизанский отряд» измена Василия названа в числе причин гибели подполья: «Причины провала: а) самоуверенность руководителей, б) отсутствие строгой конспирации среди отдельных членов отряда, в) переход на открытые формы работы, г) измена руководителя Афонова, который не смог погибнуть смертью храбрых, а начал выдавать членов отряда». Косвенной уликой против Василия может быть и краткое упоминание в немецких справках о гибели связного – парашютиста А. Козина: «Афонов показал в допросе, что он ожидал поручения от Козина, но тот не появился» [14].

Однако среди партизан, видимо, не было единого мнения относительно предательства Василия. Ю.Д. Лихонос, один из активнейших участников подполья, в своей записке (сентябрь 1943 г.) дает иную версию причин провала организации: «В работе с военнопленными, по нашему предположению, была понесена роковая ошибка. Организация была предана» [15]. Да и сами подпольщики в одной из листовок [16], напоминая о конспирации, признавали: «Факты говорят о том, что в нашей среде завелись болтуны-всезнайки».

Наконец, зададимся «крамольным» вопросом: насколько достоверны сведения секретаря обкома Н. Захарова: «Командир отряда <…> дал показания на 52 члена организации <…> ездил с полицией, указывая квартиры». Афонов – человек пришлый, города не знает, контактирует только с руководителями групп, а облавы и комендантский час не лучшие условия для визитов. И эта цифра – 52 – точная, не округленная… Мог ли Василий быть лично знаком с таким числом соратников, помнить их адреса, да еще и знать расположение тайников с оружием в чужих домах?

Во-вторых, эти поездки могли быть частью полицейского замысла: опорочить командира, представить его предателем в глазах подпольщиков и тем самым деморализовать их, заставить дать показания, назвать имена оставшихся на свободе, адреса, явки и склады оружия. Полицаи, уже зная от «подсадного» агента адреса партизан, возят Василия с собой в машине для демонстрации его «участия» в акции поимки… У немцев работали опытные контрразведчики, не были дилетантами и русские полицаи (следствием руководил бывший белогвардейский офицер).

Одной из вероятных причин того, что именно Василий Афонов оказался под подозрением, мог быть тот факт, что он, секретарь райисполкома, входил в состав Матвеево-Курганского партизанского отряда, оказавшегося небоеспособным из-за бегства его руководителей из числа партийного и хозяйственного актива. Афонов же, по свидетельству земляков [17], два месяца скрывался у знакомых на хуторе, а затем перебрался к родственникам в Таганрог. Однако все это только предположения – документы, которые содержат ответ на эти вопросы (в том числе протоколы допроса В. Афонова в полиции), остаются недоступными.

Возвращение. Вероятно, первым публичным шагом к реабилитации В. Афонова стали несколько строк статьи Н.В. Киселева, секретаря Ростовского обкома КПСС, опубликованной 9 мая 1959 г. в газете «Молот»: «В оккупированном Таганроге в начале 1942 года возникло несколько подпольных организаций и партизанских групп, возглавляемых Николаем Морозовым и Василием Афоновым». Вероятно, статья не была импровизацией, ей предшествовала дискуссия, инициаторов которой мы пока не знаем.

Это стало началом борьбы за пересмотр дела Афонова (а по сути, и за признание заслуг всего подполья). Письмо заведующего партийным архивом А.И. Иванова [18] секретарю обкома П.И. Щелкунову (март 1961 г.): «Направляю для сведения сообщение научного сотрудника архива Пе-ной. Помимо этого, ко мне обратился ряд коммунистов с просьбой внести ясность в вопрос о руководстве таганрогской партизанской организацией в период оккупации. Прошу вас ускорить решение этого вопроса».

К письму приложена докладная записка [19] В.Н. Пе-ной: «Посетила в Таганроге музей краеведения. Там вывешено фото В.И. Афонова с подписью: “командир отряда”. Сотрудники музея убрать фото не могут, поскольку не имеют письменных распоряжений на этот счет. Довожу до Вашего сведения, ибо считаю, что имеющиеся в нашем распоряжении документы не позволяют фотографию В.И. Афонова давать в экспозиции музея».

На письме А.И. Иванова резолюция: «Сообщено в таганрогский музей краеведения т. Земляченко. Тоценко». И, наконец, справка сотрудника музея А. Земляченко (сентябрь 1964 г.): «Портрет Василия Афонова был в экспозиции до 17 марта 1961 г. <…> Потом директору музея позвонили из обкома партии и распорядились портрет из экспозиции изъять» [20].

Перипетии этой борьбы, длившейся 4 года, предстоит найти в недрах архива. В ее финале появляется новый участник: бывший представитель штаба партизанского движения при Военном совете Южного фронта, гвардии полковник в отставке Г.А. Перекальский. Именно он в 1943 г., тогда майор, курировал работу с партизанами Приазовья. Теперь, спустя столько лет, он дважды из Горького приезжал в Ростов и Таганрог, встречался с боевыми товарищами и принял живое (и, очевидно, решающее) участие в судьбе Василия Афонова. Его обстоятельное письмо [21] секретарю Ростовского обкома М.К. Фоменко, написанное в июле 1965 г., заслуживает обширной цитаты: «Докладываю Вам, что Ваши советы и Ростовского обкома о партизанском движении на Дону выполнил. Сам лично во всем разобрался за 5 лет через 20 лет после войны.

Очень рад, что восторжествовала правда в гор. Таганроге, главное, что не предатель командир партизанского отряда Василий Афонов и что к 20-й годовщине победы над Германией наградили посмертно орденом Ленина. А Семена Морозова – золотой звездой Героя с орденом Ленина.

Безусловно огромный вред сделала В.Н. Пе-на в своих корыстных целях <…> Немало еще славных партизан и партизанок Дона, живых и мертвых, ждут своих заслуженных почестей и наград. <…> сейчас по делу Пе-ной работает комиссия. Это, конечно, правильно, пора уже кончать с этим безобразием в Ростовской области.

Признаюсь, Михаил Кузьмич, я очень устал с этим делом, уж очень много разных людишек разводят ненужную и вредную волынку ради личных интересов <…> вот же какие есть еще подлецы на Дону. Будем ли мы с Вами с Ростовским обкомом доводить начатое дело до конца и как? Убедительно прошу ответить на этот мой и общий больной вопрос. Жду!»

Добавим: «дело», о котором пишет Перекальский, завершится только через 9 лет. Ему придется снова приехать в Ростов, чтобы поставить точку в разоблачении «липовой» партизанской группы Панферова в селе Синявка. Но это уже другая история…

Примечания:

1. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 95. Л. 22–25.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 1. Оп. 53. Д. 243. Л. 2.
3. Там же. Л. 9.
4. Там же. Л. 52, 53.
5. «Молодая гвардия»: художественный образ и историческая реальность: сб. М., 2003. С. 184–194. Один из организаторов подполья (В. Третьякевич) был обвинен в предательстве, посмертно реабилитирован, награжден.
6. Кривенок Я. В подпольи. Ростов н/Д, 1944. С. 61.
7. ЦДНИРО. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 97. Л. 50.
8. РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 53. Д. 240. Л. 14.
9. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7523. Оп. 83. Д. 3839. Л. 156.
10. Гофман Г.Б. Герои Таганрога. М., 1966. С. 171, 172.
11. ЦДНИРО. Ф. Р-3. Оп.1. Д. 97. Л. 36, 38.
12. Архив автора. Объяснительная записка от 3 июля 1948 г., засвидетельствованная А.Г. Дуденко. Рукопись (копия).
13. РГАСПИ. Ф. 1с. Оп. 53. Д. 240. Л. 26–29об.
14. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-3612. Оп. 1. Д. 79. Л. 6.
15. РГАСПИ. Ф. 1с. Оп. 53. Д. 240. Л. 60.
16. Таганрогский краеведческий музей. Отдел фондов. Бюллетень «Вести с любимой Родины». 1943. 11 февраля.
17. Столбовская О.И. Судьбы партизан // Коренной перелом в Великой Отечественной войне. Ростов н/Д, 2013. С. 225.
18. ЦДНИРО. Ф. 910. Оп. 5. Д. 151. Л. 34.
19. Там же. Л. 35.
20. РГАСПИ. Ф. 1с. Оп. 53. Д. 243. Л.34.
21. ЦДНИРО. Ф. 910. Оп. 5. Д. 151. Л. 4–5.

О.В. Степаньян

Участие армян Дона в партизанской борьбе в Ростове-на-Дону в 1942–1943 гг. (на примере семьи Степаньян)

Великая Отечественная война трагическим образом отразилась в судьбе каждого жителя Советского Союза. Особенно суровые испытания выпали на долю жителей оккупированных территорий, в том числе и юга России. Донские армяне стали непосредственными участниками тех событий. Несколько тысяч жителей армянских сел и бывшей Нахичивани (ставшей в 1928 г. Пролетарским районом г. Ростова-на-Дону) были призваны в ряды Красной армии, многие погибли на фронтах войны, немногие вернулись, трагично сложилась судьба тех, кто остался на оккупированной территории. На примере истории семьи Степаньян я хотел бы рассказать о вкладе донских армян в партизанскую борьбу в оккупированном Ростове-на-Дону. В основу статьи положены воспоминания непосредственного участника событий Нерсеса Лусегеновича Степаньяна и материалы личного архива семьи Степаньян.

Предки семьи Степаньян прибыли на донскую землю при переселении из Крыма в конце XVIII в. По архивным данным удалось установить, что среди приехавших и обосновавшихся на Дону (село Несветай) был Киракос с двумя сыновьями Степаносом и Арутюном. Первый и дал начало семейному древу рода Степаньян. Вплоть до начала Великой Отечественной войны семья Степаньян проживала в селе Несветай. Манук Степаньян был состоятельным купцом и имел лавку в селе, умер в 1915 г. Третий и младший сын Лусеген (Лукаш) в начале 1920-х гг. получил духовное образование в семинарии при армянском монастыре Сурб Хач (ныне – территория Ростова-на-Дону). Был образованным и грамотным, что позволило ему в 1930-х гг. стать начальником почты в селах Большие Салы и Несветай. В 1925 г. женился на Манушак Ованесовне Шахвардиевой из Несветая. В семье родились сын Нерсес в 1927 г. и дочь Тамара в 1933 г. Оба ребенка были крещены в храме Сурб Карапета в селе Несветай.

Войну семья Степаньян встретила на донской земле. Летом 1942 г. при эвакуации сельской почты семья попала в Ростов-на-Дону, где остановилась у родственников в районе Сельмаша. По предварительным данным, остановка Лусегена с семьей в Ростове была неслучайной, и он мог выполнять функции связного. После войны был награжден боевыми наградами. Несмотря на возраст, Нерсес стал бойцом партизанского отряда Югова (М.М. Трифонова). Командира знал под позывным «дядя Миша» (Югову (Трифонову) тогда было 28 лет). Отряд действовал в районе Сельмаша и современного аэропорта. Нерсес, помимо русского и армянского языков, хорошо знал немецкий и греческий (сказалось близкое расположение немецких и греческих поселений возле родного села). Мастерски играл на аккордеоне, имел хороший музыкальный слух, отлично рисовал. Осенью и зимой 1942 г. активно участвовал в партизанских вылазках, расклеивал листовки, изготавливал немецкие печати и документы (в том числе пропуска) на немецком языке, похищал оружие, боеприпасы и продовольствие из немецких машин. Участвовал в закладке мин и взрывчатки.

Знание немецкого языка пригодилось при ведении разведки в районе немецкого и румынского штабов. Войдя в доверие к нескольким офицерам в конце 1942 г., сумел получить доступ к некоторым штабным документам.

Январь 1943 г. в жизни Ростова стал черным пятном. Немецкие власти, предчувствуя неминуемое отступление, ужесточили полицейский режим в городе. Шли массовые зачистки и облавы, жителей города тысячами угоняли в Германию. В январе 1943 г., несмотря на имевшиеся оригинальные немецкие документы, Нерсес с несколькими товарищами попал в облаву и был угнан на работы в Германию. На границе с Донбассом сумел бежать из эшелона и на себе вытащил избитого еврейского друга, который не мог ходить. Вместе с ним прятались у родственников в армянских селах Несветай и Большие Салы до освобождения советскими войсками. По воспоминаниям, он с другом прятался в подполье армянского дома, в котором жил немецкий офицер в звании полковника. За несколько дней до освобождения села офицер обнаружил Нерсеса, и только знание немецкого языка спасло жизнь ему и другу. Но, по всей видимости, такое сочетание обстоятельств не позволило Нерсесу попасть в новый диверсионный отряд Югова, сформированный сразу же после освобождения Ростова. Отряд был заброшен в тыл к фашистам и практически в полном составе погиб в районе города Угледар в Донбассе. После освобождения Ростова в феврале 1943 г. семья Степаньян попала в город Новочеркасск, где Лусеген работал в Новочеркасском суворовском военном училище, созданном в конце 1943 г. Нерсес получил специальность водителя-механика танка, но в боевых действиях больше не принимал участие. В училище выполнял функции снабженца, имел личное оружие. В 1947 г. семья перебралась в Ростов и проживала в районе Сельмаша. В 1947–1948 гг. участвовал в восстановлении завода Ростсельмаш, где помог выжить нескольким немецким военнопленным, фактически подкармливая их. После войны работал на заводах Ростсельмаш, «Прибор», затем в сфере бытового обслуживания – начальником цеха по пошиву обуви. Умер в 1996 г., похоронен в Ростове-на-Дону. Несмотря на боевое прошлое, Нерсес Лусегенович не питал любви к советской власти, в том числе и из-за отношения к тем жителям, которые были в оккупации, особенно участвовали в партизанском движении. Фактически боевые заслуги отряда Югова были признаны только в середине 1980-х гг. По воспоминаниям Нерсеса Лусегеновича, некоторые ростовчане, сотрудничавшие с противником, после войны были членами партии, даже занимали руководящие посты и хорошо себя чувствовали в советской действительности. Его принципиальная позиция была такова, что он не стал оформлять себе звания «Ветеран войны», хотя были живы его боевые товарищи. Он говорил: «…мне ничего не нужно от этой власти, сам все заработаю».

Роль армян Дона в партизанском движении Ростова оценена не в полной мере. Характерные черты армян, связанные с сетевым расселением, сплочением внутри диаспоры, многочисленными родственными связями, знанием языков, помогли советским разведслужбам провести важные операции на Южном фронте в 1942–1943 гг. и освободить Ростов и донскую землю от фашистов. Донские армяне, как на фронте, так и на оккупированной территории, ценой жертв и лишений приближали Великую Победу.

Е.В. Моисеев

Судьба участника антифашистского сопротивления и несовершеннолетнего узника фашизма

Я родился 2 сентября 1927 г. в городе Ростове-на-Дону. Учился в школе № 90 (ныне лицей № 11). Прошел занятия в артиллерийской школе, системе ГТО, учился стрельбе из боевого оружия. Мы воспитывались в духе любви к своей Родине и патриотизма. В первые годы Великой Отечественной войны вместе с жителями города участвовал в сооружении оборонительных рубежей в городе и за Ростовом, рыл противотанковые рвы и щели, строил бомбоубежища.

В октябре 1941 г. была создана подпольная партизанская группа из 9 чел. во главе с Владимиром Колпаковым. Наш подпольный штаб находился на улице Верхненольной в доме № 6, где мы собирались и получали конкретные задания и наставления, как себя вести в разных ситуациях. Руководитель группы Владимир Колпаков получал задания из другого подпольного штаба на улице Кирова на территории трамвайного парка. Мы охватывали весь Пролетарский район и часть Кировского района.

После войны выяснилось, что в Ростове и области действовало несколько подпольных партизанских групп, которые не были зарегистрированы, но выполняли ответственные боевые задания. Так было и с нашей группой с Верхненольной улицы. Мне довелось встретиться с начальником штаба партизанского отряда Югова – Сергеем Егоровичем Кукуюком. В ходе беседы выяснилось: только после войны он узнал, что такая подпольная группа существовала. Знали о существовании нашей группы и другие жители города, но, к сожалению, они уже ушли из жизни.

В обстановке боев за Ростов, при отступлении наших войск, мы с товарищами вывели значительное количество бойцов из окружения в сторону Зеленого острова, несмотря на обстрелы и бомбежки вражеской авиации. В ходе отступления собирали тела убитых воинов, их оружие, которое прятали в щели парка Революции. Во время артиллерийского обстрела я был контужен. До сегодняшнего дня сохраняется глухота на правое ухо.

В сложных и опасных условиях оккупации надо было выполнять задачи, поставленные Ростовским обкомом ВКП(б) перед нами, юными партизанами. Мы сообщали, где находились немецкие штабы: на 1-й Советской улице, дом № 44, на 27-й линии, на 3-й улице поселка Ясная Поляна, дом № 108. При выполнении одного из заданий погибла наша юная партизанка Оля Кашаренинова. Мы определяли места нахождения немецкой техники, узнали, что было расстреляно мирное население на 36-й линии и недалеко от площади Карла Маркса.

29 ноября мы спешили в сторону Дона по 2-й линии и на 1-й Советской улице увидели двух убитых немецких мотоциклистов. Кругом была суета. Вдруг появилась фигура фашиста. Он успел схватить Жору из нашей группы, а остальным удалось убежать. Мы поняли: идет облава. Забежали за типографию им. Калинина. Стреляли в нас, но повезло – мимо. Из подворотни Дома

водников увидели, как сгоняли и ставили людей к стене, а затем расстреливали. В настоящее время на этом месте висит мемориальная доска: «29 ноября 1941 г. на этом месте были зверски расстреляны фашистами 90 человек мирного населения – старики, женщины и дети».

Под тяжелым впечатлением мы бежали между дворами. В парке Революции вытащили пулемет, потащили его по Радиаторной улице (ныне улица Каяни). Вдруг видим, к зданию Волго-Донского пароходства подошел фашистский танк. Мы сразу с пулеметом спрятались в парке. Танк развернул башню и выстрелил несколько раз в дом, напротив которого были расстреляны люди, затем развернулся и ушел в сторону Театральной площади. Мы вышли из парка и притянули пулемет к Волго-Донскому пароходству. Через большие деревянные ворота затянули во двор, затем через средний подъезд на чердак, оттуда на крышу. Там установили и зарядили пулеметную ленту. Тишина. Спустились вниз, посмотрели в сторону расстрелянных людей. Некоторые были еще живы, стонали, слышно было, как просили о помощи. Но подходить еще было опасно. Наш старший Владимир Колпаков гневно выругался и скомандовал: «Лезем на крышу». Ждем. Шум. И вдруг появилась машина с закрытым верхом кузова. Она ехала в сторону Театральной площади. Дали очередь – одну, следом другую. Машина заглохла и встала. Из нее выскочили двое. Один подался влево – пристрелили его, другой побежал к парку Революции – его пристрелили прямо на ограде парка. Дали очередь по машине. Никто больше не выбежал. Мы быстро между домами отправились к себе домой. А на следующий день все вместе побежали к месту расстрела наших людей. Здесь уже стояли наши военные и пленные немцы с опущенными головами.

После первого освобождения Ростова мы приняли участие в укреплении военных сооружений, выполняли разные работы. Таскали мешки с песком, ездили поить лошадей на Дон и многое другое. Руководитель подпольной группы Владимир Колпаков был мобилизован в армию и ушел на фронт. Вскоре он написал матери: «Ухожу на очень сложное задание». Позже мы получили известие о его гибели.

Во вторую оккупацию Ростова-на-Дону наша группа продолжала выполнять задания. Весь Ростов был наполнен немцами, румынами, мадьярами, словаками. Через город за Дон целыми днями шла армия врага. На улицах появились полицейские, на проспекте Соколова – гестапо, на домах расклеивались объявления и приказы фельдкомендатуры. Нам удавалось по возможности срывать листовки. Участились аресты и облавы.

В начале октября при выполнении очередного задания я, Петр Фурсеев и Леонид Ниретин попали в облаву и были схвачены. Поместили нас в подвал управления железной дороги. Через два дня погнали на железнодорожный вокзал, загнали в товарные вагоны, условия были страшные. Состав долго стоял, т.к. бомбила наша авиация. На рассвете поезд тронулся. Мы остались одни со своими переживаниями и мысленно прощались с Родиной.

Прибыли в Германию, город Дессау. Разместили в лагере Капен. Работали в лесу на складах боеприпасов. Ребятам-ростовчанам удавалось иногда подсыпать песок в гильзы снарядов на капсулы, тогда снаряд не получал

искру и не мог выстрелить. О побеге мы мечтали с самого начала по прибытии в лагерь. Первая попытка к побегу из лагеря не удалась. В соседнем бараке познакомились с ребятами, которые мечтали о том же. Их было 8 чел., нас 9 чел. Тщательно обсудив подготовку, решились на побег. Ночью мы бежали к составу, разыскали вагоны, в которых заранее не были закрыты задвижки на окнах. Залезли в вагоны. Один из курящих подсыпал возле вагона махорку. Рассвело, послышался собачий лай, раздалась немецкая речь. Шел обход состава. Но пломбы были на месте на закрытых дверях, и нас не нашли. Подошел поезд, и состав тронулся. Ехали, останавливались и так несколько раз. На четвертый день прибыли в Польшу, в город Торунь, а ночью нас обнаружили и отвели в гестапо.

Над нами издевались, били, не давали пить. Поместили в тюрьму. Пробыли там несколько дней. В тюрьме находилось очень много узников. Утром всех вывели, погрузили на машины и вывезли к железной дороге. Привезли нас в город Мальборк – снова тюрьма. Разные люди, стоны, вздохи. На стене увидели выцарапанную надпись: «Отсюда путь в Штуттгоф». Это означало смерть. Через несколько дней группу заключенных и нас, ростовчан, загрузили в два автоприцепа в присутствии конвоя и собак, отправили в концлагерь Штуттгоф. Через пару часов завезли на территорию, где располагались эсэсовцы и комендатура лагеря.

Навстречу бросилась охрана с криками: «Шнель!» Стала бить, чтобы мы быстрее выскакивали из прицепов, строились, а затем шли в сторону ворот лагеря. Мимо нас шагали узники на работу в полосатой форме, измученные, больные, грохоча башмаками (клюмбами) под крики командования: «Линкс, линкс!» («Левой, левой!»). Сопровождали их эсэсовцы с собаками на поводках. А над территорией развивались два стяга с фашистской свастикой и знаком СС.

Мы прошагали мимо «ворот смерти» («брамы») и вышек, очутились за высокой колючей проволокой-оградой под высоким напряжением. Остановились у шрайбштубы (регистратуре) – политического отделения (“Politische Abteilung”), находящегося на территории женского лагеря. К нам подошел начальник – гауптштурмфюрер СС Майер и полный презрения уведомил нас, прибывших: «С этих пор вы не люди, а обыкновенные номера. Все ваши права вы оставили за воротами. Здесь у вас только одно право – вылететь через эту трубу». В этот момент он указал на дымящуюся трубу крематория. С тех пор труба крематория навсегда оставалась у нас в памяти как символ гитлеровского насилия и зверства над беззащитными и униженными людьми.

Далее привели в барак (ноенцуганг), раздели, подстригли наголо, загнали под холодный душ. В другой комнате выдали номера с красным треугольником – символом политзаключенных, полосатую одежду, деревянные колодки. Мой номер был 17 322. Отметили, у кого вставные металлические или золотые зубы. Все это происходило с избиениями и пинками. Затем направили в блок (барак) № 2 к Вацеку Козловскому – известному своей жестокостью (он загнал в могилу своего родного брата). Однажды он меня бычьей жилой ударил с силой через плечо за то, что я нарушил форму – одел пояс и затянул его сверху жакета (маринарки), чтобы было теплее. Мне было очень больно, синяк долго не сходил на спине. В бараке было две комнаты (штубы) с нарами, где спали

узники с блохами, а потом и со вшами. Комната, где складывали одежду перед сном (тагишрам), умывальная комната (вашраум). Здесь лежали голые умершие узники, на груди которых были написаны химическим карандашом номера. Отсюда ежедневно их увозила на больших телегах спецкоманда заключенных к крематорию. Другие телеги нагружались умершими узниками от других бараков, и также везли их к крематорию. Тела не успевали сжигать. Поэтому узников сжигали дополнительно в огромной вырытой яме с горючим. В конце старого лагеря, недалеко от крематория, действовала газовая камера на 100 узников. Их душили газом. За лагерями возле крематория стояла виселица.

Концентрационные лагеря были закрытого типа, живым оттуда никто не выходил. Их окрестили лагеря уничтожения (vernichtungslages). По строгости своего режима они были разбиты на четыре категории. Штуттгоф относился ко второй категории (заключенные «в нем не подлежали перевоспитанию»). Здесь царил один закон: никто в мире не должен знать, что творится за колючей проволокой. Избави бог! Эсэсовцы могли расстрелять узника, повесить, убить, бросить на растерзание собакам, избить, обобрать и т.д. Заключенный был вне закона. Он не имел никаких прав. Никакая юстиция его не защищала, хотя он и был занесен в инвентарную книгу.

О Штуттгофе можно сказать, как о дантовом аде: «Оставь надежду, всяк сюда входящий». Он находился на побережье Балтийского моря, между Гданьском и дельтой Вислы, в треугольнике, со всех сторон окруженном водой, что практически исключало возможности побега заключенных. Лагерь располагался в заболоченной местности, вокруг находились торфяники со злокачественным химическим составом воды. Для постоянно голодающих заключенных это было убийственным, вызывало гнойную опухоль ног – флегмону, часто заканчивавшуюся смертью. Мне пришлось сильно страдать и мучиться от ран флегмоны.

Медицинский работник – пан Червинский – увидел обе мои ноги в ранах. В бараке № 2 днем, поставив на стул одну и другую ноги, срезал ножом выпуклое темное мясо. Было страшно больно, но я терпел. Засыпал чем-то, перевязал бумажными бинтами. Мне стало легче, и постепенно раны заживали. Работа в лагере означала приговор к смерти через несколько месяцев. За пределами лагеря заключенные работали на цегельне (кирпичном заводе). Я работал в вальдкоманде (в лесу) – это была тяжелая работа по подготовке территории для постройки нового лагеря рядом со старым на холоде и морозе. Вместе со мной работали ростовчане Владимир Куницкий, Николай Попов, Хачик Григорян. Грузили в вагонетки камни, грунт, песок, корни деревьев. Капо – хромой заключенный-уголовник, орал и подгонял нас: «Темпо!», лупил плеткой, обходя вагонетку с двух сторон. Одеты мы были плохо: жакетка (маринарка) с номером и красным треугольником на левой стороне и полосатые брюки также с номером на левой стороне. На ногах деревянные подошвы-клюмбы. Сильно страдали от холода, простужались, болели разными болезнями. Измученные изнурительным трудом, истощенные люди не выдерживали и погибали. Бежали на охрану, стоявшую с автоматами, чтобы те их застрелили их, прекратили страшные мучения. Охранники кричали: «Хальт!» («Стой!»). Узник продолжал

бежать. Очередь из автомата – и узник падает. Бегут с носилками и его уносят. И такое повторялось каждый день по несколько раз.

Рабочий день в лагере начинался в 6 ч утра, а заканчивался в 17 или 19 ч. Поверка (апель) в лагере была утром, днем и вечером. Пересчитывали узников, подсчитывали, сколько умерло и сколько необходимо было завести новых. В 1942 г. лагерь стал быстро расширяться. В Штуттгоф прибывали узники из Европы. Однажды подошел к нам блоковый из блока № 5 Владек Томчик. Повел В. Куницкого, Н. Попова, Павлика-украинца и меня в столярную мастерскую. Старшим здесь был Казик Краковский. В конторе сидел Чеслав Нарушевич, а Роман Ольшевский был мастером. Работали здесь несколько узников – добрых и душевных людей. Мы выполняли столярные работы: изготовляли нары (лушки), клетки для кроликов, обувь (колодки-клюмбы) и др.

По заданию польского актива сопротивления я иногда с мастером или без него проходил с инструментом под видом ремонта на территорию женского лагеря к штрайбштубе. Там узнавали у работника Болика Петровского о прибытии новых узников и новостях с фронта. В 1943 г. в лагерь прибыла группа летчиков, у некоторых на спинах маринарки (жакета) была круглая мишень, а в середине ее находилась красная точка в окружении черной. Трое из них были устроены в мастерскую. При малейшем подозрении любой охранник обязан был стрелять в носителя мишени. Летчиков звали: Александр Пасин из Москвы, Костя Щитов из Горького, Юрий Цуркан из Одессы. Они работали на погрузочно-разгрузочных работах в лагере. Благодаря им нам, ребятам, перепадала брюква, картошка. Весной 1943 г. в лагере вспыхнул сыпной и брюшной тиф. Я заболел, поместили в ревир (госпиталь). У меня сильный жар, бред, лежу на нижней наре, возле двери. Состояние тяжелое, хочется пить. Мимо меня на носилках вынесли Володю Сафонова – ростовчанина, с кем вместе бежали. Здесь не лечили, только спешили вынести в крематорий.

Через несколько дней немцы в белых халатах подошли к открытым дверям. Войти боялись. Разглядывают. Немец у меня спрашивает: «Ты кто?» Я отвечаю: «Я русский». Он мне быстро положил на губы таблетку и вышел. Это был представитель администрации, я его узнал. В лагере он кое в чем помогал русским. Я выжил и продолжал работать в столярке.

В апреле 1943 г. я встретился с земляком Тимофеем Васильевичем Прохоровым. Он отличался от многих узников своим волевым и смелым характером. Был активным участником подпольной организации в лагере, вел всю пропагандистскую работу среди европейских узников.

С марта по май 1945 г. фашисты устроили эвакуацию узников из концлагеря Штуттгоф. Это был марш смерти. Вывозили огромное количество заключенных и гнали на запад. Тех, кто не мог идти, расстреливали. Грузили заключенных на баржи и топили их в Балтийском море. Участь их была страшной. Выжило из марша смерти незначительное число узников.

В 1938 г. был сооружен самый зловещий, самый жестокий фашистский концлагерь смерти Маутхаузен. Оттуда узники живыми не выходили. Вокруг лагеря находилась каменная стена, стояли вышки с пулеметами, была натянута проволока с током высокого напряжения. Через ворота Маутхаузена прошло примерно

250 тыс. чел. Первыми жертвами в концлагере были немецкие коммунисты и социалисты, свыше 1500 чел. Свыше 5500 чел. составили испанцы-республиканцы, 8203 чел. – французские коммунисты, маки-партизаны, погибшие в каменоломнях Маутхаузена, еще 4473 чел. – чешские патриоты. Маутхаузен был центральным распределительным лагерем, у него действовало 49 филиалов, самыми крупными из которых являлись Гузен, Эбензее, Мельк, Линь. В Маутхаузене погибло 32 180 советских граждан. Всего погибло 130 тыс. чел.

Известна тяжелым трудом каменоломня «Винер грабен» – лестница смерти из 186 неровных ступеней. Узники брали камни на плечи и несли вверх по ступеням. Если узник падал с камнем, это была страшная трагедия. На верхней площадке эсэсовцы обычно демонстративно расстреливали узников, для усиления страха. «Штрафная команда» носила камни снизу наверх, ежедневно 10–12 чел. расстреливали. В конце рабочего дня «штрафники» несли трупы своих товарищей наверх, в крематорий.

Но и в Маутхаузене шла героическая борьба представителей всех стран с фашизмом. Самым невероятным был побег смертников из 20-го блока. В ночь со 2 на 3 февраля 1945 г. бежало около 700 чел. – советские офицеры и несколько человек из других стран. Они бежали в совершенно невероятных условиях, с огромными жертвами. Вернулись живыми на свободу только 7 чел.

Легендой, примером доблести и героизма стал бессмертный подвиг советского генерала Дмитрия Михайловича Карбышева. В ночь с 17 на 18 февраля 1945 г. после зверских пыток фашисты вывели генерала Карбышева на мороз, сняв с него всю одежду, и стали обливать холодной водой с брандспойта, пока его тело не превратилось в ледяной столб. Труп сожгли в печах Маутхаузена. Узникам он говорил: «Главное – не покоряться, не пасть на колени перед врагом!» Последние его слова перед казнью были: «Бодрее, товарищи! Думайте о своей Родине, и мужество вас не покинет!».

В июне 1944 г. советские войска подходили к Польше, крематорий и газовая камера Штуттгофа не справлялись с уничтожением заключенных. Нас, пятерых ростовчан, и других узников привезли в Маутхаузен и разместили на карантин в 17-й блок. Мы получили номера на белой материи с красными треугольниками, что означало – политзаключенные, и буквой R – русские. Мой номер был 75 949. После карантина меня направили в филиал (команду) Гузен и поместили в блок № 14. Я работал в мастерских, назывались они штайер. Ребят-ростовчан распределили по разным баракам. Работали они на погрузочно-разгрузочных работах.

В концлагере Гузен, как и в Маутхаузене, были ограждения с током высокого напряжения, вышки, охрана. Внутри – крематорий. Устрашающий режим, расстрелы, избиения, уничтожение газом, постоянный голод, болезни. В госпитале умирали от истощения и болезней, не давали даже воды. Живым из Гузена никто не выходил. Ежедневно утром, днем и вечером проходили построения узников для переклички (апель). Во время построения выясняли, сколько человек живых, сколько погибло. Работали в лагере с раннего утра до позднего вечера. Я работал на фрезерном станке, на слесарных работах, подносил готовые детали в отдел технического контроля. Здесь работали два поляка:

Зигмунд Броморский – адвокат из города Гдыня – и профессор Варшавского университета, имени и фамилии которого не помню. Интересные, доброжелательные, интеллигентные люди, интересовались жизнью в Советском Союзе. О России отзывались очень хорошо. Я рассказывал им с радостью о своей Родине – России. Это была отдушина в то время. Беседовали, пока не было надзирателя. Зигмунд Броморский говорил мне: «Если будешь жив, освободишься, приедешь на Родину, в Ростов, обязательно учись, получишь образование, станешь хорошим специалистом или ученым».

Однажды во время построения уголовник увидел на моей жакетке номер с красным треугольником и буквой R. Он назвал меня русской свиньей. Я не удержался и ответил ему: «Ты сам – свинья». Тогда он обратился к капо и сказал, что я его оскорбил. Они тут же меня избили гумами (резиновыми палками). Апель закончился, меня потащили в склад заготовок, где продолжили избивать. Узники, которые видели, что меня избивают, сказали начальнику мастерских об этом. Он прибежал и закричал: «Ему же 15 лет, это же мальчишка!» Старший капо ответил: «15-летние на фронте воюют». Тогда начальник мастерских сказал мне: «Вставай и иди». Я еле-еле дошел до своего места работы. Меня окружили узники, а вечером под руки помогли дойти до барака. Ночью я не спал, а утром еле дошел до госпиталя. Когда эсэсовец увидел меня окровавленным, закричал: «Уберите его!» И указал на нары. Когда я подошел к нарам, то увидел медработника-узника Николая Шилова из Штуттгофа. Он меня узнал, назвал по имени, положил на отдельные нары. Он помог мне выживать, я чудом остался жив.

В лагере существовало антифашистское сопротивление. Тайно действовал интернациональный подпольный комитет. Австрийские и немецкие коммунисты, советские офицеры готовили восстание. Оно вспыхнуло, когда советские и американские войска уже приближались к Маутхаузену. Эсесовцы бежали, вышки охраняла австрийская полиция, которая также позже сбежала. 5 мая 1945 г. концлагеря Маутхаузен и его филиалы, в том числе и Гузен, освободили. Узники расправились с фашистскими бандитами и капо, которые не успели сбежать.

Ежегодно тысячи людей из разных стран посещают Маутхаузен, чтобы почтить память жертв гитлеровского концлагеря и над прахом погибших дать клятву сохранить мир и не допускать повторения фашистского варварства. 12 мая 1968 г. состоялось торжественное открытие памятника жертвам фашизма на территории бывшего концлагеря Штуттгоф в Польше. Я участвовал в составе советской делегации, встречался с друзьями из разных стран, с которыми пришлось страдать и выживать. В мае 1977 г. Советский комитет ветеранов войны направил в Австрию группу ветеранов войны – участников боев за освобождение Австрии и бывших узников концлагеря Маутхаузен, которая приняла участие в международной манифестации бывших узников лагеря. В эту группу был включен и я.

14 апреля 1997 г. по приглашению российского посольства в Австрии я в составе делегации бывших узников принимал участие в международном мероприятии, проводимом на территории Вены и посвященном 52-й годовщине со дня освобождения фашистского концлагеря Маутхаузен. «Общество бывших

российских узников Маутхаузена» неоднократно организовывало поездки в Австрию для участия в международных мероприятиях, встречах с активными участниками антифашистского сопротивления. В составе делегации был и я.

Специальное приглашение я получил в 2012 г. от молодых ученых Венского университета. Встреча была организована при содействии студенческого Евроазиатского форума, юридического университета, посольства России в Австрии и Российского центра науки и культуры. 9 мая, в День Победы, в Венском университете состоялось торжественное мероприятие «Свидетель времени», посвященное 67-й годовщине Победы во Второй мировой войне. На встрече присутствовали посол Казахстана Кайрат Абдрахманов, посол Украины в Австрии Андрей Березный, советник посольства Белоруссии в Австрии Андрей Ерошин, представители посольства России в Австрии, а также около 200 чел. – студентов, магистров, преподавателей университета, представителей общественности Австрийской Республики. Как один из немногих оставшихся в живых узников этого страшного лагеря смерти, я рассказывал обо всех пережитых ужасах этой фабрики смерти, о страшных годах пребывания в лагере, о солидарности и дружбе людей разных национальностей.

В настоящее время я являюсь председателем правления Ростовского областного отделения Межрегиональной общественной организации «Общество бывших российских узников Маутхаузена», членом Интернационального Маутхаузен-комитета, членом городского клуба ветеранов и молодежи «Патриот». Еще в 1963 г. при областном краеведческом музее, благодаря содействию его сотрудника и участника Великой Отечественной войны Семена Ивановича Куликова, мы с Федором Федоровичем Михайличенко создали общество бывших узников концлагерей. Я веду активную работу по патриотическому воспитанию молодежи, являюсь секретарем Донского союза юных защитников Родины. К сожалению, в настоящее время несовершеннолетние узники фашизма, признанные законом Российской Федерации «О ветеранах» как жертвы Великой Отечественной войны, остаются ущемленными в своих правах. Они не имеют официального статуса участников войны и соответствующего ему объема социальных льгот.

М.П. Мерзляков

Право личной собственности в период Великой Отечественной войны и защита домашнего хозяйства от произвола фашистских оккупантов

Самым трагическим периодом нашей истории была и остается Вторая мировая война. Знатен и славен был подвиг героев на полях боевых сражений, однако своим чередом продолжалась и жизнь обывателя под контролем фашистских оккупантов, которые не церемонились ни с самим народом на захваченной территории, ни с годами им нажитым и сбереженным имуществом. За громом

орудий и горечью от гибели миллионов сложно разглядеть бытовую сторону жизни простого человека, его стремление сохранить свой кров и имущество. Взгляд на события войны сквозь призму житейских трудностей позволяет вернуть ее истории «человеческое измерение». К тому же понимание процесса в целом складывается из познания частностей, т.к. картина исторических событий всегда мозаична. Попробуем раскрыть обстоятельства жизни людей в условиях нацистской оккупации и ее последствий на примере семьи Черновых.

Летом 1942 г. фашисты пришли в Раздорский район (в настоящее время – в составе Усть-Донецкого) и к 22 июля полностью захватили его. Тут же стали появляться комендатуры и полицейские участки, бургомистры и старосты как опора для выкачки местных ресурсов в Германию. Ярким примером посягательства оккупантов на личную собственность и домашнее хозяйство служат события семейной истории Черновых.

Петр Алексеевич Чернов родился в казачьей семье в станице Урюпинской 20 февраля 1889 г. В годы Первой мировой войны воевал в 14-м казачьем полку, был оружейным мастером. В революцию командовал 1-м эскадроном в Хоперском казачьем полку, который потом и возглавил. Был в первом наборе в Академии Генерального штаба Красной армии: проходил обучение с 9 сентября 1919 г. по апрель 1920 г. [1]. Учился вместе с В.И. Чапаевым, потом сражался с армией А.И. Деникина. Позже был окружным военкомом Черкасского и Морозовского округов, города Шахты [2]. С 1927 по 1932 гг. – начальник 1-го отдела милиции в г. Краснодаре. С 1932 г. перешел на хозяйственную работу. Работал заместителем директора «Молмясотреста» в г. Ростове-на-Дону, руководителем группы Наркомата совхозов СССР. Во время репрессий из Москвы был переведен в Ростовскую область и назначен директором вновь созданного в 1938 г. племхоза «Придонского» [3], с которым в 1942 г. угнал в эвакуацию скот в Азербайджанскую ССР. Дома у него в это время остались жена и две дочери.

Когда пришли немцы, они обратили внимание на хороший, добротный дом и идеальную чистоту. Понравился им и казачий уклад жизни. Немецкие офицеры слушали патефон Черновых и при звучании русских народных песен говорили: «Кольхоз, кольхоз». Немецкий солдат принес портрет фюрера и повесил его со словами: «Гитлер и Сталин не карошо, война плохо». Затем показал фото женщины и двух девочек. Немцы, заходя после этого в дом, произносили: «Хайль Гитлер!» – и уходили. Портрет Гитлера на какое-то время защищал семью от посягательств фашистов. После в доме поселились офицеры вермахта [4].

Жена Петра Татьяна Ивановна Чернова доила корову под контролем автоматчика и, наливая молоко в кувшин, всегда давала тому первую кружку. Корова спасла их от голода. После объявления войны жители в панике скупили все нужные и ненужные вещи в магазине. В числе последних покупателей оказалась и Т.И. Чернова. Ей достались только скалка и совок, которые до сих пор еще используются ее потомками.

Придя на казачью землю, фашисты стали проводить политику, направленную на изъятие ресурсов для ведения войны. В своих листовках они пропагандировали «новый порядок пользования землей». Суть его в немецких листовках сводилась к лозунгу: «Трудолюбивому крестьянину – своя земля!». Далее

разъяснялось, что наделение землей должно было происходить постепенно: «В некоторых общинных хозяйствах это будет сделано немедленно, в других – несколько позднее. Ожидайте спокойно свою очередь. Исполняйте свой долг, содействуйте возрождению Родины». Немецкие пропагандисты заявляли крестьянам: «При колхозном строе ты мог держать лишь одну корову, теперь ты можешь держать их в неограниченном количестве. Сельскохозяйственные отделы Германского управления будут широко поддерживать и поощрять скотоводов. Вместо трудодней, существующих при колхозной системе, вы получите доходы, соответствующие вашему труду. Земля для личного пользования делится полосами, расположенными в разных полях. Самовольно делить нельзя. Пахота и посев производится крестьянами совместно. Дальнейшая обработка и сбор урожая лично каждым крестьянином» [5]. В статье «Новое аграрное распоряжение – подарок для крестьян» в таганрогской газете «Новое слово» говорилось: «Новый аграрный закон прямо указывает, что общие хозяйства надо рассматривать лишь как необходимую временную экономическую форму при переходе от большевистских коллективных хозяйств к новым формам сельхоз. труда. Всякие ограничения на содержание личного скота упразднены» [6].

В то же время оккупанты сохранили подобие колхозов – государственные имения. В статье «Возрождающийся Дон» в газете «Новое слово» прямо указывалось на восстановление деятельности государственных имений и 147 МТС, для руководства которыми были созданы соответствующие управления. Территория области была разделена на 13 округов, в каждом из которых вводились должности районных агрономов, зоотехников, землемеров, ветеринарных врачей [7]. Были даже санитары по уходу за скотом [8].

Соответствующие преобразования произошли и в системе управления. Советские органы заменялись управами и бургомистрами, создавалась местная полиция. Только в Октябрьском (сельском) районе в местном аппарате органов власти и управления работало 400 чел. Один из таких коллаборационистов – бывший зоотехник Роткин, став главой государственного имения № 49, выдал семью П.А. Чернова немцам, за что и получил в награду от своих новых хозяев ружье, отобранное у Черновых. А ведь Чернов до этого награждал Роткина похвальным листом как лучшего стахановца, отличившегося во Всесоюзном социалистическом соревновании совхозов [9].

В осенний день 3 сентября 1942 г. в дом Черновых ворвались полицаи и стали против воли хозяина выносить имущество. Фактически это был узаконенный грабеж со стороны окружного агронома Рудольфа Вагнера. При помощи полиции им было изъято имущество и продукты на сумму в 10 875 руб. Полная опись изъятого имущества на четырех страницах включала 106 предметов, вплоть до килограмма сахара, с указанием их ценности. При этом швейную машинку оценили в 150 руб., а персидский ковер – в 500 руб. Изъятие имущества обрекало семью Черновых фактически на голодную смерть. Чернова подписала акт о переходе имущества, но не получила за это никакой компенсации [10]. Давая правовую оценку данного волеизъявления, следует отметить, что оно формировалось под действием угроз и насилия, и это создавало юридическую основу для его признания недействительным в судебном порядке.

Все имущество было запаковано и на двух грузовых автомашинах доставлено в город Шахты, где Вагнер держал свое имущество [11]. Немцы рассчитывали, что они пришли надолго. Вагнер даже успел жениться на уроженке Таганрога Зинаиде Луценко. К ее родителям Петру Ефимовичу Луценко и Марии Ефимовне Петровой, проживающим в городе Таганроге в доме № 85 по улице Исполкомовской (в настоящее время – переулок Итальянский), он и перевез затем из Шахт награбленное им имущество.

Оставшись практически без средств к существованию, Т.И. Чернова с дочерьми к тому же заболели тифом. Старшая, Розочка, не дожив до 10 лет, умерла в холодную зиму 1943 г. Младшая, 7-летняя Светлана, выхаживала мать. Выжили только тем, что из мерзлой картошки варили суп («кондер»). Вареную картошку толкли и заливали той же водой с луком [12].

Большинство жителей хутора Придонского в период оккупации работали в поле, на крупо- и просорушках, обмолачивали ячмень, пшеницу. Согласно недельному отчету государственного имения № 49, всего в нем работало 116 постоянных и 58 сезонных рабочих. Чернова, как жена красного командира, в имении не работала, но ей помогали местные женщины. Вагнер вместе с Роткиным готовил списки на угон людей в Германию и уничтожение в шурфах шахты Красина. Поэтому перед уходом немцев, убиравших свидетелей, Татьяна Чернова с дочерью спрятались в яслях, закопались в сене и лежали до тех пор, пока не появились советские разведчики на мотоциклах.

Подводя итоги хозяйствования оккупантов, необходимо отметить, что в 1938 г., в момент создания совхоза, в его стаде было 800 коров, а также быки, волы. Всего 2063 головы крупного рогатого скота [13]. После освобождения в хозяйстве осталось всего 4 вола, 11 коров, 1 бык и 6 голов молодняка. Таков был итог недолгого правления новых господ.

П.А. Чернов находился в эвакуации до 10 марта 1943 г. Вернувшись, нашел семью выселенной из дома, а имущество полностью разграбленным. Он возглавил совхоз и занялся поисками имущества. В декабре 1943 г. от жителей совхоза до него дошла информация, что ранее принадлежавшие ему вещи находятся в Таганроге. Он отправился в Таганрог и посетил дом Луценко через военкомат под видом офицера, ставшего на постой. Там он и обнаружил свои вещи – кресло, швейную машинку «Зингер», ручку которой он сам вырезал из слоновой кости, мужское кожаное пальто, скатерть, шерстяные шарф и женскую шаль. Эти предметы были изъяты при содействии начальника 1-го отдела милиции. Но остальное имущество Луценко возвращать наотрез отказались.

Чернов был вынужден обратиться за защитой своих прав и законных интересов в суд. Но суд в России всегда непредсказуем. Не стало исключением и дело Чернова. Вот выдержки из письма очевидицы бывшего зоотехника Петренко: «Был суд без положительного результата. На суде в Таганроге у всех круговая порука, всюду свои знакомые. По решению суда немец все вывез, а не нужные вещи вручены владельцу. Доверенное Ваше лицо выступило четко и обосновано, но заседание суда длилось всего 2 минуты, так как решение видимо было заблаговременно вынесено. <…> Вам нужно это обжаловать и срочно. Подавать иск и наложить арест на их имущество» [14]. Действительно,

народный суд 1-го участка Ленинского района города Таганрога 25 января 1944 г. рассмотрел дело и в иске отказал на том основании, что обнаружение 5 вещей у ответчиков не дает основания для взыскания с них, т.к. найденные вещи остались в той комнате, где проживал Вагнер.

Тогда Чернов подал кассационную жалобу. В итоге прежнее решение было отменено, а рассмотрение передано в народный суд Октябрьского района города Шахты, где проживала раньше ответчица Зинаида Луценко (Вагнер). Итогом судебного заседания стала мировая сделка. Истец П.А. Чернов и ответчики Е.П. Луценко, М.Е. Петрова 18 декабря 1944 г. окончили тяжбу миром. Семья Луценко в возмещение ущерба, причиненного Чернову во время фашистской оккупации, обязалась вместо исковой суммы в 360 790 руб. передать Чернову 100 000 руб. наличными, а также 5 ульев с пчелами и 5 порожних ульев, а еще 5 кг вощины. При этом деньги выплачивались равными долями по 50 тыс. руб. к 20 января и 20 февраля 1945 г. Ульи же оставались у Луценко до 1 января 1945 г. [15]. Подобный относительно благополучный исход дела, впрочем, совсем не типичен для условий военного времени. Большинство жителей оккупированных советских областей, ограбленные захватчиками, своего имущества больше нигде и никогда не увидели.

Примечания:

1. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 131. Оп. 1. Д. 32. Л. 80.
2. Личный архив семьи Черновых. Военный билет № 31 727 Чернова Петра Алексеевича.
3. Советский Дон. 1959. 27 февраля. С. 4.
4. Респондент А.С. Андрианова, 1935 г.р., записана в станице Мелиховской Усть-Донецкого района Ростовской области в мае 2015 г. Интервьюер М.П. Мерзляков.
5. Раздорский этнографический музей-заповедник. Фонд письменных источников и документов. КП-15 330.
6. Новое слово. 1942. 25 марта.
7. Новое слово. 1942. 25 апреля.
8. Респондент А.С. Андрианова.
9. Личный архив семьи Черновых. Похвальный лист Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов СССР № 394. 5 августа 1942 г.
10. Там же. Опись и оценка изъятого имущества у гражданки Черновой Т.И., направляемого в распоряжение господина Вагнера и его кладовую согласно его приказа. 3 сентября 1942 г.
11. Там же. Кассационная жалоба в судебную коллегию по гражданским делам Ростовского-на-Дону областного суда от адвоката Шахтинской юридической консультации Шароборина.
12. Респондент С.П. Чернова, 1935 г.р., записана в станице Мелиховской Усть-Донецкого района Ростовской области в июле 1990 г. Интервьюер М.П. Мерзляков.
13. Личный архив семьи Черновых. Решение начальника управления Молмясосовхозов юга Наркомата совхозов РСФСР Телегина. 14 октября 1938 г.
14. Там же. Письмо Петренко из г. Таганрога П.А. Чернову в совхоз Придонский от 25 января 1944 г.
15. Там же. Мировая сделка между Луценко Ефимом, Петровой Марией и Черновым Петром. 18 декабря 1944 г.

РАЗДЕЛ 5. СОБЫТИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАСЕЛЕНИЯ ЮГА РОССИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ СТРАН

А.И. Тетуев

Память о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и объективное отображение ее истории

В условиях современной геополитической конкуренции за глобальное лидерство и стратегический контроль над ресурсами усиливается информационная кампания по дискредитации политики и истории России, в том числе истории Великой Отечественной войны. Великая Отечественная война, безусловно, является одной из опор коллективной памяти российского народа. Образ войны и Победы выступает символом могущества нашего Отечества, единения людей разных национальностей, социальных и возрастных групп, служит напоминанием об огромном духовном потенциале, которым обладают Россия и ее народ. В этой связи память о войне и ее объективное отображение имеют не только научное и научно-практическое значение. Одним из направлений фальсификаций является национальная политика советского государства в годы Великой Отечественной войны и освободительная миссия Красной армии в Европе.

Проблемы развития народов и их консолидации в рамках единой Российской Федерации рассматриваются в политической практике в качестве основополагающих. Их решением определяются многие стороны жизни общества. Национальная идея, овладевая умами, способна дать мощный импульс прогрессивным процессам, но она же нередко эксплуатируется в целях получения власти, разжигания межнациональной вражды, служит обоснованием сепаратизма. В связи с этим основной задачей государственной национальной политики является всемерное содействие развитию народов, их консолидации в рамках единого государства.

Основополагающие принципы национальной политики советского государства существенно отличались на разных этапах становления и развития общества. Значимость и последствия политики сильнее всего проявлялись в периоды социальных потрясений, среди которых одним из самых трагичных является Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Экстремальная социально-политическая ситуация, каковой являлось военное время, более ярко и зримо выявила существующие в обществе национальные проблемы, а также раскрыла в национальных отношениях ряд новых аспектов. Агрессор, напавший на СССР, стремился уничтожить национальную государственность, осуществить тотальный геноцид народов Советского Союза. В этих условиях важнейшим фактором победы в Великой Отечественной войне была идеология, содействующая укреплению патриотизма, межнациональному единству народов СССР, вере и в Победу, и силы народа.

Исследование национальной политики СССР в указанный период представляется актуальным в нескольких отношениях. Этот опыт, во-первых, позволяет оценить меры использования государством национального фактора в решении социально-политических и военных проблем, а также меры реагирования государства на процессы, происходящие в национальных отношениях в «экстремальные» периоды истории. Во-вторых, позволяет увидеть взаимовлияние мер национальной политики противостоящих сторон, в-третьих, обнаружить истоки ряда современных межэтнических конфликтов и проблем в межгосударственных отношениях на пространстве бывшего СССР. Распад СССР также являлся своего рода экстремальной социально-политической ситуацией, вызванной в том числе воздействием национального фактора. История СССР и постсоветских государств в 1989–2014 гг. характеризуется рядом аспектов, прямо вытекающих из тех, которые ярко проявили себя в годы Великой Отечественной войны (национализм, сепаратизм, повстанческое движение и др.).

Наряду с этим в конце XX – начале XXI в. в результате системной трансформации российского общества произошла экономическая дезинтеграция, социальная дифференциация общества и девальвация духовных ценностей. Все это оказало негативное влияние на общественное сознание большинства социальных и возрастных групп населения страны, резко снизило воспитательное воздействие культуры, искусства и образования как важнейших факторов формирования гражданских ценностей. В общественном сознании получили широкое распространение равнодушие, эгоизм, индивидуализм, цинизм, немотивированная агрессивность, неуважительное отношение к государству и социальным институтам. Проявляется устойчивая тенденция падения престижа военной и государственной службы. В этих условиях очевидна неотложность решения на государственном уровне острейших проблем формирования гражданских ценностей молодежи как основы консолидации общества и укрепления государства.

Актуальная задача консолидации общества диктует необходимость усиления работы по патриотическому воспитанию в регионах, а также более активного участия центра в проводимых на местах мероприятиях патриотической направленности. Героические события отечественной истории, выдающиеся достижения страны в области политики, экономики, науки, культуры и спорта являются основой нравственных идеалов современного человека, создают реальные предпосылки для разработки комплекса мероприятий по патриотическому воспитанию граждан. Таким образом, проблемы развития народов и их консолидации в рамках единой Российской Федерации и на постсоветском пространстве продолжают оставаться актуальными для исторической науки и имеют большое не только научное, но и практическое значение.

Война многонационального Советского Союза против фашистской Германии была отечественной для всех его народов. Каждый из них внес посильный вклад в борьбу с фашизмом. Укрепление братского содружества советских народов в период войны было важнейшей идеологической задачей. Развязывая войну против Советского Союза, гитлеровцы возлагали большие надежды на то, что первые же неудачи Красной армии вызовут межнациональные распри

и многонациональное советское государство быстро распадется. Для достижения этой цели они стремились использовать националистические идеи. Некоторые националисты задолго до войны пошли на службу в иностранные разведки. С началом войны они развернули на оккупированной гитлеровцами территории Советского Союза националистическую пропаганду под флагом борьбы за «самостоятельность», за «отделение от Москвы». Были созданы Организация украинских националистов, Белорусская центральная рада, «Особая партия кавказских братьев» и другие подобные им националистические организации. Руководители этих организаций и созданные ими вооруженные банды помогали гитлеровцам осуществлять грабежи и разбои, террор и насилие над советскими людьми [1].

Германия старалась избежать сопротивления со стороны кавказских народов и даже стремилась привлечь их на свою сторону, разработав с этой целью довольно либеральную политику, представлявшую возможность организации местного самоуправления. Планируя захват Кавказа, германское командование забрасывало сюда диверсионные и террористические группы. Среди некоторой части местного населения получило распространение уклонение от призыва в Красную армию, дезертирство. В числе главных целей организации партий «кавказских братьев» назывались: ускорение гибели большевизма на Кавказе во имя поражения России в войне с Германией; создание по мандату Германской империи на Кавказе свободной федеративной республики; выселение из региона русских и евреев [2].

Но ход событий опрокидывал расчеты врага, показывал беспочвенность и несостоятельность его надежд. В борьбе с фашистскими захватчиками крепло политическое, военное и экономическое сотрудничество народов страны. Этому способствовала и пропаганда национального единства, направленная на защиту Отечества. Поражения первых месяцев войны, многочисленные попытки немцев дестабилизировать советский режим, используя политическое, национальное и социальное недовольство населения, оказали воздействие на некоторые аспекты сталинской идеологии. Русские ценности, национальные и патриотические, реабилитированные во второй половине 1930-х гг., с новой силой прозвучали в речи Сталина, переданной по радио 3 июля 1941 г. Отказавшись от слова «товарищи», звучащего слишком по-революционному, Сталин избрал традиционное обращение к народу, которое на протяжении веков звало к национальному единению: «Братья и сестры! Смертельная опасность нависла над Отечеством» [3]. Ссылки на великий русский народ «Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова» прочно заняли свое место в идеологическом контексте «священной войны». Принимая 7 ноября 1941 г. парад уходивших на фронт войск, Сталин призвал их вдохновляться в сражениях «мужественными образами наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, Суворова и Кутузова» [4].

Восстановление традиционных ценностей в армии, окончательный отказ от института политических комиссаров в пользу принципа единоначалия

были шагами в том же направлении [5]. Вместе с тем последовательно проводилась мысль о том, что именно русский народ – первый среди равных – несет основную тяжесть Великой Отечественной войны. Чтобы нейтрализовать адресованную нерусским меньшинствам фашистскую пропаганду, подчеркивались исторические связи, объединившие Россию с другими народами, прославлялись такие исторические личности, как Богдан Хмельницкий, присоединивший Украину к России. В советских и партийных аппаратах республик в эти годы снова стали выдвигаться национальные кадры [6].

Кроме того, использовались и другие стимулы для подъема чувства национальной гордости нерусских народов страны. В противоположность обычной, всегда практиковавшейся политике в области строительства вооруженных сил были сформированы несколько национальных соединений, укомплектованных гражданами отдельных союзных или автономных республик. Так, по решению Государственного комитета обороны СССР в ноябре 1941 г. в Киргизской, Таджикской, Туркменской, Узбекской союзных, Башкирской, Калмыцкой, Кабардино-Балкарской и Чечено-Ингушской автономных республиках были сформированы 20 кавалерийских дивизий и 15 отдельных стрелковых бригад. В значительной степени они оснащались за счет местных бюджетов [7].

Политика национального единства нашла отражение также в компромиссе с православной церковью. Антирелигиозная пропаганда была прекращена сразу же после начала войны как ответ на лояльность, продемонстрированную высшими церковными властями. Два самых авторитетных митрополита (московский – Сергий и ленинградский – Алексий) призвали верующих молиться и сражаться за победу. В ноябре 1942 г. оба они были удостоены первых официальных наград. В сентябре следующего года они были приняты Сталиным и получили разрешение на восстановление руководящих органов церкви. Был созван собор, на котором Сергия избрали патриархом (пост этот пустовал с 1925 г., когда умер последний из патриархов – Тихон) и был образован синод. Одновременно был учрежден новый правительственный орган – Совет по делам православной церкви, на него была возложена задача сотрудничать с церковными властями (и надзирать за их деятельностью). Впервые были отпущены средства на ремонт нескольких храмов [8]. Аналогичные послабления, хотя и меньшего масштаба, были сделаны в отношении других вероисповеданий, прежде всего мусульманства. В октябре 1943 г. в Ташкенте было создано Центральное управление мусульман. Избрание муфтия, засвидетельствовавшее в глазах правоверных добрую волю советской власти в отношении ислама, нарушило немецкие планы в Крыму и на Кавказе [9].

Патриотизм, религиозная терпимость, антифашизм – все эти компоненты политики СССР вызывали отклик и далеко за его пределами. Они углубили, в частности, уже существовавшее размежевание в русской послереволюционной эмиграции, насчитывавшей еще около 1 млн чел., из которых 400 тыс. чел. жили во Франции. Нацистской Германии удалось завербовать к себе на службу лишь незначительную часть эмигрантов, самых оголтелых и готовых на все ради мести [10].

Таким образом, одним из основных источников победы в Великой Отечественной войне была политика национального единства, которая обеспечила тесный союз народов СССР. Каждый народ внес посильный вклад в борьбу с фашизмом. Подтверждением этого является то, что за время Великой Отечественной войны 11 635 чел. удостоились звания Героя Советского Союза. Среди них представители более 100 наций и народностей страны. Вместе с тем в национальном вопросе были допущены серьезные ошибки, деформации и даже преступления. В нарушение социалистической законности в период войны отдельные народы были депортированы. Сталинский режим исходил из собственных представлений о национальной безопасности и геостратегических интересах страны.

Великая Отечественная война – событие, над которым не властно время: 78 % всех опрошенных называют победу в Великой Отечественной войне самым значительным событием для нашей страны [11]. Необходимость переосмысления прошлого сегодня определяется не только вновь открывшимися обстоятельствами, архивными находками, но и новейшими социальными и политическими катаклизмами. Информационная и идеологическая война, развязанная после окончания Второй мировой войны, проявляется в XXI в. с новой силой, угрожающей гражданам нашего государства лишением истории или ее осквернением. Искажение фактов истории, принижение исторической роли России стремится ограничить ее влияние на современные глобальные процессы и подорвать чувство собственного достоинства россиян, их уважение к своему прошлому и государству. Эта угроза приняла национальные масштабы и вызвала реакцию на государственном уровне. Указом президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. № 5491 была создана Комиссия при президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России [12].

Историки, политики и публицисты Польши, Литвы, Латвии и Эстонии переквалифицировали освобождение их стран Россией от нацизма в «большевистскую оккупацию». Военная история нашего Отечества оказалась в эпицентре борьбы за национальную безопасность России, как во внутренней, так и во внешней сфере. Это значит, что военно-исторические знания – весомый фактор национальной безопасности государства, а военно-историческое прошлое России – один из объектов, на которые проецируются угрозы ее национальной безопасности. Об этом свидетельствует попытка поставить под сомнение достоверность ряда хрестоматийных исторических фактов, в первую очередь связанных с подвигами Н. Гастелло, З. Космодемьянской, 28 героев-панфиловцев, А. Матросова и др. Проявляется это и в стремлении обесценить подписи СССР под важнейшими международно-правовыми актами и всем юридическим основанием послевоенных территориальных реалий. В этом ряду и увеличение числа публикаций об отторжении Калининградской области, Курил и т.д. [13].

В настоящее время идет передел мира. Югославию, Ирак, Афганистан уничтожали военным путем. Конфликт в Юго-Восточной Украине США и страны Евросоюза используют для ослабления Российской Федерации.

Война против фашизма – самая тяжелая из войн в истории нашей Родины. Она стала суровым испытанием жизнеспособности СССР Великой Отечественной войной, борьбой всех народов страны за свою свободу и независимость. Такую оценку войны подчеркиваем особо, поскольку в последнее время в некоторых кругах прилагались усилия, чтобы доказать обратное. Крушение коммунистической идеологии и идеалов отразилось и на изучении истории Великой Отечественной войны, отношении к ее героям. В развернувшейся фальсификации Великой Отечественной войны наиболее уязвимым оказалось старшее поколение: ветераны войны – фронтовики, труженики тыла, дети военных и довоенных лет, ровесники Победы, которые переживают вторую за свою жизнь (первой была травма, нанесенная войной) психологическую травму. С одной стороны, остается гордость за подвиг. На вопрос федерального мониторинга: «Как вы оцениваете поколение людей, победивших в Великой Отечественной войне?» – 68 % респондентов ответили: «Они совершили великий исторический подвиг, плодами которого пользуются наши современники». Вместе с тем более четверти (27 %) опрошенных считают, что это: «Поколение победителей, которые не сумели воспользоваться плодами Победы». В целом же отношение большинства респондентов к ветеранам войны – и фронтовикам, и героям тыла – позитивное [14].

Противники возрождения российской державности стремятся лишить преемственности русское и советское историческое сознание. Это служит основанием для достижения фундаментальных целей. Во-первых, война перестает быть отечественной, русские в XX в. лишаются легитимной государственности, а значит, правомерны внутренние мятежи и внешние вмешательства. Во-вторых, идея, что СССР вел битву с гитлеровским рейхом, будучи таким же преступным государством, служит изменению смысла войны и может дать основания для ревизии итогов Ялты и Потсдама.

Таким образом, анализ национальной политики и национальных отношений в один из важнейших периодов истории нашего государства будет способствовать пониманию особенностей национального развития на предыдущих и последующих этапах, пониманию проблем во взаимоотношениях между Российской Федерацией и сопредельными странами, пониманию современных тенденций внутриполитического развития Украины и стран Прибалтики.

Общественно-политическое значение политики национального единства в годы Великой Отечественной войны заключается в расширении возможностей поиска наиболее эффективных средств для устранения деструктивного действия национального фактора и формировании гражданских ценностей в российском обществе на современном этапе.

Примечания:

1. Боффа Дж. История Советского Союза / пер. с ит. М., 1990. Т. 2. С. 160; Касаткин М.А. В тылу немецко-фашистских армий. М., 1980. С. 31.
2. Алиев К.-М.И. В зоне Эдельвейса. М.; Ставрополь, 2005. С. 38–48.
3. Совершенно секретно. Только для командования. Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 150.
4. Верт Н.А. История советского государства. 1990–1991 / пер. с франц. М., 1992. С. 285.

5. Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1973. С. 218; Воронов Н.Н. На службе военной. М., 1973. С. 253–254.
6. Верт Н. Указ. соч. С. 285.
7. История Коммунистической партии Советского Союза: в 6 т. М., 1970. Т. 3. Кн. 1. С. 311.
8. Куроедов В.Н. Из истории взаимоотношений Советского государства и церкви // Вопросы истории, 1973. № 9. С. 28–29.
9. Верт Н. Указ. соч. С. 287.
10. Боффа Дж. Указ. соч. С. 162–163.
11. Дубин Б. «Кровавая» война и «Великая» победа // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 70.
12. Указ Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. № 549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» // Российская газета. Федеральный вып. 2009. 20 мая. № 4913.
13. Мединский В.Р. Итоги нашей Победы многим в мире не дают покоя // Комсомольская правда. 2011. 6–12 мая. С. 4; Нужен ли оппозиции герой? // Дуэль. 2000. 5 сентября. № 36 (179).
14. Афанасьева А.И., Маркушин В.И. Великая Отечественная война в памяти россиян. Екатеринбург, 2005. С. 22.

А.С. Сенявский

Великая Отечественная война и освободительная миссия Красной армии в исторической памяти: теоретико-методологические проблемы[1]

Великая Отечественная война – важнейшая часть Второй мировой. Именно на советско-германском фронте была перемолота подавляющая часть живой силы и техники фашистов, именно СССР вынес на себе основную тяжесть противостояния с самой мощной военно-экономической машиной и принес на алтарь Победы человеческие жертвы, превосходившие совокупные потери остальных воевавших в Европе стран, – почти 27 млн чел. Огромные территории СССР подверглась оккупации и поруганию, разграблению и разрушению экономики и культурных ценностей. Перемолов в оборонительных и наступательных сражениях десятки вражеских дивизий, очистив от оккупантов свою землю, советский солдат пришел как освободитель на чужие – и оккупированных нацистской Германией стран, и своих противников.

Освободительная миссия в 1944–1945 гг. в Европе – апогей Великой Отечественной войны, вершина триумфа Красной армии. Она имеет глубокий гуманистический смысл: советский солдат принес народам свободу от германской оккупации, нацистского рабства, от фашистских диктатур, наконец, принес

[1] Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 14-31-12081а(ц) «Освободительная миссия Красной армии в 1944–1945 гг.: гуманитарные и социально-психологические аспекты».

мир, обеспечивший миллионам людей главное – право на жизнь, без которого прочие права человека не имеют смысла. Во имя этого, за освобождение Европы, воевало около 7 млн советских воинов, а свыше 1 млн из них отдали свои жизни. В сознании советских людей образ воина-освободителя, свершившего жертвенный подвиг ради других народов, имел исключительно позитивный характер. Мужество, стойкость, массовый героизм, проявленные народами СССР в борьбе за свою и чужую свободу, вошли в историческую память наших поколений как великая ценность.

Гуманитарная сторона освободительной миссии была не менее значимой, чем военная: Красная армия организовывала жизнеобеспечение освобожденных стран, после войны с ними было налажено сотрудничество. СССР, сам лежавший в руинах, оказывал им огромную экономическую помощь, даже побежденным странам, проявив гуманизм и великодушие, особенно после всех варварских преступлений, совершенных агрессорами и оккупантами на советской территории. Немецкий народ, заслуживавший гораздо более сурового возмездия, даже сохранил свою государственность. Почти для всех стран, кроме Германии, репарации оказались скорее символическими, несоизмеримыми с нанесенным ими ущербом.

Сегодня все чаще предаются забвению и эта «милость к падшим», великодушие к поверженному врагу, и огромные жертвы, принесенные СССР для освобождения порабощенных нацистской Германией стран, спасения их народов от истребления. Главная тенденция – использование недоброжелателями России памяти о той войне для формирования негативного образа СССР и Красной армии, разжигание русофобии, негативного отношения к современной России, выдвижение к ней различных претензий. Используется широкий спектр инструментов, вплоть до реабилитации коллаборационистов и военных преступников, реанимации нацизма.

Почему на смену благодарной памяти о подвиге солдата-освободителя приходит забвение и поругание? Почему так получилось, что спустя 70 лет после победы над фашизмом он опять поднимает голову, а правительства, считающие себя оплотом демократии, смотрят сквозь пальцы на осквернение памятников освободителям, а некоторые сами готовы обелить фашистских пособников и военных преступников, создают культ коллаборационистов, обвиняют Красную армию в новой оккупации?

В последней четверти века произошли, во-первых, скачок в разработке технологий манипуляций сознанием; во-вторых, тектонические сдвиги на карте мира с образованием группы новых государств и «переоформлением» старых, с сопутствующим складыванием новых элит, конструированием идентичности и т. д.; в-третьих, в этом конструировании огромную роль сыграло «переформатирование» исторической памяти, прежде всего, памяти о Второй мировой войне и роли в ней СССР с использованием манипулятивных технологий.

Победа антигитлеровской коалиции над нацистской Германией явилась общим результатом и ценностью, которые позволяли надеяться на послевоенное сотрудничество, чего не случилось: идеологические и геополитические противоречия обусловили конфронтационный сценарий взаимоотношений

СССР и США, холодную войну, реально – не свернутую до сих пор. Память о Второй мировой на весь послевоенный период стала областью борьбы и попыток Запада переписать историю со своей точки зрения и в прагматических целях «реальной политики» [1].

Причин идейных столкновений вокруг этой войны много. Одна из главных: ее итоги стали основой Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. «Холодная война», развязанная Западом против истощенного СССР, дала старт двухполюсной (весьма равновесной) системе на базе американского и советского центров силы. Интерпретации истории войны на Западе, имея антисоветскую направленность, оставались «в пределах»: общая позитивная память о ней была одной из идейных платформ возможных «разрядок» и решения текущих проблем. Вторая причина – в особой значимости той войны для ряда поколений. В 1985 г. среди наиболее важных событий за последние полвека на первом месте американцы назвали Вторую мировую войну, подчеркивая справедливость участия в ней США [2]. В советском же (и российском сегодня) сознании она занимает ключевое место. Само название «Великая Отечественная» подчеркивало ее масштаб и значимость для выживания страны и народа. Восприятие войны как судьбоносной для всего мира, а для нашей страны как, безусловно, справедливой, оборонительной, было связано и с колоссальными жертвами, которыми было оплачено четырехлетнее противостояние с почти всей Европой, подмятой Третьим рейхом, бросившим ее потенциал на покорение СССР. Война стала трагедией для большинства семей всех советских народов. Ценность Великой Победы в той войне в отечественном сознании многократно повышает и проявленная народом способность, мобилизовав всю волю и ресурсы, преодолев временные неудачи на фронтах, освободить свои оккупированные агрессором земли и совершить великий освободительный поход в Восточную и Центральную Европу. Поэтому сражение за умы в этом принципиально важном вопросе всегда играло весомую роль в большой политике.

На рубеже 1980–1990-х гг. произошел исторический разворот: распад социалистической системы и СССР, капиталистическая реставрация со сменой идеологии. Интерпретация событий, особенно имевших отношение к социалистическому периоду, подверглась инверсии, знаки плюса и минуса поменялись местами. Подверглась переоценкам и история Второй мировой войны. В СССР в условиях перестройки историческая память использовалась как поле политической борьбы. Разрушались не только классовые символы советской эпохи, но ставились под сомнение героические символы Великой Отечественной войны. «Победители» в холодной войне получили возможность продвигать свои интересы, нереальные в прежней системе международных отношений. Выявились скрытые интересы стран – осколков социалистического содружества и осколков СССР, что привело к ревизии ими многих исторических событий и претензиям к России. Продвижение НАТО на Восток подкрепляло эти претензии. Наконец, Россия – геополитический наследник СССР – оказалась в новых геополитических реалиях при урезанных возможностях, став объектом давления Запада.

Интерес новой России заключается в возможно более полном удержании тех элементов системы международных отношений, которая способствует

обеспечению ее безопасности. А она сформировалась по итогам Второй мировой войны. Крайне важно также сохранить позитивный образ роли СССР в мировой войне и в самой России, ибо память о войне остается одной из немногих объединяющих позитивных ценностей в расколотом российском обществе, к тому же способных мобилизовать его на преодоление новых испытаний. Не менее важно сохранение адекватной памяти о войне и в постсоветских государствах – наших соседях, являющихся ресурсом для интеграции постсоветского пространства – либо с Россией, либо против нее. Но для России важно, чтобы память о той войне, адекватная историческим реалиям, сохранялась и в других странах мира, прежде всего ее участниках – как бывших союзниках, так и противниках, чтобы они не забывали: ни справедливый со стороны СССР, оборонительный и освободительный характер войны; ни решающую роль СССР в достижении Победы; ни проявленную нашим народом, государством и армией способность к высочайшей мобилизации, жертвенность и героизм в борьбе за свободу, готовность преодолеть неимоверные трудности и сокрушить превосходящего силами врага, перед которым тогда склонилось полмира.

Память народов о Красной армии на завершающих этапах Второй мировой войны лишь относительно небольшой, но чрезвычайно важный элемент в структуре мировой, европейской и постсоветской исторической памяти, поскольку от того, как он интерпретируется, как определяется по смыслу, как называется, какие образы и ассоциации вызывает, зависят общая оценка роли СССР и его армии в этом судьбоносном для человечества и многих отдельных народов событии, а в конечном счете и отношение к современной России в мире.

Причины такой значимости заключаются, во-первых, в том, что позитивный образ Великой Отечественной войны остается одной из главных опорных точек российского национального самосознания, объединяющих страну и народ в условиях, когда не только «распалась связь времен», но и исчезли многие прочие скрепы государства, а советское «морально-политическое единство» сменилось далеко не преодоленным сегодня ценностным, социальным и этническим расколом общества. Во-вторых, в тотальном наступлении Запада на современную Россию, формирующего глобальный мир по-американски, стремящегося увековечить свою полученную после развала СССР мировую гегемонию, добить остатки Ялтинско-Потсдамской системы, геополитического потенциала нашей страны. В-третьих, в том, что на уровне постсоветского пространства история Великой Отечественной становится сферой столкновения противоположных тенденций, центростремительных и центробежных относительно России. Победа в этой судьбоносной войне все еще остается общей ценностью для значительной части населения постсоветских государств, важным ценностно-психологическим ресурсом для выстраивания политики сотрудничества, сближения и интеграции России с постсоветскими странами. С другой стороны, во многих постсоветских государствах проявляется стремление утвердить свою государственность за счет России – отталкиваясь от нее, обвиняя в собственных проблемах, формируя ее негативный образ, и в этой «стратегии» свою роль играет историческая политика, в том числе

интерпретация Великой Отечественной войны. Вторая тенденция всячески поощряется и провоцируется Западом, вскоре после развала СССР полностью, вплоть до вступления в НАТО, включившим в сферу своего влияния Прибалтику, продолжающим свою экспансию в других постсоветских странах.

Таким образом, память о давно ушедшей войне надолго приобрела острейшую актуальность. Ведь от того, как называть поход Красной армии в Европу в 1944–1945 гг. – освободительной миссией или «оккупацией», зависит отношение народов к себе и к нашей стране. Образы прошлого способны формировать настоящее и будущее, а память об ушедших войнах – провоцировать реальные войны сегодня, как это происходит на Украине.

Вот в этих сложных и разнообразных контекстах и следует рассматривать как проблемы исторической политики России, так и связанную с ней конкретную проблему исторической памяти об освободительной миссии Красной армии в 1944–1945 гг. Причем как вовне, так и внутри России. Трансформация массового сознания являлась важнейшим инструментом дестабилизации во всех странах, где США осуществляли «цветные» революции, а в рамках этого процесса ключевое место занимало «переформатирование» исторической памяти. В странах Восточной Европы и в новых постсоветских государствах переформатирование исторической памяти использовалось для того, чтобы направить настроение масс против России и пророссийских (или даже нейтральных) режимов, поскольку у всех народов, входивших ранее в состав СССР (а ранее – Российской империи), есть мощные пласты общей позитивной памяти. И здесь есть два основных направления «переформатирования»: 1) инверсия наиболее значимых исторических образов и смыслов – смена положительных образов прошлого на отрицательные и наоборот; 2) формирование негативных исторических образов России, чтобы переложить на нее ответственность за прошлые и современные проблемы новых государств (и «титульных наций»): на «имперский колониализм», «подавление национальных свобод», «тоталитарный сталинский режим», репрессии, «голодомор», «геноцид украинского народа» и т.п. Как правило, это все искусственно сконструированные, сфабрикованные идеологемы, спекулирующие на вырванных из исторического контекста отдельных фактах, но чаще на фактической подтасовке и фальсификации.

Первой волной подобных «революций» явилась «десоветизация» бывших союзников СССР в Восточной Европе, входивших в состав Варшавского договора и СЭВ. При всей специфике каждой из стран главными объектами атаки на историческую память были те общие страницы истории, которые представляли позитивную ценность для общественного сознания – освободительная миссия Красной армии в 1944–1945 гг. и многолетнее сотрудничество, прежде всего, огромная экономическая помощь со стороны СССР. Именно эту память и вытравляли в первую очередь, стремясь представить освобождение оккупацией, сотрудничество и помощь со стороны СССР – «порабощением тоталитарным режимом» и т. д. Акцент переносился с положительных на отрицательные (действительные или мнимые) факты, единичные или немногочисленные негативные факты раздувались, обобщались, заслоняли доминирующий позитив.

Например, в Германии чрезвычайно популярна тема страданий немцев на последнем этапе войны, когда она пришла на собственно германскую территорию, и в первые послевоенные годы, а в этом контексте – сюжеты о «массовых изнасилованиях», мародерстве со стороны советских солдат и т.п., в Польше – «раскручивается» тема «Августовской облавы» 1945 г.» и т.д. Для немцев акцентирование темы своих страданий в годы войны, стремление представить себя жертвой является «попыткой отвести массовое сознание от постулатов национальной ответственности и национальной вины за развязывание Второй мировой войны, за преступные методы ее ведения» [3], вытеснить из памяти столь неприятный для немецкого национального самосознания опыт своей истории. Но такое вытеснение ошибок и преступлений прошлого имеет свои последствия. В Польше, которая сама была жертвой нацистской агрессии, мотивы все еще инфантильного национального сознания были сложнее: здесь и стремление выслужиться перед заокеанским сюзереном, и попытки компенсировать национальные комплексы за счет России, и тайные великодержавные мечты некоторых политиков о возрождении Речи Посполитой.

Трансформация исторического сознания была важным звеном подготовки политтехнологических «революций», а точнее – государственных переворотов с искусственным разжиганием массовых антиправительственных настроений. Не случайно эта работа активно разворачивалась в странах постсоветского пространства. И память о Великой Отечественной войне здесь является ключевой, ибо общими усилиями и жертвами, сражаясь бок о бок, представители разных советских народов отстояли свое право на свободу и саму жизнь. Их общий опыт, их общая позитивная и адекватная историческим реалиям память до сих пор существует. Но в следующих поколениях живая память угасает, и ею легче манипулировать, используя средства массовой информации, кино и печатную продукцию, интернет.

Что касается внутрироссийского манипулирования исторической памятью, то этот инструмент исторической пропаганды уже однажды был эффективно применен для дезориентации народа и вместе с другими средствами обеспечил развал СССР, осуществленный «сверху». При этом разрушались ключевые ценности, символы, образы, смыслы советской эпохи, включая историю Великой Отечественной войны.

Для советского народа фальшивый, но напористый поток «чернухи» в интерпретациях Великой Отечественной войны» явился шоком, деморализовавшим и дезориентировавшим доверчивые массы, сделавшим их послушным инструментом в политических манипуляциях с целью развала СССР. Если уж святая память о подвигах отцов и дедов, ценой невиданных жертв защитивших и спасших страну, оказывается «лживой советской пропагандой», то чему еще можно верить… А всю эту «чернуху» значительная часть народа восприняла всерьез, хотя в России – ненадолго, но обработка продолжается.

Несмотря на предпринимаемые в последние годы усилия власти по реанимации исторической памяти о Великой Отечественной войне (в патриотическом ключе), ведется активная пропаганда в различных СМИ, литературе, художественных фильмах, в интернете негативных образов и смыслов

судьбоносного и ключевого для нашей страны в XX в. события. Этих фальсификаций множество, вот только некоторые – обобщающего, «концептуального» порядка: «коммунистический» СССР наряду с фашистской Германией разделяет ответственность за развязывание Второй мировой войны; «сталинский режим» плохо подготовил страну к войне, репрессировал цвет военной элиты, а потому Советский Союз стал жертвой агрессии, плохо воевал, отдал под оккупацию огромные территории и понес наибольшие людские и материальные потери; вступление Красной армии на территорию противника и ранее оккупированных им стран несло населению не освобождение, а новое порабощение, теперь уже коммунистическим режимом, и т.д., и т.п. Все эти и другие фальсификации не выдерживают серьезной научной критики, но активно разными средствами внедряются в массовое сознание.

Сегодня, спустя почти 70 лет после окончания Второй мировой войны, память о ней формируется преимущественно опосредованно. Состояние исторической памяти о ней в постсоветской России, благодаря активизировавшейся исторической политике (хотя и недостаточно последовательной и системной), в целом удовлетворительно: большинство населения имеет в основном адекватные о войне представление и ее оценки. И это вопреки негативной исторической пропаганде второй половины 1980–1990-х гг. Хотя уровень знаний истории низок. Качественно иная ситуация с памятью о войне в «постсоциалистических» и в ряде постсоветских государств, особенно выбравших прозападный (и закономерно – антироссийский) курс, где образы Великой Отечественной войны выстраиваются согласно установкам националистической, как правило, русофобской элиты.

Радикальное перекраивание памяти народов мира о роли СССР во Второй мировой войне, изменение оценок с позитивных на негативные являлось не случайной тенденцией, а одним из ключевых направлений целенаправленной работы по «переформатированию» массового сознания, изменению отношения к нашей стране в целом. Эта «прицельная» историческая политика со времен холодной войны до наших дней являлась важнейшим средством создания негативного ее образа, инструментом сокрушения сначала социалистической системы, а затем и развала СССР посредством деморализации населения. Но эта политика не прекратилась с уничтожением советской системы, а превратилась в средство психологического наступления на постсоветскую Россию, инструмент разжигания русофобии и ненависти к нашей стране, причем интенсивность атак на историческую память о роли СССР во Второй мировой войне и степень циничности нападок многократно выросли.

Искажение исторической памяти о роли СССР во Второй мировой войне и русофобия в этих странах являются составными частями политической стратегии, конструирования «национальной идентичности». Так, на Украине сегодня одновременно сносят памятники Ленину и Кутузову, ставя памятники Бандере, переписывая школьные учебники, а политики заявляют о «вторжении советских войск в Украину и Германию» в ходе Второй мировой войны. Вот где историческая политика выстраивается системно и последовательно. Аналогичной является историческая политика новых прибалтийских

государств, реабилитирующих и героизирующих воевавших в отрядах СС националистических формирований, создающих культ коллаборационистов, преследующих советских ветеранов Великой Отечественной войны. В этих странах элита и власть занимаются фальсификацией истории, последовательно в политических целях трансформируя национальное сознание своего населения, тогда как наша историческая политика далеко не всегда способна защитить правду истории и сохранить достоверные ее символы, образы и оценки.

Изменения ситуации к лучшему в обозримом будущем ожидать не приходится. Поэтому необходима разработка системной исторической политики, в которой освободительная миссия Красной армии как принципиально значимая для всех европейских народов тема занимала бы достойное место. Отстаивание исторической правды о той войне должно быть и внутриполитической, и внешнеполитической обязанностью государства, не только из-за долга поколению фронтовиков, спасшему страну, но и по прагматическим мотивам: правда о войне является основой национального единства народов постсоветской России, общего самосознания постсоветских народов на всем евразийском пространстве, ключевым рубежом обороны в информационной сфере, позволяющим защищать геополитические интересы России.

Примечания:

1. Сенявский А.С. Историческая память о роли СССР во Второй мировой войне в контексте современной геополитики // Человек и война в XX веке: материалы межвузов. науч.-практ. конф. Г. Тольятти, 2 июня 2007. М., 2007. С. 218–231.
2. Шуман Г., Скотт Ж. Коллективная память поколений // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 49.
3. Борозняк А.И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. М., 2014. С. 341.

Т.П. Хлынина

Современный метанарратив о войне: участники, источники, границы[1]

Французский термин «метанарратив», ставший визитной карточкой современных представлений о форме и сущности ремесла историка, как нельзя нагляднее передает характер и состояние переменчивого и до некоторой степени ненадежного знания о прошлом. Воспринимаемый «универсальной системой понятий, знаков, символов, метафор, направленных на создание единого типа описания» [1], он все чаще выступает рамочной конвенцией, определяющей стилистику и морфологию исторического исследования, ставя перед

[1] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-31-12036 «Дети и война: культура повседневности, механизмы адаптации, стратегии и практики выживания в условиях Великой Отечественной войны».

профессиональным сообществом ряд довольно непростых и неоднозначно решаемых вопросов. В частности, речь идет о выработке принципиально иной оптики освещения, казалось бы, рутинных и некогда закрытых для корпоративного обсуждения проблем, связанных с природой и возможностями использования исторических источников, их иерархией и взаимодополняемостью; определением круга непосредственных участников-производителей научного знания о прошлом, а также границ его рационального понимания.

В этом отношении наиболее «проблемной» областью современного историописания остается история Великой Отечественной войны, длительное время воспринимавшаяся историей великой Победы и жертвенного подвига советского народа. Ее тесное переплетение с официальной идеологией и трагической памятью событий того времени, в конечном итоге превратили войну в незыблемый символ геополитической стабильности и надежно охраняемую территорию. При этом ее заповедная нерушимость все чаще оказывается предметом серьезных научных баталий [2], инициировавших принятие далеко не безопасных и законодательно предусматривающих наказание мер [3].

Между тем особенность положения, занимаемого историей Великой Отечественной войны в общественно-политическом пространстве российского общества, нередко становится источником конфликта интерпретаций и досадных недоразумений. Так, 25 марта 2015 г. Управлением Федеральной антимонопольной службы по Ростовской области была признана оскорбительной реклама вечеринки «День Победы в гендерной войне», которую планировал провести таганрогский бар Apotheke. В программе мероприятия значились «штурм бара, взятие кальян-балкона, водружение бюстгальтера победы». В отношении бара было возбуждено дело о нарушении закона «О рекламе». По сообщению представителя управления, «комиссия единогласно признала рекламу неэтичной и оскорбительной». В свою очередь, администрация бара заявила, что «День Победы не является официальным государственным символом и объектом культурного наследия, которые охраняются законом», подчеркивая отсутствие аналогии «с Днем Победы, который празднуется 9 мая, так как вечеринка была связана с победой в гендерной войне 8 марта». Тем не менее, несмотря на снятие неэтичного плаката, Федеральная антимонопольная служба выразила намерение рассмотреть вопрос о привлечении ответчика к административной ответственности [4].

Подобного рода «дискурсивные недоразумения», будоражащие время от времени массовое сознание и властные институции, свидетельствуют, помимо всего прочего, не только об обозначившемся процессе смысловой унификации «Дня Победы». Речь, прежде всего, идет о практически не поддающейся контролю рецепции некогда сакрального словосочетания и процессе расширения спектра его непосредственных толкователей. К сожалению, как бы нам того ни хотелось, но профессиональное сообщество дипломированных специалистов практически утратило монополию на безраздельное познание исторической реальности. Вторжение в его пределы заинтересованного любителя нарушает привычные каноны освоения прошлого, привнося тем самым в его понимание не всегда привычные и посему плохо воспринимаемые

акценты. Причем если ранее любительский круг «ревнителей прошлого» ограничивался по преимуществу краеведческим движением и фанатичными усилиями изменивших собственной профессии штучных «перебежчиков», то на сегодняшний день он стал несоизмеримо шире.

Только за последние два десятилетия активными производителями новой «правды о войне» стали сотни поисковых объединений и движений исторических реконструкторов, в деятельности которых самое живое участие принимают профессиональные историки. Закрывая собою разные бреши в познании прошлого, они не только расширяют наши представления о минувшей реальности, но и превращают ее в наглядное переживание, восстанавливая тем самым некогда воспетую В. Шекспиром прерванную связь времен и поколений. По признанию многих участников поисковых объединений, именно работа по обнаружению останков погибших приблизила их к пониманию истинного подвига советского солдата, придав истории Великой Отечественной войны несколько иную, отличную от «книжной», логику понимания. Один из моих собеседников, пожелавший остаться неизвестным, рассказал о том, как из детского увлечения история Великой Отечественной войны превратилась для него «сначала в наваждение, а затем, если хотите, в смысл жизни. Пока в поле не ездил, все никак в толк взять не мог: как могли мы войну выиграть. <…> А потом понял: люди, они же не просто на убой шли, а Родину защищали. Кажется, пустые слова, а я вот как-то, внезапно, что ли, понял, что нет» [5].

Об аналогичных ощущениях «личного понимания истории» говорят и участники исторических реконструкций, для которых смысл некогда происходившего в истории становится понятным только в минуты «настоящего перевоплощения». Моя младшая коллега свое увлечение «живой историей» Великой Отечественной войны объясняет ее несоизмеримо большими возможностями по сравнению с сухим языком архивного документа, для того чтобы понять и прочувствовать жизнь реальных людей давно ушедшего и во многом все еще не до конца понятого времени. Делясь впечатлениями о «взятии Миус-фронта», где ей довелось «только отсидеться в нашем медсанбате», она рассказала об испытанном страшном потрясении, вызванном «кучей настоящей техники, нешуточных взрывов и криков». Спустя несколько дней после состоявшегося разговора она призналась, что «именно в тот день перестала осуждать трусов на войне и поняла, что страх – удел не только слабых духом». Многие любители истории свое увлечение ее познанием связывают с «возрождением такого безнадежного дела, как патриотическое воспитание». По признанию руководителя Донского военно-исторического музея И.Ю. Стреляева, интерес к истории Великой Отечественной войны у него с детства, «отец привил, а я, в свою очередь, захотел его передать своим детям <…> Потом, когда уже на ноги встал, решил, что и других растить патриотами необходимо» [6]. В 2006 г. из мечты «сделать что-то дельное» вырос один из крупнейших в стране частных военно-исторических музеев, главное значение в котором уделяется Великой Отечественной войне: «При создании этой организации мы руководствовались следующими целями и задачами: пропаганда идей военной истории, участие в военно-патриотической деятельности, направленной

на воспитание подрастающего поколения, освещение роли армии в жизни Советского и Российского государств, участия Северо-Кавказского военного округа в Великой Отечественной войне, помощь ветеранам войны, действующим частям и подразделениям СКВО. Наш музей проводит реконструкции событий Великой Отечественной войны, собирая под своим началом представителей многих профессий и социальных слоев» [7].

Увлечение реальной, в той или иной форме проживаемой историей свидетельствует не только о расширении привычных границ академического знания о войне. Оно фиксирует буквально складывающийся на наших глазах механизм формирования нового метанарратива, в пространстве которого сосуществуют и вступают в диалог «на равных» его участники, каждый из которых привносит в понимание событий военного времени «свою правду». Казалось бы, именно такой голографически объемной и в то же время надорванной личными пристрастиями картины войны так остро не хватает современному историческому знанию. Между тем именно достигаемая таким образом голографичность оказывается основным препятствием для создания единого метанарратива, призванного выработать общую стилистику и понятийную оснастку исторического повествования о войне. Слишком разными оказываются стратегии освоения прошлого и преследуемые различными участниками его постижения цели. Если профессиональное сообщество ориентируется по большей своей части на выявление глубинных закономерностей течения масштабных вооруженных конфликтов, то представители «живой» истории стремятся к пониманию конкретно произошедшего события, логики и вызвавших его к жизни обстоятельств.

Еще одним «досадным» препятствием к достижению вожделенной цели остаются крепко усвоенные со студенческой скамьи представления о главном строительном материале историка – историческом источнике. На сегодняшний день им по-прежнему остается документ, непременно хранящийся в архиве, имеющем статус государственного учреждения. Между тем возможности такого источника, как правило, ограничены и не выходят за пределы породившей его организации или властного института. Сообщаемый же им характер сведений остается неизбежно связанным с политикой государства и в лучшем случае оказывается способным передать степень ее эффективности.

В изучении же истории Великой Отечественной войны ситуация с иерархией и разнообразием используемых источников, на первый взгляд, складывается как нельзя лучше. Начавшаяся реабилитация коллективной и индивидуальной памяти как полноправных исторических свидетельств прошлого привнесли в понимание событий военного времени человеческое измерение, которого так остро не доставало. На сегодняшний день редкое монографическое исследование по войне обходится без обращения к воспоминаниям ее непосредственных участников. При этом историки до сих пор не уверены в подлинности используемых ими устных источников. Дискуссии о достоверности сообщаемых ими сведений, отдаленных, как правило, от некогда произошедшего события внушительным промежутком времени, все чаще оказываются в эпистемологическом тупике, выходом из которого видится предложенный в свое время социологами «перенос смысловой перспективы» с достоверного

на значимое. В своем подавляющем большинстве воспоминания непосредственных участников и очевидцев значимых исторических событий, каковым, несомненно, остается история Великой Отечественной войны, тяготеют к воспроизводству той роли, которую они сыграли, прежде всего, в их жизни, личном и профессиональном становлении [8]. В этой связи не могу не поделиться теми трудностями, с которыми пришлось столкнуться при реализации одного из научно-исследовательских проектов, связанных со сбором воспоминаний детей Сталинграда об их военном и послевоенном детстве [9].

Одной из самых, пожалуй, неожиданных трудностей, предопределивших судьбу проекта, оказался выбор площадки его реализации. Им стал Сталинград – город, символизирующий собою мужественное сопротивление фашизму и коренной перелом в ходе советско-германского вооруженного противостояния. Статус живой легенды, поддерживаемый всевозможными мемориальными практиками (от музея-панорамы Сталинградской битвы до неоднократного сбора и публикаций воспоминаний ее участников), не мог не сказаться на «чистоте» предпринимаемого исследования. Тем не менее со многими ловушками официальной памяти все же удалось справиться. Прежде всего, объектами исследования стала та часть детей войны, чья жизнь оказалась не только опаленной Сталинградом, но и прочно связанной с послевоенной судьбой города. Именно эта родовая взаимосвязь позволила выявить внешние напластования памяти респондентов, привносимые желанием «как можно скорее забыть те страшные годы». Однако, несмотря на искренность этого желания, многие из них по-прежнему активно переживают события того времени: большая часть из 200 опрошенных проявила интерес к проводимому исследованию, выразив готовность не только рассказать о жизни в военном Сталинграде, но и ответить на вопросы, связанные с формированием облика города того времени. Как представляется, готовность такого рода оказалась сродни хоторнскому эффекту, где осознание важности проводимого исследования привело к пониманию личной значимости респондента в рассматриваемой истории. Причем значимости не только непосредственного участника воскрешаемого события, но и хранителя памяти о нем. Усилению этого эффекта способствовали и само глубинное интервью, и практика его проведения, апеллирующая исключительно к индивидуальной памяти собеседника. В результате собранные воспоминания во многом оказались спровоцированы применяемыми стратегиями воскрешения прошлого, а их сюжетное многообразие определилось личной значимостью пережитого военного детства для респондента и его общественно-исторической оценкой.

Многогранность собираемых историками воспоминаний, далеко выходящая за пределы официальной картины войны, способна решить и во многом успешно решает задачи, связанные с расширением проблематики исторических исследований. Между тем воскрешаемая ими «правда» о событиях того времени едва ли найдет свое неотшлифованное применение в академическом полотне большой истории. И дело не только в том, что индивидуальная память зачастую не находит своего подтверждения в других, более массовых источниках. Скорее всего, дело в том, что к ее восприятию пока еще не готовы

ни профессиональное сообщество, ни официальная идеология, ни широкая общественность, видящие в минувшей войне, прежде всего, залог величия и стабильности развития страны и мира в целом. В этом неразрешимом противоречии, собственно, и заключается основная проблема принципиальной недостижимости создания современного метанарратива о войне: ее обновляемая научная версия не соответствует общественно-государственному восприятию главного символа отечественной истории. Более того, она нередко отторгается и теми, кто принимал непосредственное участие в боевых действиях или пережил немецкую оккупацию. При этом, как ни парадоксально, растет и число тех свидетелей, кто запомнил «не худшую изнанку войны»: «хороших оккупантов, одаривавших конфетами и особо не трогавших»; «мародерство советских солдат» и не лучшие качества «драпавшей партийной власти». Показательно, что при этом столкновение с очевидностью разнообразия жизни в оккупации обрекает исследователя на поиски новой оправдательной мотивации ее существования: «Да, были такие немцы, которые помогали советским людям (в основном в мелочах, конечно), подкармливали детей, давали им шоколадки. Но это вовсе не значит, что я обеляю захватчиков. Я просто пишу ту часть правды, которую я узнал» [10]. Необходимость и востребованность «незацементированными мозгами» такого рода правды связывается по преимуществу с правом свободного человека самостоятельно размышлять о жизни, опираясь на живой опыт и свидетельства прошлого. Однако у этой реабилитируемой правды есть и еще одно, представляющееся более важным в профессиональном отношении предназначение. Она помогает понять механизмы и практики выживания человека в ситуации реальной близости противника и то, как можно было совладать с его ежедневным присутствием.

Следует особо отметить, что очень часто, обладая высокой эмоциональной значимостью для их носителей, личные воспоминания о событиях военного времени в своей публичной ипостаси лишь изредка выходят за границы их общепринятого образа. Скупость и типичность индивидуальных воспоминаний о пережитом или увиденном на войне объясняются специфическими особенностями все той же памяти. Намерение не забывать того, что некогда перевернуло всю жизнь и сказалось на последующей судьбе человека, собственно, и приводит к эффекту «осторожной» памяти, когда иная, плохо созвучная представлениям другого времени тотальность воспоминаний перемещается на периферию индивидуальной памяти, уступая место ее общепринятому восприятию. Под его негласным давлением очевидцы и свидетели многих трагических страниц военного времени зачастую встраивают в историю своей жизни сведения, эпизоды и даже целые события, почерпнутые из совершенно иных источников – рассказов других людей, романов, документальных и художественных фильмов. Этот феномен, получивший название «забвения источника», нередко присутствует в воспоминаниях, которые, по оценке специалистов, «не истиннее и не аутентичнее иных; одни только связанные с ними эмоции содержат, хранят в себе след исходного происшествия, а все прочее может быть чистой воды артефактом» [11]. Между тем, несмотря на столь неоднозначную оценку содержательной составляющей индивидуальных

воспоминаний о войне, они оказываются единственным показателем глубины испытанных человеком чувств и его отношения к происходившему.

Соединение множества памятей, разбуженных исследовательским интересом к повседневной стороне войне, и их вкрапление в общее полотно исторического знания о событиях того времени, вероятнее всего, окажется задачей последующего поколения «внимательных слушателей прошлого». Общественно-политическая острота восприятия наследия великой Победы в самой кровопролитной войне минувшего столетия станет непреодолимым сдерживающим фактором ее переосмысления, которое, в свою очередь, превращается в часть прочного фундамента востребованного знания о войне. Вместе с тем происходящие изменения в изучении Великой Отечественной войны, расширение проблемного поля ее исследований и непосредственных производителей знания о войне, корпуса используемых источников открывают новые перспективы развития этой области науки. Насколько оно окажется тесно связанным с формированием единого метанарратива, покажет время. А пока наши профессиональные усилия будут направлены на освоение тех возможностей, которые предоставляют знанию о прошлом новые вызовы времени в лице нетипичных практик его освоения. Хочется надеяться, что они не пропадут даром.

Примечания:

1. Метанарратив // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. URL: http://epistemology_of_science.academic.ru/41 (дата обращения: 26.03.2015).
2. Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005 и др.
3. Федеральный закон от 05.05.2014 № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162575 (дата обращения: 10.05.2014).
4. ФАС признала оскорбительным плакат о «Дне Победы в гендерной войне». URL: http://www.infox.ru/business/crime/2015/03/18/FAS_priznala_oskorbi.phtml (дата обращения: 25.03.2015).
5. Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Респондент N, 1978 г.р., записан в городе Ростове-на-Дону 7 июня 2013 г. Интервьюер Т.П. Хлынина.
6. Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Респондент И.Ю. Стреляев, 1974 г.р., записан в городе Ростове-на-Дону 7 июня 2013 г. Интервьюер Т.П. Хлынина.
7. Донской военно-исторический музей. URL: http://donskoy-muzey.ru/glavnaya (дата обращения: 29.03.2015).
8. См.: Хлынина Т.П. «Кадры из военного детства»: о чем и как вспоминают очевидцы Великой Отечественной в преддверии юбилея Победы // Знаки войны в жизни и памяти: влияние вооруженных конфликтов XX века на российское общество: сб. научных статей. Ростов н/Д, 2014. С. 178–190.
9. См.: Хлынина Т.П. Рассказы о войне: детские воспоминания людей взрослого возраста // Былые годы. 2014. № 31 (1). С. 49–55; Кринко Е.Ф., Курилла И.И., Рыблова М.А., Хлынина Т.П. Детство Великой Отечественной: историография, память, проблемы поля // Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города. Волгоград, 2014. С. 6–17.
10. Смирнов В.В. Ростов под тенью свастики. Ростов н/Д, 2006. С. 7.
11. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: http://magazines.russ.ru/nz (дата обращения: 21.01.2014).

И.О. Омельянюк

Проблемы установления сведений о советских военнослужащих, захороненных в братских могилах и находившихся в плену в годы Великой Отечественной войны

Сохраняя архивы, мы прежде всего сохраняем память своего народа, его историю. У истоков любого исторического события стоит документ. Проводя исследования по тому или иному историческому событию, анализируя массу документов из различных источников, можно восстановить целостность картины или выяснить недостающие нюансы.

Великая Отечественная война – одно из важнейших событий в истории нашей страны, изучение которого сохраняет множество пробелов и требует многогранного анализа. Поиск недостающих элементов требует разнообразных подходов к изучению источников, включая и документы, лишь косвенно касающиеся периода Великой Отечественной войны. Так, в Таганрогском филиале Государственного казенного учреждения Ростовской области «Государственный архив Ростовской области» (далее – ТФ ГАРО) в 2012 г. в фонде Бюро похоронного обслуживания г. Таганрога, в книгах регистрации умерших и захороненных на городском кладбище за 1945 г., были найдены списки солдат, погибших при освобождении города от немецких войск [1]. При сопоставлении найденных списков с данными паспортов воинских захоронений г. Таганрога была выявлена их относительная идентичность. Работниками архива было принято решение о проведении работ по выверке данных, их уточнению и внесению недостающих сведений.

По окончании Великой Отечественной войны по всей стране проводилась большая работа по переносу единичных воинских захоронений в большие братские захоронения. Процесс переноса сопровождался составлением новых рукописных списков захороненных солдат. Все это привело к неточностям и искажениям имеющейся информации. В таком виде данные списки и попали в паспортизацию воинских захоронений, впервые проведенную в 1992 г. Формат карточек был утвержден Министерством обороны СССР в 1990 г. В паспорт вносились сведения о месте и дате, виде, размере захоронения, его состоянии. Давалось краткое описание памятника (надгробия), а также вносились сведения о количестве и, если были известны данные, то и персональные сведения о захороненных. Прикладывалась фотография памятника и схема расположения захоронения [2]. По данным паспортизации 1992 г., в 8 воинских захоронениях старого кладбища Таганрога значатся захороненными 2208 чел., из них 585 фамилий известны. При этом из всех пунктов персональных сведений, включавших воинское звание, фамилию, имя, отчество, год рождения, дату гибели, место захоронения на кладбище или его участке, были заполнены только воинское звание, фамилия (имя, отчество) и общая на всех дата смерти – 1943 г.

Работа по сверке данных проводилась с одновременным поиском дополнительных сведений в обобщенном электронном банке данных (далее – ОБД)

«Мемориал», созданном Министерством обороны Российской Федерации. Он основан на документах, хранящихся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Работа над созданием ОБД была начата в 2007 г. в соответствии с перечнем поручений президента Российской Федерации от 23 апреля 2003 г. № пр-698 и указом от 22 января 2006 г. № 37 «Вопросы увековечивания памяти погибших при защите Отечества». Уже к 2008 г. было отсканировано и размещено в открытом доступе в интернете более 10 млн листов архивных документов о советских воинах, погибших, умерших или пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны [3].

При работе с ОБД «Мемориал» нас интересовал поиск госпитальных книг учета умерших и именные списки безвозвратных потерь формы № 2. Данные списки составлялись штабами соединений и отдельными частями, высылались в Центральное бюро учета потерь на фронтах Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии Наркомата обороны СССР и обеспечивали наиболее полную информацию о погибших солдатах. В форму № 2 включались следующие сведения: фамилия, имя, отчество солдата, воинское звание, должность и воинская специальность, партийность, место и год рождения, место призыва, дата и причина выбытия, место захоронения, сведения о родственниках [4].

В результате неполной выверки учетных данных захороненных было установлено:

– 54 фамилии солдат дублируются (значатся на нескольких памятниках одновременно);

– представители 67 фамилий, нанесенных на памятник и значащихся в карточке воинского захоронения, по данным ЦАМО РФ, захоронены в другом месте (хутор Староротовка Матвеево-Курганского района Ростовской области), дополнительно по данному захоронению было выявлено 7 новых фамилий (итого 74 фамилии захороненных в хуторе Староротовка);

– выявлено 108 фамилий солдат, отсутствовавших в учетной карточке воинского захоронения, которые будут внесены в его паспорт;

– в имеющиеся данные были внесены недостающие сведения, уточнены фамилии и воинские звания, дата смерти.

О результатах этой работы была информирована Администрация г. Таганрога, на которую, в соответствии со ст. 5 закона Российской Федерации от 14 января 1993 г. № 4292-1 «Об увековечивании памяти погибших при защите Отечества», возложена обязанность по ведению учета воинских захоронений. В настоящее время работа по сверке списков продолжается.

Еще одно исследование было в ТФ ГАРО проведено совместно с поисковым отрядом «Миусская высота». Ни одна война, как известно, не обходится без военнопленных. Не является исключением и Великая Отечественная война. При этом с самого ее начала все военнослужащие, оказавшиеся даже на непродолжительное время за линией фронта, попали под подозрение в предательстве. В результате военнослужащие, выходившие из окружения, совершившие побеги из плена или освобожденные Красной армией и ее союзниками по антигитлеровской коалиции, подвергались проверке. К ним применялись меры,

унижавшие личное достоинство и препятствовавшие их дальнейшему использованию в Вооруженных силах. Недоверие распространялись и на родственников военнопленных, которые поэтому тщательно пытались скрывать этот факт. Между тем у каждого военнопленного была своя судьба, своя цепочка обстоятельств, свое отношение к страшному слову «плен».

Город Таганрог был оккупирован немцами 17 октября 1941 г., а в августе 1943 г. освобожден. Наступление советских войск было стремительным, благодаря этому документы о деятельности немецкого командования и бургомистерства не были вывезены и в данный момент находятся на хранении в ТФ ГАРО. Долгое время они находились под грифом «С» (секретно), и лишь в конце 1990-х гг. часть немецких документов была переведена в открытый доступ. Среди них были и документы 1-й, 2-й, 3-й и 4-й городских больниц Таганрога, в которых в период оккупации города немцами на излечении находились как мирные граждане, так и советские военнопленные. На каждого поступившего делалась запись в журнале регистрации больных с указанием их фамилии, имени, отчества, возраста, социального статуса, места жительства, места рождения, заводилась история болезни, где описывалось лечение и результат. Если больной умирал, то отделом ЗАГСа при бургомистерстве города заполнялась справка о смерти со штампом о месте захоронения [5].

У многих больных в колонке «социальный статус» было указано: военнопленный. Руководствуясь этими записями, в 2009 г. работниками архива совместно с поисковым отрядом «Миусская высота» были составлены списки военнопленных, умерших в больницах города, включавшие более 600 фамилий. Эти списки были сопоставлены с материалами, предоставленными ЦАМО РФ на сайте ОБД «Мемориал». После этого выяснилось, что указанные в списках военнопленные до сих пор числятся пропавшими без вести, т.е. их судьба не известна родным. В результате была начата работа по поиску родственников этих солдат. На сайте «Солдат.ru» был создан форум «Они не пропали без вести», где все желающие могли поучаствовать в поиске родных солдат. В работе форума принимают участие волонтеры со всех уголков страны и ближнего зарубежья, люди разных возрастов и профессий, объединенные горячим желанием найти родных пропавшего солдата и сообщить им информацию о его судьбе.

В процессе поисковой работы пришлось столкнуться с рядом сложностей, которые затрудняют достижение положительных результатов в краткие сроки. Одной из причин большого количества ошибок в написании фамилий солдат, адресов, мест жительств являлся страх за свою семью, родных, близких. Факт, что твой родственник был военнопленным, становился пятном на биографии не одного поколения семьи. Вторая причина заключалась в том, что все данные записывались со слов солдат (на слух) или по временным удостоверениям, выданным немецкими властями. Особенно много ошибок в написании фамилий уроженцев Средней Азии и Северного Кавказа. Например, по данным регистрационного журнала проходил военнопленный Абрам Кнергович Сесташвили, а в справке о смерти он указан как Абрам Георгиевич Цесташвили. В оригинале – Абрам Георгиевич Сеситашвили [6]. Еще одной причиной

являются изменения в административно-территориальном делении страны. Многие населенные пункты изменили как свое название, так и территориальную принадлежность. Например, в сведениях об Александре Харитоновиче Анисове, 1915 г.р., указывалось, что он проживал в Орловской области, Жирятинском районе, Князическом сельском совете, в деревне Почины. В настоящее время это Брянская область, а Князичи относятся к Морачевскому сельскому поселению [7].

За годы работы участниками поиска были найдены родные около 200 солдат. На старом кладбище города, на месте захоронения военнопленных в братской могиле, установлены плиты с указанием имен и фамилий солдат. К месту захоронения каждый год приезжают родные и близкие, возлагают цветы, привозят горсть родной земли. Многие искали своих близких долгие годы, до последнего не теряли надежду узнать хоть какую-то информацию о их судьбе. Как говорил А. Суворов: «Война не закончена, пока не похоронен последний солдат». С каждым именем, возвращенным из небытия, мы приближаем конец той войне. Для нас, архивистов, война не закончена, пока остаются солдаты, пропавшие без вести.

Примечания:

1. ТФ ГАРО. Ф. Р-510. Оп. 2. Д. 3.
2. ОБД «Мемориал». URL: http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=261233213 (дата обращения: 02.04.2015).
3. Мемориал (электронный архив). URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мемориал_(электронный_архив) (дата обращения: 03.04.2015).
4. Архив воинских захоронений. URL: http://memo.sirius.su (дата обращения: 03.04.2015).
5. ТФ ГАРО. Ф. Р-541, Р-551, Р-552.
6. Там же. Ф. Р-552. Оп. 1. Д. 11. Д. 33. Л. 130.
7. СССР. Административно-территориальное деление союзных республик. М., 1940; СССР. Административно-территориальное деление союзных республик. М., 1960.

С.В. Мартынова

Образ врага в контексте народных знаний казаков-некрасовцев (на материале фольклора периода Великой Отечественной войны)

Советский фольклор – уникальное явление отечественной, а может быть, и мировой истории и культуры. Для этого термина пока не сложилось единого общепринятого определения. В научной литературе понятие «советский фольклор» рассматривают и в широком смысле – как фольклор советского времени, и в узком – как идеологизированное явление, поставленное на службу советскому режиму [1]. Часть исследователей считает, что к советскому фольклору можно отнести не только просоветский фольклор, но и антисоветский [2]. Тем не менее в советской фольклористике, а также в работах о советском фольклоре,

написанных в постсоветское время, под советским фольклором подразумевался и подразумевается зачастую именно просоветский фольклор, отвечавший идеологическим и эстетическим критериям советской власти [3].

В узком смысле под советским фольклором принято понимать произведения, отражающие советскую действительность, ориентированные на традиционные эпические и лиро-эпические жанры: былины, плачи, исторические песни, сказки. Создателями советского эпического фольклора были отдельные народные исполнители, с которыми собиратели проводили индивидуальную работу, включавшую в себя не только фиксацию, но и «творческую помощь» в создании новых текстов. Такие произведения издавались в сборниках, газетах и журналах с указанием автора и собирателя, сделавшего запись и обработавшего ее. Передача этих произведений «из уст в уста» осуществлялась далеко не всегда, поэтому вопрос о том, насколько корректно называть их фольклором, неоднократно обсуждался и остался не решенным до сих пор (библиографический анализ изучения советского фольклора см. в статье И.В. Козловой «Изучение советского эпического фольклора в постсоветский период» [4]).

Исследователи отмечают, что, несмотря на установку подчинить устную стихию идеологическому диктату, носители традиционной культуры не только шли навстречу авторской импровизации, но часто сами инициировали создание подобных образцов народного творчества [5]. Еще одним важным отличительным признаком произведений советского фольклора является отражение в них сиюминутных реалий, лиц, событий (см. «новины», героями которых становились Ленин, Сталин, Дзержинский, Чапаев и др.), их мифологизация. Если традиционная былина не откликалась на актуальные политические события, то произведения, классифицируемые как советский фольклор, использовали «старую форму для выражения нового идеологического содержания» [6].

Как было отмечено выше, в научной литературе преобладает мнение, согласно которому советский фольклор не является фольклором в строгом смысле слова. Это, скорее, сочинения «под фольклор», т.к. они созданы сказителями, сознательно оторвавшимися от исконной фольклорной традиции и находящимися под идеологическим и литературным руководством собирателей [7].

Несомненно, фольклор казаков-некрасовцев периода Великой Отечественной войны является частью советского фольклора. Произведения этой группы «идеологически выверены» и отвечают сиюминутным политическим веяниям: по словам собирателя Ф.В. Тумилевича, они не стремятся рассказать о достоверных исторических фактах, а прежде всего раскрывают «душу народа, его отношение к совершавшимся политическим событиям огромной важности». В период войны подобные фольклорные тексты оказывали на людей эмоционально-мобилизующее воздействие. «Сложенные ярко, образно, с использованием традиционных форм народного творчества, они призывали к беспощадной борьбе против ненавистного врага, внушали чувство патриотического долга, беспредельной любви к матери-Родине, к большевистской партии – организатору всенародной войны против немецко-фашистских захватчиков, вероломно напавших на нашу страну», – такую эмоциональную характеристику прагматическим особенностям этих произведений дает донской фольклорист [8].

Ф.В. Тумилевич также анализирует механизмы создания произведений «военного» фольклора казаков-некрасовцев и обращает внимание на важную роль индивидуальности носителя фольклорной традиции. В частности указывает на «выдающиеся импровизаторские способности» Т.И. Капустиной – известной сказительницы-некрасовки. «В ее творчестве наблюдается две особенности. Т.И. очень часто берет канву старой песни, или ее музыкальный строй, или тему и на этой основе создает новые произведения. Свободный полет фантазии, поэтический домысел позволяют ей создавать не только варианты, но и самостоятельные произведения. Для ее творчества характерна свобода в обращении со старым поэтическим материалом» [9]. Причиной, побудившей Т.И. Капустину создать плач о девушке, попавшей в немецкое рабство, «нужно считать следующий факт: 20 августа 1944 г. к Т.И. пришел председатель колхоза Т.Н. Горшков и рассказал ей содержание опубликованной в газете "Правда" статьи об одной русской девушке, вырвавшейся из немецкой каторги. Сильно подействоваший на Т.И. рассказ Горшкова вызвал у нее воспоминание о кошмарных днях оккупации немцами хутора. Все это и повлияло на создание этого плача» [10]. Или И.В. Господарев – единственный знаток преданий об Игнате Некрасове – «сжился с образом Игната и в дни Отечественной войны "воскресил его из мертвых", сделал участником великого сражения под Сталинградом» [11]. Таким образом, исторически достоверный факт отходит на второй план, уступая место иным художественным задачам. Так, Ф.В. Тумилевич подчеркивает, что «в период Отечественной войны вся жизнь нашей страны была подчинена интересам и нуждам фронта. Поэзия, созданная казаками-некрасовцами, с чрезвычайной яркостью воспроизводит эту великую цель» [12].

Таким образом, мы видим, что фольклор казаков-некрасовцев периода Великой Отечественной войны обладает всеми основными признаками «советского фольклора». Фольклором в строгом смысле слова эти произведения можно назвать с большой натяжкой, скорее это – сочинения «под фольклор» [13], призванные мобилизовать людей на борьбу с врагом. Образ врага-немца, фашиста, который, несомненно, сложился на основе реальных наблюдений, должен был преподноситься в соответствии с идеологической и политической конъюнктурой того периода.

Тем не менее фольклор казаков-некрасовцев периода Великой Отечественной войны несет в себе признаки произведений устной традиционной культуры. Современные события, описываемые в песнях, причетах, сказках, обрастают мотивами, имеющими глубокие корни. Так, образ врага в славянской традиционной культуре соотносится с понятием «чужого», часто ассоциируется с образом инородца. Оценка «чужих» как враждебных и опасных существ восходит к архаическим представлениям о том, что все пришедшие извне и не принадлежащие к ближайшему сообществу люди являются представителями иного мира, наделяются зооморфными чертами [14]. Инородец, как правило, сопоставляется в народном сознании с нечистым животным [15]. Так и немцы, вторгшиеся с войной в советское государство, предстают в некрасовских текстах в образе шакалов: «И набросились же на твою телу белую, / Как шакалки, терзать тебя начали»; воронов: «Да вот надлетели они над лебедью

белаю, / Все вороны немецкие, вороны черные, / Убить, стребить хотят тебя, ненагляднаю»; змеев: «Будьте прокляты, матеря, спородившие змеев лютых!», «Вы вернитесь, наши соколы любимаи, / Порубайте змею со змеенышами головы, Чтобы не ползали они по земле нашей» [16].

Происхождение инородца в славянской традиционной культуре зачастую связывается с чертом, нечистой силой [17]. То же видим в причетах некрасовцев: «А пришел он, проклятый, да все с крестами: на самолетах – кресты, на мундирах и шеях – кресты, / А младенческие души загубил, сатана подземельная!», «А и пошли они на того ворога нечистого, / На разорителя-немчугу проклятого, – / Будь он тысячу раз и трижды проклятый, / Пусть ему места не будет на страшном суде» [18]; «Как пришли они, антихристы, / Да злые немчуги треисподния» [19]; «А они, злые вороги – немчуга треисподния…» [20].

Выше как один из признаков советского фольклора мы охарактеризовали использование традиционной формы народного произведения для отражения сиюминутных реалий. В некрасовских причетах и сказках военного времени традиционные образы былинных чудовищ используются для обозначения врагов – немцев: «Кожедёр проклятый, / Кровожадный Змей Тугаринин» [21] (о Гитлере); «А они, злые вороги-немчуга треисподния, / Да со своим Змеем Горынычем / Всё едят наших детушек, да не наедятся» [22]; «В не нашем царстве, в не нашем государстве жил-был злой, жадный царь. <…> Обернулся тогда он змеем о двенадцати головах, о семи хоботах да и пополз со змеенышами по землям завоеванным» [23].

В соответствии с традиционными представлениями подчеркивается связь инородца-немца с «чужим» пространством [24]: «В не нашем царстве, в не нашем государстве жил-был злой, жадный царь. Стал он захватывать чужие земли» [25]. Крайне презрительно авторы-сказители отзываются о хуторянах, перешедших на сторону врага, «полицаях»; но и эти хуторяне «не наши», из «пришлых»: «Будь он трижды проклят этот полицай-то! У нас жил до прихода немцев, анафема; не наш он – из пришлых был. Мы-то ему и хлеба нанесли, и хату дали, и одежонку кой-какую, а он, собачее рыло, тотчас как пришли немцы, в полицаи поступил» [26].

Признаком демонической природы инородцев-немцев, согласно традиционным представлениям, служит чернота: «Бейтя его, антихриста, до тех пор, чтобы прах его земля черная, земля немецкая пожрала!» [27]; «Игнат-то все идет и идет вместе с Красным войском, и до тех пор не ляжет он в свою могилу, пока черный город Берлин наши не возьмут» [28].

Враги-инородцы оскверняют землю, на которую пришли [29]: «Ой, мать-сыра земля застонала. / Ой, да о чем же она застонала? / Ой, да как же мне не стонати? / Ой, по мне же идут все вороги, / Ой да, все вороги, они немецкие, / Ой, они идут да меня топчут, / Меня топчут да огнем палят» [30].

Помимо мифологизированных характеристик, немцы наделяются вполне «человеческими» качествами: они характеризуются как «воры», «грабители», «разорители», «немчуги злодейские», «разбойники лютые», «заразы немецкие», «изверги проклятые»: «А и пошли они на того ворога нечистого, / На разорителя-немчугу проклятого. <…> / Враг он есть, враг он будет, немчуга

злодейская!» [31]. «Как пришли они, антихристы, / Да злые немчуги треисподния, / Как разбойники они лютаи» [32]. «Они не верят, начинают искать по хате, на дворе, на плану. Высмотрели это все, а потом начали забирать, кому что понравилось. У кого патефон, у кого часы, у кого из одежи что тащут, а у кого курицу, свинью, хлеб печеный» [33].

Таким образом, фольклор казаков-некрасовцев периода Великой Отечественной войны – типичный образец так называемого советского фольклора. Произведения «идеологически выверены», нацелены на объединение вокруг вождя, партии, Красной армии и на борьбу против врага, т.е. выполняют консолидирующую и мобилизующую функции. Поэтому образ врага-немца, с одной стороны, во многом обусловлен идеологической и политической конъюнктурой того периода. С другой стороны, в основе произведений – традиционная канва, образы и сюжеты народных произведений. Некоторые традиционные мотивы использовались и при создании образа врага-немца. В силу этого факта образ врага-немца в фольклоре казаков-некрасовцев несет в себе черты, имеющие архаические корни.

Примечания:

1. Козлова И.В. Изучение советского эпического фольклора в постсоветский период // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 14. Комплексные исследования традиционной культуры в постсоветский период: сб. научных статей. М., 2011. С. 67.
2. Иванова Т.Г. О фольклорной и псевдофольклорной природе советского эпоса // Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора. М., 2002. С. 403.
3. Козлова И.В. Указ. соч. С. 67.
4. Там же. С. 67–87.
5. Иванова Т.Г. Указ. соч. С. 412.
6. Там же. С. 406–407.
7. Там же. С. 431.
8. Тумилевич Ф.В. Устная поэзия некрасовцев об Отечественной войне // Песни и сказки. Фольклор казаков-некрасовцев о Великой Отечественной войне. Ростов н/Д, 1947. С. 3.
9. Там же. С. 8.
10. Там же. С. 9.
11. Там же. С. 11.
12. Там же. С. 14.
13. Иванова Т.Г. Указ. соч. С. 431.
14. Белова О.В. Свой-чужой // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 4. М., 2009. С. 581.
15. Белова О.В. Инородец // Славянские древности… Т. 2. М., 1995. С. 415–416.
16. Песни и сказки. Фольклор казаков-некрасовцев о Великой Отечественной войне. С. 29.
17. Белова О. В. Инородец… С. 416.
18. Песни и сказки… С. 27.
19. Там же. С. 28.
20. Там же. С. 29.
21. Там же. С. 27.
22. Там же. С. 29.

23. Там же. С. 34.
24. Белова О. В. Инородец… С. 415–416.
25. Песни и сказки… С. 34.
26. Там же. С. 41.
27. Там же. С. 28.
28. Там же. С. 32–33.
29. Белова О. В. Инородец… С. 415–416.
30. Песни и сказки… С. 17.
31. Там же. С. 27.
32. Там же. С. 28.
33. Там же. С. 38.

Ю.С. Панфилова

Милютинская средняя школа в годы Великой Отечественной войны: исторические события и их воспроизводство в коллективной памяти современного поколения

Все дальше уходят от нас события Великой Отечественной войны, все меньше остается тех людей, которые пережили это страшное время. Милютинская школа – старейшая в районе, поэтому военные годы – часть ее истории. На протяжении долгого времени о функционировании школы в этот период был известен лишь тот скупой факт, что во время оккупации занятия в ней были прекращены. Информации о работе школы до и после оккупации, ее учениках и учителях, учившихся и работавших в военные годы, не было. Решение воссоздать историю Милютинской средней школы периода Великой Отечественной войны приняли ее современные учащиеся под руководством учителя истории Анны Викторовны Хижняк. Для реализации данной цели была проведена большая исследовательская работа: изучались документы, хранящиеся в районном архиве, проводилось интервьюирование очевидцев тех событий. В результате к 2011 г. был собран и систематизирован материал, позволивший восполнить существующий пробел. Основные результаты проделанной работы и легли в основу данной статьи.

Война никак не могла обойти Милютинский район, потому что путь немцев от Харькова и из Донбасса на Сталинград лежал через его хутора. Подтверждением тому были полусотенные «косяки» немецких бомбардировщиков, по нескольку раз в день пролетавшие с грузом бомб в сторону Сталинграда на низкой высоте. Выпускница 1942 г. Мария Алексеевна Чумакова вспоминала, что 6 июня 1942 г. был выпускной вечер, но его сорвал немецкий самолет, начавший бомбить станицу.

Считается, что захват Милютинского района проходил с боями 8 дней, с 5 по 12 июля 1942 г., а его оккупация продолжалась 164 дня, по 29 декабря того же года [1]. Из воспоминаний Елены Харитоновны Золотовской (Дударевой), выпускницы милютинской школы 1945 г., стало известно, что во время

оккупации занятия были прекращены, в здании школы немцы организовали госпиталь. Другая выпускница 1945 г. Евгения Николаевна Ананьева вспоминала, что с 1943 г. уроки возобновились, но ряд других серьезных проблем в освобожденном от оккупации районе делали невозможной организацию полноценного учебного процесса: необходимо было восстанавливать школьное здание, школьное оборудование, снабжать детей учебниками.

Трудности военного времени поставили школу и учителей в тяжелые условия, потребовали поиска новых форм организации учебного и воспитательного процесса. Так, произошли изменения в структуре и продолжительности учебного года. С 10 февраля по 7 ноября 1943 г. был самый короткий учебный год. С ноября, после недельных каникул, школа вновь начала работать.

На работе общеобразовательной школы сказалось неизбежное в условиях тяжелой войны ухудшение материально-технической и учебной базы. Здание школы было разгромлено при освобождении станицы в 1942 г., поэтому размещались классы в четырех частных домах. Классы отапливались бурьяном, который заготавливали ученики вместе с учителями. Это была трудная и опасная работа: повсюду были брошенные снаряды, да и орудия труда (коса, серп) были далеко не для детей. Скошенный бурьян сначала складывали в скирды, а потом в классе подкладывали в печку. Вторая трудность – отсутствие света. На класс иногда не доставалось даже одной лампы. Часто использовали согнутую гильзу из-под снаряда, куда вставляли фитиль из шинели.

Зоя Ивановна Меженская, работавшая учителем в милютинской школе с 1943 г., вспоминала, что учебников, тетрадей, ручек, чернил не было. Писать приходилось на старых учебниках крупными буквами между строк. Чернила делали из плодов бузины. Перо покупали за 5–10 руб., вставляли с обратной стороны карандаша и привязывали. Глобусы, карты, компасы и другие пособия отсутствовали. Географию все классы учили по карте полушарий, найденной в овраге (немцы выбросили карту из школы, где размещался их госпиталь в период оккупации). Многие наглядные пособия ученики старших классов делали вместе с учителями. Но, несмотря на все трудности, после окончания оккупации школа больше не прерывала занятий.

Интервьюирование станичников, чьи школьные годы пришлись на период после оккупации района, позволило воссоздать ход учебных занятий тех лет: сначала учитель рассказывал последние известия с фронтов (для этого надо было посетить почту, где был установлен репродуктор, или достать газету), а потом – урок. Часто занятие прерывалось слезами детей, чьи семьи получили похоронку.

Годы войны привели к большим изменениям в кадровом составе школы. Призыв в армию, переход на другую работу привели к резкому сокращению численности учителей. Однако острого дефицита педагогических кадров в милютинской школе не было: как выяснилось в ходе работы в архиве и проведения интервью, во время войны учительский коллектив принял в свои ряды эвакуированных учителей. Среди них была Зинаида Николаевна Кулакова (впоследствии депутат Верховного Совета РСФСР, кандидат педагогических наук). Также удалось восстановить имя Полины Ивановны Текутьевой, которая

работала в начальных классах, а впоследствии получила звание «Заслуженный учитель РСФСР».

Несмотря на все трудности и лишения, школа оставила в памяти учеников и учителей хорошие моменты. Так, Марии Тихоновне Дегтяревой, приехавшей работать в школу в 1943 г., очень запомнилась встреча Нового 1945 года, когда колхозы выдали продукты и был накрыт праздничный стол. С ее слов также стало известно, что даже в тяжелые военные годы учащиеся милютинской школы занимались самодеятельностью: их силами была поставлена пьеса «Герои Краснодона», которую показывали во всех хуторах и поселках района.

Таким образом, в результате поисково-исследовательской работы, проведенной школьниками под руководством А.В. Хижняк, пробел в истории школы был восполнен. Важно отметить, что полученные данные не просто хранятся в музейной комнате школы: собранный материал лег в основу тематической экскурсии «Это нашей истории строки… Милютинская средняя школа в годы Великой Отечественной войны». Данная экскурсия проводится на уроках истории, на классных часах и внеклассных мероприятиях не только учителями, но и старшеклассниками, проявляющими особый интерес к истории как к предмету и к работе школьной музейной комнаты. Особое внимание обращается на работу с учениками младших классов, что позволяет им почувствовать себя частью коллектива, приобщиться к разделяемой группой памяти. Таким образом, данная форма работы позволяет не просто познакомить школьников с событиями прошлых лет, а дает им возможность самим принять участие в их воссоздании и воспроизведении в сознании современного поколения. Это воспитывает уважение к памяти прошлых событий, бережное отношение к культурному и историческому наследию, без чего невозможны полноценные процессы социализации и инкультурации.

Примечания:

1. Приходько Н.А. Летопись Милютинского края: 125-летию образования Милютинского юрта посвящается. Волгодонск, 2001. С. 208.

Л.В. Левендорская

История Великой Отечественной войны через историю одной семьи (по документам личного происхождения И.В. Шамарова в Центре документации новейшей истории Ростовской области)

ГКУ РО «Центр документации новейшей истории Ростовской области» (далее – ЦДНИРО) создан на базе бывшего партийного архива Ростовского обкома КПСС решением Ростовского облисполкома от 11 октября 1991 г. № 242 в соответствии с указом Президента РСФСР «О партийных архивах» от 24 августа 1991 г. № 83. Документальное наследие закрытого ведомственного архива КПСС было интегрировано в систему Государственной архивной службы

Российской Федерации. По состоянию на 1 января 2015 г. в ЦДНИРО хранится 3704 фонда, 1 142 525 единиц хранения. Общие хронологические рамки документов, отражающих социально-политическую историю юга России, охватывают период с конца XIX в. по 2010 г. В этом массиве источников много документов по истории Великой Отечественной войны. По видовой принадлежности они делятся на управленческую документацию и документы личного происхождения.

ЦДНИРО регулярно комплектуется документами личного происхождения, тематически объединенных в фонды-коллекции, авторами документов выступают как известные ученые, краеведы, общественные деятели, так и простые граждане. Сформированы и продолжают пополняться документальным наследием фонды-коллекции «Ветераны спорта Дона», «Ветераны Великой Отечественной войны», «Ветераны комсомола Дона», в стадии формирования – «Дети войны». В последнее время в изучении прошлого активизировался интерес к социальной, локальной и региональной истории, истории повседневности и исторической антропологии, которые значительно расширили горизонты исторического познания, раскрыли многомерность и красочность исторического процесса. Был пересмотрен круг традиционно используемых источников. Для истории Великой Отечественной войны такими источниками стали документы личного происхождения, прежде всего мемуары, дневники и письма.

В 2004 г. Владимир Иванович Шамаров передал на хранение в ЦДНИРО документы личного происхождения своего отца Ивана Викторовича Шамарова (1911–1945 гг.). Коллекция состояла из 16 дел и была отнесена к фонду-коллекции «Ветераны спорта Дона», т.к. в 1930-е гг. И.В. Шамаров активно занимался вольной борьбой у тренера А.Г. Пустынникова в спортивном обществе «Динамо» (город Ростов-на-Дону) [1]. Среди переданных материалов – личные документы, письма И.В. Шамарова; письма и воспоминания о нем друзей-однополчан; рукопись повести «А он хотел жить», написанной его сыном Владимиром в память об отце; коллекция фотографий.

Биография И.В. Шамарова была типична для многих молодых людей, рожденных в преддверии 1917 г. Сын рабочего-кузнеца, в 1929–1934 гг. служил моряком на Черноморском флоте. По окончании службы поступил на рабфак Ростовского педагогического института, затем в учительский институт на физико-математический факультет. В 1938 г. окончил институт и вместе с женой Пелагеей Федоровной Шамаровой (выпускницей того же института) был направлен на работу в школу Орловского района Ростовской области [2]. С августа 1940 г. по сентябрь 1941 г. работал преподавателем математики в школе № 43 г. Ростова-на-Дону. В сентябре 1941 г. был призван в ряды РККА. Жена с тремя детьми 1937, 1938 и 1940 гг.р. эвакуировалась из Ростова-на-Дону в Заветинский район Ростовской области [3].

В состав документов, переданных на хранение в ЦДНИРО, входит уникальная коллекция из 167 писем, присланных Иваном Викторовичем с фронта с 4 сентября 1941 г. по 14 мая 1945 г. [4] – бесценное свидетельство «живой» истории. Дополняют эту коллекцию 7 писем фронтовых друзей Ивана

Викторовича, датируемых маем – ноябрем 1945 г., присланные вдове после смерти боевого товарища [5]. В этих двух делах отразилась вся история Великой Отечественной войны: от начала до военных действий в Германии. Изучая эти письма, понимаешь, «какою ценой завоевано счастье». Приватная переписка «маленького человека» [6], бережно хранимая долгие десятилетия родными и близкими, отражает различные эпизоды Великой Отечественной войны, многие аспекты внутреннего мира и образа жизни фронтовиков, а также содержит множество свидетельств о жизни тыла.

Первые месяцы войны. Неопределенность, растерянность и горечь поражений. В коллекции писем сохранились 4 почтовые карточки, датируемые 4–6 сентября 1941 г. 4 сентября: «Я мобилизован. Едем на Полтаву, а дальше – не знаю». Тогда же: «Выехали с Лозовой, не знаю куда» [7]. 6 сентября: «Привет из Украины! Едем на Киев, подъезжаем к Миргороду» [8]. И в этих коротких сообщениях везде: «…жалей и воспитывай наших деток», «целую тебя и деток», «здравствуй, Поличка и мои детки Вова, Ваня, Витя!» [9]. 5 сентября 1941 г.: «Где я буду, тогда напишу». И долгое молчание. В марте 1942 г. его жена П.Ф. Шамарова сделала запрос в Наркомат обороны СССР. В ответе от 15 марта 1942 г. сообщалось, что «сведений о местонахождении Шамарова И.В. в настоящее время не имеется. В списках убитых, умерших от ран и пропавших без вести он не значится» [10]. 14 мая 1942 г. жене приходит письмо от Ильи – друга мужа, в котором он сообщает, что «мы с Иваном находились вместе в затруднительном положении. Где он сейчас, я не знаю. Но не думаю, что с ним что-то случилось» [11].

Первое письмо, полученное после освобождения Ростовской области от оккупации, датируется февралем 1943 г. (дата не читается). О своем длительном молчании он не распространялся. После приветов всем, краткого сообщения, что все хорошо, перечислений тех знакомых, которые вместе с ним служили, приводится полностью стихотворение К. Симонова «Жди меня» [12]. Это потом из воспоминаний однополчан стало известно, что после краткосрочного обучения в разведшколе, во время выполнения боевого задания в Буденновске И.В. Шамаров был схвачен командой Шмидта [13]. Сам же он лишь однажды в письме от 10 сентября 1944 г. напишет: «Я долго не писал, это не лень, а сколько бы я ни писал, они идти не могли. Я находился… где был в 41–42 г., только всего 16 суток. Но все прошло благополучно» [14].

Перелистывая пожелтевшие «треугольники», получаешь сведения о военных операциях, в которых участвовал автор. И.А. Шамаров был военным разведчиком, воинское звание – сержант, служил в 915-м артиллерийском полку 346-й Дебальцевской Краснознаменной стрелковой дивизии. Некоторые строки, указывающие на местонахождение фронтовика, вымараны военной цензурой: «Я сейчас в действующей армии в артиллерии…», «Привет из…» [15]. Изучая письма И.В. Шамарова за февраль1943 г. – май 1945 г., понимаешь, что это не просто письма, а краткие репортажи с места боев. Так лаконично он описывал боевые успехи по пути следования дивизии. 14 октября 1943 г.: «Трудно описать, что происходит здесь на передовой. Наши бьют, авиация наша бомбит. “Катюши” поют – сплошной рев, гул. Он – враг бьет также сильно и бомбит и очень легко попасть под бомбу или снаряд, потому что трудно различить

своих от вражеских. Вот под такую музыку я и сочиняю тебе письмо» [16]. Бои за Дебальцево, Мелитополь, форсирование Сиваша, Севастополь, Херсон, Ельню, освобождение Латвии, Литвы и последние бои в Германии – обо всех этих сражениях хотя бы несколько строчек в письмах к жене. 17 мая 1944 г.: «Мы сейчас закончили с идиотами в Крыму, и если бы ты видела: как его кромсали последние дни. Ведь он брал Севастополь 250 дней, а мы его вышибли в 3 дня и того меньше. А когда последнюю группировку ликвидировали за городом, просто передать трудно. Сколько набили их и сколько они оставили техники на десятки километров квадратных. А как ликовал город в день освобождения – салютовали, душа замирала от радости» [17].

В каждом письме, наряду с любовью к свои родным, к своей земле, патриотизмом и ненавистью к врагу, красной нитью проходит мечта об окончании войны и возвращении к мирной жизни. 5 сентября 1943 г.: «Сейчас самый ответственный характер борьбы за Днепр, но всем известно, что против русского [подчеркнуто автором письма. – *Л.Л.*] воина никто не устоит» [18]. 17 августа 1944 г.: «В этом году думаем закончить войну и увидеться с вами» [19]. 17 октября 1944 г.: «Вообще военная жизнь – жизнь фронтовика полна всяких неожиданностей» [20]. 24 октября 1944 г.: «О блестящих успехах наших войск и нас ты уже знаешь, так что писать больше нечего» [21]. 28 октября 1944 г.: «Пока скучаем. Но кругом нас "концерты" для фашистов исполняются похоронные» [22].

В своих письмах Иван Викторович задает много вопросов о жизни жены, детей, родственников в освобожденном Ростове, об их быте, здоровье и питании. 28 ноября 1943 г.: «Благодарю, занимательное письмо. Витьку [младший сын. – *Л.Л.*], конечно, ты простила? Жаль только, вырастут они из этого возраста и я это не смогу наблюдать. Ну хоть в письмах описывай их проделки. Мне очень интересно» [23]. Почти в каждом письме начиная с 1941 г. встречается фраза: «Я еще пока жив-здоров, Вам лучшего желаю» [24].

В сентябре 1943 г. старший сын Владимир научился писать, и отец, чтобы привить ему навыки чтения и письма, посылает с фронта письма, написанные лично Шамарову Владимиру Ивановичу печатными буквами. 10 декабря 1943 г.: «Молодец, что умеешь писать. Учись лучше писать. Красноармейцы тоже читали твое письмо и хвалили тебя, что умеешь писать сам папочке письма» [25]. Позже, в 1944 г., когда средний сын Иван тоже научился читать и писать, Иван Викторович будет писать письма, печатными буквами лично каждому из сыновей. 13 февраля 1944 г.: «Здравствуй, Ваня! Получил я твое письмо. Спасибо, сыночек. Учись писать лучше. Твое письмо читали все мои товарищи. Молодец! Только буквы не переворачивай. Целую тебя. Твой папа. Привет от моих товарищей» [26].

28 октября 1943 г. И.В. Шамаров был награжден медалью «За отвагу», а 19 ноября 1943 г. – орденом Красной Звезды [27]. Чем дальше на Запад продвигались наши войска, тем описательнее становились весточки с фронта. В своих письмах жене Иван Викторович давал интересные зарисовки заграничного быта и архитектуры, сопоставлял погоду с той, которая должна быть дома. 17 марта 1945 г.: «Пока скука неимоверная в этой злополучной стране. Тем более, сейчас весна – грязь, вода снизу и сверху» [28].

С конца 1944 г. И.В. Шамарову снились плохие сны, полные тревожных предчувствий, о чем он иногда сообщал в письмах. 30 марта 1945 г.: «Плохие сны мне снятся. И если им верить, то плохо дело будет или у тебя, или у меня» [29]. 27 апреля 1945 г. И.В. Шамаров был ранен в живот в районе Штеттина (Западная Померания, Германия). Последнее его письмо из госпиталя датировано 14 мая 1945 г., и в нем выражена надежда на скорую встречу. 25 мая 1945 г. И.В. Шамаров умер в госпитале от ран. Похоронен в Германии, в Юго-Западном округе города Штаргард на братском кладбище. Подробности последних дней его жизни сообщили вдове фронтовые друзья. В их письмах очень много теплых слов об Иване Викторовиче, горечь утраты и слова поддержки жене и сыновьям погибшего друга [30].

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что на примере одной семьи, ее переписки за 1941–1945 гг., воспоминаний боевых товарищей мы получаем представление о войне и ее участниках – простых и искренних, что вызывает самое глубокое уважение к людям, отдавшим жизнь за нашу общую Победу.

Примечания:

1. ЦДНИРО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.
2. Там же. Д. 20. Л. 1об.
3. Там же. Л. 2.
4. Там же. Д. 16. Л. 1–167.
5. Там же. Д. 17. Л. 1–7.
6. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 2004. С. 648.
7. ЦДНИРО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 16. Л. 1, 2.
8. Там же. Л. 4.
9. Там же. Л. 1–4.
10. Там же Д. 18. Л. 1.
11. Там же. Д. 22. Л. 73.
12. Там же. Л. 5.
13. Там же. Д. 22. Л. 73
14. Там же Д. 16. Л. 121.
15. Там же. Л. 7, 12.
16. Там же. Л. 40.
17. Там же. Л. 109.
18. Там же. Л. 37.
19. Там же. Д. 16. Л. 117.
20. Там же. Д. 16. Л. 127.
21. Там же. Л. 129.
22. Там же. Л. 131.
23. Там же. Л. 52.
24. Там же. Л. 11, 29, 45, 57.
25. Там же. Л. 32, 54, 56, 56об.
26. Там же. Л. 78.
27. Там же. Д. 19. Л. 1. Д. 17. Л. 50.
28. Там же. Д. 17. Л. 160, 164, 164об.
29. Там же. Л. 132, 162.
30. Там же. Д. 17. Л. 2–7.

М.И. Гуров, Т.С. Степанова

Однажды небо стало алым… (Великая Отечественная война в воспоминаниях семьи Y)

В год семидесятилетия победного для нашего Отечества мая 1945 г. необычайную остроту приобрел еще недавно казавшийся кощунственным вопрос: а что, собственно говоря, мы празднуем? С одной стороны, появляющиеся в последние годы многочисленные публикации, внося дополнения в устоявшуюся концепцию войны, позволяют надеяться на более объективную оценку событий 1941–1945 гг. С другой стороны, в минувшее двадцатилетие, особенно на постсоветском пространстве, стало возможным высказывание «правды» об освободителях, ставших, как оказалось «оккупантами». Да и символы Победы в отдельных ныне «суверенных» государствах становятся чуть ли не признаком «ненавистного прошлого», которое и вспоминать-то уже «преступление». В этой связи, безусловно, важным является максимально бережное сохранение исторической памяти, не позволяющей прерваться связи поколений.

Данная публикация продолжает цикл исследований, проводящихся в течение ряда лет на факультете истории и филологии Таганрогского института имени А.П. Чехова. Их целью является фиксация воспоминаний поколения победителей и их детей. В центре нашего внимания судьба семьи Y, в различных генеалогических ветвях которой и переплелись сюжеты военного лихолетья. Семейный архив и семейные воспоминания весьма разнонаправленно сохранились в поколениях детей и внуков. Об одних ее представителях практически ничего не известно. Других, выживших тогда, так и не успели ни о чем спросить. Но полученная информация, нередко весьма скупая, позволяет уже правнукам войны увидеть удивительную горечь и радость праздничных майских дней, объединяющих наше общество.

Тамара Васильевна С. родилась в 1920 г. в семье ленинградских рабочих – Анны и Василия [1]. Довоенная жизнь семьи отличалась относительным достатком. Тамара, успешно окончив школу, поступила в медицинское училище и получила профессию медсестры. Для нее война началась в 1939 г., когда она попала на советско-финскую. В поколении детей и внуков практически ничего не известно о тех «мирных» годах, но июнь 1941 г. она встретила на одной из военных баз в Финском заливе. После боев последовала эвакуация в Ленинград, где уже начиналась блокада. В памяти ее сына – Вячеслава – отчетливо отпечатались слова Тамары Васильевны: «…помню, как однажды небо стало алым, я еще не знала причины, но тогда казалось, что пришла кара за людские грехи» [2]. Позже оказалось, что алое небо – всего лишь зарево от горящих складов с провизией, которые немцы подожгли. И голод, страшный голод, испытываемый изо дня в день. «Это казалось одним большим ночным кошмаром длиною в жизнь…» Ее сын вспоминал, что после смерти мамы (много позже войны), когда родственники пришли исполнить печальный ритуал, они обнаружили, что все кладовые и погреб дома были набиты до предела крупами, консервами и иной провизией…

Тогда, в дни блокады, вид смерти стал настолько привычным, что никто ее и не замечал. «Люди падали замертво, вначале от немецких обстрелов и бомбежек, а затем от истощения». «Умерли дядя и тетя», умирали друзья детства, одноклассники, просто знакомые, но она выжила. И единственное, что помогло тогда, – работа. «Каждый отвоеванный у смерти человек придавал жизненных сил и надежды, что когда-нибудь этот ад закончится».

Когда блокада была прорвана, госпиталь Тамары Васильевны был переведен на остров Даго (в настоящее время – Эстония), где она и прослужила до конца войны. Вот что сказано об этом в строках наградного документа, обнаруженного ее правнучкой три поколения спустя: «С момента переезда госпиталя на остров Даго приняла активное участие в организации последнего и этим подымала личный состав на дружную работу… Своим любовным и материнским уходом за больными и ранеными тов. С. завоевала большой авторитет среди больных и личного состава. Тов. С. способствовала быстрейшему выздоровлению раненых бойцов и этим самым скорейшему возвращению в строй… В личных качествах тов. С.Т.В. скромный, выдержанный и дисциплинированный человек» [3]. По окончании войны Тамара вышла замуж, родила сыновей Вячеслава, Виктора и дочь Татьяну. Сын Вячеслава – Сергей – связал свою судьбу с И.П.Т., военное поколение семьи которой встретило войну далеко от Ленинграда, на Черниговщине.

Корни семьи Т. уходят в начало прошлого столетия в небольшое село Бирино (в настоящее время – Украина), где проживали Василиса Афанасьевна и Андрей Емельянович. Семья была большая – семеро детей: Иван, Александра, Петр, Мария, Арина, Татьяна и Александр [4]. Жили дружно. Их дочь Татьяна, родившаяся в 1937 г., вспоминала: «…отец пчелами занимался, это еще мы нормально жили… Мать работала от зари до зари птичницей в колхозе». Накануне войны построили большой дом, мечтая о более хорошем будущем для своих детей, рассчитывая, что они поедут в город и станут врачами, инженерами, агрономами, да и жизнь должна быть более достойной.

Отметим, что предвоенные перипетии, связанные с коллективизацией и индустриализацией, оказались заслоненными «нагрянувшей войной», когда многодетного 46-летнего главу семейства, его сына Ивана, зятя Клима и других односельчан призвали на фронт. Дочь Андрея Емельяновича вспоминала, говоря об отце: «…его забрали, не помню его, какой он и был. Потом брат. Брата забрали. Афанас его звали, не знаю, какой он был. Это брат неродной – по отцу сводный, вот и они не пришли оба – и ни тот, и ни другой, никто не пришел с фронта – погибли, а папа мой погиб под городом Ржев» [5]. Семья получила не «похоронку», а извещение, в котором сообщалось, что Андрей Емельянович пропал без вести. Но всю оставшуюся жизнь Василиса Афанасьевна ждала его, так и не поверив, что он не вернется домой. «В окошко стукнет кто-нибудь, а я бегу, думаю, что это любимый Андрей вернулся».

Но это будет потом, а тогда в село пришли немцы: «…сожгли полдеревни, забрали птицу, корову, все припасы». «Наша хата не сожженная была, не сожгли ее, потому что нас было семь человек – шесть детей, пожалели. Один немец при чинах приносил маме стирать его вещи, увидел, что детей много, стал

приносить еду, что было. Мама всю жизнь вспоминала его с благодарностью и плакала. А вообще немцы у нас не квартировались, жили в глубине деревни, а у нас боялись партизан. Потому что жили мы у леса» [6].

Сама Василиса Афанасьевна до конца жизни не любила вспоминать войну, говоря, что «Господь Бог нас наказал». В памяти Татьяны, в войну совсем маленькой, война – это голод: «Люди буквально распухали от голода, больше всего я тогда боялась, что умрет мать, она была в таком ужасном состоянии, что не могла встать с печи, а мы ходили с братом на луг за 3 км. Оттуда идем, он, бедный, тащит целую сумку щавеля и лука, а я не иду, он меня и упрашивает, и пугает: "Там русалки, и кого только нет". А я так сильно устану, силы меня покинут, что ничего уже и не боюсь, сяду и никуда не иду, он тогда мне говорит: "Танечка, ну пойдем, пожалуйста. Придем, я тебя завтра не буду брать, пойду сам потом"… Питались этой липой – лист липы, щавель, дикий лук, и все, а хлеба у нас никакого не было, в пятьдесят шестом году только мы хлебу наелись… Ели картофельные шкорки, травились: весна, надо было сажать, срезали с картофеля кожуру одну с ростками, все, что оставалось, – шкорки – варили и ели. Однажды соседка с фермы принесла молотое зерно с песком, мы сварили кашу, а каша на зубах скрипела, но тогда мы впервые за долгое время чувствовали себя сытыми – это и был один из самых хороших дней за период войны» [7].

Самым страшным для маленькой девочки стала обыденность смерти: «… вначале немецкого солдата, а потом… и родной сестры. Помню, как мы ходили из деревни в Новгород Северский, мне тогда пять лет от роду было, там 15 км расстояние, побыли в городе, а когда возвращались в деревню и увидели мертвого немца – голову не было видно, а живот уже вспух, и мамочка моя, я, соседка и соседский мальчишка, мы похоронили его. Не должны маленькие дети рыть кому-то могилу, а приходилось! А после войны и черепа человеческие находили, хоронили всегда. Сестра у меня была – моя родная сестра Саша… Пошли они с мамой корову доить, и снаряд упал, и ранил ее сильно осколком в лицо, зубы повыбило, ну, наши отступали, ее забрали, три года ее не было, фронтовой врач ее лечила, вместо своей дочери отправила лес рубить, вот, и она там легкими заболела, приключился туберкулез, и мы лишь через три года узнали где она, в общем, Шура смогла к нам добиться, где Родина ее, и она прислала письмо, и поехали, и забрали ее. Но она пожила мало очень. Умерла от туберкулеза».

Выживали, как могли. «У нас фуфайка одна на всех была порванная и лапти. По очереди на улицу выходили зимой, а если надо к соседям, так бежим босиком, и снега по эту пору [по пояс. – *М.Г., Т.С.*], погреемся и обратно бегали так же точно, ну нечего было одеть, нечего! Мы очень бедно жили, а ртов кормить много нужно было. Мама меняла каждую "тряпку" на пропитание». Ну и, конечно, бои. «Да, сидели в блиндаже, огород был длинный, хата оставалась тут, а мы жили в конце огорода, там блиндаж у нас был – в земле. Там мы сидели, две семьи. Бомбили нас, бомбили очень сильно, но в дом мы никогда не заходили, у нас была мельница, там хранилось зерно, и вот в основном мельницу эту и бомбили, а мы все в своем саду вот так тряслись, и земля аж вот так вот [показывает. – *М.Г., Т.С.*] качалася – такая была бомбежка. Бои были страшные, мы даже в 1990-м году [в поселок. – *М.Г., Т.С.*] ездили, а земля

не заросла – рвы глубокие и воронки, и мы находили остатки снарядов и мины». Улице Татьяны еще повезло: «…вокруг нас ни один сосед не погиб, мы жили на окраине к лесу, тут мало людей было, а выйдешь – там луга, речка, а народу было мало, а туда, вглубь деревни, – много людей, а в самой деревне много погибло» [8].

С войны не вернулся Андрей Емельянович, но вернулись Иван и Клим. Однако «война – страшная штука, она не дает о себе забыть и после ее окончания. В 1947 году Клим работал в лесу, валил деревья и подорвался на мине» [9].

Татьяна выросла, в 1956 г. переехала в Ростовскую область, к дяде. Там она вышла замуж за Павла Кузьмича Т., родившегося в предвоенном 1938 г. в селе К. Прохоровского района Курской области. Маленьким мальчиком он встретил войну, пережил оккупацию, был свидетелем событий под Прохоровкой в 1943 г. «Земля гудела от взрывов, воздух был наполнен копотью, через черный дым не видно было солнца, лишь слышался рев самолетов и танков. Тогда казалось, что это никогда не закончится» [10]. Его мать Надежда Егоровна несколько суток провела в подвале, боясь выйти оттуда. Сам Павел отчетливо запомнил даже не это, а историю, которая произошла с ним в оккупации: «…этот момент застыл в памяти так ярко, будто это было несколько лет назад… Немцы пришли в село, заняли дома, расположились там, как у себя дома. К нам на постой определили полковника и совсем молодого офицера. Они жили в комнатах, а мы ютилась в кухне. Однажды Зина [сестра Павла Кузьмича. – *М.Г., Т.С.*] заболела. Она кричала весь день и продолжала плакать ночью». Молодая мама не знала, как успокоить дочь, и только умоляюще просила ее не кричать. В конце концов офицер – тот, что помоложе, – выскочил из комнаты, держа в руках оружие. «Лицо его перекосилось от злобы, и, направив пистолет на больного плачущего ребенка, он громко закричал: “Убивать!”». Но именно в этот момент в дом вошел второй постоялец и на немецком языке что-то сердито сказал своему подчиненному. Тот сразу же удалился. А он достал фото из нагрудного кармана и показал женщине. Немец сказал: “Ich habe vier Kinder”, задумчиво посмотрел на испуганного мальчика, погладил его по голове, а потом виновато посмотрел на его мать. Он распорядился, чтобы позвали доктора, принес тушенку, сгущенное молоко и шоколад. Благодаря этому человеку, девочку спасли, что дало жизнь всем послевоенным поколениям семьи.

На войне было разное. Была ненависть к оккупантам, горечь от потерь, но при этом, как бы ни было трудно, оставалась место человеческому. Именно это и позволило нашим предкам сохранить себя в той войне. Сам Павел, несмотря ни на что, пронес осознанное чувство понимания действий пожилого немца, вовремя вошедшего в дом. Отец Павла – Кузьма Павлович, призванный на фронт в начале войны, узнал горечь поражений, воевал на Украине, был ранен и после долгого скитания по госпиталям комиссован и вернулся домой, израненный, но живой. Повезло и его брату – Николаю. Он прошел всю войну, был дважды ранен, но сумел встретить Победу. «Это был великий праздник, ликовали все жители деревни, танцевали даже на улицах, повсюду была радость, слышался смех и звуки аккордеона, но было и много людей со слезами великой скорби на глазах – вдовы, потерявшие мужей, матери, лишившиеся детей» [11].

В судьбах военного поколения семьи Y весьма противоречиво переплелись события 1941–1945 гг. Они впитали в себя всю горечь и величие военного лихолетья. Их воспоминания стали одним из стержней, не позволивших прерваться семейной связи детей, внуков и правнуков в понимании трагизма «той войны». Именно их «маленькая» история позволяет полнее представить большую историю великой страны. И, главное, не позволяет нам – потомкам – поверхностно и небрежно относиться к нашему прошлому.

Примечания:

1. Респондент Вячеслав Александрович С., 1946 г.р., записан в Белой Калитве в ноябре 2013 г. Интервьюер Т.С. Степанова. Стилистика авторской речи здесь и далее сохранена.
2. Там же.
3. Центральный военно-морской архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 1. URL: http://podvignaroda.mil.ru (дата обращения: 03.02.2015).
4. Респондент Татьяна Андреевна Т., 1937 г.р., записана в Белой Калитве в ноябре 2013 г. и феврале 2015 г. Интервьюер Т.С. Степанова.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Респондент Павел Кузьмич Т., 1938 г.р., записан в Белой Калитве в декабре 2013 г. Интервьюер Т.С. Степанова.
11. Там же.

С.М. Сивков

Авиация Второй мировой глазами «детей войны»

Сегодня, в 70-летнюю годовщину Победы в Великой Отечественной войне, взоры большинства российских и зарубежных историков прикованы к тем далеким событиям. Одним из последних источников личного происхождения, которые мы еще можем получить, становятся воспоминания «детей войны». К сожалению, работа по записи и сохранению воспоминаний ведется недостаточно активно, а очевидцев событий становится все меньше и меньше.

Вместе с тем следует отметить, что данный вид источников приковывает внимание целого ряда ученых. Несколько публикаций вышли за последние два года, в том числе работы исследователей из Владикавказа С. Хубуловой, М. Болотаевой, З. Кучиевой [1], из Волгограда – М.А. Рыбловой и М.П. Назаровой [2] – и многие другие [3].

По оценке А.А. Алексеенок и Т.В. Игнатовой, «в советский период отечественная история оставалась незыблемым пластом, в котором существовала только одна позиция на исторические факты и события, публицистов, нередко и государственных деятелей. В постсоветский период ситуация в корне

изменилась. Исторические факты и события стали сферой серьезных разногласий и плюрализма. Отечественная история неоднократно пересматривалась. Герои предыдущих поколений в оценках современных СМИ, публицистов, а нередко и государственных деятелей меняли свой образ с положительного на отрицательный и наоборот. С 90-х годов XX века не раз переписывались учебники истории. В связи с этим представляется особенно интересным сравнение исторической памяти различных поколений» [4].

В воспоминаниях детского поколения навсегда остались впечатления о действиях авиации. Если от действий сухопутных войск можно было укрыться, то авиация могла достать везде. Порой не могли спасти даже бомбоубежища. Однако эти впечатления существенно различаются на различных этапах войны: от ужаса периода отступления Красной армии, до эйфории на завершающем этапе битвы за Кавказ.

Территория юга России подвергалась бомбежке всеми сторонами: в начальный период удары наносили люфтваффе, в период оккупации и триумфального наступления Красной армии – советская авиация, после освобождения – вновь люфтваффе. На первом этапе «дети войны» трагически воспринимали бомбардировку и воздушные бои. В воспоминаниях Л.Ф. Орловой указывалось на приближение фронта к Ростову-на-Дону: «В городе часто бывают учебные тревоги. Все должны укрыться в убежище. Непослушных и запоздавших укладывали на носилки –они считались ранеными и уносили в медпункты. Наше убежище находилось на углу Буденновского и Книжной улицы (ныне ул. Серафимовича)» [5].

А в воспоминаниях других очевидцев о событиях в районе Армавира отмечалось: «Между тем фронт подходил уже к Ростовской области. Иногда ребятам приходилось видеть, как в армавирском небе происходили воздушные сражения. Все радовались, как удирают от наших “ястребков” фашистские “стервятники”, у каждого сжималось сердце и выступали слезы, когда наш самолет, подбитый немцами, вспыхивал, как факел, и, оставляя за собой длинный шлейф черного дыма, пропадал где-то за горизонтом» [6]. Подобная ситуация складывалась и на Черноморском побережье. А.П. Салашин вспоминал: «Анапа была в огне от пожаров. Никогда не забыть один день в мае 1942 года. Это был ужасный день. Вражеская авиация обрушила сотни бомб на город и порт, на военный аэродром, где стоял наш авиационный истребительный полк. Начались пожары, город горел, было много разрушенных зданий. От прямого попадания были разрушены телеграф, морской порт, баржи с детьми, прибывшими из Керчи, склад с боеприпасами. В порту были потоплены наши торпедные катера, транспорт “Эльбрус”, появились убитые и раненые». Жители навсегда запомнили этот страшный день. Многие лишились крова, разбитые улицы омылись слезами и кровью. В огне пожаров слышались крики женщин, стоны раненых, плач детей. Из города потянулись обозы беженцев. Поток этот двигался на железнодорожную станцию Тоннельную [7].

Страшное впечатление на детское сознание оказали «ковровые» бомбардировки перед второй оккупацией Ростова-на-Дону. Л.Ф. Орлова, 1930 г.р., вспоминала: «С 12 июля 1942 г. начались беспрерывные бомбежки. С раннего утра и до ночи волна за волной налетают немецкие бомбардировщики.

Мы сидим в погребе. После одной из бомбежек мы не могли выйти оттуда. Очень испугались, так как подумали, что попала бомба и нас завалило, но оказалось, что от содроганий дверь кладовки открылась и остановилась над погребом. Мы кричали, звали на помощь дедушку, но он ничего не слышал. Нашли где-то палочку и через щель попытались оттолкнуть дверь кладовки. Нам это удалось» [8]. В другом случае бомба попала в здание гостиницы на углу Московской и Буденновского проспекта, под которым находилось бомбоубежище: «Спастись удалось одному моряку. Все остальные погибли. В этой гостинице что-то замкнуло, и сирена выла целые сутки» [9].

Краснодарский исследователь А.Ю. Рожков в одной из своих публикаций привел школьное сочинение – воспоминание об оккупации Марианны Жерденко, попавшей под вражескую бомбежку в период эвакуации из Краснодара в 1942 г. Она писала: «На следующей станции мы подверглись сильной бомбежке и еле остались в живых. Как только стихла бомбежка, поезд тронулся. Так мы доехали до Кропоткина. Вдруг застрочили пули по крышам вагонов. В нескольких шагах разорвались две бомбы, взметая в воздух сотни кубометров земли. Дети плакали, женщины голосили. Но вот поезд рванулся изо всех сил. Многие не успели сесть, но поезд больше не остановился. Мы помчались снова. Вот раздался оглушительный взрыв. Проклятые немцы разбомбили прекрасный кропоткинский вокзал. Вскоре из окон вагонов мы увидели, что прилетели несколько наших ястребков. Они разогнали вражеских стервятников» [10]. По мнению исследователя, в школьных сочинениях, написанных по свежим следам событий, содержится значительный пласт исторических сведений. В Государственном архиве Краснодарского края сосредоточены подобные источники личного происхождения по трем школам города.

Есть и другая оценка деятельности авиации. Как отмечает германская исследовательница Ф. Маубах, «дети особенно беззащитны перед психологическими травмами, поскольку они совсем не могут (либо недостаточно могут) выразить свои переживания словами. А ведь травма и молчание идут рука об руку». Она справедливо отмечает, что в автобиографической литературе, принадлежавшей перу детей военного времени, можно, к примеру, обнаружить эстетизацию бомбовой войны, отражающую именно эту чувственную открытость, свойственную детству. Часто на это первоначальное переживание наслаиваются более поздний опыт и знание о том, что бомбы могут принести с собой смерть. Те авторы, которым хоть и не в полной мере удается отделить этот более поздний опыт от первоначального переживания, вспоминают о том, что воспринимали бомбежку как «прекрасное зрелище» [11].

Подобные ощущения складывались и у советских детей. Так, например, по воспоминаниям Л.Ф. Орловой: «Начались налеты нашей авиации на город [Ростов-на-Дону. – *С.С.*], но это была уже другая, прекрасная музыка. И хотя мы могли погибнуть от наших бомб и снарядов, сбывалась наша мечта об освобождении, в которой мы никогда не сомневались» [12].

Немецкий писатель Гюнтер Куперт, родившийся в 1929 г. в Берлине, семья которого отвергала национал-социалистический режим (не в последнюю очередь из-за того, что мать была еврейкой), полагал, будучи ребенком, что бом-

бардировщики союзников по антигитлеровской коалиции не могли причинить ему вреда, поскольку он мог считать себя приверженцем союзных сил. Он даже полагал, что эти бомбардировщики не только не убьют, но и наоборот, спасут его. В своих воспоминаниях «Игры взрослых» Куперт изображает авиационные налеты как большой красочный фейерверк, устроенный для того, чтобы его защитить. Он пишет: «Ночью англичане, днем немцы. Мои симпатии принадлежат персоналу "летающих крепостей", которые в солнечном сиянии прокладывают через небесную лазурь нежные, белые полоски, сопровождаемые бесшумно падающими ватными шариками – "взрывающимися зенитными снарядами"» [13].

Но не всегда бомбардировки «своих» приносили радость. Вот как Л.Ф. Орлова описывала попадание авиабомбы или снаряда в концлагерь советских военнопленных: «У железнодорожного моста [через реку Дон. – *С.С.*], где мы брали воду, за колючей проволокой наши военнопленные. Они просят маму сварить им картошку. Немцы им разрешили. Они ждут, они хотят есть.

Принесли картошку, немцы проверили. В будущем, во время обстрелов нашей артиллерией и полетов нашей авиации, одна из бомб попадет туда, они все погибнут. Раненые так кричали, что слышно было на нашей улице» [14].

Таким образом, действия вражеской авиации воспринимались в абсолютном большинстве случаев крайне негативно. Бомбардировки, боязнь быть заживо погребенными в подвалах или бомбоубежищах, трагедии, происходившие в небе во время воздушных боев, сказывалось на психологическом состоянии «детей войны». И здесь мы находим много общего в реакции советских и немецких детей. В то же время спустя многие годы после окончания войны впечатления немецких детей подверглись внутренней цензуре, что мешает делать вывод об их объективности. Воспоминания советских детей периода завершения битвы за Кавказ отличает большой оптимизм и вера в будущее, несмотря на ожесточенные бомбардировки многих крупных населенных пунктов нашей авиацией и связанные с ними потери. Хотелось надеяться, что изучение воспоминаний «детей войны» будет в дальнейшем продолжено.

Примечания:

1. Хубулова С., Болотаева М., Кучиева З. Великая Отечественная в воспоминаниях детей войны. Владикавказ, 2013.
2. Рыблова М.А. «Территория детства» в пространстве Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 4. С. 37–50; Рыблова М.А., Назарова М.П. «Играют мальчики в войну»: игра как способ освоения детьми пространства войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 3. С. 105–115.
3. Великая Отечественная война: взгляд из XXI века: материалы Международ. науч. конф. Краснодар, 2013.
4. Игнатова Т.В., Алексеенок А.А. Особенности исследования исторической памяти о Великой Отечественной войне детей войны методом фокусированного интервью // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 6 (36). С. 45.
5. Личный архив автора. Орлова Л.Ф. Записки-воспоминания. 1969–2010. Рукопись. Гавана – Ростов-на-Дону, 1969–2010. Л. 15.

6. Дети Кубани в годы Великой Отечественной. Краснодар, 2008. С. 16.
7. Там же. С. 11.
8. Орлова Л.Ф. Указ. соч. Л. 19об.
9. Там же. Л. 21 об.
10. Рожков А.Ю. «Вместо сияющего будущего – участь рабыни»: репрезентация переживаний в период оккупации в нарративах краснодарских школьников (1945 год) // Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: сборник науч. статей. Краснодар, 2010. С. 317.
11. Маубах Ф. Сказки, игры, ролевой обмен: детское освоение военного насилия (1939–1945) // Вторая мировая война в детских «рамках памяти»... С. 136, 154.
12. Орлова Л.Ф. Указ. соч. Л. 27.
13. Маубах Ф. Указ. соч. С. 156.
14. Орлова Л.Ф. Указ. соч. Л. 26об.

А.Ю. Третьякова

Война глазами врача. О жанровой специфике «ППГ-2266, или Записки полевого хирурга» Н.М. Амосова

Жанр военных записок берет свое начало еще с античных времен («Записки о Галльской войне» Юлия Цезаря, «Римские войны» Аппиана). Данный жанр представляет собой воссоздание событий войны глазами исторического лица, которое является их реальным участником. Можно сказать, что это история, прошедшая через призму сознания современника и ставшая его жизненным опытом. Военные записки представляют собой личную память автора, поэтому они не столько фиксируют исторические события, сколько отражают его личный взгляд на происходящее. Уникальность записок как жанра заключается в том, что события прошлого представлены в них как современное, «происходящее» с автором здесь и сейчас. Возможно, личностная память, которая навсегда остается с пишущим, делает этот жанр востребованным и актуальным в любое время.

Военные записки характеризуются следующими жанровыми особенностями: хроникальное повествование, соответствие исторической правде, отказ от художественных приемов, фактографичность. Анализ названий позволяет разделить произведения данного жанра на две группы, с точки зрения профессиональной направленности (записки кого) и иной направленности (записки откуда) [1].

Для характеристики данного жанра особый интерес представляет анализ военно-полевых записок врачей – текстов, которые также имеют давнюю историческую традицию (Н.И. Пирогов «Севастопольские письма», В.В. Вересаев «Записки врача. На японской войне»). Интерес заключается в том, что военно-полевой хирург зачастую оказывается в самом центре военных действий, но при этом его записки могут представить нам иной взгляд на войну, иную перспективу. Таким образом, записки как жанр передают определенную концепцию автора. И эта позиция сказывается как на выборе фактов,

так и на способе их освещения, на выводах, которые он делает. Имея давнюю традицию, военно-полевые записки, как бы сильно они ни отличались в плане отображения фактов, авторского индивидуального стиля повествования, всегда имеют определенную практическую направленность: стремление поделиться разработанными и проверенными методами военно-полевой хирургии.

Данная статья посвящена анализу военно-полевых записок, сделанных советским хирургом, Героем Социалистического Труда Н.М. Амосовым на протяжении всей войны в периоды затишья на фронте.

Для записок как жанра характерна относительная композиционная свобода. Военно-полевые записки Н.М. Амосова состоят из 15 глав. Только в трех названиях глав зафиксированы даты («Февраль 42-го. Калуга», «Лето-осень 42-го. Калуга», «Весна-лето 43-го»). В основном главы носят названия тех городов и населенных пунктов, в которых приходилось дислоцироваться военно-полевому госпиталю Н.М. Амосова («Егорьевск», «Подольск», «Угольная», «Хоробичи» и т.д.). В этом плане мы встречаемся с интересной манерой описания нового места дислокации: каждый новый населенный пункт мы видим глазами хирурга, с точки зрения удобства расположения госпиталя. «Большой сарай – для сортировки, другой – для ходячих раненых, домики – резерв для палат… А если школа, да еще двухэтажная, да со стеклами – так это вообще мечта: там все можно развернуть!» [2] Мы видим здесь своего рода «фильтрующее внимание», которое иногда напоминает кинематографический прием. Сам автор отмечает, что, наверное, офицеры оценивают каждое новое место по-своему, с точки зрения обороны и атаки. Иногда такая «кинематографическая» манера повествования с выхватыванием отдельных эпизодов становится настолько эмоционально сильной и яркой, что не требует никаких комментариев и слов о том каждодневном подвиге, который совершали врачи: «Только вскрыли живот: бомбы! Одна, другая, совсем рядом. Посыпались стекла. Все наши держались мужественно, никто не нарушил асептику. Лида боится самолетов, но и она только присела, выставив стерильные руки вверх» [3].

Другая стилистическая особенность записок Н.М. Амосова проявляется в эпизодах описания экстремальных ситуаций, когда от врача требуется быстрое принятие решения. В таких ситуациях мы видим внутренний монолог врача, который представлен парцеллированными, инфинитивными предложениями. Такая манера изображения как бы отражает внутреннее состояние автора в момент критической ситуации: врач сам отдает себе команды. Яркий пример такого внутреннего монолога предстает в эпизоде спасения раненых из разбомбленного поезда: «Сколько здесь людей? Сто, двести? Сколько живых? Что мы можем сделать – горстка медиков? Стоп! Работать. Напоить нужно… Нечем. Не догадались. Помощь вызвать» [4]. Иногда эти внутренние размышления превращаются в диалог врача с самим собой, со своей совестью. С предельной честностью Н.М. Амосов пишет о своих врачебных ошибках, которые привели к смерти пациентов: «Но я же… хотел спасти. “Мало ли что, хотел… Под другим наркозом – был бы жив”. Если бы не умер от газовой… “От такой ограниченной – не умер бы, ты знаешь”. Знаю. “И вообще: каков

твой актив? Раны заживают сами собой. Природа. А ты только суетишься около. Многих ли ты реально спас?”» [5].

Композиция записок, как уже говорилось, отражает реальное передвижение ППГ-2266, но есть в них и внутренняя композиция, внутреннее тематическое единство. Эта та личная война, которую ведет Н.М. Амосов с самого начала, когда попадает на фронт и понимает, что должна быть найдена альтернатива ампутации при ранениях коленного сустава и бедра. Поэтому довольно часто в записках хроника боевых действий на равных сочетается с описанием личных побед врачей в области хирургии в условиях войны. Сообщение о грандиозном наступлении войск под Сталинградом 23 ноября автор совмещает со статистикой удачных операций по огнестрельным ранениям бедер.

Во многих эпизодах отражается такая особенность записок, как оценочность. Все события проходят через сознание пишущего, и здесь мы можем наблюдать столкновение двух стихий, двух сильных позиций: патриотические убеждения автора и нравственные общечеловеческие принципы морали. Такое столкновение мы видим в эпизоде, когда Н.М. Амосов описывает реакцию врачей после объявления приказа № 227 «Ни шагу назад!». Автор отмечает, что первой реакцией был шок, но потом он сам себе говорит, что это правильно, что, возможно, врачам тоже надо было дать такой приказ, тогда бы не было тех врачебных трагедий первого года войны. Но ситуации конфликта между этими позициями все же единичны. Для Н.М. Амосова как врача на первом месте всегда стоит нравственный императив гуманистических ценностей. В такие моменты на страницах записок появляются экзистенциальные рассуждения автора о характере войны: «Опять я пытаюсь размышлять. Говорят: есть большая правда о войне и маленькая. Большая – это стратегия, государственный расчет. Маленькая – восприятие участников: солдат или, например, врачей. Они не всегда совпадают, эти правды. Рассуждение логично. Могут сказать, что по большой правде невозможно было сделать тысячу “кукурузников” для санитарной авиации, что если бы ее сделали в ущерб сотне истребителей, то войну бы не выиграть. Может быть, и так, но только они необходимы, эти “кукурузники”» [6]. И самое главное сообщение о войне – капитуляция Германии – у Н.М. Амосова выражается в одной простой мысли «Больше не убивают!».

На страницах записок мы встречаем философские размышления автора о героизме. Он пишет, что за всю войну лишь единожды был свидетелем героического, броского поступка (атака советским летчиком нескольких немецких истребителей в октябре 1941 г. в Сухиничах). Но Н.М. Амосов утверждает, что есть и другой героизм: ежедневное, ежечасное, «коллективное мужество», которое наблюдали врачи в госпиталях: «Сколько из них плакало и кричало в палатках, при перевязках и наших хирургических процедурах? Единицы… Кто из них просил себе частного, отдельного снисхождения или льготы по тяжести ранения или по чину? Единицы» [7]. Рассуждая о мужестве принятия решения об ампутации, автор делает вывод: если солдат может принимать такие решения — то может решать и в бою. И в конце записок Н.М. Амосов как непосредственный свидетель всех этих невероятных страданий раненых

рассуждает о национальном характере: такое мужество – это не просто военная дисциплина, это величие народного духа.

Военные записки позволяют нам не только сохранить память об отдаляющейся от нас с каждым годом истории войны, но и взглянуть на нее глазами разных людей. Ценность военных воспоминаний заключается и в том, что они знакомят нас с именами малоизвестных героев, которые совершали свой каждодневный подвиг. Но, наверное, самое главное качество военных записок в том, что благодаря элементу «присутствия» автора они могут стать уникальным материалом для изучения не только психологии личности в экстремальных условиях, когда усталость, опасность и смерть становятся нормой, но самой психологии войны.

Примечания:

1. Николюкин А.Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 276.
2. Амосов Н.М. ППГ-2266 или Записки полевого хирурга. Киев, 1975. С. 74.
3. Там же. С. 114.
4. Там же. С. 24.
5. Там же. С. 48.
6. Там же. С. 146.
7. Там же. С. 183.

Н.Г. Судоргин, И.В. Кедрова

Сражения за Ростов периода Великой Отечественной войны в кино- и фотодокументах

Сражения Великой Отечественной войны в окрестностях и в самом Ростове-на-Дону в 1941–1943 гг. носили ожесточенный характер, сопровождаясь гибелью не только отдельных бойцов и командиров, но и целых частей и соединений. Гибли и документальные свидетельства, и носители личного опыта. Неудивительно, что ощущается нехватка сведений об этих событиях в традиционных источниках. Поэтому представляются целесообразными поиск, идентификация, изучение, анализ и интерпретация сохранившихся кино- и фотодокументов. Продуктивность исследований данной категории исторических источников показана ранее на примере семейного фотоальбома [1]. Возможности использования киноматериалов как источников исторической информации подробно обсуждаются специалистами, работающими в сфере архивного дела и истории кинематографии [2].

В исследовании использованы материалы, доступные в электронном виде. Оценка достоверности визуального материала делается, исходя из места хранения или происхождения оригинала, сопоставления изображений с текстовыми документами, имеющимся сопроводительным описанием, а также вероятным местом съемки и происходящими в кадре событиями. В рамках поисковой части работы были изучены следующие источники: советские – хроникальные

фильмы «Союзкиножурнал» № 114 (1941 г.), №№ 1, 20, 21, 27, 31, 32, 39, 45, 57, 58 (1942 г.) – и немецкие: киножурналы “Die Deutsche Wochenschau” № 621 и № 622 (1942 г.). Естественно, что данные документы являлись не только информационными, но и пропагандистскими. Тем не менее их ценность как источников исторической информации не вызывает сомнения и определяется тем, что материалы снимались на местах реальных событий во время и сразу после них и зафиксировали поведение, состояние и настроение большого количества присутствующих в кадрах людей. Данная информация по разным причинам отсутствует в вербальных источниках. Эти документы – своеобразные аналоги современных телевизионных материалов, но с возможностью опоры при их изучении на существующие исторические исследования.

Изученные фотографические материалы из фондов Российского государственного архива кинофотодокументов (далее – РГАКФД) за 1941, 1942, 1943 гг.) в целом носят фрагментарный характер и поэтому требуют более точной привязки к месту и времени съемки на основе как самого изображения, так и имеющихся к ним описаний. Во многих случаях можно говорить лишь о факте самого события, а его место и точное время могли быть предметом военной тайны и не публиковались, впоследствии эти сведения не были востребованы или утрачены. В связи с этим акцент в данной работе сделан на видеоматериалах, которые по информационной структуре близки фотоальбомам с последовательно размещенными фотографиями, снабженными подписями.

При анализе кино- и фотоматериалов версии событий, составленных на их основе, целесообразно сопоставлять с версиями, существующими в исторической литературе [3]. Копии отечественных документов хранятся в РГАКФД. Однако существующие описания к ним в электронной базе данных весьма кратки и в любом случае требуют просмотра самого документа.

Среди изученных материалов был выявлен ряд кинодокументов, имеющих отношения к событиям на южном участке советско-германского фронта и сражениям за Ростов-на-Дону. «Союзкиножурнал» № 114 (1941 г.) [4], целиком посвященный Ростовской наступательной операции 1941 г. и освобождению Ростова, достаточно хорошо известен широкой аудитории и, несмотря на ряд постановочных эпизодов, достаточно точно отражает ход событий. Аннотация киножурнала в базе данных РГАКФД: «С.К. Тимошенко, Н.С. Хрущев и другие военачальники одного из фронтов разрабатывают план наступления. Район Ростова-на-Дону. Движение и боевые действия частей Красной армии. Раненые. Действия санитаров. Убитые немецкие солдаты. Трофеи. Город Ростов-на-Дону. Части Красной армии в городе. Разрушения. Железнодорожный вокзал города. Движение артиллерии, пехоты. Трупы убитых, замученных жителей Ростова-на-Дону разного пола, возраста. Убитые красноармейцы. Жители города оплакивают родных и близких».

При изучении киноматериалов удалось найти еще один менее известный сюжет, посвященный этому же периоду. Он содержится в выпуске «Союзкиножурнала» № 1 за январь 1942 г. [5] и существенно дополняет № 114, показывая развитие событий после освобождения Ростова в 1941 г., продолжившееся наступление 56-й, 9-й и 37-й армий и преступления немецких войск в полностью

сожженном селе Лысогорка Ростовской области. В сюжете показаны генералы, осуществившие успешное наступление, – Ф.Н. Ремезов, Ф.М. Харитонов и А.И. Лопатин. В начале сюжета показаны жители Ростова, приветствующие прохождение легких танков, грузовиков с военнослужащими, конных колонн по улицам города. Аннотация сюжета в РГАКФД: «Южный фронт. Ростов-на-Дону. Мотопехотные и кавалерийские части на улицах города. Генерал-лейтенант Ремезов на КП. Село Лысогорка. Пепелище. Дымящиеся развалины. Жители. Генерал Лопатин. Приазовье. Один из партизанских отрядов. Партизаны в плавнях, на боевом задании. Взрыв ж/д полотна. Командир отряда».

В выпуске «Союзкиножурнала» № 21 от 13 марта 1942 г. [6] представлен сюжет «Ростов сегодня», посвященный мирной жизни прифронтового города. На кадрах в центре города видны поврежденные боевыми действиями здания, в окнах показываемых зданий отсутствуют стекла. Начали работать магазины, роддом № 2, городской общественный транспорт, восстановлено движение трамвая и троллейбуса. Идут занятия в учебных заведениях, что иллюстрируется кадрами медицинского института. Начали работу для фронта первые цеха обувной фабрики им. Микояна. Показана работа станков и образцы продукции на конвейере – ботинки. На улицах достаточно оживленно, заметно большое количество людей в военной форме. Аннотация фрагмента в РГАКФД: «Город Ростов на Дону. Движение транспорта, пешеходов. Здания гастронома и медицинского института. Производство яловой обуви на обувной фабрике им. Микояна. Родильный дом. Матери и грудные младенцы в палатах. Одна из матерей с грудным ребенком возвращается из родильного дома на автомобиле».

«Союзкиножурнал» № 31 от 14 апреля 1942 г. [7] содержит сюжет о лучшем снайпере Южного фронта старшине Суркове, действовавшем в зимних условиях. Аннотация фрагмента сюжета в РГАКФД: «Снайпер Южного фронта старшина Сурков целится, стреляет».

В «Союзкиножурнале» № 45 за 1942 г. [8] представлен сюжет «За 45 дней», рассказывающий о постройке нового моста через Дон в створе Буденновского проспекта в Ростове. Аннотация сюжета в РГАКФД: «Строительство моста через реку Дон. Секретарь Ростовского обкома партии вручает почетные грамоты лучшим строителям. По новому мосту через реку Дон проходят части Красной Армии. Танки идут по улицам г. Ростова».

В выпуске «Союзкиножурнала» № 58 (июль 1942 г.) [9] представлен материал «В Донских степях», где основной является тема «Остановить врага», а тональность диктора и музыки меняются с оптимистичной на тревожную. В сюжете показан оборонительный бой части, оснащенной противотанковыми ружьями и артиллерией с последующей танковой контратакой и, по словам диктора, перемещение на новые позиции. Второй сюжет в этом выпуске – «На Дону» – демонстрирует перемещение больших масс войск и техники, как своим ходом, так и по железной дороге к линии фронта, выведение артиллерии на позиции, решимость войск нанести максимальный урон врагу. Выпуск завершается сюжетом контратаки пехоты и словами «Ни шагу назад». В базе данных РГАКФД этим кадрам дано следующее описание: «Река Дон. Проходят

войска: пехота, танки, артиллерия. Установка орудий на новой позиции. Вид населенного пункта захваченного противником. Атака советских войск».

К этому же периоду относятся два немецких киножурнала “Die Deutsche Wochenschau” № 621 и № 622, которые существенно дополняют и иллюстрируют существующие текстовые документы, описывающие развитие ситуации на южном участке советско-германского фронта в третьей декаде июля 1942 г. Первый сюжет [10] называется «Хроника битвы за Ростов». В его начале показано, как немецкие солдаты работают «над обустройством плохих советских дорог». «С запада, севера и востока к сильно укрепленному городу стягиваются войска вермахта и союзников» (на кадрах движутся многочисленные танковые, моторизованные и пехотные походные колонны). В закадровом комментарии указывается на «палящий зной» и «успешный марш пехотинцев, равного которому не знала история». В воздухе делает круг военный самолет. Далее показана переправа «через один из притоков Дона на плотах и десантных катерах» (вероятно, через Северский Донец). Рядом с пехотными колоннами движутся конные обозы и всадники. Отмечается, что «пыль становится невыносимой, но останавливаться нельзя: впереди Ростов». На кадрах появляются артиллерийские орудия, транспортируемые автомашинами и на конной тяге, которые далее развертываются на огневых позициях и начинают обстрел противника. «Ростов под огнем немецкой артиллерии», – сообщает диктор. Видны горящие кварталы окраин города. Дым застилает панораму города.

«Прорваны мощнейшие укрепления под Ростовом», – солдаты движутся мимо садов к комплексу многоэтажных зданий. Немецкие войска «с оружием наголо входят в город». Группа танков прямо с дороги через головы залегшей пехоты ведет огонь по многоэтажным и малоэтажным кварталам. Судя по лицам немецких солдат, напряжение боев растет. Танки, а за ними, пригибаясь, и пехота медленно продвигаются вперед. Легкораненым оказывают первую помощь. «Большевики искусно укрепили автомагистраль. Они осознают, что потеря Ростова имеет решающее значение для дальнейшего хода событий, и ожесточенно обороняют его». «Солдаты штандарта СС “Викинг”. По большей части это добровольцы из северных государств». «Драться приходится за каждый двор». Танки и солдаты прячутся за заборами, а далее медленно движутся навстречу подбитым танкам и орудиям. «Бой идет на одной из наиболее защищенных улиц» (проспект Буденновский перегорожен противотанковыми ежами).

«Среди домов находится вражеская артиллерия. В бой с ней вступают артиллеристы. Пехотинцы в укрытии. Подавлена еще одна огневая точка». «Эти солдаты прошли невиданное количество огневых линий на подступах к городу и в самом городе». Солдаты на мотоциклах с колясками с трудом протискиваются через узкие, заваленные фрагментами разрушенных зданий и оборудованные оборонительными сооружениями улицы Ростова. Несут раненого. Нервно курит, укрывшись за стеной здания, немецкий солдат.

«Несколько часов продолжались жесточайшие уличные бои». «Приходится брать дом за домом». В кадре груды кирпича и подожженный огнеметом дом. Количество горящих зданий становится все больше. «Одно из наиболее

укрепленных зданий». Окна первого этажа переделаны в бойницы по типу дотов. «Словацкие войска штурмуют баррикады в центре города». На улицах лежат убитые солдаты. «Большевики были вынуждены бросить много техники и оружия». На кадрах из захваченного дома конвоируют человека с поднятыми руками, группа поврежденных грузовиков, зенитные установки из счетверенных пулеметов, зенитные орудия, орудие резерва главного командования.

«В ходе тяжелых боев большая часть Ростова разрушена». В кадрах вид заваленного обломками зданий Буденновского проспекта возле берега реки Дон, горящее многоэтажное здание. «Ростовский вокзал. До последнего момента большевики пытались погрузить на эшелоны тяжелую артиллерию. Но сокрушительные атаки летчиков предотвратили эти попытки». В кадре орудие резерва главного командования. «Ежечасно увеличивается число военнопленных и трофеев». «В большом сражении между Доном и Донцом были разбиты лучшие советские войска». В кадре многочисленная колонна пленных. В следующем кадре большое число пленных сидит на траве на возвышенной окраине города на фоне панорамы городских кварталов.

«Министр обороны Словакии награждает отличившихся солдат». Награждение происходит на левом берегу Дона на фоне панорамы города. «Напрасные попытки противника соорудить на левом берегу Дона стройную оборонительную линию были смяты. Наши войска широким фронтом переправляются через Дон. Солдаты авангарда возводят мосты и переправы». В кадре солдаты спускают понтон на реку. «Горнострелковые части идут дальше на юг». Колонны техники и пехотинцев движутся по наведенному мосту на левый берег Дона. «Спустя четыре недели после начала операции германские и союзнические силы» выполнили первый этап плана «Блау».

Второй немецкий киноматериал [11] начинается с показа боя в степи. «Советские перебежчики». Два человека в военной форме приближаются с поднятыми руками. «Там советский комиссар. В последний момент он совершает попытку к бегству. Но и он пойман». Бегущего человека преследуют и останавливают солдаты на мотоцикле с коляской. По грунтовой дороге и пересеченной местности движется колонна открытых грузовиков с германскими солдатами. «Бой перемещается на территорию поселения». Колонна танка и мотоциклов быстро движется по грунтовой дороге. «Танк американского производства». На борту надпись: «USA». «Но недолго он продержался на советском фронте».

Колонна бронемашин и легких танков стремительно движется дальше. «Приходится взламывать каждый дом, каждую дверь в поисках затаившихся большевиков». «Наши пехотинцы подавляют последние очаги сопротивления». «Пленные обезоруживаются». «Вот лицо германского солдата, воюющего на Восточном фронте, непреклонного, испытанного боем и познавшего вкус победы». «Короткая передышка. За последние 2 дня это подразделение в боях преодолело более 30 км». «А навстречу подтягивающимся немецким войскам движутся длинные колонны пленных». Брошенный колесный трактор в поле. «Мотострелковые подразделения подошли к Дону». «После кровопролитного боя был возведен паром». В кадре самоходный паром. Идет переправа танков и тяжелых орудий.

«Под Ростовом». Дорога проходит по широким полям с цветущими подсолнухами». «После хладнокровно проведенной атаки взята первая полоса противотанковых рвов под Ростовом». «За кратчайшее время саперы возводят переходы». «Для обороны Ростова от словацких и немецких войск было сделано 8 противотанковых рвов». «Первые танки уже прошли противотанковый ров». «Все новые линии заграждений стоят на пути наших солдат». «Подожжен вражеский танк». «В ближнем бою гасится сопротивление в других укреплений». «Дорогу для наступления наших штурмовиков расчищают пикирующие бомбардировщики». «Передовые отряды на время затаились». «Пилоты узнают, где концентрируется немецкий авангард». «Другие отряды бомбардируют военно-промышленные заводы, места скопления войск и другие военные объекты под Ростовом». «Наши военно-воздушные силы полностью уничтожают их». В кадрах атаки звеньев из 4 двухмоторных бомбардировщиков. Внизу на земле взрывы бомб. «Танковый авангард приближается к окраинам Ростова». Длинная колонна танков движется по пыльной грунтовой дороге. «Вот полумиллионный город, расположенный в устье Дона, обладающий развитой промышленностью и большим портом». Панорама города. «Самые быстрые части уже входят в Ростов». «Справа и слева от дороги находятся бетонные укрепленные бункеры». Указатель «Ростов», «Чалтырь 14 км», «Таганрог». Далее события сходны с показанными в № 621.

В немецких киножурналах заметно подчеркивается роль союзников, в первую очередь Словакии, а также дивизии «Викинг», сформированной из добровольцев северных стран, многонациональный характер войск, противостоящих СССР. Указание на 24 июля 1942 г. как день взятия Ростова несколько расходится с данными немецких авторов и со сведениями, содержащимися в оперативных сводках Генерального штаба Красной армии, из которых можно сделать вывод о том, что бои за город продолжались и 26 июля 1942 г. Большое число войсковых формирований и количество сражающихся в окрестностях и на территории города наглядно представлены в изученных материалах. Сравнение двух немецких журналов показывает, что одна съемочная группа работала преимущественно вместе с войсками, двигавшимися с запада и северо-запада, а другая – с северо-востока и востока.

Изученные материалы демонстрируют, что при изучении событий, связанных со сражениями за Ростов периода Великой Отечественной войны, целесообразно использовать как тестовые, так и визуальные материалы, особенно весьма ограниченные по количеству имеющиеся кинодокументы. Необходимы их внимательное покадровое изучение и анализ, сопоставление с имеющимися описаниями. При этом возможно уточнение и дополнение имеющихся исторических документов важными деталями и количественными данными.

Примечания:

1. Судоргин Н.Г. Фотография как источник сведений о повседневности кануна Первой мировой войны: ученики Новочеркасской мужской гимназии в летней поездке на северо-запад Российской империи // Казаки и горцы в годы Первой мировой войны: материалы Всерос. науч. конф. с международ. участием (Ростов-на-Дону, 18–19 сентября 2014 г.). Ростов н/Д, 2014.

2. Мандральская Н.В. Принципы научной классификации в определении методики источниковедческого анализа кинофотофонодокументов. URL: http://www.vestarchive.ru/istochnikovedenie/1250-principy-naychnoi-klassifikacii-v-opredeleniimetodiki-istochnikovedcheskogo-analiza-kinofotofonod.htm (дата обращения: 05.04.2015); Гедрович Ф. Проблемы сохранности кинодокументов визуальной антропологии в архивах России. Материалы гуманитарного симпозиума «Открытие и сообщаемость культур». URL: http://rfaf.ru/rus/library/24_b329_view_p1 (дата обращения: 06.04.2015).
3. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг.: в 3 т. М., 1968–1971; Гречко А.А. Битва за Кавказ. 2-е изд. М., 1971; Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть. 1942–1943 гг. М., 2005; Захарин И.В. Великая Отечественная война – день за днем. Кн. 3. Через новые испытания. М., 2008.
4. Союзкиножурнал. 1941. Декабрь. № 114 // РГАКФД. № 4672. Производств.: 1-5985. Центральная студия кинохроники. Режиссер Р. Гиков.
5. Союзкиножурнал. 1942. Январь. № 1 // РГАКФД. № 4673. Производств.: 1-5368. Центральная студия кинохроники. Режиссер Н. Кармазинский.
6. Союзкиножурнал. 1942. Март. № 21 // РГАКФД. № 4692. Производств.: 1-5382. Центральная студия кинохроники. Режиссер С. Гуров.
7. Союзкиножурнал. 1942. Апрель. № 31 // РГАКФД. № 4700. Производств.: 1-5390. Центральная студия кинохроники. Режиссер Н. Кармазинский.
8. Союзкиножурнал. 1942. № 45 // РГАКФД. № 4713. Производств.: 1-5399. Центральный студия документальных фильмов (далее – ЦСДФ). Режиссер Н. Кармазинский.
9. Союзкиножурнал. 1942. № 58 // РГАКФД. № 4726. Производств.: 1-5408. ЦСДФ. Режиссер С. Гуров.
10. Die Deutsche Wochenschau. Nr. 621. Reel № 2. Хроника битвы за Ростов. Германия. URL: http://my.mail.ru/mail/boris-semerninov/video/386/25413.html (дата обращения: 06.04.2015).
11. Die Deutsche Wochenschau. Nr. 622. 1942. Reel № 2, 3. На Восточном фронте. Битва за Ростов. Германия. URL: http://net-film.ru›en/film-55273 (дата обращения: 06.04.2015).

Е.М. Белецкая

Издано в Грозном: память о Великой Отечественной войне в региональной литературе

Историческая значимость победы советского народа в Великой Отечественной войне с годами становится все более ощутимой. Необходимость сохранения памяти о войне особенно осознавалась с 1960-х гг. Майские военные парады, встречи с ветеранами войны, открытие мемориалов, создание очерковой литературы о героях, награжденных орденами и медалями, записи воспоминаний фронтовиков, фольклора военных лет и т.д. способствовали патриотическому и гражданскому воспитанию общества. Наиболее востребованными, наряду с центральными изданиями, стали региональные публикации: документальная и художественная литература о героях-земляках, очерки, повести, стихи и др.

Одна из первых книг о героях Великой Отечественной войны, «Золотые звезды Чечено-Ингушетии», появилась в печати в 1964 г. (впоследствии дважды переиздавалась в 1970 и в 1985 гг.) [1]. В 1970 г. в Грозном вышли документальная повесть Георгия Насонова «Через голову врага» и три очерка Юрия Поваляева под общим названием «Разведчицы». Главные герои повести Г.Я. Насонова – «грозненская коммунистка Ксения Абалова и московская комсомолка Шура Полякова», заброшенные темной сентябрьской ночью 1942 г. в тыл немецко-фашистских войск, ворвавшихся на Кавказ [2]. В первой части повести «Где синие горы Кавказа…» описаны события, происходившие на Северном Кавказе в 1942 г. Документальный характер повести подчеркивают реальные фамилии разведчиц, их награды; достоверные сведения о военных действиях, подкрепленные ссылками на печатные издания, цитаты из центральных газет и др. [3]. Автор сообщает адрес дома в Пятигорске, где разместились разведчицы: им удалось снять комнату в Красной слободке, на 9-й линии [4].

Оборона Северного Кавказа летом и осенью 1942 г. была очень напряженной: советские войска на этом участке фронта уступали врагу в количестве танков, авиации и артиллерии. Уже в конце августа 1-я немецкая танковая армия достигла берегов Терека и Баксана. Гитлеровцы рассчитывали, прорвав оборону на Тереке, овладеть Малгобеком и его нефтепромыслами, а затем по Алханчуртской долине между Терским и Сунженским хребтами пробиться к Грозному. Однако на грозненском направлении завязались ожесточенные бои [5].

Не сумев проникнуть в Алханчуртскую долину, немцы попытались применить обходной маневр: их танковая армада двинулась к городу Орджоникидзе (в настоящее время – Владикавказ), чтобы достигнуть долины реки Сунжи и по ней ворваться в «город нефти» – Грозный. Но и этот маневр не удался; «огромные потери, понесенные немецкой армией в длительных и напряженных боях в районе Моздока, Малгобека и Эльхотово, вынудили немецко-фашистское командование отказаться от наступления на грозненском направлении и перейти к обороне» [6].

Целью деятельности разведчиц в оккупированном немцами Пятигорске была передача разведданных: о местонахождении группировок противника, скоплении техники и др. Благодаря этим сведениям, фашистам был нанесен значительный урон: обстреляны с воздуха здания гостиниц «Эрмитаж» и «Бристоль», где размещались немцы, и театр, в котором проходило офицерское собрание; уничтожен вражеский аэродром. Поступали от разведчиц и шифрованные сообщения о передвижении немецкой техники [7].

3 января войска Северной группы Закавказского фронта перешли в наступление и внезапным ударом овладели Моздоком и Малгобеком. Почувствовав угрозу окружения, гитлеровцы начали оставлять позиции в районе Моздок – Нальчик – Прохладный и откатываться на укрепленный рубеж обороны по рекам Куме и Золке, к городам Кавмингруппы. Стремительным ударом советские войска освободили Георгиевск и подошли к Минеральным Водам. 12 января 1943 г. после двадцатичасового боя этот крупный железнодорожный узел был также освобожден. Прибывшим в Грозный разведчицам вручили первые награды – ордена Красной Звезды [8].

Помимо описания военных событий, автор изображает трудности и опасности, с которыми пришлось столкнуться его героиням, характеры и быт людей в оккупации, злодеяния фашистов и немецких ставленников. Один из них, кулацкий сынок, по рассказам жительниц, был выслан во время раскулачивания, в котором участвовала бывшая батрачка их семьи Фекла. Объявился «Косолапый» через много лет, пришел вместе с немцами. Назначенный старостой, он жестоко отомстил Фекле: «мучили ее страшно, а изуродованное старческое тело сбросили в давно высохший колодец» [9]. О зверствах фашистов, «о тысячах расстрелянных советских ученых, пленных солдат и офицеров, женщин и стариков, для которых могилой стал противотанковый ров вблизи Минеральных Вод», о поголовном истреблении еврейского населения жители рассказывали шепотом. И все же люди не покорились: появлялись от руки написанные листовки, неизвестные патриоты отправили под откос эшелон с боеприпасами [10].

Во второй части повести разведчицы действуют уже на украинской земле, в Мариуполе, куда их перебросили в конце февраля 1943 г. В главе «Миус-фронт прорван» дана оценка штурма Таганрога, освобожденного 30 августа: Красная армия, «сломив бешеное сопротивление врага, к вечеру освободила город. Этим была пробита большая брешь в немецкой обороне на реке Миус, той самой обороне, которую два года создавали и укрепляли гитлеровские специалисты». Миф о неприступности «Миус-фронта» был развеян, и противник «вынужден был начать отход из Донбасса» [11].

Произведения Ю.С. Поваляева отличаются эмоционально окрашенным повествованием, особенно в первом очерке, «Через смерть – в бессмертие!». Начинается он с рассказа о том, как автор собирал материал о подвигах разведчицы Полины Подберезной (позывной «Диана») из Малгобека, расстрелянной после пыток в моздокской тюрьме в ноябре 1942 г. Встречи с матерью и братом Полины, рассказы о ней, письма от людей, знавших ее, поездки в Малгобек, станицу Терскую, Моздок, село Виноградное и в другие места, связанные с деятельностью Подберезной, легли в основу этого очерка. Автор подчеркивает значение подвига скромной учительницы из Малгобека, отдавшей свою жизнь ради жизни на земле, последней фразой очерка: она «шагнула через смерть в бессмертие» [12].

В очерке «Психологический барьер» изложена тактика поведения на занятой врагом территории: быть естественным в любой обстановке. Особенно хорошо это удавалось донецкому парню Анатолию, который много раз ходил в тыл врага. Усвоила это на практике и Женя Александрова, комсомольский вожак, бывший секретарь районного комитета комсомола в Грозном, ставшая разведчицей. Однако «молчать, когда так и подмывает возмутиться», «делать вид, что ты равнодушна к гитлеровцам, в то время как каждая клетка в тебе дышит ненавистью к пришельцам», было трудно. Но от этого зависел успех ее деятельности.

Девушка промолчала, когда услышала разговор о том, что немец «уже Москву занял». Эта информация вызвала сомнение у другой женщины, а прочитанное сообщение в местной газете «Пятигорское эхо» про Грозный показалось ей более правдоподобным: «Ходят немцы по улицам города. И фотография

помещена: ихние солдаты на Августовской. Вроде бы там центральная улица» [13]. Дезинформация немцами действительно применялась.

Массовый героизм женщин показан в заключительном очерке Ю.С. Поваляева («Малгобекские женщины») [14]. В сентябре 1942 г., после трехдневных кровопролитных боев, в Малгобек вошли немцы. Около трехсот женщин с детьми находились в обширном бомбоубежище. Ночью женщины перенесли туда раненых, а когда стали возвращаться в свои дома, то забирали их с собой; некоторых несли на сколоченных из досок носилках. Собирали по окопам бинты и лекарства, искали по карманам убитых индивидуальные пакеты. Как могли, оказывали помощь, кормили, прятали от немцев и полицаев.

Когда в дома заходили враги, раненых выдавали за своих родственников, попавших под бомбежку. В день освобождения Малгобека выяснилось, что такие «новые матери» в период оккупации оказались у десятков раненых солдат и офицеров. Не всех удалось уберечь от фашистов; случалось, что у «матерей» на руках умирали их «сыновья». И все-таки это были единичные случаи: многие вернулись в строй и приняли участие в разгроме фашистов.

Освободили Моздок и Малгобек 3 января 1943 г., о чем также сообщается на последней странице другой повести, написанной участником Великой Отечественной войны Л.Г. Цирульниковым. Для кизлярских призывников 1925 г.р., окончивших 9-й класс, о которых идет его повествование, героическая оборона тех мест началась в августе 1942 г. [15]. Посвящена повесть бойцам и командирам 317-й Краснознаменной Будапештской стрелковой дивизии. Потерявшая почти полностью личный состав на подступах к Ростову, а затем на Изюм-Барвенковском направлении в неравных боях с наступавшими фашистскими танками дивизия начала вторично формироваться в Грозном, где были подобраны основные кадры; дальнейшее ее комплектование проходило в Дагестане [16].

Вошли в нее и призывники из Кизляра, где уже начиналась эвакуация жителей. Один из призывников, Гера Григорьев, объясняет матери: напрасно эвакуируют, город немцам не сдадут, потому что нельзя отдавать железную дорогу, по которой «скоро нефть повезут на Сталинград». Через месяц из письма одноклассницы бойцы узнают, что дорогу уже закончили и, хотя насыпь слабая, поезда «медленно, но все же по дороге день и ночь везут горючее на Сталинград». Значит, немцев под Сталинградом скоро разобьют [17].

Вчерашние школьники стали связистами. Принятие военной присяги, после которой бойцов отправили в Беслан (в 30 км от него проходила линия фронта), было особенным событием. И когда представители взводов, встав на колени, целовали знамя – святыню полка, «весь батальон без команды тоже встал на колени и припал губами к священной земле Родины» [18]. Жизнь связистов была тревожной: батальон за три недели сменил одиннадцать позиций на небольшом промежутке от Эльхотово до Старого Батако-Юрта. Едва бойцы окапывались на одном месте, как их перебрасывали на новые позиции. Такая обстановка объяснялась тем, что на передовой пытались прорваться танки Клейста. Батальон находился на подстраховке, поэтому приходилось так часто перемещаться [19].

Повесть наполнена деталями военного быта связистов и минометчиков, есть и описания разведывательных действий. То, что воюют вместе друзья-одноклассники, дает автору возможность показать характер их взаимоотношений, взаимовыручку и заботу друг о друге. Такие же отношения складываются между бойцами и сельскими жителями: с председателем колхоза, героем Гражданской войны, коммунистом Али Кориевым, с Ибрагимом Абукаевым, с подростками Макшарипом и Юсупом, ломавшими на заминированном колхозном поле кукурузу, которую потом раздали семьям фронтовиков. Бойцы ходили в село за водой; узнав о том, что у сельчан кончилась соль, поделились своими запасами. Горцы, хорошо знавшие местность, помогали разведчикам ориентироваться в лесу во время рекогносцировки [20].

В последнем сражении, несмотря на то что ожидаемое подкрепление так и не подошло (его повернули на Орджоникидзе, где прорвался противник), бойцы выстояли. Однако от трех рот осталось в живых 11, 9 и 7 чел. В роте минометчиков Задыкяна уцелело 22 чел. и 4 миномета из 9. Среди бойцов 317-й стрелковой дивизии, закаленной в суровых боях и пополненной свежими силами, продолжавшей свой боевой путь, «осталось совсем немного из тех, кто пришел в нее из Грозного, Кизляра, Махачкалы и других городов и сел Северного Кавказа в августе 1942; из тех, кто два с половиной месяца стоял на Малгобекской земле» [21]. Не было и восемнадцати друзей-одноклассников из Кизляра, погибших под Малгобеком…

Автор несколько раз приводит в повести стихи друга Геры Григорьева, Вани Варваровского. Они – о войне: «А горизонт алел, как никогда – / То в Малгобеке вспыхивали вышки. / Под ним застыли в детстве навсегда / Кизлярские безусые мальчишки». Рефреном звучат строки из его же стихов у свежей могилы Вани: «Мы честно за Родину бились / И в жизни оставили след» [22].

Воспоминания о военном времени сохранились и в стихах грозненских поэтов – Владимира Скундрика («Рассказ артиллериста», о боях за Грозный), Виктора Глотова, «Баллада о военном детстве» («Я помню войну в опустевшем Кизляре»), Виталия Савенкова («22 июня»), Ольги Бирюковой («Последний вылет», «Мальчишки войны»), Альберта Магомедова («На малгобекской земле»), Марии Катышевой, «Сирень» («Говорят, в сорок пятом сирень очень пышно цвела») [23].

Отразились впечатления от пережитого в войну в поэтическом творчестве филолога-краеведа, доцента Чечено-Ингушского государственного университета Ю.Б. Верольского. Одно из его стихотворений, «В сорок втором» (1949), – о танках, которые пришли с Урала «живым подкреплением веры в победу»: они «заправиться с марша к заводам шли, оттуда – на Малгобек». В 1953 г. появляется «Видение сорок второго» (тогда горели нефтеперерабатывающие заводы в Грозном, и «утром под солнцем без света горящая нефть клокотала»).

О последствиях «войны-калеки», «войны-гадюки», которая «на холмах и логах Малгобека до сих пор, проклятая, живет; корчится в проржавленных в гранатах», написано стихотворение «Гадюка» (1959). Стихи о герое-пионере Володе Мордвинове (1964), быль «Мотькин переезд» (1960–1980), перевод с чеченского стихотворения Хасмагомеда Эдилова «Могила Гитлера» тоже вошли в сборник «Окна на юг» [24].

В сюжете «Мотькин переезд» описан действительный случай: о нем упоминается и в повести Л. Цирульникова, в разговоре разведчиков с жительницей Малгобека, оккупированного немцами. Женщина сообщила, что около этого переезда стоят пушки: «Немцы в газетах объявили, что с боями овладели станцией Мотькин переезд». И добавила: «Им, паразитам, больше брать ничего не удается, так они и переезду рады» [25].

Лирический герой стихотворной были, озадаченный названием домика около шлагбаума («Узел Мотькин переезд», именно так он был обозначен на немецкой карте), пытается выяснить у спутника, что же здесь произошло. Ему ответила сама Мотя, пожилая седая женщина. Когда «дюжий немец» украл («спёр») у них «ковш и одеяло»; она запустила в него сковородой; «безоружным был тот фриц, убежал, каналья». В сводках написали, что узел «Мотькин переезд» взят войсками фюрера. Свой рассказ женщина закончила словами: «До сегодня Малгобек надо мной смеется. Переезд же нашим был, был и остается». Заключает произведение авторское резюме о том, что и малое событие может стать переломным пунктом: «Пусть же в памяти живут Мотя, время, место. Ведь отсюда вспять пошли недобитки Клейста» [26].

Обстоятельный рассказ о подвигах воинов Чечено-Ингушетии на фронтах Великой Отечественной войны содержится в главе учебного пособия по истории родного края, адресованного школьникам [27]. В нее вошли сведения о Героях Советского Союза из Чечено-Ингушетии (их было более 50). Это пулеметчик Ханпаша Нурадилов и воздушный ас Иван Заболотный, снайперы Махмуд Амаев, Абухаджи Идрисов и многие другие, отличившиеся на защите Брестской крепости, при обороне Москвы, в битве под Сталинградом и в боях за Кавказ, героическая оборона которого имела важное военно-политическое и стратегическое значение.

Отдельный чечено-ингушский кавалерийский дивизион, командиром которого был М. Висаитов, сражался в районе Моздока и Малгобека. Эскадрон обеспечил форсирование реки Кубани. Для ночной переправы на западе Невинномысска был выделен отряд из 300 всадников под командованием лейтенанта Ахмеда Дигаева, который вступил в бой с вражеской разведкой. Фашисты были полностью разбиты, что дало возможность нашим войскам форсировать без потерь реку Кубань.

В краеведческих этюдах А.И. Казакова «Музы не молчали» и «На огненной черте» сохранились события и факты из жизни военного Грозного [28]. В суровое для города время, когда на подступах к нему разгорелись горячие бои, был создан театр народной героики и политической сатиры. Первые три пьесы были написаны по просьбе А. Галича журналистом М. Грином и преподавателем пединститута Б. Виноградовым.

В одноактной пьесе «Три полководца», которая стала центром программы, действие происходит глубокой ночью в штабе народного ополчения. Дежурному снится, что А. Невский, А. Суворов и В. Чапаев, «прослышав про народную беду – нашествие врага, приходят записываться в грозненское народное ополчение». Их разговор был смонтирован из фонограмм одноименных кинофильмов. Призыв к защите Родины лучше всего выразили слова Чапаева: «Бойцы!

Поднимайтесь все как один! <…> Я сам впереди пойду! Наше дело правое, победа будет за нами! За Родину! Вперед!» Успех пьесы, по словам М. Грина, был ошеломляющий; из переполненного зала театра неслось: «Не видать Гитлеру грозненской нефти! От меча и погибнет!» [29].

В другой пьесе, где один артист должен был сыграть две роли – гвардейца 1812 г. и советского бойца, удачно дебютировал парень, отлично читавший стихи и мечтавший стать артистом, из батальона аэродромного обслуживания. А когда началось наступление, он ушел с фронтовым театром вперед, на запад. Это был будущий лауреат Ленинской и Государственной премий, Герой Социалистического Труда, народный артист СССР Сергей Бондарчук.

В очерке «На огненной черте» автор рассказывает о подвиге пожарников, спасавших город после бомбежки 10 октября, когда сотни фугасных и зажигательных бомб падали на заводы и нефтеналивные парки (возникло более двухсот пожаров). За пять дней и ночей фашисты совершили пять массированных налетов, а всего на Грозный было сделано более 4 тыс. самолетовылетов. Но город выстоял, и уже 20 октября многие установки, которые удалось сохранить, начали давать горючее фронту. Первый памятник пожарным был сооружен в 1944 г., а 5 ноября 1968 г. на том же месте состоялось открытие нового памятника (скульптор Руслан Мамилов), выполненного из металла в Ленинграде [30].

Таким образом, в региональной литературе отражены события, повлиявшие на дальнейший ход Великой Отечественной войны: тяжелые бои под Малгобеком и Орджоникидзе, действия разведчиц, мужество грозненцев во время воздушных налетов, тушения нефтеперерабатывающих заводов и нефтеналивных парков, отношение к войне гражданского населения. Все это способствовало разгрому фашистов под Сталинградом и на других фронтах и в конечном итоге приблизило победу.

Память о Великой Отечественной войне ее участников и живых свидетелей, запечатленная в прозе и поэзии в сочетании документализма с эмоциональностью, усиливает глубину воздействия литературных произведений на современников, вызывает патриотические чувства, воспитывает на подвигах земляков уважение к людям, которые защищали родную землю, не щадя жизни.

Примечания:

1. Золотые звезды Чечено-Ингушетии: очерки о Героях Советского Союза. 3-е изд., доп. Грозный, 1985.
2. Насонов Г.Я., Поваляев Ю.С. Разведчицы: документальная повесть и очерки. Грозный, 1970. С. 7.
3. Там же. С. 7–8, 21, 24.
4. Там же. С. 13.
5. Там же. С. 21.
6. Там же. С. 24.
7. Там же. С. 22–23.
8. Там же. С. 33–34.
9. Там же. С. 18.
10. Там же. С. 22–23.
11. Там же. С. 46.

12. Там же. С. 95.
13. Там же. С. 103.
14. Там же. С. 122–131.
15. Цирульников Л.Г. Мальчишки целуют землю: повесть. Грозный, 1985.
16. Там же. С. 10.
17. Там же. С. 5, 17.
18. Там же. С. 13.
19. Там же. С. 19–20.
20. Там же. С. 35–38, 49–50, 52–55.
21. Там же. С. 179.
22. Там же. С. 71, 163.
23. Чтобы земле жить: стихи. Грозный, 1988. С. 27, 48–49, 96–98, 133, 134–135, 149, 184–185.
24. Верольский Ю.Б. Окна на юг: стихи, переводы. Грозный, 1991. С. 6, 13, 26, 28–29, 29–31, 101–102.
25. Цирульников Л.Г. Указ. соч. С. 85–86.
26. Верольский Ю.Б. Указ. соч. С. 31.
27. Ахмадов Ш.Б., Багаев М.Х., Ерещенко Г.А. Рассказы по истории родного края: учебное пособие для учащихся 6 класса. Грозный, 1991. С. 88–102.
28. Казаков А.И. Страницы истории города Грозного. Грозный, 1989. С. 76–78.
29. Там же. С. 76.
30. Грозный. Город, каким мы тебя помним… М., 2012. С. 148–150.

А.Б. Кондрашихин

Потенциал исторической науки города в изучении источников Победы в Великой Отечественной войне: пример Севастополя

Рост интереса к исторической тематике и исторической науке в целом обусловлен остротою протекания интеграционных процессов, а также геополитической динамикой. Попытки переосмысления отдельных исторических эпизодов и вольной трактовки результатов послевоенного устройства мира в современных социально-экономических реалиях сопровождаются активными дискуссиями и должны подкрепляться безукоризненной доказательной базой. В этом аспекте по-новому выглядит потенциал исторической науки, накапливаемый в пределах территории десятилетиями кропотливой работы историков, публицистов, патриотов, а также простых граждан, далеких от профессионального исторического исследования. Сегодня оценку такого потенциала для города Севастополя нельзя считать исчерпывающей, а его изучение и масштабирование по новым социально-экономическим и научно-историческим координатам выступает мощным методологическим инструментарием фиксации исторической роли сражений на юге России в Великой Отечественной войне.

Роль севастопольских оборонительной (1941–1942) и наступательной (1944) операций в Победе советского народа над фашизмом достаточно изучена и закреплена в энциклопедических и справочных изданиях [1].

Новые факты, проливающие свет на отдельные эпизоды сражений на территории Севастополя, могут рассматриваться в общем историческом контексте, служить предметом дискуссии историков, очевидцев, работников архивов и музеев [2]. Целью статьи является освещение современного потенциала исторической науки Севастополя в изучении источников Победы в Великой Отечественной войне.

Уникальность города Севастополя вызвана его геополитическим расположением, особым административно-территориальным статусом, исторической легендарностью и духовно-культурными корнями. При этом носителями и одновременно потребителями исторических знаний являются сами горожане: профессиональные историки, очевидцы событий, работники архивов, музеев, сотрудники поисковых отрядов и др. Историей Севастополя увлекаются и некоторые ученые из других мест, например, выполняющие диссертационные исследования [3].

Профессионально историческим анализом в Севастополе занимается более 100 чел. с опубликованием результатов исследования и рассылкой трудов по библиотекам, включая Российскую государственную библиотеку. Из них 7 имеют ученую степень доктора исторических наук (4 % от общего числа докторов наук Севастополя), 22 – кандидата исторических наук (2,8 % от общего числа кандидатов наук города). Подготовку историков не ниже уровня «бакалавр» проводят 3 вуза (филиала): Севастопольский государственный университет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский университет профсоюзов.

Большой слой авторов-историков составляют исследователи-любители (Клуб любителей истории Севастополя, Союз выпускников Севастопольского высшего военно-морского инженерного училища – Голландия и др.). Главным образом, это пенсионеры, прожившие в Севастополе по нескольку десятилетий, а также энтузиасты исторического исследования из иных возрастных категорий горожан [4]. Бесценным историческим и общественно-научным потенциалом обладают произведения севастопольских авторов – очевидцев военных событий и оккупации города фашистами [5]. В этих текстах наряду с военно-историческими аспектами комплексно отражены иные стороны жизни города и горожан, передана атмосфера назревания предпосылок для победоносного изгнания оккупантов с родной земли, показана взаимосвязь природных и социальных факторов. Рассматриваются, в частности, организации управления, коллаборационизм и финансовые отношения периода оккупации, вопросы патриотического воспитания и развития педагогики на советской территории.

Значительная часть потенциала исторической науки Севастополя сосредоточена в его музейных учреждениях: Национальном музее героической обороны и освобождения Севастополя [6], Военно-морском музейном комплексе «Балаклава» (музей подводных лодок) [7], Музейном историко-мемориальном комплексе «35-я береговая батарея» [8], Национальном заповеднике «Херсонес Таврический» [9], ведомственных и школьных музеях. Необходимым условием для историка является работа с архивными материалами Севастопольского

городского архива, позволяющая пролить свет на неизвестные ранее факты и исторические предпосылки формирования Победы на территории города [10]. С целью консолидации профессиональных исторических исследований в январе 2015 г. объявлено о создании Объединенного музея-заповедника истории Севастополя.

Важным фактором, влияющим на формирование научно-исторического потенциала города Севастополя, выступают литературное и музыкальное творчество, живопись и фотография, работа театральных и музыкальных коллективов. Большое значение имеет и военно-патриотическое воспитание, которое считалось одним из лучших в Севастополе еще во времена СССР. С целью совершенствования потенциала исторической науки Севастополя как источника новых подходов и фактов формирования Победы в Великой Отечественной войне в феврале 2005 г. учреждено Севастопольское отделение Российского военно-исторического общества, избраны его руководящие органы, приняты первые участники. Перспективным видится дальнейшее наращивание историко-научного потенциала Севастополя – города-героя – и выявление новых фактов его вклада в Победу в Великой Отечественной войне.

Примечания:

1. Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 1194; Страны и народы: научно-популярное географо-этнографическое издание: в 20 т. Т. 18. Советский Союз. Республики Прибалтики. Белоруссия. Украина. Молдавия. М., 1984. С. 303–304; История городов и сел Украинской ССР в 26 т. Крымская область. Киев, 1974.
2. Задорожников Г.К. Мемуары старого мальчика (Севастополь 1941–1945 гг.). 2-е изд., испр. и доп. Севастополь, 2012; Октябрьская Р. Читательский отклик на статью «Пропавшая легенда» в № 1 альманаха «Морской архив» // Морской архив. 2013. № 6. С. 86–88; Тимохина-Деева А. Воспоминания о военном Севастополе моего детства // Морской архив. 2013. № 5. С. 48–54; Севастополь: страницы истории и взгляд в будущее. Севастополь, 2012.
3. Гребенщикова Г.А. Строительство военно-морского флота на Черном море в 30-е – 50-е гг. XIX века: автореф. дис… канд. ист. наук. СПб., 2004.
4. Елисеев В. Очерки по истории России, Украины, Крыма и Севастополя. Севастополь, 2009; Бойко В.Н. Книга памяти подводников-севастопольцев, погибших в мирное время. Севастополь, 2012.
5. Севастополь. Слава и гордость Отечества: история города в описаниях событий и личностей, прославившихся мужеством и делами на его благо: сборник. М., 2008.
6. Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя. URL: http://sev-museum-panorama.com (дата обращения: 25.03.2015).
7. Военно-морской музейный комплекс «Балаклава» (музей подводных лодок). URL: http://sevastopolis.com/museum/36.html (дата обращения: 11.02.2015).
8. Музейный историко-мемориальный комплекс «35-я береговая батарея». URL: http://35batery.ru (дата обращения: 27.04.2015).
9. Гриневич К.Э. За новый музей. Севастополь, 1928.
10. Демченко В.В. Общественные банки – финансовый рычаг поселений: историко-экономические очерки. Калуга – Севастополь, 2005; Падалка Ю.В. Пароль – Севастополь. Севастополь, 2011.

С.Ю. Иванова

Юбилей Великой Победы: идеологический потенциал и воспитательное значение

Современный исторический момент дает возможность вывести молодежную политику на совершенно новый уровень, т.к. в 2014–2015 гг. произошли события, вызвавшие в российском обществе духовный подъем и патриотический порыв, – это победная Олимпиада, Крымская весна и семидесятилетие Великой Победы. Важно в воспитательном воздействии использовать и сохранить этот потенциал духовного подъема и гражданской солидарности.

Победа в Великой Отечественной войне – важный этап в истории современной России. Каждая годовщина Великой Победы – это возможность еще раз осмыслить уроки борьбы за сохранение целостности страны. Память о Победе нужна для внутренней консолидации современного российского общества, для формирования российской идентичности и патриотизма как ее социокультурного воплощения, в первую очередь у молодых поколений, у тех, кому предстоит не только защищать Отечество, но и реализовывать экономические проекты. Молодежь – главный ресурс национальной экономики – интеллектуальный, профессиональный и организационный потенциал общества. Молодежь – это тот социальный слой, который является носителем новых противоречий, оптимальных, жизненно необходимых свойств, развивающихся, видоизменяющихся от поколения к поколению. Она является наиболее мобильной частью общества, оказывающей активное воздействие на динамику социальной структуры. Молодежь, с одной стороны, выступает как движущая сила всех социальных преобразований, а с другой – представляет собой группу риска в контексте вовлечения в асоциальные акции и движения. Радикализм суждений молодежи, ее нетерпимость, стремление к решительным действиям, повышенная эмоциональность способствуют ее вовлечению в любое социальное движение, которое предлагает быстрые способы изменения ситуации. Опыт защиты Родины особенно востребован в наше время, когда после «ревизии» героического прошлого в годы перестройки разрушен был пантеон героев и претерпела изменение система ценностей. Эта проблема возникла в связи с тем, что в постсоветский период крах официальной идеологии неизбежно вел к пересмотру привычной оценки исторических событий, вызывая кризис исторической памяти. Вследствие чего оказалась под вопросом оценка того единственного разделенного прошлого, без которого повисала в пустоте и коллективная, и семейная история, и часть собственной жизни всех тех, кто родился и вырос при советской власти. Вместе с разрушением сложившейся за годы советской власти официальной версии советской истории – важнейшего орудия легитимизации советского режима – исчезла ментальная рамка, которая упорядочивала историческую память, придавая смысл судьбам людей, укрепляя внутрисемейные связи.

Молодежь, которой принадлежит будущее России, нуждается в патриотическом, героическом примере. Победа в Великой Отечественной войне

не была дарована народу великой личностью или счастливым случаем. Она была достигнута кровью и безвозмездными жертвами советских людей. Источниками и ресурсами Победы были: сплоченность советского общества, дружба народов СССР, вставших на защиту своего многонационального государства, героизм, мужество и стойкость бойцов и командиров Красной армии, проявленные в боях на советско-германском фронте, самоотверженный труд рабочих и крестьян, инженеров и конструкторов – всех тружеников тыла, ковавших «оружие Победы», военное искусство выдающихся советских полководцев Г.К. Жукова, А.М. Василевского, К.К. Рокоссовского, И.С. Конева и др. Среди социальных ресурсов нашей победы в Великой Отечественной войне на первый план справедливо выдвигается массовый героизм советских людей, в том числе молодежи.

С каждым годом День Победы становится все более грустным праздником. Уходят от нас ветераны Великой Отечественной. И, как это ни горько признавать, с ними уходит и людская память о той войне. А. Толстой сказал: «Патриотизм – это не значит только любовь к Родине. Это гораздо больше… Это – сознание своей неотъемлемости от Родины и неотъемлемое переживание вместе с ней ее счастливых и ее несчастных дней». К сожалению, за последние десятилетия было много утрачено, нарушена связь времен и преемственность поколений. За очень короткий исторический срок значительные слои молодежи оторвались от своих исторических корней, от истории Отечества.

Личность и живое слово ветерана – живой учебник, главное средство воспитания патриотических качеств молодежи. Все они – герои. Психологи выделяют два вида героизма – героизм будней и героизм порыва. Героизм порыва впечатляет больше, но не менее важен для воспитания патриотизм повседневной боевой и тыловой жизни, предполагающий постоянные лишения. Патриотизм – это духовный стержень героизма. Голос ветеранов, их мысли, их мудрость – это голос самой истории. И от того, насколько он будет услышан, во многом зависит будущее России. Солдат поколения, вынесшего на своих плечах самую кровавую войну, с каждым днем становится меньше. С годами боль больших утрат притупляется. И новая сложная задача – сохранить память о том, кто закрывал грудью амбразуру, бросался под танк, трудился в тылу.

Как заметил один мудрец, проходит не время, проходят люди. Это грустно, но неизбежно. Поэтому нужно реализовывать воспитательный потенциал живущих ныне участников победы над фашизмом. На это должна быть направлена деятельность средств массовой информации, творческих союзов, особенно работников культуры и искусства, соответствующих научных, молодежных ассоциаций, организаций. Вместе с тем место военно-патриотической тематики в российской культурной жизни, в первую очередь, ее присутствие в информационном и культурно-познавательном контекстах федеральных и региональных телеканалов остаются достаточно скромными, не соответствующими ни уровню поставленных государственных задач, ни общественной значимости этой тематики.

Одновременно со снижением эффективности воспитательной деятельности семьи, государства, образования заметно повышается влияние средств

массовой информации. Они выступают самым действенным средством в пропаганде модели-образца, наличие которой является необходимым условием воспитания молодежи. Сегодня особенно значимым компонентом коммуникации выступает интернет. Интернет-сообщества и социальные сети существенным образом влияют на формирование личностных качеств, образа мыслей и характер социально-политической активности молодежи, а недавние оппозиционные митинги показали, что они становятся и эффективным способом политической мобилизации молодежи.

Следует также отметить значение новейших информационных технологий для ведения историко-просветительской, военно-патриотической работы. В 2015 г. происходит рост численности участников акции «Бессмертный полк», целью которой является сохранение памяти о войне в каждой российской семье. Симптоматично, что эта инициатива вызвала живой интерес, прежде всего, у молодых людей, размещающих фото и информацию о своих прадедах и других родственниках в сети. На 18 апреля 2015 г. в летопись полка записано 145 845 имен. Интересен и опыт проекта «Забытый полк»: сайт разыскивает родственников солдат, чьи останки найдены на полях сражений, размещает информацию об Афганской войне, войне на Северном Кавказе и других локальных конфликтах. Этот сайт объединяет материалы о героях всех боевых сражений за СССР, Россию, показывая преемственность героизма и величие духа.

О потенциале и значимости юбилея Великой Победы свидетельствуют и растущие усилия оппонентов России на международной арене по девальвации героического подвига советского народа. На фоне Великой Победы «пиарятся» различные политики, рассуждая о том, кто поедет на празднование 9 мая, кто и почему не поедет и т.д. В этом театре абсурда выделяются усилия украинских политиков. «Новая Украина» приступила к масштабному переписыванию событий Великой Отечественной войны. Исходя из этого, в 2015 г. Украина не будет, как раньше, отмечать годовщину Победы. Дни 8–9 мая теперь будут называться по-европейски политкорректно: «Дни памяти и примирения» или «Семидесятилетие завершения войны в Европе». Это удар не только по взаимоотношениям двух близких народов, но и по всему послевоенному миропорядку, определенному решениями Ялтинской конференции.

Великая Победа – это не просто дата. Это общий объединяющий смысл всего постсоветского пространства. Победа – это и осознание «русским миром» своей роли, своего значения, своего смысла и силы. И осознание источника этой возможности – единства, единой культуры. Для россиян же день Победы остается важным мостом, соединяющим историю и сегодняшний день. Многими ощущается органическая, активная связь с военным временем или же с «сообществом опыта», сформированным войной: ветераны, воевавшие родители или родители родителей, дети военной поры. С течением времени чувство причастности к определенной эпохе неизбежно ослабевает, ему на смену приходит память и историческое знание.

О.В. Семенова

Школьные музеи и их роль в сохранении исторической памяти о Великой Отечественной войне[1]

Для общества и человека остается насущной необходимость формирования осознанного отношения к традициям прошлого, переосмысления старых и усвоения новых ценностных установок, что важно для трансляции культурного опыта, включения новаций в культурную систему, а также для субъективного восприятия культуры индивидом. Одним из механизмов, призванных удовлетворять эти общественные и индивидуальные потребности, в XX в. стал музей как социокультурный институт [1]. Одним из показателей действенности музея в данном качестве является его включенность в социальную систему, в общекультурные процессы, эффективность взаимодействия с внешней средой – с обществом и другими его институтами. Музей становится действенным социокультурным институтом, когда его аксиологическая система соответствует ценностным установкам общества и выражает их. Духовное начало, генерируемое музеем, предстает потенциальным фактором общественного прогресса, он способен воздействовать на динамику общественных процессов, влиять на социум в целом. Музей как социокультурный институт организует и координирует деятельность людей по сохранению прошлого, передаче знания о нем, без чего эта деятельность приобрела бы разрозненный, непоследовательный и неустойчивый характер. Действия по сохранению социокультурного наследия постепенно приобретают статус привычных, типизируются и институциализируются, что ведет к их функционально-ролевой дифференциации.

В Ростовской области формирование музеев шло долгим и непростым путем. В конце XIX – начале XX вв. музеи, в том числе провинциальные, представляли собой «не только собрание уникальных исторических памятников по истории местного края, но и культурно-просветительские центры, чуждые какой-либо элитарности и замкнутости» и «формировали у населения любовь к истории родного края, способствовали пробуждению интереса к памятникам старины» [2].

В первые годы советской власти музеи должны были принять на себя идеологические функции [3]. Развитие краеведческого движения в 1920-е гг. способствовало возрастанию общественного интереса к музейному делу и возникновению новых музеев, краеведческих обществ, кружков. Музеи, по мнению советского руководства, должны были стать центрами краеведческой работы и всей общественно-культурной жизни общества. Работа музеев стала одним из направлений в деле изменения социокультурного пространства страны. В начале 1920-х гг. в Донской области шла работа по организации и реорганизации музеев, сохранению культурных ценностей. Директора музеев

[1] Статья подготовлена в рамках темы «Исторические формы и современные способы функционирования социокультурных институтов на Юге России» (базовое бюджетное финансирование, № госрегистрации 01201368164).

обращались к населению с просьбой оказать помощь в формировании музейных фондов (предоставлении исторически ценных предметов, документов, фотографий, коллекций и т.п.) [4].

После Великой Отечественной войны музеи области находились в плачевном состоянии. Государство выделяло средства на их восстановление и поддержание, однако большую роль в этом сыграл энтузиазм населения и самих сотрудников музеев. В 1960–1970-е гг. в городе Ростове-на-Дону стали создаваться музеи в образовательных учреждениях. В большинстве случаев их инициаторами были ветераны Великой Отечественной войны. Они оказывали помощь педагогам и детям в проведении поисково-исследовательской деятельности по истории войны, своих воинских частей, боевых действий, в которых лично участвовали. Рассказывали о судьбах бывших солдат и командиров, послевоенной жизни ветеранов войны.

Активизации поисковой работы школьников способствовали такие акции, как «Реликвии Великой Отечественной войны», «Фронтовое письмо», «Ветеран в твоем доме», «Герои живут рядом», «Дедушкины медали», «Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд». Школьники вместе с ветеранами и учителями ходили в походы, ездили на экскурсии по местам боевых действий, работали в архивах и библиотеках, записывали воспоминания ветеранов. Было собрано большое количество вещественных, письменных, изобразительных материалов (графика, историческая живопись, скульптура, фотографии с натуры, зарисовки исторических событий, плакаты, карикатуры, иллюстрации журналов), созданы диорамы, киноленты, видеофильмы, фонотеки, составившие основные и научно-вспомогательные фонды музеев.

В настоящее время в фондах 48 школьных музеев Ростова-на-Дону собрано и бережно хранится более 45 тыс. музейных предметов (из них 17 407 подлинных). 46 музеев имеют официальный статус школьных, а музей 5-го гвардейского Донского казачьего Краснознаменного Будапештского кавалерийского корпуса средней школы № 60 носит почетное звание «народного». Школьные музеи города играют большую роль в воспитании и обучении молодежи, используя для этого различные формы. В музеях проводятся музейные уроки, уроки-экскурсии, тематические и обзорные лекции, мини-спектакли, музыкально-литературные и исторические композиции, историко-краеведческие и интеллектуальные игры, беседы, викторины, встречи и праздники. Юные экскурсоводы и лекторы рассказывают о героях Великой Отечественной войны, о своих родственниках, учителях и выпускниках школ – участниках войны, проводят встречи с ветеранами и участниками боевых действий, с ветеранами трудового фронта, читают и исследуют письма с фронтов, авторов которых объединяет героизм, преданность Родине, вера в Победу. Актив музеев ведет поисковую работу, социологические и исторические исследования, пополняя экспозиции новыми материалами.

В канун праздника Победы в музеях оформляются новые разделы и выставки. Идет процесс создания новых экспозиций, посвященных истории города и его жителям, событиям, связанным с оккупацией и освобождением области. Совместными усилиями Управления образования администрации

города Ростова-на-Дону, Методического центра образования города Ростова-на-Дону, Дворца творчества детей и молодежи издан сборник «Реликвии школьных музеев», предназначенный для широкого круга читателей. Он состоит из очерков, написанных руководителями музеев, и дает представление о реликвиях войны, собранных в школьных музеях, о большой роли ветеранов войны и труда в образовании и воспитании подрастающего поколения.

В преддверии празднования 70-летия Победы проводится целый комплекс мероприятий: конкурсы, фестивали, вахты памяти и т.д. Примером успешной патриотической работы является музей Боевой славы школы № 26 города Таганрога. Музей носит имя 416-й стрелковой дивизии, освобождавшей Таганрог, и работает в нескольких направлениях, занимаясь экскурсионно-просветительской, поисковой и организационно-массовой работой. При музее работает поисковый отряд «Связные истории», входящий в городскую общественную организацию «Миусская высота». Учителем истории А.А. Ельчаниновой проводятся экспедиции по местам боев на Миус-фронте. Ведется работа в рамках программы «Ветераны живут рядом», «Подвиг донских казаков в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Ценность школьных музеев заключается в способности нести в себе информацию, связанную с его деятельностью, за пределы стен школы. Ежегодно в музеях оформляют выставки, посвященные военному времени, что позволяет учащимся представить жизнь сверстников в годы войны. Большое значение имеют и межрайонные научно-практические конференции школьников и студентов «Региональная история Великой Отечественной войны». Они направлены на восстановление исторической памяти о защитниках Ростовской области, погибших в годы войны. Помощь в организации и проведении конференций оказывают отделы образования, Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (Ростовского института народного хозяйства), клуб «Память-поиск» города Ростова-на-Дону, поисковый отряд «Миусская высота». Поисковое объединение «Миус-фронт» выступило с предложением о передаче школьным музеям в дар на безвозмездной основе предметов, связанных с Великой Отечественной войной: котелков, военной формы, касок, предметов вооружения и военного быта.

Подобные модели образовательной деятельности ориентированы на формирование у молодежи чувства патриотизма и гордости за своих земляков, российского самосознания и гражданской идентичности. Система работы школьных музеев Боевой славы помогает в ходе поисково-исследовательской и экскурсионно-просветительской деятельности получить опыт гражданского действия в малом сообществе, освоить практику сотрудничества со сверстниками и взрослыми. Особого внимания заслуживает проект проведения поисково-исследовательских и туристическо-краеведческих экспедиций учащихся по местам боев на территориях Азовского, Матвеево-Курганского, Неклиновского, Мясниковского, Мясниковского, Каменского районов, города Каменска-Шахтинского. Многие школьные музеи успешно работают в содружестве с районными советами ветеранов войны. Особенно хорошо оно

складывается в Первомайском, Пролетарском и Железнодорожном районах города Ростова-на-Дону [5].

Конечно, работа школьных музеев была бы невозможна без методической и практической поддержки со стороны областных музеев. Она выражается в консультациях руководителей школьных музеев, оказании им помощи в определении и датировке экспонатов, предоставлении информационной поддержки, проведении совместных мероприятий. Одно из важнейших направлений совместной деятельности школьных и областных музеев – подготовка экскурсоводов для проведения музейных и выездных экскурсий. Так, в рамках XIII городского конкурса юных экскурсоводов, посвященного 105-летию основания Ростовского областного музея краеведения, действовали номинации: «Выездная экскурсия на тему Великой Отечественной войны» и «Музейная экскурсия на тему Великой Отечественной войны». Школьники с большим интересом участвовали в конкурсе, с помощью педагогов и работников музея разрабатывали интересные экскурсии.

Школьные музеи – замечательное и уникальное явление отечественного образования. Благодаря их деятельности открываются новые страницы истории. В настоящее время в процессе реализации находится издательский проект «Война из школьного окна». В ходе работы над проектом выявлялись документы в государственных архивах области, отбирался материал из школьных музеев, готовилась информация о Героях Советского Союза – уроженцах города Ростова-на-Дону. Среди выявленных архивных документов из фондов Центра документации новейшей истории Ростовской области – сочинения учеников средних школ о периоде оккупации города Ростова-на-Дону в 1941 г. и письма учителя-фронтовика И.В. Шамарова своим сыновьям. Без уникальных материалов школьных музеев, без искренней заинтересованности ребят и членов их семей подобный проект был бы невозможен.

В последние годы школьное музейное пространство расширяется. За годы работы музеев собран обширный материал различной тематики и направленности, полученный в ходе поисково-собирательской и научно-фондовой деятельности музеев. В соответствии с появлением новых информационно-коммуникационных технологий изменяются и средства работы в данных направлениях. В настоящее время активно ведется перенос информации на электронные носители:

– создание базы данных о выпускниках школы за все годы существования учебного заведения, включая электронные инвентарные книги и учетные карточки;

– создание фотоархива и печатного архива путем переноса ценных печатных изданий на компьютерные носители;

– создание «живых» экспонатов, использование видеоматериалов в экспозиции музея;

– разработка презентаций по тематике проектов, которые реализуются в школе: «История моей семьи», «Судьба семьи в судьбе России».

Огромное значение в формировании гражданственности и патриотизма имеют встречи с ветеранами – участниками военных событий. Никакое слово,

сказанное экскурсоводом, учителем или прочитанное в книге, не сравнится с рассказом человека, пережившего историю и являющегося участником исторических событий.

Анкетирование, которое ряд школьных музеев провел в прошлом году среди учащихся, выявило, что подавляющее число учеников гордится наличием музеев в школе и считает, что экспонаты, представленные в них, имеют свое значение, т.к. являются олицетворением истории народа, страны, Ростовской области. В планах музеев – активизация просветительской работы через возможности виртуального пространства. Для этого создаются презентации, обрабатываются материалы вспомогательного фонда. Главная воспитательная задача музея – оставить положительный след в формирующейся душе ребенка – с успехом решается, т.к. каждое посещение связано с получением массы впечатлений. Они помогают сформировать личность истинного патриота своей страны, города, школы.

Оцифровка фотографий и документов, создание фотографических образов музейных предметов являются важной задачей, которую еще предстоит решить для полноценной демонстрации экспонатов и их сохранности для будущих поколений. Информатизация музейного дела ставит на повестку дня не столько вопросы технологического характера, сколько проблемы, связанные с развитием школьника как личности, готовой учиться и работать в современном информационном обществе. Разнообразные по тематике, дизайнерским решениям, использующие многие средства мультимедиа, «виртуальные выставки» успешно выполняют отдельные функции реальных выставок: публикации музейных коллекций и научно-просветительскую, хотя реальный музейный предмет в них отсутствует, а есть лишь его электронная копия. Создание и демонстрация виртуальных культурных памятников, военные и исторические реконструкции, интерактивные экспонаты, воссоздание уже утерянных объектов и предметов дает возможность перейти на качественно новый уровень сохранения и передачи потомкам культурного наследия. Главное, что дают новые технологии музеям, – это расширение все тех же культурно-просветительных и образовательных возможностей [6].

Очень важной, эффективной и интересной формой современного музея (и школьного в том числе) является интерактивный музей. Участие в создании интерактивного музея самих учащихся выступает основой воспитания гражданственности и патриотизма у подрастающего поколения. Приобщение школьников к инновационным технологиям через работу музея создает мощную эмоциональную мотивацию к исследовательской деятельности [7].

В игровой форме можно «участвовать» в сражениях и экспедициях прошлых лет, прокладывать новые маршруты путешествий, пробовать себя в разных качествах и чувствовать ответственность за события, происходящие в стране и мире. Школьники начинают размышлять о взаимодействии прошлого, настоящего и будущего неотвлеченно и нелинейно, что повышает возможность выработки гражданской позиции. Патриотизм, долг, честь, ответственность, любовь к окружающему миру перестают быть банальными фразами и становятся руководством к действию для учащихся. По словам современных

исследователей, «музей, особенно историко-культурной направленности, представляющий собой, казалось бы, учреждение, обращенное к прошлому, мало связанному с современными событиями, превращается не только в объект, но и в средство осуществления исторической и мемориальной политики» [8].

Примечания:
1. Именнова Л.С. Музей в социокультурной системе общества: миссия, тенденции, перспективы: автореф. дисс… д-ра культурологии. М., 2011.
2. Тазиева М.Р. Музей и библиотека при губернских и областных статистических комитетах // Перспектива-2011: материалы Международ. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых: в 4 т. Т. 1. Нальчик, 2011. С. 87.
3. Семенова О.В. Музей как социокультурный институт // Перспектива-2014: материалы Международ. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых: в 4 т. Т. 1. Нальчик, 2014. С. 252.
4. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-2577. Оп. 1. Д. 2. Л. 82.
5. Спасская Б.В. Школьные музеи воспитывают патриотов // Исследователь. 2009. № 5. С. 4.
6. Огонь войны. Молодая гвардия. URL: http://fire-of-war.ru/mg/p1176.htm (дата обращения: 19.04.2015).
7. Школьный музей 21 века // Материалы VIII город. науч.-практ. конф. руководителей музеев образовательных учреждений. Новосибирск, 2012.
8. Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2014. С. 220.

И.А. Новиков

Поисковая и военно-мемориальная деятельность студенческого поискового военно-исторического отряда «Медальон» исторического факультета Челябинского государственного педагогического университета

Приближается 70-летний юбилей Великой Победы. В рамках юбилейных мероприятий поисковый военно-исторический отряд «Медальон» исторического факультета Челябинского государственного педагогического университета (далее – ЧГПУ) со 2 по 16 апреля 2015 г. принял участие в комплексной поисковой экспедиции в Республику Крым, в Армянский и Красноперекопский районы. В течение двух недель продолжалась работа сводного поискового отряда Челябинской области во главе с Е.Г. Зязевым (Центр патриотического воспитания «Росток» Еткульского района Челябинской области, учащиеся Еткульского и Еманжелинского районов), отряда «Медальон» исторического факультета ЧГПУ и отряда «Русь» совета ветеранов боевых действий Центрального района Челябинска, а также поисковиков из Республик Алтай, Тыва и Крым.

Экспедиция была комплексной. Наряду с поиском незахороненных советских воинов в районе Армянска и Красноперекопска в северном Крыму члены

экспедиции участвовали в юбилейных мероприятиях, посвященных 71-й годовщине освобождения Крыма от немецко-фашистских захватчиков, знакомились с городами-героями Керчью и Севастополем, выступали перед учениками местных школ с рассказами о Южном Урале, целях, задачах и результатах поисковых экспедиций. В ходе экспедиции были обнаружены останки 48 чел., найден один медальон в воронке на берегу соленого озера Красное близ Краснoперекопска. Большой удачей стало его прочтение. Внутри медальона был свернут клочок бумаги с надписью карандашом: «Адрес моих родных – Ростовская область, Октябрьский р-н, Ягодинский с/совет, х. Ягодинка. Ерофееву Федору Ивановичу».

Боец написал только данные родственника, вероятно, своего отца. После проверки сведений из записки в медальоне в обобщенном банке данных (далее – ОБД) «Мемориал» удалось выяснить, что, по всей видимости, найденные останки принадлежали «Ерофееву Александру Федоровичу, 1918 года рождения. Место рождения Ростовская обл., Октябрьский р-н, х. Ягодинка Дата и место призыва 10.11.1939 Шахтинский ГВК, Ростовская обл., г. Шахты. Воинское звание мл. лейтенант. Причина выбытия – пропал без вести. Дата выбытия 06.1941» (число не указано) [1]. При дальнейшем изучении выяснилось, что эти данные приводятся вторично, кроме места и времени гибели: «Можно считать пропавшим без вести с октября 1941 г.» и звания – не младший лейтенант, а сержант. В качестве даты гибели был почему-то указан ноябрь 1943 г. [2]. К сожалению, при проверке данных через ОБД «Мемориал» часто встречаются повторы, как и в данном случае: боец один, а пропал без вести дважды. Более достоверная информация, вероятно, содержится во втором случае, т.к. боевые действия и место обнаружения останков более соответствуют октябрю 1941 г., когда немецко-фашистские захватчики вторглись на Крымский полуостров. В настоящее время ведется поиск родственников А.Ф. Ерофеева.

29 апреля 2015 г. в поселке Солнечный Сосновского района Челябинской области, где в местной школе организован и действует школьный поисковый клуб отряда «Медальон», было проведено захоронение останков Одношовина Никифора Васильевича, 1903 г.р. Вместе с солдатским медальоном их обнаружил в 2014 г. поисковый отряд «Аверс» при проведении Вахты Памяти в Киришском районе Ленинградской области. Капсула с останками при стечении большого числа местных жителей, в том числе молодежи, была захоронена у памятного монумента жителям Солнечного, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны. Еще две судьбы без вести пропавших вернулись из небытия. В этом и заключается одна из главных задач поискового движения России.

В 1988 г. в Калуге состоялась учредительная конференция поисковиков – энтузиастов, искателей судеб погибших советских воинов. Разрозненные отряды, до этого действовавшие на свой страх и риск, объединились, стали совершенствовать свои формы и методы работы, ежегодно стали проходить Всесоюзные, а затем и Всероссийские Вахты Памяти. В народную память возвращались сотни тысяч имен защитников Родины, долгие годы считавшихся пропавшими без вести. С 1989 г. учащиеся, студенты и молодежь из Челябинской

области стали выезжать на места боев и участвовать в поиске и захоронении останков советских солдат. За 26 лет поисковые отряды были созданы, действовали и действуют на многих территориях области.

ЧГПУ – единственный вуз в России, в котором действуют сразу два поисковых отряда: с 2000 г. – поисковый отряд «Этерна», с 2004 г. – поисковый военно-исторический отряд исторического факультета «Медальон». Студенты-историки стали участвовать в поисковых экспедициях в Республику Карелия, проводить Вахты Памяти «Карельский фронт в судьбах южноуральцев» на местах боев воинских соединений, воевавших на Карельском фронте, – 367-й стрелковой дивизии и 65-й морской стрелковой бригады, сформированных осенью 1941 г. из жителей города Челябинска и области.

Прошло 25 лет. В апреле – мае 1990 г. впервые студенты-историки стали участниками Вахты Памяти в районе Вязьмы в Смоленской области, а с 1992 г. – в Республике Карелия. Пока есть студенты и школьники, которые хотят заниматься поиском, очень трудно их бросить. Останков незахороненных с каждым годом все меньше и меньше… Но заканчивать пока не стоит. Надо сохранять память о войне: показывать школьникам и студентам, как воевали наши солдаты и где погибли.

В адрес поискового отряда постоянно приходит письма и запросы с просьбой найти место захоронения родственников, погибших и пропавших без вести на Карельском фронте, и слова благодарности за проделанную работу. В январе 2015 г. дочери и внуки солдат 367-й дивизии, погибших на Карельском фронте, из Екатеринбурга и Каменска-Уральского Свердловской области написали письма благодарности губернатору Челябинской области Б.А. Дубровскому: «Мы выражаем Вам безмерную благодарность за содействие, моральную и материальную поддержку в работе поискового отряда “Медальон”. Наши родственники ценой собственной жизни вместе со всей страной отстояли свободу и независимость нашей Родины, ее огромные просторы, которые являются нашим богатством и состоянием, поэтому мы обязаны ценить и помнить победу нашего народа в мае 1945 года» [3].

Почему мы ездим в Карелию и проводим в республике Вахты Памяти и поисковые экспедиции? Волею советского командования в декабре 1941 г. южноуральские воинские соединения (367-я стрелковая дивизии и 65-я морская стрелковая бригада) прибыли на Карельский фронт на масельское направление в Медвежьегорский район Карело-Финской ССР. Многие южноуральцы навсегда остались лежать в лесах и болотах Карелии. Только в 367-й стрелкой дивизии числится 1228 погибших из Челябинской области [4] и 1766 – из Курганской области [5]. Общее число пропавших без вести неизвестно.

В 1992–1993 гг. в экспедициях участвовали студенты исторического факультета Челябинского государственного университета, с 1994 г. – учащиеся школы № 84 города Челябинска. В 1996 г. поисковый отряд получил статус городского: «Челябинский городской военно-патриотический отряд “Поиск” на базе школы № 84» (его руководителями с 1994 по 2008 гг. были В.М. Кузнецов, И.А. Новиков, Д.С. Копасов, О.А. Зорина, И.А. Никифоров). С 2005 г. поисковый военно-исторический отряд исторического факультета «Медальон» проводит

Вахты Памяти «Карельский фронт в судьбах южноуральцев» на местах боев южноуральских воинских соединений.

Несмотря на то что Карельский фронт не находился в центре событий советско-германского фронта, занимая северные рубежи, он играл очень важную роль – прикрывал с севера блокадный Ленинград, защищал Кировскую железную дорогу, способствовал бесперебойным поставкам вооружения и снаряжения через мурманский и архангельский порты. В ночь на 18 декабря 1941 г. 367-я стрелковая дивизия прибыла на Карельский фронт, имея в своем составе 10 910 чел. [6]. В соответствии с планом контрнаступления зимой 1941–1942 гг. Карельский фронт должен был провести операцию на масельско-повенецком направлении в районе поселка Великая Губа и станций Масельская и Ванзозеро (14-й разъезд): освободить участок Кировской железной дороги, развивая наступление, овладеть городом Медвежьегорск и далее продвигаться на запад к границе с Финляндией. С этой целью была создана Масельская оперативная группа, в которую и вошли только что прибывшие на фронт 367-я стрелковая дивизия и 65-я морская стрелковая бригада. Кроме них в опергруппу входили еще четыре дивизии, три морские стрелковые бригады и отдельная танковая рота [7].

1 января 1942 г. Масельская опергруппа перешла в наступление. Первые бои принесли успех. Донесения отмечали быстрое выполнение боевой задачи бойцами и командирами. Однако выполнить поставленную задачу – занять Медвежьегорск – опергруппа не смогла. С 5 по 10 января 1942 г. потери 65-й бригады составили до 44 %, среди них было много наших земляков [8]. Закрепившись на достигнутых рубежах, бойцы производили инженерные работы по укреплению обороны [9], которая сохранилась до сих пор: блиндажи, окопы, ячейки, воронки от снарядов и мин. Все это можно увидеть, если сойти с поезда на станции Масельская или Ванзозеро и немного углубиться в лес. Длинные извивающиеся траншеи, полузаросшие окопы, бесчисленные воронки, круглые бетонные доты. Дорогу то и дело преграждают проволочные заграждения, под ногами скрипят стреляные гильзы, а на окрестных деревьях висят проржавевшие от времени и пробитые пулями советские каски.

Активная оборона продолжалась до 6 февраля 1942 г., когда неожиданно в 2.30 утра финны силою до двух стрелковых полков и батальоном лыжников-автоматчиков при поддержке артиллерии и минометов перешли в наступление в полосе 367-й дивизии. Они прорвали ее передний край в районе 2-го и 3-го батальонов 1221-го стрелкового полка и к исходу дня заняли 14-й разъезд, перерезали Кировскую железную дорогу, окружив часть соединений 1217-го и 1219-го полков. Попытка выхода из окружения не удалась. Утром на следующий день противник повел сильный огонь по району окружения. Боеспособных воинов оставалось все меньше и меньше, было много раненых и убитых, ранеными заполнили все землянки, но перевязывать их было нечем [10].

До 10 февраля оставшиеся подразделения 367-й дивизии совместно с 289-й дивизией и 61-й морской бригадой пытались пробиться на помощь окруженным, но шквальный огонь противника укладывал их в снег. Неся большие потери убитыми, ранеными и обмороженными, наступавшие части

вернулись на исходные позиции, так и не выполнив поставленной задачи [11]. Оставшиеся части 367-й дивизии 24 февраля 1942 г. вывели на переформирование в тыловой город Карело-Финской ССР – Кемь. С 18 декабря 1941 г. по 24 февраля 1942 г. потери дивизии убитыми, ранеными и пропавшими без вести составили 7609 чел.: убито и умерло – 1141 чел., ранено и контужено – 2822 чел., заболело и обморожено – 655 чел., пропало без вести – 2967 чел. и по другим причинам выбыли 24 бойца [12].

После локального февральского наступления финские войска больше не предпринимали наступательных операций на Повенец-Масельском участке Карельского фронта, и линия фронта фактически до июня 1944 г. оставалась стабильной. Поэтому, несмотря на тяжелые оборонительные и неудачные наступательные бои, южноуральцы сдержали натиск превосходящих сил противника. Большинство наших земляков погибло и пропало без вести. Они первыми поднимались в атаку и последними уходили, прикрывая отход товарищей, чаще всего лежали и до сих пор лежат на месте последнего боя. Несмотря на трагическую судьбу, южноуральские части внесли несомненный вклад в разгром немецко-финских войск на Карельском фронте.

С 1992 по 2014 гг. школьники и студенты провели 25 экспедиций на места боев южноуральских воинских соединений, погибших на Карельском фронте, ими подняты и захоронены останки 932 бойцов и командиров Красной армии, по расшифрованным медальонам найдены родственники солдат, установлены памятные знаки на местах боев и гибели наших земляков-южноуральцев в 1992, 2006, 2012, 2013 и 2014 гг. (см. таблицу). В 2014 г. военно-исторический поисковый отряд «Медальон» исторического факультета Челябинского государственного педагогического университета стал победителем Международного конкурса по истории поискового движения «Мои дороги, как военные пути» (Москва).

В апреле – июне 2014 г. к 70-летию окончания боев на Карельском фронте в Челябинском государственном краеведческом музее действовала выставка «Грани войны: Карельский фронт», на которой были представлены находки поисковых отрядов «Поиск» школы № 84 города Челябинска и «Медальон» исторического факультета ЧГПУ, привезенные ими из поисковых экспедиций в Карелию, а также экспонаты «Музея Карельского фронта» школы № 137 города Челябинска. Выставка встретила большой интерес у челябинцев, жителей области и гостей города, особенно у школьников, ее посетило более 8 тыс. чел.

Особенностью экспедиции и Вахты Памяти 2014 г. явилось проведение похода школьников и студентов по местам боев южноуральских воинских соединений, воевавших на Карельском фронте, – «Дорогой прадедов – Дорогой Памяти» по линии фронта, которую южноуральские воинские части занимали в 1941–1944 гг. Участники прошли более 40 км, соприкоснувшись с объектами Великой Отечественной войны – траншеями, блиндажами, окопами, противотанковыми рвами, воронками, возложили цветы на воинские монументы и братские могилы.

Участие в Вахтах Памяти предваряет кропотливая музейно-архивная работа, включая изучение данных Книги Памяти Челябинской области как в печатном, так и в электронном виде [13] и их сопоставление с Книгой Памяти

похороненных на территории республики Карелия [14], что позволяет установить более точное место захоронения солдат-южноуральцев, погибших и похороненных на территории Карелии, а также выполнить научно-исследовательские работы как в рамках написания курсовых и дипломных работ, так и с целью ликвидации «темных» страниц в южноуральской истории Великой Отечественной войны.

Поисковые экспедиции в Медвежьегорский район Республики Карелия на местах боев южноуральских воинских соединений в 1992–2014 гг. (с 2005 г. – поискового военно-исторического отряда исторического факультета ЧГПУ «Медальон»)

Год	**Поднято бойцов**	**Медальонов**	
		Найдено	**Расшифровано**
1992–1997	217	40	8
1998–2000	53		1
2001	14		—
2002	108		1
2003	35		—
2004	84		2
2005	55	3	2
2006	17	—	—
2007	72	7	3
2008	143	2	1
2009	33	—	—
2010	20	1	—
2011	21	—	—
2012	18	—	—
2013	31	1	—
2014	11	—	—
Всего	932	54	18

Подобные мероприятия, в которых участвуют учителя истории, с совместными походами, поисковыми экспедициями, вечерами воспоминаний у походного костра взрослых и детей дают самый действенный результат, ибо здесь молодое поколение воочию знакомится с живыми участниками героических страниц нашей истории, изучает историю Великой Отечественной войны, укрепляет дружбу и сотрудничество молодежи России, и участники видят, как можно любить и сохранять традиции своей Родины.

По нашему мнению, поисковая деятельность – это мощный фактор формирования нравственного стержня личности, т.к. действует коллектив единомышленников, объединенный благородной целью – воскресить имена пропавших без вести и предать земле останки павших защитников Родины. Вместе с тем поисковая деятельность – это важнейшая и серьезнейшая молодежная

политика, т.к. она воспитывает уважение и благодарность к павшим бойцам, учит пониманию подвигов, совершенных нашими дедами и прадедами, наполняет сердца студентов и школьников верой в правое дело. Это наиболее яркая и доходчивая форма передачи молодежи боевых традиций старших поколений. Поисковая деятельность воспитывает у молодого поколения чувство гордости за свое Отечество. Экспедиции стали школой мужества для сотни ребят. Для тех, кто хоть раз участвовал в поисковой экспедиции, она навсегда останется в памяти. Ведь, раз побывав на полях сражений 1941–1945 гг., вы будете туда возвращаться снова и снова, потому что там вы оставили частичку себя, своей души, своего сердца.

Примечания:

1. Ерофеев Александр Федорович. URL: http://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=57848371 (дата обращения: 25.04.2015).
2. Ерофеев Александр Федорович. URL: http://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=64299204 (дата обращения: 25.04.2015).
3. Спасибо за память! Свердловские женщины благодарят челябинцев за их человечность // Южноуральская панорама. 2015. 22 января.
4. Книга Памяти Курганской области: в 16 т. Курган, 1992–1994. Подсчет автора.
5. Книга Памяти Челябинской области: в 15 т. Челябинск, 1994. Подсчет автора.
6. Центральный архив Министерства обороны (далее – ЦАМО РФ). Ф. 1688 (367 сд). Оп. 1. Д. 72. Л. 4.
7. ЦАМО РФ. Ф. 262 (Масельская оперативная группа). Оп. 1531. Д. 7. Л. 1.
8. ЦАМО РФ. Ф. 1870 (65 мсбр). Оп. 1. Д. 4. Л. 14. Оп. 2. Д. 29. Л. 5.
9. ЦАМО РФ. Ф. 1688 (367 сд). Оп. 1. Д. 77. Л. 35.
10. Там же. Д. 5. Л. 6–7.
11. ЦАМО РФ. Ф. 1217 сп. Оп. 484 997. Д. 1. Л. 10.
12. ЦАМО РФ. Ф. 1688 (367 сд). Оп. 1. Д. 72. Л. 59.
13. Книги Памяти Челябинской области. URL: http://bd-chelarhiv.eps74.ru/kniga_vov.aspx (дата обращения: 20.04.2015).
14. Книга Памяти похороненных на территории республики Карелия. URL: http://obd-pobeda.karelia.ru (дата обращения: 20.04.2015).

Г.Ф. Вершинин

Сбережение памяти (опыт работы совета ветеранов Таганрогского НИИ связи)

Чем дальше мы уходим от событий Великой Отечественной войны, тем более важным становится фактор сбережения памяти о событиях военных лет. Данная статья раскрывает опыт работы Таганрогского НИИ связи в данном направлении. В нашем совете ветеранов сегодня на учете 1363 чел. В их числе 35 ветеранов Великой Отечественной войны, 13 участников боевых действий, 31 ветеран военной службы, 748 ветеранов труда, 536 пенсионеров. Коллектив существует с 13 июня 1958 г., а как институт – с 7 октября 1961 г.

Сбережение памяти является одной из главных задач нашего совета. Мы начинаем с того, что побуждаем каждого ветерана написать историю своей семьи, воспроизвести генеалогическое дерево, изложить события, связанные со своими родственниками. Задача для многих оказывается достаточно сложной, поскольку наша страна в XX в. пережила много потрясений. У меня самого на поиск материалов для такой работы ушло пять лет. Книга была написана для внуков, но информация о родственниках теряется на пятом-седьмом поколениях [1].

Поскольку это получается не у всех, предлагаем личные воспоминания записать на диктофон. В первую очередь эта просьба адресуется ветеранам Великой Отечественной войны. Полученные материалы планируем включить в альманах по истории института с рабочим названием «Наших судеб надежды». Часть материалов публикуется в интернете, где все ветераны Великой Отечественной войны имеют свои страницы на сайте «Наследники славы» [2]. Есть ветераны, написавшие личные книги о войне. Несомненный интерес представляет работа М.А. Курасовой [3]. Такой подход в комплексе с участием ветеранов в уроках мужества, организованных в образовательных учреждениях города, дает значимые результаты. Впоследствии многие школьники написали сочинения о своих прадедушках. В День Победы на акции «Бессмертный полк» в их руках будут портреты их родственников с нужным описанием.

14 апреля с участием нашего совета в Таганрогском государственном литературном и историко-архитектурном музее-заповеднике была открыта экспозиция, посвященная нашему ветерану Вадиму Михайловичу Терновому. Он участник Парада Победы. У этого человека 70 лет стажа, военного и гражданского. 23 февраля 2012 г. он был приглашен в Кремль по случаю присвоения Таганрогу почетного звания Города воинской славы. Там он общался с президентом России В.В. Путиным. А прежде дважды видел Сталина и сопровождал его дочь в Тбилиси на могилу матери Иосифа Виссарионовича. Прошел войну, где готовил радистов для отправки в тыл к противнику. Он регулярно встречается с молодежью. В условиях, когда в государстве за последние два десятилетия были расшатаны духовные основы, а новая идеология еще не сложилась, именно живое слово ветерана имеет непреходящую ценность.

Мало кто в 93 года работает с компьютером. А вот Вадим Михайлович в 90 лет окончил компьютерные курсы и как коллекционер находит уникальные кадры из нашей истории, делится с нами. Нашему совету он предоставил фото, которому более 100 лет. На нем еврейское кладбище в Таганроге: слева вход, а справа синагога. Неподалеку от этого места размещен наш институт.

К сожалению, в мире и сегодня продолжаются многие локальные конфликты. В нашем совете 44 чел. относятся к ветеранам боевых действий и военной службы. Для таких ветеранов организуются отдельные встречи, где отмечаются их заслуги. Для них написано несколько песен. Каждый на такой встрече был представлен по своей воинской должности и званию.

Институт работает на ВМФ, потому в нашем коллективе можно встретить адмирала, генерала и достаточное количество старших офицеров. Это дает возможность строить работу с привлечением общественных организаций областного и федерального уровня. На последней такой встрече с успехом

прошла выставка картин военного художника В.Г. Мамичева, посвященная боевым действиям в Афганистане.

Наш совет является пионером среди ветеранских организаций в создании своего интернет-сообщества. В нем ветераны делятся воспоминаниями, фотографиями и другими материалами, представляющими историческую ценность. Ежегодно выходит 250–300 выпусков, именуемых «Новости совета ветеранов ТНИИС». Темы выпусков: «Городские новости», «Наши встречи», «Наше пополнение», «Наши потери», «Наш досуг», «Вопросы политики», «Наша память и наша история», «Наши гости», «Наши награды», «Подарки от ветеранов», «Наши люди и их творчество».

Отдельное место занимает традиция увековечивания памяти наших ветеранов на гранитных плитах, именуемых мемориальными досками. Такие плиты установлены основателю института и его первому директору Владимиру Николаевичу Бровикову, директору завода «Бриг» Борису Федоровичу Зубрицкому, лауреату Государственной премии Эдуарду Викторовичу Чекрыгину. Все эти события сопровождались торжественными мероприятиями с участием наших ветеранов и молодежи.

В настоящее время наш совет работает над увековечиванием памяти детей-доноров крови, ставших узниками фашизма. Мемориальную плиту планируется открыть в Таганроге по адресу: улица Петровская, дом № 89. Во время войны здесь находился один из детских приютов, в котором содержались дети, превращенные позже фашистами в доноров крови [4]. Плиту планируется разместить на здании Молодежного центра, а в ее правом нижнем углу добавить двухмерный штрих-код (QR), предоставляющий информацию для ее распознавания с помощью камеры на мобильном телефоне. Это позволит получить информацию о событиях, которым посвящен памятный знак. Представляется, что такой опыт может быть использован для приобщения нашей молодежи к истории и на других объектах.

Наличие в нашем институте музея, используемого как площадка для общения с ветеранами, позволяет организовать системную работу по сбережению памяти и собирать необходимые артефакты. Ко Дню Победы открыта соответствующая экспозиция и проведено несколько встреч. Особый интерес представляют имеющиеся у нас материалы о несовершеннолетних узниках фашизма. По ним снято несколько документальных фильмов: два из них – нашей творческой студией, по одному – каналом «Нева-ТВ» (Таганрог) и государственным телеканалом «Культура».

Примечания:

1. Вершинин Г. История семьи в ракурсе истории России. URL: http://www.proza.ru/2009/02/09/549 (дата обращения: 16.04.2015).
2. Наследники славы. URL: http://www.naslednikislavy.ru/vgf (дата обращения: 16.04.2015).
3. Геннадий Вершинин // Общенациональный сервер стихов. URL: http://www.stihi.ru/avtor/vgf46&book=8#8 (дата обращения: 16.04.2015).
4. Вершинин Г. Дети таганрогских приютов – узники фашизма. URL: http://youtu.be/Vyexx4gWyu0 (дата обращения: 16.04.2015).

В.И. Чуцков

Сохранение памяти о ратном подвиге народа в годы Великой Отечественной войны и методика работы по военно-патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации

В рамках реализации государственной программы патриотического воспитания граждан Российской Федерации в Ростовской области сформировалась система взаимодействия государственных и общественных патриотических организаций в вопросах увековечивания памяти погибших в годы Великой Отечественной войны защитников Родины. С 2009 г. этой деятельностью активно занимается Ростовский духовно-патриотический центр святого Георгия Победоносца. Реализация данного проекта включает в себя несколько форм работы, а одна из целей предполагает создание методических материалов на основании опыта проведенной работы, собранной научной военно-исторической информации для последующего предоставления заинтересованным в военно-патриотическом, историко-культурном, духовно-нравственном воспитании граждан Российской Федерации учреждениям и организациям. В своей практической деятельности Ростовский духовно-патриотический центр святого Георгия Победоносца использует как традиционные, так и современные, интерактивные формы.

Уроки мужества и боевой славы. При поддержке Министерства образования Ростовской области, управления образования г. Ростова-на-Дону, Центрального совета ДОСААФ и его регионального отделения в Ростовской области, Ростовской-на-Дону епархии, Донского военно-исторического музея в дошкольных, школьных, средних специальных и высших учебных заведениях, в трудовых коллективах и воинских частях Южного военного округа, а также для воспитанников интернатов и детских домов в течение семи лет организуется работа передвижных и стационарных выставок с экспозициями о различных исторических эпохах, посвященными военной истории России, под общим названием «Вахта Памяти воинской славы». Основой данного проекта является авторская песенно-поэтическая программа, которая представляется посетителям с использованием необходимой аппаратуры и возможностью примерить на себя историческую форму одежды и экипировку, подержать в руках макеты исторического оружия, получить информацию о военном прошлом нашей Родины.

Экскурсии и полевые экспедиции. В течение пяти лет организуются военно-туристические маршруты «Тропа боевой славы» по местам боев в годы Великой Отечественной войны на территории Ростовской области. В зависимости от удаленности используются автобусные, автомобильные и пешие экскурсии. В рамках экскурсий проводятся работы по облагораживанию воинских захоронений и памятных знаков и уходу за ними. В местах памяти, у мемориалов и братских могил проводятся открытые уроки мужества, куда приглашаются ветераны тыла и фронта, участники боевых действий. Обязательны возложение цветов, венков, минуты молчания. География маршрутов на 2015 г.

включает Ростов-на-Дону, Азовский, Мясниковский, Матвеево-Курганский, Куйбышевский, Неклиновский сельские районы Ростовской области.

Фестивали и конкурсы военно-патриотической песни. С 2010 г. в феврале ежегодно при взаимодействии со штабом Южного военного округа, администрацией г. Ростова-на-Дону, общественными, ветеранскими и военно-патриотическими организациями проводится международный фестиваль «Песни воинской славы», посвященный освобождению г. Ростова-на-Дону от немецко-фашистских захватчиков, празднованию Дня памяти, о россиянах, исполнявших свой служебный долг за пределами Отечества (День воина-интернационалиста). В фестивале принимают участие представители силовых структур, учебных заведений, трудовых коллективов, народные и фольклорные ансамбли, конкурсанты из стран СНГ. В открытии фестиваля традиционно важную роль играют ветераны Великой Отечественной войны, воины-интернационалисты. Основными творческими номинациями являются песни о Великой Отечественной войне.

Восстановление братских могил и установка памятных знаков. С 2009 г. военно-патриотическими организациями Ростовской области совместно с ЮНЦ РАН, региональным отделением ДОСААФ России в Ростовской области, Ростовской-на-Дону епархией, командованием Южного военного округа, главами муниципальных образований при материальной и технической поддержке ООО «Родос» (Ростов-на-Дону) в местах активных боевых действий в годы Великой Отечественной войны восстанавливаются разрушенные и обветшавшие памятники и братские могилы советских воинов, устанавливаются новые памятники и памятные знаки. Эти места включаются в военно-туристические маршруты «Тропа боевой славы».

Так, из воспоминаний ветеранов и художественной литературы стало известно о жертвенной атаке казаков на немецкую бронетанковую колонну 17 октября 1941 г. Более подробную информацию о ней мы получили в ЮНЦ РАН и входящем в него ИСЭГИ ЮНЦ РАН. В результате было установлено, что 17 октября 1941 г., когда противник занял Таганрог, северо-западнее города, у разъезда Кошкино немецкая 13-я танковая дивизия окружила 31-ю Сталинградскую стрелковую дивизию и сводный курсантский полк Ростовского пехотного училища. Чтобы пробить брешь в кольце окружения, 66-я Армавирская кавалерийская дивизия тремя полками в конном строю атаковала бронетехнику противника, позволив выйти из окружения стрелкам и курсантам и занять новый рубеж обороны по Самбеку, прикрывая западные подступы к Ростову-на-Дону – «воротам Кавказа». После отчаянной кавалерийской атаки в дивизии боеспособным остался только 179-й полк подполковника И.И. Лободина. Еще трое суток кавалеристы, пехота и курсанты удерживали позиции, отражая атаки танков и мотопехоты 1-й танковой армии генерал-полковника Э. фон Клейста. 20 октября в неравном бою погиб Иван Иванович Лободин, посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза.

В 2013 г. по инициативе Ростовского духовно-патриотического центра святого Георгия Победоносца при поддержке ЮНЦ РАН и ИСЭГИ ЮНЦ РАН, ДОСААФ, администрации Неклиновского района, поискового клуба «Дон»,

фирмы «Родос» на месте боя, на пересечении дорог Покровское – Таганрог, Матвеев Курган – Советка в Неклиновском районе Ростовской области был установлен памятный знак в честь подвига героев-кавалеристов, погибших, защищая донскую землю от врага. Открытие памятника было приурочено к 70-летию освобождения Ростовской области от немецко-фашистской оккупации и проведению международной военно-исторической реконструкции «Прорыв Миус-фронта», организованной Донским военно-историческим музеем (директор – И.Ю. Стреляев) совместно с правительством Ростовской области, Главным управлением МВД России по Ростовской области, поисковым объединением «Миус-фронт» (руководитель – А.Ю. Кудряков), ветеранскими и молодежными общественными патриотическими организациями. Количество зрителей на реконструкции у села Вареновка превысило 70 тыс. чел., в основном присутствовала молодежь.

Военные реконструкции и парады «Оружие Победы». С 2005 г. в Ростове-на-Дону и Ростовской области проходят военно-исторические реконструкции, фестивали, парады с демонстрацией оружия, формы одежды, снаряжения, военной техники РККА и вермахта периода 1941–1945 гг., приуроченные к памятным датам, связанным с героическим подвигом советского народа в годы Великой Отечественной войны. Создаются интерактивные площадки с элементами военного быта. Сценарии реконструкций разрабатываются специалистами и включают сведения о конкретных событиях, происходивших в период боевых действий, совершенных подвигах с указанием воинских частей и фамилий героев. Основной организационной структурой в проведении и финансировании военно-исторических реконструкций на территории Ростовской области является Донской военно-исторический музей (директор – И.Ю. Стреляев).

Данный музей, представляя Ростовскую область, участвует в различных военно-исторических реконструкциях и фестивалях на территории Российской Федерации и за ее пределами. Подобная форма освещения исторических событий является в последнее время наиболее эффективной, предоставляя возможность зрителям ощутить реальность прошедших исторических событий. Ежегодное количество зрителей на подобных мероприятиях превышает 50 тыс. чел. В их организации и проведении принимают участие представители государственных учреждений и общественных организаций. Зрителями являются не только местные жители, но и гости из других областей и стран СНГ. По итогам проведенных военно-патриотических мероприятий создаются видеофильмы и видеоклипы, пишутся стихи и песни. Весь этот материал тиражируется и бесплатно рассылается и распространяется в учебных заведениях, силовых структурах, трудовых коллективах, общественных патриотических организациях.

Примером может послужить стихотворение «Забытый храм» (автор – В.И. Чуцков), написанное о храме Суруп-Карапет (Армянская апостольская церковь) у хутора Несветай Мясниковского района Ростовской области, и снятый на него видеоклип. Полуразрушенный в ходе жестоких боев на Ростовском оборонительном рубеже в 1941–1942 гг. храм является свидетелем героизма и мужества защитников Ростова-на-Дону.

Стоит забытый над обрывом
Сражений прошлых часовой.
Его стена пробита взрывом,
Он будто раненый герой,

Война железною рукою
Свой страшный проложила след.
Храм ранен злобою людскою,
Стоит в забвеньи много лет.

Когда-то колокольным звоном
Он славил Бога по утрам,
И свечки ставили к иконам,
И шли с молитвой люди в храм.

Теперь лишь голуби летают,
Как души воинов былых.
На стенах лики проступают
Христа-Спасителя, святых.

В нем дух величия былого
Не в силах время погасить.
Здесь христиан молилось много,
Сюда несли детей крестить.

Стоит он, воину подобный,
К себе притягивая взор.
Погибшим – памятник безмолвный.
Живым – забвения укор.

В современных условиях, когда фальсификация итогов Великой Отечественной войны стала поддерживаться на государственном уровне в некоторых странах Европы и Америки, только объединенными усилиями органов государственной власти, науки, образования, силовых структур, общественных патриотических организаций, представителей бизнес-сообщества и духовенства можно сохранить историческую память о великом ратном и трудовом подвиге народов нашей страны в борьбе с фашизмом.

Сведения об авторах

Агеева Валентина Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент (Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Таганрог)

Архипова Екатерина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент (Волгоградский государственный университет, г. Волгоград)

Афанасенко Владимир Иванович (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Ачмиз Казбек Гучипсович – доктор исторических наук, доцент (Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, г. Майкоп)

Бадмаева Екатерина Николаевна – доктор исторических наук (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, г. Элиста)

Безугольный Алексей Юрьевич – кандидат исторических наук (Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, г. Москва)

Белецкая Екатерина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент (Тверской государственный университет, г. Тверь)

Белоусов Сергей Степанович – кандидат исторических наук (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, г. Элиста)

Братченко Татьяна Михайловна – кандидат исторических наук (Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва)

Броварь Александр Витальевич – доктор исторических наук, профессор (Донецкий национальный университет, г. Донецк)

Бубличенко Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, доцент (Ухтинский государственный технический университет, г. Ухта)

Булыгина Тамара Александровна – доктор исторических наук, профессор (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

Васильев Игорь Юрьевич – кандидат исторических наук (ЮНЦ РАН, Научно-исследовательский центр традиционной культуры ГБНТУК КК «Кубанский казачий хор», г. Краснодар)

Вершинин Геннадий Федорович (Совет ветеранов Таганрогского НИИ связи Всероссийской общественной организации ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов, г. Таганрог)

Власкина Нина Алексеевна – кандидат филологических наук (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Власкина Татьяна Юрьевна (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Гаевская Инна Ивановна – кандидат исторических наук, доцент (Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар)

Гапуров Шахрудин Айдиевич – доктор исторических наук, профессор (Академия наук Чеченской республики, г. Грозный)

Голубев Александр Владимирович – кандидат исторических наук (Институт российской истории РАН, г. Москва)

Гришин Виктор Владимирович – генерал-майор авиации в отставке (Союз ветеранов войны и военной службы 4-й воздушной армии ВВС и ПВО, г. Ростов-на-Дону)

Гуров Максим Иванович – кандидат исторических наук, доцент (Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Таганрог)

Долгов Алексей Владимирович (Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве, г. Ставрополь)

Дружинина Алена Валерьевна (Центральная городская библиотека г. Кисловодска, создатель сайта «Огонь войны», г. Кисловодск)

Дьякова Елена Васильевна – кандидат исторических наук (Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С. Сковороды, г. Харьков)

Ермачков Иван Анатольевич (Сочинский государственный университет, г. Сочи)

Есип Игорь Михайлович – кандидат исторических наук, доцент (Донецкий национальный университет, г. Донецк)

Жеребцов Игорь Любомирович – доктор исторических наук (Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар)

Заблотский Александр Николаевич (Историко-культурный центр Таганрогского авиационного научно-технического комплекса им. Г.М. Бериева, г. Таганрог)

Ибрагимов Мовсур Муслиевич – доктор исторических наук, профессор (Чеченский государственный университет, г. Грозный)

Ибрагимов Муса Муслиевич – доктор исторических наук, профессор (Комплексный научно-исследовательский институт РАН, Академия наук Чеченской республики, г. Грозный)

Иванова Светлана Юрьевна – доктор философских наук, профессор (ЮНЦ РАН, г. Ставрополь)

Изварина Людмила Ивановна – независимый исследователь (г. Ростов-на-Дону)

Кедрова Ирина Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент (Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону)

Киселев Илья Викторович – кандидат исторических наук (Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (Филиал в г. Краснодаре))

Клычников Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор (Пятигорский государственный лингвистический университет, г. Пятигорск)

Койчуев Аскербий Дагирович – доктор исторических наук, профессор (Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева, г. Карачаевск)

Кондрашихин Андрей Борисович – доктор экономических наук, независимый исследователь (г. Севастополь)

Кринко Евгений Федорович – доктор исторических наук (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Кудряков Андрей Юрьевич (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, Поисковое объединение «Миусфронт», г. Ростов-на-Дону)

Курбат Татьяна Георгиевна (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Ларинцев Роман Иванович (Производственное объединение «Северное машиностроительное предприятие», г. Северодвинск)

Левендорская Людмила Валентиновна (Центр документации новейшей истории Ростовской области, г. Ростов-на-Дону)

Линец Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор (Пятигорский государственный лингвистический университет, г. Пятигорск)

Лохова Татьяна Владимировна – кандидат исторических наук, доцент (Новороссийский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Новороссийск)

Магомаев Ваха Хасаханович – доктор исторических наук, профессор (Академия наук Чеченской республики, г. Грозный)

Макарова Надежда Николаевна – кандидат исторических наук, доцент (Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск)

Максимов Константин Николаевич – доктор исторических наук, профессор (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, г. Элиста)

Мартынова Светлана Викторовна (Южный федеральный университет; Ростовский областной музей краеведения, г. Ростов-на-Дону)

Матишов Геннадий Григорьевич – академик (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Медведев Максим Валерьевич (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Мерзляков Михаил Петрович (Раздорский этнографический музей-заповедник, ст. Раздорская)

Моисеев Евгений Васильевич – несовершеннолетний узник фашизма (г. Ростов-на-Дону)

Мордвинов Сергей Валерьевич – кандидат исторических наук (Историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва», г. Волгоград)

Невежин Владимир Александрович – доктор исторических наук (Институт российской истории РАН, г. Москва)

Новиков Игорь Александрович – кандидат исторических наук, доцент (Челябинский государственный педагогический университет, г. Челябинск)

Омельянюк Инна Олеговна (Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области, г. Таганрог)

Орлов Игорь Борисович – доктор исторических наук, профессор (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва)

Очиров Уташ Борисович – доктор исторических наук (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, г. Элиста)

Панарин Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор (Армавирская государственная педагогическая академия, г. Армавир)

Панарина Елена Владимировна – доктор исторических наук, доцент (Армавирская государственная педагогическая академия, г. Армавир)

Панфилова Юлия Сергеевна – аспирант (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)

Петрова Нина Константиновна – доктор исторических наук (Институт российской истории РАН, г. Москва)

Потемкина Марина Николаевна – доктор исторических наук, профессор (Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск)

Ракша Владимир Николаевич (Ростовская еврейская религиозная община, г. Ростов-на-Дону)

Редькина Ольга Юрьевна – доктор исторических наук, профессор (Волгоградский государственный университет, г. Волгоград)

Рудик Юрий Васильевич (Ростовское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Российское кадетское братство», г. Ростов-на-Дону)

Самарина Елена Михайловна – независимый исследователь (г. Дзержинск)

Санеев Сергей Александрович (Новороссийское городское историческое общество, г. Новороссийск)

Санин Дмитрий Николаевич (Егорлыкский историко-краеведческий музей, ст. Егорлыкская)

Свистунова Екатерина Андреевна (средняя общеобразовательная школа № 32 им. «Молодой гвардии», г. Ростов-на-Дону)

Семенов Василий Станиславович – кандидат политических наук (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Семенова Ольга Валерьевна – кандидат философских наук (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Сенявская Елена Спартаковна – доктор исторических наук, профессор (Институт российской истории РАН, г. Москва)

Сенявский Александр Спартакович – доктор исторических наук (Институт российской истории РАН, г. Москва)

Сивков Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент (Южный институт менеджмента, г. Краснодар)

Сидоров Сергей Григорьевич – доктор исторических наук, профессор (Волгоградский государственный университет, г. Волгоград)

Скворцова Ирина Валерьевна – кандидат исторических наук (Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар)

Скорик Александр Павлович – доктор исторических наук, профессор (Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск)

Стасюк Александр Павлович (Ростовский городской клуб молодежи и ветеранов «Патриот», г. Ростов-на-Дону)

Степанова Татьяна Сергеевна (Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Таганрог)

Степаньян Олег Владимирович – кандидат биологических наук (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Столбовская Ольга Ивановна (Матвеево-Курганская средняя общеобразовательная школа № 1, пос. Матвеев Курган)

Судавцов Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

Судоргин Николай Геннадьевич – кандидат химических наук (Региональная общественная организация по сохранению историко-культурного наследия ВООПИиК, г. Ростов-на-Дону)

Табунщикова Людмила Викторовна – кандидат исторических наук, доцент (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)

Таскаев Михаил Владимирович – кандидат исторических наук (Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар)

Татаринов Игорь Евгеньевич – кандидат исторических наук (Луганский институт Межрегиональной академии управления персоналом, г. Луганск)

Терушкин Леонид Абрамович (Российский научно-просветительный центр «Холокост», г. Москва)

Тетуев Алим Инзрелович – доктор исторических наук (Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, г. Нальчик)

Титаренко Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук (Донецкий юридический институт, г. Кривой Рог)

Ткаченко Сергей Николаевич – кандидат исторических наук (Таврический центр военной истории, г. Феодосия)

Третьякова Анна Юрьевна – аспирант (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)

Трут Владимир Петрович – доктор исторических наук, профессор (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)

Тюменцев Игорь Олегович – доктор исторических наук, профессор (Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград)

Ушаков Виктор Борисович (Ростовский областной музей краеведения, г. Ростов-на-Дону)

Хатуев Ислам Заутдинович – кандидат исторических наук (Чеченский государственный университет, г. Грозный)

Хлынина Татьяна Павловна – доктор исторических наук (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Черкасов Александр Арвелодович – доктор исторических наук, доцент (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, г. Сочи)

Чумаченко Геннадий Семенович (Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, г. Москва)

Чуцков Виктор Иванович (Росвоенцентр при Правительстве Российской Федерации по патриотическому воспитанию граждан в Ростовской области, Ростовский духовно-патриотический центр, г. Ростов-на-Дону)

Шадрина Алла Валерьевна – кандидат исторических наук (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Шпагин Сергей Алексеевич (гимназия «Ор Авнер – Свет знаний», Российский научно-просветительный центр «Холокост», г. Ростов-на-Дону)

Щербанов Владимир Кириллович (Ростовское региональное отделение Общероссийского общественного движения «Поисковое движение России», Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)

Януш Сергей Владимирович – доктор исторических наук, профессор (Ставропольский государственный аграрный университет, г. Ставрополь)

Научное издание

ЗНАЧЕНИЕ СРАЖЕНИЙ 1941–1943 гг. НА ЮГЕ РОССИИ В ПОБЕДЕ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Материалы Всероссийской научной конференции
Ростов-на-Дону, 3–6 июня 2015 г.

Редактор *Е.Ф. Кринко*
Технический редактор *А.В. Стахеева*
Перевод *О.А. Гром, Р.Г. Михалюк*
Оригинал-макет *Н.А. Власкина*
Дизайн обложки *М.А. Болдырев*

Подписано в печать 18.05.2015
Формат 70×100/16. Бумага офсетная
Печать цифровая
Усл. печ. л. 44,53. Тираж 200 экз.

Издательство ЮНЦ РАН
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Тел.: (863) 250-98-21

Отпечатано в типографии DSM Group

ИП Лункина Н.В. Св-во № 002418081
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Седова, 9
Тел.: (863) 263-57-66, e-mail: dsmgroup@mail.ru